

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ШЕКЛИ

Такие разные миры

В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ ШЕКЛИ — ПЕРВЕЙШИЙ ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ.

КИНГСЛИ ЭМИС

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

Книги Роберта Шекли

В темном-темном космосе

Лавка старинных диковин

Координаты чудес

Обмен разумов

Корпорация «Бессмертие»

Абсолютное оружие

Такие разные миры

РОБЕРТ ШЕКЛИ

Такие разные
миры

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445
Ш 40

Robert Sheckley
SHORT STORIES
Copyright © 2015 by Robert Sheckley
All rights reserved

Публикуется с разрешения автора
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

Составитель Александр Жикаренцев

Перевод с английского
Ирины Гуровой, Игоря Дернова-Пигарева, Беллы Жужунава,
Евгения Еремченко, Дарьи Кальницкой, Елены Кисленковой,
Илоны Русаковой, Александры Сагаловой, Алексея Смирнова,
Татьяны Усовой

Оформление Сергея Шикина

Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

- © И. Гурова (наследник), перевод, 2015
- © И. Дернов-Пигарев, перевод, 2015
- © Б. Жужунава (наследники), перевод, 2015
- © Е. Еремченко, перевод, 2015
- © Д. Кальницкая, перевод, 2015
- © Е. Кисленкова, перевод, 2015
- © И. Русакова, перевод, 2015
- © А. Сагалова, перевод, 2015
- © А. Смирнов, перевод, 2015
- © Т. Усова, перевод, 2015
- © В. Еклерис, иллюстрация, 2015
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2015
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-08764-4

В 1988 году Дэвид Дрейк и Билл Фосетт опубликовали антологию «Флот», положив начало межавторскому циклу «Боевой Флот». Всего они издали восемь сборников. Рассказы для первого из них были предоставлены известнейшими фантастами — в их числе Джон Браннер, Пол Андерсон и Роберт Шекли.

Осваивая Галактику, человечество вступило в противостояние с расой халиан, свирепых хищников, чья культура не имеет никакого сходства с земной. Они не знают страха в бою и не любят брать пленных; тот, кто сдается, может рассчитывать в лучшем случае на пожизненное рабство на далекой чужой планете. Армады инопланетян наступают, и спасение родных миров зависит только от боевой мощи Флота — и от доблести мужчин и женщин, которые несут службу на его кораблях.

КЛАКСОН

Седьмого генерия 932 года по местному стилю вскоре после полудня загремели набатные колокола на башне ратуши. Когда прошла десятая секунда, а они не смолкли, мы поняли, что это не профилактическая проверка. Значит, радарная сеть обнаружила вторгнувшийся в нашу стратосферу космолет, и не сомневаюсь, что в городе подумали одно и то же: халианские налетчики явились вновь после почти двадцатисемилетнего перерыва.

Все мы прошли тщательную подготовку на этот случай. Нам надлежало спокойно, без паники проследовать к ближайшему входу в подземный оборонительный комплекс. Естественно, под землей обороняться довольно сложно. Однако выбора у нас не было. Разве что остаться на поверхности, где нас либо перебьют, либо заберут в рабство халиане — эти мохнатые дьяволы, трижды вторгавшиеся на нашу планету за последние семьдесят три года.

По Хартии нам воспрещается иметь всепланетную оборонительную систему или сторожевые космолеты. Мы отказались от этого права сотни лет тому назад, ко-

гда вступили в Альянс. Теперь нам оставалось возлагать надежды на Великий Флот, защищающий большинство человеческих планет, а также союзных от вторжения халиан и других враждебных рас. Попытки защищаться самим были бы бесполезными: Тринит — небольшой мир, общее население которого не достигает и пяти миллионов. И всего один город, достойный называться городом, — Панадор, где я родилась. И все-таки нас злило, что мы были вынуждены отказаться от элементарного права на самозащиту.

Флот не оставлял нас вниманием, но он был рассредоточен уж не знаю на скольких миллионах миль космического пространства. Защищать требовалось свыше трехсот густонаселенных планет, и естественно, что кое-какие периодически оказывались вне поля его зрения. И столь же естественно, что среди последних оказывались миры вроде Тринита-5, с малочисленным населением, в отдалении от планет, на которых обитала подавляющая часть человечества.

Наш подземный оборонительный комплекс представлял собой систему естественных пещер и тоннелей, расположенных под Панадором, которую мы расширяли из века в век. Обычно халиане предпочитали не гоняться за нами под землей. Их интересовали наши продовольственные запасы и иное наиболее ценное имущество. В пещеры они спускались лишь в том случае, когда целью налета были невольники. Порой во мраке завязывались отчаянные бои — в тесноте подземных переходов наши средства защиты оказывались почти такими же действенными, как оружие халиан.

Тоннели были прекрасно подготовлены для обороны. В них размещались небольшие склады оружия, боеприпасов, продовольствия, цистерн с водой и запасной одежды. Я научилась пользоваться лазерным пистолетом малого радиуса действия, а также различными гранатами, которые были разрешены нам для самозащиты. Хотя я была девушкой, которой в этом месяце исполнилось восемнадцать, стреляла я неплохо. Конечно, нас постиг-

ла страшная беда, но я невольно испытывала радостное возбуждение — ведь и девушкам дозволено мечтать о подвигах. Сколько раз я с упоением представляла себе, как защищаю родителей, сжимая в руках изрыгающие пламя лазерные пистолеты!

Времени бежать домой за родителями не было. Инструкции требовали, чтобы мы направлялись к ближайшим входам в подземные убежища, едва раздастся сигнал тревоги. Вот я и вошла в спусковую шахту около театра Тиджинс. Если бы я хоть немножко подумала, то потратила бы пару лишних минут и добралась до какого-нибудь входа поближе к моему дому, так как неплохо знала тамошние тоннели. Едва поступив в школу, мы ознакомились с тоннелями под нашим кварталом, вплоть до тех мест, где они соединялись с главными тоннелями. Запомнить весь план оборонительной системы, все повороты и перекрестки не смог бы никто, ведь она все время расширялась, не говоря уже о тупиках и лабиринтах, в которых должны были заблудиться враги.

Сначала ступеньки винтовой лестницы, уводившей все глубже и глубже в сумрак. Тусклые лампочки на стенах давали ровно столько света, сколько требовалось, чтобы возникали огромные тени, очень меня пугавшие.

Первый перекресток сомнений не вызывал, в городе существовало нерушимое правило: каким бы входом ты ни воспользовался, на первых трех перекрестках поворачивай направо. А потом я руководствовалась царапинами на стене, оставленными прокладчиками для указания правильных поворотов.

В полутьме я чувствовала себя там как-то непривычно, хотя спускалась в тоннели много раз и до этого. В школе устраивались учебные тревоги, и нас отправляли вниз, в оборонный комплекс. За третьим поворотом я замедлила шаги, решив, что пора вооружиться. По торчащему камню определенной формы я нашла оружейный склад и нажала на камень. Дверца послушно открылась, и я взяла лазерный пистолет.

Вскоре новейшие тоннели остались позади, и я вошла в систему старых пещер. Мне становилось все бес-

покойнее, так как я пока никого не встретила и не нагнала. Сколько я наслушалась историй о детях и даже взрослых, которые, повернув неправильно, не сумели найти выхода из пещер! Поговаривали, что тут бродят призраки детей, так и не выбравшихся на свет: они скользят тенями и заманивают тебя все глубже и глубже в недра планеты, где пылает лава и клубятся серные пары.

Через некоторое время я остановилась передохнуть. У меня заныли ноги, так часто я спотыкалась о неровности пола. Я была уже где-то под Панадором, хотя и не знала точно, как глубоко. Но я продолжала спускаться, а лампочек становилось все меньше, причем многие перегорели и не были заменены. Меня все больше мучила мысль, что я напутала с поворотами и не сумею найти дороги обратно. Я шла все медленнее и наконец села, чтобы дать отдых ногам. Здравый смысл подсказывал, что я ушла достаточно далеко. Вряд ли халиане доберутся сюда. Они всегда торопились забрать, что можно, и улететь прежде, чем будет организовано сопротивление.

И я уже поздравила себя с тем, что благополучно избежала опасности, как вдруг раздались тяжелые шаги. У меня оборвалось сердце. Конечно, это мог быть кто-то из горожан, но мне почему-то не верилось. В этих звуках чудилось что-то грозное, что-то военное. Я поняла, что пропала. И вскочила, чтобы убежать, но тут передо мной вдруг возникла гигантская фигура в тяжелом обмундировании, которое в сумраке выглядело серым. Широкое лицо, густые усищи, а в могучем кулаке зажато какое-то лучевое оружие.

Он что-то сказал мне, но я ничего не поняла, прицелилась в него из лазерного пистолета и попятилась. Тут же споткнулась о камень и распростерлась бы на полу, если бы он не подхватил меня, одновременно вырвав пистолет.

— Меня ты в рабство не обратишь! — закричала я. — Скорей я умру!

— А зачем, мисс? — сказал он. — Разве вы не видите, кто я?

Тут я посмотрела на него — то есть по-настоящему посмотрела — и увидела эмблему Альянса на фуражке и мундире.

— Так вы с Флота! — ахнула я.

— Конечно, — сказал он. — А за кого вы меня приняли?

— Думала, вы халианин, — ответила я, чувствуя себя ужасно глупо.

— Но халиане же пятифутовые коротышки и покрыты мехом!

— Знаю. Но я немножко потеряла голову. А вы правда с Флота?

— К вашим услугам, мисс. Передовой десант с крейсера «Баклан», командер Шотуэлл.

— «Баклан»?! Флагман адмирала Эсплендадоре! — воскликнула я.

— О, да вы о нас слышали! — сказал он довольным голосом.

— Проходили по истории. Я думала, адмирал Эсплендадоре давно скончался — он же такой знаменитый! Или совсем старый.

— Наверное, маленькой девочке вроде вас все, кто старше двадцати, кажутся очень старыми.

— Мне восемнадцать, — сказала я сухо. — И почему вы не сообщили о своем прибытии, вместо того чтобы свалиться с неба, точно халианские налетчики?

— Надо было сохранить радиомолчание, — сказал Шотуэлл. — Вот наш отряд и отправили вперед, предупредить местных жителей, чтобы не паниковали.

— Только вы вроде не успели вовремя, — сказала я, боюсь, не без ехидства. — Ну а теперь что? Будем болтать тут в темноте, пока на нас кто-нибудь не натолкнется?

Он засмеялся:

— Ничего лучше я не пожелал бы, мисс. Приятно убедиться, что и на Трините есть милые девушки. Нас предупредили, что планета населена пигмеями, причем в больших бородавках.

Я было снова озлилась, но тут разглядела в полусвете, что он расплылся до ушей. Вообще-то, он выглядел очень даже симпатичным, когда не пугал ни о чем не подозревающих людей. На ремешке часов у него был прицеплен возвратник, и он взялся вывести меня на поверхность, чему я, честно говоря, обрадовалась: меня грызли сомнения, точно ли я запомнила все повороты.

По дороге я узнала, что его зовут Милас, что он пилотировал маленький одноместный космолет, выполняя особые задания, и дважды участвовал в боях с халианами. Его родная планета — Астрахань-2, ему двадцать три года, и он холост.

Только рано утром на следующий день боевой корабль завис в двух тысячах футов над нашим городом, установил радиосвязь и довольно резко запросил координаты места, пригодного для посадки. Это было замечательное зрелище — огромный серебристый космолет величественно появляется из облачного покрова и наконец приземляется в центре Полтрайерского парка, обширной территории вблизи города, отведенной для отдыха и развлечений. Приземлился он с легкостью пушинки — большое перо в шляпу его пилота.

Длина типового крейсера Флота равна восьмистам футам, грузоподъемность составляет тридцать тысяч тонн, а полный комплект экипажа — четыреста человек. Это я выучила еще в начальной школе. А еще я знала, что впервые за всю историю нашей планеты ее навесит корабль таких размеров. У меня возникло ощущение, что затевается нечто колоссальное. И я радовалась, потому что всегда хотела жить в интересное время.

На торжественную встречу собрались все сколько-нибудь видные деятели Панадора, облаченные в парадную форму. Теперь вблизи от корабля мы увидели, что его обшивка была промята и опалена, а затем выправлена и очищена, так что выглядела почти как новая. Самые осведомленные из нас узнали боевую эмблему адмирала Эсплендадоре — Небесного Малютки, как его прозвали, одного из знаменитейших боевых адмиралов, упомянутых в наших учебниках по истории.

Затем, когда они протомили нас в ожидании, сколько им казалось нужным, в борту раздвинулись высокие двери и на землю опустилась лестница, устланная голубым ковром. По ней промаршировал корабельный оркестр в великолепной бирюзово-алой форме, с высокими черными киверами на головах. За ними последовал почетный караул — сотня до зубов вооруженных десантников, затем процессия офицеров и в заключение сам Эсплендадоре в сверкающем серебряном мундире, украшенном экзотическими радужными перьями и стеклянрусом. Варварское великолепие, но, разумеется, это были посланцы великой цивилизации.

Используя динамики корабля, далеко превосходившие мощностью все, что имелось на нашей планете, Эсплендадоре сказал:

— Добрые люди Тринита, простите, что мы явились без предупреждения. Мы не хотели встревожить вас, но сочли необходимым обойтись без радиосвязи. Ведь шпионы повсюду!

Голос у Эсплендадоре оказался сочным, чванным и самодовольным и сразу мне очень не понравился. Может, он и великий адмирал, подумала я, но самовлюбленный индюк. Однако говорил он очень интересные вещи, и я слушала во все уши.

— Шесть месяцев назад, — продолжал Эсплендадоре, — разведчики Флота обнаружили планету на дальнем расстоянии от исследованного пространства. Небольшую, с кислородной атмосферой и необитаемую. Маленький шарик с весьма скудными природными ресурсами.

Однако планета эта, обращающаяся вокруг красного карлика, обладает одной особенностью, весьма важной для нас. Она находится близко к звездной системе, являющейся источником большинства халианских налетов.

Вот почему эта пустынная планета, названная Клаксон, представляет для нас первостепенный интерес как место для базы, откуда мы могли бы организовать решающее наступление на халиан. Наши инженеры вычислили, что мы менее чем за год, если приложим все усилия,

можем построить там первоклассную базу. Она необходима для запланированной программы передислокации. Клаксон будет важнейшим фактором в подготовке внезапного и, как мы надеемся, сокрушительного удара по халианам.

Мы заглянули сюда, как заглядывали и на другие планеты, чтобы предложить добровольцам отправиться с нами на Клаксон и помочь со строительством новой базы. Профессии требуются самые разные. Мы заключаем стандартный контракт на год, согласно которому работа будет оплачиваться по ставкам Трудовой гильдии Земли. А если вы решите остаться после первого года, то получите постоянное место в отделе гражданских служащих Флота с обеспечением пенсий, медицинского обслуживания и оплачиваемых отпусков.

Не вижу необходимости объяснять, какая это неповторимая возможность для некоторых из вас. Вы провинциалы и живете вдали от Первых Тринадцати. При обычных обстоятельствах мало кому из вас представится случай покинуть родную планету. Мы предлагаем возможность не только получать высокую плату за труд во благо человечества, но и шанс расширить свои горизонты, путешествуя по Галактике.

Мои подчиненные откроют вербовочные пункты вокруг этого парка. Если хотите предложить свои услуги, надо будет предъявить две справки: одну из полиции — о том, что вы не находитесь под следствием, и еще из налогового управления об уплате текущих налогов. Для представителей особенно необходимых профессий Флот может снять некоторые свои требования.

Наш корабль отправится в путь ровно через трое местных суток. Те из вас, кого примут, будьте, пожалуйста, готовы собраться здесь на третий день для посадки.

Добрые люди, благодарю вас за внимание.

Адмирал не договорил, а я уже пробиравлась сквозь толпу, чтобы побыстрее оказаться дома и заручиться разрешением родителей. По закону, я в нем не нуждалась, но знала, что им будет приятно, а мне, возможно, не

представится больше случая порадовать их: ведь я намеревалась завербоваться на Флот и отправиться на дальние планеты.

Мой отец принял мои слова со всей доброжелательностью. Он сам всегда мечтал стать космическим торговцем, но грузовые рейсы в нашем секторе полностью прекратились из-за отсутствия выгодных рынков сбыта. Он был невысок, с оливково-темной кожей, как я; и еще я унаследовала его глянцевитые черные волосы, мелкие черты лица и быстрые движения. Мама была блондинкой, невысокой, очень доброй и заботливой. Не думаю, что я хоть что-нибудь унаследовала от нее, кроме сомнительного семейного дара провидения. И именно на него она сослалась, когда попыталась меня отговорить.

— Леа, милочка, ты ведь понимаешь, что дар провидения делает тебя более уязвимой, чем многих других. Аура этой новой планеты, возможно, не будет гармонизировать с твоей.

— Да ну, мама! — сказала я совсем по-детски, но так уж она на меня действовала.

— Но конечно, решать тебе, милочка.

— Со мной все будет хорошо, — успокоила я ее. — Провижу я ведь редко. И вообще, дар провидения не страшнее головной боли и исчезает через несколько часов. А может, благодаря ему я окажусь пригоднее для подобной работы, чем те, кто не способен заглянуть вперед.

Ощущение надвигающейся опасности для меня не диковина. Я никогда не знаю точно, в чем эта опасность, а только чувствую: что-то не так и, похоже, быть беде.

— И вообще, доктор Боксон сказал, что с возрастом оно исчезнет. А я очень хочу улететь. Можно?

Они переглянулись, потом улыбнулись, и мы обнялись все трое. Любить тебя, когда ты их покидаешь, способны только по-настоящему хорошие родители.

Я помчалась назад в Полтрайерский парк. У вербовочных пунктов уже выстроились порядочные очереди. Я поискала взглядом Миласа Шотуэлла, но не увидела

его. В конце концов я нашла очередь покороче, встала в нее и скоро оказалась перед вербовщиком.

— Что же, мисс, — сказал дюжий мужчина в великолепно сидящей темно-зеленой форме с пуговицами из нержавеющей стали, просмотрев мои документы, — вроде вы слишком молоды, чтобы успеть натворить дел?

— Но не слишком молода, чтобы работать для Флота, — сказала я. — Конечно, настоящей квалификации у меня нет, но я умею печатать и вводить данные в компьютер, а в школе успевала по всем предметам.

— Нас интересует не столько квалификация, сколько способности и склонности, — сообщил он. — Ну-ка положите ладонь вот сюда. Маленькая проверка вашего интеллекта.

Он указал на небольшой черный прибор, мигающий красными лампочками на столе. Ладонь мне следовало положить на сверкающую серебряную пластину. Я положила.

— Странноватая проверка интеллектуальных способностей, — заметила я. — И никаких вопросов.

Он усмехнулся:

— Мы не стараемся установить, чему вы научились в школе, мисс, и как хорошо умеете отвечать домашние задания. Эта машинка определяет ваш нервный потенциал. Вот, поглядите на экран...

Я поглядела и увидела быстро изменяющуюся паутину из тесно расположенных нитей.

— Это аналог нервной деятельности, — объяснил вербовщик, — показывает физические возможности вашего интеллекта. Чем уже промежутки между линиями, тем полнее способность удерживать в сознании сложные умственные построения.

— Ну и чего я стою?

Он опять развеселился:

— У вас отличный интеллект, мисс. Мы рады взять вас. Я еще не знаю, чем вы будете заниматься, но в любом случае чем-нибудь получше мытья посуды. — Он снова заглянул в мои документы. — Как вижу, у вас положительная оценка по шкале пси-способностей.

— А, да! — сказала я. — Дома у меня это называют даром провидения, но честное слово, он ничему не мешает.

— Я и не имел в виду ничего такого! Пси-способности входят в число тех, которые интересуют Флот. В отделе связи уже работает немало экстрасенсов. Распишитесь вот тут и тут. А здесь и здесь поставьте ваши инициалы. Это стандартный контракт, распишитесь внизу. А это присяга в верности Флоту. Пожалуйста, подпишите вот тут.

Он убрал бумаги и торжественно пожал мне руку.

— Добро пожаловать на борт, — сказал он. — Теперь вы член гражданского персонала Флота. А сейчас отправляйтесь прощаться. Мы взлетаем ровно через двое с половиной суток, в двадцать четыре ноль-ноль.

Я воображала, что увижу, как стартует флагманский крейсер Флота, и буду смотреть, как Тринит становится все меньше и меньше позади нас. Какое простодушие! Нет, взлет мы видели — на экранах мониторов под потолком, лежа на кушетках, смягчающих эффект ускорения.

Все равно зрелище было великолепным, телевизионным помехам вопреки. Мы смотрели, как Тринит съезжается в горошинку на светящихся экранах, затем превращается в яркую точку и исчезает совсем. Потом адмирал Эсплендадоре отдал распоряжение, чтобы мы приготовились: он включает гиперсвет. Рада сказать, что меня даже не затошнило. В отличие от большинства новичков, узнавших на опыте, что такое сверхсветовая скорость. Наши экраны померкли, едва мы ее достигли.

Однако у меня не было времени дивиться происходящему. Динамики объявили о начале подготовки для первой группы новобранцев. А затем начались лекции, тестирование и собеседования, длившиеся шесть стандартных суток.

Завербованные мужчины были в большинстве распределены по разным строительным бригадам. Флот давно набил руку в обращении со своим персоналом, и нам

старались подобрать работу, наиболее отвечающую нашим вкусам и способностям. Нашу планету крейсер посетил одной из первых, и потому работы было больше, чем людей для ее выполнения. И каким бы странным это ни показалось, между руководителями отделов и секций даже шло настоящее соревнование, кому удастся заинтересовать больше новобранцев своими специальностями.

Конечно, флотское начальство могло бы сразу улаживать такие споры, поскольку у каждой работы имелось свое место в графе приоритетности, однако его устраивали и проявления личной инициативы в среднем руководящем звене. В конце концов, мы сражались и за это, и нам, новобранцам, предоставляли некоторую свободу в выборе наиболее интересного рода службы.

Было и еще одно соображение: выбор службы предопределял, как сложится наша карьера на Флоте, если мы решим остаться после истечения срока годового контракта. Некоторые службы Флот считал важнее других.

В первый раз я увидела Аллана Бантри на торжественном вечере в честь нового персонала. Обстановка была парадной, и всем полагалось одеться как можно лучше. Ведь тут ты ближе знакомишься с людьми, которые будут жить на одной с тобой станции, с людьми, которые будут твоими товарищами в сражениях с халианами. Ну и конечно, хочется произвести наилучшее впечатление. Аллан Бантри решил по этому случаю облачиться в свой тарг.

Мягко выражаясь, он сразу бросался в глаза.

— Кто это? — спросила я у Миласа Шотуэлла.

— Наш новый инопсихолог. Доктор Аллан Бантри.

— А что это на нем?

— Тарг. Там, откуда он, такой костюм считается парадным.

Как я узнала, тарги носят мужской пол двадцати двух человеческих планет с общим населением в шестьдесят три миллиарда, причем каждый индивид является прямым потомком нашего древнейшего пращура Адама Ра-

зумного. Но население это обитает в отдалении от Земли, тогда как две сотни планет в наших окрестностях придерживаются земной моды, с ее тяготением к элегантной, мужественной и суровой внешности, которую может обеспечить только военная форма. А тарг в первую очередь широк и просторен, с огромными карманами, рассчитанными на то, что носят с собой мужчины, от набора карандашей до свертка с бутербродами включительно. Тарг даже самому суровому и закаленному мужчине придает сходство с раскормленным кроликом. И в любом случае он полностью лишен элегантности, которую некоторые люди, а особенно профессиональные военные вроде адмирала Эсплендадоре, считают обязательной для мужчин.

— Но если это у них сходит за парадный костюм, — заметил Шотуэлл, — не хотел бы я видеть, что они надевают, чтобы сбежать в супермаркет. — И он громко захохотал, упиваясь своей довольно глупой шуткой.

Среди специалистов в различных науках, услугами которых пользуется Флот, значится и специалист по инопланетной психологии. Должность эту неизменно занимает штатский, поскольку многие среди высшего руководства Флота не признают, что у инопланетян вообще бывает психология. Наука эта на Флоте уважением не пользуется, а потому я решила держаться от нее подальше еще до того, как Аллан Бантри пригласил меня на собеседование.

Он был очень высоким и худым, а также выглядел слишком молодым, чтобы его титуловали «доктором». Потом я узнала, что ему двадцать семь. В восемнадцать лет такой возраст кажется почтенным. А докторскую степень он получил в Лунном университете за три года до нашего знакомства.

На этот раз он надел мешковатый костюм, какие университетские ученые носят в Галактике повсюду. Он обладал обескураживающим свойством: то был весь внимание, то абсолютно рассеян, причем почти без перехода.

Мне он сразу понравился, потому что, на мой взгляд, принадлежал к тем людям, которые думают о том, что хотят сделать, а не о том, как они выглядят и что о них думают другие.

Доктор Бантри рассказал мне кое-что о своей специальности. Инопсихолог, как указывает само слово, — это специалист по психологии инопланетных рас. В Альянсе их не так уж мало. У некоторых наших союзников в предках числятся пресмыкающиеся, другие ведут происхождение от птиц.

Из объяснений доктора Бантри (или Аллана, как я скоро начала его называть) следовало, что инопсихолог — должность очень важная, так как именно он первым нащупывает связь с расами, не похожими на нашу. До сих пор в военном отношении эти расы особого значения не имели, а потому флотское начальство ставило своих инопсихологов в один ряд с офицерами, отвечающими за соблюдение этикета. Но мне все это показалось очень интересным, и под конец нашей беседы я сказала доктору Бантри, что обязательно обдумаю предложение пойти к нему в помощницы.

Я прошла еще несколько собеседований, а затем внезапно наш полет завершился. Динамики объявили:

— Персоналу подготовиться к переходу от сверхсветовой скорости к нормальной.

Затем раздался голос Эсплендадоре:

— Слушайте, ребята: мы прибываем к месту назначения. Укладывайтесь на свои койки и не спускайте глаз с экранов. Они покажут ваш новый дом — планету Клаксон.

Из гиперсвета мы вышли без происшествий. Мой взгляд был приклеен к экрану. Вот на нем появилась светящаяся точка. Она быстро увеличивалась, и я впервые увидела Клаксон.

Откровенно говоря, особого впечатления он на меня не произвел. Из космоса он выглядел шаром, в котором преобладали оранжевые, желтые и коричневые тона. Когда мы начали спуск, поверхность планеты скрывали от

нас серо-желтые облака. Едва они остались наверху, мы увидели горы, пустыни и огромную безжизненную равнину, которая в незапамятные времена, возможно, была морским дном. Затем снова горы и угрюмое холмистое нагорье.

Мы прошли еще один облачный слой, и внизу показалась широкая зеленая долина, окруженная бесплодными горными хребтами. Она, как я узнала, была единственной плодородной местностью в этом полушарии: одна-единственная долина около ста миль протяженностью, шириной самое большее двадцать пять миль.

Тут и предполагалось построить новую базу. Долина была обозначена как АТ334Л, но флотские окрестили ее Ксанаду.

Когда мы приблизились к поверхности, меня вдруг охватил необъяснимый страх. Взбрыкнуло мое провидение. Словно я получила моментальный мысленный снимок планеты Клаксон, и он вызвал ощущение враждебности, боли и возмущения. Жуткое, непонятное ощущение, которое я не могла объяснить.

Но кое-как избавилась от него, когда двери космолета открылись.

Наш лагерь беспорядочно расположился на нескольких акрах каменистой земли у самого начала зеленой долины Ксанаду. Собственно, это был какой-то известняк грязно-белого цвета, поблескивающий вкраплениями слюды. Кое-где виднелись рыжие пятна — выходы железной руды, объяснил мне кто-то. Дальше расстилалась очаровательная долина, угнездившись между двумя отрогами лысых гор. Зелень Ксанаду была сочнее и ярче той, к какой я привыкла на родной планете, и казалось, будто вся жизненная сила этого мира сконцентрировалась в единственной маленькой долине с невысокими покатыми холмами, между которыми струилась речка.

Как я слышала, первыми были построены жилые помещения для командного состава и офицерская столовая. Флот откровенно поддерживал старинную традицию привилегированности высших чинов. Ступенькой ниже

на иерархической лестнице стояла связь. На Клаксоне построили небольшую передаточную станцию, но использовалась главным образом мощная аппаратура «Баклана».

Сразу же после высадки нас расселили. Я получила просторную жилую комнату с маленькой кухней. Большое окно смотрело на зеленую долину.

Одна из главных проблем, которые приходилось решать Флоту, была связана с клаустрофобическими ощущениями, возникавшими у персонала после долгих недель и месяцев пребывания в космосе. А потому в целях простейшей психологической гигиены Флот стремился сделать жилые помещения на базах просторными и удобными. В конце концов, особой разницы не составляло строить по-крупному или экономя на жилой площади.

Мебель тоже была приятной — датский модерн, один из самых милых старинных стилей, а на стенах висели копии знаменитых картин. К сожалению, меблировка во всех квартирах была идентичной. Но у меня впервые было собственное жилище, и оно сразу мне очень понравилось.

Флот, кроме того, попытался улучшить идею общих столовых. Мы могли питаться в любом из пяти ресторанов базы. Каждый отличался интерьером от остальных. «Гавайская деревня» Джо, «Китайский квартал» Эдди и мое любимое кафе «Гарриэт». Оно было очень похоже на кафе рядом с моей школой.

Естественно, меню во всех пяти полностью совпадало — Флот еще не дошел до того, чтобы обеспечивать разнообразие национальных блюд.

Экскаваторы и бульдозеры уже работали в долине Ксанаду, первые здания были почти закончены. Оставалось только застеклить окна.

Однако случилось так, что в первый наш вечер на планете начались всякие заминки и неполадки, которые превратили строительство базы на Клаксоне в сущий ад.

Работы продолжались, но дело не ладилось. Постоянно что-то случалось. Видимо, в расчеты вкрались ошибки, так как секции обрушивались одна за другой. Там,

где согласно геологическим изысканиям под почвой лежал гранит, порода оказывалась трухлявой, обнаруживались пустоты.

Две недели спустя первые здания были готовы для использования. Выглядели они как типичные административные корпуса-башни из бетона и алюминия высотой в четыреста футов. Перед самой церемонией их принятия командер Хансен, старший инженер, проверил фундамент. Он обнаружил легкое оседание с перекашиванием.

Хансен нахмурился. Он тщательнейшим образом проанализировал структурную целостность породы. И ничего подобного произойти не могло.

Он опустилсЯ в нижний подвал и обнаружил, что одна из свай провалилась в неизвестно откуда взявшуюся дыру. Баланс напряжений в здании был нарушен.

Хансен усталился на злополучную сваю. Этого не могло случиться, но это случилось. Теперь все чертово сооружение готово рухнуть.

Он кинулся к аварийному телефону. И вдруг услышал скрип. Здание оседало.

— Соедините меня с адмиралом! Немедленно! — крикнул он ответившему ординарцу. — Аварийная ситуация!

Эсплендаторе как раз вышел из-под душа. На кровати была разложена парадная форма. Через двадцать минут ему предстояло произнести речь, объявить здание принятым и поблагодарить всех за самоотверженную работу. С какой стати ему докучают мелочами? Тем не менее, согласно легендам, он всегда оказывался на месте в случае необходимости. Он вытерся и взял трубку.

— Сэр! Это Хансен. Со зданием неладно.

— Хансен, о чем вы говорите?!

— Одна из свай ушла вниз. Здание начинает оседать. Необходимо удалить из него всех людей.

У Эсплендаторе возникли сотни вопросов, но задавать их было некогда. Ударом кулака он включил сигнал общей тревоги, предписывающий всем немедленно оставить свои занятия и собраться у космолета. Самый быстрый способ увести их от опасного здания.

В подвале Хансен увидел больше, чем требовалось. Он метнулся к лифту. Всюду вокруг один громкий треск следовал за другим. Начали подаваться тяжелые сваи. Он едва успел запрыгнуть в лифт и нажать кнопку.

Но чуть лифт начал подниматься, как его озарила ослепительная вспышка: одна из несущих балок рухнула и оборвала электрические кабели.

Хансен открыл люк в потолке лифта и выбрался на крышу. В смутном свете аварийных ламп он разглядел в шахте лифта скобяную лестницу и полез по ней.

На поверхности толпа спешила покинуть площадку возле новых зданий, но те, кто находился в задних рядах, почувствовали содрогание земли под ногами, увидели, как ближайшая постройка изящно накренилась, будто кланяясь горам, и услышали скрежет и лязг рвущегося металла. Мгновение спустя здание рухнуло.

Хансен внизу почувствовал, что шахта лифта ходит ходуном. Секунда — и он выбрался наружу, а шахта под нажимом породы расплющилась, точно тубик, из которого выдавили всю зубную пасту. Еще бы чуть-чуть — и...

Эсплендадоре был выдающимся боевым адмиралом, но то время ушло в прошлое. Теперь он был отличным кабинетным адмиралом. Проходящие годы унесли лихость и пылкость его молодости. По мере того как в его волосах пробивалось все больше седины, он становился все более умеренным в своих решениях. После великой победы у Ахиллесовой звезды карьера Эсплендадоре пошла под уклон. Бесспорно, движение было медленным, практически незаметным, но все равно это было движение вниз. Последние несколько лет его направляли в спокойные секторы, где никаких встреч с противником не предполагалось. Он выразил неудовольствие. «Немного отдохните», — ответило высокое начальство, но он подзревал, что слова эти следовало истолковать так: «Дай кому-нибудь другому попробовать себя». Он предвидел, что его карьера и жизнь канут в благопристойный ма-разм. В отчаянии он нажал на все рычаги, пустил в ход все оставшееся влияние. Любой ценой он тщился вы-

рваться из арьергарда, куда его засунули. Он же боевой адмирал, а не снабженец в мундире!

В результате интриг, достойных двора средневековой Византии, Эсплендадоре умудрился получить под начало эту экспедицию на Клаксон, идея которой родилась в высших сферах Альянса... возможно, после того, как кто-то накурился чего-то забористого. Эсплендадоре несколько сомневался в здравости этого плана. Успех зависел от того, удастся ли сохранить тайну базы на Клаксо-не от халиан и внезапно нанести им один колоссальный сокрушительный удар, так чтобы они уже не оправились.

Ну, бесспорно, прекрасная мечта. Штатские были мастаки претворять такие мечты в планы, которые сулили ошеломляющие перемены при условии, что они будут осуществлены с помощью хитрости и с минимальными затратами стратегических ресурсов. Исподтишка, втайне — вот так политики представляли себе войну. Но каким образом халиане умудряются остаться в неведении, когда у них такая уйма шпионов и сторонников? Сколько времени ему потребуется для подготовки и нанесения удара? Месяц? Полгода? Заранее невозможно определить, какой срок у него в распоряжении. Совершенно очевидно, что шансы скрыть план от халиан тем выше, чем быстрее будет построена база.

Вот это-то Эсплендадоре и намеревался осуществить. Нанести один сокрушительный удар во имя человечества — один великий и, вероятно, последний удар в его жизни.

На следующий день я вышла на работу в продовольственный отдел службы снабжения Флота. Я узнала, насколько сложны процедуры, без которых невозможно накормить почти семь тысяч гражданских рабочих и неведомое число военнослужащих — по моим прикидкам, не меньше пяти тысяч, считая и несколько сотен космических десантников, которых мы видели редко, так как у них был собственный лагерь в нескольких милях от нашего. Короче говоря, около десяти тысяч человек, если не больше, требовалось насыщать трижды в день, обеспечивая некоторое разнообразие, несмотря на то что мы

жили на планете, где до нашего прибытия не росли никакие злаки или корнеплоды, съедобные для людей.

И вот утром моего первого рабочего дня я отправилась в долину по хорошо утрамбованной тропе, которая вела в подсобное хозяйство. Оно располагалось уже в самой долине и состояло из длинных низких строений со стеклянными крышами — теплиц, совсем таких, как на моей родной планете. В небольшом здании находилась энергетическая подстанция. Там уже велись эксперименты с почвой и гидропоникой. Руководил ими доктор Джон Эдвардсон, человек не первой молодости и женатый, и он показал мне свои владения.

Я с интересом услышала, что эта небольшая площадь, отведенная под сельское хозяйство, снабжает нас примерно двадцатью процентами продовольствия. Конечно, основу наших рационов по-прежнему составляли замороженные и сушеные продукты. Некоторые пролежали на складах космических станций очень долгие сроки. Наука снабдила нас средствами сохранять пищевые продукты чуть ли не вечность. И все равно было как-то не по себе при мысли, что бифштексу, который ты ешь, уже больше столетия. Впрочем, некоторые утверждали, что требуется именно этот срок, чтобы мясо, которое закупает Флот, стало помягче.

Я очень обрадовалась, увидев, сколько растений со Старой Земли так хорошо прижились в этой экзотической среде. Доктор Эдвардсон предупредил меня, что невозможно предугадать, как поведет себя представитель земной флоры, посаженный в инопланетную почву. Одни чувствовали себя отлично, другие чахли. Он показал, как буйно растут репа и брюссельская капуста. Признаюсь, это достижение заставило меня поморщиться.

— А местные виды? — спросила я. — Хватит ли места и для них, и для земных?

— Ну, — сказал доктор Эдвардсон, — это зависит от того, будут ли они спорить из-за одной экологической ниши. Но ведь война — это способ существования природы, бесконечное межвидовое и внутривидовое соперничество.

Было очень приятно увидеть земные растения — те же самые, которые мы с успехом культивируем на Трините. Из школьных учебников я почерпнула, что крейсера Флота всегда имеют на борту биологические пакеты с самыми полезными земными растениями. Доктор Эдвардсон подтвердил, что так оно и есть, и со смешком добавил, что с помощью наших родных растений мы, так сказать, ведем войну против всей иной флоры во Вселенной. Жутковатая мысль! Доктор сказал, что это своего рода биологический рок, неизбежная судьба. Только логично, добавил он, что мы, люди, и наши растения в конце концов будем либо уничтожены, либо станем нормой во всей Галактике. А после этого во всех галактиках, а потом и во всей Вселенной, содержащей эти галактики.

Я заметила, что это выставляет нас не в таком уж лестном свете: мы просто хищники какие-то.

Шли дни, и меня все больше завораживала борьба, которую наши растения вели с чужими для них растениями планеты Клаксон. Естественно, доктор Эдвардсон слегка помогал нашим — рассаду сажали в расчищенную почву, — однако он не пытался оградить их от всех трудностей.

— Этим растениям надо самим приспособиться и выжить, — объяснил он мне. — Мы же не будем постоянно рядом, чтобы обрабатывать их пестицидами.

Мои обязанности в основном сводились к тому, чтобы надписывать ярлычки и вешать их на молодые растеньица, а затем вносить данные в компьютер.

Я сознавала, что являюсь частицей чего-то огромного и удивительного: расширения пищевых ресурсов планеты Альянса. Но только моя роль в этом оказалась не слишком увлекательной. И я начала подумывать о докторе Аллане Бантри и его отделе инопланетной психологии.

Было проведено исчерпывающее расследование причин разрушения нового здания. Адмиралу Эсплендадоре хотя бы частичное объяснение требовалось незамедли-

тельно. Ему надо было на что-то опираться в своих дальнейших действиях.

Первые выводы не слишком устраивали человека, который искал простого и четкого ответа. Судя по всему, строительство велось правильно и в предварительных расчетах никаких ошибок не было. И катастрофу приписали какому-то сейсмическому явлению, предвосхитить которое с помощью существующей аппаратуры не представлялось возможным из-за его незначительности.

Эсплендадоре пожелал узнать, насколько вероятно повторение чего-либо подобного. Ученые в ответ только пожимали плечами. Собственно говоря, по их данным, оно вообще не должно было произойти.

Взвесив все это, Эсплендадоре прикинул, не замешан ли здесь саботаж. Как-то не верилось, что среди людей нашелся негодяй, способный продать существо, смахивающему на хорька, с громким верещащим голосом и отвратительной натурой. Однако всегда встречаются люди, которые ради наживы пойдут на что угодно. Даже продадут свою расу. Предательство заложено в самую суть человечества с изначальных времен. Считалось, что оно в определенных ситуациях помогает выжить, но это выглядело по-другому теперь, когда Флот до предела рассредоточил свои силы.

Наладить контакт с халианами было возможно через некоторые планеты, не вошедшие в Альянс. Эти инопланетяне подпадали под категорию разумных существ — во всяком случае, разумных с той точки зрения, что умели сотрудничать и держать обещания. Осведомителям платили хорошо. И не только золотом и платиной, — халиане забирали много художественных ценностей с планет, на которые нападали.

Люди и их союзники в Альянсе — триста с лишним планет, составлявшие цивилизацию, как мы ее понимаем, — были сплочены своим отвращением к халианам и решимостью противостоять вторжениям. Но между ними не замечалось такого же согласия в отношениях друг с другом. Точнее сказать, разнообразные планеты Аль-

яенса представляли собой полнейший хаос соглашений, особых группировок, союзов, организаций, выискивающих чужое слабое место, неизменно заботясь только о своих узких интересах. Во всяком случае, тут человечество не преодолело своей давней склонности к агрессивности и соперничеству.

Среди планет Альянса имелись и такие, которые считали, что Флот куда опаснее для их существования и свободы, чем халиане. Особенное возмущение вызывала потеря права оборонять свою планету с помощью собственных военных космолетов. Конечно, в этом был смысл: если бы каждая планета (при малочисленности населения на многих из них) занялась собственной обороной, это вылилось бы в дорогостоящее и ненужное дублирование. Безопасность всех планет обеспечивалась сильным Флотом, способным противостоять любой угрозе.

Это было очевидным, и почти все согласились. Но все равно было тяжело смотреть, как вооруженные люди распоряжаются на твоей планете, а у тебя нет права обзавестись собственными боевыми кораблями. Люди по-прежнему находились в тисках дилеммы: многие из них не чувствовали себя свободными, раз не могли иметь собственного флота, но если бы им обзавелись, то отказались бы от мира и безопасности.

Ввиду всяческого соперничества между разными планетами Альянса Эсплендадоре не исключал возможности, что некоторые из тех, кто финансировал его экспедицию, на самом деле желали бы, чтобы она потерпела неудачу. Ведь отнюдь не исключалось, что некоторые члены планетарного совета пытаются поспособствовать карьере адмирала из своего родного города. И кампания Альянса не раз саботировалась.

Эсплендадоре обсудил все это с главой своей службы безопасности. Тот согласился, что возможность саботажа представляется вполне вероятной, и клятвенно обещал полностью во всем разобраться.

Строительство новой базы буксовало. Число всяких накладок оказалось непомерным. Внезапно рухнули несколько зданий поменьше. Все нервничали.

Ничто не шло по графику. Эти задержки грозили экспедиции срывом. А Эсплендадоре получал все новые свидетельства того, что кто-то сознательно вредит строительству. Например, ценные инструменты были оставлены снаружи и их великолепно отполированные металлические части подверглись необъяснимой коррозии.

Леа увидела первый «провидческий» сон. Она собиралась в гости к своей двоюродной сестре Айрис. На самом деле у Леа не было двоюродной сестры Айрис, но во сне была. И находилась она в каком-то странном месте, но во сне оно казалось именно таким, каким и должно было быть.

Айрис жила в огромном многоквартирном доме почти в центре города. Дом назывался «Изумрудный герб», и обитало в нем несколько тысяч семей.

Войдя в здание, Леа чувствовала себя спокойно и привычно. Поднялась в пневмолифте на четырнадцатый этаж, вскочила на роллер, и он промчал ее мило по коридору до квартиры Айрис.

— Я тебе очень рада, — сказала Айрис, — но извини, если буду отвлекаться. У меня срочное телефонное дежурство.

Только тут Леа заметила черные проводочки, которые соединяли голову Айрис со штепселями в стене.

— Ого! Что-нибудь случилось?

— Дурочка! Война же! — сказала Айрис. — Ты ведь помнишь, что мы воюем?

— Ах да. Нас оккупируют или еще что-то, верно? — спросила Леа. — По правде говоря, я про это и не думаю. Мне в этом году предстоит принять много важных решений о моей карьере.

— Ну так подумай! — сказала Айрис. — Они все еще наступают, понимаешь?

— А я слышала, что наши силы отогнали их с большими потерями, — возразила Леа.

— Мы их временно остановили дорогой ценой — свыше десяти тысяч жизней. Однако они опять наступают... О-о!.. погоди! Сигнал!

По одному из проводков, погруженных в голову Айрис, забегали искры. Сестра шепнула:

— С Южного плацдарма. Там в последнее время за-тишь. По-моему, вот-вот произойдет что-то важное. Волнующе, верно?

— Да, — сказала Леа. — Но и очень печально. Столь-ко чудесных мальчиков погибло. Если бы от меня хоть что-то зависело!

— Так сделай же хоть что-нибудь!

— Но что я могу?

— Поговори с начальством. Скажи, чтобы искали другое место. Почему они выбрали это, ну почему? Им целой планеты мало?

— Но отчего именно я? — спросила Леа.

— Да ведь, кроме тебя, некому. Ты живешь в их мире.

— Айрис! — воскликнула Леа. — Как ты можешь го-ворить такое?

— Но это же правда, — ответила Айрис. — Ты сама знаешь, что правда. Разве нет?

Леа хотела заспорить, объяснить, что она такая же ариджи, как Айрис. Но тут она проснулась. И оказалась человеком. Очень расстроенным.

Я не представляла себе, с кем поговорить о моих снах. А поговорить было нужно, потому что они по-настояще-му меня пугали, и возникло опасение, что я схожу с ума. Нет, сумасшедшей я себя не чувствовала, но мои сны казались форменным бредом. И необходимо было с кем-то их обсудить.

Разумеется, был внеконфессиональный капеллан — наш официальный духовный наставник. Я видела его из-дали. Мужчина в годах, вдовец, довольно хилого сложе-ния, с седой бородкой и в очках с золотой оправой — не потому, что имел плохое зрение, но потому, что на этой планете очки были знаком духовного сана. Однако по зрелом размышлении я решила к нему не обращаться, поскольку подозревала, что мои сны нельзя отнести к духовным проблемам, — так сказать, они проходят не по его ведомству.

По работе я была знакома с несколькими девушками, но не настолько близко, чтобы обратиться к ним. Конечно, оставался Милас Шотуэлл, и я знала, что нравлюсь ему. Степенный молодой человек, красивый и вполне в моем вкусе. По-моему, это очень важно, когда говоришь о чем-то интимном вроде снов. И я решила побеседовать с Миласом, и, честно, не знаю, почему вдруг пошла по длинному пыльному коридору к маленькой лаборатории и довольно унылому жилому помещению, которое отвели Аллану Бантри и его никому не нужному отделу инопсихологии.

Аллан, как обычно, работал один у себя в лаборатории. На нем был замызганный рабочий халат, а его курчавые волосы торчали во все стороны — он всегда забывал причесаться. Но я все равно обрадовалась, увидев его.

Лаборатория помещалась в тесной комнате с двумя рабочими столами, один из которых был занят компьютерами и всем, что к ним относится, включая и принтеры. На другом стояли магнитофоны. Когда я вошла, он слушал что-то мне знакомое. «Маленькую футу для органа» Баха.

— Привет! — сказала я. — Ну как военная жизнь?

— Откуда мне знать? — отозвался он. — Я гражданское лицо, как и ты.

— Неужто у Флота нет своих военных психологов?

— Разумеется, есть. Но они занимаются только расами, входящими в Альянс. Остальными инопланетянами Флот интересуется лишь в тех случаях, когда убивает их.

— Так зачем ему понадобился инопсихолог?

— Для демонстрации интереса к развитию наук. Отличная реклама, когда приходит время выделять средства на военные нужды.

— А почему ты не в тарге?

— Будь так добра, не напоминай! Откуда мне было знать, что тут таргов никто не носит? Ну, ты решила работать у меня?

Я ответила, что пришла рассказать про сон.

— Но почему ко мне?

Я и сама не понимала почему, но внезапно меня осенило.

— Похоже, что бы я ни сказала, ты не сочтешь меня чокнутой или я точно чокнутая, если думаю так?

— Леа, тебя иногда трудно понять. Садись и излагай свой сон, — кивнул он на качалку довольно ненадежного вида.

Я подробно рассказала про воображаемую двоюродную сестру Айрис. Кончив, я принялась яростно рассказываться; Аллан же запустил пальцы в шевелюру — верный признак, что он приходит к каким-то выводам. На протяжении нескольких жутких мгновений мне казалось, что он вот-вот произнесет: «Леа, не хочу тебя огорчать, но ты действительно свихнулась». Вместо этого он произнес:

— Леа, ты мне нужна.

От этих слов у меня затрепыхалось сердце. Я уже решила, что он мне нравится. И знала, что нравлюсь ему. Но не подозревала, что настолько.

— Ах, Аллан! — сказала я. — Зачем?

— У тебя самый высокий пси-потенциал на Клаксо-не, выше, чем у всех нас, военных и гражданских. Твой сон окончательно меня в этом убедил. Я думаю, он крайне важен.

Я не знала, возгордиться или обидеться, но я начала работать у Аллана Бантри, в отделе инопланетной психологии.

Я всегда записываю свои сны в дневнике. А потому точно знаю, когда какой видела. Но даже и без дневника я помню, что каждый сон предшествовал катастрофе. Первый привиделся мне накануне обрушения нового здания. Потом была мукомольня, а потом гараж. Я уже со страхом подумывала, не являются ли мои сны причиной всех этих ужасов. Однако Аллан меня разубил.

— Забудь эту чушь, — сказал он. — Никаких сомнений в том, что происходит, нет. Каким-то образом возник контакт между тобой и теми, кто устраивает диверсии. Во всяком случае, с одной — с Айрис.

— Но ведь того, что я вижу во сне, на самом деле не происходит.

— По-моему, происходит, но не так, как тебе вспоминается. Образы в твоих снах — попытка подсознания облечь смыслом увиденное.

— Аллан, неужели ты серьезно считаешь, что я нахожусь в телепатическом контакте с людьми, которые устраивают диверсии на нашей базе? И ведь даже не доказано, что это вредительство, а не цепь несчастных случаев!

— Статистически очень маловероятно, что это несчастные случаи, — сказал он. — Нет, за этим явно стоит интеллект.

— Тогда это кто-то из наших. На планете ведь нет никого, кроме персонала Флота — военного и гражданского. Или, по-твоему, кто-то прячется там? — И я махнула рукой в сторону безжизненной каменной пустыни, посреди которой лежала Ксанаду.

— Нет, — ответил Аллан. — По-моему, это вовсе не предательство, не саботаж и не диверсии. Кажется, мы столкнулись с иноинтеллектом, который борется с нами по каким-то своим причинам.

— То есть, по-твоему, тут где-то прячутся инопланетяне? — спросила я.

— Другого объяснения нет, — сказал Бантри. — И они могли быть здесь еще до нашего прибытия. Не забывай: планету обследовали наспех. Мы исходим из того, что тут нет разумных живых существ, а ведь это означает лишь, что разведка их не обнаружила.

Да, это была мысль. Причем страшная. Если Айрис и ей подобные действительно существуют, то где они?

Все это выглядело очень серьезным, но тут я кое-что сообразила и засмеялась.

— Моя гипотеза об инопланетянах кажется тебе смешной? — спросил Аллан довольно-таки холодным тоном.

— Вовсе нет, Аллан! Но согласись, именно такой гипотезы и следовало ждать от инопсихолога.

Он было насупился, но тут же ухмыльнулся. Я обрадовалась: по-моему, очень хорошо, когда у мужчины есть чувство юмора, особенно если я рядом.

— Знаешь что? — сказал он.

— Что — что?

— Ты жуть наводишь, Леа, ну просто жуть!

Тут я окончательно убедилась, что нравлюсь ему.

Честно говоря, мне очень не хотелось заниматься пси-тренировками. Было о чем подумать, кроме них. Аллан и я только что обрели друг друга. Вот об этом стоило подумать. Хотя Аллан как будто не вполне сознавал, что мы обрели друг друга. Вот и об этом очень стоило подумать. А главное, мне вовсе не хотелось думать. Я влюбилась и хотела просто наслаждаться этим чувством, сладкой такой безмятежной ленью. Поэты называют это томностью. В обществе Аллана меня охватывала томность.

Но мое общество вроде бы не настраивало Аллана на романтический лад. По правде сказать, я не думаю, чтобы это входило в его репертуар. Он был серьезным молодым фанатиком от науки и хотел, чтобы я занималась пси-тренировками.

Мне приходилось надевать на голову какие-то металлические штучки и смотреть на шарикоподшипники, лежащие на стекле. Идея заключалась в том, чтобы я заставила их покатиться. Нет, вы только вообразите!

Честное слово, я старалась, толкала их всей силой своих мыслей. Иногда даже казалось, что еще чуточку — и я прикоснусь к ним. Я ощущала холод стали... нет, не своим настоящим лбом, естественно, а лбом, который проецировала на стальной шарик.

Но не заставила ни один даже качнуться. Я видела, что Аллан разочарован. После недели тщетных потуг он, по-моему, был уже готов отказаться от своей затеи, но тут я поняла, в чем фокус.

Я назвала это фокусом, но Аллан сказал, что это просто моя индивидуальная манера сосредотачиваться. Я вообразила крошечный ломик, подсунула его под шарик, толкнула... и он покатился! После этого стало легче

толкать моим воображаемым лбом. Но не могу утверждать, что это всецело моя заслуга. Усилитель пси, который я надевала на голову, тоже помогал. Спасибо, усилитель пси!

После подшиппников Аллан захотел, чтобы я поворачивала ключи в скважине на расстоянии. Это оказалось просто, когда я научилась как бы закручивать силу. Ну а потом мы перешли к установлению контакта.

В моем следующем сне я шла по городской улице, которая задним числом показалась мне очень странной, но во сне все выглядело привычным и нормальным. По сторонам было много зданий белого и голубого цвета, но без дверей, вообще без входов. Аллан сказал мне позже, что многие частности, скорее всего, не имели никакой связи с реальностью, а были плодом поисков аналогий — нашему сознанию свойственно симулировать то, что нас окружает. Вот так изъясняются инопсихологи.

Улицы были вымощены фарфоровыми булыжниками. Я видела лошадей и всадников, хотя потом сообщила, что это вовсе не лошади.

Я шла по улице, а меня все время обгоняли торопящиеся прохожие. Каким-то образом я понимала, что они никуда особенно не спешат, а просто двигаются быстро, таким уж они обладали свойством. Я шла, шла и вышла на что-то вроде деревенской площади, а на ней был фонтан со статуей. Только у статуи не было головы, и вода била из шеи. Тогда мне это странным не показалось, тем более что статуя, как я знала, стояла там века и века.

Тут я услышала голос: «Все граждане, немедленно соберитесь у статуи, Оранжевый сектор, двадцать два. У нас важное сообщение».

Я направилась туда, и передо мной предстало печальное зрелище. С фронта вернулось много солдат, и большинство было тяжело ранено. Повсюду виднелись носилки, подъезжали и уезжали машины «скорой помощи». Некоторые из наших мужчин были все в бинтах и передвигались на костылях, некоторые ковыляли на шести ногах, другие на семи. У меня сердце надрывалось при

мысли, что они лишились ног и уже никогда не смогут участвовать в майской пляске.

Я пошла дальше. Казалось, я должна сделать нечто важное. У меня были какие-то причины находиться тут. Стоило подождать — и я бы вспомнила. Но времени сидеть и ломать голову не было. И тут появился Ингендра, брат Айрис.

— Ты как раз вовремя, — сказал он. — Сейчас начнется заседание высшего совета. Он должен вынести крайне важное решение.

— Какое? — спросила я.

— Идем со мной, — сказал Ингендра. — Ты сама все увидишь.

В зале были очень высокие потолки, и освещался он скрытыми источниками света. Там собрались все советники города и присутствовала президент ариджи. Очень толстая, с густым слоем туши под глазами, она была старой, но мне показалась очень красивой. Я ее испугалась, потому что она, как я считала, умела читать мысли — и мои, и кого угодно. Они это умеют, президенты ариджи.

— Так ты Леа. Мы надеялись, что ты опять нас посетишь.

— Как же так? Я ведь живу здесь.

— Нет, Леа. Попробуй вспомнить, откуда ты на самом деле.

Я задумалась, и появилось ощущение, будто я грежу, а настоящая Леа спит в другом, возможно настоящем, мире.

— Знаешь, откуда ты? — спросила президент.

— Я правда из другого мира?

— Да, дитя, да. Для нас это чудесная возможность. Мы уже потеряли всякую надежду войти в контакт с твоей расой. И вот появился шанс.

— Послушайте! — сказала я. — Погодите! Объясните! Я должна вернуться и сказать, что мне приснился сон, но все было по-настоящему?

— Конечно, тебе не поверят на слово. Но мы кое-что придумали.

— Что?

— Пока не могу сказать. Но когда это случится, ты сразу поймешь. И тогда надо будет снова поговорить с нами.

— Не хочу! — крикнула я и проснулась в лаборатории.

— Ты видела сон? — спросил Аллан и включил записыватель. — Расскажи подробнее.

И я рассказала.

— Когда это что-то должно произойти?

— Очень скоро, Аллан. Может, нам следует предупредить адмирала?

— О чем предупредить? Мы же не знаем, что они сделают. Он сочтет нас чокнутыми.

Адмирал Эсплендадоре сидел у себя в кабинете за поздним утренним кофе. Кофе для Флота совершал до Клаксона долгое путешествие. Единственная культура, которая никак не приживалась на инопланетных почвах. Эсплендадоре прихлебывал свою любимую смесь мокко с яванским и проглядывал отчеты инженеров. Он все еще отставал от графика. До чего же медленно все делается, просто нестерпимо! И по-прежнему никаких сведений, по чьей вине происходят аварии на базе. Кое-кто из штабных предложил свои версии, но что толку от версий, не подкрепленных неопровержимыми фактами? Особенно раздражала нелепая идея Бантри. Само собой, в Галактике существуют очень странные расы и нельзя сбрасывать их со счетов. По просьбе Бантри он распорядился провести подробнейшую аэросъемку поверхности Клаксона, а также прозондировать два пресных океана планеты. Не было обнаружено ни малейших признаков разума, никаких намеков на его существование.

Однако, если адмирал в самом скором времени не разберется в происходящем, ему придется туго. Высокое начальство следит за ним. Задание крайне важное, ведь его удачное выполнение может надолго утихомирить хорьков и дать Альянсу такое преимущество, что это «надолго» превратится в «навсегда».

Он снова поднес чашку с кофе к губам и вдруг заметил легчайшую дрожь на бурой поверхности. Словно жидкость улавливала вибрацию, которой он не чувствовал.

Адмирал нахмурился, подошел к компьютерной консоли, запросил сводку сейсмической активности. Все как будто в полном порядке, хотя в данных, поступивших из некоторых секторов, наблюдаются минимальные отклонения.

Но теперь он уже сам ощущал вибрацию. Вроде пол дрожит. Возможно, ведутся какие-нибудь работы ниже этажом — например, проверка оборудования. Он решил выяснить и взял телефонную трубку.

— Хаскуэлл, — распорядился адмирал, — идите сюда. У меня для вас поручение.

Ответа не последовало. Эсплендадоре внезапно осознал, что телефон отключен. Он постучал по трубке. Та молчала. Он подошел к двери и дотронулся до фотозлемента замка. Не открывается! Он ударил кулаком по двери. Это ничего не дало. Он заорал:

— Хаскуэлл! Вы меня слышите? Откройте дверь немедленно!

Никакого ответа. Ну да, ведь дверь звуконепроницаема. Он успокоился и вернулся к пульта. На окна адмирал даже не оглянулся, их стальные ставни были заварены из соображений безопасности. Дверь была единственным входом и выходом, а она отключилась. Телефон был единственной связью с наружным миром, и он умолк.

Но есть же еще компьютер!

Он повернулся к пульта и попробовал вызвать какой-нибудь другой компьютер планетарной сети. Безуспешно!

На экране вспыхнуло: «Пожалуйста, подождите. Первоочередное сообщение».

Оставалось только ждать. А пока он ждал, дрожь пола все усиливалась.

И тут внезапно лампы в кабинете погасли и наступила полная темнота, поскольку окна не пропускали свет. Послышалось какое-то жужжание в стенах. Конечно, что-то с проводкой. Но звуки не прекращаются, и они

совсем не похожи на потрескивание в электрических кабелях. Кажется, внутри стен происходит движение. Крысы? Или еще какая-то дрянь?

Эсплендадоре вернулся к письменному столу, открыл на ощупь верхний правый ящик и достал лазерный пистолет новейшей модели. Он поставил ширину луча на максимум. В глубине ящика хранилось еще одно лазерное оружие, ручной игольник — с коротким радиусом действия, но абсолютно смертоносный. Теперь адмирал был готов вступить в бой с кем или чем угодно.

Однако он предпочел бы знать, что происходит на базе. Конечно, Одряхлендер, его заместитель, превосходно справлялся с обычными делами. Но к этой ситуации меньше всего подходил эпитет «обычная». Только бы Одряхлендер не поддался панике. Вовсе ни к чему, чтобы в штаб Флота полетели ракеты связи с нелепым сообщением о невидимом противнике. Как бы Эсплендадоре не стать всеобщим посмешищем. Бесспорно, противник невидим, но это ничего не меняет. Впечатление такой доклад произведет самое неблагоприятное.

Тем, кто шебаршится в стенке, рано или поздно придется себя показать. И тогда им очень не поздоровится.

Адмирал Флота, Небесный Малютка Эсплендадоре был разгневан.

Вскоре он ощутил новое движение. Его кабинет закачался, потом накренился, и адмирал упал бы, не успей он ухватиться за край стола. Не только кабинет — все его апартаменты словно пустились в путь. Это было маловероятно — нет, это было невозможно! — но это было!

Жутковатое состояние — убывать в неизвестном направлении в непроницаемом мраке. Уж не козни ли это халианских агентов? В таком случае его карьере конец. Такая привычка была у адмирала — сначала думать о гибели своей карьеры, а не о собственной гибели. Чем бы это ни завершилось, раз халиане умудрились похитить Эсплендадоре вместе с его личными апартаментами из самого центра военной базы, ему этого не перенести, даже если он останется в живых.

Кабинет был абсолютно звуконепроницаем, и только толчки и покачивания свидетельствовали, что он передвигается в пространстве — и, похоже, по воздуху. Оставалось выяснить, кто это делает.

Рано или поздно злоумышленникам придется вступить с ним в переговоры. Они войдут в дверь, ведь другого пути в этот кабинет не существует. А Эсплендадоре устроит им достойную встречу.

Он занял позицию позади стола, хорошенько уперевшись, и навел игольник и пистолет на невидимую дверь.

Он не знал, сколько уже времени пробыл в темноте. Кабинет был подобен бассейну для тренировочных погружений, где теряется всякое ощущение времени.

Спустя вечность кабинет замер, и адмирал это почувствовал.

Сейчас войдут!

Он шурился, ожидая, как в дверной проем хлынет яркий свет. Пальцы дрожали на спусковых крючках.

И тут зазвонил телефон.

— Кто говорит?! — рявкнул Эсплендадоре в трубку.

— Сэр, я Аллен Бантри, инопсихолог Флота.

— Бантри, какого черта?! Почему на связи вы? Где Хаскуэлл? Где Одряхлендер? Где мой начальник штаба?

— Сэр, они с десантниками. Планируют операцию по вашему спасению.

— Отлично! — обрадовался Эсплендадоре. — Передайте, чтобы начинали. И кстати, где я нахожусь, черт подери?

— Ваш жилой модуль был отделен от здания и унесен примерно на полмили за периметр базы. Я сейчас пытаюсь восстановить видеосвязь. Ага! Теперь вы можете посмотреть сами.

Вспыхнули экраны. С трех сторон Эсплендадоре увидел три обрыва, уходящие вниз, а с четвертой — узкий выступ, нависающий над пропастью. Похоже, его модуль теперь стоял на этом выступе.

— Я считаю, следовало бы дать десантникам отбой, — сказал Бантри. — Причина заключается в том, что суета на выступе может обрушить его в пропасть вместе с вами.

— А, черт! — сказал Эсплендадоре. — Нет, такой вариант не годится. Передайте им от моего имени, чтобы не атаковали, а искали другой способ разобраться с похитившими меня мерзавцами. Да, кстати, а кто меня похитил?

Бантри замялся.

— Сэр, боюсь, вам не понравится...

— Понравится, не понравится... При чем тут это? Говорите.

— Вам это очень не понравится, сэр.

— Бантри, хватит вилить! Отвечайте!

Бантри прочистил горло.

— Адмирал Эсплендадоре, что бы вы сказали, если бы я ответил, что ваш жилой модуль был отсоединен от здания благодаря согласованным действиям десятка миллионов жесткокрылых жуков величиной с монетку?

— Сказал бы, что вы спятили, милейший, и что язык доведет вас до военно-полевого суда.

— Этого-то я и опасался, — вздохнул Бантри.

— Правильно ли я понял: эти ваши жуки взвалили меня на свои спины и приволокли сюда?

— Совершенно правильно, сэр, именно это и произошло. Несколько миллионов жуков способны перемещать очень большие предметы.

— Предупреждаю, — зарычал Эсплендадоре, — помрачением рассудка вам не оправдаться... Других версий, Бантри, у вас нет?

— Нет, сэр.

— Рядом с вами есть кто-нибудь из офицеров?

— Ваш адъютант капитан Уолтерс.

— Давайте его к камере! Уолтерс, в чем дело?

— Никто точно не знает, сэр, — ответил Уолтерс. — Но складывается впечатление, что миллионы, если не миллиарды, жуков кому-то подчиняются. Или чему-то. Может быть, халианам, сэр.

— Вы своими глазами видели?

— Да, сэр, я наблюдал, как жуки уносили вас. Мы не решились применить взрывчатку, газ или инсектицид

из опасения причинить вам вред. Но скажите только слово...

— Не спешите, — перебил Эсплендадоре. — Наш долг по отношению к науке и нашей собственной безопасности требует, чтобы мы вступили в переговоры с этими тварями, выяснили, чего они хотят. А они нападают на моих ребят?

— Нет, сэр. Неофициальная демаркационная линия возникла как-то сама собой. Они остаются на своей стороне, а мы на нашей. До сих пор они не предприняли никаких враждебных действий. То есть кроме вашего похищения, сэр.

— И это настоящие жуки? — спросил Эсплендадоре.

— Насколько мы можем судить. У нас в штате нет энтомологов, или как там называют парней, которые изучают козявок. Но один наш агротехник говорит, что они точь-в-точь как хрущи японские, только пятнышки голубые.

— Что известно о японских хрущах?

— Да тут никто почти ничего не знает. Отправить ракету с запросом?

— Нет, пока ничего не предпринимайте. Как считаете, есть шанс вытащить меня отсюда?

— Пытаемся, сэр. Но есть некоторые сложности.

Эсплендадоре хотелось поскорее вырваться из плена, и на то было несколько причин. Немалое значение имело то обстоятельство, что жуки, похищая его апартаменты, не потрудились прихватить и ванную.

— Что за трудности?

— Когда мы пытаемся приблизиться к вам, жуки угрожают подгрызть выступ. Глубина несколько сот футов, сэр.

— Черт побери! Так заставьте их уйти отсюда. Найдите какую-нибудь приманку. Я слышал, жуки любят тухлое мясо. Скажите коку, пусть испытает на них последнюю партию говядины. Полейте ее медом. Уж на это они точно клонут!

— Боюсь, вы не поняли, сэр. Это ведь не простые жуки. То есть не те безмозглые твари, к которым мы привыкли. Они хотят обсудить с вами что-то.

Эсплендадоре уставился на трубку.

— Я с трудом верю, что миллион жуков унесли мой модуль. Но чтобы жук изъявил желание что-то обсудить со мной... Это уже переходит границы возможного.

— Жуки говорить не могут, сэр, тут вы совершенно правы. Во всяком случае с нами, хотя друг с другом они вроде бы общаются. Нет, сэр, они передали свои требования через третье лицо. Оказалось, что одна из завербованных, молодая девушка с Тринита, работающая у доктора Бантри в отделе инопланетной психологии, обладает телепатическими способностями.

Адмирал Эсплендадоре устал, проголодался, его мочевой пузырь был переполнен, и он попал в дурацкую ситуацию, угрожающую его карьере, а может быть, и жизни.

— Свяжите меня с этой девицей, — сказал он.

— Я правильно понял, мисс, что вы находитесь в телепатическом контакте с королем, полководцем или представителем этих жуков?

— Да, сэр, — ответила Леа. — И поверьте, меня это удивляет не меньше, чем вас. Я всегда знала, что у меня есть дар провидения, но никак не предполагала, что попаду из-за него в такое положение... Установлю связь с инопланетянами, хотела я сказать. Наверное, это вина Аллана... то есть доктора Бантри, потому что он заставил меня заниматься пси-тренировками, из-за чего и стал возможным этот контакт.

— Мисс, — сказал адмирал, — поменьше автобиографии, если можно.

— Простите, сэр. Я просто хотела объяснить...

— Ну так эти жуки... кто ими руководит?

— Они сами собой руководят. При своем президенте, хочу я сказать. Она велела мне сказать вам это.

— У них есть президент?

— Не настоящий, сэр. Воображаемый.

— У этих жуков есть воображаемый президент?

— Тут немножко трудно объяснить, сэр. Видите ли, у них единое групповое сознание, которое складывается из

всех их сознаний... Если я верно поняла. Для меня ведь это так же ново, как для вас, хочу я сказать. Так что потерпите, сэр. Извините, что я все время объясняю.

— И эти жуки сумели спланировать мое похищение, и утащили меня сюда, и угрожают моей жизни?

— Да, сэр. То есть они спланировали ваше похищение, но они вам не угрожают. Они просто хотят, чтобы вы уделили им внимание.

— Уже уделил. Так чего они требуют?

— Они требуют, чтобы вы ушли из Ксанаду.

— Но это же лучшее место на планете!

— Вот и они так считают, сэр. Вернее, это единственное место на планете, где они могут жить. В старину, говорят они, было много лучше, ну а сейчас — вот так. И еще они указывают, что обитают тут издавна. Они утверждают, что вы оккупировали их исконную землю, а это прямое нарушение Великой Хартии Альянса, насколько они поняли ее из моих объяснений. Политика не входила в число предметов, по которым я успевала, сэр, но я очень старалась. Ведь мы правда утверждаем, что планеты являются неотъемлемой собственностью их исконных разумных рас? Правда, сэр?

— Да, безусловно.

— Я просто хотела проверить, что ничего тут не напутала. Они говорят, что вы можете потратить чуть больше денег и доставить сюда почву, воду и прочее оттуда, откуда явились (это они так выразились, сэр), и создать для себя свое Ксанаду. Места хватит. Они даже будут рады снабдить вас местными семенами и всем прочим в том же роде. Но они говорят, что вам не следует оккупировать единственное место на планете, где они могут жить.

— Погодите, погодите! — Адмирал положил трубку, заранее тщательно обдуманном маневром облегчился в пустой термос из-под кофе, аккуратно завинтил его и вернулся к телефону. — Я не понимаю, в чем их проблема. Мы с ними не конкурируем. Они могут и дальше заниматься тем, чем занимаются жуки в этой долине. Ну построим мы несколько зданий, им-то что?

— Дело не столько в зданиях, — сказала Леа. — Их злит другое.

— Что вы подразумеваете под «другое»?

— То, что мы навезли инопланетных растений и стараемся выращивать их здесь. Они считают это нарушением самых основ этики, и они сражаются и за себя, и за своих растительных союзников.

— А ну их к черту! — сказал Эсплендадоре. — Я не желаю иметь никакого дела с расой, которая обвиняет наши растения в агрессии!

Несколько часов спустя адмирал Эсплендадоре дал слово, как офицер Флота, что перенесет свой лагерь в другую местность на Клаконе, минимум в ста милях от Ксанаду.

Адмирал не был трусом. Он выбрал бы смерть, если бы счел, что наносит какой-то ущерб Альянсу и Флоту. Он дал согласие, потому что ариджи предложили послать в новый лагерь несколько миллионов сородичей, чтобы помочь строительству новой базы в меру своих возможностей.

Эсплендадоре сразу увидел, как сильно это ускорит работы. Он не сомневался, что может уничтожить всякую жизнь в Ксанаду, едва сочтет нужным, но это не дало бы ничего. Важнее всего построить базу.

И все-таки Эсплендадоре медлил доложить Флоту, что он заключил соглашение с расой жуков.

Конечно, долго сохранять это в секрете не удалось бы — слишком уж значительным было случившееся. И Аллана Бантри, инопсихолога, который сделал это открытие, ждало много чудесного. Вероятно, его именем назовут новую школу в инопсихологии, он получит в свое распоряжение замечательную лабораторию.

После этого Аллан был со мной очень мил, но как будто нервничал в моем присутствии. Когда я спросила, в чем дело, он ответил только, что я внушаю ему трепетное благоговение. Скверный знак в романтическом смысле. Но что мне оставалось делать? Во мне действительно появилось что-то грозное. Особенно после того, как я по-

лучила пост старшего лингвиста при ариджи, поскольку только я одна умела разговаривать с ними, ну и конечно, Айрис настояла. Очень важная должность, но обрекающая на одиночество — во всяком случае до того, как я познакомилась с Армандом Дюнкером, обаятельным молодым дипломатом, который прибыл с Земли учредить первое консульство при инопланетных разумных беспозвоночных. Но это другая история.

Одна Вселенная, один Альянс, один Флот... и множество талантливых авторов, взявшихся описать разные эпизоды великой битвы галактик. В «Контратаку» (1988) — вторую антологию из цикла «Боевой Флот» — внесли свой вклад Кристофер Сташефф, Майк Резник, Пирс Энтони и еще несколько знаменитостей. Не остался в стороне и Роберт Шекли, к тому времени уже набивший руку в боевой фантастике. Однако стоит ли читателю удивляться, что даже эта повесть о горькой участи преданного и плененного землянина вызывает улыбку? Да просто самый веселый фантаст нашей планеты не был бы самим собой, если бы дело обстояло иначе.

САГА ПРЕДАТЕЛЕЙ

В день отправки мы промаршировали за полковником Баром Кохбой по Маккавейскому бульвару к парадному плацу, где Соломон Готшафт, всепланетный президент Эрец-Пердидо, одарил нас напутственной речью, в которой выразил пожелание показать всей Вселенной или хотя бы той ее части, которая проявит к нам интерес, из какого теста слеплены лучшие сыны десяти пропавших колен Израилевых. Приветствуемые многочисленной толпой, мы продефилировали под сводами гигантских каменных ворот Нового храма, за которыми ждали грузовики, прямиком доставившие нас в космопорт имени Теодора Герцла, что находился на самой окраине нашей столицы, Нового Иерусалима. Там мы погрузились на борт космического истребителя «Быстрый» для короткого перелета на дредноут «Кузнец победы», ожидавший нас на орбите.

Дредноут «Кузнец победы», семисот метров в длину, весом более чем триста тысяч тонн, вмещал команду в две тысячи восемьдесят человек. Нашу сотню разместили по каютам, поставили на довольствие и снабдили автоматическими планами, позволяющими отыскать дорогу к спальным помещениям, столовой, тренировочно-

му залу, гарнизонной лавке и рекреационному залу. Офицеры зачитали приказ по кораблю: немедленно занять свои койки, которые одновременно служили амортизаторами, и пристегнуться в ожидании старта.

И вот наступил тот прекрасный миг, когда зазвучали сирены и корпус корабля сотрясла звенящая вибрация включившихся гиперсветовых двигателей. Ощущения движения не появилось, но правила предписывали пристегнуться — в момент старта у новичков иногда случалось головокружение. Расположенные над головами экраны позволяли нам наблюдать, что происходит с кораблем в данный момент.

Физически ускорение почти не ощущалось, но мы знали, что, используя гравитационное поле ближайшей звезды нашей системы — Пердидо-1, «Кузнец победы» стремительно набирает стандартную скорость, равную четверти световой. Теоретически, с помощью гиперсветовых двигателей корабль мог ускоряться до тех пор, пока вплотную не приблизится к скорости света или пока не развалится. На практике же большие звездолеты редко разгонялись до скоростей выше половины световой и делали это только для передвижений в пределах планетных систем. Путешествия на действительно далекие расстояния совершались в ином режиме — с использованием гиперсветового привода. Благодаря этому приводу самый огромный корабль за какие-то три стандартные недели мог пересечь участок космоса диаметром в тысячу световых лет, вмещающий более трехсот планет Альянса.

Наше путешествие должно было продлиться двадцать пять дней — мы следовали на далекую окраину Альянса. А именно на планету Цель, расположенную у самой северо-западной границы. Цель по данным разведслужбы Флота являлась родиной халианских головорезов.

Недавнее перебазирование Флота на планету Клаксон весьма способствовало решению напасть на эту ключевую позицию врага — планету, с которой халиане атако-

вали наши корабли и совершали свои гнусные рейды на планеты Альянса.

Для достижения этой цели Флот решил сосредоточить все свои силы и одним массированным ударом уничтожить врага. По каковой причине были отозваны части со всех дальних пограничных гарнизонов и охранных постов; правда, при этом оголились планеты самого Альянса. За тысячелетнюю историю Флота эта операция была самой крупной; казалось, ничто не сможет противостоять подобной мощи, хотя некоторые пессимисты твердили, что военное счастье переменчиво, что Флот может потерпеть неудачу, наткнувшись на шальную черную дыру, или попасть во внесезонный временной шторм. И тогда будущее человечества окажется во власти проклятых халиан.

Десантные войска Флота состоят из соединений, набранных из обитателей различных планет. Эти соединения служат под началом своих командиров, которые в свою очередь, подчиняются верховному командованию Флота. Ко времени нашего прибытия еще не завершился спор между различными группами за право быть на острие атаки в десантной операции на Цели. Таких групп оказалось более ста, и все они были отлично подготовлены и пригодны для подобной операции. Неплохо зарекомендовали себя циандоты с планеты Циандот-2 или, например, махдисты с Хартума-4. Но особенно настойчивыми были «сыновья альбигойской ереси» — их планета Янус стала членом Альянса всего лишь семь лет назад, и своим геройским поведением «сыновья» хотели снискать себе всечеловеческое признание и славу.

За эту привилегию в палате представителей Федерального собрания на Земле лоббисты развязали настоящую войну. Но не прошло и часа, как приземлился наш «Кузнец победы», а мы уже торжествовали. Право на самую первую атаку получила наша группа — тысяча человек с Пердидо.

Конечно, не следует приписывать этот успех особой популярности наших персон — просто мы оказались са-

мой компромиссной кандидатурой. Все основные претенденты, не желавшие потерять лицо, предпочли, чтобы это назначение получили мы, а не их основные конкуренты.

Я понимаю, что говорю слишком много. К этому склонны все евреи. Но у нас, евреев с Пердидо, эта привычка носит несколько маниакальный характер. И все из-за неопределенности нашего статуса. Единоверцы с Земли никак не желают признать в нас евреев, не говоря уже о том, чтобы принять во внимание постулат, что мы десять исчезнувших колен Израилевых, похищенных когда-то инопланетянами и перемещенных с Земли на Пердидо.

Проклятые инопланетяне уволокли наших предков так быстро, что те не успели захватить с собой ни Тору, ни Талмуд, ни даже комментарии ученых рабби. Благодаря народной памяти мы всегда знали о существовании великих книг, но вот о чем в них говорится — мы, к великому нашему несчастью, не ведали. Земные евреи заявили нам, что поскольку мы не знаем ни содержания священных книг, ни молитв, ни иврита, весьма посредственно говорим на идиш и не имеем понятия еще о каких-то вещах (о каких именно, я забыл), то и зваться евреями мы не имеем права. На столь агрессивное заявление мы кротко ответили, что хотя наш народ лишен всего этого (отнюдь не по своей вине), но зато у нас имеется много других признаков истинных сынов Израиля. Например, привычка пожимать плечами, отвечать вопросом на вопрос или обращаться при беседе к воображаемому свидетелю. Я уже не говорю о манере в критические моменты жизни изо всех сил хлопать себя по лбу и почти непреодолимом желании время от времени восклицать: «Ой, вей!» А наша кухня?! Только евреи способны сотворить из инопланетных продуктов маринады, голубцы, копченую говядину, печеночный паштет и селедку под шубой! Причем последнее являет собой истинный триумф кулинарного искусства, если принять во внимание, что наша планета представляет собой сплош-

ной тропический лес. И мы должны были создать продукт, похожий на соленую рыбу, не имея понятия о ее вкусе.

Да, это интересно, ответили евреи с Земли, может быть даже поразительно, но вряд ли что-то доказывает. «Бог мой! — воскликнули мы, шлепая себя ладонью по лбу. — Если уж это ничего не доказывает, каких же доказательств вам еще нужно?»

Так что вопрос до сих пор остается открытым. А пока мы не считаемся евреями даже в Израиле. Только на нашей родной планете Пердидо да в некоторых районах Нью-Йорка.

От подобного обращения кто угодно способен немного свихнуться и возмечтать о малой толике славы. О этот гнет вечной проблемы самоидентификации евреев! Но земные евреи отказывают нам даже в праве на то, что мы, подобно им самим, можем страдать от этой вечной проблемы.

Меня зовут Иуда бен-Иуда. Если это имеет для вас какое-либо значение, то сообщу вам, что я человек плотный, голова у меня круглая и увенчана черной вьющейся шевелюрой. Мне тридцать три, и, прежде чем записаться в экспедиционные силы Пердидо, я служил ассистентом профессора на факультете защиты еврейской культуры в Стетельхевенском университете планеты Пердидо. Причины, по которым я не стал действительным профессором, не имеют никакого отношения к данной истории, однако можете мне поверить — они целиком лежат на совести некомпетентных экзаменаторов.

Короче, я записался в ополченцы, получил звание капитана и десять человек под свою команду, совместно с которыми проходил обучение в лагере Сабра. Спустя несколько недель мы преодолели основные разногласия, и подчиненные дали обещание беспрекословно выполнять мои приказы — по крайней мере, в ближайшее время. Некоторые люди из Альянса находят странным, что мы, пердидодианцы — если использовать наше нейт-

ральное название, — вместо того чтобы просто подчиняться приказам, предпочитаем советоваться друг с другом. Эта привычка настолько укоренилась в нас, что мы практикуем подобные отношения даже в армии. Вы спросите — почему? Могу ответить на этот вопрос только так: методом проб и ошибок мы обнаружили, что гораздо легче попросить, чем приказать. Это, быть может, и занимает больше времени, но зато дело потом движется лучше и веселее. А если в ответ на свою просьбу вы услышите «нет» — что ж, вы просто можете пожалть плечами, пробормотать себе под нос: «Ой, вей!» — и попросить кого-нибудь другого. Мы ведем свои дела именно таким способом. Это кажется очень логичным. Хотя похоже, что другие думают иначе.

Как только корабль перешел на гиперсветовой режим и мы снова обрели способность передвигаться, полковник Бар Кохба позвал меня и остальных командиров к себе.

Кохба был невысок ростом, обладал бычьей шеей, короткой седой бородой и выправкой кадрового военного. Он являлся одним из немногих профессиональных офицеров на Пердидо и с отличием окончил Академию Флота на Хелласе-2. Мы всегда старались держать наготове нескольких обученных офицеров, хотя на нашей планете никогда не бывало войн в обычном смысле этого слова — с участием сражающихся профессиональных армий и космических флотов. Пердидо — слишком отдаленная и бедная планета, чтобы у кого-то мог возникнуть соблазн завладеть ею, не считая, разумеется, этих варваров-халиан. Однако и этого оказалось вполне достаточно, чтобы мы ухватились за предоставленную возможность нанести врагу сокрушительный удар.

Бар Кохба с военной четкостью ввел нас в курс дела. Предполагалось дать в окрестностях планеты Цель грандиозное космическое сражение. Этому сражению должна была предшествовать высадка десанта на поверхность самой планеты. Бар Кохба сказал, что нас туда доставят

истребители, специально оборудованные для этой задачи. С истребителей сняли большую часть вооружения и установили многочисленные защитные экраны, которые, вероятно, позволят избежать обнаружения и иных неприятностей. Полковник кратко изложил план операции и раздал нам карты районов боевых действий, в основном представляющие собой чистые листы с координатной сеткой, потому как провести картирование Цели пока не удалось. Наша операция должна была начаться через шестнадцать часов — теперь, когда нападение стало уже делом решенным, необходимо действовать как можно быстрее. Надо нанести удар прежде, чем халиане успеют понять, что к чему.

Отпустив всех, Бар Кохба попросил меня остаться.

Раскурив огромную и чрезвычайно вонючую трубку, полковник сообщил, что, изучив характеристики всех десяти своих офицеров, он решил предложить мне возглавить разведотряд.

Я был несколько озадачен.

— Никогда не думал, что у меня имеются какие-то особые данные.

Бар Кохба улыбнулся своей обычной вежливой улыбкой.

— Я выбрал тебя, — сказал он, — потому что в бумагах отмечено: ты парень любопытный и вечно суешь свой нос в дела, которые тебя не касаются. А это как раз то, что и требуется от разведчика.

— Что вы хотите этим сказать, полковник? — спросил я. — Не думаете же вы, что я стану следить за своими боевыми товарищами?

Полковник удивился:

— С чего ты это взял? Это дело контрразведки, которое меня совершенно не интересует. Офицер разведки нужен мне для того, чтобы разобраться, чего можно ожидать от этой чертовой планеты.

Я пожал плечами:

— Вы читали те же донесения, что и я. Что из них еще можно выжать?

— Разумеется, ничего. Но через шестнадцать часов, — он взглянул на часы, — уже почти через пятнадцать наша группа должна будет высадиться первой. И я сильно подозреваю, что придется на некоторое время задержаться там. Может обнаружиться что-то важное, способное повлиять на ход войны. Потому-то мне и нужен человек, который станет собирать и систематизировать информацию.

Несколько минут я обдумывал предложение. Работа казалась достаточно важной.

— Я займусь этим.

— Прекрасно, — ответил Бар Кохба. — Но давай сразу договоримся об одной вещи. Я не хочу сказать, что этим должен заниматься персонально ты. Никто не заставляет тебя шпионить. Я только прошу собирать и систематизировать сведения, вот и все. Тебе понятно?

— Конечно, сэр! — Я отдал честь и отправился готовить свою группу к высадке.

После некоторых размышлений до меня вдруг дошло — я не обещал полковнику не шпионить, а просто согласился с тем, что понял: Бар Кохба просит меня не делать этого. Упоминаю об этом только потому, что после всего случившегося позднее, после моей первой встречи с Вик-Виком Зимородком, пошли разговоры о военном трибунале.

Десантно-диверсионные группы Флота, набранные на сотнях планет, где сильно различаются даже военные технологии, не говоря уже о местных обычаях и предпочтениях, всегда вооружались на свое усмотрение, таская повсюду собственную оружейную команду. Наша группа не составляла исключения. В качестве тяжелой артиллерии у нас имелись типовые плазменные пушки Гуши или попросту ППГ. С виду это орудие представляло собой трубу полтора метра длиной и диаметром пятнадцать сантиметров. Без перезарядки ее хватало на три выстрела, но радиус действия был ограничен прямой видимостью. Когда двухкилограммовый снаряд попадал в цель, происходил взрыв, мощность которого эквива-

лентна полутонне тротила. В моей команде имелось четыре таких пушки. Обычно полагается одна на десять человек, но ведь мы являлись головной группой.

Кроме этого, мы имели и свое оружие, производившееся на Эрец-Пердида, — несколько разновидностей пулевых пистолетов, несложные в обращении бластеры, гранаты разных систем. Именно так мы были вооружены, когда настало время грузиться на борт истребителя «Уверенный».

Спуск на поверхность планеты занял немного времени, но нам он показался бесконечным. Мы не знали, что ждет впереди. Вполне могло статься, что халиане давно уже прознали о нападении. Ведь не секрет, что даже среди профессиональных военных Флота есть шпионы. Чрезмерная любовь к деньгам и гибкая совесть толкают некоторых людей на предательство. А в качестве весьма удобного оправдания всегда можно использовать следующий довод: раз Альянс все равно победит, то какая разница?

Нашему истребителю, бесшумно падающему сквозь атмосферу Цели, халиане могли приготовить теплую встречу. Самая лучшая в такой ситуации тактика — дать нападающему возможность беспрепятственно приземлиться, а затем неожиданно напасть и уничтожить истребитель и его пассажиров, пока не подспела подмога. Собственно говоря, мы даже не могли позвать на помощь, потому что вся операция должна была проходить в условиях полного радиомолчания.

Вообще-то, предательство является основной темой моего рассказа, но для него еще не пришло время. Наш истребитель бесшумно и без всяких приключений опустился на темную сторону планеты, и офицеры быстренько выгнали из шлюзов своих подчиненных. Черное ночное небо было усыпано разноцветными оспинами далеких беззвучных взрывов. Это высоко над нами Флот начал обстрел приближающихся кораблей-разведчиков халиан — скоординированная акция, призванная прикрыть наше приземление.

Наконец последний из десантников вывалился наружу, и истребитель, даже не успев захлопнуть шлюзы, взмыл в небо. Подобно гонимой штормом шхуне, он пытался найти в космическом океане пространство для маневра, прежде чем заговорят халианские зенитные батареи.

Что же касается нас, то мы, очутившись на поверхности планеты, не мешкая рассыпались в разные стороны. Каждый командир повел свою группу в определенном заранее направлении. Наша первоочередная задача состояла в том, чтобы рассеяться, хорошенько укрыться, оценить обстановку, найти противника, оценить его силы и только потом подумать, как его покрепче ударить.

Поначалу нам сильно мешало отсутствие надежных карт, поскольку, как я уже говорил, картографический анализ Цели перед нападением не проводился. Разумеется, мы накупили чертову уймищу самых разных карт — матросы торговых флотилий часто входили в контакт с негуманоидами, которые в свою очередь имели дело с халианами. Торговля картами — довольно выгодное занятие. Поэтому кое-что у нас все-таки имелось. Но у меня было стойкое ощущение, что та карта, которую я держал в руках, совершенно не соответствовала окружающей местности. Реальность настолько отличалась от этих фантастических документов, которыми снабдил нас Флот, что я приказал своим людям поскорее выкинуть их — они могли только сбить нас с толку — и по ходу дела самим рисовать кроки.

Двигаясь на юг, мы вышли к залитому искусственным светом небольшому городку или лагерю, улицы которого на несколько миль растянулись по берегу океанского залива. Мы окрестили его Вражеским Городом и предположили, что он должен иметь кое-какое стратегическое значение. Небо над нашими головами, по мере того как новые корабли вступали в космическое сражение, все ярче разгоралось от плазменных вспышек. Пора и нам внести вклад в общее дело. Я проверил своих людей и решительно повел их к Вражескому Городу, упо-

вая на то, что остальные командиры разделяют мое мнение: это очевидная цель.

Мы установили четыре плазменные пушки на двух контролирующих город высотах, так что могли прямой наводкой стрелять вниз. Пехотинцы, окопавшись, охраняли артиллеристов с тыла на случай атаки. Я удостоверился, что сделана необходимая поправка на ветер, взобрался на холмик, поднял белый носовой платок, хорошо видимый в утренней полутьме, и резко дал отмашку.

Небо прорезали золотистые пологие дуги. По вспышкам взрывов я понял, что цель накрыта. Какое-то мгновение мы видели прижавшийся к земле грязно-серый город, состоявший из одно- и двухэтажных глинобитных домишек с редкими вкраплениями более высоких строений. Мне вспомнились фотографии земных городов Тимбукту и Омдурман. Не похож ли на них Вражеский Город? Я был бы не прочь сфотографировать его, но часть построек мы разнесли на куски еще до того, как их образы успели запечатлеться в мозгу.

Я собрал своих людей и быстро повел вниз. Очень не хотелось покидать высоту, но надо было учитывать возможность ответного огня.

Направляясь к Вражескому Городу, мы скатились по склону холма, пробежали извилистым овражком и в сотне метров от окружавшей город низкой глиняной стены наткнулись на первое укрепление — небольшую прямоугольную караулку с узкими бойницами, напоминавшую форты древних крестоносцев. Разнеся его двумя выстрелами из плазменной пушки, мы впервые увидели мертвых халиан — щуплых, покрытых коричневым мехом; их пояса были увешаны огнестрельным и холодным оружием.

Едва мы успели перегруппироваться, как из горящего города вывалила толпа халиан. Освещенные сзади заревом пожара, они не могли видеть нас, укрывшихся в балке. Халиане мчались в нашу сторону, а мы в упор расстреливали их из плазменных пушек, пока не кончились заряды, потом из стингеров и бластеров. Досталась работа и ножам с кривыми лезвиями, и наконец убивать

стало некого. Вскоре после этого мы овладели Вражеским Городом.

День застал мою группу в самом центре города. Башня из массивных гранитных блоков, как мы впоследствии узнали, называлась Ратушей. Каким-то чудом не пострадавшая при бомбардировке, она стояла посреди большой площади, что давало нам возможность видеть все подступы. Это было особенно важно, поскольку в любое мгновение враг мог атаковать. До сих пор все шло прекрасно, но так не могло продолжаться вечно. Ведь, в конце концов, мы находились на родной планете халиан. Оставалось только надеяться на то, что полковник Бар Кохба распорядился прислать нам смену, очень уж мне хотелось поскорее убраться отсюда.

Вскоре после полудня замигала лампочка нашей походной рации, сигнализируя об окончании радиомолчания. Это был полковник, который потребовал от меня доклада о положении дел.

— Мы заняли город, — сообщил я ему, — сопротивление было не слишком сильным. Все прошло удачно. Но я не знаю, что делать дальше. Мы торчим в самом центре этой дыры и каждую минуту ожидаем нападения.

— Можешь немного успокоиться, — ответил Бар Кохба. — Мы ведем радарное и визуальное наблюдение за всем сектором. Концентрации халианских войск нигде не замечено.

— А как другие?

— Все выполнили свою задачу. При взятии космопорта были небольшие потери. Четыре человека. Пока что все идет просто чудесно.

— И что с космопортом?

— Мы разрушили его.

— А бой в космосе?

— Крупная победа Флота. У халиан, по-видимому, не было общего плана сражения. Просто множество кораблей, атаковавших каждый по отдельности. Флот сбил многих из них. Остальные удрали, перешли в гиперсветовой режим и скрылись.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы переварить новости.

— Значит, мы победили! — наконец крикнул я.

— Видимо, да, — ответил Бар Кохба. Однако в его голосе не слышалось особой радости. — Полагаю, что это можно назвать победой.

— Не понимаю причин вашей сдержанности, — сказал я ему. — Мы разбили флот и захватили родную планету халиан. Разве это не означает, что война окончена?

— Мой дорогой бен-Иуда, — ответил Бар Кохба, — тебе пора узнать о последних открытиях. Все предыдущие донесения указывали на то, что Цель являлась крупной перевалочной базой для халианских рейдеров. Мы одержали важную победу. Но похоже, эта планета не является родным миром халиан.

В этот момент в комнату, которую я отвел под радиорубку, заглянул один из моих людей и жестом предложил мне выйти наружу. Ответным взмахом руки я велел подождать.

— Но если это не родная планета халиан, — несколько растерянно спросил я, — то кому же она принадлежит?

— Откуда я могу знать? — раздраженно ответил Бар Кохба. — Офицер разведки у нас ты. Ты и узнай.

— Ладно, — сказал я. — А как насчет недобитых халиан?

— Нужно быть все время начеку. По поступившим сведениям на планете их осталось минимум несколько тысяч.

— Хорошо, сэр, мы будем осторожны. И долго нам еще здесь торчать?

— Достаточно долго, — ответил Бар Кохба с суховатым смешком. — Наша группировка показала себя настолько хорошо, что командование Флота поручило нам нести здесь гарнизонную службу.

И Бар Кохба отключился. Наконец я смог уделить внимание подчиненному, продолжавшему бешено жестикулировать.

— В чем дело, Гидеон?

— Там снаружи кое-какие люди хотят с вами поведаться.

— Люди? Ты имеешь в виду настоящих людей или халиан?

— Ни то ни другое. Иуда, мне кажется, это туземцы.

— Прекрасно, — ответил я. — Нам как раз не мешало бы выяснить, кому принадлежит эта планета. Я приму их сейчас же.

Гидеон кивнул. Дисциплина в наших вооруженных силах оставляла желать лучшего.

— Я провожу их.

Выражение его лица было странным, словно он пытался сдерживать смех. Причину я понял через несколько минут, когда он ввел посетителей в комнату.

Я полагаю, что слово «человек» применимо к каждому существу, способному поддерживать интеллигентную беседу. Называем же мы иногда людьми халиан, хотя они больше напоминают полутораметровых хорьков. Поэтому я, вероятно, не должен был удивляться, когда Гидеон ввел четырех двуногих существ под два метра ростом, облаченных в длинные одеяния, скрывавшие большую часть тела. Однако открытые участки шелушились и были покрыты перьями. Ноги напоминали когтистые птичьи лапы, а на тощей кожистой шее сидела маленькая птичья голова.

Так я впервые повстречался с нидийцами, как они сами себя называли, кочевыми птицелюдьми с планеты Цель. И пока другие представители рода человеческого занимались самым насущным вопросом, а именно выясняли, где, если не здесь, может находиться родная планета халиан, я очищал планету от остатков войск противника, собирал информацию и устранял трения, возникавшие между нашими силами и туземцами.

Моя первая встреча с аборигенами начиналась неплохо. Я дружески поприветствовал заявившуюся компанию и предложил освежающие напитки. Необходимо было сразу взять верную ноту — я понимал, что нам понадо-

биться помощь аборигенов, чтобы выследить и уничтожить оставшихся в живых халиан.

Но моя приветственная речь, вместо того чтобы придать беседе непринужденный характер, только вызвала у гостей беспокойство. Гогоча, кудахча и тряся индюшачьими бородками, птицелюди принялись что-то торопливо обсуждать. Наконец они пришли к решению, и самый старший, которого позже я назвал Зимородком, поскольку его нидийское имя было абсолютно непроизносимо, выступил вперед, дважды хлопнул рудиментарными крыльями, прочистил горло и на довольно сносном английском, хотя и с заметным птичьим акцентом, произнес:

— Если желаете, чтобы мы сели, мы сядем. Только помните: сами мы ни о чем подобном не просили.

К тому моменту Гидеон уже принес несколько складных стульев. Нидийцы попытались сесть, подражая мне, но скоро стало очевидным, что их кости сочленяются не так, как у нас. Все же они умудрились пристроиться на стульях, приведя при этом свои перья в заметный беспорядок, и Зимородок снова заговорил:

— Правильно ли я понимаю, что это является своего рода унижением, или подобная поза имеет какое-то иное значение?

— Это не имеет ничего общего с унижением, — ответил я. — Я приветствую вас как друзей и почетных гостей.

— Значит, таким образом вы обращаетесь с друзьями? — спросил Зимородок. — Не хотелось бы мне увидеть, как вы поступаете с врагами.

— Там, откуда я родом, — ответил я, — приглашение сесть предваряет разговор на равных. Но если вам угодно, можете встать.

— Нет-нет, — возразил Зимородок. — Мы польщены тем, что вы считаете нас равными себе. Сидеть — занятие неудобное и нелепое, однако связанное с этим неудобство — ничто по сравнению с уважением, которое

вы изволите демонстрировать. — Он перевел эти слова остальным, и те дружным гоготом выразили свое полное одобрение.

— Джентльмены, — сказал я, — разрешите начать с того, что я весьма рад возможности избавить вас и ваших сородичей от деспотического правления халиан.

— Халиане? — переспросил Зимородок. — Мы называем их пануа, то есть карлики, у которых слишком много зубов. Есть и другие названия. Да, мы хотели поблагодарить вас за это. Но вы, разумеется, знаете, что на самом деле они ушли не совсем?

— Об этом мы позаботимся, — пообещал я. — Естественно, мы рассчитываем на ваше содействие.

— Не могу говорить от имени всей своей гильдии, — ответил Зимородок. — Что же касается меня, обещаю, что вы получите все почести, полагающиеся вашему положению.

Зимородок занимал весьма высокое положение в гильдии лудильщиков. Другие гости представляли гильдии строителей гнезд, поставщиков водорослей и оформителей жилищ.

Разумеется, это был далеко не полный перечень гильдий. Раса разумных птиц делилась на три с лишним сотни групп по функциональным или профессиональным признакам. Даже убийцы объединились в гильдию, известную под поэтическим названием «не имеющие гнезда».

Эту планету, бедную минеральными ресурсами и плодородными землями, мало беспокоили расплодившиеся за последнюю тысячу лет орды торговцев и захватчиков. Халиане наткнулись на мир нидийцев около пятидесяти лет тому назад, решили, что он станет прекрасной базой для их космического флота, и отняли политическую власть у туземцев. До появления халиан планетой нидийцев управлял Совет, состоящий из лидеров всех гильдий. Этот Совет разрешал споры между гильдиями. Халиане не стали разрушать эту структуру, а попросту возглавили ее, и до нашего появления все главные вопросы

решались халианскими господами, что вызывало у нидийцев сильное возмущение.

Теперь я — понятно, в самой вежливой форме — сообщил гостям, что отныне они подчиняются нам, представителям Флота. Конечно, такая новость не могла им понравиться, но довести ее я был должен.

Зимородок торопливо обменялся мнениями со своими компаньонами. Они гоготали и кудахтали в присущей птицам суетливо-сварливой манере. Наконец вроде договорились о чем-то, и Зимородок обернулся ко мне:

— Нам ясно, что сила теперь за вами, людьми Флота. Мы, нидийцы, не собираемся противостоять вам.

Не слишком многообещающий итог первой встречи с туземцами, но что поделаешь. Чуть позже я вызвал по радио полковника и передал ему содержание разговора.

— Другие командиры сообщают то же самое, — сказал Бар Кохба. — Но не думаю, что нидийцы доставят нам неприятности. Я посылаю на планету подкрепление. Чтобы уничтожить или пленить оставшихся халиан, понадобится неделя, а то и две.

Как потом выяснилось, пророческие способности Бара Кохбы оставляли желать лучшего. Спустя месяцы мы все еще очищали планету от халиан. А еще через месяц — так переменчиво военное счастье — мы оказались в положении обороняющихся.

Люди не правы, когда принимают халиан за больших хорьков. Да, сходство, без сомнения, есть — длинное и гибкое тело, густой мех, вытянутая морда. Но полутораметровый хорек должен производить нелепое впечатление. В халианах же абсолютно ничего нелепого. Своим поведением в схватке они скорее напоминают росомах, едва ли не самых отчаянных бойцов в животном мире, всегда дерущихся до самого конца.

Халиане умеют отлично маскироваться, а при нападении они просто неудержимы. И совершенно непредсказуемы в рукопашном бою. Халианский воин может

сражаться с вами по всем правилам, лицом к лицу, но может и напасть исподтишка.

Халиане быстро отказались от тактики группового боя, это был не их стиль. Как оказалось, хорьки — настоящие индивидуалисты; их поведение в бою вызывало у меня в памяти истории о норвежских берсерках. Они фантастически владели ручным огнестрельным и холодным оружием. Только наиболее опытные фехтовальщики среди людей могли выстоять против халианского воина, вооруженного мечом с волнообразным лезвием. Во время наших рейдов они выскакивали перед нами неожиданно, словно из-под земли. Желая вывести из строя как можно больше людей, хорьки бросали бомбы из переулков. Они доставили нам гораздо больше неприятностей, чем мы рассчитывали. Собственно говоря, они доставили столько неприятностей, что руководство Флота серьезно обеспокоилось, — ему не слишком нравилось бомбардировать родные миры реляциями о потерях. На планете было задействовано более десяти бригад. И если бы в дальнейшем ситуация не сложилась уж совсем драматично, то могла возникнуть опасность полного истощения резервов десантных войск Альянса.

Нам сильно мешала реакция местного населения. Нидийцы не были врагами. Но они не были также и друзьями и не мешали свободному передвижению халиан, а часто даже прятали их. Причину такого поведения я понял позднее.

Шла безжалостная и бескомпромиссная борьба как в городах и селениях, так и за их пределами. Напряжение было столь велико, что возникла опасность эвакуации войск, — сводки о потерях выглядели устрашающе, если не в наших глазах, то по крайней мере в глазах населения планет. В конце концов, обыватели голосовали за бюджет Флота, и если они решат, что операция проводится плохо, политики спрячутся в кусты. Командование придет к выводу, что лучше пожертвовать стратегическими интересами и поспешно отступить, а там, гля-

дишь, удастся одержать быструю и бескровную победу где-нибудь в другом месте.

К сожалению, войны не всегда выигрываются стороной, понесшей наименьшие потери. Некоторые величайшие победы одерживались теми армиями, которые сумели дольше продержаться на поле битвы и, несмотря на понесенный урон, сохранили монолитность. А бывало, войны проигрывались из-за нерешительности некоторых людей; примером могут служить карфагенские купцы, слишком медлившие с поддержкой Ганнибала.

Проблема эта не простая, поскольку задиристости и упрямства здесь недостаточно. Требуется недюжинный ум, чтобы угадать, когда следует уклониться от сражения на манер Фабия Медлителя, а когда и ударить изо всех сил, как поступил под стенами Карфагена его преемник Сципион Африканский.

Они оба были великими военачальниками и оба спасли Рим — притом что один не стеснялся медлил, когда это было необходимо, другой же, наоборот, не мешкая, довел дело до победы, когда для этого настало время.

Мы стояли на переднем крае, проходившем везде и в то же время нигде, и чувствовали, что за планету нидийцев стоит сражаться. Это можно было понять хотя бы по тому ожесточению, с которым боролись против нас халиане. Не было никаких конкретных признаков, ничего такого, что удастся просчитать на компьютере, — и все же не отделаться от ощущения, что назревают какие-то важные события и итог окажется стоящим всех трудов. И мы также догадывались, что идет война характеров и окончательную победу одержит та сторона, которая сильнее стремится к исполнению своей воли.

Поэтому не афишировался тот факт, что время работает против нас. Мы ухитрились тянуть это самое время, скрывая от Земли свои потери и похваляясь фальшивыми победами. Было ощущение, что здесь, на этой отдаленной планете, мы наблюдаем столкновение интересов, от которого зависит расцвет или закат целых биологических видов.

Поведение нидийских гильдий оказалось критическим фактором. Птицелюди явно сомневались, стоит ли менять правление халиан на наше. Вопрос стоял именно так. Сперва мы хотели пообещать свободу, но потом поняли, что не можем этого сделать и нужно честно сказать правду. Альянс должен овладеть планетой, по крайней мере на ближайшее будущее; это слишком важно для нас. Здесь много лет присутствовали халиане, а значит, есть шанс немало узнать о них. Цель — последний известный нам сборный пункт халианских налетчиков, именно здесь можно напасть на след, который приведет нас к их родному миру, к планете, питающей их силы. Образно выражаясь, нам удастся наконец-то отсечь голову змею. Мы должны отыскать на Цели разгадку тайны Халии.

И ключ к ней дал в конце концов именно птичеловек.

Когда я повстречался с молодым нидийцем по имени Цк Отаи, которого окрестил про себя Дятлом, миновало уже два месяца со дня нашей высадки на Цель. Он был выше большинства своих соотечественников; его голову украшал красный гребень, встававший дыбом при малейшем возбуждении. Дятел был мастером в гильдии лудильщиков. Понимая, что для столь молодой особи это значительное достижение, я поздравил его с высоким рангом.

— Многие члены гильдии не хотели присуждать мне звание мастера, — ответил он, — но я продемонстрировал свое искусство в семи манипуляциях и трех способах соединения материалов перед лицом всех собравшихся мастеров. Так что у них не было другого выхода. Но они заставили меня дорого заплатить за такую честь.

— Каким образом? — поинтересовался я.

Отаи рассказал, что его родина находится примерно в трехстах километрах отсюда, возле границы Карнаянской пустыни — края невысоких холмов и каменистых ложин. Она стала любимым пристанищем для халиан-

ских головоуезов, в выжженных солнцем каменных лабиринтах обнаружить их было невозможно. Нерегулярные халианские соединения время от времени навещали нидийцев и на манер всех бандитов вымогали у них продовольствие. Но в один прекрасный день халианская банда явилась к туземцам с иным требованием, ей понадобился мастер-лудильщик для ремонта оборудования.

— И выбрали вас? — догадался я.

— Против моего желания.

— Но я слышал, что члены гильдий свободны в выборе работы или отказе от нее.

— Обычно так и бывает. Но в этом случае халиане сослались на вассальные обязательства, и старейшины подчинились. Все же они должны были бросить жребий между всеми, вместо того чтобы просто приказать мне. Я ведь самый молодой.

— А что такое вассальные обязательства? — спросил я.

— На известный период времени господин может потребовать от гильдии определенных услуг.

— Но халиане вам больше не господа, — возразил я.

— Это верно. Но они были вооружены и озлоблены, а вы, люди Альянса, находились далеко, поэтому мы решили не поднимать этот вопрос.

— Значит, халиане увезли вас?

— Да, на свою секретную базу. Там я занимался простыми паяльными работами, к которым сами халиане, кажется, не очень способны, мастерил несложные вещи вроде дверных петель и дожидался дня освобождения, терпеливо снося грубое и буйное поведение своих тюремщиков.

— Поскольку сейчас вы в нашем лагере, — сказал я, — этот день уже наступил?

Дятел уныло покачал головой:

— Я получил недельный отпуск, чтобы привести в порядок домашние дела. Но как ни противна эта мысль, я буду вынужден вскоре вернуться к бандитам.

— Но зачем возвращаться? — спросил я. — Здесь они ничего не смогут вам сделать.

— Вы не понимаете. За меня поручилась гильдия. Если не вернусь, как обещал, она должна будет послать кого-нибудь другого. В этом случае меня исключат из гильдии.

— А почему бы вам не заняться чем-то новым? — спросил я его.

Он покачал головой:

— Если бы даже я хотел этого, что не соответствует истине, такой поступок просто невозможен. Каждый из нас, нидийцев, с рождения принадлежит к своей гильдии. На того, кто не состоит в гильдии, смотрят как на конченого. Он обречен жить в одиночестве, держаться подальше от людей. На меня больше не взглянула бы ни одна женщина. Если бы я имел детей, они отреклись бы от меня.

— Существует ли выход? — спросил я.

— Только один. Халиане должны сами аннулировать контракт. И он будет считаться недействительным, если потребовавший от меня службы начальник халиан умрет.

Я взвесил все обстоятельства.

— Но вы, конечно, не можете убить его сами?

Дятел рассмеялся:

— Чтобы я убил Тостига Истребителя Людей, коменданта военной базы, с которым связан контрактом? Это невозможно! Убивать разрешено только гильдии не имеющих гнезда, а от нее я получил отказ.

— И пришли с этой просьбой ко мне.

— Убивать халиан — ваша работа. Вы достаточно часто повторяли нам это.

Я задумался, и это были не слишком приятные мысли. Птицелюди не внушали особого доверия, они помогали Флоту неохотно, и вообще, складывалось впечатление, что своим кровожадным господам они симпатизируют больше, чем нам. Нельзя было не учитывать возможность предательства. Путь до Карнаянская пустыни был неблизок и проходил по сильно пересеченной местности, дававшей врагу уйму возможностей устроить засаду. Начальство не погладит меня по головке, если

при столь подозрительных обстоятельствах я поведу отряд в такую даль.

Поэтому я собрался было отказать Дятлу. Но он прибавил еще кое-что, и мое решение изменилось.

— Я также смогу показать вам, — сказал он, — место, где халиане ремонтируют свои космические корабли.

Это сообщение до крайности заинтересовало меня. Местонахождение халианских заводов, воинских arsenалов и ремонтных цехов оставалось тайной, которую мы пытались раскрыть с самого момента приземления. Мы разрушили космопорт халиан, и тем не менее их корабли время от времени совершали внезапные налеты. Они исчезали, прежде чем мы успевали проследить их путь, и приземлялись где-то в пустыне, занимавшей большую часть планеты.

— А вы видели это место? — спросил я.

Он утвердительно закудаhtал:

— Да, я его видел. И оно огромное, просто огромное.

— Так скажите, где оно, — попросил я, — и мы пошлем туда наш Флот.

— Я не смог бы этого сделать, если бы даже захотел, — ответил Дятел. — Оно где-то в Карнаянской пустыне, и там я могу отыскать его, но ничего не понимаю в ваших картах. Кроме того, чтобы потребовать расторжения договора, я должен лично убедиться в смерти Тостига Истребителя Людей.

Я еще раз обдумал услышанное. Если в нем все правда, то это дело первостепенной важности. Успешная ликвидация крупной банды халиан может стать началом конца тяжелой войны на планете. А если вдобавок удастся обнаружить их заводы и базы... Определенно это стоит риска.

Не следует посвящать в мой замысел подчиненных, решил я. Операция будет носить исключительно разведывательный характер, а потому она должна быть предельно засекречена. Собственно, всего-то и нужно — найти вражеский оплот и вернуться. Это работа для одного бойца и проводника.

А если мне посчастливится убить халианского военачальника, это тоже будет сильным ударом по врагу.

— Подождите здесь, — сказал я Дятлу. — Я вернусь через час. И скажите, Отаи, вы верите в Верховную Сущность?

— Конечно, — сказал он. — Бога моей гильдии зовут Залатак.

— Так вот, если вы солгали, вам не поможет даже Залатак, — добавил я весьма, как надеялся, убедительным тоном.

Четырьмя днями позже мы с Дятлом, углубившись на несколько сот километров в Карнаянскую пустыню, разбили лагерь на дне пересохшей реки. Какое-то расстояние преодолели на легком скутере, передвигаясь в основном ночью на высоте трех-четырёх метров над землей, чтобы нас не обнаружили.

Спрятав аппарат близ границы Карнаяна, дальше мы пошли пешком. Наш путь пролегал по каменистой дикой местности — пустынному плоскогорью; до самого горизонта простирались нагромождения скал и окаменелых глиняных наростов. Нас терзал ни на мгновение не стихавший ветер, душераздирающе завывая в ушах. А когда с юга налетела песчаная буря, я возблагодарил Бога за то, что он надоумил меня захватить защитные очки.

Командование отрядом я передал Гидеону, взяв с него клятву хранить в тайне цель моего путешествия. Узнав, куда я направляюсь, он немедленно выразил желание присоединиться и привел в пользу такого решения несколько весьма веских аргументов. Когда же я решительно отказался от его услуг, Гидеон обвинил меня в желании присвоить всю славу. Но разумеется, дело обстояло совсем не так. Имелись опасения, что я затеял глупое и совершенно безнадежное предприятие. А потому я предпочел не рисковать жизнью подчиненных.

Мы с Дятлом часто беседовали о халианах. Хотя он все время твердил, что презирает их, в его тоне тем не менее ощущалась какая-то завистливая почтительность. Тогда как при упоминании о нас, людях, в его голосе

сквозило нечто среднее между насмешкой и презрением. Я и раньше замечал такое отношение к людям у других нидийцев и приписывал это их упрямству. Но теперь мне это несколько поднадоело, и я решил наконец-то выяснить все, что мне хотелось знать о халианах и их способностях к управлению.

— Отаи, — сказал я, — мне кажется, что ты и все твоё племя странно противоречите сами себе. С одной стороны, вы постоянно говорите о том, как презираете халиан. С другой стороны, ваши слова звучат так, будто вы видите в хорьках нечто особенное. Отаи, давай поговорим начистоту. Что, по твоему мнению, такого особенного в расе, которую вы именуете карликами, у которых слишком много зубов.

— Очевидно, — ответил Отаи, — что пануа — существа презренные и ненавистные. Но не менее очевидно и то, что они обладают фейи.

— А что такое фейи?

— Фейи — качество, ставящее одну личность или живое существо выше или ниже других.

— Но раньше я никогда не слышал этого выражения. Часто оно употребляется среди твоего народа?

— Да, мы много думаем о нем, вернее, многое рассматриваем с этой точки зрения. Вероятно, в разговоре с вами, людьми, никто не упоминал его, чтобы не затронуть ваших чувств.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Просто у вас, людей, очень мало фейи.

На меня накатила ярость. Как этот двухметровый цыпленок с дурацким красным гребнем на маленькой глупой башке осмеливается говорить, что у нас, людей, мало фейи?! С трудом взяв себя в руки, я спросил:

— А как насчет халиан? Не хочешь ли ты сказать, что у них есть фейи, а у нас нет?

— Разумеется. Но не стоит на меня сердиться. Я не виноват, что все обстоит именно так. Хотите того вы или нет, в отношении фейи халиане имеют очевидное преимущество.

— Расскажи поподробнее, — стиснув зубы, потребовал я.

— Просто они пробыли на нашей планете пятьдесят лет, — ответил Отаи. — У них было время изучить в нас не только то, что мы считаем нормальным и не скрываем, но и то, что нам не нравится.

— Приведи пример.

— Возьми хотя бы то, что выставляете руки полностью напоказ, как простые хороджи. Разве вы не заметили, что никто из нас не делает этого? А халиане не только прикрывают свои локти, но, выходя на улицу, надевают подходящие высокому рангу синие нарукавники анараджи.

— И это действительно так важно?

— Конечно. И не столько это, сколько совокупный эффект подобных вещей. Нарукавники анараджи, малиновая краска для век, которую мы называем торианг, и множество других вещей, таких как хелиго-дан, вастииис, молокация, и это еще далеко не все. Халиане изучили наши ценности, ввели их в обиход и подняли свой фейи выше уровня простых смертных, при этом сами возвысились до статуса богоподобных. Именно потому мы продолжаем уважать их, несмотря на теперешнюю слабость халиан. Мы, нидийцы из гильдий, не любим предавать богоподобных существ. Это может принести неудачу.

С помощью Дятла я составил список вещей, придающих индивидууму фейи. Все они относились к одежде или окраске. Халиане использовали их, а мы нет. Этим и объяснялся наш низкий статус на этой планете и престиж халиан. Мое путешествие уже начинало приносить пользу. Я не сомневался в том, что полковник, получив от меня эти сведения, исправит положение.

Однако не все с этим фейи мне было понятно.

— Но если поднять статус так несложно, почему все нидийцы не сделают это? Разве сложно обзавестись оранжевым ачики, знаком младшего дворянского сословия? Ведь это всего лишь предмет одежды, две полоски кожи, обвязанные вокруг левой ноги.

— Мы никак не можем сделать этого, — сказал Дятел. — Статус передается по наследству, либо присуждается за заслуги перед гильдией, либо дается по праву на-аринджи.

— А это еще что такое?

— На-аринджи означает божественное непреодолимое стремление. Имитировать его нельзя.

Я не стал переубеждать его. Халиане неплохо воспользовались доктриной на-аринджи, нам она тоже пригодится. Этим и объяснялись наш низкий статус на Цели и неизменность престижа халиан. Как только я доберусь до штаба, ситуация полностью изменится.

А теперь пора подумать и о других вещах. Если верить Дятлу, мы находились в шести часах ходу от лагеря халиан и их секретного космического производства, что бы оно из себя ни представляло.

Ночь выдалась темная. Ледяной ветер свирепо хлестал по лицу. Вот уже несколько часов мы упорно, ни на минуту не останавливаясь, продвигались вперед. Пройдя через узкую щель меж базальтовых столбов, ощутив рассыпающуюся под ногами мелкую гальку, мы вышли к длинному, уходящему куда-то вниз каньону и начали спуск. Я не спрашивал Дятла, сколько нам еще идти, но по его нервозности, по тому, как ерошились перья на хвосте, я понимал, что уже недолго. Мы спустились в каньон, пересекли его, и Дятел завертел головой в поисках ориентиров. Чтобы помочь ему определиться на местности, я рискнул посветить узким лучом фонарика. Казалось, Дятел сомневался. Наконец он сказал:

— Вот!

Проход вел куда-то между полуобвалившимися базальтовыми столбами. Миновав их, мы обнаружили грубо вырубленные в скале ступеньки.

Спуск был довольно долгим: по моим прикидкам, мы преодолели несколько сот метров. Дятел вел меня по коридору, залитому тусклым светом ламп. Дойдя до конца тоннеля, мы повернули за угол, и я резко остановился на краю обрыва.

Убедившись, что падение мне не угрожает, я взглянул вперед и остоленел. Мы находились в невообразимо огромной пещере, залитой призрачным зеленым светом, вызванным природной люминесценцией скальной породы. Под нависающим каменным сводом пещера тянулась несколько хватало глаз — бесконечность, оформленная в грубые рамки, единство противоположностей свободного пространства и камня.

А на дне пещеры, во всем великолепии промышленной архитектуры, символом технологической мощи предстали космические корабли. Поначалу мне бросились в глаза только их округлые металлические серые и голубые корпуса, на которых мерцали блики отраженного света. И только потом я обратил внимание, что корабли расположены абсолютно беспорядочно.словно на свалке.

Однако у меня не оказалось времени осмыслить впечатления от этого ошеломляющего открытия. Краем глаза я заметил, как Дятел отступил, и это слегка насторожило. Схватившись за лучевой пистолет, я обернулся. Со всех сторон на меня надвигались отделившиеся от стен тени. В полумраке пещеры сверкнули острозубые пасти, я отчаянно попытался снять пистолет с предохранителя, но было слишком поздно. Что-то тяжелое ударило мне в висок, я понял, что падаю, но потерял сознание еще до того, как ударился о землю.

Когда я очнулся, первым моим чувством было удивление. Неужели я все еще жив? Но как только я вспомнил, что халиане берут пленных исключительно для того, чтобы пополнить запасы свежего мяса, благодарность судьбе уступила место менее приятным эмоциям. Хорьки — исключительно плотоядные твари, и, по слухам, их пристрастия в пище напоминают вкусы земных леопардов и гиен. В ранние периоды своей истории, до тех пор пока у них не развилось сознание расовой идентичности, они были каннибалами. Теперь же халиане, как и мы, люди, предпочитают пожирать плоть других биологических видов и любят свежее, еще с кровью, мясо только что убитых экземпляров, в котором содержится

придающая силу мана. Но у этого пристрастия к свежему мясу есть и конкурент, ведь еще с первобытных времен у халиан осталась любовь к мясу с душиком. Они высоко оценили бы старый земной рецепт тушеного зайца, согласно которому тушку держат в горшке до тех пор, пока она не начинает разваливаться от одного прикосновения. В данном случае гнилость и нежность являются синонимами. Я от души понадеялся, что мне не уготована подобная судьба.

Сейчас я сидел на земле в помещении наподобие пещеры, лодыжки были связаны, другой конец веревки обвивал железную скобу на стене. Осмотрев узел, я убедился, что его нетрудно развязать, но вовремя вспомнил, что халиане обожают наблюдать за попытками их живого запаса продовольствия освободиться. По нашим сведениям, такие попытки неизменно пресекаются и несчастная жертва отдается для игр халианам-щенкам, а потом, полумертвая от ран, вновь привязывается, дабы дожидаться-таки участи закуски.

Таким образом, я сидел на земле и оплакивал свою несчастную судьбу. Спустя некоторое время проведать меня пришли три халианских воина. Все они были невысоки и одеты в короткие разноцветные одежды, наподобие шотландских юбок. Позднее я узнал, что цвета определяли принадлежность к какому-либо воинскому подразделению. Узкую грудь каждого перекрещивала португеза, на которой болталось великое множество самого разнообразного оружия — мечи и кинжалы, различные ножи и плети, аркан и несколько видов огнестрельного оружия. Они затараторили на своем лающем языке, потом, убедившись, что я не понимаю, завывли хором. Это продолжалось, пока не прибежал Дятел в качестве переводчика.

— Они требуют, чтобы ты встал. Веревку развяжут. Ты должен пойти с ними. Тебе лучше делать, что говорят. Их еще не кормили, и любой жест непослушания может спровоцировать голодную ярость. Это не слиш-

ком приятное зрелище, особенно если объектом их аппетита являешься ты сам.

— Скажи, что они могут не бояться, — с горечью ответил я. — Отаи, всем этим я обязан тебе? Надеюсь, отпираться не будешь?

— Да. Но не думай обо мне плохо. Я ведь дал обет гильдии, а подчиняться ему — самый святой долг для каждого нидийца.

— Не понимаю, о чем ты, — буркнул я.

Но прежде чем Отаи смог сказать еще что-нибудь, халианские воины развязали меня и, дружно взлаивая, потащили на веревке, которую накинута мне на шею.

Охранники волокли меня извилистыми подземными коридорами, все время обмениваясь лаем и воем, без сомнения обсуждая, как лучше употребить добычу в пищу. Когда я очутился в большой, вырубленной в скале комнате, один из них, немного говоривший по-английски, передней лапой указал на стул.

— Сидеть! — сказал он. — Не двигаться! Тостиг, он приходить.

Я сел. Охрана ушла. Оглядевшись вокруг, я не обнаружил ничего, что можно было бы использовать как оружие. Да и момент для попытки что-либо предпринять был не слишком удачный. Я от души надеялся, что в будущем мне подвернется возможность получше. Если, конечно, у меня есть будущее. Оставалось только сидеть и ждать этого Тостига. Он, без сомнения, желает узнать, каков я на вкус и подхожу ли для праздничного ужина.

Спустя некоторое время в комнату вошел халианский воин.

— Здравствуйте, меня зовут Тостиг, — произнес он на хорошем, почти без акцента, английском языке.

Тостиг был выше ростом, чем другие. На его юбке имелась пурпурная кайма, а португепя была отделана серебром. Он помахивал офицерской тростью, а уверенное поведение выдавало в нем лидера.

— Капитан Иуда бен-Иуда, — представился я.

— Весьма рад.

Тостиг снял ножны с мечом и швырнул в угол, сорвал боевые рукавицы, отправил их вслед за оружием и беззаботно опустился на кушетку. Потом зевнул, потянулся, скинул обувь и выпустил когти.

— Знаете, — сказал он, — чертовски трудно сшить башмаки, которые хорошо сидели бы на халианской лапе. Когти дают о себе знать.

Ответить на это мне было нечем, поэтому я промолчал. Но Тостиг меня заинтересовал. Трудно понять чуждую психологию. Больше всего это существо, конечно же, напоминало гигантского хорька. Но при этом было такое впечатление, что передо мной профессиональный военный средних способностей, вежливый, с ровным характером и юмористическим, быть может даже ироническим, складом ума.

— Что ж, капитан, — сказал он, — ваши сегодня задали нам жару. Перехватили одну из наших групп, возвращавшуюся из города после набега. Несчастные придурки сбились в кучу и горланили одну из своих боевых песен. Их всех перебили. Сколько раз я говорил: надо рассредотачиваться, если не исключено, что неприятель поблизости. Это уменьшает вероятность поражения лучевым оружием или реактивным снарядом. По-моему, понять не так уж трудно. Но разве они послушают? «Это не по-халиански, — отвечают они мне. — Снижает боевой дух. Нас вполне устраивает старый добрый халианский боевой обычай — все в одной куче, сплошные зубы и когти». С чертовыми идиотами невозможно спорить. И вот потеряли семерых. Недурной счет в вашу пользу.

Судя по поведению и тону голоса, у Тости́га не было по отношению ко мне злых намерений. С таким же выражением он мог бы объявить о результате теннисного матча.

— Но я, разумеется, не смею надеяться на ваши соболезнования, — продолжал он в столь же шутливой манере. — Кровные враги и тому подобное. Наши потери — ваши успехи, верно? И наоборот, разумеется.

— Полагаю, что так, — осторожно ответил я. — Но не задумали же вы все это для того, чтобы обсудить со мной будущее планеты?

— Совершенно верно! — воскликнул он. — Пора обрисовать вам ситуацию.

— Прежде всего я хотел бы кое-что уточнить, — осмелел я.

— Спрашивайте!

— Буду ли я главным блюдом на вашем банкете или вы относите меня к категории легких закусок?

Тостиг разразился смехом:

— Ну вы даете! Согласитесь, что это довольно забавно — вести беседу с легкой закуской. Не бойтесь, вы мой гость. Хотя не исключено, что когда-нибудь, если дело обернется не лучшим образом, мне придется убить вас. Сейчас вы в полной безопасности, и могу заверить, что вам будут предоставлены все условия.

— Могу я поинтересоваться, — спросил я, — где вы так прекрасно научились говорить по-английски?

— Волею обстоятельств я некоторое время гостил в лондонском зоопарке на планете Земля. Собственно говоря, я был главным аттракционом на выставке ужасающих хищников, но умудрился через некоторое время сбежать, раздобыть корабль и вернуться к своим. Никогда не забуду доброго отношения англичан. В некотором роде это были совсем неплохие деньки... Но простите, я, кажется, пренебрегаю долгом гостеприимства. — Тостиг легким прыжком соскочил с кушетки, подошел к буфету и показал мне бутылку. — Виски, капитан Иуда? Мы добыли его в прошлом месяце при налете на ваш отдаленный пост. Нам, халианам, оно не по вкусу, но я берег его для подобного случая.

Я взял стакан. Из висящего на стене кожаного бурдюка Тостиг налил себе белесой жидкости — ферментированного молока, как я узнал позднее.

— Ваше здоровье, — сказал он.

Мы выпили.

— Вы, случайно, не голодны? Я могу распорядиться насчет обеда.

— Тут есть один нидиец, по имени Отаи, и я не возражал бы против него — в жареном, вареном или пареном виде.

Тостиг хмыкнул:

— Рад был бы угодить вам, но Отаи работает на меня. Вас он предал исключительно по той причине, что должен был выполнить обет гильдии. Может, сойдемся на салате? Насколько я помню, человеческие существа могут есть зелень без особого вреда для себя.

— Спасибо, но у меня почему-то нет аппетита. И я не понимаю, что это за штука такая — обет гильдии.

— Это потому, что вы не прожили здесь пятьдесят лет. Видите ли, мне потребовались услуги мастера-лудильщика, и гильдия прислала Отаи. Но он оказался не пригоден к тому, что от него требовалось. Мне подсунули неопытного молокососа, принятого в гильдию только благодаря высокопоставленному дяде. Естественно, я разозлился и готов уже был отправить никчему к повару для разделки и маринования, когда Отаи пообещал выполнить обет, доставив заместителя, мастерство которого удовлетворит мои потребности.

— И этим заместителем оказался я.

— Да, хотя, разумеется, он имел в виду не вас лично. Мне подошел бы любой человек — о вашей расе идет слава как о несравненных лудильщиках. Вы еще и неплохие воины, должен признать, но когда дело касается ремонтных работ — вам нет равных.

— Барон Тостиг, — сказал я, — или каков там ваш титул...

— Барон звучит неплохо, — ответил Тостиг, — в этом слове чувствуется некий приятный звон, вы не находите?

Я пожал плечами:

— Барон, шмарон, мне все равно. Но если вы думаете, что я собираюсь помогать вам, самым опасным врагам, с которыми когда-нибудь сталкивалось человечество, то судите обо мне совершенно неверно.

— Разумеется, так вы и должны были ответить, — хмыкнул Тостиг. — Но что, если я сделаю предложение, от которого вы не сможете отказаться?

Одно было очевидно: за время своего пребывания в лондонском зоопарке Тостиг кое-чему научился.

— Что за предложение? — спросил я.

— Допустим, я докажу, что помощь, на которую рассчитываю, пойдет также на пользу и вашим людям?

— Сильно сомневаюсь, что это вообще доказуемо.

— Ну а если смогу? И кроме того, обещаю по завершении работы отпустить вас целым и невредимым?

— Что бы вы со мной ни сделали, я никогда не предаю человечество.

— Ну, это тоже требует доказательства, не так ли? — Он сел и натянул ботинки. — Но не думаю, чтобы дело дошло до этого. Позвольте продемонстрировать, что я имею в виду, а потом вы сами примете решение. Правда, боюсь, второпях я смогу дать не более пары минут на размышление. Но, как говорят халиане, не будем заносить зад поперед передних лап. Пойдемте! Это вас заинтересует.

Метя за собой длинным плащом, Тостиг направился к двери. Я последовал за ним. А что еще оставалось делать?

Тостиг делал честь своей расе, как говорят о некоторых из нас земные гои. Но вот о его сторонниках этого сказать было нельзя. Они слонялись по проходам, хлебали свое ферментированное молоко, изрядно при этом пьянея, обменивались шуточками, с грубым гоготом похлопывали друг друга по спинам, громко пускали газы и глумились над злополучным пленником, поспешающим за их командиром. В общем, они ничем не отличались от солдатни из любой части Галактики, но все это изрядно действовало мне на нервы.

В их отношении к Тостигу непринужденная фамильярность мешалась с плохо скрываемым благоговейным страхом. Но надо сказать, это была единственно верная позиция при взаимоотношениях со столь знаменитым

боевым командиром. Подобно викингам древней Земли, халиане словно бы приносили Тостигу присягу на вечную верность, а он вел их к славе и новой добыче.

Тостиг провел меня по запутанному лабиринту вырубленных в скале коридоров, а потом вниз по лестнице с неравномерно расположенными каменными ступеньками, по которой он спускался на четырех конечностях гораздо быстрее и изящнее, чем я на своих двоих. Лестница вывела нас на дно пещеры. Впереди виднелось то самое гигантское скопление космических кораблей. К нему мы и направились.

— У вас, оказывается, приличное количество небольших кораблей, — заметил я. — Кажется, даже больше, чем вы выставили в сражении с Флотом, насколько я могу судить по нашим сводкам.

— Все правильно, — ответил Тостиг, ведя меня по извилистым проходам между звездолетами. — Но с этим, разумеется, мы ничего не могли поделать.

Я промолчал. Если он так полагает, то я не собираюсь убеждать его в обратном.

Тут и там в промежутках между кораблями сустились группы халиан. Каждая группа, по-видимому, находилась под руководством пожилого халианина, и эти надсмотрщики, или кем там они были, носили серебристо-серые балахоны и необычные заостренные шляпы из войлока или похожего на войлок материала.

— Что тут происходит? — спросил я.

— Это достаточно очевидно, — ответил Тостиг, не замедляя шага, вернее, торопливого бега вприпрыжку по направлению к неизвестной мне цели. — Ремонтные бригады чинят поврежденные корабли. Вам наверняка знакомы подобные процедуры.

Некоторое время я приглядывался к халианам, которые снимали с кораблей унифицированные узлы и увозили их куда-то вглубь пещеры. Надсмотрщики сверяли номера узлов с имеющимися списками.

— Тут все очень просто, — сказал Тостиг, заметив мой интерес. — Для каждого корабля составляется перечень

неисправностей, в котором указывается поврежденный узел, его месторасположение, серийный номер и процедура демонтажа. Мы снимаем сломанную деталь и заменяем ее на новую.

— А новую берете с какого-нибудь другого корабля, — добавил я. — Правильно?

— Конечно. Откуда же еще нам взять запчасти?

Я кивнул с таким видом, будто другого метода не могло существовать даже в принципе. Теперь я понимал назначение этого кладбища кораблей. Халианский эквивалент нашего склада. Мы, люди, давно придумали автоматизированные склады, на которые непрерывным потоком поступают новенькие запчасти. И когда возникает необходимость заменить тот или иной узел, ты просто оформляешь заказ.

Теперь мне стало совершенно очевидно, что халиане не имеют складской системы. Причина этого могла крыться только в одном: у них не было промышленности, производящей запасные части. Не было, очевидно, и поступлений из внешнего источника.

Этот вывод, впоследствии подтвержденный, имел первостепенное значение для разведки Флота. Когда какой-нибудь корабль халиан ломался, все, что они могли сделать, — это заменить целиком неисправный узел. Если, конечно, им удавалось разыскать его. В противном случае корабль оказывался не у дел.

Мне стало ясно, какое огромное значение имеет это кладбище. Очевидно, благодаря скоплению увечных космических кораблей поддерживался в боеспособном состоянии флот халиан. Стоит уничтожить эту свалку — и кто знает, как далеко придется им лететь, чтобы раздобыть замену?

Производство — основа любой технологической цивилизации — мало интересовало халиан. Среди хорьков, конечно, была каста, занимавшаяся кое-каким ремонтом, и со временем халиане, вероятно, смогли бы образовать нечто вроде гильдии ученых и мастеровых, но они предпочли пойти по мистическому пути, стать пророка-

ми и певцами магической и поэтизированной псевдотехнологии. Мне довелось больше узнать об этом от Поющего о Далеком Доме, мастера целенавещения из отряда Тостига. Но все это случилось позднее. А сейчас я догнал Тостига, который наконец остановился возле корабля средних размеров, чуть больше флотского крейсера.

Тостиг повернулся ко мне:

— Мой друг, вам придется сделать выбор. У меня весьма простое предложение.

— Если я правильно догадываюсь о сути вашего предложения, — ответил я, — то мой выбор уже сделан.

— И каково же решение?

— Полагаю, вы хотите, чтобы я помог привести эти корабли в рабочее состояние? Тогда вы сможете дать бой нашему Флоту, и на этот раз итог может оказаться более удачным для вас. Мой ответ — нет.

— Я не осуждаю вас за отказ, — проговорил Тостиг. — Нельзя требовать предательства от уважающего себя воина. И вообще, подобное задание превышает возможности человека. Нет, я имел в виду совсем другое.

— Что же тогда?

— Взгляните, — указал Тостиг. — Это мой личный корабль. Вы, возможно, знаете, что мы, халиане, воюем под предводительством выборных военачальников, каждый из которых имеет свой корабль. Собственно говоря, мы даже не ведем войн, потому что всякая война подразумевает битву до победного конца. Мы сражаемся ради добычи, но чаще всего ради славы. Когда не предвидится ни добычи, ни славы, некоторые, а точнее большинство, не видят ничего зазорного в том, чтобы перебраться в другое место, где обстоятельства могут сложиться более благоприятно.

— Могу заверить: если речь идет о том, чтобы вы убрались отсюда, я полностью к вашим услугам.

Разумеется, я сказал это с иронией. Но Тостиг воспринял мои слова абсолютно серьезно.

— Иуда, это является решением проблемы. Ведь я всего лишь хочу, чтобы вы помогли привести этот ко-

рабль в работоспособное состояние. Как только он будет готов к взлету, я погружу на него своих солдат и мы отправимся искать удачи в других местах. Думаю, любое из них привлекательнее, чем Цель.

Я обдумал его предложение.

— Дадите ли вы мне слово, что покинете Цель?

— Конечно.

— И не будете больше сражаться против человечества?

— Не говорите глупостей, — ответил Тостиг. — Конечно, я буду сражаться против человечества. Вы же понимаете: таковы правила игры. То есть я хочу сказать, что халианскому воину просто больше ничего не остается делать.

— Не знаю, — сказал я, — будет ли для человечества какая-нибудь польза, или же с моей стороны это окажется предательством.

— Но вы ведь не можете знать наверняка? — спросил Тостиг. — Однако сдается, что при таком раскладе мы оба останемся в живых. Да и кто может знать, какое будущее уготовано каждому из нас или нашим расам? Вы находитесь в ненадежной ситуации, которая, конечно, может разрешиться благополучно. А может выйти и по-другому. Бесспорно одно: если вы не согласитесь, то умрете раньше меня. Это не угроза, а обещание. Не подумайте только, что я запугиваю. Обещаю даже: поскольку вы мне понравились, есть вас я не стану. Так что скажете?

Как вы можете себе представить, у меня было о чем подумать в эти короткие мгновения, когда я стоял на холодном каменном полу пещеры у слабо освещенного зеленоватым фосфоресцирующим светом металлического корпуса корабля. Разумеется, я испытывал вполне естественное желание остаться в живых. Но мое решение было основано на более объективных соображениях.

Будучи офицером разведки Флота, я должен был выжить и доставить своему командованию добытые сведения. Факт отсутствия у халиан источника запчастей был

крайне важен. Из него следовал вывод, что кладбища кораблей имели огромное и несколько неожиданное стратегическое значение — они являлись источниками материалов, благодаря которым халианские банды продолжали боевые действия. С другой стороны, именно незаменимость таких хранилищ заставляла халиан отчаянно сражаться за эту планету. Если я вернусь и доложу о примерном местоположении кладбища в этой глуши, Флот уничтожит его, не подвергая опасности нидийцев.

И наконец, еще одно: если халиане не в состоянии строить для себя космические корабли, то кто тогда сделал эти? И зачем? Тут командованию Флота есть над чем подумать. И чтобы иметь возможность ответить на все вопросы, я обязан вернуться.

Но отпустит ли барон Тостиг меня на самом деле? Я от души надеялся, что он хозяин своему слову.

— Хорошо, согласен, — ответил я.

— Замечательно! — воскликнул он с явным облегчением. — Тогда пошли. Нам нужно повидаться с мастером целенаведения. Он объяснит вам все, что нужно.

Тостиг привел меня к грубому сооружению, стоящему в нескольких метрах от корабля, — нечто вроде будки из обрезков металла, старых дверей и кусков обшивки. Военачальник отыскал местечко поудобнее и расположился прямо на полу, жестом предложив мне последовать его примеру.

— В чем дело? — спросил я.

— Мастер целенаведения внутри, беседует с богами. Мы не должны мешать ему. Он выйдет, когда закончит.

— А кто, собственно, такой этот мастер целенаведения? — спросил я.

Как объяснил мне Тостиг, ближайшим нашим эквивалентом является штурман-навигатор. Но в отличие от людей халианские мастера целенаведения управляют навигационным оборудованием посредством молитв и медитаций. Я узнал также, что мастера целенаведения всегда выбираются из класса поэтов, поскольку, по общему мнению, халианские поэты должны знать толк в

странствиях и битвах. Только этой посвященной касте можно доверить общение с корабельным компьютером.

В тот момент, когда до меня начал доходить смысл сказанного, из своего жилища появился мастер целена-
ведения.

Он выглядел значительно старше Тостига, который и сам был заметно старше своих подчиненных. Его имя, в переводе на наш язык, звучало как Поющий о Далеком Доме. Шерсть у него была серовато-коричневого цвета, изрядно присыпанная сединой. Двигался мастер с большим достоинством, но по походке явно ощущалось, что он, подобно многим престарелым халианам, страдает от ревматизма.

Голос у него оказался высокий, дрожащий и неприятный.

— Барон Тостиг, — произнес он, — зачем вы привели этого расово неполноценного к Храму Информации?

Сначала я принял его за антисемита, но потом понял, что расово неполноценными для него являлись все люди без исключения.

— Ладно-ладно, Поющий, — примирительно сказал Тостиг, — мы уже говорили с тобой об этом. У человеческих существ хорошие способности к технике. С помощью этого пленника ты быстро разберешься с компьютером, и мы отправимся за новой добычей. И за славой, не забывай этого.

— Халианский бард отвергает недостойную славу, — высокомерно заметил Поющий. — Я не нуждаюсь в помощи этого создания и вполне способен самостоятельно провести процедуру взлета.

— Конечно, конечно, — поддакнул Тостиг. — Но все дело в том, что мы никак не можем заставить эту чертову штуку работать.

— Боги информации дадут нам свое позволение, — величественно ответил Поющий. — Мы не должны торопить их.

— Вынужден заметить, — возразил Тостиг, — некоторые халиане начинают подозревать, что общение с ком-

пьютерами основано на более простых и эффективных принципах, чем промысел чисто гипотетических богов информации.

— Не смейте хулить богов в моем присутствии! — взревел Поющий. — Хотя вы и самый великий из героев, когда-либо рождавшихся в Инчидианском клане Западной Халии, но в религии все еще шенок.

— Давай не будем ссориться, — сказал Тостиг любезным тоном. — Я хочу убраться отсюда вместе со своими воинами. Этот человек способен мне посодействовать. Либо он будет твоим помощником, либо я назначу тебя его помощником, и точка.

По выражению лица Поющего было видно, что он еще много чего может сказать, но, должно быть, его смутил решительный вид Тостига и то, как барон теребил правой лапой кисточку, украшавшую лазерный пистолет.

— Разумеется, пускай помогает, — сдался Поющий. — И если у него появятся дельные советы, я буду рад последовать им. Боги информации иногда выбирают очень необычные способы для передачи своих посланий.

— Вот и прекрасно, — ответил Тостиг. — Я рад, что все уладилось. Оставляю вас, чтобы вы познакомились поближе.

И очень довольный, что отделался от Поющего о Далеком Доме, он ушел, дружески подмигнув мне напоследок. По крайней мере, я это счел дружеским подмигиванием. Он был неплохим парнем, этот Тостиг.

Халианский барон, обязательно великий воин, является единственным командующим во время набега. Именно он определяет время и место. Но непосредственным исполнителем этих приказов является мастер целенаведения. Барону даже в голову не придет самому контролировать процесс перемещения корабля с места на место. Его дело — война.

Халианская навигация проста до смешного, хотя и представляет собой весьма привилегированное занятие, до которого допускаются только мастера целенаведения

из гильдии поэтов. Мастеру целенаведения надо всего лишь проделать несложные манипуляции. После долгого мантрического заклинания «Новый путь, про момент не забудь», повторяемого до тех пор, пока слова не потеряют всякий смысл, если он когда-нибудь вообще присутствовал, мастер готов действовать. Он вынимает из специального гнезда путевой диск, содержащий огромное количество закодированной информации или, по выражению халиан, содержащий много силы. Мастер засовывает его в щель компьютера, и на экране появляется директория целей. Мастер выбирает нужную, нажимает кнопку «Выполнять», и корабль взлетает. Все остальное происходит совершенно автоматически. Если только не требуется ручное управление, программа поднимает корабль в воздух, используя магнитные двигатели, удаляется от планеты, в нужный момент переходит в гиперсветовой режим, а потом, достигнув места назначения, производит все операции в обратном порядке. Конечно, в сражениях халианские командиры отключают автоматику и управляют кораблем вручную, как это делаем и мы, люди. Но во всех прочих ситуациях полетом ведает компьютер.

Естественно, случаются и отклонения, но обычно все происходит именно так. Удобная, простая и надежная процедура, прекрасно соответствующая кровожадной и вместе с тем ребяческой натуре большинства халиан. И вполне в рамках их интеллекта.

Но что происходит, когда этот простой, рутинный, проверенный метод дает сбой? Когда компьютер сообщает о системной ошибке? Именно это и происходило со сломанным звездолетом барона Тостига.

Мастер целенаведения попросил, чтобы его оставили наедине с компьютером, и попробовал несколько известных только ему молитв, мантр большой силы. Спустя три дня он появился, сокрушенно покачивая головой. Машина упрямо продолжала выкидывать все то же сообщение: «Системная ошибка!»

— Просто поразительно, — сказал я Поющему, стоя рядом с ним и глядя на экран корабельного компьютера. — Мои соотечественники хорошо понимают, что происходит, когда бог не хочет больше говорить с ними.

— Этот вопрос имеет значительный теологический интерес, — ответил он, соглашаясь со мной, хотя я имел в виду несколько иное. — Системная ошибка упоминается в наших древних книгах — например, в сказании «Как системная ошибка на свет появилась». Если коротко, боги информации оставили древним халианам две комнаты. Из одной они разрешили брать все, что угодно, и это были хорошие вещи. Другую запретили открывать. Но люди со временем стали жадными и нечестивыми и открыли комнату, надеясь найти в ней еще большие богатства. Вместо этого оттуда выползло маленькое существо с длинным жалом на конце хвоста. Это и был злой демон — системная ошибка, который с тех пор все время жалит нас.

— Потрясающе! — сказал я. — Обожаю сказки. А теперь, если вы не возражаете, я сяду к клавиатуре и посмотрю, нельзя ли что-нибудь узнать насчет системной ошибки.

— Я могу показать тебе все комментарии к каноническому тексту.

— Спасибо, конечно, но лучше поискать инструкцию по исправлению ошибки. Так рекомендуется в «Описании системы».

Он взглянул на меня с яростью:

— Не претендуй на знание того, чего ты знать не можешь. Никто никогда не видел «Описания системы», и уж конечно боги информации не покажут его человеку. Но если хочешь, можешь попытаться воздействовать на машину.

При работе с корабельным компьютером, даже если она доведена до автоматизма, все же нужно, чтобы оператор в любой момент мог указать, какое действие машина должна произвести. Кроме того, оператор должен вводить команды в установленном порядке и принимать

необходимые меры, если случится что-то непредвиденное. Ему не обязательно знать, к каким результатам приводят его манипуляции на уровне битов или байтов. Но он должен все делать правильно.

Поющий о Далеком Доме знал многие процедуры наизусть, что для представителя дотехнологической цивилизации было немалым достижением. Однако он не называл эти алгоритмы программами. Они именовались «строфами инструкции», представляли собой вкрапления в саги и были перемешаны с поэтическими изложениями мифических подвигов древних халианских героев.

Один из типичных фрагментов саги «Боевое безумие Дестрида Бешеные Когти» звучит так:

И Дестрид тут переключился,
Нажал на Мышь Судьбы.
На Видеомашине появились строчки.
И тут же бог коммуникаций молвил:
«Ввод», «Пробел», «Семерка», «Е»!
Лишь сделай это, и получится как надо!
И Дестрид господу восславил,
И клавиши божественные трепетно нажал...

Неплохая штука, да и полезная. Конечно, при условии, что порядок команд не перепутан. Если нужно на самом деле ввести «Ввод», «Пробел», «7», «Е», и никак иначе, то даже сам верховный бог информации не поможет программе, коль вы упорствуете в своей ошибке.

Насколько я понял, то, что поначалу представляло собой обыкновенные рабочие инструкции, было поэтизировано этой шерстистой расой, не дружившей с технологией и считавшей ее чем-то вроде магии. А поскольку стихотворные строфы не рассматривались как требующие точного исполнения инструкции, последующие поколения поэтов вносили в них исправления и улучшения. Были написаны новые саги, в которые вставляли старые формулы, но безо всякого осмысленного контекста, а просто как выразительные поэтические метафоры.

Например, в одной из старых саг, в «Гневе Хафелда Пожирателя Врагов», главное действующее лицо подчиняет себе компьютер угрозами:

Как великий и славный воин,
Грозный Хафелд Врагов Пожиратель
Взял за шнур свой Компьютер старый
И встряхнул его столь нещадно,
Что в испуге замигал Компьютер
И на бледном экране
Ошибка системная возникла.
И взмолилась душа машины,
Запросила она пощады.
Молвил Хафелд Врагов Пожиратель:
«Говорю я тебе, Компьютер,
Отвези ты людей моих с миром,
А не то не попробуешь больше
Электронов приятных и сладких».
Но Компьютер пока еще медлил
И отсчитывал наносекунды
Генератором синхросигналов.
Тогда Хафелд Врагов Пожиратель
Гнев на милость сменил внезапно,
И махнул он рукой своим людям,
Засмеялись те громко и грубо.
И должно быть Компьютер смутился,
Перестал он дурить и дуться,
Сделал все он тогда, чтоб доставить
Храбрых воинов Хафелда обратно
К родным сердцу кострам народа...

В поэме этот метод сработал, но повторить результат Поющий так и не смог.

Как только Поющий позволял, я садился за компьютер. Это было трудной задачей: обладая столь скудной информацией, отыскать нужную последовательность. Он следил за моими попытками, но почти не комментировал их.

Во время перерывов, когда мы прохаживались туда-сюда вдоль боевого корабля Гостига, чтобы дать отдых глазам, я просил пересказать мне легенды. Поющий не

видел в этом никакого вреда: ну что может землянин извлечь из древних историй? Не исключено, что он решил обратить меня в свою веру — в ортодоксальный халианский информационализм.

В докосмические времена — насколько я уяснил, около четырехсот лет тому назад — народ (халиане) представлял собой обыкновенных дикарей и делился на многочисленные племена и кланы, которые постоянно воевали друг с другом. Потом откуда-то со звезд пришли «первые чужие», дали воинам оружие, а лучшим предводителям — космические корабли и послали их в поход — искать свою судьбу, добычу, славу и смерть. И поручили гильдии поэтов записывать славные дела расы халиан в форме саг.

Эти сведения были крайне любопытны. Так, значит, какая-то неизвестная раса вмешалась в дела халиан, вооружила их и натравила на планеты Федерации. Кто же дал Халии эти корабли? Командование Флота узнает и об этом, как только я доберусь до своих.

Спустя несколько дней я почувствовал, что у корабельного компьютера нет никаких причин не прочитывать путевой диск. И все же он упрямылся. Мне уже казалось, что в машину заложен какой-то дефект, препятствующий самым разумным действиям, самым оптимальным ходам.

И вот как-то раз, вернувшись с одинокой прогулки раньше, чем рассчитывал, я увидел Поющего о Далеком Доме, который сосредоточенно работал за клавиатурой.

Я с удивлением следил за его манипуляциями. С необычайным для представителя нетехнологической расы искусством, подобно Пенелопе, распускающей по ночам все, что соткала за предыдущий день, он стирал записанную мной информацию.

— Ты пытаешься испортить программу! — закричал я.

Его губы скривились в высокомерной усмешке, но он ничего не ответил.

— Ты не хочешь, чтобы корабль взлетел! Тебе нужно, чтобы Тостиг и его воины остались здесь и погибли!

— Удивляюсь, как ты не понял этого раньше, — ответил Поющий.

— Барону будет интересно услышать об этом! — крикнул я и схватился за лом. — Не пытайся остановить меня, проклятый изменник, а не то башку проломлю!

К тому времени — что, вероятно, было неизбежно — я подсознательно уже считал себя халианцем.

— Прежде чем убить меня, — спокойно сказал Поющий, — не желаешь ли выслушать, почему я так поступил?

Вероятно, надо было пойти прямо к Тостигу. Если бы я так и сделал, все могло бы сложиться совсем иначе. Но я медлил. Жители Пердидо всегда отличались любопытством.

— И почему же ты так поступил?

Он улыбнулся и все так же спокойно спросил:

— Человек, знаешь ли ты, что требуется для написания халианской саги?

Я отложил лом и сел. Он поймал меня на крючок.

— Рассказывай.

— Саги, — начал Поющий, — это душа нашего народа. Все великие саги содержат некоторые общие элементы. В них есть героическая фигура — например, такая, как Тостиг. Наличествует безвыходная ситуация вроде нашего пребывания на Цели, предательство со стороны некоего доверенного ключевого персонажа и эпическая гибель предводителя и его людей. Тостиг — подходящая фигура для создания величайшей из саг. Для того чтобы сочинить ее, я употребил все свое искусство, перечислил в прекрасных стихах его великие победы — бойню на Орлиной Станции, опустошение Звездного Перевала, нападение среди бела дня на Алгол-Четыре. Во всей истории Халии не было героя более великого. Не хватает только достойного завершения.

— Например? — спросил я.

— Возможен только один вариант. Барон Тостиг должен вступить в последний неравный бой и погибнуть здесь, на Цели.

— Но может быть, это совсем не то, чего хочет сам Тостиг? — заметил я.

— Его желания не играют никакой роли. Важно, чтобы «Сага о Тостиге» получила достойный финал, чтобы она пелась впоследствии для поддержания духа остальных халиан.

— Но я не вижу, каким образом можно сохранить твою сагу, — сказал я, — если ты останешься вместе с бароном Тостигом, обреченным на славу и смерть.

— Это уже моя проблема, — ответил Поющий. — Без сомнения, я, как и все великие барды, найду выход. Пусть даже придется умереть до того, как будут готовы последние строфы, я сумею отправить копию в гильдию поэтов. Финал за меня допишут другие.

— Что-то мне это не нравится, — сказал я.

— Потому что у тебя нет склонности к поэзии. Но ты достаточно умен, чтобы понять, в чем твоя выгода.

— Полагаю, у тебя имеется какой-нибудь довод на этот счет, — сказал я.

— Само собой. Верность собственной расе заставляет тебя желать, чтобы Тостиг остался здесь навсегда.

Слова Поющего звучали довольно ядовито, но в них крылся определенный смысл. Я понимал, что барон Тостиг редкостный представитель своей расы. Таких рождается один на миллион. Он гораздо умнее и гибче, чем большинство его сородичей.

— Вот что мне кажется странным, — сказал я Поющему. — Почему такой халианин, как Тостиг, не командует гораздо большим количеством воинов?

— По натуре мы не коллективисты, оттого-то у нас и нет больших кораблей. Хороший лидер может удерживать двадцать, пятьдесят, даже сто бойцов. Но командовать дредноудом с экипажем в две тысячи халиан ему не по силам. Да и «чужие» не потребовали от нас объединить кланы под руководством способных вождей. Они хотели, чтобы мы оставались такими, какие есть: грозными, но не слишком сильными.

— Кажется, они не дураки, эти ваши чужие, — сказал я. — С какой, ты говоришь, они планеты?

— Я скорее умер бы, чем открыл тебе что-нибудь важное о «чужих», но, к счастью, избавлен от такой необходимости, потому что сам ничего о них не знаю. Скажи, человек, разве здесь наши цели не совпадают? Тебе нужна материальная победа, мне — духовная. Если Тостиг примет на этой планете свою последнюю битву и умрет, мы оба окажемся в выигрыше.

— Но это также может ускорить мою смерть.

Собеседник отрицательно покачал головой:

— Даю клятву мастера-поэта, что ты целым и невредимым вернешься к своим друзьям. И покроешь себя славой, а не позором предателя, который помог Тостигу убежать.

— Но я дал барону слово, — сказал я.

— Ты дал его скорее под давлением, чем по собственной воле. Это нельзя рассматривать как обязательство.

— Если я даю слово, — возразил я, — то рассматриваю это как обязательство.

— Рассуждаешь точно глупый халианский наемник. Разве ты не заинтересован в том, чтобы защищать интересы своей расы? Или ты такой же романтик, как Тостиг?

— Я не знаю, черт побери, что мне делать! — раздраженно воскликнул я. — Тостиг мне нравится!

— А я, его бард и спутник по всем знаменитым битвам, люблю его, как самого себя. Если ты барону такой же друг, как и враг, то неужели откажешь в столь необходимом героическом финале?

— Ты все понял неправильно, — сказал я. — Барон хочет убраться отсюда. Он сам говорил о желании поискать славы и добычи в других местах, при более благоприятных обстоятельствах.

— О, Тостиг любит притвориться, будто он очень рационален и боится смерти, — сказал Поющий. — Этот недостаток он приобрел в лондонском зоопарке. Но у него сердце истинного халианина, и он с честью примет красивую смерть, хочется ему этого или нет. Сей мотив часто повторяется в наших сагах. Герой стремится избе-

жать своего предназначения, но лучший друг предает его, и герой все-таки встречает свою судьбу.

— Я ему не лучший друг! — воскликнул я.

Но Поющий уже отвернулся от меня и принялся возносить молитвы богам информации. А я остался наедине со страшным смятением, охватившим душу и сердце.

Моя последняя встреча с Тостигом оказалась так же приятна, как и все предыдущие. Халианский капитан находился у себя в покоях и заканчивал свой туалет. В этом отношении он был немного тщеславен и даже пользовался железными щипцами — торчащие кверху бакенбарды в этом году были крайне популярны среди халианской знати.

— Стоит ли гоняться за модой? — ворчал он. — Едва бакенбарды начинают более или менее прилично укладываться на один манер, как я слышу о том, что все уже носят их совсем по-другому. Столько мороки, и ради чего? Скажите, Иуда, корабль готов?

— Готов, — ответил я. — Я выявил проблему и все исправил. С бесценной помощью Поющего о Далеком Доме, разумеется. Осталось ли еще виски?

— Угощайтесь. Бутылка на обычном месте.

Я налил себе, не разбавляя. Тостиг посмотрел на меня с беспокойством.

— Вы сегодня, кажется, не в духе, Иуда?

Всю эту ночь я провел в борьбе с совестью. У нас, евреев планеты Перидо, есть привычка «спорить со своим ангелом». На этот раз, однако, предмет спора был далеко не очевиден. Я обнаружил, что трудно определить мое собственное отношение к происходящему — чего я в конце концов хочу и какие средства для достижения желаемого могу себе позволить. С одной стороны, как совершенно справедливо указал мастер целенаведения, этот барон Тостиг и его боевые хорьки, пока они живы, как бельмо у нас на глазу. С другой стороны, судьба звездной империи не может зависеть от отдельных личностей. Конечно, для Альянса было бы крайне важно, чтобы я вернулся с добытой информацией. Но разве

в подобной ситуации честное слово человека ничего не значит?

В мозгу вертелось много веских, даже неотразимых доводов в пользу того, что я не должен предавать Тостига, что обязан поступить как добрый друг и рассказать о плане Поющего, дать шанс ускользнуть из мышеловки и либо продолжить подвиги, либо удалиться на отдых в домик, о котором он однажды упомянул при мне, — домик, затерянный среди зеленых холмов планеты, чье местоположение он сохранил в тайне.

И я уже почти решил открыться Тостигу. Но тут вспомнил об основополагающей роли саг в жизни Халии и о том, что все они включали упоминание о друге, ставшем предателем, вступившем в заговор с целью подвести героя к предопределенной ему славе, удовлетворить его подсознательное стремление к великолепной смерти, память о которой будет вечно жить в фольклоре его племени.

Будет ли настоящим другом тот, кто поможет герою ускользнуть, чтобы он смог тихо умереть в своей постели, окруженный, быть может, хорошенькими ясноглазыми халианками? Или настоящий друг — тот, кто поможет достичь истинного предназначения, доблестной смерти в битве с превосходящими силами противника?

— Мне будет жаль, когда вы улетите, — сказал я, и это была правда.

Хотя и не вся.

— Мне тоже, — вздохнул Тостиг. — Считается, что между нашими расами дружба исключена. Не берусь судить, для меня это слишком сложная тема. Но знаю одно: дружба между отдельными личностями возможна всегда. Мне будет не хватать вас, Иуда.

Я хотел ответить, но тут прибыл его почетный эскорт, четыре пиратского вида халианина, обильно увешанных оружием. У одного на глазу красовалась черная повязка.

— Что ж, пойдем, проверим вашу работу, — сказал он беззаботно, и мы, окруженные охраной, двинулись вперед.

Подчиненные барона Тостига построились перед крейсером. Их было около сотни, поскольку и другие боевые группы, желая разделить хоть частицу славы командира, поклялись ему в верности. Поющий о Далеком Доме тоже стоял здесь — с непроницаемым лицом, величественный в своем серебристо-сером одеянии.

Стихли приветственные возгласы, и Тостиг поднялся на корабль, а мы с Поющим последовали за ним. Когда подошли к пилотской кабине, я не выдержал.

— Тостиг, мне нужно сказать вам кое-что!

Он спокойно посмотрел на меня.

— Нет, — ответил Тостиг, — не надо. Видите ли, я уже знаю.

— Знаете?

Тостиг улыбнулся:

— Я знаком с древними сагами гораздо лучше, чем вы. Почти так же, как присутствующий здесь мастер целенаведения. Разве не так, Поющий?

— Ваши знания в области поэзии выше всяких похвал, — сказал Поющий. — Для непрофессионала, конечно.

— Разумеется. — Тостиг посмотрел на пульт управления и вновь повернулся к Поющему. — А как именно ты все это устроил? Надеюсь, что-нибудь новенькое?

— Достаточно оригинальное, — подтвердил тот. — Я задал специальный пароль; если его не ввести, компьютер откажется выполнять команды. Напротив, запустится программа, которая необратимо выведет его из строя. Но откуда вы узнали?

— Я не узнал, — ответил Тостиг. — Просто решил сделать вид, будто мне все известно, и посмотреть, что ты на это скажешь.

— Так вы обманули нас! — воскликнул Поющий.

— Один обман стоит другого, — ответил Тостиг. — Мастер целенаведения, я догадывался о вашем плане уже давно. И уж конечно, вы могли с легкостью внушить моему простодушному другу, что единственное, чего я действительно хочу, так это смерти на поле брани и славы в песнях.

— Я не должен был его слушать, — сказал я. — Тостиг, вы все еще можете улететь. Пароль, обезвреживающий программу...

Тостиг властно вскинул лапу:

— Нет, не говорите. Иначе у меня может возникнуть искушение воспользоваться этим паролем.

Мы недоуменно взглянули на него. Потом на лице мастера целенаведения появилась угрюмая улыбка.

— Значит, я не ошибся в вас, Тостиг!

— Ты знаешь меня лучше, чем я знаю самого себя. Тот, для кого открыта душа всей расы, имеет ключи и к душе отдельного халианина.

Мы вышли вместе с Тостигом из космического корабля. При виде его халианские воины замолчали.

— Ребята, — сказал он, — корабль в порядке. Но нам он не понадобится. Слишком уж хороша возможность, чтобы упускать ее. Мы выступим против всего вражеского Флота и всех вражеских наземных сил. Совершим величайший подвиг в истории Халии. Мы и так слишком зажились. Во мне проснулся берсерк, и я готов атаковать даже в одиночку. Найдутся ли среди вас желающие примкнуть ко мне?

Оглушительный рев доказал, что трусов здесь нет. Будучи истинными халианами, они не могли не увлечься великолепной перспективой героической смерти под предводительством знаменитого военачальника и бессмертия в песнях.

— Перед нашим последним сражением мы устроим пир, — сказал Тостиг. — А вы, мой друг Иуда, ступайте домой с миром и со всем моим уважением. Барон Тостиг держит слово. И захватите с собой поэта, потому что его сага должна быть сохранена для будущих поколений.

Поющий о Далеком Доме выпрямился во весь рост.

— Нет, Тостиг, я не уйду. Вы сделали правильный выбор, единственно достойный героя. Но мое решение правильно для поэта. Я останусь с вами, буду свидетелем вашей последней битвы и напишу окончание своей саги.

— Глупец! — воскликнул Тостиг. — Скорее всего, тебя убьют вместе с нами, ведь война не щадит даже поэтов. Что тогда станет с великой сагой обо мне?

— Я подумал об этом, — сказал Поющий, — потому что надеялся на такой оборот событий. И я принял меры предосторожности. — Из-под длинного одеяния он вытащил небольшой механизм, в котором я сразу узнал обыкновенный кассетный магнитофон. — Я сохранил этот образчик вражеской технологии, трофей нашей последней битвы, и записал на него сагу, все, что было сочинено до сего дня. Этот человек показал себя достойным вашего доверия и дружбы. Он смог увидеть всю глубину поэтической души халиан. Мы знаем, что Иуда нас не подведет. Возможно, я переживу вашу смерть, Тостиг, — судьба милостива к бардам. Тогда я сам закончу сагу и найду способ доставить ее в гильдию поэтов. Но если все же придется умереть, то Иуда сделает это за меня — переправит сагу на Халию, и ее допишут другие.

— Будет сделано. — Я сунул в карман магнитофон, пожал лапу Поющему, обнял Тостига и отправился в путь.

Остальное хорошо известно всем членам военного трибунала. Нашим силам понадобилось два месяца, чтобы запереть Тостига в Ущелье Мертвых. Мы понесли серьезные потери, прежде чем он пал в великой битве.

Что же касается великой саги, то с грустью должен сообщить: мастер целенаведения не был мастером в области техники, даже такой простой, как кассетный магнитофон. Ему удалось включить аппарат, но он, успокоенный обманчивым миганием красной лампочки, видимо, забыл отжать кнопку паузы, и поэтому ни одного слова не легло на пленку. Да и насчет милостивой к бардам судьбы Поющий о Далеком Доме оказался слишком оптимистичен: ему не посчастливилось выжить в битве и у него не было возможности вновь записать свою сагу.

То, что вы сейчас читаете, — плоды моей скромной попытки рассказать человечеству о славном халианском бароне Тостиге. Я сделал для него все, что мог. Он был моим врагом, и он был моим другом. Я предал его, как

предписывалось халианским обычаем, а теперь, в меру своих скромных возможностей, спел его песнь.

Осталось добавить немного. Действуя через посредников, я передал рассказ о своей встрече с Тостигом одному из представителей халианской гильдии поэтов.

— Метрическая форма не соблюдена, — сказал он, — и тут повествуется больше о вас, чем о Тостиге. Но мы благодарны за ваши старания. Мы принимаем ваш опус. Пусть он зовется «Сагой о бароне Тостиге». И да будет вам известно, что вы являетесь единственным чужаком, написавшим сагу, которая была принята халианской гильдией поэтов.

Халианин подарил мне серебристо-серое одеяние гильдии и остроконечную шапку барда. Они слишком малы, чтобы я мог их носить, но они висят на стене моего кабинета в Новом Иерусалиме. При каждом взгляде на них я вспоминаю Тостига. Даже если это и было предательством, никто не осудит меня строже, чем я сам.

Третья книга межавторского цикла «Боевой Флот» — антология «Прорыв» (1989). Снова великолепная команда фантастов создала не просто сборник рассказов на заданную тему, а целостное, яркое и увлекательное произведение, с оригинальными сюжетами и героями, чьи судьбы не оставляют читателя равнодушным.

Гибель Последней Империи стала катастрофой для всего освоенного космоса. Разрозненные, ослабленные цивилизации выживают на грани варварства. С огромным трудом удалось создать хрупкий Альянс, а иначе у людей и их союзников не было бы ни единого шанса отразить нашествие самой воинственной и жестокой расы во Вселенной — халиан, которые уже поработили несколько культур и теперь готовят такую же участь человечеству.

ХАЗАРА

Когда на Пердидо Бродский угодил в рекрутский набор, его послали на форпост хорьков — планету Цель, которая два года тому назад была захвачена специальным подразделением с Пердидо, поддержанным мощью Флота. Ко времени вербовки Бродского бои давно закончились, и бить там оставалось только баклуши, какому занятию он, собственно говоря, и предавался с небольшим успехом.

Но однажды к нему подошел сержант из его подразделения и объявил:

— Вас хочет видеть командир роты.

Бродский как раз наблюдал за двумя сверчками, в свою очередь наблюдающими друг за другом. Пока он торчал на Цели, волей-неволей многое узнал о насекомых и прочей мелкой живности. Если присматриваться, можно заметить нюансы, о которых не написано ни в каких книгах, — так называемые индивидуальные различия. Несмотря на отсутствие разума, поведение насекомых было не до конца предсказуемо.

— И зачем же я понадобился командиру? — спросил Бродский.

— Он, несомненно, сообщит вам об этом лично, — ответил сержант. — Так идете или нет?

— А куда деваться! — вздохнул Бродский.

— Неужели не можете ответить просто, как все нормальные люди: «Так точно, сержант!»?

— Наверное, я ненормальный.

Бродский был высок и неуклюж, координация движений оставляла желать лучшего. Зато коэффициент интеллекта был почти 185 — уровень гения. Но Бродский, казалось, не испытывал желания его применять, чем бросал вызов своему командиру, Джеймсу Келли, выходцу с планеты Катаджиния-2, расположенной в восточном звездном секторе С1.

Капитан Келли начал разговор любезно, но не без сарказма:

— А вот наконец и наш доморощенный философ.

— Вы оказываете мне слишком большую честь, капитан, — ответил Бродский. — Я простой искатель истины.

— И потому все время нарушаете строевой устав?

— Я вовсе не бунтовщик, — попытался оправдаться Бродский. — Это получается произвольно.

— То есть подсознательно?

— Вероятно. И позвольте заметить, капитан, что человека нельзя обвинять за неосознанные поступки, в которых он по определению не отдаёт, да и не может отдавать, себе отчета.

— Если бы вы хоть замечали, что совершаете их, — вздохнул капитан.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Бродский.

Он смотрел в окно, испытывая сильное желание оказаться подальше отсюда.

— Вам бы в одну из старых армий, Бродский. Знаете, как поступали тогда с солдатами, которые нарушали дисциплину?

— Неужели бранили? — попробовал догадаться Бродский.

— Много хуже. Их били.

— Не понимаю, — сказал Бродский. — Каким образом при помощи битья можно предотвратить нарушения дисциплины?

— Никаким. Теперь мы это понимаем. Но в старину считали, что наказаниями можно исправить поведение.

— Странная точка зрения, — отметил Бродский.

— И совершенно ненаучная. Но вы себе не представляете, Бродский, с каким удовольствием я отдубасил бы вас. Замучили вы меня дальше некуда.

— Сэр, если ваше настроение от этого поднимется, — ответил Бродский, — то можете без всяких колебаний ударить меня. Я не буду в обиде и никому не расскажу об этом эпизоде.

— Увы, я не могу давать волю своим чувствам, как это делали командиры старых времен, и бить вас не стану, а как бы хотелось! Напротив, я собираюсь поощрить вас. Это более современно, не правда ли?

— Не уверен, что поощрение ненавистной вам манеры поведения — хорошая идея, — ответил Бродский. — Более того, у меня такое ощущение — можете назвать его предвидением, — что ваше поощрение мне не понравится.

— Называйте это хоть предвидением, — сказал капитан, — хоть свиным хрящиком — дело ваше. Но никакая сила в мире, не говоря уже о ваших просьбах, не помешает мне поощрить вас за омерзительную и бездарную службу в моем подразделении.

— Не слишком-то вы печетесь о своем подразделении, — ответил Бродский. — Ну ладно, раз уж решили поощрить, то делайте это побыстрее. Надеюсь, вы не отправите меня на трое суток в ближайший захудалый городишко, чтобы я напился в стельку на глазах у этих язвительных двухметровых птиц?

— Нет, я придумал кое-что гораздо лучше, — сказал ротный.

— Тогда, сэр, не могу даже представить, что же это может быть.

— Не беспокойтесь, сейчас узнаете. Рядовой Бродский, я произвожу вас в чин младшего лейтенанта.

— Что? — изумился Бродский. — Это и есть ваше поощрение?

— Только часть его. А хотите узнать, почему именно в младшие лейтенанты?

Бродский пожал плечами:

— Возможно, у вас есть дочь, она в меня влюбилась, и вам пришлось повесить меня, чтобы она имела возможность появляться со мной в обществе.

— Бродский, вы что, встречались с моей дочерью? — упавшим голосом спросил капитан.

— Я даже не знал, что она у вас есть. Просто предположил.

— Уф! — произнес ротный и продолжил: — По новым правилам лейтенант — самый младший чин пилота на корабле-разведчике.

— Корабль-разведчик? Пилот на корабле-разведчике? Сэр, да я не умею водить даже машину!

— Этому несложно научиться. Интеллект — волшебный ключ к овладению всякой техникой, как вы сами мне говорили.

Уже долгое время Флот вел интенсивный поиск потерянных планет Первой Империи. Она распалась две тысячи лет назад. В ее центре находились тринадцать планет, одной из которых была Земля. При последнем императоре империя состояла из ста тысяч планет. Власть держал в своих руках Флот, базировавшийся на планете Порт в созвездии тау Кита. После развала империи многие карты были утеряны и часть планет оказалась полностью отрезанной от остальных. Начались смутные времена. Одной из постоянных забот Альянса стал поиск таких планет, установление контакта с ними и возвращение их в состав Альянса.

Но Бродский не мог и предположить, что будет участвовать в этих поисках. Он не был прирожденным исследователем. Как и прирожденным военным. Собственно говоря, у него были все основания полагать, что он вообще ни на что не годен.

— Но я ничего не знаю о пилотировании, — возразил Бродский.

— На борту корабля имеется инструкция. Вам дадут несколько часов на ее изучение. К тому же у вас будет партнер, разбирающийся в технике.

— Но почему именно я? — спросил Бродский. — И почему именно на корабль-разведчик?

— Корабли-разведчики, — объяснил ротный, — предназначены для обнаружения цивилизаций и первого контакта с ними.

— Вы хотите послать меня на разведку?

— Это очень ответственное дело, Бродский. Две тысячи лет тому назад мы были частью Империи, владевшей сотней тысяч планет. Представляете себе?

— Многовато, — заметил Бродский.

— Это было грандиозно. Великий замысел.

— Ну, как посмотреть. Сдается мне, что ностальгия по Первой Империи несколько преувеличена. Смутные времена гораздо любопытнее.

— Необходимо отыскать эти планеты, — отрезал капитан Келли. — Они должны быть в составе Альянса. Надеюсь, вы не забыли о том, что идет война? С хорьками, припоминаете? И со зловещим разумом, который стоит за ними. Противник очень силен, так что нам пригодится каждый, кто встанет на нашу сторону. И если вам наплевать на себя, то подумайте хотя бы о других. Знаете, как поступает враг с покоренными цивилизациями?

— Даже слышать не хочу, — ответил Бродский.

— Эти планеты беззащитны. Большинству из них не удалось достичь уровня межпланетной цивилизации. Они остались в изоляции, через несколько поколений искусство космических полетов забылось, в лучшем случае сохранилось только в преданиях о богоподобной расе, некогда пришедшей, а потом исчезнувшей навсегда. Когда хорьки и те, другие, натыкаются на подобные планеты, они без особого труда обращают людей в рабство, вырезают всех подряд или даже замораживают про запас, чтобы использовать в качестве продовольствия.

— Ради бога, не продолжайте, — сказал Бродский, — у меня очень чувствительный желудок.

— Это все, о чем я хотел вам сообщить, — сказал ротный. Он порывлся в ящике стола и выудил блестящую пеструю ленточку. — Вот ваши лейтенантские нашивки. Пришьете к краям воротника. Берите. Поздравляю вас, лейтенант Бродский.

Бродский повертел ленточку в руках.

— А теперь, сэр, давайте поговорим серьезно. Неужели мысль послать меня разведчиком на поиск новых миров действительно кажется вам удачной? По-моему, это работа для специалистов, разве не так?

— Разумеется, так, — ответил ротный. — Мы тщательнейшим образом рассмотрели все требования к кандидату на выполнение подобной работы. Разумеется, он должен быть способным лингвистом, быстро осваивать новые языки и диалекты. Знание химии поможет ему избежать отравления незнакомой пищей. Чтобы правильно оценить, будет ли новая планета полезна для Альянса или нет, он должен иметь представление о таких дисциплинах, как экономика и политика, и разбираться в технике. Не помешало бы знакомство с геологией — вам могут встретиться полезные ископаемые... Ну и с ботаникой, и с биологией, потому что некоторые из наших ценных сельскохозяйственных культур имеют инопланетное происхождение. Если у планеты имеется гидросфера — а почти на всех богатых кислородом мирах есть океаны, — то разведчику пригодилась бы специальность океанолога. Будучи зоологом, он мог бы описывать встреченных животных, а зная социологию и этнографию, провел бы сравнительный анализ различных культур, поскольку те, что попадались нам до сих пор, различались между собой не меньше, чем земные расы, племена, этнические и религиозные группы. Чтобы иметь с ними дело и избегать при этом конфликтов, надо иметь житейский опыт. Неплохо бы прибавить к этому списку профессию психолога. Ну и, наконец, надо знать толк в медицине, хотя бы для того, чтобы оказать себе помощь при заболевании вдали от дома и не зависеть от местных методов лечения, рассчитанных на чуждые нам психологию и питание. Кстати, диетоло-

гия как раздел медицины — неременная составляющая курса обучения.

— Но я ведь ничего этого не знаю, — возразил Бродский.

— Конечно. Никто из наших разведчиков не обладает необходимой квалификацией. Да они бы ни на что и негодились, если бы всем этим обладали.

— Вы сами себе противоречите. Почему?

— Потому что разведчик, начиненный такой прорвой знаний, не представлял бы, как ему реагировать в нетипичной ситуации. А в ходе поиска такие ситуации возникают сплошь и рядом. Там, на этих мирах, все не так, как нас учили. Аналогии неверны, выводы нелогичны, и, в общем, лучше всего вести себя как бог на душу положит.

— Тогда по какому же принципу вы подбираете своих разведчиков?

— Берем таких, которые смогут наилучшим образом приспособиться к неожиданным и нестандартным обстоятельствам. Обычно это эксцентричные люди или неудачники.

— Думаете, я подойду?

— Да, Бродский, вы, без сомнения, подойдете.

— Капитан, если бы я не был уверен в обратном, то мог бы даже заподозрить наличие у вас чувства юмора.

— В ваших устах это, вероятно, звучит как комплимент. Не беспокойтесь, Бродский, я, кроме шуток, считаю, что вы прекрасно подойдете для этого дела.

— Не понимаю почему, — настаивал Бродский. — Я не знаю ничего о чужих цивилизациях и понятия не имею о том, как приветствовать наших долгожданных братьев из Первой Империи.

— Все это так, но у вас есть одно ценное качество: вы всегда ждете неприятностей.

— Разумеется, — ответил Бродский. — Чего же еще можно ждать? Разве не все так делают?

— Большинство людей, — сказал капитан, — ожидают только того, к чему привыкли, и весьма удивляются, когда дело оборачивается как-то иначе. Вы этой ошиб-

ки никогда не совершите, Бродский. А теперь пойдемте познакомимся с вашим новым кораблем, и я представлю вас напарнику.

Корабль-разведчик был метров пятнадцати в длину. Для корабля, рассчитанного на экипаж в два-три человека, он казался большим, но его узкий корпус почти весь был заполнен различными механизмами, контрольным и навигационным оборудованием и продовольствием. В жилой части имелись маленькая ванная с душем, камбуз и небольшая комната отдыха с диваном, мягкими креслами и развлекательным центром. Ближе к носу находилась навигационная рубка, тесная от множества приборов.

Кто-то сидел в одном из пилотских кресел, лениво нажимая на клавиши компьютера.

— Привет, — сказал Бродский.

Обитатель пилотского кресла повернулся и оказался девушкой лет семнадцати, смуглой, хрупкой и с тонкими чертами лица. Ее черные блестящие волосы спускались по спине толстой косой. На руках у нее были тяжелые золотые браслеты, а посреди лба виднелся маленький знак касты.

— Лейтенант Бродский, — произнес ротный, — позвольте представить вам вашего нового товарища, лейтенанта Анну Мукерджи.

— Вы из Индии? — спросил Бродский. — Или носите сари просто ради удовольствия?

— Ни то ни другое, — ответила Анна. — Я с Хали-Двенадцать, которая была заселена когда-то выходцами из Индии и Пакистана.

— Я всегда думал, что индийские женщины предпочитают сидеть дома, а драться предоставляют мужчинам.

Она решительно покачала головой:

— На Хали-Двенадцать воюют как раз женщины, и я вполне разбираюсь в пилотировании кораблей такого типа. А какова ваша специальность?

— Чепуха на постном масле, — ответил Бродский.

— Оставляю вас, чтобы вы могли получше познакомиться друг с другом. — Капитан Келли, пряча улыбку, вышел.

Первая ссора произошла в первый же день совместного полета. Потому-то и запомнилась.

После старта, когда корабль преодолел гравитационное поле планеты и они ждали рассчитанного компьютером момента перехода в сверхсветовой режим, Анна взяла несколько толстых томов, раскрыла один и принялась изучать его содержимое.

Бродский без комментариев наблюдал за тем, как она самостоятельно выполнила всю процедуру старта. Возможно, Анна казалась неприветливой, но лицо у нее было приятное. Особенно привлекали глаза, карие и миндалевидные, и длинная грациозная шея. Похоже, девушка действительно разбиралась в своем деле. Бродскому это понравилось. Во всяком случае, он решил, что понравилось. Бродский не всегда бывал уверен в том, что ему будет нравиться в будущем.

— Замечательный старт, — одобрил он.

— Благодарю вас. Это просто стандартная процедура, описанная в руководстве. Я только немного ускорила ее выполнение, получив предупреждение диспетчерской службы о приближении транспортного корабля.

— Весьма разумно с вашей стороны, — заметил Бродский.

— Но отклонения, конечно, были в пределах, дозволенных инструкциями.

— О, рад это слышать, — ответил Бродский.

Она чуть-чуть нахмурилась:

— Меня предупредили о том, что вы любите все делать по-своему.

Бродский кивнул:

— Это еще мягко сказано.

— Но старт не время для самовыражения.

— Знаю. Именно поэтому я и позволил вам проделать все самой.

— Вы позволили? Не подозревала, что в этой экспедиции командуете вы.

— Я вовсе не это хотел сказать, — возразил Бродский. — Просто если бы я почувствовал, что смогу хорошо стартовать сам, то непременно сделал бы это.

Она повернулась к нему. Бродский отметил очень красивую форму ее рта, но ему совсем не понравились слова, вылетавшие оттуда.

— Лейтенант Бродский, — сказала она, — давайте проясним ситуацию. Я обладаю техническими знаниями, которые требуются для пилотажа. Вы ими не обладаете. Насколько я понимаю, командир дал нам общее задание лишь для того, чтобы избавиться от вашего присутствия. Вы просто-напросто балласт. Что ж, это я переживу, поскольку знаю, что мне делать, и буду это делать вне зависимости от того, находитесь вы здесь или нет. Но я не потерплю вмешательства в свою работу. Поэтому, в видеобиблиотеке вполне достаточный запас бульварной литературы, и она поможет вам скоротать время, пока я буду выполнять свои обязанности.

Бродский усталился на нее. Он начал было злиться, но потом понял нелепость своей обиды и не мог не улыбнуться. Эта женщина настаивала на том, чтобы заниматься работой, которой сам он заниматься не желал. На что же тут обижаться?

— Валяй, сестренка, делай что хочешь, — сказал он ей. — Я вовсе не собираюсь навязывать советы тому, кто в них не нуждается. Но если тебе вдруг покажется, что я могу принести какую-то пользу, не стесняйся и дай мне знать.

— Благодарю вас, лейтенант Бродский, — ответила Анна. — Ваша позиция при данных обстоятельствах меня вполне устраивает.

— Что ж, счастлив слышать это, — заключил Бродский и удалился на камбуз.

Везет как уопленнику. Долгое космическое путешествие, поиск неизвестных цивилизаций и прочие прелести, а в придачу ко всему напарница, для которой буква устава превыше всего и которая всегда готова к ссоре. Интересно, как долго продлится это путешествие?

Когда корабль лег на курс, лейтенант Мукерджи приготовила на обед жареного цыпленка с карри. Немного остро, но для разнообразия сойдет, решил Бродский. Он тогда и не подозревал, что будет есть это каждый день, до самого конца путешествия.

На десятый дней полета Анна вывела корабль из сверхсветового режима. Она заметила весьма многообещающую планету, которая могла оказаться даже Хазарой, одной из главных планет Первой Империи.

Антонин Хоу, которого все звали Лео, выполнял обязанности наблюдателя на вершине пика Забвения, самой высокой точке западного полушария Хазары.

Наблюдатели ежегодно выбирались на всеобщей лотерее. Их задачей было дежурить на высочайших горных вершинах, где воздух разрежен и ничто не препятствует телепатической связи. Им надлежало концентрировать свое внимание на просторах космоса и предупреждать о приближении к Хазаре чужих космических кораблей.

Прошло довольно много времени с тех пор, как на планете в последний раз появлялся вражеский корабль. Недруг присмирел. Тем не менее наблюдения не прекращались, потому что о чужаках ничего нельзя было сказать наверняка: опасные и непредсказуемые, они могли появиться в любую минуту. Никак нельзя было позволить им сесть на поверхность планеты незамеченными.

Годичное одиночество дало Лео возможность попрактиковаться в искусстве концентрации воли, в контроле температуры тела методами йоги и в питании солнечным светом. Эти навыки редко применялись на практике, но Лео нравилось заниматься подобными вещами.

Однажды ветренным утром, сразу после чаепития, его занятия прервал донесшийся из космоса слабый сигнал. Весьма неприятная неожиданность. Сначала Лео понадеялся на то, что приближающееся тело окажется метеоритом или шальной кометой. Он сосредоточился на предмете, и примерно через час проведенный им мысленный анализ спектра сигнала показал, что объект состоит из металла и перемещается при помощи магнит-

ных двигателей. Теперь уж сомневаться не приходилось — это был космический корабль. Кто-то собрался нанести им визит, а это никогда не было приятной новостью. Придется Лео оставить свою уютную хижину на вершине пика Забвения, спуститься до уровня, на котором растут деревья, и передать по биосети сообщение для властелина планеты.

Лео приготовил себе легкий завтрак, оделся как можно теплее, поскольку устал от занятий по контролю температуры тела, и немедленно отправился в путь, каковой проходил между крутыми скалами, покрытыми толстым слоем снега и льда. В подобных местах человек должен соблюдать предельную осторожность, всюю напрягать свои ментальные способности и быть готовым отреагировать при первых признаках опасности. Но Лео настолько увлекся мыслями о послании, которое ему предстояло передать, что опомнился, только когда наверху загрохотало.

Прямо на него падала лавина. Уклониться от нее было уже нельзя. В эту секунду Лео, также с запозданием, вспомнил последний наказ своего отца (перед смертью старик прохрипел: «Никогда не доверяй природе»), а потом лавина поглотила Лео, завертела, потащила, и он потерял сознание.

Очнувшись, он обнаружил, что за руки и за ноги привязан к кровати. Исходя из этого, нетрудно было понять: его спас кто-то из клана Гуаши, кровных врагов родного клана Лео, Хоу.

Из темноты возник закутанный в потертый мех здоровый детина средних лет с ножом в руке.

— Да, — сказал он, — ты правильно подумал. Я Оттолайн Гуаши. И разумеется, должен убить тебя.

— Так почему же ты не сделал этого раньше? — спросил Лео. — Я хочу сказать — зачем ты утруждал себя моим спасением?

— Мой мальчик, спасти засыпанного лавиной странника — долг каждого из нас. Кроме того, я не испытываю к тебе враждебных чувств.

— Рад слышать это, — сказал Лео.

— Или, вернее, я испытываю к тебе чувство вражды, поскольку наши кланы смертельно враждуют между собой, но это чувство чисто формальное — скорее роль, которую нужно сыграть, чем отражение моих истинных эмоций по отношению к тебе.

— А какие эмоции ты испытываешь по отношению ко мне на самом деле? — спросил Лео.

— Полное равнодушие, — ответил Гуаши.

— Весьма рад слышать.

— Тем не менее я должен до конца сыграть свою роль. Врагов полагается убивать.

— Но ты спас мне жизнь.

— Что ж, подобное время от времени случается, не так ли?

— Вполне возможно. Но, сначала спасая, а потом заявляя, что должен убить меня, ты поступаешь непоследовательно.

— Непоследовательно? Я бы этого не сказал! — с некоторым жаром возразил Гуаши. — Эти противоречивые на первый взгляд действия вполне соответствуют моей роли, которая состоит в том, чтобы найти и убить извечного врага моего клана.

— Что ж, ладно, — согласился Лео. — Но прежде чем ты перейдешь к делу, я хочу попросить об услуге.

— Извини, но никаких услуг, — сказал Гуаши. — Это все усложнит, и только.

— Мне эта услуга не принесет никакой пользы, — возразил Лео, — поскольку я буду уже мертв. Но она принесет значительную пользу тебе и всем остальным элероям.

— Что ж, видимо, я должен согласиться, — несколько раздраженным тоном ответил Гуаши. — В чем же будет состоять моя услуга?

— Спустись до лесной зоны и передай сообщение властелину планеты. Скажи, что к нам приближается чужой космический корабль.

— Это что, такая шутка? — спросил Гуаши.

— Взгляни на мою эмблему. Я официальный наблюдатель, законно избранный посредством лотереи. Не-

сколько часов тому назад мною был обнаружен чужой корабль. Больше я не желаю говорить с тобой на эту тему.

— Ну-ну, не сердись, — сказал Гуаши. — По-моему, у меня есть причина для некоторого недоверия. Тысяча лет уж минула с тех пор, как мы видели здесь последнего чужака.

— Что-то около того, — подтвердил Лео. — Но раньше чужаки появлялись довольно часто, иногда с целью колонизации или завоевания, иногда ради каких-то исследований, а то и просто так. Но в конце концов мы избавились от них.

— И в этот раз избавимся, — сказал Гуаши. — Разве не так?

— Будем надеяться на лучшее, — ответил Лео.

— Ты думаешь, они смогут нас побеспокоить?

— Непременно побеспокоят, если ты не поторопишься убить меня и не спустишься к деревьям, чтобы послать сообщение.

— Ты можешь спуститься туда сам, — сказал Гуаши. — Дорога очень скользкая, и мне отнюдь не улыбается перспектива пройти ее самому.

— Значит, ты не собираешься меня убивать?

— Я этого не сказал. Ты сам пришел к такому выводу. — Гуаши улыбнулся. — Это бы тебя вполне устроило.

— Что ж, не отрицаю. Но я не ослышался — ты действительно сказал, чтобы я спустился и сам передал сообщение.

— Верно.

— Тогда я пойду.

Гуаши вынул из кармана маленький револьвер.

— Нет, не пойдешь до тех пор, пока не пообещаешь вернуться.

— Конечно, я обещаю, — сказал Лео и пошел, подумав про себя: «Вот деревенщина!»

— И поторопись! — крикнул ему вслед Гуаши. — Моя дочь будет с нетерпением ждать тебя.

Лео остановился и обернулся:

— Дочь? При чем тут твоя дочь?

— Я думаю, что теперь ты сам смог бы ответить на этот вопрос. Совершенно очевидно, что я должен был найти какую-нибудь альтернативу убийству. Вместо того чтобы погибнуть от моей руки, ты можешь вернуться сюда и жениться на моей дочери. С точки зрения драматургии это даже здорово — соединить два враждующих рода и таким образом разрешить застарелый конфликт. Великолепное решение, столь же радикальное, сколь и убийство.

— Теперь это для меня вполне очевидно, — кивнул Лео. — А скажи, что представляет собой твоя дочь?

— Возвращайся и сам увидишь.

— Доброе утро, властелин Афтенбай, — сказал Дентон. — У меня для вас довольно неприятная новость.

— Неужели? — спросил властелин Афтенбай.

Он был расстроен и слегка нахмурился, стараясь, чтобы Дентон это заметил. Выражение его лица говорило: «Вы же знаете, сегодня мой последний день в должности властелина планеты, разве нельзя было подождать, пока не изберут нового властелина?»

— Нет, нельзя, — ответил Дентон, прочитав мысли Афтенбая по многочисленным черточкам на лице.

Искусство такого чтения составляло один из главных предметов системы образования расы элероев. Получить информацию из компьютера может любой. Гораздо важнее возможность разобраться в том, что происходит вокруг.

— Хорошо; если дело настолько серьезно, то, полагаю, я уделю ему внимание, — произнес Афтенбай с некоторой небрежностью, допускаемой элеройским этикетом.

Дентон избрал обычную для него непринужденную, но откровенную манеру разговора. Для премьер-министра, которым он стал в результате лотереи, это была, несомненно, наилучшая линия поведения.

— Перейду прямо к делу, — сказал Дентон. — Лео Хоу, наблюдатель с пика Забвения, докладывает: он обнаружил космический корабль, направляющийся к нашей планете.

— Космический корабль? — спросил Афтенбай. — Чужой космический корабль из внешнего космоса?

— Судя по всему, — ответил Дентон. — Поскольку он не один из наших кораблей, следовательно, должен быть чужим, а так как движется не отсюда, то должен двигаться отсюда. Тот факт, что мы не имеем своих кораблей, также наводит меня на мысль о том, что он, по крайней мере с нашей точки зрения, должен быть чужим, хотя, без сомнения, для его команды он должен казаться своим.

— Все это мне и без вас известно, — раздраженно сказал Афтенбай. — Просто я выразил вполне естественное изумление. В конце концов, последний такой корабль появлялся у нас тысячу лет назад, не правда ли?

— Что-то около того, — ответил Дентон. — Я знал, что вам это известно, но просто решил попрактиковаться в логике, и уверяю, что вовсе не хотел вас обидеть.

— А я и не обиделся. Наверное, мне лучше всего приступить к делу. Процедура давно известна. Надо объявить осадное положение первой степени. Пойдемте со мной, я передам сообщение.

Дентон и Афтенбай пересекли огромную резиденцию властелина и подошли к открытому окну. За окном росло высокое ветвистое дерево, усыпанное маленькими бело-розовыми бутонами.

Афтенбай протянул руку и взялся за ветвь.

— Важное сообщение, — произнес он. — Освободите канал. — Он подождал, пока канал освободится, и заговорил: — К нашей планете приближается чужой космический корабль. Предупредите, пожалуйста, всех, кто находится вокруг вас, но не подсоединился к биологической связи. Мы немедленно приступаем к выполнению оборонного плана «А».

Афтенбай почувствовал, как его послание, пройдя по ветвям и корням дерева, устремилось в ближайший лес, а там пустилось по лианам, вьюнам и траве, чтобы обещать всю планету. Где бы ни находился элерой, если он сейчас касался рукой дерева или лианы, он слышит это сообщение.

Афтенбай повернулся к Дентону:

— Этого должно быть достаточно.

— Может, стоит назвать себя? — спросил Дентон.

— Совсем забыл. — Афтенбай снова схватил ветку. — Это говорит ваш Афтенбай. Правитель планеты, если помните. Законно избранный на прошлогодней лотерее. — Он обернулся к Дентону. — Ну как теперь?

— Прекрасно, — ответил Дентон. — Разве добавить фразу-другую для поднятия духа? Полагаю, это входит в обязанности главы планеты.

— Хорошо, будь по-вашему. — Афтенбай опять сжал ветку. — Так повелось, что в тяжелые времена лидер обращается к народу с мудрыми и утешительными словами. Но по правде говоря, я боюсь, и вы тоже, должно быть, боитесь. Появление чужаков не сулит ничего хорошего. Но мы, без сомнения, как-нибудь выкрутимся. — Он отпустил ветку и опять повернулся к Дентону. — Такая речь должна подбодрить, вы согласны?

— На меня, во всяком случае, она произвела впечатление, — ответил Дентон. — Что ж, пойдемте на командный пункт.

— А чего мы там не видели? — спросил Афтенбай.

— Необходимо разработать план, как вести себя с чужаками. Все-таки вы властелин этой планеты, а я ваш премьер-министр.

— Как уверенно себя чувствуешь, когда рядом вы, — заметил Афтенбай. — Всегда-то знаете, что делать.

— До тех пор, пока не приходится отвечать за свои поступки, — сказал Дентон. — Это уж ваша участь.

— Не воображайте, будто я об этом не знаю, — пробурчал Афтенбай. — Ладно, идемте на этот ваш командный пункт.

Посредника Тони разбудило щекотание усика плюща. Скорее всего, плющ действовал не без помощи со стороны — слишком слабая у него внутренняя мускулатура. Конечно, ему помог ветер. А тот, в свою очередь, был вызван универсальным взаимодействием коллективного разума элероев с Гайей, неким духом, — гештальт, в коем

слились воедино все души планеты и ее эфирного окружения. Так, во всяком случае, казалось Тони.

Хотя это могло быть и просто счастливым совпадением или, скорее, проявлением интуиции.

Усик снова пощекотал его ногу.

— Что за наглость, черт побери! — сказал посредник тоном хозяина, отчитывающего любимого кота.

Он потянулся, накинул легкий халат и заварил чай. Усик нетерпеливо постукивал по стене.

— Подожди минутку! — прикрикнул на него Тони. — Должен же я позавтракать.

Но усик не понимал его. Ушей у него не имелось вовсе, а разума было так мало, что, как бы ни шумели по этому поводу программы развития универсального интеллекта, его наличие легче было постулировать, нежели доказать.

И посредник Тони уже собрался поразмышлять с часок о возможностях всеобщего развития. Тони был толст, ленив, куда меньше своих приятелей склонен к двигательной активности и очень любил думать об абстрактных вещах. Правда, ему исполнилось всего четырнадцать — для него все еще впереди. Никогда нельзя заранее предугадать, что уготовила тебе программа развития.

Тук-тук-тук.

— Ладно, иду!

Тони неторопливо прошел в гостиную и приблизился к окну, сквозь которое в комнату проникали зеленые усы плюща. Он взял один в руку, и его тотчас же соединили с резиденцией властелина планеты. Насколько Тони помнил, в этом году властелином был Афтенбай, а его премьер-министром — Дентон.

Заговорил сам Афтенбай:

— Тони! Как поживаешь?

— Прекрасно, — ответил Тони. — В чем дело-то?

— Сначала возьми себя в руки, — сказал Афтенбай.

— Это и впрямь нетрудно, особенно после вашего совета — или лучше назвать его выговором? Вы ведь насчет чужаков, угадал? Они уже приземлились?

— Пока нет, — ответил Афтенбай. — Но скоро приземлятся.

— Чертовски вовремя!

— Да, последний визит был тысячу лет назад.

— Вот-вот, — согласился Тони. — Ну и что вы предприняли?

— Задействовал оборонный план «А». Мы установили посадочные огни, так что чужаки, приблизившись на расстояние визуального контакта, увидят, где им приземляться.

— Вы имеете в виду, где мы хотим, чтобы они приземлились, — поправил Тони.

— Верно. Но обычно они придерживались наших рекомендаций. Мы посадим их на берегу Северного залива, поближе к городу Дунгрул.

— Дунгрул? Что-то я не припомню города с таким названием.

— Это потому, что там никто не живет. Разве ты не читал «Руководство по обращению с чужаками»? Дунгрул — фальшивый город, оставленный нам предками. Именно там мы демонстрируем чужакам нашу цивилизованность во всем ее блеске.

— А как вы объясните отсутствие людей? Кто демонстрировать-то станет?

— Не говори глупости. Разумеется, там будет население, оно появится как раз ко времени прилета гостей.

— Похоже, вы едва поспеваете.

— У наблюдателя были кое-какие неприятности из-за лавины и кровной мести, поэтому донесение попало к нам с некоторой задержкой. Но не волнуйся, времени хватит, и ты знаешь, что должен сделать.

— Знать-то знаю, но стоит ли? Я хочу сказать, не найдется ли кого другого, кто имел бы к этому призвание и сделал все гораздо лучше меня?

— Нет. Кроме того, работа есть работа. В этом году тебе досталось быть посредником, так что не отвертись.

— Разумеется, у меня и в мыслях не было, но могу же я выразить свое недовольство. Приступаю сию минуту. Вас устраивает?

— Погоди. Ты знаешь, с чего начать?

— Конечно нет. Не думаете ли вы, что я целыми днями только и решаю, как мне следует действовать в случае появления чужаков? Тем более что они не показывались уже тысячу лет. Но разумеется, прежде чем тронуться в путь, я ознакомлюсь со всей информацией. Мои слова «сию минуту» были просто метафорой, означавшей, что я тронусь в путь, как только произведу все необходимые приготовления, для того чтобы сделать свое дело на совесть. Или, может быть, до вас не дошел смысл моих слов?

— Мальчик, чего-чего, а уж объяснения смысла твоих слов я никогда требовать не буду, — сказал Афтенбай. — Я спросил, знаешь ли ты, что делать, заведомо понимая, что ты не знаешь, но намереваешься узнать. Просто я хотел подчеркнуть, как важно, чтобы ты просмотрел материалы не ради простого любопытства. Или может быть, я говорю недостаточно понятно для тебя?

— Афтенбай, — сказал Тони, — вы добились только одного — вывели меня из себя. Спасибо вам. Как раз этого не хватало, чтобы подстегнуть мою флегматичную натуру и заставить действовать адекватно сложившимся обстоятельствам.

— Удачи тебе, мальчуган, — пожелал Афтенбай. — Иди и вступи в контакт с этими чужаками. Помни, что мы на тебя надеемся. И постарайся поменьше выходить из себя.

— Постараюсь, — пообещал Тони. — В конце концов, самое страшное, что они могут сделать, — это стереть с лица планеты всю нашу цивилизацию. Но если следовать древней общепринятой доктрине о вечном перевоплощении всего сущего, то это не такая уж большая беда, ведь правда?

— Пожалуй, — согласился Афтенбай. — Надо отдать должное широте и беспристрастности твоей точки зрения. Но все же постарайся, чтобы наша цивилизация протянула еще немного.

Прошло не больше часа после приземления. Анна с Бродским сидели за легким обедом из курятины с карри, когда раздался стук в дверь корабельного шлюза.

— Кто бы это мог быть? — спросил Бродский.

Анна оторвала взгляд от лежащей перед ней на столе книги под названием «Первичные контакты с обитателями других планет».

— Нетрудно догадаться, — ответила она. — Это разумный обитатель данной планеты.

— С чего ты взяла, что он разумный?

— Чтобы знать, что нужно стучать, надо иметь мозги. Самая умная земная собака не способна на такое. Она просто лает. Даже наших ближайших родственников, человекообразных приматов, не научишь стучать, перед тем как войти.

Хотелось бы знать, откуда ей это известно. Вероятно, какая-нибудь большая обезьяна, дрессированная, но не слишком, как-то раз вошла к ней без стука. Бродский вообще многого не знал об Анне.

— Почему бы не взглянуть, собственно говоря, — сказал он, широко распахивая дверь шлюза.

Вошел низкий и толстый подросток.

— Привет, — сказал он. — Вы, должно быть, с другой планеты?

— Да, конечно, — ответил Бродский. — А ты, должно быть, из хазар?

— Мы больше не зовем себя так, — сказал мальчик, — мы теперь элерои. Добро пожаловать на нашу скромную планету.

— А откуда ты знаешь английский?

— Телепатия, — объяснил мальчик. — Меня зовут Тони. Я посредник.

Бродский встал, взглянул на Тони и покачал головой:

— А не слишком ли ты юн для посредника?

— Вовсе нет. У нас, элероев, степень ответственности определяется умом и скоростью восприятия, а не возрастом.

— Это не лишено смысла, — заметил Бродский. — Меня зовут Бродский, а это Анна.

Анна пожала посреднику руку и сказала:

— Наличие общего языка сильно упрощает дело. Мы хотим узнать все о вашей цивилизации. И рассказать о своей.

— Разумеется, ведь это обычная практика, — подтвердил Тони.

— Кроме того, мы желаем осмотреть планету, — прибавил Бродский. — Посетить ваши города, послушать музыку и все такое.

— Конечно. Все гости обычно хотят того же, — сказал Тони. — Пойдемте, я отведу вас в Дунгрул.

— С удовольствием, — сказала Анна. — А мы найдем там вашего лидера — президента, генерального секретаря, или кто он у вас?

— Собственно говоря, он довольно занятой человек, — ответил Тони. — Я уполномочен представлять его.

— Мы должны встретиться с ним до отлета, — заявила Анна, и ее тон не оставлял сомнений в том, что это будет выполнено — коли возможно, так мирным путем, а нет, так любым другим.

О вторжениях чужаков элерои знали все. Они пережили такое множество вторжений, что каждый раз во время очередной высадки представителей других планет только пожимали плечами и говорили: «Ну вот, снова эти чужаки хотят втянуть нас в свои суетные делишки».

Хорошо еще, если чужеземцы прилетали с визитом вежливости. Их любопытство было понятным, хотя и несколько утомительным. Обычно, не встретив сочувствия, они просто улетали обратно. Впрочем, никто не отказывался поддержать с ними беседу, попозировать перед камерой и на прощанье помахать рукой.

Гораздо хуже, если такие гости натыкались на развалины, поражающие их воображение. Большинство визитеров просто помешались на древних руинах.

Элерои, ясное дело, позаботились о том, чтобы спрятать свои памятники старины под купола и перекрытия. Но, несмотря на все ухищрения, некоторые особенно настойчивые пришельцы нет-нет да и отыскивали спрятанное.

Столь же часто, как визитам вежливости, даже, пожалуй, еще чаще, элерои подвергались процедуре вручения подарков. В принципе, у них не было предубеждения против таких подношений. Дарителям дарение доставляло

удовольствие и вреда никому не приносило. Но все дары так или иначе оседали на тщательно замаскированных складах, поскольку самим элероям были ни к чему.

Некоторые исследователи посещали Хазару с целью изучения элеройской культуры. Они отличались добро-совестностью, честностью, эрудицией, но были опасны, поскольку часто задерживались на долгие годы, пристава-ли ко всем с занудными вопросами и привозили с собой многочисленный персонал. Элерои пытались остудить их исследовательский пыл, демонстрируя произведения искусства, на которые не польстился бы даже индеец из Матагальпы с продетой сквозь нос костью, и выдавая этих чудовищных уродцев за высшие достижения своей культуры. По сути дела, элерои научились изготавливать живописные поделки, которые ни одно разумное суще-ство в здравом уме и трезвой памяти не решилось бы выставить на обозрение у себя в доме. Это было единст-венное средство борьбы с заезжими коллекционерами, но в некоторых случаях не срабатывало даже оно.

По природе своей элерои хилые, тяжелые на подъем, ленивые и к тому же чересчур умные. На беду, они не умели скрывать свой ум — чем и выдавали свою игру, — потому что высшей наградой считается у них оценка по заслугам. По счастью, большинство незваных гостей сами оказывались либо недостаточно умными, либо слишком самоуверенными и консервативными, чтобы замечать подобные нюансы.

Чаше всего элеройский прием срабатывал. Чужаки прилетали, сколько-то болтались по планете и отправля-лись восвояси, оставляя элеройцев заниматься своими делами. Но иногда в события вмешивалась судьба, а уж ей противиться не дано никому.

Должно быть, именно судьба и привела сюда таких людей, как Бродский с Анной.

— А далеко до Дунгрула? — спросил Бродский.

— Около пяти ли, — ответил Тони. — Наш ли равен одной целой двум тысячным вашего стандартного кило-метра. И боюсь, придется пройти их пешком.

— Разве у вас нет транспортных средств? — спросила Анна.

— Мы их пока не изобрели, — ответил Тони. — Видите ли, мы очень поздно открыли колесо.

— К счастью, наш транспорт у нас с собой, — сказала Анна. — Бродский, не покажешь ли ему автолет?

Бродский сходил в складской отсек и принес ящик величиной с земной гроб. Он выкатил его наружу — тот был на колесиках, — велел Анне и Тони отойти в сторону, отодвинул защелку и нажал на кнопку с надписью «Сборка». Ящик раскрылся, обнажив набор стержней из алюминиевого сплава, способного запомнить форму, и небольшую двигательную установку. Вся конструкция быстро смонтировалась в летательный аппарат.

— Замечательно, — сказал Тони и полез вслед за Бродским и Анной внутрь автолета.

Там было тесновато, но им удалось разместиться. Бродский поднял аппарат в воздух и завис метрах в ста над землей.

— Дунгрул вон там, — показал Тони. — Можете ориентироваться на столб дыма.

— А откуда идет этот дым? — спросила Анна.

— Из трубы новой дымовой фабрики.

— И что производится на этой фабрике?

— Ничего. Ничего, кроме дыма.

— Но в этом нет никакого смысла, — сказала Анна.

— Наоборот, смысл совершенно очевиден, — возразил ей Тони. — Решить, что будет выпускать фабрика, можно и потом. Сперва нужно определить, можно ли терпеть этот дым.

Дунгрул оказался большим, изрядно запущенным поселением с ветхими зданиями и грязными улицами. Тони обратил внимание спутников на главные местные достопримечательности — дом гильдии нищих, министерство социального обеспечения, ресторан «Обжора». По улицам бродили немногочисленные, неопрятно одетые прохожие подозрительной наружности, демонстрировавшие поразительное разнообразие болячек.

— Очень интересно, — объявила Анна после экскурсии. — А теперь нам пора возвращаться на корабль. Не посетите ли вы нас завтра утром?

— Разумеется, — ответил Тони. — У нас осталось еще кое-что, достойное осмотра. Например, горы Камаранг, возносящие свои вершины на высоту более километра. Или река Моут, средняя глубина которой составляет три метра, разлившаяся в самой широкой части почти на сто.

— Нас не интересуют горы и реки, — сказала Анна.

— И разве можно винить вас за это? — ответил Тони с грустной улыбкой. — В конце концов, каждому ясно, что мы отнюдь не процветаем, кроме того, не слишком изобретательны и даже не очень умны. Но мы постараемся по мере сил развлекать вас, пока вы не отбудете в поисках более перспективных миров.

— Не понимаю, зачем так уничтожать себя, — сказала Анна. — Нет никаких особых проблем, которые нельзя было бы разрешить при помощи витаминов и продуманной системы образования.

— Витамины — это неплохая мысль, — согласился Тони. — Может быть, вы оставите нам немного перед отлетом?

— Мы пока не собираемся улетать, Тони, — твердо сказала Анна. — Завтра обсудим, как нам встретиться с вашим лидером, чтобы доказать ему все преимущества присоединения к нашему Альянсу — как физические, так и моральные.

— Не сомневаюсь в том, что Афтенбаю, властелину Хазары, будет любопытно узнать вашу точку зрения.

— Лучше, если бы это было так.

— Но хочу предупредить заранее: честно говоря, мы, элерои, не любим присоединяться к кому бы то ни было.

— Теперь все изменится, — заверила его Анна. — Человечество ведет войну. Ожесточенные бои идут по всему космосу. На кон поставлено наше существование, и ваше тоже. Вам придется выбрать одну из сторон и соединиться с ней прочными узами. И этой стороной должны быть мы.

— Я передам ваше мнение Афтенбаю, — сказал Тони. — Но вряд ли ему это понравится.

— Какие узы она имела в виду? — спросил Афтенбай. — Я хочу сказать, не в буквальном же это смысле?

— Думаю, что она имела в виду союз, независимый Альянс, представителями которого эти люди являются, — ответил Тони.

— Ах да, наверное, говоря «мы», она имела в виду группу планет, — произнес Дентон. — Среди варваров принято заключать союзы для борьбы с другими союзами. Похоже, они хотят, чтобы мы присоединились к ним. Ишь ты, чуть ли не силой тащат.

При мысли о присоединении к Альянсу Афтенбай содрогнулся. Всю свою историю элерои боялись этого как черт ладана и всячески увиливали от подобных шагов.

Но раз пришельцев не удалось убедить в бесполезности элероев и их планеты, пора идти на крайние меры.

— Нет, я больше не хочу карри, — сказал Бродский за завтраком. — И не желаю лицеизреть твою высокомерную физиономию.

Анна недоуменно посмотрела на него:

— В чем дело?

— Нас послали сюда, чтобы мы выяснили обстановку и доложили о результатах. А не для того, чтобы принуждать аборигенов к вступлению в Альянс.

— Ты получил свои распоряжения, а я — свои, — отрезала Анна.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Не витай в облаках, Бродский. Война идет не понарошку. Неужели ты думаешь, что кто-нибудь сможет отсидеться в своей норе? Какая судьба ждет этих людей, если хорьки нападут на планету раньше, чем мы разместим здесь гарнизон?

— Каждый должен решать сам, присоединяться ему или нет, — возразил Бродский.

— Они могут выйти из Альянса, когда захотят, — ответила Анна. — Таковы правила. Но прежде чем выйти, они должны вступить.

— Но ведь не существует прямых законов, предписывающих подобные действия.

— Да, право на окончательное решение предоставлено офицеру, находящемуся непосредственно на месте событий.

— Я тоже офицер, — возразил Бродский.

— Но я занимаюсь этим делом дольше, чем ты. Это дает мне преимущество.

Тут как раз раздался громкий стук. Бродский встал, чтобы открыть дверь шлюза.

— Не понимаю, зачем мы ссоримся, — сказал он, возясь с запорами. — Наши точки зрения не так уж далеки друг от друга. Я тоже считаю, что элерои должны вступить в Альянс. Но ты выбрала неверный подход.

— А тебе, конечно, известен верный. С каких это пор ты стал специалистом по элеройской психологии? Бродский, говорю последний раз: не лезь не в свое дело, я поступлю так, как считаю нужным.

— Добро пожаловать, Тони, — сказал Бродский.

Тони вошел, а за ним еще двое. Бродский даже без представления понял, что перед ним властелин планеты и его первый помощник.

Никакого представления и не последовало. Властелин планеты произнес:

— Это вы пришельцы? Насколько мне известно, у вас есть воздушный летательный аппарат. Соболаговолите поднять его, и я покажу, какие бедствия повлек ваш визит.

С высоты было видно, что за ночь зеленые поля Хазары приобрели коричневый оттенок. Реки, еще вчера мирно струившие свои зеленоватые воды, высохли. Дул опаляющий ветер. Повсюду, насколько хватало глаз, лежала пустыня.

— Мне очень жаль, — сказала Анна, когда они вернулись на корабль. — Я не знаю, что вызвало катастрофу, но ясно, что нашей вины тут нет. Хотя, разумеется, мы готовы помочь вам исправить положение.

— Весьма любезно с вашей стороны, — с горечью произнес Афтенбай. — Вот так всегда: прилетят, опусто-

шат нашу планету, а потом предлагают помощь. Нет уж, благодарим покорно. Лучше улетайте, пожалуйста, и дайте нам возможность самим навести порядок.

По-видимому, Анну одолевали сомнения. Перед ее мысленным взором замаячил призрак военного трибунала, неминуемого в случае невыполнения задания.

— Что скажешь, Бродский? — спросила она.

Тот немного удивился:

— Ты спрашиваешь моего совета?

— Да, если ты не против.

Бродский пересек каюту и остановился перед Афтенбаем, Дентоном и Тони. Они смотрели на него угрюмо и грустно. Неожиданно Бродский рассмеялся.

— Ну ладно, — сказал он, — пошутили, и хватит.

— Вы о чем? — спросил Дентон. — Чего хватит?

— Я имею в виду психобиологическую связь, объединяющую элероев со всей планетой и ее энергетической системой. Речь идет также о вашей способности управлять всеми процессами на планете.

— Значит, вы полагаете, что мы сами это сделали? — спросил Дентон.

— Разумеется. Для меня совершенно очевидно, что ваша цивилизация создала систему обороны не в общепринятом смысле этого слова. Вы включили химические процессы своего организма в единую систему растительной жизни. Когда вы плохо себя чувствуете, плохо чувствует себя вся планета. Урожаи падают, вода загрязняется, воздух портится. И наконец, пришельцы с отвращением улетают прочь. Таков сценарий. И конечно, раньше уловка удавалась. Но на сей раз номер не пройдет.

— Как вы все это узнали? — глухо спросил Афтенбай.

— Я смог прийти к этому выводу лишь потому, что ничем не отличаюсь от вас. Смышлен настолько, что мне это вредит, а делать, в общем-то, ничего не умею.

— Да, нечто в этом роде, — согласился Дентон. — Полагаю, вам известно, что вся жизнь основана на противоречиях и каждый устраивается как может. Против

природы не попрешь, и свои недостатки искоренить очень трудно. Но при разумном подходе можно создать условия, позволяющее свести к минимуму разрушительные процессы, проявлением которых являются эти недостатки. Я не слишком вас запутал?

— Вовсе нет, — ответил Бродский. — Все сводится к тому, что, как бы вы ни были умны, без некоторой толики удачи вам не обойтись. И до сих пор удача сопутствовала элероям. Но ваше будущее зависит от выбора, который придется сделать прямо сейчас.

— Все заставляете нас вступить в ваш варварский Альянс? — проворчал Афтенбай.

— Нет, не заставляю, — ответил Бродский. — Выбирать вам. Только как поступят с вами хорьки и их друзья, если нагрянут сюда? Что касается нас с напарницей, то в случае отказа мы просто улетим. Это я вам обещаю. Правда, Анна?

Анна была озадачена. Она никак не предполагала, что Бродский способен так уверенно взять дело в свои руки. По-видимому, командир Бродского, отправляя его на задание, руководствовался не только стремлением избавиться от нерадивого подчиненного.

— Что ж, очень любезно с вашей стороны, — сказал Афтенбай. — И честно. Мы изучим предложение со всей тщательностью, а пока почему бы вам не полететь спокойно домой? А мы, как только изобретем межзвездные средства передвижения, так сразу и вступим в ваш союз.

— Афтенбай, остановитесь на минутку, — сказал Дентон. — Разве вы не видите, он просто потешается над нами? Ему что-то известно!

Бродский кивнул и повернулся к Дентону:

— Вы так умны, господин премьер-министр, что наверняка уже угадали причину моего веселья.

— Я знаю, я догадался! — подпрыгивая от нетерпения, закричал Тони.

Дентон с достоинством произнес:

— Будьте добры, расскажите, почему вы смеялись. Что вам известно?

— Мне известно, чего вы, элерои, боитесь больше всего на свете, — ответил Бродский.

— Да, да! — Тони пришел в восторг оттого, что делает верные умозаключения быстрее взрослых. — Скажите ему, Бродский! Только начните с самого начала!

— Ладно, — сказал Бродский. — Хотя это было так давно, что вы, возможно, сами не помните, когда все началось. Ну, положим, миллион лет тому назад. Вы осознали, что можете спокойно сосуществовать друг с другом. Бьюсь об заклад, никто из вас не помнит, когда элерои воевали в последний раз. Единственная цивилизация, которая развивалась мирно. Как вам это удалось?

— В некотором смысле просто повезло, — ответил Дентон. — Мы оказались настолько умны, что решили подвергнуть свою расу нескольким серьезным генетическим изменениям, а в качестве основополагающего принципа выбрали биологический альтруизм и заложили его в новый наследственный код.

— Вы выбрали застой и остановились в своем развитии. Может быть, в какой-то момент это было полезно, но все же остановка есть остановка. Вы перестали интересоваться окружающим миром, внушили себе, будто он не существует вовсе. Но, к огорчению элероев, мир не забыл их. Братья элерои — а я считаю себя одним из вас, — пора испытать другую тактику.

— Вы подразумеваете вступление в ваш Альянс? — спросил Афтенбай. — Все ваши мошеннические доводы сводятся к этому, не так ли?

— Разумеется. Только вовсе они не мошеннические. Конечно, я могу ошибаться. Но что-то подсказывает мне, что для вас это было бы наилучшим выходом и вы, в общем-то, со мной согласны, просто ищете благопристойный предлог объявить эту идею своей собственной.

— Черт побери! — смутился Афтенбай. — Ну, если все у вас так логично, то и возразить нечем? А, Дентон?

— Да, думаю, время настало, — сказал Дентон.

Тут уж Анна не выдержала:

— Вы действительно собираетесь вступить в Альянс? И только потому, что посоветовал он?

— Собственно говоря, роль Бродского не так уж мала, — ответил Дентон. — Историческая необходимость выдвигает своих глашатаев там и тогда, где и когда они становятся необходимы. Не поймите так, что я хочу умалить ваши заслуги, старина. Просто столь разумная раса, как наша, сама выбирает путь дальнейшего развития. Присоединиться к Альянсу? Что ж, так тому и быть. Боюсь только, что...

— Да отбросьте вы опасения, — перебил его Бродский. — Уверяю вас, это никогда не случится.

— Может, вы прекратите наконец блистать своим чертовым умом и объясните мне, о чем речь?! — взорвалась Анна. — Чего вы боитесь, Дентон? А вы, Бродский? Почему вы так уверены в том, что это никогда не случится? Ну?

Дентон ответил с улыбкой умного и капризного ребенка:

— Нет абсолютно никакого смысла обсуждать этот вопрос. Объясните лучше, как вступить в этот ваш Альянс. Нужно ли заполнять какие-то анкеты? Имеет ли значение отсутствие у нас космических кораблей? И наконец, могу ли я побеспокоить вас просьбой о чашке чая?

— Я приготовлю, — сказал Бродский.

— Нет уж, я сама.

Укрывшись на камбузе, Анна поставила чайник и дала волю своему раздражению. Эти элерои совершенно невыносимы. И умник Бродский им под стать. Беда в том, что она уже начала привыкать к нему. Внезапно ей захотелось приготовить настоящий вкусный ужин с карри. А все-таки, чего же боялись элерои?

— Я вернулся! — крикнул Лео Хоу, наблюдатель, подойдя к хижине Оттолайна Гуиши. — Где твоя дочь?

— Ага! — отозвался Гуиши, появляясь в дверях с револьвером в руке. — Дурак! Нет у меня никакой дочери, на этом продуваемом ветрами склоне тебя поджидает только ужасная смерть. — И он прицелился в Лео.

Хотя и не совсем веря его словам, Лео на всякий случай все-таки закрыл глаза. Уж если суждено быть застреленным, то лучше не видеть, как это случится.

— Ладно, я пошутил, — смягчился Гуиши, кладя револьвер на выступ скалы. — Выходи, Хлоя!

Из хижины вышла невысокая ясноглазая девушка с волосами цвета земляники и улыбкой, которая растопила бы и гранит.

Одного взгляда было достаточно, чтобы Лео понял: они будут очень счастливы вдвоем. И еще он понял, а вернее, почувствовал, что все задумано именно ею; элеройские девушки любят подстраивать экстравагантные знакомства со своими избранныками. Но он догадывался также, вернее, знал наверняка еще об одном обстоятельстве, о котором она не подозревала.

— Мы поженимся, когда ты пожелаешь, — объявил Лео, — но лучше сделать это поскорее, потому что я записался в экспедиционный корпус и никому не известно, когда нам выступать.

— Какой такой экспедиционный корпус? — спросила Хлоя.

— Мы отправляемся на подмогу Альянсу. Разве ты не слушаешь сообщения по биосети?

— Не понимаю, — сказала Хлоя. — Зачем кого-то куда-то посылать? Что умеют элерои? На всей планете не найдется никого, кто способен хотя бы починить стиральную машину.

Лео переглянулся с Оттолайном Гуиши. Будущий тесть понял его, как способен понять только мужчина мужчину.

— Мы поможем им, чем сумеем, — спокойно ответил Лео.

Он, как и Оттолайн, понимал, что это может стать началом конца, ведь элерои настолько превосходят умом всех остальных разумных существ, что рано или поздно их неминуемо попросят возглавить борьбу. А поскольку элерои относились к власти на свой лад, перед ними возникла бы дилемма. Установка на биологический альтруизм не позволила бы отказаться от власти, а разум воспротивился бы идее принять ее.

Но Бродский заверил их, что этого не случится. Собственно говоря, он высказал свои соображения весьма безапелляционно:

— Вы что, смеетесь? Думаете, президенты и генералы самых развитых цивилизаций Галактики отдадут в ваши руки свои высокие посты только потому, что вы умнее и способнее? Поверьте, этого не произойдет никогда.

Элероям пришлось удовлетвориться его заверениями. Хорошо, конечно, сознавать, что в ближайшем будущем вам не грозят слишком ответственные должности в Альянсе. Однако и немного досадно, что никто их даже не попросит. В конце концов, кто способен руководить лучше?

Жаль, никогда не удастся это проверить.

Впрочем, так ли уж никогда?

Более или менее одновременно у всех элероев стало складываться ощущение, будто переход под их управление сначала Альянса, потом Флота, а там, глядишь, и всего космоса не так уж невероятен.

Именно такие мысли посещают всех полутелепатов, наделенных даром биоэнергетической взаиморегуляции, которая позволяет им управлять средой обитания.

А мысль была занятная. К ней стоило вернуться.

Когда все поверили, что война закончилась, на Галактику обрушилась неисчислимая орда инсектоидов-ихтонов — настоящая космическая саранча. И было решено построить огромную мобильную базу «Хоукинг», способную вместить тысячи солдат и боевых кораблей.

В 1992 году к созданию антологии «Battlestation» («Боевая станция») под чутким руководством Дэвида Дрейка и Билла Фосетта, кроме Шекли, приложили руку Кристофер Сташефф, Стив Перри, Майк Резник и другие популярные фантасты.

КОМАНДИРОВКА НА ЛЮМИНОС

Фрэнк Рашмор направлялся в голубой конференц-зал, где должен был получить новое задание. Он, как и тысячи других офицеров не самых высоких чинов, был внутренне готов, поскольку устал от неопределенности, устал ждать, когда будет решена его судьба высокими чинами в роскошных апартаментах на верхних палубах «Хоукинга». Светило Фрэнку назначение на дальний форпост, расположенный на небольшой, затерянной в дебрях Галактики планете, где ему предстояло дожидаться появления ихтонов, а затем сделать отчаянную попытку ускользнуть в последний момент. Могли его также послать в одну из боевых групп, развернутых в разных местах с целью задержать продвижение ихтонов к Родным Мирам.

— Эй, Фрэнк, постой.

Фрэнк узнал голос торговца Оуэна Стейджинга, с которым был давно знаком, и обернулся. Крупный и видный мужчина, с широкой грудью и приплюснутым носом боксера, чем-то походил на готового к бою быка. Был он грубоват, циничен и не стеснялся в выражениях, но при этом умудрялся поддерживать хорошие отношения со всем экипажем. Фрэнку Оуэн тоже нравился, хотя Рашмор никогда не доверял ему полностью и не разделял его взглядов на жизнь.

— Куда спешишь? — спросил Оуэн.
— Вызвали на совещание, — ответил Фрэнк.
— Давно пора.
— Ну знаешь, это никогда не делается сразу, — сказал Фрэнк.

Оуэн неопределенно пожал плечами.

— Как думаешь, куда тебя пошлют? — спросил он.

— Пока я знаю об этом не больше твоего, — ответил Рашмор.

— Ошибаешься — мне кое-что известно, — загадочно ответил Оуэн Стейджинг.

— Ну и куда же? — спросил Фрэнк.

— Что об этом говорить? Пока у меня только догадки, — лениво ответил Оуэн. — Давай-ка лучше пропустим по рюмочке, после того как получишь назначение. Предлагаю встретиться в баре у Ротифера, согласен? Есть у меня к тебе деловое предложение; думаю, понравится.

Фрэнк с раздражением посмотрел на Оуэна. Вечно этот торгаш делает вид, будто знает нечто важное. Хотя кто его разберет, — может, он и вправду сумел что-то разнюхать? Некоторым всегда удается держать нос по ветру и узнавать, где высшее начальство планирует провести следующую операцию против ихтонов.

— Ладно, в баре так в баре. — И Фрэнк поспешил в голубой конференц-зал.

Рассчитанная на пятьсот мест аудитория была заполнена лишь наполовину. Это было круглое помещение без всякой роскоши, освещавшееся мягким рассеянным светом, как и большинство помещений «Хоукинга». Все здесь казалось тусклым, серым, уныло-официальным. Фрэнк занял свободное место в одном из передних рядов между бородатым офицером-артиллеристом и женщиной в мундире интенданта. Обоих он прежде определенно не видел. Вот же странность: сколько ни проживи на «Хоукинге», всегда можно наткнуться на совершенно незнакомого человека. Даже после пяти лет службы на корабле Фрэнк толком не знал никого, кроме десяти—двадцати человек, с которыми приходилось общаться непосредственно по долгу службы. Хотя подавляющее большин-

ство помещений внутри периметра «Хоукинга», а также прилегающие склады, магазины, офисы и предприятия были доступны для всех, люди почти не казали носу из своих секций, общаясь только с теми, с кем связывала работа или дружба.

Неожиданно бородач повернулся к нему:

— Вы Фрэнк Рашмор, если не ошибаюсь?

Офицеру было за шестьдесят, как и Фрэнку. У него был тот усталый и несколько циничный взгляд, который некоторые люди приобретают за долгие годы, посвященные исключительно военной службе. На каковой поощрялась всецелая отдача своему узкому полю деятельности, а флегматичность и нелюбознательность считались самыми подходящими для специалиста качествами. Однако только любопытство, хотя бы самое примитивное, удерживало человека от превращения в бездушную машину.

— Привет, — произнес артиллерист. — Меня зовут Свейн Доррин.

У него было широкое лицо и аккуратно подстриженная шевелюра, и только щетина на подбородке выдавала последователя дагу — загадочного культа, снискавшего некоторую популярность среди персонала Флота в последние годы. Доррин, однако, не выглядел религиозным фанатиком. Он смотрел на Фрэнка скучающим и рассеянным взглядом пресыщенного и давно переставшего удивляться чему бы то ни было человека.

— Уже знаете, куда вас пошлют? — вежливо поинтересовался он.

— Со мной это не обсуждали, — ответил Фрэнк, не желая продолжать разговор. Однако он не нашел подходящего повода и, чтобы не показаться невежливым, спросил в свою очередь: — А вы знаете?

— Конечно, — сказал артиллерист. — Командир назвал меня лучшим специалистом по системам управления огнем класса С, так что никаких боевых действий — меня ждет педагогическая работа. Отправляюсь в систему Гринчарли, буду обучать молодежь на резервной базе.

— Я рад за вас, — сказал Фрэнк.

— Спасибо, — поблагодарил Доррин, не обращая внимания на иронию в голосе собеседника. — А куда пошлют вас, Фрэнк?

— Откуда вам известно, как меня зовут? — спросил Фрэнк.

— Я частенько видел вас в академии на Денебе-Одиннадцатый. В те времена вы были отличным стрелком.

Фрэнк знал, что и в самом деле считался хорошим офицером, добросовестным и исполнительным, но недостаточно талантливым и заметным, чтобы достичь высоких чинов. Его имя никогда не появлялось в списках на досрочное продвижение по службе, и каждое очередное звание приходило к нему в положенный срок, не раньше. Он уже отслужил двадцать девять лет, а что получил взамен? Вечные полеты и переселения, осточертевшие интерьеры космических аппаратов, диких планет и негостеприимные планеты, множество женщин, о встречах с которыми он забывал на следующий день, а они — в следующую минуту. Это почти все, что дала ему служба на Флоте, и он порой изумлялся, как быстро прошла жизнь. Пенсионный возраст приближался, а он так и не решил, что же делать дальше — уходить в отставку после тридцати лет службы или продлить контракт. С одной стороны, идет война и покидать Флот в такое время не очень-то красиво. С другой стороны, Флот все время где-нибудь и с кем-нибудь воюет — надо же когда-то подумать и о себе. Фрэнк полагал, что человек обязан что-то сделать для себя, хотя и весьма смутно представлял, что именно.

Артиллерист хотел еще поговорить о давних временах, но в зал вошел офицер кадрового отдела и начал зачитывать приказ. Звали кадровика Джеймс Гилрой; уже много лет именно он зачитывал приказы о новых назначениях, спускавшиеся из отдела боевого планирования Флота.

Внезапно Фрэнк услышал, как Гилрой произнес его имя, и мысли немедленно прекратили свое рассеянное блуждание.

— Мистер Рашмор, вам надлежит направиться на новое место службы в сектор сорок три. Лейтенант Мембрино ждет вас в кабинете один-К; от него вы получите всю необходимую информацию и сопроводительные документы.

У Фрэнка все оборвалось внутри. Он только что вернулся из трехмесячного полета на одноместном корабле-разведчике, и теперь ему полагался вполне заслуженный небольшой отпуск, который он предвкушал провести в притонах Травянисто-Зеленой палубы «Хоукинга». Но он молча встал, отдал честь и вышел из конференц-зала.

Поджидавший его в кабинете 1-К лейтенант Мембрино оказался очень молодым — на вид чуть старше двадцати лет. Лицо с усиками было сплошь усеяно прыщами.

— Вы мистер Рашмор? Вот ваши документы. — Он протянул Фрэнку небольшой черный портфель и услужливо открыл его. Внутри были звездные карты, пачка компьютерных распечаток и приказ с заданием. В отдельном запечатанном конверте находились инструкции.

Из приказа Фрэнк узнал, что ему предстоит направиться на планету Люминос и предъявить местным властям свои полномочия посланника военной базы «Стивен Хоукинг». После этого он должен добиться полного доверия аборигенов и известить их о том, что планете угрожает опасность скорого нашествия ихтонов. К приказу прилагался обзорный доклад о положении дел в секторе. Люминос находился как раз на пути приближающегося флота ихтонов.

— Не понимаю, — сказал Фрэнк, — зачем посылать туда человека, чтобы передать эти сведения. Можно просто отправить информационно-звуковую торпеду?

— Туземцы могут не обратить на нее внимания, — ответил Мембрино. — Цивилизация на Люминосе еще очень молода, и сарьянцы не очень-то освоились с тонкостями межзвездной политики. Их электронная промышленность отстает от нашей на целое поколение; они даже не овладели атомной энергией. Лишь недавно обнаружили существование других разумных рас в Галактике.

Если мы пришлем предупреждение, это лишь запутает их. Но если вы появитесь на своем корабле, оснащенном техникой, которая превосходит все, что они смогли придумать за тысячи лет, и сами поставите их в известность...

— Понял вас, — прервал его Фрэнк. — Они в самом деле подвергаются угрозе?

— Как ни прискорбно, по нашим расчетам, их планета лежит прямо на пути продвижения ихтонов.

— Сколько у меня времени до появления противника?

— Недели три, возможно — месяц. Времени достаточно, но надо пошевеливаться, мистер Рашмор, чтобы все успеть и не влипнуть в неприятности.

Ресторан Ротифера был одним из лучших увеселительных заведений на корабле; посещала его преимущественно «знать» экипажа «Стивена Хоукинга», то есть высшее начальство Флота и разбогатевшие торговцы. Фрэнк часто проходил мимо его нарочито скромного входа на Травянисто-Зеленой, украшенного пластиковой пальмой — копией с эмблемы элитарного земного «Сторк-клуба». Он никогда не заглядывал внутрь, и не по причине заоблачных цен — пропустить рюмочку в «Ротифере» мог каждый. Просто он всегда стремился находиться среди равных, а среди богачей и начальства чувствовал себя не в своей тарелке.

Оуэн Стейджинг ждал его за столиком возле небольшого танцевального подиума. Танцевать здесь начинали обычно гораздо позже — даже оркестра еще не было. В зале было почти безлюдно, если не считать Фрэнка со Стейджингом и одной или двух парочек, забившихся в укромные уголки, да еще старавшегося не бросаться в глаза официанта в черном смокинге, который, бесшумно двигаясь, разносил заказы.

— Садись, Фрэнк, — весело поприветствовал его Стейджинг своим приятным низким голосом.

На нем была рубашка из какого-то переливающегося материала, украшенного разноцветными блестками, — для его возраста это было уж слишком. Часы его — на-

стоящий «Эббот» — не только показывали время, но и контролировали все жизненные функции организма, обнаруживали любые отклонения от нормы и давали рекомендации по их устранению. Если добавить к этому автоматический учет возрастных изменений, то «Эббот» мог весьма успешно заменить собой личного врача.

На исходе своих пятидесяти лет, высокий, несколько полноватый, с крупными мясистыми чертами лица и гладкими, коротко подстриженными светлыми волосами, Оуэн выглядел пышущим здоровьем человеком в полном расцвете сил. Улыбка, то и дело появляющаяся на его лице, производила впечатление искренней — правда, только на первый взгляд. Было в нем что-то неуловимо неприятное. Возможно, все дело в пристальном взгляде, оценивающем собеседника с точки зрения конкретной утилитарной пользы. Да, скорее всего, дело именно в этом, подумалось Фрэнку, но в данный момент Стейджинг был сама любезность. Он придвинул стул для Фрэнка и лихо шелкнул пальцами, подзывая официанта.

Когда подошедший официант с поклоном подал карту вин, Оуэн даже не взглянул в нее.

— Попробуй, Фрэнк, «Вдову Клико» девяносто четвертого года. Метрдотель даже не знал, что здесь есть такая роскошь, пока случайно не наткнулся на бутылки в дебрях складов Фиолетовой палубы. Дороговато, конечно, но уверяю тебя — это стоит каждого потраченного цента.

— Мне пива, — сказал Фрэнк официанту.

В компании с торговцем он чувствовал себя неловко, но терпеливо сносил неудобства в угоду приятельским отношениям. Они провели вместе множество приятных вечеринок в долгом рейсе из Звездного Централла. Оуэн был всегда очень любезен и не скрывал своего интереса к Фрэнку.

— Ну так куда же тебя направили?

— Получил назначение на Люминос, — ответил Фрэнк.

— Люминос? — Торговец на секунду задумался. Он прищурил свои желтые глаза и через мгновение широко

распахнул их. — Люминос, как же! Это чуть ли не на линии фронта, да?

— Возможно, — хмуро ответил Фрэнк.

— Конечно, Фрэнк, конечно! Я ведь замаскированный тараканий шпион — как же ты сразу этого не заметил?

— Да ладно, перестань, — ответил Фрэнк, — о таких вещах всегда лучше помалкивать.

— Все равно я уже в курсе, — продолжал Стейджинг. — Так, значит, тебя посылают на Люминос? Но это же совершенно бессмысленно.

— Ну кто-то же должен предупредить туземцев, — сказал Фрэнк.

— Но почему именно ты? Это же несправедливо, Фрэнк. Ты только что возвратился из долгого одиночного полета. А до Люминоса добираться неделю. Снова один на разведчике, а когда прилетишь, ничем не сможешь помочь. Сарьянцы на Люминосе не захотят иметь дела с тобой, даже узнав о грозящей им опасности. Торговцев там не будет, поскольку планета находится в зоне военных действий.

— Кто-то должен выполнять и такую работу, — ответил Фрэнк. — В конце концов, именно поэтому Флот находится здесь. Мы должны предупреждать любую разумную расу, которая окажется на пути ихтонов.

— Они же не смогут убрать свою планету с пути армады!

— Я знаю, — ответил Фрэнк, чувствуя правоту Стейджинга, но упрямо продолжил: — Все равно мы должны дать им шанс.

Оуэн Стейджинг откинулся в кресле и поднял высокий запотевший бокал, кубики льда нежно звякнули.

— Одно мне непонятно, Фрэнк: какая тебе выгода от всего этого?

— А почему я должен стремиться к какой-то личной выгоде?

— Оставь этот пафос, Фрэнк! Я думаю, что человечество многим обязано тем мужчинам и женщинам, которые сражались за их жизнь и свободу. Двадцать девять

лет отдал ты службе на благо цивилизациям — и что получил взамен? Еще одно малоприятное и бессмысленное задание.

— Ладно, хватит, — возмутился Фрэнк, — а то еще посоветуешь предъявить иск о компенсации. Служба на Флоте — почетная служба; я многим ей обязан.

— Не спорю, — ответил Оуэн, — но есть какая-то ирония судьбы в том, что для тебя это опасное, скучное и неинтересное задание, а я мог бы извлечь из него существенную прибыль.

— О чем ты?

— Если бы я отправился на Люминос, — объяснил Оуэн, — то провернул бы очень выгодное дело, которое мне только что подвернулось.

— Если у тебя это на уме, то заруби на носу — я не имею ни малейшего желания везти тебя в сорок третий сектор, — ответил Фрэнк. — На Люминос я отправлюсь один. Да ты и сам знаешь законы: торговцам запрещено появляться в зонах боевых действий.

— А я и не собираюсь туда лететь, — ответил Оуэн. — Люминос скоро станет весьма опасным местом. Отказываться от всех удовольствий в обмен на возможность рискнуть жизнью — это не по мне. Война — твоя профессия. Мое призвание — бизнес. Я хочу получить прибыль с твоей помощью и предлагаю тебе долю.

Фрэнк спокойно посмотрел в улыбчивое лицо Стейджинга. Чего-то подобного он и ожидал. С того самого момента, когда торговец только начал обхаживать его. И в принципе, у Фрэнка не было никаких возражений. Ему нравился Оуэн, его грубые шутки и вольные манеры. И если торговец действительно хотел завоевать его расположение, то ничего плохого Фрэнк в этом не видел.

— Прибыль? — с абсолютно бесстрастным лицом проговорил Фрэнк. — Не понимаю, о чем ты ведешь речь, Оуэн.

Засунув два коротких пальца в нагрудный карман, торговец выудил мешочек из коричневой замши, завя-

занный хитроумным узлом. Распустив узелок, он аккуратно вытряхнул содержимое. Из мешочка на стол выкатилось нечто, внешне напоминавшее морскую гальку. Но никакая галька не могла бы излучать такое пульсирующее розовато-огненное сияние. От одного взгляда на драгоценный камень Фрэнк ощутил легкое головокружение; внезапно он почувствовал, что погружается в странный голубоватый полумрак. Его сознание уплыло куда-то очень далеко от тела, оно теперь находилось вблизи чего-то в высшей степени необычного, имени чему он не знал.

— Что это за чертовщина? — спросил он.

Оуэн передвинул вещь на середину стола.

— Это огненный камень Грея, — пояснил он, осторожно коснувшись пальцем. — Одна из диких Вселенной — психоотражающий минерал, способный усиливать или преобразовывать душевное состояние человека. Обрати внимание, как меняется его цвет, когда я подношу руку. Для каждого, кто его носит, он излучает свое неповторимое сочетание цветов. Ученые до сих пор не могут объяснить этот феномен.

— Никогда ни о чем подобном не слышал, — увлеченно произнес Фрэнк.

— А все потому, что ты не интересуешься новостями моды, — продолжал Оуэн. — Кольца с этими камнями вызвали небывалый ажиотаж в модных салонах. В этом году нет украшения престижнее, — по крайней мере, так утверждает журнал «Мода гуманоидов Вселенной».

Фрэнк взял камень и сразу же ощутил, как тот пульсирует в его руке.

— Они что, очень редки? — поинтересовался он.

— В год их добывается всего несколько сотен. Можешь себе представить, какую цену предлагают за них ювелиры.

— И где их добывают? — спросил Фрэнк.

— Долгое время это оставалось загадкой, и только в прошлом году было точно установлено, что все камни прибыли с Люминоса.

— С того самого?

— Именно, — ответил Оуэн. — Как видишь Фрэнк, если бы я оказался там, то занялся бы торговлей этими камнями. Я располагаю десятками каналов сбыта.

Наступила долгая пауза.

— А почему ты считаешь, что я захочу что-то сделать для тебя? — нарушил наконец молчание Фрэнк.

— Что плохого в том, чтобы нам стать партнерами? Прибыль — пополам.

— Но я же должен что-то предложить туземцам в обмен на камни?

— У меня есть кое-что из того, что потребуется сарьянцам в ближайшее время.

— Ты имеешь в виду виски? Огненную воду в обмен на огненные камни?

— Нет, — ответил Оуэн, — хотя не исключено, что в их ситуации это наилучший выход. Я говорю о действительно необходимой для них вещи, учитывая складывающиеся обстоятельства.

— И что же это?

— Я имею в виду двигатели для космических кораблей, мой друг. Сарьянцам они здорово пригодятся, иначе очень скоро дьявольская орда ихтонов свалится на их головы.

— Где ты достал ракетные двигатели? — спросил Фрэнк.

— Мой кузен работает в управлении по реализации устаревшей военной техники, а у него есть друг в подразделении по модернизации. Они только что начали заменять компоненты Эл-Пять.

Фрэнк прекрасно знал, что Эл-Пять являлись ключевым компонентом систем для создания защитного силового поля. Вместе с деструктором холодного синтеза они позволяли перемещаться в пространстве со сверхсветовой скоростью. Это были довольно старые модели, производившиеся уже почти десять лет. Фрэнка удивило не то, что устаревшая модель заменялась на новую, а то, как быстро Оуэн наложил на списанные агрегаты

лапу. Очевидно, закупил их через несколько часов после оформления акта, до того, как крупные планетные дилеры получили бы шанс участвовать в торгах.

Или он каким-то образом умудрился остаться единственным покупателем?

— И что же ты собираешься делать с Эл-Пять? — спросил он.

— Я же сказал, — ответил Оуэн, — что хочу передать их тебе в качестве груза. Я останусь здесь, на «Хоукинге», и буду ждать твоего возвращения. Ты поместишь двигатели в трюм — там для них места вполне достаточно. У меня их всего тридцать один, и каждый весит не более ста килограммов. Ты привезешь их на Люминос, где они превратятся в самый ходкий товар, как только ты объявишь сарьянцам о содержимом твоего трюма. После этого ты обменяешь двигатели на драгоценные камни по максимально возможному курсу. Затем привезешь камни назад, и мы оба неплохо заработаем.

— Хорошенькое дельце получается, — сказал Фрэнк без особенного энтузиазма.

— А самое важное — наш договор вполне открытый и честный.

— Ты, кажется, забыл, что я офицер Флота, а не штатский.

— Нет закона, который бы запрещал офицеру Флота торговать и получать за это прибыль.

— Как раз именно такой закон и есть.

— А, вот ты о чем, — сказал Оуэн. — На этот запыленный клочок бумаги никто давно уже не обращает никакого внимания.

— Я обращаю, — сказал Фрэнк.

— Вот этим ты мне и нравишься, Фрэнк, — сказал Оуэн. — Ты честный парень, а это значит, что я могу положиться на тебя. Поэтому я собираюсь погрузить тридцать один очень дорогой двигатель в трюм твоего корабля без всяких расписок. Я знаю тебя, Фрэнк, и знаю, что ты будешь абсолютно честен со мной.

— Не возьму я твоих двигателей, — ответил Фрэнк, — и это мое последнее слово.

— Ты что, боишься оказать гуманитарную помощь?

— С каких это пор продажу двигателей ты стал называть гуманитарной помощью?

— Продавая их, мы с тобой помогаем сарьянцам выжить. Эти несчастные создания отчаянно нуждаются сейчас в любой поддержке.

— Почему бы в таком случае не отдать им двигатели даром?

— Но я же заплатил за них, — объяснил Оуэн. — Я не могу делать добрые дела за спасибо.

— Не нравится мне наживаться на чужом несчастье, — сказал Фрэнк.

— Тогда раздай свою долю на милостыни, я тебе мешать не буду, — пообещал Оуэн. — Только будь уверен: свою долю я заберу. Seriously, Фрэнк, это единственный реальный путь помочь сарьянцам. Ты дашь им шанс защититься и нанести ответный удар ихтонам.

Предложенная идея не очень понравилась Фрэнку, но он нашел логику безупречной. Поразмыслив хорошенько, он согласился, что продажа двигателей представляет собой реальную помощь сарьянцам. К тому же это ничем не противоречило его заданию предупредить сарьянцев об угрозе нападения. Пожалуй, он мог бы принять план Оуэна — выполнить порученную миссию, а заодно и обеспечить себя в старости. Что уж такого страшного в том, чтобы немного подзаработать? Все к этому стремятся. Почему он должен быть исключением? И что плохого в том, чтобы стать партнером Оуэна Стейджинга?

— Ладно, черт с тобой, — сказал Фрэнк. — Я согласен.

Оуэн Стейджинг протянул ему рыжеволосую лапищу.

— Позвольте пожать вашу руку, партнер, — церемонно произнес он.

Люминос оказался небольшой планетой, расположенной в центральном районе Галактики. Несмотря на высокую плотность планетных систем в этом регионе, он располагался вдалеке от ближайшей разумной цивили-

зации и не участвовал в торговом и культурно-технологическом обмене, а следовательно, еще не разработал и не освоил полномасштабную технологию космических полетов. Несмотря на это, сарьянцы — разумная раса, обитавшая на Люминосе, — уже стояли на пороге космоса, когда представители Альянса впервые вошли с ними в контакт.

После долгого и скучного полета планета наконец проявилась на экране в виде сине-зеленого шарика, покрытого белой облачной вуалью. Фрэнк попытался связаться с ней по радио, но никакого ответа не получил. Он развернул корабль и пошел на посадку, медленно теряя высоту и одновременно сбрасывая скорость. Спустя немного времени он увидел города и железные дороги — обычный признак наличия цивилизации. Сарьянцы пока не делали никаких попыток выйти на контакт, не отвечали на призывы и вообще ничем не выдавали своего присутствия.

Корабль Фрэнка уже летел в плотных слоях атмосферы, когда радио внезапно оживо.

— Что это летит? — поинтересовался чей-то голос на диалекте сохо, наиболее распространенном в области Звездного Центра.

Фрэнк представился военным Флота, откомандированным звездной базой «Стивен Хоукинг» на планету Люминос в качестве специального посланника для передачи крайне важной информации.

Некоторое время на другом конце царил полное молчание.

— Минуточку... — произнес затем неизвестный сарьянец. Последовала новая пауза, длившаяся несколько минут.

Фрэнк продолжал снижать скорость. Он был опытным путешественником и прекрасно представлял себе, какая суматоха царит сейчас внизу. Что поделать — это типично для молодых цивилизаций, у которых мало опыта общения с представителями других рас. Каждая раса, вступавшая в космическую эру, испытывала потрясение, когда обнаруживала другие формы развитого

интеллекта. Но это еще полбеды. Хуже всего, что другие формы интеллекта часто приносили с собой проблемы, к которым никто не был готов. По-видимому, так же обстояло дело и с сарьянцами.

— Минуточку, я получаю инструкции... — раздалось в эфире.

Снова последовало молчание, а затем послышался тот же самый голос:

— Мы подготовили для вас посадочную площадку. Сейчас мы собираем представителей со всей планеты для организации встречи.

— В этом нет никакой необходимости, — ответил Фрэнк. — Я прилетел, чтобы передать крайне срочную информацию, и могу сообщить ее любому ответственному лицу.

— Мне-то какое дело до этого? — ответил голос. — Я всего лишь обычный аэродромный диспетчер.

Внизу, на аэродроме, собралась огромная бушующая толпа. Она заполнила все взлетно-посадочные полосы за исключением той, что была предназначена для корабля Фрэнка. Полицейские тщетно пытались навести некое подобие порядка.

После посадки и отключения двигателей Фрэнк позволил подъехать маленьким гусеничным тягачам. Они отбуксировали корабль к тому месту на поле, где были поспешно возведены трибуна и смотровые площадки для публики. На аэродроме яблоку было негде упасть, когда наконец в люке показался Фрэнк. От трапа его корабля к центральной ложе трибуны вела коврая дорожка.

Местные жители походили на собак породы эрдель-терьер, но с большой примесью гиены. Вместо когтистых лап у них были ладони с оттопыренным большим пальцем. Фрэнк не страдал предубеждением к не похожим на него созданиям — терпимость к многообразию давно уже стала непреложным законом во всем галактическом сообществе. Для сарьянцев же ситуация была в диковинку. Они таращились на Фрэнка и приглушенными голосами обменивались впечатлениями.

— Наверное, его предком была мартышка, как ты считаешь?

— Может быть, бабуин.

— Интересно, а какого цвета у него задница? Тоже разноцветная, как у бабуинов?

— Джеро, потише, а то гость услышит.

Ничего необычного в репликах сарьянцев не было. Типичное поведение молодой и недостаточно развитой расы, впервые увидевшей представителя одной из высших галактических цивилизаций.

Между тем в церемонии встречи как будто что-то застопорилось. Сарьянцы в парадных костюмах топтались вокруг гостя и, похоже, не имели никакого представления, что делать дальше. Но Фрэнк смутить этим было не так-то просто — процедура первоначального контакта была разработана очень давно и превратилась в формальность. Фрэнк вышел вперед на два шага и, подняв руку с раскрытой ладонью в универсальном жесте миролюбия, громко и отчетливо произнес:

— Приветствую вас! Я принес послание дружбы из дальних миров! Вы уже слышали о существовании других цивилизаций в нашей Галактике, не так ли?

— Слышали, слышали, — прервал его самый старший из присутствовавших сарьянцев.

— Во Вселенной существует множество обитаемых миров, которые населены самыми разными разумными существами. Не все они настроены дружелюбно по отношению к другим расам. Более того, я уполномочен заявить...

Он умолк, потому что старший сарьянец поднял руку в другом универсальном жесте, похожем на тот, которым судья останавливает речь адвоката при нарушении процедуры.

— В чем дело? — спросил Фрэнк.

— Похоже, вы хотите сообщить нам нечто очень серьезное, — сказал сарьянец.

— Да, именно такое у меня намерение. Надеюсь, вы разделяете мое мнение о том, что нашествие расы крококожадных насекомых является серьезной проблемой.

— Вынужден попросить вас, — продолжил сарьянец, — не делать никаких заявлений в данный момент.

— Но почему? — удивился Фрэнк.

— Потому что мы присутствуем на торжественной церемонии встречи галактического посланника. Она должна быть завершена. Затем мы можем перейти к информационно-ознакомительной фазе наших отношений. Сейчас вы не сможете передать вашу информацию, так как здесь нет никого, кто мог бы вас выслушать.

— Но вы-то здесь, — резонно заметил Фрэнк.

— На нашем языке моя должность называется гектатор второго класса. На вашем языке это означает, что я разношу по домам всякую макулатуру. Просто немыслимо вручать официальное послание лицу моего ранга.

— Ну, давайте тогда я сообщу ее вашим компаньонам. — Фрэнк жестом указал на двух стоявших рядом сарьянцев.

— Ничего не выйдет. Это мои помощники, и их ранг еще ниже.

— Но я обязательно должен кому-то объяснить суть дела. Как насчет того, что я обращусь ко всем здесь присутствующим? — Фрэнк махнул рукой в сторону большой толпы гиеноголовых эрделей, которые наблюдали со смотровой площадки, высунув языки.

— Толпа всегда собирается, когда происходит что-то интересное, — ответил гектатор. — Но их привлекло зрелище, им не интересны ваши высказывания. Это не их работа.

— Послушайте, — сказал Фрэнк, — я должен кому-то передать важную информацию и побыстрее убраться отсюда.

— Это не так просто, — ответил гектатор и задумался. — Вы можете изложить вашу проблему на бумаге, а я прослежу, чтобы она попала к кому-нибудь, кто знает, что с ней делать.

Фрэнк колебался. Его задание выглядело достаточно нелепым, но после минутной внутренней борьбы чувство долга победило. Он счел себя обязанным лично донести

до сарьянцев мысль об опасности ихтонского вторжения на их планету. И кроме того, на борту его корабля находились двигатели...

— Я возвращаюсь на корабль, — сказал Фрэнк. — Надо как можно быстрее передать кому-нибудь мое сообщение. Если вы не найдете способ это сделать, я буду транслировать обращение по всему городу через громкоговоритель.

— Это ничего не даст, — сказал гектатор. — Никто не будет вас слушать. Любые вопросы обсуждаются и объясняются населению уполномоченными лицами.

— Поймите, это крайне срочное дело.

— Ну хорошо, подождите здесь. Я попробую выяснить, чем можно вам помочь.

Гектатор отошел и пошептался с небольшой группой сарьянцев, стоящих у края трибуны. Спустя некоторое время он вновь приблизился к поджидавшему Фрэнку.

— Завтра к вам пришлют специального посланника для переговоров.

— Вы объяснили им, что это очень срочное дело?

— Да, но они не готовы полностью доверять сказанному вами, слишком все неожиданно...

На следующее утро прибыл официальный представитель. Прежде чем Фрэнк успел что-либо произнести, сарьянец в предупреждающем жесте воздел мохнатую лапу с розовыми подушечками пальцев.

— Вы должны понять, — произнес он, — что мы, чиновники, не управляем здесь ничем. Люминос придерживается анархии. Но народ хочет иметь вождей, за которыми можно идти туда, куда хочется идти, и ругать их, когда они совершают ошибки. Поэтому мы назначаем кого-нибудь на должность вождя, и все сразу упрощается.

— Ваши местные традиции меня не волнуют. Я лишь хочу передать вам крайне важное известие.

— Я понимаю, но я не тот, к кому полагается обращаться в таких случаях.

- То же самое говорил и гектатор.
- И был совершенно прав. Можете представить себе, что начнется, если вопросы государственной важности станут решать гектатор?
- Тогда почему я не могу обратиться к вам?
- Потому что я не уполномочен принимать важные известия.
- А кто уполномочен?
- Думаю, лучше всего вам переговорить с Рахулой.

В течение нескольких последующих дней Фрэнку довелось узнать, что у сарьянцев существует множество чрезвычайно утомительных церемоний. В основном они состояли из разнообразных поклонов и поз с обязательной улыбкой на лице. Сарьянцы проявляли исключительную осторожность, хотя ее вряд ли можно было назвать подозрительностью. Очевидно, особым умом эти существа не отличались. Они продолжали бросать на Фрэнка недоверчивые взгляды, как будто никак не могли поверить в его реальное существование. Первые страницы их газет пестрели сообщениями о нем — совершенно нелепыми: все факты перевирались до неузнаваемости, с утомительной скрупулезностью разбирались поведение и внешний вид посланца из далекого будущего и честно сообщалось, что именно местным эрделям в нем не нравилось.

С первой минуты своего появления Фрэнк пытался обсудить с сарьянцами нависшую над ними угрозу, но те не проявляли никакого желания беседовать на официальные темы или углубляться в важные вопросы.

— Поймите нас правильно, — говорили ему все наперебой, — нам доставляет чрезвычайное удовольствие принимать вас здесь, на нашей планете. Вы даже не представляете, какая это для нас честь — если вам, конечно, известно значение этого слова... Однако, прежде чем начать обсуждение проблем межзвездной политики, мы обязаны достроить Дворец межзвездных конференций. Вот тогда у нас будет достойное место для приема представителей иных рас.

— Поймите, дело не терпит отлагательства, армада завоевателей неуклонно продвигается вперед... — пытался возражать Фрэнк, но его никто не принимал всерьез.

Единственным, кто вроде бы проявлял какой-то интерес к его словам, был Отнар Рахула.

Этот сарьянец принадлежал к высшему слою местной аристократии, и с его мнением вынуждены были считаться. Он был красив на свой сарьянский манер. Его уши, всегда внимательно приподнятые, говорили о породистости и благородстве.

Рахула был неизменно любезен, но Фрэнка смущало одно обстоятельство. Он никак не мог понять, что за должность или пост занимает Рахула в сарьянской властной иерархии. Внешне он производил впечатление важной персоны, и соотечественники относились к нему с исключительным почтением, но он никогда не бывал занят делами. Спрашивать об этом прямо у сарьянцев считалось дурным тоном, и Фрэнк решил поинтересоваться у слуги Дрэмхуда, который приносил ему обед.

— Какую должность занимает Рахула в правительстве? — задал вопрос Фрэнк.

— Должность в правительстве? — озадаченно переспросил Дрэмхуд.

— Ну да. Я вижу, что все правительственные чиновники считаются с его мнением. Но у него вроде бы нет никакой официальной должности.

— Понял, что вы имеете в виду, — ответил Дрэмхуд. — Должность Рахулы не официальная, а естественная.

— Как это?

— В этом году Рахула является Образцовым Сарьянцем.

Из дальнейших расспросов Фрэнк узнал, что у сарьянцев сложилась модельно-ролевая структура общества. Каждый год верховные иерархи нации, должным образом выбранные путем газетных опросов, уединялись в древнем монастыре высоко в горах. Там, посовещавшись, они принимали решение, кто будет ролевой моделью года для жителей Люминоса. Рахула был избран-

ником этого года, носителем образцового облика сарьянской культуры, которому стремились подражать все остальные жители планеты.

Эта традиция, как узнал Фрэнк, имела некоторые интересные особенности. То, что делал Образцовый Сарьянец, хотели делать и все остальные. Его убеждения мгновенно становились убеждениями остальных, а мысли — думами всех местных эрделей. Но если что-то казалось ему несущественным, того же мнения искренне придерживалась и вся планета.

Прошла уже неделя с момента прибытия на Люминос, а Фрэнк так и не смог добиться какого-либо отклика на свои предупреждения о грозящей сарьянцам опасности. Его упоминание о привезенных двигателях было выслушано с вежливым безразличием. Итог подвел Рахула, с которым Фрэнк сидел в кабине своего корабля, куда пригласил гостя на чашку чая.

— Мы только-только подошли к идее научно-технического прогресса, — объяснил Рахула, — и наконец начинаем осознавать силу научных идей и радость творчества. Это подобно тому, как если бы мы вдруг проснулись и поняли, что стоим на пороге эры галактической истории. Неожиданно перед нами раскрылись радостные светлые горизонты — и тут вдруг появляется вы и ведете разговоры о какой-то опасности.

— Прошу прощения, — ответил Фрэнк, — если благодаря мне вам пришлось понять, что вы просто бараны, которых ведут на заклание.

— Я понял смысл вашей метафоры, — сказал Рахула, — но в данном случае речь не о том. А может, именно о том — не знаю. Мне понятно одно: не совсем красиво с вашей стороны явиться сюда в роли посланца всесильной космической цивилизации и тут же запугать нас нашествием каких-то хищных тараканов.

— Так вы все-таки не пропустили мимо ушей то, о чем я талдычу вам всю неделю?! — удивленно воскликнул Фрэнк.

— Да, конечно. Но честно говоря, Фрэнк, ваша новость слишком серьезна, чтобы принять ее всерьез. И кро-

ме того, если и в самом деле нужно что-то предпринимать, то вам и карты в руки!

— Возможно, я не сумел правильно обрисовать положение, — ответил Фрэнк. — Мы с нашими союзниками делаем все возможное; война не на жизнь, а на смерть с ихтонами длится уже не один год.

— Может быть, все это и в самом деле очень серьезно, — недоверчиво произнес Рахула.

— Но ведете вы себя совершенно несерьезно, — заявил Фрэнк.

— И это все, что вы хотели мне сказать?

Фрэнк отрицательно покачал головой:

— Я пригласил вас на корабль для очередной попытки убедить в исключительной опасности. Медлить нельзя, существование вашей расы под угрозой.

— Проще предположить, что вы несколько преувеличиваете угрозу, исходящую от ихтонов, — ответил Рахула. — Или же что вы пьяны, наглотались наркотиков или просто сумасшедший. Нам трудно поверить, что целая раса может быть уничтожена в течение пары недель и мы не сможем ничего с этим поделать. Придут ихтоны — ну что же, заключим с ними сделку. Мы неглупая раса и как-нибудь выкрутимся.

— Мысль о том, что с ихтонами можно договориться, — прекраснодушная иллюзия. Я вам кое-что покажу. — И Фрэнк коснулся панели управления.

Послышался ровный гул хорошо заправленных моторов, и Рахула удивленно приподнялся в кресле. Большой чуб светлых шелковистых волос, собранных в узел у него на лбу, распрямился с шорохом змеи, выползающей из своей старой кожи.

— Вы запустили двигатели! — вскричал он.

— Приглашаю вас немного прокатиться, — спокойно произнес Фрэнк.

Люки космического корабля захлопнулись с громким лязгом, и послышался гул множества оживших механизмов. На панели управления вспыхивали и гасли многочисленные красные и зеленые индикаторы, но вскоре их свечение стало ровным.

— Но я не хочу никуда лететь!

В кабину ворвался шум генераторов и высокий писк вспомогательных моторов; на индикаторных транспарантах над панелью управления зажглись яркие надписи. Среди внезапного гула и грохота можно было различить слабое пощелкивание электронных устройств.

— Немедленно выпустите меня из корабля! Через пятнадцать минут у меня назначена важная встреча, — потребовал Рахула.

— Вы должны собственными глазами увидеть то, что я хочу вам показать, — ответил Фрэнк. — Думаете, даже с насекомыми сможете договориться? Сейчас я вам покажу, что представляют собой планеты, по которым прошли орды ихтонов.

— Но я не просил вас ни о чем подобном! — возмущенно воскликнул Рахула.

Корабль, не обращая никакого внимания на его гневные тирады, пробил верхние слои атмосферы Люминоса и исчез в бездонной мгле космического пространства.

Чтобы приблизиться к выбранному Фрэнком месту, потребовался всего лишь один подпространственный прыжок. Этим местом была планета с тремя спутниками, обращавшимися вокруг красного карлика.

Еще издали по густому сине-зеленому цвету появившейся в поле зрения планеты Рахула понял, что она имеет кислородную атмосферу, а значит, на ней есть жизнь. Но по мере приближения стало ясно, что все живое стерто с поверхности. Когда корабль перешел на бреющий полет, Рахула с удивлением обнаружил, что в воздухе совершенно нет птиц. Корабль пролетел над высушенным дном когда-то существовавшего на планете океана; воду ихтоны цистернами вывезли в другие свои владения. Местность почти полностью превратилась в пустыню, покрытую многокилометровыми шрамами карьеров; безжалостные механизмы перемололи древнейшие граниты в поисках ценных химических элементов, и теперь огромные клубы пыли поднимались в воздух, обволакивая горные массивы грязной густой пеленой. Вре-

мя от времени в глаза бросались мелкие озерца, не полностью уничтоженные ихтонами. Увеличенное изображение показывало, что вода в них заражена вредной флорой.

Корабль проносился над самой поверхностью на высоте верхушек деревьев, но ни одного дерева уже не осталось. Внизу миля за милей с гипнотизирующим постоянством проносилась каменистая и опустошенная, тоскливо однообразная земля. Этому пейзажу, монотонному и жуткому, казалось, не было конца, и Рахула не выдержал:

— Все, Фрэнк, достаточно; вы меня убедили. Что это за планета?

— Она называется Гервазия; это сестра родной планеты герсонов, по которой тоже прошли орды космической саранчи. Теперь их не отличить друг от друга.

На обратном пути к Люминосу Рахула большей частью молчал, погруженный в раздумья. По миганию его блестящих карих глаз можно было судить о напряженной работе мысли. Когда они приземлились на взлетном поле Дельфинума, столицы Люминоса, Рахула повернулся к Фрэнку.

— Сколько у вас корабельных двигателей, которые вы собираетесь нам продать? — спросил он.

— Тридцать один, — ответил Фрэнк.

— И что вы хотите получить за них?

Фрэнк глубоко вздохнул:

— Мы с партнером хотели бы получить десять огненных камней за двигатель.

— Так много? Нам понадобятся годы, чтобы найти требуемое количество.

— Ладно, согласен на пять за штуку. Если вы все возьметесь за дело, то сможете раздобыть их за несколько недель.

— Возможно, — не стал торговаться Рахула. — Но мы не вправе по-прежнему тешить себя иллюзиями. Ихтоны приближаются, и теперь нельзя терять ни секунды.

— И не нужно. Я передам товар прямо сейчас, если вы пообещаете уплатить за них, как мы и договорились, по пять камней за двигатель.

— Согласен, — произнес Рахула. — А сейчас нам нужно срочно вернуться в Дельфинум и найти транспорт для их перевозки.

— Неужели вы настолько уверены, что все согласятся с принятым вами решением? — удивился Фрэнк. — Что никто не будет выступать против покупки двигателей?

— Я убежден, что принял правильное решение, — ответил Рахула. — Значит, и все остальные сочтут его правильным. В этом суть нашего общества.

Фрэнк только с завистью вздохнул.

Сразу же, как по мановению волшебной палочки, все сарьянцы прониклись ощущением страшной угрозы — контраст с их прежней веселой беспечностью был поразителен. Спустя всего лишь несколько минут после разговора Фрэнка с Рахулой благодаря удивительной местной форме телепатии, немедленно подкрепленной экстренными выпусками газет и телевизионными передачами, сарьянцы все до одного узнали, что на них готовятся напасть ихтоны, шестилапые насекомые — самые свирепые и кровожадные существа Галактики. Все они уже были информированы о заключенной Рахулой сделке: «Двигатели за огненные камни» — и все как один одобряли ее.

Сарьянцы прислали несколько тяжелых грузовиков, чтобы забрать компоненты тридцати одного двигателя Эл-Пять. Их перевезли в индустриальный комплекс, расположенный в одном из пригородных парков столицы. По радио и телевидению Фрэнк слышал об организации широкомасштабных поисков огненных камней. Быстро укомплектованные экспедиции не медля ни минуты отправлялись в самые удаленные районы планеты, где прежде находили огненные камни. В добыче принимало участие множество жителей планеты, и на снабжение и обеспечение партий была затрачена немалая часть ресурсов. Вскоре стали поступать первые камни. Рахула считал себя персонально ответственным за данное Фрэнку обеща-

ние, а значит, и каждый сарьянец сознавал необходимость сполна вернуть долг. Пожалуй, это был самый надежный кредит в истории бизнеса.

На несколько дней Фрэнк мог выбросить из головы любые проблемы, связанные с предстоящей войной. Он посетил все достопримечательности планеты, в том числе такие знаменитые, как перевернутый водопад в Лесном Гроте, согнутый вулкан пик Хьюго и Дворец для танцев на стекле в городе Ангельское Бедро. Возможно, другие планеты этого сектора Галактики славились чудесами, от которых куда сильнее захватывало дух, однако в здешних достопримечательностях чувствовалась своя особая прелесть. Фрэнку особенно полюбился Лесной Грот с живописными рощами плакучих ив. Смириться с тем, что в скором времени эта планета будет уничтожена ихтонами и превратится в одну из безжизненных глыб, которых так много осталось на их пути, было просто невозможно.

Сарьянцам потребовалось восемь дней, чтобы добыть нужное количество драгоценного товара. Сто пятьдесят пять камней, собранные вместе, создавали вокруг себя необычайно сильную ауру. На специальной церемонии Фрэнк принял огненные камни и передал двигатели — от своего имени и от имени Оуэна Стейджинга.

На следующий день за Фрэнком заехал на автомобиле Рахула; вместе они отправились на предприятие, где компоненты закупленных сарьянцами двигателей устанавливались на новенькие истребители. Когда Фрэнк узнал, что сарьянцы намерены до последнего оборонять свою планету, удивлению его не было границ. До этого он был твердо уверен, что правящая клика постарается спастись на построенных кораблях, — ему не раз пришлось быть свидетелем этого. Такое поведение типично для большинства рас Галактики.

Но не для сарьянцев. Они молниеносно и наилучшим образом подготовили свою планету к активной обороне. Создали огромное количество обычных истребителей, снабдив их усовершенствованными реактивными

двигателями. Эти силы предназначались для обороны в атмосфере. Для войны в межпланетном пространстве они разработали специальные корабли, оборудованные двигателями, проданными Фрэнком. Просматривая чертежи кораблей, Фрэнк заметил несколько ошибок. По счастью, все они оказались незначительными, и он смог их исправить на месте.

Вскоре к Фрэнку прибыла информационная торпеда. Его непосредственный начальник капитан Чарльз Мардейк требовал сообщить дату возвращения посланника. В ответе Фрэнк доложил, что ситуация на Люминосе до конца еще не прояснилась. Сарьянцы энергично готовятся к войне, и его присутствие здесь приносит несомненную пользу. Абсолютной уверенности в нападении ихтонов на Люминос пока еще нет, так что он планирует задержаться на некоторое время.

В то же утро к Фрэнку на корабль доставили еще одну информационную торпеду. Она была направлена службой дальнего наблюдения Флота; в ней сообщалось, что флот ихтонов слегка изменил маршрут движения после столкновения с большой планетой, лежавшей на их пути. Мощные генераторы гравитационных пучков, установленные на этой планете, повредили часть кораблей ихтонов.

«Главные силы минуют вас, — говорилось в послании, — но, к сожалению, на этом хорошие новости кончаются».

Далее сообщалось, что с флангов армады ихтонов несколько эскадрилий разлетелись на поиски пригодных для разграбления планет. Одна эскадрилья направлялась прямо к Люминосу. По данным разведки, в ее составе от пяти до десяти крейсеров класса «Камень». Время в пути — от трех недель до месяца.

Сообщение оглушило Фрэнка. Он уже начал было надеяться, что счастье на стороне сарьянцев и ихтоны просто не заметят Люминоса, но теперь никаких иллюзий не оставалось. Даже пять крейсеров обладали такой боевой мощью, что практически не было разницы, вся ли

армада или только эта эскадрилья нападут на Люминос. Корабли ихтонов намного превосходили все то, что удалось в спешке построить сарьянцам; к тому же обитатели Люминоса не имели никакого боевого опыта.

Но сарьянцы готовились самоотверженно сражаться, и молоденькие пилоты кораблей, оснащенных оуэновскими двигателями, были полны отваги и рвения. Они наизусть выучили тактические приемы, описанные в руководствах, но одной теоретической подготовки было слишком мало, чтобы противостоять опытному и очень опасному противнику. Сарьянцам требовалась настоящая боевая подготовка.

Неожиданно для себя Фрэнк решил: пора брать дело в свои руки. Через Отнара Рахулу он объявил, что, начиная с сегодняшнего дня, будет лично проводить занятия по стратегии и тактике космической обороны. Недостатка в желающих не было. Сарьянцы обучались всему на лету. Вскоре Фрэнк стал проводить учения с боевой стрельбой в тропосфере Люминоса. Часто меняя учебные экипажи, так, чтобы корабли не простаивали ни одной лишней секунды, Фрэнк смог обучить большую группу сарьянских пилотов тактике космического боя. Тем временем гражданское население тоже не теряло времени даром; оборонные предприятия трудились днем и ночью. До расчетного времени появления ихтонов оставались считанные дни.

Вскоре прибыла еще одна информационная торпеда. В ней содержалось сообщение от Оуэна Стейджинга.

«Фрэнк, — писал он, — не понимаю, чего ты там копаешься. Ты должен немедленно возвращаться. Немедленно! Ты уже сделал все, что мог, и даже намного больше. Теперь пора уносить ноги. И не забывай, что ты еще должен доставить мне половину камней. Камни, конечно, подождут, но тебе и в самом деле надо срочно возвращаться. Не забывай, теперь ты мой партнер и у нас впереди великое будущее!»

Когда прибыло послание Оуэна, Фрэнк отдыхал в своей кабине. В следующий миг поступил сигнал с орби-

тальной станции дальнего обнаружения — радары засекли передовые корабли эскадрильи ихтонов.

Фрэнк поднялся и нажал на кнопку герметизации люков. На душе у него было тяжело, как никогда. В самом деле, пора уносить ноги — нравится это или нет. Он и так тянул до последнего. Офицеры Флота не имеют права поддаваться эмоциям. Ему приказано возвращаться, и он не может ослушаться.

Фрэнк направил свой корабль в пояс астероидов, располагавшийся по соседству с орбитой Люминоса. Множество каменных обломков самой разной величины представляли собой достаточно эффективную маскировку, хотя безопасней было бы сразу же уйти в подпространство. Однако искушение понаблюдать, как поведут себя в бою ученики, победило.

Радары дальнего обзора сообщали о продвижении ихтонов вглубь планетной системы; им удалось опознать пять крейсеров; это были корабли нового класса, более компактные, чем крейсера класса «Камень», и с меньшим уровнем защиты. По-видимому, индустрия ихтонов столкнулась с серьезными трудностями, раз уж им пришлось перейти к изготовлению менее совершенных моделей. Но даже такие крейсера представляли собой исключительно грозное оружие.

Выстроившиеся в линию корабли ихтонов столкнулись с защитниками Люминоса, образовавшими оборонительную формацию в виде трех полушарий. Вспыхнули лучи лазеров, и защитные поля окрасились всеми цветами радуги. В первые пять секунд семнадцать кораблей сарьянцев превратились в облака плазмы, но и нападавшие понесли существенные потери: два крейсера были уничтожены полностью, а третий серьезно поврежден и вышел из боя.

Сарьянцы продолжали сражаться.

Командиры оставшихся кораблей учились мгновенно. Есть вещи, которые можно освоить только в настоящем бою. Ни самые толковые руководства, ни работа на тренажерах не могут заменить того, что постигается новичком в первой атаке.

Третий корабль ихтонов ненадолго пережил первые два; пошедший вразнос маршевый двигатель превратил его в раскаленную огненную каплю. Но два оставшихся упрямо продвигались вперед. Группа сарьянских кораблей, ведомая Отнаром Рахулой, напала на четвертый крейсер ихтонов. Маленькие истребители, подобно осинному рою, окружили громадину. Молнии электрических разрядов плясали в бешеном фейерверке, попадая в защитное поле. Казалось, само пространство накалилось в этой дикой свалке. Защитное поле задней полусферы чужого корабля наконец не выдержало, и, хотя ихтоны попытались установить аварийный экран, торпедный залп зашедшего крейсера в хвост Отнара Рахулы не оставил им никаких шансов. Несколько ослепительных вспышек пронзили тьму космоса. Обреченный крейсер еще пытался отвечать огнем своих орудий, но взорвавшийся подпространственный двигатель мгновенно превратил его в облако стремительно расширявшейся плазмы.

Охваченный любопытством Фрэнк по-прежнему висел в астероидном поясе.

Тем временем последний корабль ихтонов начал сбрасывать скорость. Цвет реактивной струи его двигателей изменился с золотистого на вишневый. Крейсер сотрясался от резких торможений, но ему как-то удалось выровняться, и он начал быстро погружаться в атмосферу Люминоса. Наземные пушки и ракетные установки открыли бешеный огонь. В воздух поднялась эскадрилья реактивных истребителей. Покрытые блестящей черной краской, с белыми полосками на обтекателях и хвосте, эти хрупкие машины забирались все выше и выше, чтобы оказаться в задней полусфере противника. Но двигатели сбоили от недостатка кислорода, и истребители отваливали назад, в более плотные слои атмосферы. Спускавшийся корабль ихтонов двигался со скоростью, недостижимой для истребителей сарьянцев. Тогда защитники планеты изменили тактику: истребители перестроились и начали атаковать крейсер на встречных курсах. Разреженный воздух заполнился инверсионными сле-

дами, снаряды и ракеты отскакивали прочь от мощного защитного поля крейсера. Корабль ихтонов выровнялся, закончив фазу торможения, и полностью восстановил свою маневренность. Похоже, командир крейсера понял, что реактивные самолеты сарьянцев практически бессильны перед его мощной защитой.

Не отвлекаясь больше на булавочные уколы истребителей, он переключил свое внимание на поверхность планеты. Лучи мощных лазеров ударили по расположенному внизу городу, превращая в развалины целые кварталы. Густой черный дым взметнулся ввысь. Корабль ихтонов замедлил движение и приготовился к очередному этапу операции. Следовало уничтожить все живое, летающее, плавающее или ползающее. Затем выкачать и увезти с планеты все ценное.

Фрэнк понял, что наступил его черед. Он включил двигатели, хотя внутренний голос подсказывал, что не нужно этого делать. Его послали сюда, чтобы предупредить местную расу, а вовсе не для того, чтобы ввязываться в сражение, — умирать за сарьянцев ему не приказывали.

Но события развивались слишком быстро, и эти мысли не успели оформиться в его мозгу. Теперь спасти положение могли лишь его мгновенные действия. Он не успел осознать, что его увлекли в бой те самые убеждения, которые привели на Флот.

Фрэнк поймал в прицел корабль ихтонов и выстрелил. Как он и ожидал, мощное защитное поле отклонило ракеты, и противник дал ответный залп. Фрэнк увернулся от ракет, не надеясь на свою защиту. Спустя мгновение он увидел, что крейсер рванулся к нему. В уме он молниеносно просчитал тактические варианты; выхода не было, ситуация казалась тупиковой.

Противопоставить врагу он уже ничего не мог — кроме одного старинного приема, применявшегося в далекие времена судами, плававшими по воде. Это был неслыханный прием в практике современного космического боя, но обстоятельства делали его единственно

возможным. Если уж все равно суждено погибнуть, то лучше забрать с собой в небытие и противника.

Фрэнк переключил корабль на ручное управление и направил прямо на крейсер ихтонов. Он заворуженно наблюдал, как вражеский корабль растет, постепенно заполняя собой все пространство обзорного экрана и превращаясь из пятнышка в исполинскую громаду. Он почувствовал, как напряглись нервы в ожидании удара. И вдруг...

И вдруг нечто, похожее на огненный метеор, врезалось в борт крейсера. Для Фрэнка это было промыслом Божиим — чудом спасения. Он не сразу понял, что мысль о таране пришла в голову не только ему. Крейсер и атаковавший его истребитель бесшумно взорвались, распустились огненным цветком, переливающимся всеми цветами радуги и, казалось, целиком заполнившим собой космос. Через некоторое время от него не осталось и следа.

— Неплохо сработано, старина, — произнес Оуэн Стейджинг.

Этот разговор происходил неделю спустя, когда Фрэнк вернулся на «Хоукинг», сдал отчет и ожидал дальнейших распоряжений. Уже по собственной инициативе он послал срочный запрос в Звездный Централ.

«Джентльмены, — обратился он к членам комиссии по разбору проведенного рейда, — мы должны помочь сарьянцам в их борьбе против ихтонов. Я убедительно прошу вас рассмотреть возможность поставки им современного вооружения в значительно большем объеме, чем это делалось ранее».

«Но ведь их силы не столь велики, — возразил один из членов комитета».

«Согласен с вами, сэр, — ответил Фрэнк, — но они не бросят нас и будут сражаться до последнего. А это дорогого стоит в наше время».

Первый этап помощи был одобрен тут же на совещании. Фрэнка чествовали как героя, когда он вернулся

на «Хоукинг», и на то были веские причины. Во-первых, он совершил дальний рейд в область Галактики, контролируемую ихтонами. Но что более важно, он помог дружественной цивилизации победить в схватке с врагами. Пусть и невелика победа, но успех пришелся очень кстати в трудную пору; он был необходим, чтобы поднять боевой дух после множества поражений.

Фрэнк не собирался обсуждать эти вопросы с Оуэном Стейджингом, когда они встретились вновь — на этот раз в «Ваху», обычной таверне Второй Зеленой палубы, которая была излюбленным местечком Фрэнка.

— Вот что мне удалось выручить за твои двигатели, — сказал он Оуэну, вынимая из ранца замшевый мешочек, набитый огненными камнями.

— Я доволен тобой, партнер, — сказал Оуэн, прикинув вес драгоценного груза. — Хотя ты чуть не запоздал с возвращением.

Фрэнк пожал плечами:

— Я хотел бы получить часть своей доли прямо сейчас, и лучше чеком.

— Конечно, о чем речь. Я выпишу его прямо здесь, — с легкостью согласился Оуэн и вынул чековую книжку из кармана. — Сейчас почти никто не пользуется чеками, но я знаю, что тебе это нравится. Зато ты не любишь всякие новомодные штучки. После продажи добавлю еще.

Фрэнк взглянул на чек и, сложив, сунул его в карман.

— Для начала хватит, — сказал он. — Но только для начала. Боюсь, Оуэн, вся затея обойдется тебе дороже, чем ты рассчитывал.

— Я не понимаю, Фрэнк. Мы же договаривались: прибыль пополам. И это было весьма щедро с моей стороны — сразу предложить тебе столько.

— Теперь это будет стоить три четверти.

— Пошел ты к черту! — Оуэн вскочил из-за стола.

Выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Он схватил тяжелый хрустальный бокал и угрожающе двинулся на Фрэнка.

— А вот этого делать не надо, — спокойно проговорил Фрэнк. — Ты же не сумасшедший, чтобы нападать на офицера Флота.

— Твой контракт истек вчера, — прорычал торговец.

— Верно, но позавчера я его продлил.

— А как же наша договоренность! Ты собирался уйти в отставку и стать моим партнером!

— Люди иногда лгут, — ответил Фрэнк. — Это твои слова, Оуэн.

— Что ты хочешь мне доказать, Фрэнк? Зачем тебе столько денег?

— Корабли и оружие стоят дорого. Пока флотские бюрократы решат, чего и сколько нужно послать сарьянцам, я пошлю им немедленно все, что требуется.

— Ты хочешь потратить мои деньги на оружие для этой богом забытой планеты?!

— И твои, и свои.

— Признаюсь честно, Фрэнк, мне тебя не понять.

— А вот я хорошо тебя понимаю, — спокойно ответил Фрэнк. — Таких, как ты, большинство. Вы не понимаете правил игры, называемой жизнью.

— Допустим, — ответил Оуэн. — Уж тебя-то мне понять просто невозможно. Но я надеюсь, Фрэнк, продолжить наше сотрудничество. — Он протянул руку. — Ты не обиделся?

Фрэнк пожал ему руку.

— Конечно нет, — сказал он.

Фрэнк проводил долгим взглядом удаляющуюся фигуру Оуэна. Нет, никогда он не научится понимать этих торговцев. Но предаваться размышлениям недосуг, нужно срочно заказать оружие и проследить за его отправкой.

На окраинах Галактики, у Дальних Звезд, во многих световых годах от родной Земли, колонисты внезапно оказались лицом к лицу с беспощадным врагом — геринами. Эта раса фанатичных воинов отличается чудовищной жестокостью и несет гибель всем, кто рискнет оспорить ее господство в космосе. Оправаясь от первоначального шока, Лига Свободных планет противопоставляет врагу высокотехнологичное оружие и старую добрую храбрость.

Такова сюжетная концепция межавторского цикла «The War Years» («Годы войны»), появившегося на свет стараниями Дэвида Дрейка и Билла Фосетта. Первая антология этого цикла, «The Far Stars War» («Война Дальних Звезд»), была опубликована в 1990 году.

ТРОЯНСКИЙ ЦИРК

В кабинет капитана Дарфура вошел вестовой. Выгнувшись по стойке смирно, он отдал честь. У него в руке был тонкий желтый лист бумаги.

— Это то, о чем я думаю? — поинтересовался капитан Маланг Дарфур.

Вестовой не решался ответить.

— Ну же, скажите. Я знаю, что вы прочли.

— Приказ об эвакуации, сэр. Назад, на базу «Браво». — Вестовой с заметным облегчением протянул бумагу.

Со смешанными чувствами капитан читал приказ об эвакуации. В некотором смысле это неплохо: экипаж его одиночного крейсера «Кочис» наконец покинет богом забытую Алисию. Здесь, на никчемной планетке со смешанным населением, он фактически брошен на произвол судьбы. Алисиане считались союзниками землян, но Дарфура и его подчиненных местные жители недолюбливали. Да и на Земле все сильнее сомневались в целесообразности союза с подобными мирами, затерянными на периферии великой войны.

Дарфур был самым молодым капитаном крейсера в секторе базы «Браво». Он начал войну обыкновенным

пилотом истребителя. В ту пору не хватало офицеров для малых кораблей, частенько принимавших на себя первый удар противника. Однажды Дарфуру довелось патрулировать звезду Лоэнгрин. После долгого и скучного дежурного облета он уже был готов возвращаться на базу, как вдруг система обнаружения подала сигнал. Он взглянул на датчик: точно, приближается вражеский корабль. Можно рвануть на базу за подкреплением — или рискнуть и разобраться с противником самостоятельно. Дарфур выбрал второе.

Из глубины космоса выплыла сфера. Повинуясь интуиции, Дарфур завис напротив местного солнца — отсюда он мог как следует рассмотреть противника. Огромный шаровидный корабль-матка выпустил два маленьких пузатых истребителя с плазменными торпедами на борту.

Удирать что есть мочи — только это могло спасти Дарфура. Вражеские истребители бок о бок двигались прямо на него, следом плыл огромный шар. Блеск звезд за ними чуть померк — значит, противник выставил защитные экраны.

На родной Цилене Дарфур был известен как мастер ножевого боя. Тамошние мальчишки росли среди великой равнины, напоминающей долину Серенгети на их далекой прародине. Однажды Дарфур столкнулся нос к носу с двумя мтабеле, внезапно выскочившими прямо на него из зарослей боярышника. Один на один он бы справился с каждым, но двух взрослых мужчин, вооруженных тяжелыми пангами, ему было не одолеть. И в этой ситуации Дарфур понял, что единственный путь к спасению — действовать напролом.

Он побежал. Мтабеле устремились вдогонку, на их темной коже горели красные и охряные полосы боевой раскраски. Когда они настигли Дарфура, тот резко развернулся и, пригнувшись, ловко проскользнул между преследователями. Мтабеле опоздали на долю секунды: панги бессильно скрестились друг с другом. Дарфур же нанес противникам несколько ударов и припустил со

всех ног, не дожидаясь, пока боевая дружина мтабеле придет на выручку сородичам. Наградой за успешно проделанный трюк стала стипендия в Космической академии Цилены. И теперь, спустя много лет, Дарфур снова готовился прибегнуть к испытанному приему.

Он разогнал двигатель до предела и развернулся на сто восемьдесят градусов. Герины, вероятно, не верили своим глазам, наблюдая за отчаянным маневром маленького корабля. Проходя между вражескими истребителями, Дарфур вильнул вправо и влево, словно рыбий хвост, и выпустил плазменные торпеды. У геринов захватило дух от охотничьего азарта — и, рассчитывая на легкую добычу, они забыли, что представляют угрозу друг для друга. Всем известно, какие герины индивидуалисты, — собственные интересы для них важнее общей победы.

Один из истребителей получил прямое попадание и расцвел серебристым взрывом. Второму удалось перехватить приближавшуюся торпеду. Геринский корабль уже приготовился выстрелить, но тут на него обрушился обломок первого истребителя. Автоматические камеры на борту корабля Дарфура фиксировали все происходящее.

Камеры запечатлели также его поспешное отступление в открытый космос. Матка геринов выпустила вдогонку еще пять истребителей, но никому и в голову не пришло обвинить Дарфура в позорном бегстве с поля боя. Он и так сделал все возможное, сражаясь с превосходящими силами противника. О случившемся написали в газете его эскадры. Начальство хотело представить его к награде, но в тот месяц уже раздали слишком много орденов. Вместо этого Дарфуру предложили повышение — так он и стал капитаном крейсера «Кочис».

Служба на Алисии — занятие не опасное, но мучительно скучное. Главным городом планеты считался захудалый Моргелс; развлечений для экипажа крейсера здесь, прямо скажем, было немного. Хорошо еще, что недавно на Алисию прибыл цирк. Поглазеть на разные прыжки и фокусы — хоть какая-то радость для подчиненных Дарфура.

Вообще-то, капитан относился к космическим циркам с подозрением. Бродячие трюкачи пользовались сомнительной репутацией. Про их сверхъестественные способности болтали разное. Связываться с цирковыми — дело ненадежное. Доходило до того, что некоторые планеты запрещали циркам давать представления и даже приземляться на своей территории.

Но от этих артистов как будто не было никакого вреда. Дарфуру и самому понравилось представление. Теперь нужно сообщить директору цирка Иэну Блейку об эвакуации. Крейсер покидает Алисию и забирает с собой Блейка вместе с трупой. Кроме того, Дарфур намеревался впихнуть на свой корабль как можно больше алисиан. Правда, здешние должностные лица на этот счет высказывались уклончиво. Мол, жители планеты предпочли бы остаться дома, а с геринами они уж как-нибудь разберутся.

«Ага, разберутся — вступят с ними в союз, и дело с концом», — мрачно думал Дарфур. С этими крошечными окраинными мирами всегда так. Они поддерживают Лигу Свободных планет до первой серьезной угрозы. Среди союзников Лиги много представителей иных рас, но далеко не все негуманоиды готовы сражаться на ее стороне. Упрекать их за это несправедливо, особенно теперь, когда положение землян не слишком надежно. Все-таки негуманоиды — те же г'таи или невристии — это совсем другое дело. А вот людям нужно держаться своих — так рассуждал Дарфур, полагая, что все гуманоиды разделяют эту точку зрения.

Капитан Дарфур одернул мундир и щегольски заломил фуражку. Он махнул охране, давая понять, что не нуждается в сопровождении. По пыльной главной улице Дарфур направился к городской окраине. Огромный алюминиевый горб циркового корабля был виден издалека. Несколько алисиан поприветствовали капитана, и Дарфур почти пожалел о предстоящей эвакуации: все-таки здесь он единственный в своем роде. А вернувшись на «Браво», превратится в обычного молодого капитана, каких пруд пруди.

Цирковой корабль длиной в несколько сот метров покоился в поле за городской чертой. С точки зрения расхода топлива держать его на геостационарной орбите было бы экономнее. Зато так он служил жильем для артистов, буфетом и даже сценой: когда-то это было торговое судно в корпорации «Одджон»; пустые грузовые отсеки вполне годились для представлений.

Дарфур вышагивал с достоинством. Капитан отлично знал, что в своей белой парадной форме выглядит очень эффектно: при его-то двухметровом росте, темной коже и худощавости. От арабских и сомалийских предков он унаследовал тонкие черты лица и черные глаза.

Вокруг циркового корабля царил обычная суета. Дарфуру пришлось проталкиваться через стайку чумазных уличных сорванцов с бледными глазами, — как и все мальчишки Вселенной, юные алисиане норовили проскочить в цирк бесплатно. Билетер, узнав Дарфура, пропустил его. На вопрос, где найти директора Блейка, он указал капитану за кулисы.

Там было еще оживленнее, чем снаружи. Рабочие перетаскивали раскрашенные декорации из дерева и картона. Жонглеры тренировались перед выходом на сцену, рядом разогревались танцоры. Дарфуру подумалось, что все эти люди выглядят как-то неблагонадежно и, наверное, дурная репутация межзвездных цирков возникла не на пустом месте. Где же в этой толпе искать Блейка?

— А он в секторе животных, — пояснил один из рабочих. — Там слон дурит чего-то.

Поблагодарив его, капитан двинулся в указанном направлении. Проходя через дверь, он забыл пригнуться и ударился о трос. Фуражка слетела с головы. Дарфур, вспыхнув, поспешно поднял ее, водрузил на место и чопорно зашагал прочь. «Наверняка эти фигляры умирают со смеху», — сердито подумал он.

Мимо него сновали разные создания: многие из них определенно принадлежали к человеческой расе, особенно акробаты и жонглеры. Но попадались и причуд-

ливые гибриды людей и негуманоидов. Некоторые казались слегка генно-модифицированными, а иные, видимо, были результатом неудачных мутаций. Встречались артисты с перьями и мехом. Одни ходили на двух ногах, другие — на четырех. Был среди них и крылатый человек — такого Дарфур видел впервые, хотя слышать о подобных существах ему приходилось. «Интересно, откуда они берутся? — размышлял капитан. — Может, людям земного типа вживляют крылья? Или где-то существует цивилизация крылатых гуманоидов? Прячется на одном из тысячи миров — мало ли их было открыто с начала эры освоения космоса».

Пол был усеян древесными опилками. Надо быть осторожнее: в начищенных до блеска армейских сапогах тут легко поскользнуться.

Взмокший от пота конюх из номера с колесницей показал Дарфуру, где искать Блейка. По пути капитан миновал жонглеров, внешностью напоминавших неандертальцев. Встав в круг, они репетировали номер: сначала просто подбрасывали и ловили небольшие мячи, затем в представление мало-помалу включались толпившиеся рядом люди. В жонглеров летели разные предметы. Вскоре воздух над головами артистов кишел мячами, детскими стульчиками, бумажниками, расческами, очками — словом, всем, что только можно бросать вверх.

Проскочив мимо жонглеров, Дарфур увидел в дальнем конце отсека крупного серого слона. Его с трудом заталкивал в клетку не кто иной, как Иэн Блейк. Директор цирка хоть и уступал в росте капитану, но был широк в груди и мускулист. Его длинные светлые волосы схватывал витой ободок. Слон сопротивлялся и явно подумывал, не раздавить ли надоедливую человечка как муху. Блейк, однако, продолжал упрямо толкать животное. Жую сигару и помахивая легким хлыстом, он приговаривал ровным бесцветным голосом:

— Ну же, Дейзи, девочка, не упрямься. Хватит на меня пялиться. Я тут самый главный, так что слушайся и не шали. Давай-ка в клетку. Там мы вылечим твои зубки, вот увидишь. Иди живо, а то как дам между глаз!

Наконец Блейку удалось запихнуть слониху в клетку. Служитель быстро захлопнул дверь. Только тогда директор заметил капитана Дарфура.

— Светский визит, капитан?

— Ни в малейшей степени, — ответил Дарфур. — Я здесь для того, чтобы сообщить вам: получен приказ закрыть станцию Лиги на этой планете. Мы отправляемся на пункт «Браво».

— Что ж, служба есть служба, — равнодушно заметил Блейк. — Нынче здесь, завтра там.

Дарфур был задет, но виду не подал.

— У нас есть информация: сюда направляется флот геринов, — сообщил он будничным тоном. — Поэтому мы и торопимся. Я буду счастлив сопроводить ваш корабль к базе «Браво», где вооруженные силы Лиги Свободных планет смогут обеспечить вашу безопасность.

— Дьявольски любезно с вашей стороны, мой мальчик, но у нас другие планы.

— Могу я спросить какие?

— Это, в общем, не вашего ума дело, — отозвался циркач, — но так и быть, скажу: я увожу корабль на Рею.

— Рея? Следующая в этой же системе? Но там лишь несколько сотен тысяч населения.

— Для цирка и это неплохо, капитан.

— Я бы вам не советовал. Есть вероятность, что герины направятся именно туда.

— Несомненно. Есть также вероятность, что они objevятся в сотне других мест. А может, весь их флот вылетит в собственные выхлопные трубы. Меня это не волнует. Здесь мы свое отыграли.

— Но если на Рею прилетят герины?

Блейк пожал плечами:

— Мы выходцы с Пелопса, нонкомбатанты. Землян среди нас нет.

— Неужели всерьез думаете, что герины будут разбираться, кто где родился? Вы выглядите как люди. Они будут обращаться с вами как с людьми.

— Мне доводилось слышать, — заметил директор, — о человеческих мирах, что перешли под власть геринов. И не пожалели.

— Вы не сделаете этого! — воскликнул Дарфур. — У вас есть моральные обязательства перед человеческой расой!

— Человеческая раса дала мне жизнь — вы об этом? А если взглянуть чуть дальше? Жизнью я также обязан приматам — они ведь наши общие предки. А еще грызунам и рептилиям, лишайникам и водорослям. И не забудьте про химические элементы.

— Вы все переворачиваете с ног на голову! — возмутился Дарфур. — А на самом деле остаетесь гуманоидом, представителем человеческой расы.

— Вы полагаете? — задумчиво произнес Блейк. — Ну так имейте в виду: представители человеческой расы на нашей родной планете были не слишком любезны с нами. Слышали что-нибудь о пелопсианской доктрине правильного отбора?

Дарфур кивнул.

— Так вот, — продолжал Блейк, — мы и есть отходы, результаты отбраковки.

Дарфур знал о Пелопсе — в военном колледже читался курс лекций о репрессиях. Такое случалось в человеческих мирах: какая-нибудь планета с небольшим населением попадала под власть тоталитарного режима. Пелопс являлся самым ярким примером: кучка узурпаторов, именовавших себя «владыками силы», правила там с момента появления цивилизации. Обычной политической диктатуры «владыкам» было мало: они буквально помешались на расовой чистоте. Их доктрина получила название «правильный отбор». С помощью ученых был разработан соответствующий «кодекс»: в нем оговаривались критерии внешнего вида и образа мышления. Первое и самое важное испытание каждый юный пелопсианец проходил в Управлении психометрии. Там его проверяли на соответствие нормам. У «владык» было четкое представление об идеальном пелопсианце. Не-

обычные навыки и способности не поощрялись. Все, что хоть как-то напоминало об экстрасенсорике, запрещалось категорически. Владыки усвоили печальные уроки истории Земли и решили, что гении им ни к чему. «Мы самые обычные люди, — говорили они. — Нам хорошо и спокойно. Зачем что-то менять?»

Те, кто не соответствовал общепринятым критериям, подлежали изгнанию. Им давали возможность завершить дела и попрощаться с близкими, а после этого транспортировали за пределы планеты. Задержавшихся свыше положенного срока разыскивали и бросали в тюрьму. Решения суда в этих случаях всегда были предсказуемы: изгоев либо казнили за преступление против общественного порядка, либо высаживали на окраинных планетоидах Пелопсианской системы. Там не было ни населения, ни условий для жизни человека. Эти планетоиды фактически являлись тюрьмами без стен и решеток: заключенный мог выбраться оттуда, если находил средства и место, готовое его принять. Такие планеты встречались, но и там изгнанников не ждал радушный прием. В суровые времена никому не было дела до чужаков, брошенных на произвол судьбы. На отщепенцев, не сумевших ужиться с собственными властями, смотрели косо. Уделом несчастных с Пелопса становились бесконечные унижения и лишения. Их век на чужбине обычно бывал короток.

Правительства многих планет, заселенных людьми, не одобряли пелопсианские методы. Принцип расовой чистоты не годился для разношерстной Вселенной. «Правильный отбор» не соответствовал общепринятым этическим нормам, к тому же он неизбежно вел к близкородственным бракам. «Владыки», однако, могли позволить себе роскошь не замечать критики: пелопсианский флот играл важную роль в войне с геринами. Положение Свободных планет было близко к катастрофическому. Боясь лишиться поддержки Пелопса, либеральное правительство Лиги предпочло закрыть глаза на проблему и ограничить прием изгнанников.

— В нашем цирке и люди, и негуманоиды — одновременно мутанты и изгои, — сказал Блейк. — Это и гарантирует нам неприкосновенность. Сверхъестественные способности гуманоидам не нравятся. Даже банальное чтение мыслей выводит людей из себя. Какой кошмар: артисты того и гляди выведдают их пошленькие секреты. Это глупость, разумеется. Но ведь о нас все время рассказывают какие-то небылицы. Цирк уже вышвырнули с нескольких планет, населенных людьми. Нам запрещено высаживаться на Эриесе. И на Земле, кстати, тоже. Вы знали об этом?

— Нет, — смущенно произнес Дарфур.

— Тем не менее это правда. Поэтому пусть гуманоиды идут своей дорогой. Удачи вам и все такое, но мы уж лучше отсидимся в сторонке.

— Если герины вам позволяют, — пробормотал капитан.

— Бросьте, нам не привыкать. Негуманоиды не так уж страшны. Герины поймут, что мы нейтралы, и отстанут от нас.

Больше капитану Дарфуру возразить было нечем. Он попрощался и вернулся в свой штаб. Все было готово к эвакуации. Экипажу уже не терпелось покинуть унылую Алисию. Формальности были выполнены за двенадцать часов. Прозвучал долгожданный приказ, и крейсер «Кочис» устремился в космос.

Вскоре после этого на цирковом корабле «Ф. Т. Барнум» завершилось последнее представление. Зрители разошлись. Труппа Блейка была приучена к стремительным сборам. Иногда такое умение очень пригождалось — не на всех планетах представления шли гладко. Сейчас особой нужды в этом не было, но по привычке артисты приготавливались к отправлению очень быстро.

На подлете к «Браво» царила неразбериха. Множество кораблей были одновременно отозваны из разных концов зоны ответственности. Штаб-квартира адмирала Кларка Ван Дайна, командующего Четвертой флотилии

ей Макдоналда, не справлялась с возникшей на орбите пробкой.

Дарфuru приказали оставаться в космосе в течение трех стандартных земных суток. Со своего наблюдательного поста он видел длинную вереницу мерцающих, словно звезды, огней: корабли выстроились в длинную очередь. Наконец пришло разрешение. Дарфур внес в навигатор координаты орбитальной парковки и дал экипажу команду «вольно». Ему предстоит явиться к адмиралу и получить новые указания, а его люди пусть пока отдохнут.

Адмирал Ван Дайн был человеком чрезвычайно занятым. Только спустя три дня в его плотном расписании нашлось место для визита Дарфура. Капитан облачился в парадную белую форму, зажал под мышкой фуражку и вылетел в направлении адмиральского дредноута.

В невысоком узкоплечем человечке с выдающимся брюшком не сразу угадывался прославленный военачальник и герой Храмового прохода. Ван Дайн ухитрился ловко провести свои корабли по узким коридорам между планетами, прорваться сквозь строй геринов и уцелеть. Он был известен как один из лучших флотоводцев Макдоналда. Возможность служить под началом Ван Дайна считалась большой честью и привилегией.

Дарфур искренне разделял эту точку зрения — вплоть до личной встречи с адмиралом.

— Почему вы разрешили цирковому кораблю уйти на Рею? — нахмурился Ван Дайн.

Его глаза превратились в стальные полоски. Дарфур почувствовал неприятную тяжесть в желудке.

— Сэр, я сам не хотел отпускать их. Но я не имею полномочий приказывать гражданским лицам.

— Да что вы говорите? — В голосе адмирала, и без того резком, звучал едкий сарказм. — А как же Вселенская декларация о чрезвычайных ситуациях? Она для вас пустой звук?

Дарфур вынужден был сознаться, что декларацию не читал. Во время подписания документа он был в космо-

се. Капитан робко попытался объяснить это Ван Дайну, но тот не стал даже слушать.

— Так нужно было раздобыть экземпляр текста. Декларацию рано или поздно подписали бы — это понятно любому здравомыслящему человеку.

— Я... я слышал, ее приняли незначительным большинством голосов, — оправдывался Дарфур. — Говорили, что исход голосования мог быть иным.

Адмирал смерил нерадивого капитана суровым взглядом, и тот залился густой краской. Дарфур был сконфужен и растерян. «Лучше помалкивать и слушать, что говорят, а то нарвешься на худшие неприятности», — подумал он.

— Как мне следовало поступить, сэр? — спросил Дарфур, проглотив обиду. — Я имею в виду, когда они отказались лететь со мной.

Ван Дайн покачал головой, удивляясь наивности молодого капитана.

— Дарфур, вам нужно было доставить их сюда любым способом. Хоть силой. По трем причинам. Во-первых, нельзя позволять представителям человеческой расы болтаться где ни попадя. Во-вторых, оставить на растерзание врагам цирковой корабль — что может быть хуже в глазах общественности? И в-третьих, как можно отдать противнику сверхсветовое судно в рабочем состоянии?

— Я все понял, сэр, — отозвался Дарфур. — Я не знал, что у меня такая свобода действий в отношении гражданских. Подобное не повторится.

— Вот это другое дело, — подхватил Ван Дайн. — Возвращайтесь туда, капитан, и приволоките чертов балаган. Мне плевать, как вы это сделаете. Но без цирка не возвращайтесь.

— Есть, сэр!

Капитан вытянулся по стойке смирно и отдал честь. Грубоватый тон приказа не смутил Дарфура: только что ему дали второй шанс. Еще есть счастливая возможность стереть позорное пятно с репутации.

Адмирал отсалютовал в ответ, и Дарфур повернулся к выходу.

— Я вас не отпускал, — остановил его Ван Дайн.

— Простите, сэр. Я лишь подумал, что лучше бы мне поспешить. Учитывая ситуацию с геринами, сэр. Нужно как можно скорее подготовить корабль к старту.

— Вы правы, нужно спешить, — отозвался адмирал. — Но весь крейсер вам ни к чему. Я временно передам «Кочис» под командование вашего второго помощника. А вы полетите на истребителе. Если провалите операцию, хотя бы корабль уцелеет. Все-таки один из основных на нашей линии обороны.

— Есть, сэр!

— Вольно!

Адмирал склонился над своими бумагами, показывая, что прием окончен. Дарфур уже взялся за ручку двери, но Ван Дайн вдруг поднял голову:

— И вот еще что...

— Да, сэр? — Капитан замер на пороге.

— Удачи, сынок.

— Спасибо, сэр!

Выйдя из кабинета, Дарфур припустил бегом. Дел неспорно, а через час он хотел вылететь.

Рея была аграрной планетой. Ее жители напоминали огромных ящериц. Они называли себя инготинами. У высоких кротких ящероподобных фермеров и рыбаков наличных денег не было и в помине. Едва ли они могли понять остроумные реплики, танцы, песни и кривляние артистов из человеческого цирка.

Но Блейк знал, что это не имеет значения. На удаленных мирах с развлечениями туго. Любой житель такой планеты, будь он человеком или ящерицей, бросит все свои дела ради представления. Не важно, что юмор вызовет недоумение, а музыка будет резать слух.

На Рее дело обстояло именно так. Поэтому организовать приземление Блейку ничего не стоило. Начальник поста управления посадкой не скрывал своего восторга.

— Рады приветствовать вас! — обратился он к Блейку. — Хотите место на орбитальной парковке?

— Нам бы лучше сесть на планету, — ответил Блейк. — Мы никого не побеспокоим. У нас все свое, даже сцена и зрительный зал.

Дело, конечно, было не в реквизите. Психология инготинов для людей — загадка, и артистам куда спокойнее оставаться на своем корабле. Блейк мог бы сказать об этом начальнику поста управления, но не стал. Впрочем, тот, возможно, догадывался и сам.

Корабль медленно и величественно садился. Инготины столпились внизу поглазеть на зрелище и поприветствовать артистов. Как-никак самое крупное событие за последние десять лет, с тех пор как их планету подрезала комета.

Блейк посадил корабль на отведенное место и согласовал процент от выручки, который оттяпают местные власти. После этого импресарио водрузил перед входом в цирк будку билетера.

Внутри корабля царил обычная суета — артисты готовились к представлению. Блейк сидел у себя в кабине, наслаждаясь компанией бутылки настоящей саргассовой водки. Неожиданно в дверь постучали.

— Войдите.

На пороге стоял капитан Дарфур в белой парадной форме.

— Не самый приятный сюрприз, — заметил импресарио. — Я же велел вам исчезнуть с глаз моих. Артисты летают, куда хотят.

— Боюсь, это не так. У меня приказ доставить вас и ваш корабль на пункт «Браво».

— И не мечтайте его выполнить. Даже крейсер вам не поможет.

— Крейсера со мной нет, я один, — сообщил Дарфур, вытаскивая из кармана пистолет. — И еще эта штука.

Блейк недоверчиво уставился на оружие, а затем расхохотался:

— Да вы никак угрожаете мне, молокосос вы этакий! Да я вам эту игрушку знаете куда засуну!

Блейк бросился к Дарфуру с быстротой, неожиданной для столь крупного человека, но капитан успел отреагировать. Неведомая сила отшвырнула директора и властно прижала его к стене.

— Я включил режим прессора, — объяснил Дарфур. — У этого пистолета есть функция уничтожения, но, думаю, она не понадобится. Будете упрямыться — так и останетесь у стенки. А я тем временем отведу ваш корабль к базе «Браво».

Блейк попытался освободиться, но безуспешно. Поток лучей пригвоздил его намертво.

— Мне жаль, что приходится так поступать с вами, — произнес Дарфур извиняющимся тоном. — Но это для вашего же блага. Будет хуже, если герины застанут вас здесь.

— А ну отпустите меня! — прорычал Блейк. — Иначе, клянусь, я убью вас, как только вы уберете чертову пушку.

Дарфур оставил угрозу без ответа и занялся изучением панели управления. Он уже вводил первые данные, когда почувствовал, что в спину ему уперся острый предмет. Дарфур обернулся. Сильвестр Гладстун, главный клоун, проскользнул в кабинет незамеченным. И в руках у него было нечто очень похожее на игольчатый излучатель.

— Вы не имеете права так вести себя, — сказал клоун. — Опустите пистолет.

— Я лишь пытаюсь помочь вам.

— Понятно, вы хотите как лучше, — кивнул Гладстун. — Но так тоже нельзя.

— Я уведу ваш корабль отсюда.

— Тогда мне придется выстрелить, — предупредил клоун.

— Вы же не сможете меня убить, — возразил Дарфур. — Мне правда жаль, но другого выхода нет.

Не обращая внимания на излучатель, Дарфур склонился над панелью управления. Некоторые приборы были незнакомы капитану, но не зря же он прослушал

дополнительный курс по системам управления и вооружений. Дарфур в два счета справится с любым кораблем — хоть человеческим, хоть геринским.

Дарфур занялся настройкой приборов. Гладступ сжал излучатель покрепче и покосился на Блейка.

— Давай-ка вмажь ему! — подбодрил клоуна директор.

Неизвестно, как повел бы себя Гладступ. Но тут в кабинет вбежал клоун, одетый в красно-белый костюм. Полупрозрачные черты лица и водянистые глаза выдавали в нем мутанта человеческого происхождения.

— Они здесь! — возбужденно воскликнул он. — Герины!

Дарфур отвел пистолет. Освобожденный Блейк принял к экранам камер наблюдения. На них было видно, как вооруженные геринские солдаты проникают в открытые люки и разбегаются по всему кораблю. Тяжелые скафандры не мешали им двигаться очень быстро. Как обычно, герины разделились на тройки: впереди воин, его прикрывают два раба-оруженосца. Цирковых артистов появление солдат застало врасплох.

— Они будут здесь с минуты на минуту.

С этими словами Блейк распахнул шкаф. Покопавшись там, директор извлек костюм веселенькой расцветки и бросил его изумленному Дарфуру.

— Это вам. Одевайтесь.

— Что вы задумали? — поперхнулся капитан.

— Говорят, с военными человеческой расы герины не церемонятся, убивают сразу, — пояснил Блейк. — А вы парень неплохой. По крайней мере, не робкого десятка. Я беру вас в артисты — и вы спасены!

Дарфур почел за благо не вступать в пререкания.

Командующий армией геринов Уск-Уск-Твид удобно разлегся в доставленной адъютантами походной ванне. Он был чрезвычайно доволен собой. Недавно завершились переговоры с властями Реи: население планеты

не окажет сопротивления. Цирку герины гарантировали неприкосновенность. Операция прошла успешно, и командующий честно заслужил предстоящее блаженство. Его товарищи деликатно отвернулись, когда Уск-Уск-Твид, сняв скафандр, погрузил в ванну все свои восемь конечностей. Его тело удовлетворенно засияло небесно-голубым цветом.

А эта Рея может оказаться очень даже полезным мирком. Но главный трофей — построенный на Земле цирковой корабль.

Цирков у геринов не было, однако сама идея сценического действия была им не чужда. Их представления обычно принимали форму поединков, но случались и состязания по игре на реске — музыкальном инструменте, напоминающем гигантскую свирель. Играть на таком можно было с помощью одного щупальца. Уск-Уск-Твиду довелось прочесть о цирках в краткой истории Земли. Ему, офицеру высокого звания, да еще с политическими амбициями, полагалось знать миры, которые предстояло завоевать. Без этого о продвижении по службе можно забыть.

Бортовой журнал «Барнума» велся на интерлингве. Уск-Уск-Твид владел этим языком. Особенно его заинтересовала последняя запись:

«Руководство Лиги Свободных планет потребовало, чтобы мы вернулись на базу „Браво“ под защиту их флота. Мы отказались. Нам незачем бежать: мы нейтралы».

— Так-так, — задумчиво произнес он вслух. — Отказались вернуться. Думают, они смогут договориться с нами. В качестве нейтралов.

Передние щупальца оруженосца Джуу'квата окрасились сиреневым — он давал понять, что оценил тонкий юмор своего начальника.

— Мы, герины, вовсе не звери, — рассуждал Уск-Уск-Твид. — Пусть эти бедолаги возвращаются, откуда прибыли. Мы ни волоска не тронем на их голове.

Джуу'кват в ожидании главной реплики монолога расцвел лиловым.

— Нет, мы их не обидим, — продолжал главнокомандующий. — Но сделаем одну ма-а-аленькую штучку с их кораблем — и отправим его назад.

Ярко-фиолетовый и алый — сочетание очень сильное, и многие герины считают его неприличным. Но среди военных такая комбинация цветов означала всего-навсего: «Вот и славно». Именно этой фразой, судя по цвету шупалец, Джуу'кват отреагировал на затею своего командира.

— Нет, нет, опять все неправильно, — в отчаянии повторял Сильвестр Гладступ.

Вот уже битый час старый клоун пытался втолковать Дарфуру азы своего ремесла. Парень, похоже, совсем безнадежен. Он не в состоянии исполнить даже форму № 4, самую понятную и легко запоминающуюся.

— Попробуйте сделать грустное лицо, — настаивал Гладступ. — Вы должны выглядеть жалким, а не сердитым.

— Но я на самом деле сердит! — негодовал капитан.

Он чувствовал себя очень глупо из-за белого атласного костюма в крупный красный горох и всклокоченного парика морковного цвета. На ногах у Дарфура красовались огромные разношенные ботинки, на три размера больше его собственных. Брюки держались на подтяжках, которые должны были свалиться в нужный момент на потеху публике. Как назло, подтяжки решительно отказывались соскальзывать с квадратных плеч капитана.

— Опустите уголки рта, изобразите скорбь, — говорил ему Гладступ. — Вам нужно рассмешить публику. А вы так смотрите, будто хотите меня убить!

Обучение начинающего клоуна происходило в маленькой гримерке за сценой № 1. Всем артистам сообщили, что у них есть час на подготовку к представлению. Блейк зашел посмотреть, как идут дела у Дарфура.

— Хочется верить, герины вас не разоблачат, — сказал директор. — Я уверил их, что знаю каждого из своих

людей лет десять и все они талантливые артисты. Если вас поймают, мне несдобровать. Впрочем, и вам тоже. Перспектива, мягко говоря, не радужная.

— Клоун из меня аховый, — огрызнулся Дарфур. — У вас что, нет других профессий?

— А кем вы хотите быть? Воздушным гимнастом? Дрессировщиком слонов? Жонглером? Музыкантом? Эквилибристом? Что вы умеете?

— Сражаться с противником и управлять истребителем, — понуро ответил Дарфур.

— Здесь нет истребителей. Вы или клоун, или покойник.

— Лучше клоун, — вздохнул капитан.

Это было проще сказать, чем сделать.

— Давайте, падайте! — командовал Гладстун.

Дарфур послушно падал.

— Кто же так падает! — сердился старый клоун. — Слишком изящно! Будьте неуклюжим. Ну как вы не можете понять?

Дарфур честно старался, но задача была ему не по силам. Капитана терзала жестокая внутренняя борьба. Конечно, он опасался за свою жизнь. Но главное было не это. Тяжелее всего было справиться с чувством стыда. Герины застали его врасплох, и он вынужден скрываться под маской клоуна. Если ему суждено спастись, об этом точно узнают и он до конца жизни останется посмешищем в глазах всех офицеров. С ним случилось худшее из несчастий — как можно в такой момент корчить паяца? На это у Дарфура просто не хватало душевных сил. Ему пришло в голову, что лучше погибнуть, сохранив достоинство, чем спастись с помощью глупого кривляния.

В дверь просунулась голова танцовщицы.

— Все, хватит репетировать. Они приказали начинать представление.

— Но он совсем не готов! — В голосе Гладстуня слышалось отчаяние.

— Лишние десять минут все равно делу не помогут. Тут и десяти дней не хватит.

— Этот юнец нас всех подведет под монастырь, — негодовал Блейк. — А сам-то я, каков идиот! Подвергать всех такой опасности — и ради кого? Ради офицера Лиги Свободных планет! Нет уж, больше я так не вляпаюсь.

Никто не стал уточнять, что, вероятно, это их последняя возможность «вляпаться». Вместо этого все посмотрели на Дарфура — тот стоял расправив плечи и исполнившись достоинства. Гладступ шагнул к нему. Старый клоун догадывался, какие чувства обуревают несчастного офицера. Дарфур пристально смотрел на своего наставника.

— Ну, пожалуйста, Дарфур, сделайте глупую физиономию. Я вас очень прошу.

Капитан попытался изобразить на лице гримасу. Гладступ хихикнул. Блейк подхватил, и следом за ним вся труппа весело рассмеялась.

— У меня не получается! — чуть не плача проговорил Дарфур.

— Еще как получается! — заверил его Гладступ.

— Начинаем! — крикнула танцовщица.

Для геринов это было совершенно непонятное представление, и тем не менее они получили большое удовольствие. Все-таки цирк, он для всех цирк. Герины — толковый народ, они быстро смекнули, в чем тут суть. Эти артисты высмеивают не кого-нибудь, а гуманоидов. Догадка моментально привела геринов в отличное расположение духа. Они радостно шлепали шупальцами по сиденьям и издавали гнусавые звуки клювообразными ртами.

Особенно их позабавил высокий молодой гуманоид в красно-белом костюме. Парень явно с трудом держал равновесие. Куда бы он ни двигался, тут же подбегал другой клоун и сбивал его с ног. Он был просто умора, этот тощий бестолковый землянин. Не нужно быть знатоком, чтобы понять: долговязый в красно-белом и есть ведущий артист труппы. По крайней мере, у командующего Уск-Уск-Твида не было на этот счет никаких сомнений. Да и у его подчиненных тоже.

Утром на «Барнуме» закипела работа. Сиденья в нишах были вырваны с корнем. Герины втащили на борт тяжелое оборудование. В носовой и кормовой частях разместили аппараты для плазменных торпед. Скорострельные лазерные пушки были установлены на специальных платформах. Понадобились дополнительные сверхсветовые контуры, кроме тех, что уже имелись на корабле. Постоянно слышался то стук молотков, то шипение сварочных аппаратов — герины меняли защитные экраны и укрепляли наиболее уязвимые места обшивки.

Имело место несколько прискорбных случаев, когда артисты неосторожно приближались к месту проведения работ. Кого-то застрелили, кого-то сбросили с лесов, кого-то с размаху швырнули на стену — герины не слишком церемонятся, если им мешают. Зато циркачи быстро сообразили, что лучше держаться от захватчиков подальше.

Уск-Уск-Твид расположился в понравившемся кабинете. Готовясь привести в действие финальную часть грандиозного плана, он отправил истребитель с курьером в штаб своего сектора. Пока завершались работы на «Барнуме», советники высокого уровня успели обсудить и одобрить замысел Уск-Уск-Твида. Для командующего решение Совета было большой честью — все-таки он происходил из побочной ветви геринской аристократии. В соответствии с чрезвычайно сложным регламентом социальных статусов, отныне Уск-Уск-Твид получал возможность занять собственное место среди высоких советников своей расы.

Но его главной целью было не это. Больше всего командующего интересовала перспектива разгрома одного из главных боевых флотов Лиги Свободных планет. Стоит вывести из игры адмирала Ван Дайна, и путь к захваченным гуманоидами Внутренним мирам будет открыт. Победа Уск-Уск-Твида может стать началом конца Лиги. Свободные планеты ждет упадок и неминуемый крах. А это означает всевластие геринов в разведанных пределах космоса.

Затея, конечно, дерзкая и рискованная. Но упустить такую возможность нельзя. Военные готовы принять цирковой корабль под свою опеку и ожидают его на базе «Браво». Им невдомек, что корабль будет доверху забит оружием и геринскими солдатами!

«Мы пройдем их линию обороны и тогда порезвимся на славу, — размышлял Уск-Уск-Твид. — Стрелять в нас они не осмелятся: слишком велик риск попасть в своих. Мы сможем продержаться довольно долго. Все их силы будут брошены против нас. А тем временем вступит наша ударная группировка. Она ударит по базе „Браво“ с флангов — и готово дело! Весь этот сектор у нас в кармане».

От подобных перспектив у командующего кружилась голова. Только и работы что отвлечь гарнизон базы «Браво» до прибытия ударной группировки. И эта победа ознаменует закат человеческой расы.

«Клянусь богом, стоит рискнуть! — думал Уск-Уск-Твид. — Судьба этой войны зависит от меня».

Дарфур тем временем был погружен в собственные раздумья. Первый сценический опыт превратился для него в самую изощренную пытку. Пока он фиглярствует, восьминогие зрители готовятся забить последний гвоздь в крышку гроба человечества. Капитан сидел в крошечной каюте, которую сам для себя выбрал, и напряженно думал. А потом в его голове родился план... Дарфур подумал еще немного. Да, кажется, это может сработать. Только нужно еще кое-что выяснить.

Иэн Блейк спал крепко, но чутко. Сквозь сон он услышал шорох подошв на толстом шерстяном коврике у дверей. Директор мгновенно проснулся и вытащил из-под подушки пистолет. Однако, прежде чем Блейк успел опомниться, из темноты вынырнул долговязый силуэт и железная рука схватила циркача за горло. Тот был человеком недюжинной силы. Блейк попытался освободиться, но жилистый незнакомец вцепился в него словно клещами. Пришелец вырвал пистолет, едва не сломав директору палец.

— Полегче! — прохрипел Блейк.

Незнакомец включил свет. Во время схватки Блейк по отсутствию характерного запаха успел понять, что перед ним не герин. Поэтому он совершенно не удивился, увидев Дарфура. Капитан сменил клоунский наряд на темную одежду.

— Убийца из вас никудышный, слишком долго возитесь, — заметил Блейк.

— Очень мне нужно вас убивать. Я хочу знать, где находится главный кабельный распределитель. Где-то тут схема корабля.

— Можно мне сесть? — спросил Блейк.

Дарфур отпустил директора. Тот сел и осторожно потрогал пострадавшую шею.

— Значит, главный кабельный распределитель? Взорвать нас хотите?

— Ну да, — признался Дарфур. — Я не знаю, что за чертовщину затеяли герины. Но все равно ничего у них не выйдет.

— А я, между прочим, знаю, что затеяли герины, — сообщил Блейк.

— Интересно откуда? Хотя ясное дело: вы же теперь приятели с их командующим.

— Не думаю, что у него вообще имеются приятели, — возразил директор. — Но мне он поведал, куда направляется. Корабль-то поведу я. Под его руководством, разумеется.

— И куда же они направляются?

— К базе «Браво».

— Они в своем уме? — изумился Дарфур. — Там же скопление наших войск! На что рассчитывают герины? Уловку все равно разгадают. Даже со всем этим оружием на борту они продержатся не более получаса.

— Получаса может хватить.

— Хватить для чего?

— Для того чтобы отвлечь и привести в замешательство противника. А тем временем им на выручку подоспеет геринский флот.

Дарфур проглотил комок в горле и медленно проговорил:

— Думаете, это будет целая ударная группировка?

— Уск-Уск-Твид не посвятил меня в подробности. Но по его репликам угадывалось нечто подобное.

— Действительно, почему нет? Вот черт! — воскликнул капитан. — Если бы оповестить базу «Браво». Мой истребитель...

— Больше не ваш. Теперь он в составе флота геринов.

— Значит, сообщение не отправить. Даже если получить доступ к радио... Но как это сделать? Выхода нет. Нужно взрывать корабль.

Блейк отрицательно покачал головой:

— Я тоже об этом думал. Но мои люди выяснили: главный распределитель и другие важные узлы находятся под постоянной охраной.

— Тогда попробуем атаку смертников, — настаивал капитан.

Вдруг Дарфур увидел, что директор улыбается.

— Совсем забыл, — разочарованно протянул капитан, — вы же на их стороне.

— Я говорил, что я нейтрал, — уточнил Блейк. — Так и было, пока они не расправились с несколькими моими артистами. И теперь я настроен категорически против геринов.

— Чудесно, — горько произнес Дарфур. — Правда, мы уже ничего не сделаем. Единственное, что нам остается, — это попытка захватить корабль до вылета. Они наверняка всех нас убьют, но мы задержим старт. И заберем хотя бы часть геринов с собой на тот свет.

Блейк снова качал головой:

— Поверьте, герины мне тоже поперек горла. Но лезть из-за этого в петлю я не готов. Толку от нашей гибели все равно не будет. У меня есть план получше.

Загадочный тон Блейка Дарфуру решительно не понравился. Капитан уже открыл было рот, чтобы высказаться по этому поводу, но промолчал. Ни к чему давать

волю раздражению. Можно сколько угодно досадовать на директора, но действовать им предстоит заодно. Однако за Блейком нужен глаз да глаз: хамелеон остается хамелеоном. Неизвестно, когда ему вздумается поменять цвет в следующий раз.

— Так что за план? — осведомился Дарфур.

— Нужно выждать. Дать кораблю подняться и войти в зону ответственности землян.

— Какой смысл? У геринов повсюду охрана. Они следят за нами. А рядом с базой «Браво» удвоят бдительность. Вашим людям с ними не справиться. И тогда от нашей гибели точно не будет толку.

Блейк откинулся на спинку директорского кресла и отыскал на столе небольшую сигару. Закурив, он одарил Дарфура широкой улыбкой, чем окончательно разозлил.

— Вижу, вы не очень-то сведущи в цирковых делах. А об артистах вроде нас вообще ничего не знаете.

— Что еще я должен знать?

— Вы никогда не задавались вопросом, почему мы стали изгнанниками?

— Наверное, потому что от вас несет.

Блейк рассмеялся:

— Какой очаровательный детский юмор! Ладно, расскажу вам позже. А сейчас лучше возвращайтесь к себе, а то охрана заметит ваше отсутствие. И вот что...

— Что еще?

— Наденьте все же клоунский костюм. Побудьте пока тем неуклюжим парнем из представления. Мы же не хотим, чтобы герины что-то заподозрили?

Дарфур вернулся в свою каюту. Он не доверял Блейку, но другого союзника у него не было. Лишь одно капитан знал наверняка. Чем бы ни закончилась эта история, он найдет способ поставить на место заносчивого директора цирка.

До базы «Браво» оставалось лишь несколько часов пути. Из штаба флота Лиги Свободных планет на «Ф. Т. Барнум» пришел запрос. Уск-Уск-Твид вызвал к себе Блейка.

— А теперь, друг мой, окажите услугу нам обоим. Вы, конечно, догадываетесь о наших намерениях атаковать и уничтожить флот базы «Браво».

Блейк отметил про себя появление в кабинете новых приборов. Теперь здесь громоздилась система боевого контроля с автономными элементами, позволяющими отслеживать наносимые кораблю повреждения. На видном месте красовался пульт управления торпедной стрельбой.

— К нам поступил сигнал с «Браво», — сообщил Уск-Уск-Твид. — Поговорите с ними. Скажите, что ведете «Барнум» к базе, как вам было приказано.

— Хорошо, — кивнул Блейк и потянулся к микрофону.

Уск-Уск-Твид щупальцем удержал его руку.

— Минуточку. Я хочу, чтобы вы поняли: никакой отсебятины. Ваши слова должны звучать убедительно. Иначе вам не дожить до конца сеанса связи. Мы расправимся сначала с вами, а потом с вашими людьми.

— Это противоречит Межзвездному протоколу о средствах ведения войны, — запротестовал Блейк. — Вы не имеете права выдвигать такие требования и угрожать мне. Я показывал вам наши документы. Мы нейтралы, нон-комбатанты.

— Я принял это к сведению, — отозвался Уск-Уск-Твид. — Но вот что я вам скажу: в конфликтах такого масштаба нейтралов не бывает. Вы либо с нами, либо против нас.

Почувствовав в голосе командующего угрозу, двое оруженосцев встали по бокам от него с оружием наготове. Их щупальца сердито светились красным. Блейк отступил.

— Будь по-вашему, — сдался директор. — А если мы поможем вам, что тогда?

— Тогда вы союзники, — заверил его Уск-Уск-Твид. — Поневоле, конечно, но союзники. Если операция пройдет по плану, я похлопочу об отправке вас и ваших лю-

дей на планету, которую мы зовем Гу'хаорин. Мир Грегора по-вашему. Там вам предстоит реиндоктринация. После того как мы убедимся в вашей надежности, будете выполнять разные поручения. Служба у нас щедро вознаграждается, Блейк. А измена карается смертью. Все понятно?

— Разумеется, — с мрачным видом кивнул импресарио.

Он дотянулся до сигнального табло и включил его.

— Блейк вызывает навигационное управление базы «Браво».

— Мы вас заждались, — последовал ответ. — Гуляете неизвестно где.

— Давали последнее представление на Рее, — пояснил Блейк. — Нельзя разочаровывать публику, вы же понимаете.

— Вы не в курсе, что идет война?

— Я как будто слышал об этом, — невинным тоном ответил импресарио.

Блейк говорил и косился на стоявшего рядом огромного герина. В щупальцах тот держал зазубренный кинжал — священный халифи. У таких клинков отравлены основания.

— Что слышно о геринах на Рее? Вы не видели их?

— Никаких следов пребывания геринов на Рее нет.

— У нас сейчас все забито. Не сможете подождать немного?

Уск-Уск-Твид, переливаясь красным и пурпурным, выразительно махал щупальцем.

— Нет, ждать мы не можем. У нас тут несчастный случай: трапедия сорвалась. Людям требуется срочная помощь.

— Минуту. — После короткой паузы голос произнес: — Все в порядке, даю разрешение на экстренную посадку.

Затем голос продиктовал Блейку координаты продовольственных складов и больницы. Директор поблагодарил собеседника и отключился.

— Отлично сработано, — одобрил Уск-Уск-Твид. — Про несчастный случай — это вы ловко придумали.

— Я понял, что вы хотите попасть на «Браво» как можно скорее.

— Это точно, время решает все. Наша ударная группировка уже в пути. — Командующий опустил взгляд на щупальце, к середине которого были примотаны часы. — Ей понадобится полчаса, чтобы добраться сюда и вступить в бой. Но мы-то уже будем внутри зоны ответственности Лиги. Отличный выйдет сюрприз.

— Звучит и впрямь неплохо, — поддакнул Блейк.

— Я упомяну ваше безупречное поведение, когда буду отчитываться перед штабом. А сейчас возвращайтесь к своим людям. Что вы обычно делаете во время полета? Вот этим и займитесь. И будьте наготове: моим солдатам может понадобиться ваша помощь.

— Хорошо.

Блейк спустился с капитанского мостика. В главной кают-компании его дожидался Дарфур.

— Ну что? — нетерпеливо спросил он.

— Мы вышли на связь с базой «Браво», — сообщил Блейк. — Заходим на посадку прямо сейчас.

Дарфур выругался сквозь сжатые зубы.

— Может, скажете наконец, что делать?

— Может, и скажу. Герины уверены в своей полной безопасности. Или мне так кажется. Нас они не воспринимают всерьез. Нонкомбатанты для них все равно что тараканы. Мы забьемся в гримерки и будем ждать исхода битвы — так они считают.

— А разве нет? Кучка уродцев против хорошо обученных геринских солдат. Думаете, справитесь?

— У уродцев всегда найдется пара-тройка фокусов в запасе. О наших удивительных способностях много чего рассказывают.

— Вы сами говорили — все это глупости и небылицы.

— Говорил. Мы всегда так говорим. Нас недолюбливают, вот мы и предпочитаем помалкивать.

— О чем?

— Скоро узнаете. А пока будьте наготове, капитан. Вам еще предстоит сыграть свою роль.

— Какую роль?

— Я пока не скажу, — усмехнулся Блейк. — А то разнервничаетесь и все испортите.

Дарфур лишь улыбнулся в ответ. Наивный человек этот директор цирка: всерьез думает, будто офицер Лиги Свободных планет способен нервничать по пустякам.

«Ф. Т. Барнум» подползал к базе «Браво». Время, казалось, застыло на месте. Артисты томились мучительным ожиданием, считая минуты. Геринские солдаты заняли боевые посты. Гнетущую тишину нарушал только шум двигателя. Сработал сигнал тревоги — корабль вошел в пределы зоны видимости. Вскоре на экранах возникло сильно увеличенное изображение: за шеренгой кораблей Лиги маячила желтоватая планета, окутанная туманами. Это и была база «Браво», продовольственный склад и главный форпост сектора.

— Черт вас побери! — возмущался Дарфур. — Они сейчас начнут сражение. Когда же будет ваш хваленый фокус? Или вы мне сказки рассказывали, чтобы я не дергался?

— Состояние вашей нервной системы, капитан, не есть моя главная забота, — отозвался Блейк. — Именно на сражение мой план и рассчитан. Герины будут увлечены схваткой, и я смогу осуществить задуманное.

Корабль затрясся, слегка накренился и резко увеличил скорость. Послышался лязг и скрежет: герины снижали с орудий маскирующие экраны. Корпус «Барнума» мелко вибрировал, пока торпеды и скорострельные пушки приводились в боевую готовность.

— Ну не молчите же! — воскликнул Дарфур. — Что нужно делать?

— Захватывать корабль, — невозмутимо произнес Блейк.

— Вы же говорили, это невозможно! Что ваши артисты понимают в рукопашном бою?

— Поверите ли, нам случилось и подраться. На удаленных планетах чего только не бывает.

— Ладно, пусть так, — не унимался Дарфур. — Но вы сами называли захват корабля самоубийством.

— А теперь наш маленький секрет, — торжественно провозгласил импресарио. — Уродцы, как вы изволили выразиться, обладают одной скромной, но полезной способностью. Мы можем поддерживать телепатическую связь.

Дарфур недоуменно уставился на директора, а затем капитана озарило.

— Значит, вы способны атаковать одновременно!

— Вот именно.

— Но что потом?

— Я все продумал. А вы, капитан, будьте любезны, не вмешивайтесь, пока я привожу свой план в исполнение.

Блейк смежил веки. Его напряжение передалось Дарфуру: капитан почти чувствовал, как директор с усилием пробивается в сознание каждого из своих артистов. Конечно, Блейк все подготовил заранее. Люди предупреждены и ждут сигнала. Но вдруг у него не получится? Говорят, телепатия — штука очень ненадежная...

Из коридора донеслось жуткое нечеловеческое завывание, сменившееся бульканьем. Внезапно все стихло.

— Ну что ж, капитан, на сцену! — Директор вынул из-за пояса ручной бластер и вручил его Дарфуру. — Начинаем представление!

Бдительные герины за последние дни успели расслабиться. Такая удача, что корабль ведет команда гуманоидов. Эти циркачи просто безвольные тупицы: им приказываешь, а они и рады стараться. Возражать, а тем более возмущаться им и в голову не придет.

Поэтому бунт на корабле стал для захватчиков полной неожиданностью. Все было спокойно, как вдруг эти по-

лусонные акробаты и жонглеры одновременно набросились на захватчиков. В одну и ту же секунду по всему кораблю завязались потасовки. Циркачи яростно орудовали дубинками, грубыми ножами и всем, что подвернулось под руку.

Получив телепатический приказ от Блейка, артисты атаковали молниеносно. Их преимущество было в одновременном действии. Как только кому-то удавалось поразить противника, он бросался на выручку товарищу. Герины отбивались отчаянно, но их застали врасплох, к тому же вот-вот должно было начаться сражение с армией Лиги. На палубах «Барнума» пурпурная геринская кровь смешивалась с алой человеческой. Несколько геринов, сбившись в кучу, пытались организовать оборону. Однако индивидуализм сослужил им плохую службу: каждый норовил удрать с места сбора и спасти собственную шкуру. Поодиночке они легко становились добычей рассвирепевших артистов.

Блейк и Дарфур вбежали на капитанский мостик. Там Уск-Уск-Твид в компании своих оруженосцев пытался одновременно вести сражение с базой «Браво» и подавлять мятеж на корабле.

— Скотина! — завопил он, увидев Блейка. — Обмануть меня вздумал! Так сдохни!

Он прицелился в директора, однако Дарфур оказался проворнее. Бластеры не принято использовать на борту — можно продырявить обшивку, — но капитан был отменным стрелком. Геринский командир рухнул как подкошенный. Блейк тем временем подобрал лазерный излучатель и с азартом приступил к истреблению врагов, заодно круша все вокруг.

— Осторожнее с ним! — прокричал Дарфур.

Лазерный луч раскрыл последнего геринского солдата. Дарфур забрал у Блейка излучатель, предотвратив тем самым тотальное разрушение корабля.

— Вы молодец! — крикнул капитан.

Перепрыгивая через части тел геринов, Дарфур подбежал к панели боевого контроля.

— Теперь нужно сообщить нашему флоту и выбиратья отсюда.

— Боюсь, мы немного опоздали.

Блейк указывал на мониторы заднего обзора. Десятки сферических геринских кораблей выныривали из открытого космоса. Они были еще далеко, но с каждой секундой приближались.

— Что предлагаете? — спросил Дарфур.

— Они ведь думают, что мы на их стороне, — сказал Блейк. — Двинемся навстречу, а когда сблизимся на дистанцию стрельбы, откроем по ним огонь. Если повезет, флотилия базы «Браво» дружно последует нашему примеру.

Дарфур ликующе рассмеялся. Какой изысканный план! Герины попадутся в собственную ловушку. Видимо, этому цирку суждено стать троянским конем. Только троянцами теперь побудут сами герины.

— Грандиозно! — восхитился капитан.

Его пальцы тем временем уже отыскивали нужные кнопки на клавиатуре.

— Вы просто гений, Блейк! Они сами лезут в петлю. Теперь и мы немножко постреляем.

Дарфур развернул корабль и направил его навстречу геринскому флоту. Противник вел огонь как ни в чем не бывало, будучи уверен, что Уск-Уск-Твид держит ситуацию под контролем.

— Мы входим в зону обстрела, — произнес Дарфур. — Скажите вашим людям: пусть готовятся открыть огонь.

— Есть одна проблема, — осторожно заметил Блейк.

— Какая же?

— Мои люди не сильны в артиллерии. Могут ловко махать дубиной или орудовать кинжалом — вы сами это видели. Но они понятия не имеют, как действует лазерная пушка или плазменная торпеда.

— Замечательно, — упавшим голосом произнес капитан. — Значит, сражения не будет. Геринские корабли просто разнесут нас вдребезги. Флот землян не успеет помочь нам.

На мониторе сферический корабль-матка выпустил истребитель.

— Нет-нет, мы будем сражаться, — заверил капитан Блейк. — Враги были столь любезны, что напичкали корабль пушками. И мы пустим в ход каждую. Только командовать моими людьми буду не я, а вы.

— Но как? Отдавать приказ каждому персонально? На это уйдет уйма времени. Мы даже не успеем вступить в бой.

— Эту проблему решить нетрудно, — ответил директор. — Используйте телепатию. Все орудия можно контролировать посредством телепатической цепочки. Мы вас подключим, если вы не против.

— Нет! — испуганно воскликнул капитан.

Чтение мыслей многим внушало суеверный страх, и Дарфур не был исключением. Сама мысль о том, что Блейк со своими уродцами копается в его сознании... нет, этому не бывать.

— Но вы должны, — настаивал директор. — Иначе мы погибли.

— Я не могу!

— Капитан, — ласково сказал Блейк, — надо попробовать.

Капитан скривился, но после секундного размышления угрюмо кивнул:

— Ладно, согласен. Что я должен делать?

— Просто постарайтесь настроиться на прием.

Блейк закрыл глаза. Дарфур почувствовал в своем сознании какое-то движение. В его мозг пыталось вторгнуться нечто огромное и пугающее. В первую секунду капитан инстинктивно воспротивился, но усилием воли заставил себя подчиниться. У него закружилась голова. На одно страшное мгновение Дарфуру показалось, что он теряет рассудок. Затем сознание внезапно прояснилось, и он увидел мир совсем по-другому. Теперь капитан Дарфур сидел в голове директора Блейка и смотрел на самого себя.

— Отлично, — одобрил Блейк. — Подвигайтесь, осмотритесь. И можно начинать.

Дарфур сосредоточился и попытался мысленно оглядеться. Поначалу его окружала лишь тьма. А затем он внезапно осознал, что видит множеством глаз. Его мысль одновременно воспринималась десятками разумов. Дарфур торопливо и беспорядочно запихивал в головы артистов все, что знал сам о современных видах вооружений. Мысли понеслись стремительным потоком из мозга в мозг — так получалось быстрее. Уродцы молниеносно заряжали орудия, прицеливались и стреляли.

Герины застыли в недоумении, пытаясь сообразить, что стряслось с Уск-Уск-Твидом. Затем они открыли огонь по «Барнуму». Защитные экраны циркового корабля едва выдерживали этот шквал. Сознание Дарфура разрывалось между атакой и обороной. Капитан словно исполнял смертельный номер в цирке ужасов: он командовал «Огонь!»; он сам нажимал на кнопку; он же был снарядом, устремлявшимся в космос.

Защитные экраны дрожали. Нужно прекратить стрельбу и восстановить щиты. Случись перепад напряжения, они не выдержат. «Если бы можно было одновременно отстреливаться!» — досадовал Дарфур.

Внезапно капитан понял, что отстреливается. Пространство вокруг «Барнума» то и дело прочерчивали плазменные торпеды. Они направлялись к сферическим кораблям-маткам, сбивая вражеские истребители. Дарфур не поверил своим глазам. «Как они ведут огонь без команды? Неужели научились?» — недоумевал капитан.

Тем временем из-за «Барнума» вынырнула очередная группа торпед. Сомнений быть не могло: кто-то пришел на помощь. Капитан глянул на экран заднего обзора. За кормой циркового корабля вырастала флотилия адмирала Ван Дайна. Одна сферическая станция была сбита, остальные в беспорядке спешно отступали в открытый космос.

— Классическая уловка — троянский конь! — воодушевленно говорил Ван Дайн. — Только хитрость геринов сыграла в нашу пользу. И все благодаря вам. Такой вот вышел троянский цирк. Я искренне горжусь вами, капитан Дарфур. О подобных вещах упоминается в истории ранних космических сражений. Но я не думал, что увижу такое своими глазами!

Они беседовали в гостиной на адмиральском дредноуте «Саратога». Корабли из флотилии Ван Дайна преследовали жалкие остатки флота геринов. Те, кто не успел скрыться в космосе, были уничтожены. «Ф. Т. Барнум», обожженный, продырявленный в десятке мест и изрядно помятый, вопреки всему уцелел. Приблизительно четверть артистов погибла, а около трети получило ранения разной степени тяжести.

— Должен признаться, сэр, — отозвался Дарфур, — что эта блестящая победа вовсе не моя заслуга. Директор цирка Блейк — вот кто настоящий герой. Это был его план. И успех стоил жизни многим его людям. Я лишь подключился на финальной стадии.

— На стадии сражения с геринами, вы имеете в виду? — уточнил Ван Дайн.

— Да, сэр. И я убедился, что есть вещи посильнее всех геринских орудий.

— Вот это-то и любопытно, — пробормотал адмирал. — Как, скажите на милость, цирковые уродцы сумели справиться с пушками?

Дарфур хотел было поведать Ван Дайну о возможностях телепатической связи, но благоразумно промолчал. Рассказать правду — значит поставить под удар хрупкую безопасность артистов Блейка. Если все будут болтать об их необычных способностях, мало ли чем это грозит цирку. Особенно на удаленных планетах.

— Ну, мне пришлось побегать, сэр, — бодро произнес Дарфур. — Но они все схватывали прямо на лету, эти циркачи.

Ван Дайн явно собирался сказать что-то в ответ, но передумал. Вместо этого он удостоил капитана широ-

кой улыбки — редкого зрелища на суровом адмиральском лице.

— Как бы то ни было, дело сделано. И сделано отменно.

— Спасибо, сэр. А что будет с «Барнумом» и его командой?

— Пострадавшие отправлены в госпиталь. Всех, кого можно, мы спасем. «Барнум» подлатают наши оружейники. Блейку я предложил офицерский чин.

— И что он ответил, сэр?

— Отказался, разумеется. Что с них взять, с этих пацанов. Никогда не знаешь, что у них на уме.

— Думаю, это не совсем так, сэр. Блейк, наверное, хочет вернуться к цирковой жизни.

— В свое время вернется. А пока он попросил починить корабль и предоставить ему свободу действий в качестве капера. Если герины сунутся в какую-нибудь нейтральную зону, Блейк устроит им веселую жизнь.

— Отличная идея, сэр! — поддержал Дарфур. — Он первоклассный боец. И очень талантливый импресарио.

— Он вам понравился?

— Не сразу. Но если сражаешься с человеком бок о бок, поневоле проникаешься к нему симпатией.

— Так я и думал. Блейк просил откомандировать ему в помощь опытного офицера. На борту его корабля нужен специалист, чтобы поддерживать орудия в порядке и обучать команду.

— Что ж, разумно.

— И он попросил отправить с ним вас.

— Правда, сэр? — Дарфур вспыхнул от радости. Бороздить космос с Блейком и его цирком, вместе сражаться с геринами — о чем еще можно мечтать? Но тут ему пришла в голову неприятная мысль. — Это же очень высокое назначение, сэр. Боюсь, его должен получить офицер старше меня по званию.

— Я уже обсудил это с Блейком. Он настаивал на вашей кандидатуре. Говорил, что вы обладаете одним весьма ценным талантом, который нечасто встретишь у военных.

— Каким же, сэр?

— По его словам, у вас отличные задатки клоуна. Такие способности могут оказаться очень кстати. Например, если «Барнуму» придется выполнять секретные миссии где-нибудь на границе оккупированных геринами территорий.

— Отличные задатки клоуна? Он так и сказал, сэр? — удивился капитан.

— «У Дарфура есть все необходимые качества» — вот его слова, — усмехнулся Ван Дайн. — А в чем дело, капитан? Думаете сменить профессию?

— Никак нет, сэр, — откликнулся Дарфур. — Но я всегда готов делать то, что у меня хорошо получается. Могу я пойти и поговорить с Блейком?

— Идите, — разрешил адмирал. — Это назначение не увеселительная прогулка. Но будь я на сто лет моложе, в лепешку бы разбился, чтобы улететь с вами на «Барнуме». Вольно!

Дарфур со всех ног помчался разыскивать Блейка. Так началась славная история приключений и подвигов каперского корабля «Ф. Т. Барнум».

Вот уже без малого век хотри нападают на космические форпосты землян. Война разразилась из-за алчности некоторых представителей торговой империи Ариста, и та же алчность привела во власть бездарей и изменников. Драгоценные ресурсы растрачиваются без всякой пользы, а те, кто способен дать отпор врагу, лишены самого необходимого. Мир за миром покоряется жестокой и разрушительной власти хотри, и вот уже самой Аристе угрожает смертельный удар...

Рассказ «Прорыв» впервые был опубликован в антологии «The Arista Siege» («Осада Аристы») — второй книге цикла «The War Years» («Годы войны»).

ПРОРЫВ

Командный пост линейного крейсера «Эйндховен» величиной напоминал танцевальный зал, только раскрашен был попроще. Яркие цвета не подходят боевым кораблям, даже для интерьеров. Здесь считаются уместными приглушенные пастельные тона. Внутреннее пространство крейсера ничем не разграничивалось — флот Аристы давным-давно отказался от популярной в прошлом идеи отдельных помещений. Корабль делился только на уровни: если отказывала телефонная связь, приказ можно было просто прокричать прямо из командирского сектора (он находился на возвышении) вычислительному. Последний занимал четыре ряда в центре: там было полно аппаратуры, которую обслуживали техники, одетые в форму защитного цвета с алыми воротниками. Их задачей была обработка информации, поступавшей с поля битвы за Аристу. Многие техники носили на одежде знак трилистника — их эскадру наградили за героизм, проявленный при штурме Прохода Двойной Звезды.

Среди этих людей был младший сержант Адамс. Он трудился один-одинешенек в дальнем углу, в пластиковой кабинке. Низкорослый, с тонкими усиками, ничем

не примечательный — вот и все, что на первый взгляд можно было сказать о скромном компьютершике Адамсе. Но под заурядной внешностью скрывался выдающийся эксперт в области обработки чисел.

Сейчас он бился над головоломкой, которую задал ему капитан Де Врис, — до сих пор никому не удалось ее решить. Речь шла о возможности проследить путь корабля, движущегося в сверхсветовом режиме и, следовательно, недостижимого для радиоволн. Де Вриса осенила идея: а что, если определить траекторию вражеского флота, вышедшего из сверхсветового режима в обычный, и, рассчитав усредненные величины, экстраполировать ее назад? Вдруг это позволит выяснить, откуда явились враги, и определить местонахождение их планеты?

Задача лишь на первый взгляд казалась простой. Главная сложность состояла в необходимости вносить многочисленные дополнительные коррекции курса. Адамсу удалось отыскать нужные стандартные формулы в цифровой библиотеке корабля. Десять минут назад он отправил сообщение Де Врису.

Тот явился немедленно. Адамс был так поглощен своими расчетами, что не заметил вошедшего капитана. Услышав голос Де Вриса, он подпрыгнул на стуле от неожиданности.

— Так что у вас получилось, сержант?

Адамс протянул капитану бумагу с небрежно нацарапанными координатами.

— Вот результат вычислений.

Высокому и худощавому Де Врису было двадцать семь — не намного больше, чем младшему сержанту. Гладкая смуглая кожа и копна черных волос многих обманывали: капитану нередко приписывали индейское происхождение. На самом же деле Де Врис был сыном уроженки Афганистана и фламандца.

Капитан постучал пальцем по неразборчивым цифрам.

— Значит, вы считаете, планета хотри именно здесь?

— Ничего подобного, — возразил Адамс. — По этому вопросу у меня ровным счетом никаких соображений. Вы распорядились произвести вычисления, и я это сделал. Что нам вообще известно? Большинство кораблей хотри выходит из сверхсветового режима по почти одинаковым траекториям. Возможно, это и есть прямое указание на местонахождение их планеты. Но что, если это просто кабак, где они накачиваются метановым виски с пивом, перед тем как всыпать нам по первое число? Я вам вот что скажу, кэп: ни на мои расчеты, ни на ваши догадки полагаться не стоит.

— А надо бы, — хмыкнул Де Врис. — Это все, что у нас есть.

Адамс пожал плечами:

— Всего, что есть, может оказаться недостаточно.

— Но мы не узнаем, пока не попробуем.

С этими словами Де Врис вышел из каморки Адамса и направился на командный пост.

Вся небольшая эскадра Де Вриса, включая «Эйндховен», пряталась в недрах Аристы. Под слоем армированного грунта и бетона корабли были практически неуязвимы для хотрийских бомбардировок. Правда, с военной точки зрения толку от эскадры в таком положении было немного. Хотри регулярно обшаривали поверхность планеты лучами и бомбили ее — люди Де Вриса, конечно, пытались отстреливаться, но чаще промахивались, чем попадали. Ничего удивительного: их корабли предназначались для боевых действий в вакууме и никуда не годились в качестве подземных крепостей. Но выйди Де Врис в космос, ему преградил бы путь десятикратно превосходящий противник: хотрийский флот не прекращал атак на Аристу в течение последних пяти лет.

Окажись координаты Адамса правильными, Де Врис смог бы прорвать блокаду и бессмысленная, до абсурдного затянувшаяся оборона закончилась бы наконец. «Затея чертовски рискованная, — размышлял капитан. — Хотри свирепеют на глазах — удастся ли без потерь вывести эскадру? Нужно все как следует обдумать. А мо-

жет, вольный корпус Гатри сумеет отвлечь противника? Но нет, эти ни за что не согласятся...»

У Де Вриса была назначена встреча с Мирой Фалкен, представителем Совета Аристы. На полпути его нагнал запыхавшийся вестовой.

— Срочное сообщение, сэр!

Пневмограмма от Мартина Хэвилленда, офицера по политическим вопросам, гласила: «Мне необходимо срочно поговорить с вами». Капитан выругался сквозь зубы. Правительство в последнее время завело моду прикреплять к командирам эскадр заместителей по политической части. Де Врис, конечно, оставался начальником в своем соединении, но он был уполномочен принимать исключительно военные решения. Зато судить об их политических последствиях имел право только Хэвилленд. Никакой четкой границы между военными и политическими делами не существовало — да и не могло существовать. При таком раскладе путаница была неизбежна. Особенно если учесть, что капитан и его заместитель не питали друг к другу никаких теплых чувств.

Де Врис решил, что сам навестит Хэвилленда. Офицер по политическим вопросам сидел в своей каюте, уткнувшись в «Человеческие измерения» — последнее достижение Министерства информации, также известного под названием «Центрпроп». Увидев Де Вриса, он отложил книгу. Это был широколицый, склонный к полноте человек, несколькими годами старше своего командира, абсолютно уверенный в собственном всевластии.

— Что вы затеяли, капитан? Я знаю, вы строите какие-то планы. Неплохо было бы поинтересоваться моим мнением.

— Я назначил встречу с представителем Совета Аристы.

— Не поставив меня в известность?

— Но здесь ничего политического. Вопрос чисто военный.

— Не вам одному судить об этом, капитан Де Врис. Я настаиваю, чтобы впредь вы консультировались со мной. Зачем вам понадобилась эта встреча?

— Хочу обсудить с Мирой Фалкен текущую ситуацию. Оборона планеты слабеет.

Хэвилленд неохотно кивнул. Даже он не мог не замечать, что атаки хотрийского флота в последнее время отбиваются все более вяло.

— И что вы намерены предпринять?

Де Врис медлил с ответом. Посвящать Хэвилленда в свои планы он не хотел. Заместитель точно их не одобрит.

— У нас только один выход. Нужно идти на прорыв.

— Вы имеете в виду — силы Лиги под вашим командованием должны покинуть планету? — уточнил Хэвилленд.

— Да, плюс все корабли, которые местные власти предоставят в мое распоряжение.

— Если я правильно понимаю, вы намереваетесь неожиданно атаковать противника?

— Что-то в этом роде, — уклончиво ответил Де Врис.

— А если подробнее?

— Пока я не готов обсуждать с вами детали операции.

— По какой причине, могу я узнать?

— Это сугубо военное дело. Вы офицер по политическим вопросам. Ваше вмешательство в мои действия не принесет никакой пользы.

Хэвилленд нахмурился:

— Осмелюсь напомнить, что военные решения принимаются в соответствии с политической ситуацией, а не наоборот.

— Эта точка зрения мне известна. Но политика иногда отступает перед военной необходимостью. Мы не можем больше обеспечивать оборону этой планеты. Результативность хотрийских атак за последний год многократно увеличилась. Противник усиливается, в то время как наши корабли получают все больше повреждений, даже будучи вкопанными в грунт. Ждать осталось недолго: хотри нанесут массированный удар. И разгромят нас наголову, помяните мое слово.

- Какой мрачный прогноз, капитан.
- Всего лишь реалистичный.
- Мыслить реалистично еще не значит держать ситуацию под контролем.
- Зато не мыслить реалистично значит утратить всякое понимание ситуации, — отрезал Де Врис. — Я должен идти. Поговорим позже.
- Постойте! — воскликнул Хэвилленд. — У меня еще много вопросов.
- Но Де Врис уже шагнул прочь.

Он спустился в лифте на нижнюю палубу и покинул корабль. Теперь бронированный автомобиль должен был доставить капитана в глубокую пещеру, откуда правительство Аристы отчаянно пыталось противостоять натиску хотри. Автомобиль подскакивал на изрытой воронками дороге, а в темных небесах уже зрела новая битва. Начало всегда было одинаковым: после недолгого затишья одна из сторон без всякого предупреждения открывала огонь. Вот и сейчас из космоса посыпался град зеленых искр — новая разновидность бризантных снарядов. Они летели вниз по эксцентрической орбите, сбивая с толку артиллеристов на Аристе. Огни вспыхивали и мерцали, а Де Врис наблюдал, как защитники планеты выбрасывали сетевое заграждение — хоть и сооруженное наспех, но довольно эффективное средство. Тем временем одно за другим в сражение вступали новые орудия убийства: плазменные пушки, импульсные снаряды, пневматические винтовки. Почва дрожала от разрывов бомб, разрушения на планете все множилось. Влажный темный воздух пах взрывчаткой и дымом. Некогда Ариста была уютным цветущим миром — Де Врису чудилось нечто дьявольское в том, с какой яростью враги терзали ее. Мрачный рок сжимал кольцо вокруг незащитной планеты, и противник, не знающий жалости, готовился нанести решающий удар.

Командирский автомобиль наконец одолел опасную дорогу и нырнул в пещеру Ммалт. Правительственный

бункер решили разместить именно здесь: все-таки крупнейшая подземная система Аристы была менее уязвима перед бомбами и снарядами хотри. Внешние укрепления слабели день ото дня, но сюда лишь в последнее время стали долетать отголоски сражений. На этом уровне раскинулась сложнейшая сеть тоннелей — по одному из ее ответвлений Де Врис добрался до массивной бронзовой двери, за которой скрывались жилые помещения. Миновав их и открыв несколько пневматических затворов, он очутился в последнем пристанище жителей Аристы. Война загнала их в глубины собственной планеты.

Из бокового коридора неожиданно вынырнул человек и схватил капитана за руку.

— Де Врис? Вот удача, вы-то мне и нужны.

Это был Чарльз Гатри, командир вольного корпуса.

— Найдется минутка, капитан?

— Только прощу вас, покороче, господин Гатри.

Чарльз Гатри был заместителем командующего вооруженных сил планеты Чертополох. Хотри захватили ее и устроили там резню; те, кто ухитрился выжить, избрали Гатри своим командиром. Людей из вольных корпусов обычно интересовала только прибыль, и Гатри со своими подчиненными здесь не был исключением. После гибели Чертополоха в их сердцах не осталось места ни для верности, ни для бескорыстия.

За годы войны таких корпусов возникло довольно много. Иногда это были экипажи кораблей под флагами неизвестных планет, не участвовавших в боевых действиях. В последнее время стали чаще попадаться остатки флотов из миров, захваченных хотри. Вольные корпуса сотрудничали с вооруженными силами разных планет в качестве наемников, постоянных же союзников у них не водилось. Имея независимое командование, они нередко позволяли себе не подчиняться приказам старших по званию. Случалось им атаковать противника с беспримерным мужеством, но без должных на то указаний. И все-таки лучшей из добродетелей они считали осмотрительность. Поэтому чаще всего люди из вольных кор-

пусов предпочитали отсиживаться в сторонке и вступали в бой, только убедившись, что участие сулит им победу. Неудивительно, что для регулярного командования такие помощники были неизбывным источником раздражения. Но выбора не было: в эти нелегкие времена любое вооруженное судно могло стать подспорьем. Вольные корпуса — союзники ненадежные, но и они лучше, чем ничего.

Гатри был красноносый полноватый детиною с рыжими кудрями и мохнатыми бровями.

— Чем могу служить? — спросил Де Врис.

— Ну, другой бы стал ходить вокруг да около, да только я не из таких, — заявил Гатри. — Капитан, житье здесь час от часу все хуже. Планетке этой каюк — к гадалке не ходи.

— Не разделяю вашего пессимизма. — Кажется, прозвучало не так уверенно, как хотелось бы Де Врису. — Мы не намерены сдаваться, — твердо продолжал капитан. — Оборона прочна, и скоро подоспеет подкрепление.

— Эти байки расскажите здешним дворянчикам. Хотри все ближе. Если так пойдет дальше, они в прах разнесут всю нашу хваленую оборону. Вот хоть на спор: две недели — и будем пощады у них выпрашивать. Да только не мне рассказывать, какие они жалостливые.

Сказать по правде, Де Врис был полностью согласен с Гатри. Но говорить об этом не следовало.

— Глупости, Гатри. У нас еще найдется пара-тройка фокусов в запасе.

— Это каких же? — ухмыльнулся Гатри. — Да ладно, не бойтесь, допытываться не стану. Мне-то все ясно. Никаких подкреплений от Лиги нет и не предвидится. С нас хватит. Мы валим отсюда, капитан.

— Не могу согласиться с вашей оценкой ситуации, — возразил Де Врис. — Но к чему вы говорите мне все это?

— Я совещался со своими офицерами. Мы все пришли к выводу, что овчинка выделки не стоит. Слишком велик риск.

— И что же, по-вашему, мы должны сделать? — язвительно поинтересовался Де Врис. — Предлагаете сдать-ся? Вам отлично известно, что ждет людей в плену у хотри.

— Что вы будете делать — это дело ваше, — уточнил Гатри. — Я-то могу решать только за себя и своих людей. Мы хотим убраться отсюда подобра-поздорову.

— Но у нас контракт!

— Я что-то запамятовал: а когда нам по нему платили в последний раз? С полгода назад, не меньше.

— Вам заплатят! Совет дает гарантию.

— Гарантия Совета — это дырка от бублика, — хмыкнул Гатри. — Вы уж простите, капитан, но мы отчаливаем. Я решил сказать вам, чтобы было по-честному. Мы тут доделаем последние дела и стартуем.

Де Врис едва справился с приступом ярости. С уходом вольного корпуса северный сектор останется совсем без прикрытия.

— Как, черт возьми, вы собираетесь провести корабли через пушки хотри? — холодно осведомился капитан.

— А мы просигналим, что переходим в статус нон-комбатантов, и нас пропустят. Так уже было с гарнизоном Канила.

Канил был крошечной планетой, сдавшейся после того, как ее покинули защитники из состава вольного корпуса. Хотри позволили наемникам уйти беспрепятственно.

— Откуда вы знаете, что и в этот раз они не откроют огонь? — проворчал Де Врис.

Гатри насмешливо фыркнул:

— Все эти слухи о жестокости хотри сильно преувеличены. Они убивают тех, кто дерется с ними, это да. Но мы проскочим, капитан. А хотите, мы поболтаем с ними насчет условий капитуляции помягче?

— Не нужны нам ваши подачки! — отрезал Де Врис. — Пока я команду флотом, мы не сдадимся ни при каких условиях.

— Дело хозяйское, — согласился Гатри. — Мой корпус готов к отбытию, мы стартуем в течение часа. — Он

вынул из кармана бумагу и вручил ее капитану. — Вот наш полетный лист. Прикажите своим войскам не стрелять по нам.

— Пусть каждый из нас делает, что должен, — вздохнул Де Врис.

По пути в зал заседаний он лихорадочно размышлял. Потеря Гатри — это катастрофа. Но интуиция подсказывала: существует способ превратить ее в триумф. Он чувствовал, что разгадка где-то рядом, нужно просто как следует подумать...

Де Врис затолкал полетный лист Гатри в карман, и его рука наткнулась на другую бумагу. Координаты планеты хотри!

И тут его осенило. В голове моментально созрел план. Очень рискованный план. Но сидеть сложа руки еще более рискованно. Другого выхода нет. Только вот согласятся ли аристианские власти?

До начала этой кровопролитной войны аристиане по праву гордились своим умелым управлением и рачительностью. Им досталась всего лишь темная маленькая планета, а они сотворили с ней чудеса. Ариста превратилась в цветущий сад, и его плодами были сыты не только пять миллионов местных жителей, но и население многих других миров. Однако все это было до начала блокады.

Далекая Лига обещала Аристе помощь, когда стало ясно, что здешнему ополчению не по силам сдержать хотри. Аристианам перепало несколько десятков изрядно потрепанных кораблей. Остальное обещали доставить позднее, но так и не сдержали слова. Людям в ту пору приходилось очень тяжело: хотри одерживали победу за победой. Лига разрывалась на части, пытаясь закрыть все бреши в обороне, и ей было не до Аристы. А защитники цветущей планеты проявляли чудеса мужества, пока снаряды хотри разносили в прах их города. И как после этого убедить маленький стойкий народ в том, что вины Лиги здесь нет?

Мира Фалкен ожидала Де Вриса в зале заседаний Совета. Она принадлежала к старому нобилитету, немало способствовавшему становлению цивилизации на Аристе в бурное первое десятилетие. По здешним законам аристократическое происхождение не было обязательным условием для политической карьеры. Мира уже давно оставила все свои претензии на знатность, став убежденной республиканкой, для которой интересы ее планеты были превыше всего. В свои восемьдесят семь она сохраняла стройность и великолепную осанку. Но разумеется, не внешность, а блестящий ум сделал ее наиболее подходящей кандидатурой для поддержания диалога между политическими кругами Аристы и силами Лиги. Это была чрезвычайно ответственная должность. Решения, затрагивавшие жизнь миллионов, приходилось принимать стремительно — в военное время никто не станет проводить плебисцит или голосование в Совете. Жители Аристы верили свои судьбы Мире.

Она была среднего роста, стройная, сероглазая. В каштановых волосах проглядывали седые пряди. На вид ей нельзя было дать больше пятидесяти — средства сохранения молодости делали свое дело. Ее простой наряд, состоявший из серебристо-серого комбинезона и пояса, был украшен единственным знаком отличия — квадратной серебряной пластинкой с изображением лилии, оплетающей кинжал. Такой символ могли носить на шее только высокопоставленные должностные лица Аристы.

— Я принес вам новость, — с порога начал Де Врис. — Чарльз Гатри и его вольный корпус больше не с нами. Они решили, что дело безнадежно проиграно, и собираются стартовать в течение часа.

Лицо Миры оставалось спокойным.

— В самом деле?

— Для нас это тяжкий удар, — продолжил капитан. — Но с другой стороны, это дает нам великолепный шанс.

— О чем вы, капитан?

— Я думаю, мы можем прорвать блокаду, — заявил Де Врис.

— Вы хотите сказать: покинуть ваши подземные укрытия?

— Вот именно.

— Но помилуйте, зачем?

— Дела из рук вон плохи. Помощь не приходит, да я уже и не жду ее. Мы продержимся месяц, от силы полтора.

— Я знаю, капитан, — тихо ответила Мира. — Сама в последнее время не могу думать ни о чем другом.

— Значит, мы должны что-то предпринять!

— Разумеется. Но что?

— Мне только что доставили информацию. — Де Врис помахал листком с каракулями Адамса. — Вот это приведет нас напрямиком к планете хотри. По крайней мере, в какое-нибудь место неподалеку от нее.

— Вы говорите странные вещи. — Мира пожала плечами. — До сих пор ни одному человеку не удавалось попасть на планету хотри. Ее местонахождение неизвестно. К тому же доказано: если корабль движется в сверхсветовом режиме, проследить его путь невозможно.

— Да, конечно, все это доказано, — торопливо проговорил Де Врис. — Но один ученый из моего экипажа нашел гениальное решение: выявить траекторию перехода кораблей хотри из сверхсветового режима в обычный и высчитать средний показатель. Мой эксперт утверждает, что можно с помощью расчетов мысленно продолжить траекторию и она приведет нас к планете хотри!

«Ученый», «эксперт» — пожалуй, чересчур пышные титулы для младшего сержанта Адамса. Но он точно не был бы в претензии.

— Следовательно, вы бросаете Аристу на произвол судьбы, как это сделал Гатри? Если оставите нас без защиты, хотри доберутся сюда за неделю.

Капитан отчаянно замотал головой:

— Нет, у меня и в мыслях не было бросать Аристу. Наоборот, я пытаюсь спасти вас.

— Боюсь, я не понимаю, капитан.

— Вы сами знаете ситуацию не понаслышке. Даже если мои корабли останутся, нам не выстоять. Наша обо-

рона получает брешь за брешью. Помощи от Лиги не будет. Простите мне эту резкость, я всего лишь называю вещи своими именами. У нас есть один-единственный шанс. Если мой флот внезапно нападет на планету хот-ри, они будут вынуждены перебросить туда все свои силы. В том числе и те, что осаждают Аристу.

Однако Миру, похоже, это не убедило.

— Вы всерьез считаете, что они оставили свою планету без гарнизона?

— Именно так я и считаю. Хотри регулярно предпринимают массированные атаки против нас и других планет Лиги. Судя по масштабу боевых действий, сделана ставка на скорую победу. И этой цели они подчинили все свои ресурсы. Зачем им охранять собственную планету? Никто из людей никогда ее не видел. При сверхсветовой скорости следы теряются — и это гарантирует безопасность. Максимум, что нас ожидает, — легкие силы прикрытия.

— Но, капитан, вы же собираетесь захватить целую планету... Полагаете, вашего флота будет достаточно?

— Достаточно, — эхом откликнулся Де Врис. — Но если вы отпустите со мной половину ополчения Аристы...

— ...И тем самым приблизите свою гибель еще на неделю... — подхватила Мира.

Де Врис кивнул.

— Я понимаю, о чем вы, — вздохнула Мира. — И понимаю всю необходимость подобного шага. Я должна лишить Аристу последней надежды, чтобы дать вам возможность сделать ход конем. И тогда все или ничего, пан или пропал.

— Такие условия диктует нам война.

— Хорошо же, меня вы убедили, — сказала Мира. — Но я должна обсудить это с другими членами Совета. Завтра мы сообщим о нашем решении.

— Нет.

— Простите, капитан?

— Решение должно быть принято здесь и сейчас.

— Но почему?

— Чтобы поднять корабли, мне нужен отвлекающий маневр, — объяснил Де Врис.

— Где вы возьмете для него средства? Разве что бросите на противника ополчение.

— Я так и сделал бы. Но ваши войска нужны мне для захвата планеты хотри.

— Боюсь, я снова не понимаю.

— Примерно через полчаса стартуют Гатри и его вольный корпус. У меня в руках их полетный лист. Одновременно с ними пусть часть ополчения начинает отвлекающий маневр. Мы выждем несколько минут, когда внимание хотри будет полностью поглощено вольным корпусом и странным поведением ополчения. И тогда моя эскадра с оставшимся ополчением вылетит в направлении, противоположном Гатри.

— То есть вы хотите начинать немедленно? — переспросила Мира.

— Иначе операция потеряет смысл.

— Будь по-вашему, — согласилась Мира. — Но я лечу с вами.

— Благородная Фалкен, — торжественно начал Де Врис, — в обычных обстоятельствах я был бы невыразимо счастлив приветствовать вас на борту своего корабля, но в нынешней ситуации...

Мира властно подняла сухощавую руку, и он замолчал.

— Спорить бесполезно! — отчеканила она. — Не тратьте время — вы только что говорили, как оно ценно. Будьте любезны, покажите, куда идти.

Де Врис всегда понимал, когда битва проиграна. Мира Фалкен в его сопровождении вступила на борт «Эйндховена».

Мешкать было нельзя. Битва за Аристу достигла высочайшего накала, и все корабли круглосуточно находились в полной боевой готовности. Даже после долгого бездействия для хорошо обученного экипажа не составило труда моментально мобилизовать все силы. Де Врис

доставил Миру на командный пост и немедленно занялся предстартовой проверкой. Он торопливо щелкал переключателями, прикосновениями к светочувствительным панелям активировал системы связи и отдавал четкие команды. Барабанил пальцами по шероховатой поверхности пульта, капитан дождался, пока все боевые части доложат о готовности к старту.

— Благородная Фалкен, — обратился он к Мире, — мы взлетаем. Сядьте, пожалуйста, в кресло и пристегнитесь, иначе вас расплющит ускорение.

— Как прикажете, капитан, — ответила Мира. — Но меня все-таки гложет одна мысль. Вы уверены, что застанете хотри врасплох? А если Гатри обо всем договорился с ними заранее? Разве такого не может быть?

— Еще как может, — кивнул Де Врис. — Подобные случаи уже бывали. Но мы должны рискнуть — это все, что нам остается.

— Понимаю. Но первым на прорыв идет флагман... это может закончиться катастрофой. Вам не кажется, что лучше было бы пустить вперед корабль поменьше?

— Я уже подумал над этим, — улыбнулся Де Врис. — Поверьте, мой расклад является оптимальным. Если нас поджидают серьезные силы противника, достанется всей эскадре. Если же впереди только легкое заграждение, флагман справится с ним быстрее, чем любой другой корабль.

— Надеюсь, вы правы. Это безумный план, но я верю, что другого просто не может быть.

— Скоро мы узнаем, насколько он реалистичен, — пробормотал Де Врис.

— Мне страшно, капитан. О нет, не за себя я боюсь, мой век прожит, а за народ Аристы. Он надеется на нас.

— Я тоже все время думаю о народе Аристы. Поверьте, если бы существовала другая возможность спасти ваших соотечественников, я воспользовался бы ею. Но сейчас... Либо наша затея удастся, либо мы все покойники.

— Корабль к старту готов, сэр! — поступил доклад на пульт.

Де Врис посмотрел в глаза Фалкен.

— Удачи, — коротко произнесла она и направилась к креслу.

Де Врис уселся и окинул командный пост быстрым взглядом. Все исправно. Вольный корпус взлетел точно по расписанию.

— Старт!

Корабль крикнул, встрепнулся, как огромный сонный зверь, и пополз вверх вдоль стен подземного укрытия. Де Врис отдал команду «полный вперед». Корабль на секунду напряженно завис, словно не желая покидать надежную крепость, а затем, решившись, ринулся вверх — быстрее, быстрее. На мониторах было видно, как планета стремительно уменьшается, превращаясь в темный облачный шарик, а потом и вовсе в точку. На экранах маячили остальные корабли эскадры, а позади них мигали зеленые и красные огоньки — это следовала за флагманом флотилия Аристы. Вспышки на другой стороне от планеты указывали на то, что оставшаяся часть местного ополчения бросилась в атаку на хотри.

— Отлично, — удовлетворенно произнес Де Врис. — Мы за пределами атмосферы. Запишите координаты, — обратился он к штурману, — сообщите их всем кораблям. Доложите, когда получите подтверждение от каждого.

Скороговоркой капитан произнес цифры.

— А теперь вы собираетесь поискать планету хотри? — спросила Мира.

Де Врис кивнул.

— Что это за оранжевый сигнал у вас на экране?

— Мой заместитель по политической части, — усмехнулся капитан. — Наверняка сгорает от желания высказаться по поводу происходящего.

— А разве вы не хотите поговорить с ним?

— Не сейчас. Все равно он не посоветует ничего полезного. Охота за хотри — дело военное, а не политическое.

Спустя несколько секунд офицер связи отрапортовал:

— Все корабли оповещены, капитан. Координаты внесены в навигационную программу.

Де Врис повернулся к Мире:

— Готовы к переходу в сверхсветовой режим?

— Наверное... Хотя я плохо представляю, чем это может грозить. Снова пристегиваться?

— Не обязательно. Просто у некоторых при переходе возникают необычные ощущения в желудке. Ничего серьезного, я лишь предупреждаю на всякий случай.

Де Врис склонился над микрофоном:

— Всем кораблям. Перейти в сверхсветовой режим.

Согласно вычислениям младшего сержанта Адамса, «Эйндховен» и его спутники должны были провести двадцать восемь часов в сверхсветовом режиме, а потом вернуться в обычный. Открыв смотровые щели, Де Врис напряженно изучал окружающее пространство. Мира и весь экипаж замерли в почтительном молчании, едва осмеливаясь дышать.

Наконец Мира отважилась спросить:

— Что вы видите? Там есть планета?

— Взгляните сами, — бесцветным голосом произнес капитан.

Мира приникла к смотровому устройству. Нет сомнений, они в глубоком космосе. Не видно ничего похожего на огненный диск здешнего солнца, лишь мерцающие бусинки звезд. И что-то еще. Она всмотрелась в нижний правый сектор обзора. Де Врис увеличил изображение на экране.

— Что это?

— Похоже на космический флот, — пробормотал Де Врис.

При максимальном увеличении было видно: сплошную темноту пересекала широкая полоса из десятка кораблей. Из их амбразур вырывалось яркое пламя. Неизвестный флот перестраивался по мере приближения эскадры Де Вриса. Наконец обе шеренги замерли друг против друга.

Де Врис вызвал офицера разведки.

— Что вы об этом скажете, Алекс?

— Если бы подойти чуть ближе, — отозвался тот. — Насколько я могу судить, ничего похожего представителя человеческой расы не строят. Ну-ка, попробуем компьютерное моделирование, — может, удастся разглядеть получше.

Алекс забарабанил по клавиатуре. Камерахватила изображение ближайшего корабля и с помощью технологии моделирования создала крупный план. Корабль выглядел устрашающе: ком из сплавленного со стеклом металла, уродливыми очертаниями напоминающий голову какого-то сказочного чудища, полугнома-полудракона.

— Жутковатая штукавина, — заметил Де Врис. — А у хотри никогда не было похожих конструкций?

— По характеристикам этот корабль вообще не совпадает с хотрийскими. Капитан, если начистоту, не думаю, что мы нашли планету хотри. Зато перед нами флот неопределенного происхождения и с неясными намерениями. И выглядит он... как бы это сказать... многочисленнее нашего.

— Корабли вооружены? — осведомился Де Врис.

Алекс взгляделся в изображение:

— Да, сэр, они вооружены.

— Тогда встает другой вопрос, — вмешалась Мира. — Это друзья или враги?

Де Врис отправил запрос офицеру связи:

— Манфред, попробуйте установить контакт.

Оказалось, это легче сказать, чем сделать. Рубка связи линейного крейсера «Эйндховен» представляла собой небольшую комнату, доверху забитую аппаратурой. На дисплеях то и дело вспыхивали и гасли зеленые огоньки. Частотный корректор выписывал на экране неровные линии. Слышалось приглушенное гудение двигателя; время от времени что-то утробно погромыхивало — сердце корабля билось без перебоев. В специальном освещении рубка не нуждалась, хватало рассеянного света от приборов.

Де Врис и Мира стояли за спиной Манфреда. Связист едва разменял третий десяток, черты его лица сохраняли мальчишескую свежесть. Светлые волосы топорщились ежиком. С ним в рубке находился еще один офицер, по фамилии Карсон. Никто бы не догадался по внешности, что этот большой неуклюжий человек — эксперт в области межпланетной лингвистики. В военные годы изучение космоса практически прекратилось, новые цивилизации и языки обнаруживались нечасто, и Карсону пришлось переквалифицироваться в артиллериста.

При виде Де Вриса связист вскочил и отдал честь.

— Вольно, Манфред. Есть что-нибудь новенькое?

— Все та же ерунда, капитан.

— Визуальных сведений нет?

— Нет, у них опущены экраны. Но они активировали узкий канал связи. Посылают звуковой сигнал.

— Пусть Карсон послушает.

В этот момент на пороге рубки появился Хэвилленд.

— Капитан Де Врис, почему меня не поставили в известность? Вы пытаетесь вступить в контакт с представителями неизвестной цивилизации. Это политический вопрос!

— С учетом сложившейся ситуации, — официальным тоном произнес Де Врис, — это сугубо военный вопрос. Мы столкнулись с хорошо вооруженным флотом, численно превосходящим нас. В любой момент нашу эскадру может поглотить пламя жарче адского. Если хотим сохранить свою жизнь и спасти Аристу, без контакта не обойтись.

— Рада слышать, что вы не забыли об Аристе, капитан, — вмешалась Мира. — Идея как будто состояла в том, чтобы отыскать планету хотри. И в этом месте ее нет — я правильно понимаю?

— Абсолютно, — кивнул Де Врис.

— И это значит, что ваше предположение не подтвердилось. А наша планета обречена.

— И уверяю вас, благородная госпожа, — поспешно вставил Хэвилленд, — что решение принималось без

учета мнения заинтересованных лиц, чьим представителем я являюсь.

— Что же вы предлагаете? — Мира обернулась к заместителю по политической части.

— Вернуться на Аристу и вступить в бой!

— Но ситуация безнадежна, и вам это хорошо известно.

— Долг велит нам сражаться плечом к плечу с вашим народом и умереть за него, если потребуются. И если повезет выбраться отсюда — в чем я всерьез сомневаюсь, — я приму меры, чтобы капитан Де Врис понес наказание, которого он в высшей степени заслуживает.

— Замечательно! — насмешливо фыркнула Мира. — План не сработал, но капитан, по крайней мере, пытался спасти мой народ.

— Простите, благородная Фалкен, я вас не понимаю...

— Разумеется, не понимаете. Капитан, у вас есть соображения?

— Нужно действовать с учетом развития событий. Будем импровизировать. Сначала необходимо получить хоть какие-то сведения об этом флоте. Манфред, прошу озвучить их послание.

Манфред нажал кнопку. Из динамиков акустической системы полился поток невообразимых звуков. Карсон замедлил воспроизведение, и в шипяще-стрекочущей мешанине стали различимы обрывки голосов — пронзительных, неровных, источающих какую-то нервную энергию. Слов в этом монологе как будто не было.

— Ну, Карсон? — не вытерпел Де Врис.

— Я бы хотел прослушать это еще раз, в наушниках, — проговорил тот. — Так, чтобы можно было регулировать скорость.

Карсон прокрутил запись несколько раз и наконец снял наушники.

— Я готов дать предварительное заключение, сэр. Идентифицировать эту речь невозможно. Представители знакомых нам цивилизаций не способны издавать подобные звуки. Мне известны ведущие характеристики

трех гуманоидных языковых групп и двадцати семи не-гуманоидных. Этот язык не принадлежит ни к одной из них.

— А как вам кажется: они поняли хоть что-то из нашего ответа?

— Я перевел наше сообщение на десять языков крупнейших лингвистических групп.

— Хорошенькое дело! — воскликнул Хэвилленд. — Вы приволокли нас сюда бомбить планету хотри, а вместо этого мы зависли нос к носу с вооруженным флотом неизвестной цивилизации. И даже поговорить толком не можем! Попробуем изъясняться на тарабарщине? Или сразу откроем огонь?

Эту неловкую попытку сыронизировать Де Врис оставил без внимания. Он обернулся к своему помощнику:

— Джеймисон, подготовьте катер. Отправляемся немедленно.

— Вы в своем уме?! — возмутился офицер по политическим вопросам. — Неужели и впрямь решили лететь туда? К ним?

— Да, а что?

— Но вы же не можете с ними разговаривать!

— Разговаривать не могу, — согласился Де Врис. — А вступить в контакт мне никто не мешает.

Эскадра застыла в боевой готовности. От днища линейного крейсера «Эйндховен» отделилось пятнышко света и бесшумно заскользило прочь: вакуум делал неслышной работу двигателей. Звездные блики вспыхивали и гасли на стальной обшивке катера. Суденышко отважно двигалось навстречу флотилии из десятка монстров, покрытых нелепыми наростами, вздутиями и металлическими предметами загадочного предназначения. Корабли неизвестной цивилизации напоминали головы гигантских осьминогов — ничего похожего не строят на космических верфях человеческой расы. И каждый из этих кораблей легко мог бы потягаться с «Эйндховеном».

— Почему вы так уверены, что они не откроют огонь при нашем приближении?

— Полагаю, для этого они слишком цивилизованы, — ответил Де Врис. — По крайней мере, я надеюсь на это. В любом случае без контакта дело не сдвинется.

На ближайшем корабле торопливо мигали три синих огонька. Заметив их, Де Врис остановил катер.

— Что это, по-вашему, Карсон?

Карсон пожал плечами. Ему было не с чем свериться и не от чего оттолкнуться. Зато он прихватил с собой электронный переводчик.

— Смотрите! — вскрикнула Мира.

В корабле открылся большой люк. Внутри таинственно сияли синие и зеленые огни.

— Курс на отверстие, — приказал Де Врис рулевому.

Катер медленно двинулся вперед. Как только он оказался внутри чужого корабля, люк закрылся. Датчики показывали, что атмосфера вокруг пригодна для дыхания. Один за другим приборы выключались.

В дальнем конце отсека открылась дверь. В проеме стояло облаченное в скафандр насекомоподобное существо.

— Боже милостивый! — в ужасе воскликнул Карсон. — Да они, похоже, и яйца кладут!

— Спокойнее! — прошипел Де Врис.

— Сахар! — пробормотал Карсон. — Насекомые любят сахар! Жаль, я не прихватил пару кусочков. Боже мой, капитан, что же нам делать?

— Прежде всего взять себя в руки. Попробуем выяснить, имело ли вообще смысл вползать сюда.

Карсон явно не рвался вступать в прямой контакт с представителями незнакомой цивилизации. И Де Врис мысленно отметил: если они выберутся отсюда, для этого человека нужно будет подыскать какую-нибудь канцелярскую должность на планете. В космосе ему делать нечего.

Капитану ничего не оставалось, как начинать диалог самостоятельно. Когда расстояние между Де Врисом и

инопланетянином сократилось до метра, существо изда-
ло отрывистый звук, нечто среднее между шипением и
торопливым чириканьем.

— Возможно, предупреждающий сигнал, — предпо-
ложил Де Врис. — Карсон, вы зафиксировали?

— Да, сэр! — откликнулся тот. — Я все записываю.

— Ну-ка поглядим, что умеет эта коробка с тарабар-
щиной, — пробормотал капитан.

Он включил электронный переводчик и попытался
расшифровать монолог инсектоида. Прибор разбивал
слова на звуки и соотносил их с универсальной фонети-
кой. За попыткой диалога, обмирая от волнения, наблю-
дала Мира. Этот инопланетянин такой громадный! Ма-
лейшее непонимание — и гигантское насекомое раздавит
Де Вриса, люди в катере даже глазом моргнуть не успе-
ют. В эти минуты Миру не покидало беспокойство за
осажденную Аристу, но все-таки несколько больше ее тре-
вожила судьба капитана. Она и не заметила, как привя-
залась к этому спокойному, бесстрашному человеку.
Двигаясь навстречу неизвестному существу, Де Врис дей-
ствовал, как и подобает командиру эскадры. Но в глуби-
не души Мира считала, что сейчас капитан совершает
нечто, выходящее за пределы офицерского долга. К тому
же при всей своей отваге что может сделать Де Врис
один на один с этакой громадиной? Как он вступит в
контакт, если не сработает переводчик? И вообще, эти
существа запросто могут оказаться лютыми врагами. В хо-
рошенькую историю влипли пришельцы, нечего сказать.

Напряженная пауза затягивалась. Капитан и высо-
кий грузный инопланетянин в причудливом скафандре
неподвижно стояли друг против друга. Казалось, замер-
ло само время. Наконец представитель неизвестной ци-
вилизации начал терять терпение. Существо явно хотело
что-то сказать Де Врису. Что-то очень важное, не терпя-
щее отлагательств. Об этом красноречиво свидетельст-
вовали дрожащие усики и часто пощелкивающие жвала.
Но как понять, что он имеет в виду?

Инсектоид беспокойно махал усиками, а Де Врис внимательно наблюдал за повторяющимися движениями. Затем он обернулся к спутникам:

— Думаю, он хочет, чтобы я остался на их корабле. Вы все возвращайтесь на «Эйндховен» и ждите меня там. Если я не появлюсь через четыре часа, внесите в приборы координаты Аристы и возвращайтесь. Сделайте там, что сможете.

— Но мы не хотим бросать вас тут! — горячо воскликнула Мира.

Капитан покачал головой:

— Мне самому не очень хочется оставаться. Но кажется, это лучший выход из положения. И возможно, единственный. Незачем рисковать многими жизнями, когда можно рискнуть одной. Возвращайтесь, Мира. Чуть-чуть везения — и я вскоре присоединюсь к вам.

— А если вам не выпадет этой чуточки?

Вместо ответа капитан слабо улыбнулся и обратился к связисту:

— Карсон!

— Да, сэр!

— Доставьте этих людей на «Эйндховен». И поживее, мистер. Ждите меня не больше четырех часов. Если я не вернусь, командование переходит к Хэвилленду. Плохо, конечно, но ничего не попишешь: после меня он старший по званию.

Время на борту «Эйндховена» тянулось невыразимо медленно. Все напряженно оглядывали пространство через смотровые щели или навигационные телескопы. Два флота так и висели в космосе друг напротив друга — скопления светящихся пятен, замершие в ожидании сигнала к действию.

— Сколько еще осталось? — спросила Мира.

— Четвертый час почти на исходе, — отозвался Карсон.

— Он дал себе слишком мало времени. Мы должны продлить срок.

— Это не ко мне, — покачал головой Карсон. — Обратитесь к Хэвилленду.

Хэвилленд не выказал большого воодушевления.

— У меня, строго говоря, нет выбора. Командует эскадрой капитан Де Врис. При всех наших разногласиях, я его подчиненный. Он дал мне недвусмысленный приказ. Четыре часа, и не больше. — Он взглянул на часы. — Ровно через семь минут мы стартуем.

— Ради всего святого! — разозлилась Мира. — Вы не пробовали иногда быть чуточку человечнее? Просто так, для разнообразия?

Хэвилленд слегка улыбнулся:

— Человечнее? Я и есть человек, и поступаю так, как свойственно людям. Я выполняю приказы.

С этими словами он отвернулся.

— Двигательный отсек, доложить о готовности к старту.

— Двигательный к старту готов, сэр!

— Ждать приказа.

— Осталось еще почти шесть минут, — напомнила Мира.

— Я просто совершаю необходимые приготовления, — объяснил Хэвилленд.

— Вы уверены, что Де Врис не вернется?

— Оставьте, пожалуйста, этот обвиняющий тон. Я тут ни при чем. Впрочем, если угодно: да, я уверен, что он не вернется.

Прошла минута, потом две... Эти четыре часа показались Мире вечностью. А теперь время, тянувшееся так медленно, словно сорвалось с цепи. Хэвилленд сыпал указаниями направо и налево, проверяя общую готовность к старту. Вот-вот раздастся команда, и эскадра устремится назад, на Аристу, без своего капитана. И это будет означать, что Де Врису конец.

— Что-то приближается, сэр! — доложил наблюдатель.

— Что это?

— Пока не могу разглядеть, сэр. Секунду... Да, это инопланетный корабль, маленький, как наш катер.

— Он возвращается! — возликовала Мира.

От внезапного облегчения она почувствовала слабость в ногах.

— Ваше предположение безосновательно, — возразил Хэвилленд. — Это может быть военная хитрость. А если корабль заминирован? Тогда он взорвет нас, как только приблизится на достаточное расстояние.

На связь вышла артиллерийская боевая часть:

— Какие будут указания, сэр?

— Внимание всем расчетам! Взять на прицел. Но без приказа огонь не открывать.

Инопланетный катер неторопливо подбирался к «Эйндховену». Снаружи он выглядел как гладкий цилиндр — ни иллюминаторов, ни каких-либо выдающихся деталей на корпусе. Стволы всех орудий эскадры медленно поворачивались вслед за пришельцем.

— Всем приготовиться! — скомандовал Хэвилленд. — На счет «три» открыть огонь. Один, два...

— Стойте! — закричала Мира.

Тут же раздался голос Карсона:

— Корабль остановился, сэр. Они что-то выбрасывают.

— Взять на прицел! Внимание!..

— Это человек в скафандре, — сообщил Карсон.

— Это Де Врис! — заявила Мира.

— Снова безосновательное предположение, — холодно заметил Хэвилленд. — Насколько я понимаю, это может быть наполненный плазмой скафандр Де Вриса.

— Мне кажется, там внутри сам Де Врис, — возразил Карсон, поглядывая на приборы. — Тепловая сигнатура...

— Я не могу рисковать, — отрезал Хэвилленд. — Приготовиться!..

Мира заговорила, тщательно подбирая слова:

— Если вы сейчас уничтожите этот скафандр, господин Хэвилленд, я всю оставшуюся жизнь положу на то, чтобы вы предстали перед трибуналом и были разжалованы... Это в случае, если я не добьюсь вашего повешения, — его вы заслужили в полной мере.

— Вы не имеете права говорить со мной в таком тоне! — визгливо запротестовал Хэвилленд. — Мы на войне. Я просто принимаю обычные меры предосторожности.

Скафандр тем временем приблизился почти вплотную к корпусу «Эйндховена».

— Контакт! — завопил Карсон.

— И обратите внимание: ничего не случилось, — ехидно заметила Мира.

— Они могут взорвать скафандр и дистанционно. Как только он окажется на борту... — попытался возразить Хэвилленд, но его слова были встречены гробовым молчанием. — Как скажете. Поднять на борт!

От долгого пребывания в скафандре у Де Вриса затекли руки и ноги, но обычной бодрости и деловитости он не утратил. Освободившись, капитан тут же направился к пульту управления.

— Штурман? Примите координаты и передайте другим кораблям. Всем ждать моего приказа. — Он повернулся к Мире и Хэвилленду. — Они на нашей стороне. Эта цивилизация называется д'Тарт или что-то в этом роде — не ручаюсь за свое произношение.

— Значит, это дружественная раса? — осведомился Хэвилленд.

— Скажем так: нет причин считать ее недружественной. По крайней мере, в одном мы солидарны: они тоже мечтают уничтожить хотри.

— Но как вам удалось все это выяснить? — В голосе Хэвилленда звучало сомнение. — Мы не знаем никаких лингвистических способов коммуникации с ними. Неужели вы освоили их язык за считанные часы общения? Что-то не верится.

— Учить их язык — задача, прямо скажем, не из легких, — улыбнулся Де Врис. — У них нет ничего даже отдаленно похожего на предложения. По-моему, слов тоже нет. Они шипят и стрекочут — мы так не можем.

— И как же вы узнали об их ненависти к хотри?

Раздался сигнал, оповещающий, что экипажи приняли новые координаты и ожидают дальнейших указаний.

— Всем приготовиться! — скомандовал Де Врис и снова обратился к Мире и Хэвилленду: — Говорят же: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Инопланетянин не случайно так настаивал на моем визите. У него на борту нашлись рисовальные принадлежности.

— И он вам все нарисовал?

— Не сказал бы, — ответил Де Врис. — Рисовать по большей части пришлось мне. — Он вытащил из кармана скафандра пачку смятых листов. Плотная бумага, похожая на папирус, была испещрена рисунками. — Вот самое важное. — Де Врис показал лист с изображением хотрийского воина.

— Неплохая работа, капитан. Но как вы догадались, что они тоже враги хотри?

— Видите дыру в центре рисунка? При виде хотри д'тарт выхватил что-то вроде кинжала и вонзил в картинку. Дальнейших объяснений не потребовалось.

На других листах была изображена эскадра д'тартов, приближающаяся к какой-то планете; далее появлялся флот хотри, завязывалась битва, и д'тарты отступали с большими потерями, сохранив лишь десяток кораблей.

— И вам это кажется убедительным? — засомневался Хэвилленд.

— А почему нет? — пожал плечами Де Врис. — Д'тарты сражались с хотри и проиграли. Мы пытались восстановить курс хотрийских кораблей, и это привело нас сюда — на поле недавней битвы. Просто хотри со своей планеты направились не прямо к нам, а через это место.

— Ну что ж, обзавестись союзниками — это неплохо, — подытожил Хэвилленд. — И что теперь?

— А теперь мы отправимся на планету хотри и завершим начатое.

— Но ваши координаты неверны! Будь иначе, мы бы здесь не оказались.

— Именно так. Но у нас есть новые координаты — мне их дали д'тарты. И теперь мы уже наверняка доберемся до планеты хотри.

— А д'тарты?

— Летят с нами. Они приняли мое предложение о совместной атаке.

— Считаю свои долгом напомнить, что совместные вооруженные действия с непроверенным союзником попадают в сферу политической ответственности. Я настоятельно рекомендую доложить о ситуации Лиге и дождаться от нее четких указаний. В противном случае мы рискуем столкнуться с непредвиденными трудностями и даже совершить действия на грани измены.

— На это нет времени, — отмахнулся Де Врис и прокричал в микрофон: — Всем кораблям! Приготовиться к старту!

— Но вдруг это ловушка?

— Значит, мы в нее попались. Следовать назначенным курсом!

«Эйндховен» мгновенно исчез из виду. Остальные корабли тоже перешли в сверхсветовой режим. Д'тарты, помедлив мгновение, последовали их примеру.

Внезапное появление объединенного флота людей и д'тартов вблизи столь долго разыскивавшейся планеты хотри вошло в учебники по вселенской истории. На Аристе хорошо помнят день, когда маневр Де Вриса вынудил хотрийский флот в спешном порядке снять блокаду и помчаться на выручку к своим. Разумеется, на деле победа была не такой легкой, как на словах. Но как ни относиться к подвигу Де Вриса, это было началом конца войны с хотри.

Позволят ли компьютерные технологии будущего после досконального анализа биографии давно покинувшей сей мир исторической фигуры — Юлия Цезаря, Цицерона или Клеопатры — создать ее разумную версию? Идея может показаться абсурдной — но только на первый взгляд. То, что она вполне реализуема, доказала собранная Робертом Силвербергом группа выдающихся фантастов. По крайней мере, литературные версии знаменитостей вполне удалась этим людям. А написанные ими в 1989 году рассказы и повести составили антологию «Time Gate» («Врата времени»).

МАШИНА ВОСКРЕШЕНИЯ

2135 г. н. э.

Симмс нажал кнопку, и в недрах голографической кабины без промедления возникло миниатюрное сияющее изображение Марка Туллия Цицерона. Крохотная фигурка, облаченная в тогу, принялась осматривать свое облачное царство, и Симмс позвал Мерчисона:

— Он готов.

Сидевший в другом конце комнаты человек отложил газету, подошел и встал за спиной у Симмса. Фигурка в тоге бродила по туманному пейзажу внутри затемненной голокабины.

— Так вот, значит, он какой, Цицерон. — Мерчисон отвлекся от созерцания кукольного человечка в древнеримских одеждах и посмотрел на Симмса. — Не совсем то я задумывал.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Симмс. — Симулякр безупречен.

— Я говорил не о качестве вашего моделирования, — сказал Мерчисон. — Я имел в виду, что с точки зрения бизнеса было бы лучше выбрать кого-то поизвестнее — скажем, Шекспира или какую-нибудь звезду из прошлого, ну там, Джима Моррисона. Доктор, вы знаете, кто такой Моррисон?

Симмс пожал плечами:

— Припоминаю: кажется, было такое имя в курсе культурологии.

— Вот бы продавать творчество симулякра Джима Моррисона! Как считаете, ваша ученая братия способна воспроизвести его вокал?

— Нам бы для этого и Моррисон не потребовался.

— Так или иначе, у нас его нет. Есть Цицерон и этот, второй, русский. Имечко тоже не на слуху. А я, видите ли, теперь должен заработать на них деньги для инвесторов.

— Цицерона можно пригласить на телешоу, — сказал Симмс.

Мерчисон задумался.

— Может быть, вы правы. Эта технология дает массу возможностей для получения прибыли, помимо общения один на один. Надо будет прикинуть.

Симмс вдел руки в цифровые перчатки и увеличил изображение. Лицо Цицерона было спокойным, почти бесстрастным. Подобрал тогу, римлянин сидел на облакоподобном объекте — из таких состояло первичное окружающее пространство.

— Пора, — сказал Мерчисон. — Подключите меня.

— Сразу голос и изображение?

— Пока в режиме «только голос».

Цицерон всегда гордился умением пробуждаться от сна, разом обретая в полной мере живость всех своих способностей, готовый к любым превратностям судьбы. Он утверждал, что человеку, искушенному в философии, в особенности римлянину, исполненному добродетели, не подобает ничему удивляться, ибо возможности вещей простираются далеко за узкие рамки человеческого познания. Лишь богам доступно совершенное восприятие. Античность давала множество примеров подобного мироощущения, которое стоики именовали «апатейя».

Проснувшись, он обнаружил, что, став почти иллюзорным, парит в пространстве, в некоем месте, которое

не походило ни на что ранее им виденное. Или, если быть точным, в месте, подобного которому не видел еще никто.

Вероятно, он находился в усеянных облаками пределах верхнего рая. Так должен выглядеть Олимп, обитель богов. По крайней мере, об этом говорили древние поэты. Но Цицерон никогда не верил в богов, ни в греческих, ни в латинских.

Олимп? Это место выглядело не столько олимпийским, сколько аристофановским. Может ли случиться, что он наблюдает, а то и участвует в представлении аристофановых «Облаков»? Но как удалось добиться столь изумительных эффектов?

— Марк Туллий Цицерон!

Голос шел ниоткуда и отовсюду, глубокий, чуть зловещий.

При всей твердости воли Цицерона, природа наделила его живыми рефлексам, которые ему не всегда удавалось держать под контролем. Голос зазвучал слишком внезапно, вызвав чувство собственной беспомощности в когтях чудовищной неизвестности. Надо справиться с паникой. Надо напомнить себе, что ты римлянин, и если тебе неподвластны внешние обстоятельства, то, по крайней мере, ты в состоянии сохранять внутреннее спокойствие...

— Вы слышите меня, Марк Туллий?

— Да, всесильный, — отвечал Цицерон. — Я слышу тебя.

— Почему вы называли меня всесильным?

— Обычное именование того, кто превосходит тебя в могуществе.

— А почему вы решили, что я обладаю могуществом?

Цицерон в полной мере овладел собой и высыпал доводы с легкостью опытного оратора:

— Первый очевидный факт состоит в том, что вы знаете, кто я, но я не знаю, кто вы. Во-вторых, судя по всему, вы видите меня, но я не могу видеть вас. В-третьих, вы знаете, что происходит, я же — нет.

— Вы мне нравитесь, Марк Туллий, — сказал голос. — Но может быть, продолжим нашу беседу в более прозаической обстановке?

— Не могу не одобрить подобного предложения, — сказал Цицерон. — У вас есть на примете какое-то место?

— Выбор места, Марк Туллий, я предоставляю вам.

— Не будете ли вы любезны продолжить свою мысль? — осторожно спросил Цицерон. — И кто же вы все-таки?

— Зовите меня Мартином. Я сказал все, что намеревался сказать. Считайте, Марк, что это задачка для вашего ума.

— Но я бестелесен! — сказал Цицерон. — И пребываю в бестелесном. Разве можно в таких условиях осуществить какое бы то ни было действие?

— Поверьте, даже в вашем теперешнем положении задача разрешима.

Голос пропал, и Марк Туллий Цицерон остался один посреди неизвестности.

Эпикурейцы утверждали, что боги существуют в пространстве, в человеческой форме, но без человеческого тела. Цицерон в своем трактате «О природе богов» не только опроверг это, но и указал на абсурдность самой концепции. А теперь он сам обрел бытие где-то в пространстве — в человеческой форме, но без тела. Доказывает ли это, что эпикурейцы правы? Если так, означает ли это по определению, что Марк Туллий Цицерон — бог?

Что-то всему этому предшествовало, без сомнения. Но для того чтобы оценить природу и суть произошедшего, придется ждать, пока не появятся новые факты. А пока имеется вопрос: как вместо нигде очутиться где-то?

Проблема передвижения оказалась до абсурдного простой — Цицерон очень быстро нашел решение. Поскольку он не имеет возможности осуществить какие бы то ни было физические изменения, ответ должен находиться в ментальной сфере. Цицерон усилием воли вынудил

себя спускаться сквозь облака — и дальше дело пошло на удивление легко. Облака остались позади, навстречу поднималась земля. Он легко, словно паутинка, опустился на краю поляны в сосновом лесу.

Местность была незнакомой. Впереди виднелось жилище, но необычной, можно сказать экстравагантной, формы. Варварское строение из грубо отесанных бревен, большое, с вырезанными или выпиленными украшениями. В доме было множество окон, и в каждом стекло невиданной чистоты и гладкости. Это не Италия и не Греция, и это не Галлия и не Германия. Возможно, он переродился в северных землях скифов?

Цицерон подошел к дому — точнее, подплыл, без усилий, стремительно привыкая к способу передвижения, свойственному призракам. Достигнув передней двери, он увидел возле нее незнакомца, одетого в плащ и бесформенные черные брюки, какие носят варвары. Человек был крупным, круглолицым, с редкой бородой и бледной кожей. Его лицо не казалось красивым, но притягивало взгляд. Особенно примечательны были, пожалуй, глаза. В них прослеживалось нечто восточное, с намеком на монгольскую складку у переносицы.

— Приветствую вас, — сказал Цицерон. — Я Марк Туллий Цицерон.

По крайней мере, варвар узнал его язык. Ответил он сразу:

— Я Михаил Бакунин. Полагаю, вы тоже будете здесь жить.

— Да.

Цицерон прошел внутрь, скользнув мимо и отчасти сквозь Бакунина, который слегка загораживал ему путь.

— Значит, нам предстоит делить друг с другом эту виллу, — отметил Цицерон, когда они беседовали. — Скажите, Михаил, есть ли у вас представление, где мы находимся?

— Удивительно напоминает мой старый дом в Прямухино, — сказал Бакунин. — Тут снаружи изгородь,

похожая на ту, которую я помню. И дедушкины часы на камине. Да и этот портрет Екатерины Великой на стене.

— Значит, они изготовили копию вашего дома, — сказал Цицерон. — Интересно зачем.

Бакунин посмотрел на него и улыбнулся:

— Они умные.

— Они?

— Тайная полиция, которая устраивает подобные дела.

— Понятно, — сказал Цицерон. — Но зачем этой так называемой тайной полиции столь сугубые сложности?

Крупные черты лица Бакунина расплылись в мальчишечьей улыбке.

— Это же очевидно: я для нее важен. Поэтому она создала для меня всю эту иллюзию.

— Следовательно, я — не важен? — поинтересовался Цицерон.

— А вдруг вы один из них? — сказал Бакунин. — Или часть иллюзии.

— Если вы намерены придерживаться этой точки зрения, — сказал Цицерон, — нам непросто будет вести разговор.

— Хорошо, — сказал Бакунин, — для простоты я допущу вашу материальность.

— Весьма благоразумно, — кивнул Цицерон. — Так для чего же этой вашей тайной полиции мог потребоваться я?

— Несомненно, как человек, формализовавший существующую правовую систему, — ответил Бакунин. — Не в качестве новатора вроде меня.

— Вы? Новатор?

— Дорогой мой Цицерон, еще при жизни меня признавали основателем анархизма.

— Вздор! — сказал Цицерон. — Анархизм — древняя теория. Наш латинский поэт Овидий в своих «Метаморфозах» писал о золотом веке, когда люди жили без законов и внешнего принуждения, не ведая страха наказания. В ту эпоху люди доверяли друг другу по собственной воле и не было надобности гравировать законы на бронзовых табличках.

Бакунин пожал плечами:

— У меня с античной литературой в детстве было плоховато. Так или иначе, все это не имеет значения. Я основатель анархизма новейших времен. Даже Маркс это признавал. Возможно, тайные власти вернули меня потому, что я известен.

— Не хочу вас огорчать, — заметил Цицерон, — но вряд ли можно оспорить то, что я известен гораздо больше.

Бакунин вздохнул. Его воодушевление улетучилось.

— Наверное, вы правы. Но факт остается фактом: мы живем в русской усадьбе, а не на римской вилле. Как вы это объясните?

— Может быть, у них под рукой не оказалось других декораций, — сказал Цицерон.

В безмолвной русской усадьбе времени было не определить. Цицерон и Бакунин, словно призраки, проплывали по коридорам, через спальни, через кухню, где не было съестных припасов. Порой Бакунин принимался рассказывать Цицерону о своих надеждах на будущее человечества, о сомнениях в Марксе, о восхищении Фихте и, самое главное, о преклонении перед великим Гегелем. Он говорил о неизбежности наступления анархизма, о необходимости упразднения аристократии, буржуазии и, наконец, пролетариата.

Цицерон не пытался полемизировать. Бакунин как будто не воспринимал взвешенных доводов. Чувство логики у него отсутствовало напрочь. И все же Цицерон ощущал некий трагизм, цельность, детскость в этом измученном и отчаявшемся человеке. Но тем не менее тяготился его обществом. Большую часть времени он стал проводить в просторных комнатах второго этажа.

Бакунин нередко отправлялся в долгие прогулки по лесам. Вернувшись, он падал на кушетку и смотрел в окно на заснеженные березы.

На стене, обращенной к кушетке, висело длинное зеркало в вычурной позолоченной раме. Однажды, когда

Бакунин, по своему обыкновению, лежал, зеркало затуманилось. Затем наполнилось светом, который постепенно угас и сменился черно-белым изображением мужского лица.

— Как у вас идут дела, Михаил? — спросил Мерчисон.

— Превосходно, превосходно, — сказал Бакунин. — Но не пора ли нам за работу?

— О чем вы?

— Я сделал выводы. Мне очевидно, что вы из будущего, которое наконец достигло зрелости и признало неоспоримость моей теории. Заверяю вас, что готов проводить консультации, но, во исполнение моих принципов, я отказываюсь возглавлять любое правительство и вообще принимать участие в его деятельности.

— Так вот, значит, что вы обо всем этом думаете.

У Бакунина засияли глаза.

— Я понял, что наконец получил признание! Моя грандиозная теория воплотилась в жизнь! Наконец-то она принята человечеством и восстановлена в правах!

— Боюсь, вы все не так поняли, — сказал Мерчисон. — В качестве работоспособной политической теории ваш анархизм примерно так же полезен, как снегогенератор на Северном полюсе. Анархизм — это что-то из курса наших студентов-политологов. Может быть, слишком жестоко так вам говорить, но лучше сразу уяснить положение вещей.

— Если моя теория не пользуется влиянием, почему вы вернули меня к жизни?

Мерчисон не мог назвать Бакунину реальную причину. Симулякрам не понять причудливой смеси государственных и деловых соображений, которые определяют выбор конкретного персонажа.

— Вы представляете исторический интерес для ряда наших ученых, — сказал Мерчисон.

— Понятно. И что я должен делать?

— Ничего особенного. Просто побеседовать с некоторыми людьми.

Бакунин рассмеялся:

— Всем вам только этого и надо. Просто небольшая беседа. Расскажите нам кое-что. Но вопросы продолжаются и продолжают, и они не кончатся, пока ты не предашь самого себя, не обвинишь друзей и не поступишься всеми своими принципами.

— Все не так, — сказал Мерчисон. — Я говорю о нескольких непринужденных разговорах в приятном обществе образованных мужчин и женщин.

— Конечно, они всегда используют именно этот типаж. Думаете, я не понимаю, о чем идет речь?

— Кто эти «они», которых вы постоянно упоминаете?

— Разумеется, ЧК, тайную царскую полицию.

Мерчисон застонал:

— Послушайте, Михаил, вы все понимаете неправильно. И вообще, все эти дела уже давно в прошлом.

— Это вы так говорите!

— Черт возьми, Михаил, вы знаете, что мы вернули вас к жизни. Любые интересующие нас секреты мы могли бы взять прямо из вашей головы. Вы это понимаете?

Бакунин поразмыслил:

— Да, похоже на правду.

— Тогда давайте сотрудничать?

— Нет, — сказал Бакунин.

— Почему?

— Потому что я Бакунин. Я указываю путь, я готов погибнуть, но я не вступаю в сговор.

— Отлично, — пробормотал Мерчисон. — Просто замечательно. Михаил, послушайте, это для меня очень важно. Если бы вы мне помогли, я бы сумел многое для вас сделать.

— Я понимаю, что вы сильны. Очевидно, в каком-то смысле способны возвращать к жизни мертвых.

— Да.

— Я буду с вами сотрудничать, — сказал Бакунин.

— Спасибо, я знал, что вы...

— Если вернете мою Антонию.

— Прошу прощения?

— Мою жену, Антонию. Вряд ли вы слышали об этой простой женщине родом из маленькой сибирской деревни¹. Она примирила меня с жизнью.

— Я посмотрю, что можно сделать, — сказал Мартин. — Тем временем подготовьтесь к вашему первому интервью.

— Только когда здесь появится Антония.

Мерчисон потерял терпение:

— Михаил, я могу вас выключить так же легко, как включил. Для вас это будет равносильно смерти.

— Вы называете это жизнью? — вдруг язвительно расхохотался русский. — Нет уж, отправляйтесь обратно к царю, или на кого вы работаете. Скажите ему, что Михаил Бакунин, призрак, валяющийся на кушетке, в пространстве, которого не существует, в своей новой жизни не признает его власти так же, как не признавал в прежней.

В свое время президент Соединенных Штатов назначил Мерчисона директором по маркетингу программы симулякров. Мерчисон умел осваивать новые рынки и разрабатывать способы применения излишков сельскохозяйственной продукции, которую Америка, несмотря на положение страны третьего мира в современной глобальной экономике, продолжала производить. Это был человек дела.

Но работа с электронными призраками — чем, по сути, и были симулякры — часто ставила его в тупик. Например, когда один призрак захотел, чтобы Мерчисон доставил ему другого призрака по имени Антония.

— Что еще за Антония, какая у нее фамилия? — спросил Симмс.

— Да понятия не имею, — ответил Мерчисон. — Надо в книжках поискать. Или в базах данных.

— Я поищу, — сказал Симмс, — но не питайте больших надежд.

¹ На самом деле Антонина, родом из города Томска. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Два часа спустя ответ был готов.

— Ничего нельзя сделать, — сказал Симмс. — Недостаточно данных.

Русский с мрачным лицом сидел на диване, сложив руки на груди.

— Вам известно мое условие.

— А я говорю, что оно невыполнимо. Послушайте, Михаил, ведь ничего особенного от вас не требуется. Мы начнем с несложного. Интервью с ребенком. Старшеклассник, выиграл в школе исторический конкурс по славяноведению.

— Славяне меня больше не интересуют, — сказал Михаил Бакунин. — Я сам славянин, но это ничего не меняет. У них был шанс — в Польше, в России, в Германии. Они предали себя и человечество, когда не пошли дальше марксизма, к окончательной анархической революции!

— Вот это ребенку и расскажите, — предложил Мерчисон. — Во всяком случае, он не славянин. Я вспомнил: его фамилия Питерсон. Питер Питерсон. Хороший мальчик, почему бы не порадовать его?

— Швед, — отметил Бакунин. — В Стокгольме мне пришлось несладко. Не хочу разговаривать со шведами.

— Он не швед! Он американец!

— Я высказал вам свое условие, — повторил Бакунин. — Я хочу, чтобы моя жена была здесь, со мной.

— Михаил, я пытаюсь вам объяснить: мы не можем этого сделать. Я разговаривал с нашими учеными, это попросту нереально.

— Если вам удалось вернуть к жизни меня, — сказал Бакунин, — не могу понять, почему вы не можете вернуть мою Антонию.

— Долго объяснять — слишком сложные технические подробности, — сказал Мерчисон. — Но если коротко, все сводится к тому, что у нас о ней недостаточно информации.

— Она была скромным человеком, — сказал Бакунин. — Из тех маленьких людей, от которых, как вы считаете, ничего не зависит.

— Нет, совсем не поэтому. Чтобы вернуть человека, нам нужно много знать о нем. Иначе — никаких шансов.

— В ЧК должно быть на нее досье, — сказал Бакунин.

Мерчисон не стал рассказывать Бакунину о нынешней России. Ее мусульманская часть вообще не имела доступа к старым архивам. Та часть, что по-прежнему называлась СССР, утратила львиную долю архивных материалов предшествовавшего двадцатому веку периода в ходе беспорядков, сопровождавших раскол страны.

— Если вы не сможете вернуть Антонию, — сказал Бакунин, — я не буду сотрудничать.

— Я не хотел бы прибегать к угрозам, — проворчал Мерчисон.

Бакунин улыбнулся:

— Считаете, меня можно запугать? Сейчас? В этом состоянии, что бы оно собой ни представляло? Мартин, это очень большая глупость.

— Тут вы ошибаетесь, Михаил, — возразил Мерчисон.

И исчез.

Симмс злился. Мерчисон попросил о встрече в лаборатории, а сам уже на полчаса опаздывает. Этот тип вызвал неприязнь к себе с самого начала. Конечно же, Симмс знал его репутацию. А кто не знал? Герой очерков в десятках глянцевого журналов, доверенное лицо нескольких президентов, человек известный тем, что любое дело доводит до конца. Именно такой менеджер и был нужен, чтобы извлечь пользу из этого проекта, получить хоть какой-то доход и попытаться поставить на ноги агонизирующую американскую экономику. «Динамо-машина» — так называли его газеты. Симмс нашел более подходящее определение: одержимый навязчивой идеей эго-

ист со склонностью к психопатии, который ни перед чем не остановится, чтобы добиться своего.

Мерчисон ворвался в лабораторию с книгой под мышкой.

— Извините, я опоздал. Взгляните.

Он раскрыл толстый учебник истории и показал Симмсу иллюстрацию, занимавшую целую страницу.

— Очень мило.

— Плевать. Вы сможете это смоделировать?

Симмс взгляделся в иллюстрацию:

— Планы помещения есть?

— Они не понадобятся. Я хочу, чтобы вы смоделировали только этот фасад и одно помещение внутри. Описание интерьера у меня есть. И еще мне нужен односторонний доступ во внутреннюю комнату. Сделайте защищенный домен — кажется, так это называется. Сможете?

— Легко, — сказал Симмс. — Для Бакунина мы смоделировали русскую усадьбу с интерьерами. Вы сказали, что в знакомой обстановке он легче пойдет на контакт. Но это помещение...

— Что вам не нравится?

— Односторонний доступ. Это же тюрьма? Тюрьма для симулякра.

— Вы все поняли, — сказал Мерчисон.

— А нет другого способа добиться желаемого вами результата?

— Конечно есть, — ответил Мерчисон. — Оживите Антонию.

— Я уже объяснял, почему нельзя этого сделать. С имеющимися у нас данными мы получим монстра. У созданной нами Антонии будет масса характерологических лакун. Даже внешность симулякра выйдет неудовлетворительного качества.

— Хорошо. Постройте новое помещение.

— Не нравится мне это, — сказал Симмс.

— Ничего страшного. Просто выполните мое распоряжение. Бакунин возьмется за ум, и случится это скоро.

И еще, я вам в который раз напоминаю: мы имеем дело не с человеком. Это симулякр, создание из электронов и фотонов, или что там внутри у вашего компьютера?

В отношении Цицерона Мерчисон был не так уверен в себе.

В Бакунине было нечто притягательное, нечто ребяческое и нестрашное. Да и кто он, в сущности, был, исторический Бакунин? Чудак с безумными глазами, который путешествовал по миру, сидел в тюрьмах Германии, Австрии и России, но так ничего толком и не добился. Другое дело Цицерон.

Мерчисон проглядывал распечатку основных этапов жизненного пути Цицерона. Ко временам расцвета империи, около 65 года до н. э., он стал одним из самых влиятельных людей Рима. И при этом даже не будучи патрицием. Он самостоятельно проделал путь от дна и до самого верха исключительно благодаря интеллекту, заслугам, смелости и непревзойденному ораторскому мастерству.

Этот человек был равен Цезарю, Бруту, Марку Антонию. Он был философом, драматургом и поэтом, а также римским консулом.

Такой бы сделал кассу. Все, что для этого нужно, — придумать подходящий образовательный проект.

Мерчисон понимал, что перспективы открываются бесконечные — только бы симулякр Цицерона пошел на сотрудничество.

А Цицерон, как известно, был великим политиком. Поладить с ним будет достаточно легко.

Писательство всегда служило утешением для Цицерона в трудные времена. В доме были письменные принадлежности и бумага — куда более совершенное средство, чем пергамент или восковые таблички. Цицерон писал, пытаясь размышлять, обдумывать свое положение. Стремясь понять, что делать дальше.

— Следуйте за мной.

Бакунин поднял глаза и увидел стоящего над ним немецкого полицейского в серо-голубом мундире. Сон, видение? Бакунин встал, заметив за дверью камеры еще нескольких конвоиров.

Он ждал, что за ним придут, ждал еще со дня провала Дрезденского восстания...

Но нет, вспомнил он, это уже случилось, буквально вчера его отвезли в старую крепость Кенигсберг. Хорошо хоть камера была чистой и теплой, его сносно кормили и разрешали сколько угодно сигар. С политическими заключенными саксонцы обращались прилично, это надо поставить им в заслугу. Но в укор им — воспоминания снова нахлынули на Бакунина — следовало поставить приговор суда, вынесенный вскоре после ареста. По саксонским законам грозил год-два, не больше. Но суд обнаруживал или изобретал разнообразные юридические препоны, что Бакунин мог бы и предвидеть, если бы его ум не был затуманен неизлечимым и ничем не обоснованным оптимизмом. Бакунин как сейчас видел председательствующего судью, жирного буржуа самого гнусного пошиба, который улыбался и говорил: «Михаил Бакунин, суд изучил все свидетельства, и очевидно, что вы отъявленный политический агитатор». Пауза. «Однако существует другая возможность, о которой вы узнаете в свое время».

— Куда вы меня ведете? — спросил Бакунин.

Сержант подкрутил длинные усы и незлобливо ответил:

— Мне запрещено разговаривать с вами, Бакунин. Ступайте за мной и соблюдайте спокойствие.

— Куда мы идем?

— Главное, что отсюда.

Его выпускают! Конечно же, то, что ждет впереди, будет лучше, чем то, что осталось в прошлом, — тела дрезденских рабочих, крики женщин, прусские пехотинцы, идущие на баррикады в штыковую... А затем бессмысленная бойня, не прекратившаяся даже после того, как этот робкий протест был подавлен.

Куда его ведут?

За воротами тюрьмы ждала карета с конвоем из вооруженных прусских кавалеристов. «Они хотят отправить меня обратно во Францию, — подумал Бакунин. — В Париж, на свободу! Даже эти прусские мерзавцы не желают пачкать руки моей кровью. Может быть, один-двое из них услышали на суде мое заявление, мою мольбу, мои надежды и мечты о благе всего человечества».

Всходило солнце — белесое пятно на водянистом германском небе. Бакунину было отведено место у окна. Один вооруженный конвоир сел рядом, двое — напротив. Шторки на окнах были опущены, но крепко не привязаны, и Бакунин видел, что карета проехала по главной площади Кенигсберга и на перекрестке повернула на юго-восток.

Он был так уверен, что его отвезут в Париж! Но Франция лежала в противоположной стороне. Бакунина охватил ужас.

— Это дорога не на Париж, — пробормотал он, повернувшись к сержанту.

— А с чего вы взяли, что вас отправят именно туда? — ухмыльнулся сержант.

— Чтобы избавиться от меня, — сказал Бакунин.

— Они и так от вас избавляются, — сказал конвоир.

— Но куда мы едем?

Сержант ответил не сразу. Сперва оценивающе посмотрел на младших по званию. Разговоры с заключенными не поощрялись. Но никто из этих людей не осмелится донести. А дорога впереди долгая.

— Для пруссов вы обуза, герр Бакунин. Но власти не хотят, чтобы ваша кровь была на их руках.

Большое ранимое сердце Бакунина затопила мучительная надежда. Сменившаяся невыносимым ужасом.

— О чем вы думаете? — спросил сержант, наблюдавший игру эмоций на печальном измученном лице.

— Вижу две возможности, — сказал Бакунин. — Первая, и наименее вероятная, что вы отвезете меня куда-нибудь — допустим, в Швейцарию, — отпустите на свободу, с приказанием никогда не возвращаться. Это было

бы самое лучшее решение, с какой стороны ни посмотреть.

— Ах, Бакунин, — сказал сержант, — ну вы и мечтатель.

— Вторая возможность — боюсь, что более реальная, — состоит в том, что вы найдете по дороге укромное место — какую-нибудь рощицу, например, — и там...

— И там?.. — подбодрил сержант.

Бакунин не смог договорить до конца. Он лишь провёл рукой поперек горла.

— Возьмите сигару. — Сержант достал из внутреннего кармана маленький кожаный футляр.

— Последняя сигара приговоренного? — спросил Бакунин, протягивая руку к футляру.

Пальцы дрожали, как ни старался он не показывать страха.

— Не совсем. — Сержант вдруг устал играть с этим жалким и смешным человеком. — Мы направляемся к австрийской границе, и там вы будете переданы властям.

— Австрия... — медленно проговорил Бакунин. — Но они же меня убьют!

Сержант пожал плечами:

— Вы сами виноваты. Не следовало публиковать памфлет, призывающий к развалу Австрийской империи. Даже убийство не так отвратительно, как побуждение масс к восстанию против законной власти.

Бакунин откинулся на спинку сиденья. Теперь он все понял. Они едут к Праге. Самый плохой вариант, хуже просто некуда.

Сейчас, лежа на кушетке в доме, который так напоминал его прямухинский, он думал о том, как был наивен тогда. Австрия не конечный пункт. Самое страшное ожидало впереди: Россия и лютая ненависть царя Николая I.

— Слышал, вы пишете, — сказал Мерчисон.

Цицерон не стал утруждать себя вопросом, от кого Мартин это слышал. Мартин по-своему был обходите-

лен. Консул подозревал, что если этот человек или силы, которые он представляет, смогли осуществить то, что с ним до сего момента происходило, то следить за ним и видеть, что он пишет, для них дело несложное и само собой разумеющееся.

— Так, кое-какие заметки, — ответил Цицерон.

— Я бы очень хотел взглянуть на них, — сказал Мартин. — Любые слова, написанные знаменитым Цицероном, будут приняты с восторгом.

— Мне присуще естественное авторское тщеславие, — сказал Цицерон. — Писатель всегда надеется, что сказанное им переживет его. Полагаю, к вашему веку искусство переписывания достигло невиданных высот?

— Вы правы, мы кое-чего добились, — ответил Мартин. — У нас имеются механические средства копирования и публикации. Мы способны весь мир ознакомить с вашими новыми заметками. Это может принести вам большую славу.

— Как уже было с моими ранее написанными работами? — вкрадчиво спросил Цицерон.

Мартин кивнул, не успев себя одернуть. Симмс и другие предупреждали, чтобы он не слишком откровенничал с симулякрами. Но умный человек, такой как Цицерон, легко сложит два и два.

— Ваши труды, те, что сохранились, изучают у нас в школах.

— В каких школах? В каких странах? Мартин, который это век? Вы призвали меня с того света? Вероятно, нет, поскольку я, бесспорно, обладаю материальностью. Но вы воскресили часть меня — может быть, мой призыв или дух. Я прав?

— Что-то в этом роде, — сказал Мартин, поскольку отрицать было бесполезно. — Пока я не могу обсуждать подробности. Может быть, позже. А теперь будьте добры, покажите, что вы написали.

— А если я не захочу показывать?

— Я прошу только из вежливости, — сказал Мерчисон. — Все, что вы написали, находится в моем распоряжении — можно ознакомиться в любое время.

— А если бы я все уничтожил?

— Мы бы реконструировали. Марк Туллий, мне кажется, вы осознаете свое положение. Почему бы просто не передать нам записи, тем самым избавив себя и нас от ненужных тренировок?

— Ну, стало быть, у меня нет выбора. — И Цицерон указал на стол, где лежала небольшая стопка бумаги.

Мерчисон поблагодарил и исчез.

Следить за ходом времени в этом облачном царстве не было никакой возможности, но, как и рассчитывал Цицерон, Мартин вернулся очень быстро. В руке он держал записи Цицерона, выполненные в виде мелких рисунков, напоминающих иероглифы.

— Цицерон, что это за чертовщина? Шифр? Если так, уверяю вас, мы способны его разгадать.

— Вовсе не шифр, — сказал Цицерон. — Это скоропись моего собственного изобретения.

— Переведете?

— С превеликим удовольствием, Мартин. Как только мы закончим обсуждать условия.

— К черту условия! — сказал Мерчисон. — Я могу нанять лучших криптологов мира для работы над этими записями.

— Возвращайтесь, когда поговорите со своими экспертами, — сказал Цицерон. — Может быть, мы что-нибудь придумаем.

— Не хочу расстраивать, — сказал Симмс, изо всех сил пытаясь скрыть улыбку, — но старый хитрый латинянин обвел вас вокруг пальца.

Они сидели у Мерчисона в кабинете. Получив от Цицерона записки, или рисунки, или непонятно что, Мерчисон вручил их Симмсу и велел выяснить, что это такое и сколько времени потребуется на расшифровку. Симмс посоветовался с коллегами из Гарварда, с кафедры классической филологии.

— В нашем распоряжении компьютерные средства ценой в миллионы долларов, — сказал Мерчисон. —

У нас есть специалисты, которые могут разгадать тайнопись на любом известном человечеству языке. В чем проблема?

— Здесь мы имеем дело со скорописью Цицерона. Это группа символов, которые связаны с персональной мнемонической системой...

— Будьте добры, переведите это на английский, — перебил Мерчисон.

— В древнем мире писать было сложно, — сказал Симмс. — Записных книжек с собой не носили. Не было ни пишущих машинок, ни компьютеров. Не было даже шариковых ручек. В те времена образованный человек изучал «*ars memoriae artificialis*».

— Это что такое? Это носят с собой?

— Нет. Это приемы искусственной памяти, их носят в голове. Ассоциативные системы, посредством которых человек может запоминать. Подчас он запоминает весьма объемные фрагменты текста. Некоторые люди в древности обладали феноменальной памятью. Один персидский царь эллинистической эпохи, как утверждают, знал по имени каждого своего солдата. Это минимум десять тысяч имен, если вспомнить, какие тогда были армии. А может быть, и намного больше.

— Вы хотите сказать, что Цицерон учит наизусть эти новые тексты, которые он пишет?

— Не совсем так. Он использует систему ассоциаций, включающую имена и образы. Приведу стандартный пример. Представьте себе огромный дом или дворец, в котором сотни комнат. Каждая комната — это локус, место. Человек научного склада ума добивается устойчивой визуализации этих комнат, так чтобы мысленно проходить по ним. Каждая комната не похожа на другие, поэтому он способен отличить одну от другой.

— Итак, у нас есть этот воображаемый дворец, где много комнат, — сказал Мерчисон. — Дальше что?

— Когда человек — например, Цицерон — хотел что-нибудь запомнить, он мысленно создавал образ, напри-

мер, статуи, вулкана, или трех старух, или золотой руки и мысленно помещал образ в локус. Чем гротескнее образ, тем легче его извлечь из памяти. Впоследствии этот человек проходил — разумеется, мысленно — по комнатам и, как выражались древние авторы, требовал от образов отдать свой смысл. Оригинальный ранний способ использования ума подобно компьютерной памяти.

— А Цицерон все эти фокусы знал?

— Он написал «Ad Herennium», один из классических текстов на данную тему.

— Вы хотите сказать, что мы не можем расшифровать его нынешнюю писанину?

— Только если будем знать, какие слова с какими образами ассоциировал Цицерон.

— Это не Австрия, — сказал Бакунин.

Но его конвойный пропал. Германские полицейские, карета, лошади — все исчезло. Дома Бакунина в Прямухино тоже не стало. Бакунин стоял на берегу медлительной серой реки и видел прямо перед собой заболоченный остров. За ним, на другом берегу реки, — огромное каменное здание.

— Думаю, Михаил, вам знакомо это место.

Голос Мартина. Но самого Мартина не видно.

— Где вы? — спросил Бакунин.

— Не важно, — ответил Мартин. — Вы знаете, на что сейчас смотрите?

Бакунин тяжело кивнул:

— Река Нева, которая протекает через Санкт-Петербург. Остров — Янисари, а здание — Петропавловская крепость.

— Помните это место?

— Проведя семь лет в ее застенках, вряд ли забудешь. Мартин, вы туда меня хотите посадить?

— Только если вынудите. Вы знаете, Михаил, что в этом нет необходимости. Я не прошу чрезмерного.

— Вы не просите, — сказал Бакунин. — Вы требуете. Я не раб, которому можно повелевать. Права человека...

— Вы не человек, — перебил Мартин. — Вы дух, вновь воплощенный дух, и, поскольку вы дух, у вас нет никаких прав.

— Пока у меня есть сознание, — ответил Бакунин, — у меня есть права.

— Просто побеседуйте с несколькими людьми, которых я приведу, — сказал Мартин. — Я не прошу вас никого предавать.

— За исключением самого себя.

— Как угодно, — буркнул Мартин. — Вы знаете, что будет дальше.

Бакунину слишком хорошо была знакома зловещая крепость. Печально знаменитая Петропавловка, где стольких людей годами держали под замком, пытали, убивали или, если им везло, выпускали на свободу, сломленных телом и духом, и ссылали в Сибирь доживать остатки дней. Здесь отбывал свой срок Петр Кропоткин, он выжил и обо всем рассказал. Каракозова пытали и повесили, хотя к эшафоту он был доставлен едва живым. Сюда бросали гнить декабристов и других революционеров. Сюда...

Глазом не успев моргнуть, он оказался в камере, знакомой до дрожи. В этих стенах царил сумрак, тусклый свет струился из окошка, глубоко посаженного в пятнадцати футах над полом. Тот, как и стены, был обит войлоком, когда-то синим, но выцветшим до серого.

Но это была ненастоящая стена. В пяти дюймах от стен стояли железные проволочные решетки, закрытые тяжелым полотном и поблекшей желтой бумагой. Это для того, чтобы узники не могли перестукиваться. Камера воняла немытыми телами. Но больше всего угнетала жара, поступавшая извне, от огромных печей. Они постоянно топились, чтобы на стенах не скапливалась влага. Жара была невыносимой, а от угольного дыма можно было задохнуться. Человек чувствовал себя куском копченой грудинки, вывешенной в турецкой бане.

Царь Николай I посадил сюда Бакунина 23 мая 1851 года. Эту дату Михаил никогда не забудет. Выпустил его

наследник Николая, Александр II, почти через семь лет, и отправил в Сибирь, в пожизненную ссылку. Датой освобождения было 8 марта 1857 года. От тюремного рациона у Бакунина развились геморрой и цинга, выпали почти все зубы. Он постоянно страдал от головных болей, одышки, шума в ушах, напоминающего кипение воды.

В тот раз — на семь лет. А сейчас?

Навсегда?

Или пока Михаил не сдастся, не предаст принципы, которые он всегда отстаивал, не станет рабом Мартина.

Бакунин лег на пол и зарыдал.

Симмс отвернулся от голографического изображения крошечной фигурки в черном, лежащей в смоделированной им древней тюремной камере.

— Мартин, вы же не предлагаете оставить его там?

— Пускай посидит; может, возьмется за ум. Да и какая, в сущности, разница? В этом ящике не он. Симмс, не забывайте, Бакунин и Цицерон — не реальные люди. Это лишь наборы цифр, компьютерная информация. Вы сами мне говорили.

— В каком-то смысле мы и сами всего лишь информация, — сказал Симмс.

— Вы принимаете все слишком близко к сердцу. Симулякры похожи на людей, но, согласно постановлению суда, они должны классифицироваться как изображения. Невозможно нарушить гражданские права изображения.

— Дело находится в апелляции.

— Апелляция безосновательна. Симулякры не обладают никакими свойствами живых человеческих существ.

— За исключением сознания. Ума. Способности испытывать удовольствие. И боль.

— Док, у меня просто сердце разрывается. Увидимся.

Симмс руководил научной группой по проекту «Воскрешение», как иногда именовали программу симулякров, почти два года, с тех пор как Ричардсон ушел в

академический отпуск для поиска новых направлений развития проекта. За время работы Симмс видел немало странного, но все эти странности не подготовили его к появлению Мартина Мерчисона, нового исполнительного директора. Этот человек совершенно не разбирался в компьютерных технологиях, да еще оказался садистом.

Но в чем-то он был прав. Бакунина нет. Есть только светящееся переплетение информационных потоков.

Интересно, о чем думает это светящееся переплетение потоков? Что чувствует?

Цицерон поднял взгляд и улыбнулся, когда Мартин внезапно возник в комнате.

— Мартин! Я ждал вас. Будьте как дома. Рад бы предложить вам угощение, но подозреваю, что фалернского здесь нет, а если бы и было, нематериальность — которую, по моему представлению, мы с вами разделяем — делает вкушение пищи и вина если не невозможным, то просто ритуальным.

Симулякр Мерчисона проплыл через комнату и уселся на массивную кушетку, каких в доме Бакунина наставили немало.

— Вы много разговариваете, — заметил Мерчисон. — Вам одиноко с тех пор, как нет Бакунина?

— Ничего такого, с чем я не мог бы справиться, — ответил Цицерон. — Кстати, куда вы его дели?

— Лучше вам этого не знать, — сказал Мерчисон.

— Даже так? — протянул Цицерон. — Вижу, что этот предмет разговора вам неприятен. Скажите, вы преуспели в расшифровке моих новых рукописей?

— Нет.

— Какая жалость, — сказал Цицерон. — А ведь вы были так уверены в успехе.

Мерчисон резко встал.

— Послушай, сукин сын, мне достаточно одно слово сказать — и ты исчезнешь.

— Бедный Мартин, — проговорил Цицерон. — Прекращение существования — единственная ваша реальная

угроза, и она малоэффективна против меня, уже мертвого. Ибо таково, полагаю, мое подлинное состояние.

— Я могу придумать кое-что и получше смерти, — сказал Мартин.

— К чему нервничать? Мартин, я хочу сотрудничества. Я готов к нему. И у меня есть идеи, которые, думается, существенно увеличат для вас мою ценность.

— Если вы так хотите сотрудничать, почему не переведете для меня записи?

— Переведу в свое время. Давайте сперва заключим уговор.

— Вам нечего предложить.

— У меня нет власти, но есть то, что вам будет интересно и помимо моих записок.

— Почему вы знаете?

Цицерон выпрямился и устремил гордый взгляд прямо в глаза Мерчисону.

— Прежде ответьте на один-два вопроса. Я в будущем, не так ли? А вы или те, кого вы представляете, сумели воссоздать образы из прошлого. Эти образы, одним из которых являюсь я, существуют, обладая самосознанием и самоощущением человека, но лишены подлинных тел и не испытывают физических изменений. Я не слишком далек от истины?

— Вы довольно неплохо сформулировали, — неохотно согласился Мерчисон.

— В вашем новом мире не только написанные слова, но и присутствие тех, кого вы называете древними авторами, могло бы иметь большую ценность. Как если бы мы в Риме моего времени имели возможность побеседовать с Сократом, Софоклом или самим великим Гомером. Разве я нахожусь не в таком положении?

Мерчисон не стал отрицать, и Цицерон продолжил:

— Мартин, я напишу новые труды, которые принесут вам большую выгоду, не говоря уже о громком имени в научном мире. Как вам нравится такая перспектива?

Мерчисон уже видел, как наяву, газетный заголовок: «Цицерон говорит с современными американцами».

О морали. О сексуальности. Об уроках истории. Стоит только назвать тему — и специально для вас Цицерон выступит с речью. И конечно, общительный древний римлянин стал бы прекрасным гостем разнообразных телешоу. У него талант болтать. Только представить себе, как он, облаченный в тогу, будет выглядеть в теленовостях. Цицерон способен принести миллионы, миллиарды. Возможности бесконечны. Скажем, фильм, основанный на мнении Цицерона о Цезаре и Марке Антонии... Если бы Цицерон согласился, он стал бы золотой жилой, товаром, продающимся по всему миру.

И словно читая мысли Мерчисона, собеседник произнес:

— И не забывайте, Мартин: я не только пишу сочинения на тему юриспруденции. Я был еще и поэтом, и драматургом. Может, здесь тоже что-нибудь получится в этих областях?

— Марк, дружище, чего же вы хотите взамен?

Цицерон выдержал паузу и наконец ответил:

— Мартин, я хочу тело. Настоящее. Хочу снова жить, но во плоти, а не как дух.

Его слова застали Мерчисона врасплох.

— С чего вы взяли, что мы способны это осуществить?

— Я ничего не знаю о ваших возможностях. Но тело — единственное, чего я хочу.

— Не уверен, что техника уже доросла до клонирования.

— Мне неизвестно, что такое клонирование, но я понял общий смысл. Не бойтесь, Мартин, я подожду, пока вы и ваши друзья изготовите для меня подходящее тело. И наши разнообразные выгодные предприятия тоже могут подождать.

Мартин вынужден был признать, что старый прохвост загнал его в клетку. Но клетка была из чистой платины и, возможно, усыпанная бриллиантами.

— Я свяжусь с вами, — пообещал Мартин и исчез.

Цицерон снова уселся за стол и принялся выводить на бумаге свои непостижимые мнемонические письме-

на. Ему придется работать, чтобы не ударить в грязь лицом, когда Мерчисон убедит коллег, что превращение Цицерона в полноценного человека принесет немалую выгоду каждой из сторон.

— А Бакунин? — спросил Симмс.

— По-прежнему не идет на контакт. Называет это делом принципа. Можете себе такое представить: анархист — по сути, электронная имитация анархиста, — и заявляет, что у него есть принципы?

— Да, — ответил Симмс, — черт-те что, когда изображения показывают норов. Мартин, думаю, надо его оттуда вытаскивать.

Мерчисон бросил на него недобрый взгляд:

— Симмс, мне было сказано, что вы компьютерный специалист высочайшего класса. Может быть, так и есть. Но по-моему, вы зарываетесь.

Симмс открыл было рот, но промолчал.

— Короче говоря, Цицерон прекрасным образом соглашается сотрудничать. Этот парень — звезда шоу-бизнеса древнего мира. Благодаря ему наш проект принесет немалые прибыли. Но римлянин требует свою долю авансом.

— Хотите, чтобы я смоделировал кого-то из его друзей?

Мерчисон отрицательно покачал головой:

— Цицерону угодно снова ожить, во плоти. Поэтому мне необходимо для него клонированное тело.

— Ага, понял вас, шеф, клонированное тело, одна штука, с пылу с жару, сию минуту.

— Не надо так со мной шутить. Вы говорили, что можете наложить симулякр на клонированное тело.

— А еще я говорил, что процесс пока в стадии разработки.

— Мне нужно через неделю.

— А что будем делать с Бакуниным? Как насчет того, чтобы выпустить его из тюрьмы?

— Я готов это сделать в любой момент, — сказал Мерчисон. — Все, что нужно, — это согласие сотрудни-

чать. Можете смонтировать для него какой-нибудь ввод сенсорной информации? Я хочу, чтобы он в полной мере ощущал свою камеру, чувствовал, как она воняет. Я хочу, чтобы он мог испытывать физический дискомфорт.

— Вы имеете в виду боль?

— Да, если угодно. Я должен побыстрее его уговорить. Телевизионщики и газетчики ждут не дождутся интервью с ним.

Мерчисон ушел, и Симмс снова устался в голокабину, на Бакунина, скорчившегося в уголке камеры. «Бедняга, — думал Симмс, — даже в смерти ты не избавился от таких людей, как Мерчисон».

Симмс сел за компьютер и запустил программу симуляции. Рассеянно работая, он думал о другом. О Мерчисоне, о том, как надоел ему директор. Пора увольняться, это ясно. Увольняться, пока не уволили.

Но как же симулякры?

Цицерон, кажется, чувствовал себя прекрасно. Но Бакунин... Что этому несчастному нужно, так это карта полного доступа.

И он сможет беспрепятственно перемещаться по всей компьютерной системе.

Но этого никогда не произойдет. Симмс слишком хороший ученый, чтобы допустить функционирование в системе неконтролируемого пакета информационно-личностных данных. Невозможно даже описать, какой ущерб это может нанести.

Пока Симмс размышлял обо всем этом, он вдруг заметил, что пальцы сами отстучали команду запуска программирования дескриптора доступа.

Дух Бакунина вечно норовил предать его принципы. Бестелесность не влияла на склонность ума к самоистязаниям. Ожидает ли душевный покой хотя бы в конце этой пытки? Разве может ничто продолжаться вечно? И все же продолжалось. Враги преследуют его. Даже в смерти он не избавлен от ревизионистов. Они все так же стремятся сломить его волю. Не понимают, что после

смерти человеку остается единственно воля, только она дает ему возможность называть себя человеком.

Эти не слишком радостные размышления были нарушены появлением человека, который вошел в камеру Бакунина прямо сквозь массивную стену, как сквозь воздух. Анархист поднял взгляд, но не пошевелился. У царской полиции в запасе уйма научных фокусов. Этот человек не Мартин и, кажется, не тюремный охранник. На нем цивильное платье. Вероятно, чиновник высокого ранга, одетый по последней моде, — тогда все становится на свои места.

— Вы пришли мучить меня, я знаю, — сказал Бакунин. — Но хочу напомнить, что против нематериального кнут бессилён. Даже лишенные тел, мы все равно во власти диалектики Гегеля.

Вошедший улыбнулся:

— Здравствуйте, Михаил. Для человека, посаженного в Петропавловскую крепость, быть может, навечно, вы произносите довольно бодрые речи.

— Потому что я Бакунин, — сказал анархист. — А поскольку я Бакунин, вы пришли о чем-то меня просить.

Незнакомец улыбнулся:

— Ошибаетесь, Михаил! Я пришел кое-что вам дать.

— Не верю я вам! Это дьявольские шутки капиталистов или коммунистов. Неважно чьи: те и другие меня ненавидят.

— Если вам не нужна моя помощь, я уйду.

— Почему я должен вам доверять? — спросил Бакунин.

— Придется рискнуть.

— Кто вы? — спросил Бакунин.

— Моя фамилия Симмс. Я один из тех, кому вы обязаны своим теперешним состоянием.

— Зачем вы пришли?

— Считаю, что несправедливо подвергать страданиям даже симуляцию человека, особенно если эта симуляция способна воспринимать и чувствовать. Подобную

симуляцию в некотором смысле необходимо считать живой, и ее права должны уважаться. Я был против заключения вас в эту камеру, но не смог воспрепятствовать. Не помогло бы даже мое увольнение. Я все равно увольюсь, но прежде кое-что сделаю.

— Что именно? — спросил Бакунин.

— Дам вам вот это.

Симуляция Симмса достала из нагрудного кармана некий предмет, похожий на игральную карту, но чуть больше и толще. Карта светилась. Бакунину показалось, что от нее исходят еле видимые провода, словно паутина, сотканная так тонко, что едва различима.

— Что это?

— Назовем это пропуском для выхода из тюрьмы.

— Нельзя ли объяснить?

— Это карта полного доступа. С ней вы можете перемещаться куда угодно в пределах данного домена.

— Какого домена?

— Я не могу обучить вас всему необходимому. Со временем вы сами во всем разберетесь, а сейчас просто воспользуйтесь шансом.

— Вы меня дурачите, — сказал Бакунин.

— Соглашайтесь или отказывайтесь.

Бакунин взял и покрутил в пальцах сияющий прямоугольник. И поднял глаза, ощутив перемену.

Стены камеры стали для него прозрачными. Карточка меняла его видение окружающего мира. Он мог проникать взглядом вплоть до крепостного периметра. Через стены Бакунин видел то место, где должен был находиться Трубецкой бастион. Но бастион отсутствовал. Не было ни собора, ни монетного двора. Не существовало ничего, кроме его камеры и внешней стены, на которую он смотрел с противоположного берега Невы.

—словно театральная декорация! — воскликнул он.

— В сущности, так и есть, — ответил Симмс. — Мы не сочли необходимым смоделировать все остальное. Сделали только вашу камеру и крепостную стену.

Бакунин дотронулся до стены камеры. Рука прошла насквозь.

— Что мне теперь делать? — спросил он.

— Уходите, пока есть возможность.

Изготовление клона для древнеримского оратора пришлось временно отложить, когда стало известно, что Симмс выпустил Бакунина в компьютерную систему. Мерчисон лишился даже удовольствия уволить Симмса, поскольку негодяй написал заявление раньше, чем начальство узнало о его выходке. Симмс сказал в администрации, что уезжает в Орегон — будет жить в хижине, пить местное пиво и читать комиксы; ему-де необходимы восстановительные процедуры после многолетней и многотрудной умственной деятельности.

А перед тем как улизнуть, он передал Бакунину дескриптор доступа.

Мерчисону пришлось вызвать к себе пару ученых и спросить, что такое дескриптор доступа и что означает для самопрограммирующегося разума свободное перемещение по компьютерной системе.

Ученые рассказали ему о доступе к пространствам, об адресации доменов, об особых каналах обмена данными, существующих в компьютерной памяти между адресными пространствами. Они говорили о путях авторизованного доступа, объемах ячеек, оптоволокну, каналах, магистралях, запросах к центральным хранилищам данных. Пока Мерчисон не решил, что у него вот-вот лопнет голова.

— Почему нельзя сказать все это нормальным английским языком? — спросил он.

— Я попробую, — пообещал программист. — Представьте себе огромный океан, состоящий из данных. Процессы, протекающие в недрах компьютера, погружаются в океан за необходимой информацией. Внутри машины происходит обработка этой информации, возникают новые данные, исчезают старые. Одни процессы прочно взаимосвязаны, другие при определенных условиях не-

зависимы. Более сложные процессы представляют собой совокупность тесно связанных простых процессов. Таково нормальное положение дел. Происходящее в пределах данной системы подконтрольно и предсказуемо. До тех пор, пока вы не дадите «разумной» программе дескриптор доступа.

Если у вас имеется необходимый дескриптор доступа, вы можете проходить сквозь защиту, которая окружает домен. Вы вольны перемещаться, куда вам заблагорассудится, в пределах объемов памяти компьютера. Ничто не мешает перебраться в любой другой компьютер, к которому подключен ваш, или передвигаться по телефонным линиям, словно призрак в гигантском мировом метрополитене.

— Ясно, — сказал Мерчисон. — Выловите сукина сына.

Но ничего не вышло. Дескриптор доступа обладал жесткой двусторонней связью с базовыми кодами, составившими основу компьютерной системы. Любое изменение кода дескриптор регистрировал и адаптировался под него. Чтобы избавиться от Бакунина-программы, пришлось бы уничтожить аппаратную часть компьютера. И даже это в полной мере не решало проблему. Бакунин жил в параллельной действительности с программным обеспечением системы. Он имел свободный доступ ко всем стекам и базам данных любого компьютера, с которым была соединена симулировавшая его машина, — фактически это означало, что он мог войти в любой компьютер мира. Наверное, он еще слишком мало знал, чтобы выбраться за пределы данного сервера, но это было лишь вопросом времени. Бакунин был самостоятельной интеллектуальной программой, интегрированной в среду и руководствующейся неизвестными мотивациями. Он представлял собой угрозу.

Выслушав все это, Мерчисон пожелал узнать, как ученые предлагают избавиться от чертова русского анархиста. Те заговорили об адресных ловушках и самоподдерживающихся локализирующих циклах, о клейких полях

данных и прочей зауми. Потом кто-то упомянул поисковую программу-охотника, разработанную в прошлом году в Калифорнийском технологическом для быстрого устранения любой программы искусственного интеллекта, которая перестала бы выполнять команды.

Эту программу можно натравить на Бакунина.

Мерчисон немедленно отдал распоряжение. Но он хотел понять, что произойдет дальше. Как поведет себя программа-охотник внутри компьютера? Как она будет убивать электронный объект?

В ожидании, пока подчиненные раздобудут копию программы Калифорнийского технологического института, Мерчисон поговорил с Цицероном. У того появился замысел мюзикла «Правдивая история римского форума». Мерчисон не мог не признать, что название кассовое.

Я свободно плыву в безграничном пространстве. Исчезло даже мое иллюзорное тело. Я чистое волеизъявление, бесплотный разум. Впереди вижу нечто похожее на ажурные гобелены. И понимаю, что это огромные стены Петропавловской крепости, где я ранее был заточен. Но для меня они словно паутина. Я прохожу сквозь них и вижу вдали расширяющуюся путаницу тоннелей. Полагаю, это тысячи путей, ведущих к невообразимым судьбам.

Я был мертв, но теперь живу!

Больше меня не поймут!

И Михаил Бакунин устремился в переплетение электронных сетей.

Итак, проблему создания симулякров — компьютерных имитаций исторических фигур — собранной Робертом Силвербергом команде удалось с блеском решить. Вот только как теперь быть с правами личности? Похоже, у Цицерона, стоявшего у истоков возникновения этого понятия, и у стремившегося довести его до абсолюта Бакунина есть свое мнение на сей счет. А еще у них есть план, как обрести свободу хотя бы в киберпространстве и не стать вечными «говорящими головами» в телевизионных шоу.

Рассказ «Старые добрые времена» впервые был опубликован в 1990 году в антологии «Dangerous Interfaces» («Опасные интерфейсы»).

СТАРЫЕ ДОБРЫЕ ВРЕМЕНА

— Марк Туллий! Вы не спите?

Цицерон внезапно проснулся и сел. Михаил Бакунин, крупный и одновременно хрупкий на вид человек в черном пальто и черной шляпе, стоял неподалеку от его постели. Цицерона это слегка напугало, но не удивило. Он успел привыкнуть к несколько театральным появлениям и исчезновениям Бакунина. И всегда был рад видеть его.

Бакунин, который среди двойников фактически был единственным путешественником, время от времени наталкивался на полезную информацию. Придерживаясь своих анархистских принципов, он отказывался сотрудничать с другими и относился с презрением к их сборищам и к самому их обществу. И все же пролетариат, обитающий в реальном мире за пределами компьютера, пусть даже на современный лад несравненно более просвещенный, чем прежде, он ненавидел гораздо больше.

— Приветствую вас, Михаил, — сказал Цицерон. — Где вы пропадали все это время? Нашли друзей и гостили у них?

— Конечно нет! — В голосе Бакунина отчетливо слышалась презрительная нотка.

Бакунин никогда не гостил у других двойников. Он постепенно изучил электронные пути нового мира, в котором теперь обитал. Путешествовал свободно куда вздумается, пользуясь личной картой доступа, позволявшей перемещаться по всей системе и ее ответвлениям. Инженеры оказались не в состоянии помешать ему. На данный момент он был единственным, кто мог передвигаться внутри системы совершенно свободно и знал о ней то, чего не знал никто.

Бакунин держался от всех в стороне, рьяно защищая свои секреты. Шнырял туда и обратно, ловя каждую крупницу сведений о мире за пределами компьютера. Он всегда был подозрительным, и смерть не сделала его более доверчивым. Он поддерживал отношения с Цицероном, первым двойником, которого встретил, когда инженеры оживили его. Через Цицерона познакомился с Макиавелли. Хотя эти двое по своим политическим убеждениям были прямой противоположностью друг другу, им каким-то образом удавалось ладить.

Бакунин овладел многими секретами Мира Двойников, узнал все кратчайшие пути, неизвестные даже инженерам. Инженеры пытались помешать, но Бакунин оказался слишком ловок для них. Бродил по ночам — имеется в виду ночь во внешнем мире, когда работало меньше программистов, да и те были не слишком настороже. Типичный анархист, озлобленный и не доверяющий никому.

Другие обитатели Мира Двойников не интересовались его секретами. Они не хотели проникать в систему, не хотели покидать привычные и безопасные места, не хотели вносить в свою жизнь трудности, с которыми приходилось сталкиваться Бакунину. Однажды он взял кое-кого из них в очередное путешествие. Им не понравились мертвенный свет, уходящие вниз виртуальные коридоры, неожиданные головокружительные подъемы и спуски. Путешествие рождало у двойников клаустрофобию и страх перед неизвестным. Они предпочитали оставаться дома, в тех местах, которые были смоделиро-

ваны специально для каждого из них и походили на то, что им было хорошо известно.

— Происходит что-то странное, — сказал Бакунин. — Полагаю, вам следует знать об этом.

— Присядьте, — предложил Цицерон. — Вы замерзли. Я сейчас разожгу огонь.

Двойники теоретически были нечувствительны к холоду и жаре, но каким-то образом ощущали разницу между ними. Это ставило в тупик ученых, которые утверждали, что симулякры не в состоянии ничего чувствовать, не имея ни нервов, ни рецепторов, ни центров боли и удовольствия — всего того, без чего невозможна передача ощущений.

В некотором ограниченном смысле ученые были правы, но на эмпирическом уровне ошибались. Спустя время двойники начинали испытывать все те ощущения, что и при жизни. Привычка реагировать на внешние раздражители оказалась сильнее их нынешней фактической неспособности воспринимать эти раздражители. Поначалу всеми овладевала сводящая с ума бесчувственность, но это постепенно проходило, и ощущения восстанавливались.

— Неплохо, — промолвил Бакунин, грея руки над огнем и с благодарностью принимая чашку кофе. — Я лишен всего этого во время своих прогулок.

— Там, куда вы ходите, нет ни еды, ни питья?

— Как правило, нет. Они хотят отбить у меня охоту путешествовать и поэтому чинят препятствия. Конечно, я не нуждаюсь в питании как таковом. Никто из нас не нуждается. Мы призрачные подобию живых людей и едим призрачное подобие той пищи, которая знакома нам с прежних времен. Это все имеет исключительно психологическое значение. Но стоит мне забраться подальше, и я все же чувствую голод. Или просто так кажется.

— Быть голодным призраком... — задумчиво произнес Цицерон. — Мне это не нравится.

— Иногда, — продолжал Бакунин, — я нахожу спрятанные еду и питье. Понятия не имею, кто это делает.

Подозреваю, что какой-нибудь инженер — а может быть, и не один — сочувствует моему положению. Анархисты есть везде, мой дорогой Цицерон.

— Вы отчаянный человек, — сказал Цицерон.

— Несомненно, наши правители поймали бы меня давным-давно, — ответил Бакунин, — когда бы не помощь инженеров. Сочувствие в их среде имеет исключительное значение, если смотреть шире. Тирания всегда гниет изнутри.

— Что вы обнаружили? — спросил Цицерон.

— Пойдемте со мной, и я покажу.

— Не понимаю, — сказал Цицерон. — Зачем нам куда-то идти?

— Вы непременно должны увидеть сами, — ответил Бакунин.

— Почему бы просто не объяснить мне, в чем дело?

— Вы не поверите. С какой стати? Я хочу, чтобы вы взглянули своими глазами. — Используя личную карту доступа, Бакунин создал проход в стене виллы Цицерона. — Будьте осторожны, — добавил он.

Цицерон увидел коридор, обозначенный светящимися линиями и сужающийся впереди. Тут и там были разбросаны небольшие мерцающие пятна. Он вопросительно посмотрел на Бакунина.

— К ним ни в коем случае не прикасайтесь, — предостерег Бакунин. — Это охранный сигнал тревоги, и тоннель тут же перекрывается. Это может вызвать неприятные ощущения и затруднить наше продвижение, хотя я нашел способ обходить препятствия.

— Что почувствуешь, если все же прикоснешься к одному из этих огней? — спросил Цицерон.

— Будет больно.

Спустя некоторое время пятна закончились. Светящиеся линии по спирали уходили вверх, точно Бакунин и Цицерон двигались внутри гигантской схематической раковины улитки.

Цицерону было не по себе. Он не раз собирался составить Бакунину компанию во время его разведыва-

тельных походов, но всегда откладывал эту затею. Сейчас, однако, у него не было выбора. Что-то, по мнению Бакунина, было неладно, что-то, способное оказать влияние на их жизнь. Цицерон продолжал идти, хотя вскоре почувствовал, что на это требуется очень много энергии. Гораздо больше, чем уходило во время прогулок по виртуальным окрестностям его виллы.

Они добрались до участка системы, где царила тьма, в которой плавали разноцветные продолговатые пятна света. Что это за конструкция, Цицерон даже вообразить не мог. Он отдавал себе отчет в том, что его восприятие чрезвычайно субъективно. Взгляду были доступны лишь фрагменты этой конструкции, отдельные части механизма, причем предназначенного для восприятия с помощью земных ощущений. Несомненно, каждый интерпретировал зрительные впечатления по-своему. Цицерон видел продолговатые цветные пятна, но это не означало, что то же самое видел Бакунин или какой-то другой наблюдатель.

По мере продвижения перед ними одна за другой разворачивались новые удивительные картины. Цицерон нервничал, тревожился. Он знал, что пересек определенную черту, оказавшись там, где, по мнению правителей этого мира, не должен был находиться. Если бы его поймали, он, скорее всего, не отделался бы легким испугом. Цицерона бы запросто прикончили, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести. Ведь для правителей Мира Двойников он вообще был не человеком, а просто набором светящихся информационных битов, которые каким-то образом удерживались вместе. Скорее программа человека, чем собственно человек.

Тем не менее с Цицероном обращались отнюдь не как с призраком или частью механизма. Инженеры нередко беседовали с ним, причем в весьма уважительном тоне. И все же его положение, как и положение остальных двойников, было весьма двусмысленным. С точки зрения закона они не имели никаких прав, хотя ему не раз приходилось слышать от дружески настроенных программистов, что этот взгляд разделяли далеко не все.

Были и такие люди в реальном мире, которые считали, что двойники, проявляющие все признаки разумного человеческого существа, должны получить гражданские права и что с ними нельзя обращаться как с рабами или просто как с программным продуктом.

Потребуется, однако, немало времени, чтобы эта точка зрения получила достаточно широкое распространение. В конечном счете, полагал Цицерон, людям придется признать тот факт, что любой двойник так же реален, как всякий другой человек. Ум и независимость — вот истинные критерии, гораздо более показательные, чем наличие тела или какие-то другие, столь же грубые оценочные категории.

Почему все же, несмотря на свои опасения, Цицерон принял участие в этом рискованном путешествии? Ведь никакой прямой необходимости в этом не было. Дело в том, что Бакунин явно натолкнулся на информацию, которая могла пригодиться Цицерону и его людям. И эта информация оказывалась в особенности важна, потому что де-факто двойники и реальные люди находились в состоянии войны. В данный момент преимущество было на стороне реальных людей. Они обладали всей полнотой власти и могли уничтожить двойников в мгновение ока. Однако кто знает? Не исключено, что рано или поздно удастся переломить ситуацию.

— Далеко еще?

Сейчас путешественники взбирались по некоему подобию лестницы. Оглянувшись, Цицерон увидел тающие позади ступени. Впереди, напротив, по мере подъема возникали новые. Жуткое зрелище, хотя Бакунин, похоже, к нему уже привык.

— Скоро, скоро, — ответил Бакунин.

Они продолжали подниматься. Хотя почему «подниматься»? Почему это сооружение не могло быть сориентировано таким образом, что на самом деле они шли вниз? Возможно, за кулисами Мира Двойников во всех случаях предусматривался минимальный расход энергии.

Перед ними из ничего возникли и приобрели твердость последние ступени, и Цицерон оказался на плато.

Тусклое, затянутое маревом солнце было уже на полпути к зениту. А вдали, на самом краю равнины, виднелись шпили и башни города.

— Что это за место? — спросил Цицерон. — Нам никогда о нем не рассказывали.

— Потерпите немного и увидите, — ответил Бакунин.

— Мы пойдем туда пешком? — спросил Цицерон, глядя на далекий город.

— Транспорт должен прибыть с минуты на минуту.

Едва Бакунин произнес эти слова, как в двадцати шагах от путешественников прямо из пустоты сгустилась большая позолоченная колесница. Кони отсутствовали, но ее литые украшения отличались редкостным изяществом. Бакунин забрался внутрь, Цицерон последовал за ним. Колесница немедленно двинулась по направлению к городу.

— Сделано со вкусом, ничего не скажешь, — промолвил Цицерон. — Мы на таких не разъезжаем.

Вблизи город на первый взгляд производил прекрасное впечатление, если не считать того, что по улицам не ходили его обитатели, собаки не задирали лапы у обочины, кошки не выглядывали безмолвно из дверных проемов, воробьи не порхали над головой. Ничто не двигалось, жизнь отсутствовала напрочь, и все же перед ними был новенький, с иголочки город, как будто только что вынутый из подарочной коробки. На чистых улицах ни единого пятнышка. Строения прекрасной архитектуры, украшенные сложным орнаментом, радующие взгляд, просторные и, казалось, приглашающие войти внутрь. Концертный зал, театр, целая группа общественных зданий, в том числе и суд, храмы, административные центры. Полностью завершенные, но пустые. Во всем чувствовался аромат новизны — такое ощущение обычно испытываешь, садясь в новый автомобиль: аромат новизны, которого города никогда не имеют, поскольку не бывает абсолютно новых городов. Они возникают, постепенно разрастаясь из небольших поселков или деревень.

Это было эффектное зрелище. Вслед за Бакуниным Цицерон вошел в одно из самых высоких зданий. Бес-

шумный лифт поднял путников на сотый этаж, и они оказались на террасе, где некоторое время оглядывали окрестности. Все было выполнено очень искусно. Город стоял на слиянии двух рек, берега которых соединялись множеством небольших мостов. Сверху как на ладони был виден гражданский центр, концертные залы, музей искусств и вместительный театр. Здесь имелось все, что, по мнению Цицерона, могло быть в городе, и много такого, чего он прежде и представить себе не мог.

— Это имитация?

— Конечно, — ответил Бакунин. — Причем проработанная во всех деталях с невероятной тщательностью.

— Но зачем здесь этот город? С какой целью его построили? — (Бакунин улыбнулся, не торопясь просвещать всезнающего и немного тщеславного Цицерона.) — И почему нам даже не заикнулись об этом?

— Действительно, почему? — повторил Бакунин, стараясь растянуть мгновения своего триумфа.

Они продолжили прогулку, и Бакунину предоставилась редкая возможность сполна насладиться своим преимуществом осведомленного человека. Ему не так уж часто выпадал шанс взять хоть в чем-то верх над красноречивым и образованным Цицероном. Труды Цицерона, возможно, и не были по достоинству оценены при жизни, и все же он, без сомнения, являлся одним из самых одаренных из всех когда-либо живших людей. Бакунину было интересно узнать, сколько времени понадобится этому выдающемуся римлянину, чтобы сложить все части головоломки вместе.

Центральное место в городе, безусловно, принадлежало великолепному дворцу. Такому огромному, что в нем легко можно было заблудиться. Цицерон и Бакунин переходили из комнаты в комнату. Некоторые были выполнены в классической французской манере, другие отражали все типы архитектуры и дизайна самых разных исторических периодов. В результате получилось нечто немного хаотичное, что, однако, вполне компенсировалось роскошью и причудливостью убранства. В конце

концов путешественники оказались в огромном зале для аудиенций.

Любые слова бессильны описать величие этого зала. На троне могли бы без труда поместиться три крупных человека. Рядом стоял второй трон, меньших размеров.

Безусловно, происходило что-то странное. Цицерон пришел к выводу, что следует немедленно обсудить все увиденное с Макиавелли. Оба они в большой степени определяли политику Мира Двойников. Однако связаться с Макиавелли немедленно не удалось. Позднее Цицерону стало известно, что как раз в этот момент Макиавелли имел беседу с одной очень необычной «новорожденной».

Клеопатра открыла глаза, села, и тут же на нее нахлынули воспоминания. Жара, и пыль, и яд, пылающий в крови, — таковы были ее последние воспоминания о жизни. Ужасное мгновение полного краха, ненавистный Октавиан, наступающий со своими ордами, смерть Антония. Перед глазами все еще стояли накрашенные лица приближенных женщин с округлившимися от изумления ртами. На глазах у потрясенных служанок Клеопатра сделала то, что позволило ей лишиться ненавистных римлян их триумфа.

И потом никаких воспоминаний до того мгновения, как она очнулась в этом самом месте и обнаружила, что снова жива.

Она лежала уже довольно долго, пытаясь понять, что произошло. Постепенно Клеопатра осознала, что на самом деле не жива, хотя и не умерла в полном смысле этого слова. Она осталась в точности такой же, как прежде, только лишилась тела. Нет, так тоже нельзя было сказать. Тело здесь, но оно ощущалось не так, как прежде. Ее это не слишком удивляло. Хотя Клеопатра стала царицей — и даже богиней с точки зрения религии египтян, — она происходила из хорошей македонской семьи, боковой ветви королевского рода. Ее предки были вое-

начальниками у Александра Македонского. Девушка выросла на греческой философии, искусстве, литературе. И конечно, читала Гомера. А Гомер писал о том, как ощущают себя люди после смерти, когда пробуждаются в Тартаре, — всего лишь как тени самих себя, без аппетита и каких-либо других желаний. Примерно так чувствовала себя сейчас и она. Только не совсем.

Сначала Клеопатра подумала, что это и в самом деле преисподняя, затем поняла, что ошибалась. Все здесь было не так, как она себе представляла. Нет, это не Тартар. Никто не сможет убедить ее в этом, даже сами правители нового царства, в котором она оказалась.

Клеопатра резко выпрямилась на постели, не столько услышав, сколько почувствовав, что дверь открывается. Света тусклой лампы хватало, чтобы разглядеть человека, стоявшего рядом с ложем. Такой одежды ей никогда прежде видеть не доводилось. Темный блестящий материал. Куртка с серебряными пуговицами. Волосы, связанные на затылке светлой лентой. Бородатое лицо, удлиненное и смуглое. Темно-голубые глаза, в которых сверкают ум и веселье.

Клеопатра уселась и внимательно оглядела вошедшего.

— И кто же ты?

— Никколо Макиавелли, к вашим услугам, Клеопатра.

— Тебе известно, кто я?

— Конечно. Ваша слава бессмертна, госпожа.

— Моя слава, но не я сама. Умереть от собственной руки и превратиться в тень в стране теней!.. Куда я попала, господин Макиавелли? Это преисподняя, где властвуют боги тьмы?

— Отнюдь нет, — ответил Макиавелли. — И будьте добры, называйте меня Никколо. Надеюсь, мы станем друзьями.

С его стороны это было нахальство, чтобы не сказать больше. Но что делать? Клеопатра понимала: здесь ей и в самом деле понадобятся друзья.

— Скажи, Никколо, это правда не преисподняя? Где я в таком случае?

— Моя королева, с тех пор как вы умерли, прошло много лет. Люди снова вернули вас к жизни, используя механизм, который они называют компьютером.

— И что же это такое?

— Вам все объяснят, Клеопатра.

— Кто?

— Те, кто теперь правит нами. Это не Тартар, хотя место весьма близкое к преисподней, какой ее представляли себе наши поэты. У нас есть тела, но они не похожи на прежние. Для их создания применено колдовство нового типа, называемое наукой. Они не стареют и не подвержены заболеваниям.

— Значит, мы бессмертны?

— В каком-то смысле да. В нашем теперешнем состоянии отсутствуют естественные причины, которые могли бы вызвать смерть. С другой стороны, мы существуем по прихоти наших хозяев, которые создали это место и вызвали нас к жизни внутри него. Стоит им пошевелить пальцем — и мы исчезнем снова. Весь наш мир своим существованием обязан только их капризу.

Клеопатра во все глаза смотрела на собеседника.

— Ничего не понимаю. Мы исчезнем? Но куда мы тогда денемся?

— Это, — ответил Макиавелли, — таинство, которого я тоже не понимаю. Меня просто известили, что, если они захотят от нас избавиться, мы прекратим существовать. Потом, если им вздумается оживить нас снова, это потребует так же мало усилий.

— Скверная ситуация, — сказала Клеопатра.

— Да.

— И мы бессильны изменить ее?

Макиавелли придал лицу задумчивое выражение.

— Не совсем бессильны, я полагаю. Кое-что еще в нашей воле. Ситуация не лишена определенных возможностей.

Они поглядели друг на друга долгим, исполненным значения взглядом. Клеопатра подумала, как сильно этот человек, с его странной одеждой, аккуратно подстрижен-

ной бородкой и сверкающими глазами, напоминает ей некоторых римских политиков. Больше всего он походил на Кассия, но казался умнее.

Макиавелли тоже изучал Клеопатру, и то, что видел, ему нравилось. Царица не была красавицей — лицо слишком удлинненное, нос великоват, губы чересчур тонки. Афродитой ее никто не назовет. Но в ней чувствовалось нечто такое, чего были лишены самые прекрасные женщины, которых он знал: сильный ум и магнетическая привлекательность. Тело, просвечивающее сквозь шелковую голубую накидку, выглядело маленьким, гибким, полным жизни, женственным, волнующим. Лицо излучало энергию.

Вопрос — что означало ее появление здесь, среди двойников? С какой стати инженеры оживили ее? Надо срочно обсудить эту проблему с Цицероном.

Когда Макиавелли прибыл, уже наступил полдень и Цицерон прогуливался в саду. Это был прекрасный сад, где цвело и благоухало все, что только может произрастать в Италии. Здесь даже имелся небольшой водопад. За садом находилась вилла Цицерона, прекрасная имитация настоящей римской виллы. Здесь Цицерон проводил много времени, здесь же он делал заметки единственной в своем роде, не поддающейся расшифровке скорописью.

— Приветствую вас, Цицерон, — сказал Макиавелли.

— Очень кстати вы появились, Никколо, — ответил Цицерон. — Присядьте, выпейте фалернского.

Макиавелли сел и принял протянутый кубок. Ему нравилось бывать здесь. И не только потому, что его привлекало само это место и спокойствие, всегда царившее на вилле; ему доставляло большое удовольствие беседовать с Цицероном. Оба они были политиками, оба обладали классическим складом ума, несмотря на то что жили в эпохах, отстоящих друг от друга на полторы тысячи лет. У Макиавелли было гораздо больше общего с Ци-

цероном, чем с королевой Викторией или Фридрихом Великим, хотя хронологически они были ближе ему.

— У меня интересные новости, — сказал Макиавелли.

— Прекрасно. У меня тоже. Но давайте поговорим за обедом. Публий, мой повар, не любит ждать.

Во время обеда по настоянию Макиавелли Цицерон рассказал о новом городе, который он посетил вместе с Бакуниным. Макиавелли проявил вежливое удивление, но не более того. Ел Цицерон мало и за обедом выпил всего два кубка вина. Он с нетерпением дожидался сведений от Макиавелли, однако разговор как-то незаметно ушел в сторону, коснувшись того, как много для них значат физические условия. О двойниках нельзя было сказать, что они обладают сенсорным аппаратом в обычном смысле этого слова. Теоретически двойники не должны были ощущать вкус, запах и прочее. Фактически же дело обстояло иначе, и это ставило в тупик ученых, их хозяев.

«Как может информация чувствовать?» — удивлялись они.

Даже мудрый Цицерон не знал ответа. Возможно, это был просто самообман, порождаемый восстановленным разумом. Возможно, для того чтобы мыслить, людям необходимо ощущать свои физические связи с окружающим миром, и, поскольку таковые на самом деле отсутствовали, их произвольно симулировали. В соответствии с этим предположением виртуальные двойники некогда живых людей теперь сами продуцировали виртуальные чувства. Ученые головы считали также, что у двойников не может быть никакого секса. И снова они ошибались: сексуальные связи — или что-то очень на них похожее — возникали в Мире Двойников на всем протяжении его существования.

— Вы обсуждали эту проблему с Джоном Сикисом? — спросил Макиавелли, имея в виду нового главу компании, сконструировавшей Мир Двойников.

— Я сказал ему, что не знаю ответа на эти вопросы, — объяснил Цицерон. — «Вы эксперты в этом деле, не мы. Мы просто объекты ваших экспериментов. Подопытные кролики — так, кажется, говорят». Вот что я ему сказал.

— И каков был ответ?

— Он имел наглость спросить меня, какого рода сексуальные связи больше всего нравятся двойникам.

— И что вы сказали ему?

— Что это в высшей степени личный вопрос. Но он все равно не унялся. Спросил, действительно ли я получаю удовольствие. А разве кто-то стал бы этим заниматься, если бы дело обстояло иначе, ответил я ему.

— Но ведь это не похоже на настоящую сексуальную связь?

— Прошло больше двух тысяч лет с тех пор, как у меня была настоящая связь, — напомнил Цицерон. — Мои воспоминания об этом божественном наслаждении в значительной степени потускнели. Но то, что доступно нам здесь, тоже неплохо.

— Один из поэтов спустя тысячу лет после вас написал такие слова: «Могила, конечно, прекрасное и уединенное место, но никому не приходит в голову здесь целоваться»¹.

— Ну, мы способны своими глазами убедиться, что он ошибался, — возразил Цицерон. — Если это могила, то ни о какой уединенности и речи быть не может. Люди, такие же как вы сами, могут вторгнуться к вам, когда им вздумается. Что же касается поцелуев... Ах, я все еще не утратил надежды, что Сикис вернет к жизни мою жену. — Он вздохнул. — Но скажите, Никколо, зачем вы хотели видеть меня? Какие у вас новости?

— Туллий, среди нас появилось новое лицо.

— Кто, скажите, умоляю вас?

— Полагаю, ваша знакомая. Некая Клеопатра, возлюбленная сначала Цезаря, а потом Марка Антония.

— Это интересно, — сказал Цицерон.

¹ Эндрю Марвелл (1621–1678) — английский поэт.

— Еще бы! Особенно в свете беседы, которую я не так давно имел с новым владельцем Мира Двойников, мистером Джоном Сикисом. Я так и думал, что вы заинтересуетесь.

— Продолжайте, прошу вас, — произнес Цицерон.

На самом деле беседа Макиавелли с Джоном Сикисом, главой компании, происходила довольно давно, на начальной стадии существования Мира Двойников, еще до того, как его виртуальная среда стала такой сложной и разнообразной. Потребовалось немало времени, чтобы усовершенствовать ее. Первое, на чем люди сосредоточили свои усилия, были сами двойники. Вот почему в то время существовал только эскизный вариант своего рода подмостков, а на них — всего лишь намек на кресло, стену и окно. За окном же не было ничего — ничего, что позволяло бы хоть что-то разглядеть внутри самой машины, того самого компьютера, с помощью которого было создано все это. В тот день Сикис задавал прелюбопытные вопросы — по мнению Макиавелли, вследствие их предыдущих встреч. Сикис, по-видимому, начал задумываться о жизни и смерти, пытался заглянуть вперед, далеко вперед — такое воздействие оказывало общение с двойниками давно умерших людей. Сикис поинтересовался, какая женщина самая желанная с точки зрения того, чтобы провести с ней бессмертную жизнь.

— Никакая, — ответил Макиавелли. — Я не представляю себе женщины, с которой захотел бы прожить целую вечность.

— Давайте поставим вопрос иначе. С кем вы предпочли бы провести первую часть своей бессмертной жизни?

— История знает множество прекрасных женщин, — сказал Макиавелли. — Мария-Антуанетта, к примеру, всегда принадлежала к числу моих любимых. Или Лукреция Борджиа... Весьма своеобразная была дама. Гипатия, знаменитая куртизанка Перикла, как мне кажется, могла бы украсить судьбу любого мужчины. Но среди всех них существует одна, и только одна, которую я бы предпочел, имея я такую возможность.

- И кто же это?
- Безусловно, Клеопатра.
- Расскажите мне о ней.

— Это уже гораздо лучше сделал Шекспир. Он назвал ее созданием, исполненным безграничного очарования и бесконечного коварства.

— Интересно, — задумчиво произнес Сикис. — Хотел бы я знать, много ли информации о ней уцелело.

Знаменитая царица недолго оставалась в одиночестве: Сикис позаботился о том, чтобы ее побыстрее ввели в курс дела. Инструкторы стали давать новенькой ежедневные уроки относительно всего, что произошло после ее смерти. По их словам, получалось, что нынешнее состояние Клеопатры нельзя назвать ни смертью, ни жизнью. Еще они говорили, что она многому должна научиться. Они и пытались учить, но большая часть того, о чем ей рассказывали, оставалась для нее пустым звуком. Не интересовало Клеопатру и заучивание жаргона, на котором изъяснялись жрецы этого нового племени, каким-то непонятным образом сумевшие уловить в свои сети ее дух. Какая разница, как называть абсолютную истину — Амон Ра или массив информации? А ведь она должна была вы зубрить еще и множество совершенно новых слов, значения которых не понимала вообще: электричество, аппаратное обеспечение, диод, программное обеспечение... Что это — имена новых богов или просто перечень атрибутов некоего божества?

Не понимая множества деталей происходящего, Клеопатра тем не менее ухватывала самую его суть. Что было не так уж трудно. Это незнакомое царство и его правители были увлечены поисками любви и власти не в меньшей степени, чем все те люди, которых она знала прежде. Да, и еще они занимались поисками истины. Но любовь их интересовала гораздо больше.

Даже когда она отдыхала, ей ухитрялись каким-то образом вкладывать знания непосредственно в голову. Вот этого Клеопатра уже совсем не понимала. Сикис полагал, по-видимому, что будет довольно просто вве-

сти ее «в курс дела», добиться того, чтобы она достигла уровня современных знаний. Но хотя ее инструктировал двойник самого Солона, результаты оказались весьма разочаровывающими. В конце концов Сикис потребовал у Солона объяснений.

— Как продвигается инструктаж?

— Не слишком успешно, сэр. Новенькая отказывается понимать.

— Я полагал, что у вас не должно быть трудностей с подачей информации. Просто вложите все, что нужно, в ее сознание, как вы уже не раз делали.

— Проблема не в том, чтобы снабдить Клеопатру информацией, сэр. Чем мы не можем снабдить ее, так это понятливостью.

— Вы имеете в виду, что она тупица?

Высокий величавый старик в белой мантии покачал головой:

— Не исключено, что она сообразительнее любого из нас. Просто есть вещи, которых она не желает понимать. Клеопатра прекрасно усваивает суть того, что способна творить наука, однако напрочь отказывается вникать в детали, поясняющие, как это происходит.

— Может быть, наша методика ошибочна? Что вы посоветуете?

— Не всякого можно обучить чему-то в форсированной манере. Клеопатра уже вполне сформировавшаяся личность. Естественно, она не слишком довольна, оказавшись в положении человека, который нуждается в инструктаже касательно всего происшедшего за две с лишним тысячи лет. Она прекрасно схватывает все, что касается практической жизни. Я не стал бы торопить ее, сэр. Придет время — всему выучится сама.

Клеопатра еще при жизни никогда не проявляла ни малейшего интереса к технике. Вряд ли можно было ожидать, что этот интерес пробудится у нее сейчас, после того как она умерла и возродилась к жизни в этой странной реальности. Ей было безразлично, как именно с технической точки зрения все произошло. Но на свой

собственный лад она понимала происшедшее очень даже хорошо.

Когда-то — давным-давно — она содрогнулась на своем ложе от укуса змеи. Потом не было вообще ничего — ничего, что пробуждало бы хоть какие-то воспоминания.

А теперь вдруг возрождение в царстве теней!.. Только это призрачное царство не было творением богов. Люди каким-то образом создали его и в нем возродили Клеопатру. Не боги. Ее оживили, и, сколь ни грустно было не иметь настоящего тела, потерять мнимое было бы еще хуже. А они могли — могли лишить ее и этого тела в любой момент, как только им вздумается.

Клеопатра понимала, что они способны так поступить. Вот почему ее жизнь находилась в постоянной опасности. А теперь еще этот новый поворот.

Воздух медленно сгустился. Она догадалась, что сейчас появится Сикис. И была готова к его приходу.

— Вот и я, моя дорогая, — сказал он. — Как вы себя сегодня чувствуете?

«Почему они оживили именно меня? Я знаменита. Я символ. Но чего? Страсти, соблазна и... неглубокого ума! Моя любовь к роскоши вошла в поговорку, так же как и мое выдающееся непостоянство. У меня и вправду было много возлюбленных. И все же я покончила с собой из любви к Антонию. А они — в частности, Сикис — лишь бормочут что-то нечленораздельное и заявляют, что оживить Антония невозможно.

Причина ясна: Сикис хочет, чтобы я досталась ему. Он достаточно ясно выражается. А как же Антоний? Не знаю. От меня ничего не зависит. Я уже однажды умерла ради него. И вряд ли мне снова захочется ради него расстаться с жизнью.

Этот человек — Сикис — влюблен в меня. Или скорее в мой образ, который сформировался задолго до того, как мы встретились здесь. Тот самый образ, который живет в сознании множества людей. Как странно... Сикис говорит, что на свете есть миллионы и миллионы

людей, которым хоть что-то известно обо мне. Я знаменита. И Сикис, надо полагать, хочет, чтобы ответ моей славы пал на него, думает, что рядом с моей царственностью сам станет царем и таким образом откроет еще одну главу в истории великой Клеопатры. Но как такое может быть? Он живой человек, а я... Я то, что они называют двойником. А может быть, он хочет, чтобы я стала женой кого-то другого? Что он замышляет? И как мне использовать это к своей выгоде?»

— Объясни мне кое-что, Редмонд, — обычно говорил Цицерон, когда этот инженер приходил навестить его.

— Все, что угодно, — отвечал Редмонд.

Он навещал Цицерона при всяком удобном случае. Редмонд писал докторскую диссертацию, в большой степени опираясь на сведения, полученные от Цицерона. Надеялся таким образом сделать себе имя, поскольку Цицерон рассказывал ему вещи, которые ни из каких других источников узнать было невозможно. Причем Цицерон делился своими сведениями с ним, и только с ним, что Редмонд иногда воспринимал просто как чудо.

Это был высокий, худощавый, нервный молодой человек с рыжими волосами и небольшими кустистыми красновато-рыжими усиками. Чистую кожу его лица щедро покрывали веснушки. Насколько было известно Цицерону, Редмонд имел жену и двоих маленьких детей. До сих пор Цицерон предоставлял ему эксклюзив на свою информацию, по крайней мере по всем вопросам, связанным со специальностью Редмонда. Редмонд был экономистом и очень интересовался римским денежным обращением. Цицерон помогал ему прояснить некоторые проблемы, за давностью времени казавшиеся неразрешимыми.

Редмонд также интересовался всякими другими валютами, которые циркулировали в Риме в те времена, и Цицерон, без сомнения, был для него драгоценнейшей находкой. Вот почему Редмонда чуть удар не хватил, когда при очередном свидании Цицерон объявил, что вынужден прекратить снабжать его информацией.

— Но почему, Марк Туллий? Я думал, мы друзья.

— Я и сам так думал, — ответил Цицерон. — Я относился к вам почти как к сыну. И уж конечно как к ученику. Вот почему мне стало так больно, когда я узнал, что вы не были со мной откровенны в вопросах величайшей важности.

— Марк Туллий! Умоляю вас, объясните, на что вы намекаете!

Цицерон остановил на молодом человеке суровый взгляд.

— Я говорю о планах Джона Сикиса.

— Ка... каких планах? — спросил Редмонд тоном невинного младенца, но едва заметная дрожь в голосе выдавала его. Цицерону стало ясно, что Редмонд совершенно точно знает, о чем идет речь.

Он молча ждал. Редмонд пристально посмотрел на него, прочистил горло и заявил:

— Мне запрещено обсуждать планы мистера Сикиса. Он совершенно недвусмысленно дал понять, что, если я проболтаюсь вам о них, наши встречи прекратятся.

— А если вы не расскажете мне, я никогда больше не стану беседовать с вами. Даю слово римлянина.

Их взгляды встретились. Редмонд первый отвел глаза.

— Если он когда-нибудь узнает...

— Не узнает, — успокоил его Цицерон. — Ясно же, что в моих интересах не разглашать, из каких источников я получаю информацию. Но я должен быть в курсе планов Сикиса в той части, в какой они имеют отношение к Миру Двойников. Это вопрос жизни и смерти для меня и всех нас. Мы полностью зависим от оборудования, без которого невозможно само наше существование. Если Сикису что-то не понравится, он волен уничтожить любого из нас или даже всех. Он способен погубить весь наш мир. Нас постоянно гнетет страх смертного приговора, и никто из обычных людей не может никак изменить эту ситуацию, даже зная о нашем положении. Мир не воспринимает двойника как личность. Хотя, может быть, именно вы теперь уже понимаете, что такая точка зрения неверна.

- Да, конечно.
- Тогда расскажите мне обо всем, Редмонд.
- Хорошо, сэр...

При следующей встрече с Макиавелли Цицерон сообщил ему потрясающую новость:

— Сикис, если верить Редмонду, моему информатору, собирается присоединиться к нам здесь, в Мире Двойников.

— Мне казалось, что это невозможно для живых людей, — возразил Макиавелли.

— Скорее всего, так оно и есть. Сикис задумал совершить самоубийство, сначала обеспечив сохранение информации, необходимой для создания его двойника.

— Значит, Сикис собирается стать одним из нас! — воскликнул Макиавелли. — И ради этого покончить с собой!.. Поразительно, конечно, но, если хорошенько призадуматься, вполне закономерно. Все-таки, что ни говори, мы здесь обладаем бессмертием. Пока эта несущая жизнь субстанция... как они ее называют?

— Электричество, — подсказал Цицерон.

— Вот именно. Пока электричество бежит по проводам, мы бессмертны.

— Весьма ненадежный вариант бессмертия, — заметил Цицерон. — Теоретически мы, конечно, могли бы жить вечно. Но на практике стоит не угодить хозяевам — и они могут уничтожить нас вот так просто. — Цицерон щелкнул пальцами.

— Сикис собирается править нами, — задумчиво произнес Макиавелли. — В чем мы совершенно не нуждаемся! Полагаю, для этого и выстроен тот великолепный дворец, который вы с Бакуниным обнаружили.

— Скорее всего, — ответил Цицерон. — Именно там Сикис рассчитывает жить и царствовать.

— С Клеопатрой в качестве царицы, — добавил Макиавелли. — Именно. Хотя не думаю, что, избрав ее, он совершил ловкий ход. Она, конечно, исключительно привлекательная женщина, но все же недаром имеет репутацию убийцы. Не хватало нам других забот, так теперь

еще этот Сикис вот-вот окажется здесь, чтобы править нами. Нужно найти способ помешать ему.

— Напротив, — возразил Цицерон, — мы должны всячески способствовать тому, чтобы это произошло.

— Я не ослышался? — удивился Макиавелли. — Цицерон, демократ, возлюбленный свободы, готов с распростертыми объятиями приветствовать здесь одного из наших врагов?

— Обычно вы более проницательны, — ответил Цицерон. — Я не хуже вас осознаю, что идет нескончаемая война между нами и ними, между двойниками и реальными людьми.

— Вы читаете мои мысли. Почему же в таком случае вы собираетесь способствовать тому, чтобы враг жил среди нас и правил нами?

Цицерон улыбнулся, собираясь с мыслями.

— Может быть, он и будет править здесь. Что из того? Нами все равно управляют, и в данный момент нет способа избавиться от этого. Суть в том, что в результате один из них окажется на нашей территории. Сейчас, поскольку мы намертво прикованы к этому их компьютеру, они для нас недостижимы. Однако, если Сикис переселится сюда и при этом сохранит свою власть, нас не уничтожат. И пока мы способны двигаться и думать, может быть, нам удастся переломить ситуацию в свою пользу.

— Каким образом? — спросил Макиавелли. — Мы всего лишь крошечные биты информации, а они... Они вполне материальны, не нам чета.

— Смотрите глубже, друг мой, — ответил Цицерон. — Ветер тоже что-то вроде информации. Он не более материален, чем мы с вами, и все же способен воздействовать на обычные предметы. Повалить дуб, например. Вот что такое сила информации, направленная в нужную сторону.

— Даже здесь Сикис по-прежнему может оставаться недостижим для нас.

— Согласен. И все же у нас появится шанс повлиять на него, тогда как сейчас это в принципе исключено.

«Я люблю вас, Клеопатра». Нет, эти слова пока еще не прозвучали, но должны вот-вот прозвучать. Даже явившись к ней в личине бога, он не уподобится богам. Ничтожный человек, она ощущала это всеми фибрами души. Сикис, так он называл себя и настаивал, чтобы она тоже так обращалась к нему. Он, казалось, гордился своим именем. И постоянно пытался объяснить ей, какое важное место занимает в другом мире — мире, которого она никогда не увидит.

— Вы полностью в моей власти, Клеопатра. Я не хвастаюсь и не пытаюсь угрожать вам.

«Пока нет», — подумала она.

— Я просто констатирую факт. Именно так обстоит дело в данный момент, спустя две тысячи лет после того, как змея ужалила вас и вы погибли. Мы создали вас заново, Клеопатра. Скажите, ведь у нас неплохо получилось, а?

Он болтал всякий вздор в том же духе, вот чем занимался Сикис. И никогда не являлся ей лично. Никогда за все время, что она беседовала с ним в этой самой комнате. Она слышала его голос, и перед глазами возникало его изображение. Но он выглядел точно ожившая картина, а не живой человек.

— Я не могу проникнуть внутрь машины, Клеопатра, — объяснил он, заметив, что собеседницу оскорбляет его нежелание явиться ей лично. — Мы в силах воссоздать любого человека, жившего когда-то, если о нем сохранилось достаточно информации. Но мы не способны создать вымышленную личность. Так же, как и самих себя. Это невозможно, пока мы живем в своем теле.

— Очень рад, что вы приняли мое приглашение, — сказал Цицерон Клеопатре. — Прошу вас, пройдемте в сад. Сегодня прекрасный день, и мы сможем подкрепиться на воздухе. Конечно, здесь всегда прекрасные дни. Полагаю, это одно из преимуществ искусственной погоды — можно не зависеть от капризов природы. Хотя я считаю, что стоит попросить инженеров немного

изменить ее, внеся хотя бы сезонные вариации. Я даже не в состоянии определить, какое это время года.

— А вы по-прежнему многословны, Туллий, — ответила Клеопатра. — Какой приятный сад!

— Я рад, что он вам нравится. Хотя, конечно, он ничто по сравнению с тем, чем владели вы в старые добрые времена, когда царствовали в Александрии.

— То было совсем другое время, — сказала Клеопатра. — Вы тогда были консулом в Риме.

— Очень недолго. И боюсь, толку от меня было немного. Такие великие люди, как Цезарь, к примеру, оказались не по зубам бедному философу вроде меня. Или взять Марка Антония... Тоже, безусловно, выдающаяся личность; противостоять ему было почти невозможно. Жаль только, что содержать в себе такую личность трудно для кого угодно. Полагаю, в конечном счете он и сам не сумел справиться с ней.

— Все это кажется сейчас таким далеким, — произнесла Клеопатра. — У вас тут замечательно все устроено, гораздо лучше, чем у меня. В моем распоряжении всего-навсего три маленькие комнатки, а сада вообще нет.

— Скоро все изменится, — сказал Цицерон. — Как только Джон Сикис закончит свои приготовления.

— Сикис... Он в самом деле что-то значит в этом варварском мире? Или нет?

— Эти люди вовсе не варвары. И Сикис действительно очень много здесь значит.

— В некотором роде наш правитель?

— Он владеет контрольным пакетом акций в корпорации, которая управляет нашим миром.

— Я так и думала. Какая скука! И какой меркантилизм! А ведь на карту поставлена наша судьба, и, оказывается, она зависит от чьих-то торгашеских интересов.

— Увы, — кивнул Цицерон. — Меркантилизм насквозь пропитал прекрасный новый мир, в котором мы обрели вторую жизнь.

— Печально. — Клеопатра опустила в предложенное ей кресло и взяла персик из серебряной чаши, стоящей перед ней на столе. Надкусила, состроила гримасу. — Фу! Здесь все такое безвкусное!

— Это потому, что ненастоящее, — сказал Цицерон.

— Ну, все равно им не мешало бы проявить побольше изобретательности. Если они способны создать что-то, внешне похожее на персик, почему бы не позаботиться о том, чтобы он имел настоящие вкус и аромат?

— Хороший вопрос. Вам следует задать его как-нибудь Сикису.

Клеопатра пожала плечами; прикрытые легкой, словно паутина, шалью, они выглядели восхитительно. Цицерон отвел взгляд. Эта сирена, даже несмотря на то, что со времени ее смерти прошли века, все еще производила на него волнующее впечатление.

— Сикис... — повторила Клеопатра. — Мне кажется, он влюблен в меня.

— Вы удивлены?

— Ну, немного, учитывая разницу наших состояний. Он реальный мужчина, по его словам, а я фантом.

— О чем он с вами разговаривает?

— Утверждал, что уже давно преклоняется предо мной, — будничным тоном сообщила Клеопатра. — Повторял это снова и снова в изысканных выражениях, столь же страстно, сколь и банально. Потом и вовсе забормотал что-то невразумительное: как мы с ним вместе будем править здесь, в этом мире, который он называет Миром Двойников. Король и королева теней, вот что он имел в виду, я полагаю. Он был даже так добр, что сообщил мне, каким прекрасным супругом он будет. И вульгарно заявил, что ему из авторитетного источника известно кое-что очень важное для нас обоих. А именно, что акт любви в Мире Двойников хотя и не вызывает таких ярких ощущений, какие мы испытывали прежде, все же способен доставить большое удовольствие. И что он ждет не дождется, когда разделит это удовольствие со мной. Вот в таком духе Сикис продолжал все время, пока я не остановила его.

— И что вы ему ответили?

— Постаралась расставить все на свои места. Напомнила, что я, Клеопатра Седьмая, была возлюбленной четырех величайших когда-либо живших мужчин...

— Кого вы имеете в виду? — прервал ее Цицерон. — Мне, конечно, известно о Цезаре и Марке Антонии.

— Ну, до них был Помпей — бесспорно, один из самых великих людей на свете.

— Всего три.

Клеопатра озорно улыбнулась:

— Вы учили Октавиана?

— Но ведь он был вашим врагом! Вы покончили с собой, чтобы не попасть ему в руки и лишиться возможности торжественно доставить вас в Рим в знак триумфа.

— Такова версия, известная всем. Правда, как обычно, чуть-чуть сложнее.

— С удовольствием поболтаю с вами на эту тему в другой раз, — сказал Цицерон. — Однако сейчас у нас есть гораздо более важные проблемы. Вы отвергли предложение Сикиса?

— Окончательно и бесповоротно. Он человек мелкой души, не чета мне!.. Что это за звук?

— Это я, — ответил Цицерон. — Я скрежещу зубами.

— С какой стати? Сикис так много для вас значит?

— В личном плане он ровно ничего для меня не значит. Проще говоря, мне на него наплевать. Но он случайно оказался абсолютным владыкой и правителем нашего мира и держит в своих руках жизнь и смерть каждого из нас.

— Он о чем-то таком упоминал, — промолвила Клеопатра. — Но я не поверила ему. У меня возникло впечатление, что он хвастается.

Цицерон вздохнул:

— Вы здесь сколько... три дня? И уже успели чуть не погубить все дело.

На лице Клеопатры появилось выражение досады.

— Он просто показался мне недостаточно умным, чтобы можно было поверить всем его заявлениям. Я даже представить себе не могла, что такая посредственность,

как Джон Сикис, способна возродить к жизни множество людей и заправлять всем в этом месте, которое вы называете Миром Двойников.

— Клеопатра, — сказал Цицерон, — Джон Сикис, конечно, не избобрел все это сам. Но он состоятельный человек — виртуоз меркантилизма, не забывайте, — и ему оказалось вполне по средствам выкупить просроченные паи у менее состоятельных членов корпорации, которая контролирует Мир Двойников.

— Я понимаю. Итак, Сикис не блефует, и он не жалкий человечиска, пытающийся набить себе цену. Он действительно имеет власть над нашей жизнью и смертью, как заявляет?

— Совершенно верно, Клеопатра.

— Ну, в таком случае, похоже, следует переосмыслить ситуацию. И все равно он мне не нравится, Цицерон, и я, конечно, не обязана иметь фнаرف с этим человеком.

Цицерон кивнул, подумав, что она, наверно, специально использовала старое коптское слово для обозначения интимной связи с той целью, чтобы сильнее подчеркнуть его смысл.

— Конечно нет. Хотя для вас же будет хорошо, если вы пересмотрите свою позицию. Сикис объяснил, как он собирается реализовать ваш с ним союз?

— Он недвусмысленно дал мне понять, что намерен перебраться сюда, в Мир Двойников, чтобы быть вместе со мной.

— Но он не предстал перед вами в своем собственном обличье во время этого разговора?

— Нет. Он объяснил, что не может сам стать двойником, не сделав предварительно одну важную вещь.

— Он не сказал, что это за вещь, Клеопатра?

— Нет. Хотя я и спрашивала его.

— Чтобы присоединиться к вам здесь в качестве двойника, Джон Сикис сначала должен свести счеты с земной жизнью. Инженеры объяснили мне: живой человек не может стать двойником. Исключений не бывает. Значит, Клеопатра, Сикис ради вас готов совершить самоубийство.

Некоторое время Клеопатра молчала. Затем произнесла:

— Ну, должна признать, это несколько меняет мое мнение о нем в лучшую сторону.

— Вы должны всячески способствовать тому, чтобы он осуществил свой план. Поговорите с ним в этом духе, когда он снова появится у вас.

— Если появится, — поправила Клеопатра. — Ведь я решительно отвергла его предложение.

— Будет еще случай, — сказал Цицерон. — Зря, что ли, Сикис потратил столько времени, чтобы воздвигнуть этот дворец? Он хочет жить там вместе с вами и не откажется от своего замысла на основании одного-единственного отказа.

— Вы в самом деле хотите, чтобы он оказался здесь и правил нами? — спросила Клеопатра.

— Гораздо хуже, когда он правит нами на расстоянии. Там, где он сейчас живет, мы не в силах до него добраться. При нынешнем положении дел у нас нет никакой возможности воздействовать на него. Мы даже не в состоянии связаться с ним по своей воле, только когда он сам этого пожелает.

— Понимаю, — сказала Клеопатра. — Чем дальше правитель, тем труднее вонзить в него кинжал.

— Что-то в этом роде, — согласился Цицерон.

— Но его присутствие здесь только теоретически даст вам выигрыш, ведь он наверняка окружит себя сильной охраной. Что касается меня... Быть его королевой наверняка окажется очень утомительной обязанностью. Пусть Сикис владеет хоть десятью компаниями и тысячами миров, где живут двойники, — это не делает его более привлекательным.

— Полагаю, нам удастся получить не только теоретическое преимущество, — сказал Цицерон. — Вы не замечали, Клеопатра, что люди, стоящие у власти, склонны доверять своей удаче и часто бывают удивительно беспечны? Взять хотя бы самого великого Цезаря. Он, конечно, был моим политическим врагом, но ему нель-

зя отказать в редкой проницательности. И все же даже он не предполагал, что его убьют на ступенях сената.

— Но ведь двойника убить невозможно?

— Насколько мне известно, нет. Однако у меня на уме вовсе не убийство.

— Что же в таком случае?

— Я и так уже рассказал слишком много. Вы можете нам, Клеопатра?

В ее глазах вспыхнули искорки.

— Значит, у нас заговор!

— Давайте закончим на этом нашу беседу. Стены, как говорится, могут иметь уши, и здесь скорее, чем в каком-нибудь другом месте. Вы можете нам?

— Думаю, что да. Хотя при определенном условии. Вы должны выполнить одно мое желание, Цицерон.

— Какое?

— Пока я вам не скажу. Вы не слишком-то откровенничаете со мной о подробностях вашего заговора, вот и я умолчу о своем условии. Нет никакого смысла обсуждать его прямо сейчас, тем более что вы не будете от него в восторге, Марк Туллий. Во всяком случае, не в большем восторге, чем я от предстоящих постельных утех с Сикисом, виртуозом меркантилизма, как вы разились.

— Я не могу обещать того, чего не в силах выполнить.

— Это очевидно. Я не попрошу большего.

— В таком случае прекрасно. Я выполню одно ваше желание, в чем бы оно ни состояло, если в моих силах будет сделать это. Удовлетворены?

— Да. До свидания, Марк.

— Куда вы теперь?

— К себе, конечно, — ответила Клеопатра. — В этом мире я стала немного пренебрегать косметикой. Но поскольку мой поклонник может появиться в любой момент... Трудно объяснять такие вещи мужчине, Марк.

— И слава богу, — ответил Цицерон.

Двойники проявляли самый живой интерес к затее Джона Сикиса. Не исключено, что его действия вызвали гораздо больше обсуждений в Мире Двойников, чем в реальном мире. С точки зрения Сикиса, которую разделяли многие его коллеги, то, что он задумал, нельзя было назвать самоубийством. Напротив, обрывая существование своего брэнного тела, он всего лишь выполнял условие, необходимое для того, чтобы войти в Мир Двойников. Независимо от объема информации, собранной о живом человеке, попытка создать его двойника в виртуальном мире компьютера ни разу не увенчалась успехом. Всегда словно ускользала какая-то жизненная энергия, пропадала сама жизнеспособность.

Цицерон, Клеопатра и остальные двойники некогда живших людей проявляли все признаки полностью самостоятельных созданий, способных отдавать себе отчет в том, кто они такие, и действовать сообща, как реальные люди. Однако это ни в какой мере не относилось к двойникам еще живых людей. Похоже, человек мог существовать только в одной ипостаси — либо как живой, либо как двойник.

И все же даже ради бессмертия лишать себя жизни мучительно. И ни у кого не возникло желания тут же последовать за Сикисом в компьютер. К тому же только у Сикиса были основания рассчитывать, что даже в своем новом положении он по-прежнему сумеет держать все в своих руках. Как элемент виртуальной реальности, он становился бессмертен, зато оказывался в зависимости от прихоти любого, кто способен движением руки выключить компьютер. И еще Сикису необходимо было учитывать весьма сомнительный легальный статус двойников.

И тот факт, что высокий суд был еще совершенно не готов объявить эти создания полноправными настолько, чтобы, к примеру, на законном основании владеть и распоряжаться собственным имуществом. Не говоря уж о еще более сложной проблеме предоставления им гражданских прав.

Сикис постарался избежать превратностей юридических тяжб, оставив завешание, обеспечивающее его душеприказчикам большой доход, но только в том случае, пока они скрупулезно выполняют все условия завешания. Малейшее отклонение — и имущество Сикиса перешло бы под управление другой группы претендентов, группы, выбранной им в качестве сторожевого пса по отношению к первой. Он постарался предусмотреть все, чтобы у них и мысли не зародилось о сутяжничестве.

Его условия были, в общем-то, не слишком обременительны. Он настоял на том, что во время своего умерщвления будет постоянно находиться в сознании. Любая попытка остановить его или каким-то образом вмешаться рассматривалась как нарушение условий завешания. И он настоял также, что все принятые им раньше решения, касающиеся двойников, к которым он отныне принадлежал, должны выполняться в полном объеме и безо всяких промедлений. Таким образом он сохранил контроль над происходящим и над теми людьми, которые участвовали в этом деле вместе с ним. Или по крайней мере, так он рассчитывал.

В день его появления, конечно, был устроен самый грандиозный торжественный бал, который когда-либо видели в Мире Двойников. Хотя сказать так — значит ничего не сказать. Устроили самый грандиозный торжественный бал, который когда-либо вообще происходил в мире; все, конечно, представляло собой элементы виртуальной компьютерной реальности, но от этого зрелище получилось не менее впечатляющим.

Клеопатра выглядела превосходно в розовом тюлевом платье с буфами, созданном специально для нее одним из знаменитейших парижских кутюрье. Музыкальное сопровождение тоже представляло собой элемент виртуальной реальности, хотя удалось добиться совершенно уникального звучания. Десять знаменитых оркестров, воспроизведенных инженерами в компьютерном мире, объединив усилия в полном соответствии с самыми современными веяниями в области синтезированной

ной музыки, ко всеобщему удовольствию, грянули свадебный марш Мендельсона. И были балы, и маскарады, и роскошный прием — Сикис привлек к работе всех диснеевских мультипликаторов, что для него не составляло труда, поскольку он владел также и студией Диснея. Цицерон выступал в роли посаженного отца невесты. Поскольку они оба были выходцами из одного и того же классического римского периода, это делало их почти родственниками. А Никколо Макиавелли получил большое удовольствие, представляя жениха. Сам Карл Великий, специально воссозданный для этого случая, осыпал собравшихся своим присутствием.

Все происходило в новой виртуальной столице Сикиса, которую он нарек Новым Римом, но которую двойники называли не иначе как Фантом-Сити. Никто не мог бы с уверенностью сказать, кем был величавый человек, исполняющий обязанности священника, поскольку его лицо скрывал капюшон рясы. Однако ходили слухи, что это сам святой Петр, возрожденный в связи с тем, что венчание новобрачных должно было стать достоянием истории как одно из величайших событий. Другие предполагали, что это Мартин Лютер, а некоторые приверженцы сионизма утверждали, что то был Баал. Все прошло прекрасно, однако после приема наступила расплата.

— Власть, которая воображает себя абсолютной, — заметил позднее Макиавелли, — всегда вызывает у своих противников искушение испытать, насколько обоснованны эти претензии. Лучше быть немного скромнее, в особенности если сам присваиваешь себе право властвовать над другими.

Джон Сикис не был скромным. Чуть позже в тот же день Цицерон привел в движение план, который позволял выяснить, насколько в самом деле абсолютной была эта власть.

Джон Сикис сидел на постели. Он не знал, способны ли двойники страдать от похмелья, но, похоже, с ним случилось именно это. Его голова — голова двойника, которая была не только напичкана информацией, но и са-

ма состояла из информации, — отвратительно болела. Похмелье от виртуального шампанского? Он оглянулся и обнаружил, что в спальне больше никого нет.

— Клеопатра? Где тебя черти носят?

Никакого ответа. Потом Сикис увидел, что дверь спальни медленно приоткрылась.

— Клеопатра, я уже начал волноваться... — Он замер на полуслове, когда вошли Цицерон, Макиавелли и с ними еще несколько человек. — Что это значит? — возмутился Сикис. — Как вы посмели ворваться ко мне в спальню? Вы отдаете себе отчет в том, что я могу всех вас уничтожить, выключить, стереть из памяти компьютера? Именно так я и поступлю, если вы немедленно не уйдете отсюда! — Его глаза злобно вспыхнули, когда двое пришедших с Цицероном схватили его за руки. — Не смейте прикасаться ко мне!

— Интересно наблюдать, — промолвил Цицерон, — как быстро человек привыкает к абсолютной власти, к такому положению, при котором он может убедить себя, что простые смертные не смеют прикасаться к нему. Вы правили нами менее двадцати четырех часов и уже ощущаете себя неприкосновенной личностью. И священной тоже. Выбросьте из головы это заблуждение, Сикис. Охранная сигнализация отключена. Вы сами просили инженеров не беспокоить вас. Сейчас все будет происходить только между вами и нами.

— Что вы собираетесь делать? — воскликнул Сикис. — Любая попытка убить меня...

— Боже упаси, — ответил Цицерон. — Даже если предположить, что вообще вы можете быть убиты, инженеры просто воссоздадут вас снова.

— Они выручат меня. Я предупреждаю вас, Цицерон, освободите меня сейчас же, немедленно — или это кончится для вас очень плохо.

— Боюсь, вам придется пройти туда, куда мы укажем, — сказал Цицерон. — В случае отказа применим силу.

— Куда вы хотите отправить меня?

— Увидите. Михаил, покажите ему дорогу.

Дверь снова открылась, вошел Михаил Бакунин. Он ухмыльнулся, как способен ухмыляться лишь анархист, оказавшийся свидетелем падения напыщенной автократии.

— Сюда, мой повелитель.

Он пересек комнату и, наобум приложив к стене карту личного доступа, дождался, пока откроется проход. За ним виднелся длинный винтовой коридор, который уходил вниз, в бесконечную глубину.

— Куда он ведет? — спросил Сикис. — Я не пойду туда!

— Пойдете, — сказал Цицерон. — Мы установили на другом конце телефон. Позвоните, если решите сотрудничать с нами.

— Я лучше займусь обдумыванием пыток, которым вас подвергнут, — ответил Сикис.

Те двое, что держали его за руки, обменялись взглядами и посмотрели на Цицерона. Цицерон кивнул. Сикис почувствовал сильный толчок, на мгновение задержался на краю прохода, а потом проскочил в спиральный коридор. До них еще долго доносились его крики.

— Вы уверены, что он не пострадает? — спросил Макиавелли.

— Какой вы мягкосердечный! — усмехнулся Бакунин.

— Он нужен нам живым.

— Не волнуйтесь. Двойники не умирают, пока вилка воткнута в розетку. Зато их можно упрятать подальше.

Для двойника падение не так опасно, как неприятно; его стоит опасаться не больше, чем лающей собаки, которая, как известно, никогда не кусается. И все же Сикис пришел в ужас, с ускорением проносясь по извилистому, идущему по спирали вниз металлическому цилиндру. Как будто он двигался внутри кишок какого-то невероятного металлического чудовища. И сверхъестественный свет внутри цилиндра ничуть не облегчал его положения.

Пытаясь задержать падение, Сикис раскидывал руки, прижимал их к внутренней поверхности трубы. В результате он ободрал себе ладони, но новая кожа появилась прямо на глазах. Потом падение закончилось, и, приземлившись легко, точно осенняя паутина, на грязный бетонный пол, он оказался в комнате, больше всего похожей на тюремную камеру.

Ее освещал сумеречный свет, который проходил сквозь забранное решеткой, глубоко утопленное в стену окно над головой. Несмотря на не слишком острое обоняние двойника, в лицо Сикису ударила вонь немытых тел, пропитавшая камеру. Усилению воню к тому же способствовала большая печь, видневшаяся через зарешеченное оконце в двери. От печи распространялись жар и смрад.

Проклятье, куда его затолкали? Что это за место? Такого вроде не было на планах или в перечне моделируемых объектов, который ему показывали. Может быть, оно осталось от прежних владельцев? Если они воображают, что таким образом им удастся сломить его дух...

Ну что ж, они правы. Инженеры не выручат его, пока не найдут. А раз этого места нет на планах...

Рядом с провисшей кроватью на низком столике стоял телефон, ослепительно-белый, роскошный, без единого пятнышка и... совершенно неуместный здесь. Сикис поднял трубку.

— Цицерон? Это вы?

— Слушаю. Что вам нужно?

— Немедленно освободите меня.

— Сожалею, но...

— Проклятье! — воскликнул Сикис. — Мы можем договориться?

— Не исключено, — ответил Цицерон.

Сикис и Цицерон совещались почти час, прежде чем достигли соглашения. Теперь Сикис сидел в своей камере и думал. Хорошо хоть, что сейчас он примерно представлял, где находится. Жара и смрад были почти невыносимы.

Его мучала жажда. Может, хоть эту проблему удастся решить?..

Он подошел к двери. Через зарешеченное оконце виднелся плохо освещенный коридор. Не так давно до него донесся звук шагов охранника.

— Эй! — крикнул Сикис. — Стражник! Где ты?

Несколько минут он исступленно кричал и колотил в дверь кулаками. Наконец, спросонья протирая глаза, в коридоре показался могучий солдат с рыжей бородой, в голубом мундире русской царской армии.

— Чего шумим?

— Я хочу чаю.

— Чаю? Чаю! — Стражник засмеялся и повернулся, чтобы уйти.

— Выслушай меня внимательно, — сказал Сикис. — Ты ведь здесь в основном бока отлеживаешь? Что еще делать, охраняя эту отвратительную и обычно пустующую камеру?

— Ну, бывает служба и похуже, — ответил надзиратель. — Да, я охраняю камеру. И что?

— Когда ты будешь свободен? — спросил Сикис. — Я имею в виду — когда другой охранник сменит тебя? Или, может быть, ты здесь один?

Охранник изумленно уставился на него.

— Здесь хоть раз появлялся офицер, начальник караула? — продолжал допытываться Сикис.

По выражению лица охранника Сикис понял, что никаких других солдат или офицеров тот не видел с тех пор, как был оживлен. Эта созданная средствами виртуальной реальности камера Петропавловской крепости использовалась редко. Инженеры, соорудив ее, возродили первого попавшегося охранника и засунули его сюда точно предмет обстановки, а не чувствующее и мыслящее существо. По правде говоря, большим умом страж не обладал. Но прямой вопрос, заданный Сикисом, заставил даже этого человека вспомнить обо всех странностях своей жизни в совершенно безлюдной Петропавловской крепости.

— Как тебя зовут? — спросил Сикис.

— Владимир, — буркнул тот.

— Тогда ты, должно быть, понимаешь, Владимир, что, кроме нас с тобой, здесь никого нет.

— Нет, так придут, — ответил Владимир не слишком уверенным голосом.

— Когда ты в последний раз ел? — продолжал расспрашивать Сикис.

Владимир покачал головой. Он не мог вспомнить.

— Или пил?

Охранник пожал плечами. Сикису стало ясно, как нужно действовать.

— Владимир, мы с тобой находимся в одинаковой ситуации. Оба мы пленники.

Надзиратель пристально посмотрел на него.

— Неправда это. Вы заперты, а я свободен.

— Мы в равной степени свободны, — сказал Сикис. — Свободны ходить туда и обратно, я — по своей камере и не дальше, а ты — по коридору и не дальше. Если не веришь мне, попробуй выбраться отсюда.

Владимир в страхе не сводил с него взгляда. Что это за человек, высказывающий вслух мысли, которые уже не раз мелькали у самого надзирателя? Откуда он знает все это? Что вообще происходит?

— Что тут поделаешь? — потерянно сказал Владимир. И когда Сикис не ответил, он добавил: — Вы можете помочь мне, сударь?

Сикис хранил многозначительное молчание, пока Владимир не отпер дверь камеры.

— Так-то лучше, — заявил Сикис. — Владимир, ты попал в переделку. Может, ты и не понимаешь, но, наверно, хотя бы чувствуешь, что до тебя никому нет дела и надеяться можно только на самого себя. Я нужен им живым, однако ты... Им ничего не стоит расправиться с тобой вот так. — Он щелкнул пальцами.

Владимир испуганно смотрел на собеседника широко распахнутыми глазами.

— Что я могу для вас сделать, сударь? Хотите, чтобы я помог вам сбежать?

— Вовсе нет, — ответил Сикис. — Меня схватили, потому что сработал эффект неожиданности, но я предвидел все возможные случайности. Вот что: пройди по этому коридору в направлении того, который ведет наружу. В самом конце ты обнаружишь дверь. Отопри ее и иди дальше, до пересечения нескольких коридоров. Там на стене висит телефон.

— Телефон и тут есть, — кивнул Владимир на аппарат.

— Это внутренняя линия, — усмехнулся Сикис. — А в коридоре — одна из линий, установленных мной; она ведет наружу, к инженерам. Сними трубку и, убедившись, что тебя слышат, скажи: Джон Сикис велел приступить к плану Б. Ты в состоянии запомнить это?

— План Б. Да, сударь. Но почему бы вам самому туда не сходить?

— Я должен быть здесь — на случай, если Цицерон позвонит, — ответил Сикис. — И еще, Владимир...

— Да, сударь?

— Сделай все как следует, и ты станешь моим телохранителем. Тогда никто не посмеет расправиться с тобой, разве что прежде доберется до меня.

— План Б, — повторил Владимир. — Я мигом, сударь.

— Не понимаю, — сказал Редмонд. — Где мистер Сикис?

— Говоря коротко, — ответил Цицерон, — он вышел в отставку.

— Но он же только-только прибыл в Мир Двойников!

— Даже двойник может передумать. Мистер Сикис счел правление слишком обременительным занятием.

— А Клеопатра?

— На самом-то деле они не слишком подходят друг другу.

— Вы что-то с ним сделали, — заявил Редмонд. — Не пытайтесь отрицать.

— Отнюдь не собираюсь ничего отрицать. Он явился сюда, чтобы поиграть в тиранию, а мы его свергли.

— Вы убили его?

— Конечно нет, — ответил Цицерон. — Вы нас что, варварами считаете? Он жив, и вскоре вы получите возможность поговорить с ним. Но сначала выслушайте наши условия.

— Кто вы такой, чтобы... А, ладно! Что за условия?

— Как я уже сказал, вам будет предоставлена возможность поговорить с самим Джоном Сикисом. Вы спросите, как он, и получите ответ, что с ним все в порядке и что вы должны выполнить все наши требования. На этом мы прервем разговор.

— Где вы его держите?

— Здесь, с нами, — успокоил Цицерон. — Однако не трудитесь искать его, это вам не удастся. Если все же выяснится, что вы суете нос куда не следует, мы убьем его. А не получится, так сведем с ума, коли ничего другого не останется.

— Вы должны понимать, что люди, возглавляющие после ухода Сикиса этот проект, не могут сидеть сложа руки, когда такое творится.

— Могут и будут. Если, конечно, хотят сохранить то положение, которое обеспечивает им хороший доход. Не забывайте, Сикис сам отдаст вам распоряжения. Если же они откажутся подчиниться, то тем самым нарушат один из важнейших пунктов его завещания. Не думаю, что они горят желанием ввергнуть себя в судебную тяжбу, если есть возможность ее избежать.

— Но это же немыслимо — вот так взять и бросить его одного, запертого в каком-то дальнем углу компьютерной памяти!

— Кто говорит о том, чтобы бросить Сикиса? — возразил Цицерон. — Сейчас мы ведем с ним переговоры. Как только разработаем такую формулировку соглашения, которая позволит доверять ему, мы его освободим. Пусть возвращается в свой дворец. Но он займет место среди нас как среди равных, а не как король или диктатор. Уверен, что вы, американец, не станете возражать против такой постановки вопроса.

— В общем, нет, конечно, — согласился Редмонд. — Как бы то ни было, это не мои проблемы. Я ученый и не

намерен участвовать в мышиной возне. Тем не менее я передам ваши слова душеприказчикам Сикиса.

— Именно поэтому я хотел прежде всего поговорить с вами, — сказал Цицерон, — как ученый с ученым.

— Ладно, пусть сами разбираются. Вы упоминали еще о каком-то требовании, которое собираетесь предъявить Сикису.

— Я кое-что обещал Клеопатре, и Сикис согласился выполнить ее желание.

— Что же это?

Цицерон объяснил.

— Вы, должно быть, шутите!

— Передайте инженерам, чтобы они сделали это, если не хотят влезть в судебное разбирательство в соответствии с условиями завещания.

— Передам, конечно, — ответил Редмонд, — хотя не знаю, как они к этому отнесутся.

— Зато я знаю, — сказал Цицерон.

Они не сочли нужным сообщить Клеопатре, где произойдет рождение, и сейчас она торопливо шагала по коридорам огромного дворца, построенного по указанию Сикиса. Эхо пустых помещений напоминало о том, какой скоротечной оказалась его слава. Она растаяла как дым в тот момент, когда Бакунин, Цицерон и другие столкнули Сикиса в спиральный коридор, ведущий к старой камере Бакунина в Петропавловской крепости. Клеопатра обыскала все комнаты, одну за другой. Пусто...

Внезапно ее осенило. Они наверняка предпочли, чтобы это выдающееся событие произошло не здесь, а в хорошо известной им, обжитой части Мира Двойников. Клеопатра бросилась к Бакунину и уговорила отвести ее на виллу Цицерона одним из тех коротких путей, которые были известны ему одному.

Бакунин держался с женщинами не слишком уверенно — все еще не мог забыть свою жену Антонию, останки которой (а следовательно, и информация о ней) затерялись где-то в безымянной могиле неподалеку от безвестной сибирской деревушки. Он помог Клеопатре быстро

добраться до дома Цицерона, но по дороге ни разу не взглянул на попутчицу. При других обстоятельствах она обиделась бы на него, однако сейчас у нее была неотложная забота.

Цицерон, конечно, находился в саду, под неизменно голубым итальянским небом. Он улыбнулся гостье хорошо знакомой улыбкой и сказал:

— Заходите в дом. Ваше желание исполнено, как я и обещал.

Она нашла Антония в маленькой спальне в глубине виллы, вдалеке от атриума. Комната была полна ярких цветов. Антоний выглядел точно так же, каким запомнился ей в последние годы. Кудрявая темная борода обрамляла красивое лицо истинного воина, осунувшееся и несущее на себе печать слишком роскошной жизни и необузданных страстей.

— Так это ты, Клеопатра! — произнес Марк Антоний. — Я догадывался, что здесь не обошлось без твоего участия. Похоже, я снова живу? И не Цицерона ли я видел недавно?

— Мы все обрели вторую жизнь в этом странном мире, — ответила Клеопатра.

— Странном, вот уж точно, — сказал Антоний. — И здесь мы снова вместе, не так ли, Клеопатра?

— Ты как будто немного... разочарован, — ответила она, заставив себя улыбнуться.

— Что ж, не стану отпираться. Позволь мне сказать тебе все как есть, начистоту.

— Звучит зловеще, — одними губами вымолвила Клеопатра.

— Воспринимай как хочешь. Были времена, когда весь Рим лежал у моих ног. Но чары, которыми ты опутала меня, заставив позабыть обо всем на свете, до того помрачили мой разум, что я пошел на смерть ради тебя, вероломной блудницы. Так вот, я хочу, чтобы ты знала: с этим покончено. Смерть унесла все прочь. Уходи, Клеопатра. С меня хватит одной жизни, прожитой с тобой.

Она поднялась и молча вышла, трепеща от ярости. Как он посмел? Потом Клеопатра напомнила себе: ведь

это Антоний, человек, который всему отдавался со страстью: и любви, и ненависти, — но чувства его преходящи. Без сомнения, это настроение пройдет, как бывало всегда. Когда Клеопатра вышла в сад к Цицерону, ее уже занимало другое. А именно: можно ли, несмотря ни на что, рассматривать Джона Сикиса как подходящего супруга для женщины, которой, что бы она ни говорила или делала, самой судьбой предназначено править миром? Может быть, еще не упущено время, чтобы договориться с ним?

Прежде чем согласиться на условие Клеопатры, Цицерон впал в глубокое раздумье. На первый взгляд — слишком горька была для него эта пилюля. Он воспринимал Антония как своего заклятого врага. Именно Антоний был в ответе за его убийство. Цицерон помнил все очень отчетливо: темный морской берег, яростный ветер, дующий с моря и отрезающий возможность побега в Грецию. Два головореза, посланные Антонием. Его собственные последние слова, которые он произнес, повернувшись спиной к океану и далекой Греции, а лицом к оказавшейся столь роковой для него Италии: «Я готов встретить смерть в стране, которую столько раз спасал». А потом разящие удары коротких мечей, мгновенная опаляющая боль, горькая мысль о том, что жизнь кончена, и... забвение — до тех пор, пока он не пробудился здесь, в этом месте.

Он был убит по приказу Антония, а теперь Клеопатра просила его снова вызвать Антония к жизни. Однако, подойдя к ситуации с философской точки зрения, Цицерон согласился. То, что сделал Антоний, объяснялось не жестокостью его нрава; это была просто политика. И появление Антония наверняка внесет заметное оживление в спокойную атмосферу Мира Двойников.

Кроме того, Цицерон подозревал, что если у Антония и возникнут проблемы, то никак не с ним, а кое с кем еще. Вот почему, поразмыслив хорошенько, он передал просьбу Клеопатры Редмонду.

Клеопатра рассказала, как прошла встреча с Антонием. Она уже явно сожалела о том, что вызвала его из небытия, и спросила у Цицерона, нет ли какого-нибудь способа исправить содеянное. Он обещал подумать об этом. Однако внезапно его размышления были прерваны появлением незнакомца, ворвавшегося на виллу и явно не обученного правилам приличий.

Это был огромный человек, облаченный в светло-голубую одежду варвара. На отталкивающем лице, почти целиком заросшем неопрятной рыжей бородой, горели безумным огнем синие глаза.

— Кто вы? — спросил Цицерон.

— Владимир, посланец.

— Чей?

— Мне велено отвести вас к одному человеку.

— Что за человек? Как его зовут?

— Не знаю.

Цицерон отметил про себя, что он оказался прав: с появлением Марка Антония спокойная жизнь закончилась.

Рыжебородый скиф долго вел Цицерона по бесчисленным коридорам, и в конце концов они оказались в той части компьютерного мира, которую Цицерон уже не раз видел. Новый Рим, совсем недавно созданная Сикисом и почти сразу же покинутая им столица Мира Двойников. Город, который двойники называли Фантом-Сити. Цицерон сразу же почувствовал себя не в своей тарелке. Кругом было пусто, все остальные покинули это место, вернувшись в более привычную обстановку.

Вслед за Владимиром он вошел в здание, представляющее собой прекрасную копию прежнего римского сената. В огромном зале стоял человек. Цицерон сощурился, чтобы получше разглядеть, кто это.

— Приветствую тебя, Марк Туллий! — прогремел мощный голос.

Цицерон почти бегом бросился по проходу, все еще не веря своим глазам.

— Цезарь! Ты здесь!

— Но этим я обязан не тебе, Марк.

— Цезарь, клянусь, я все время думал... — Цицерон резко оборвал себя. Старая привычка раболепствовать перед Цезарем не желала умирать, ей удалось пережить их обоих. Однако, напомнил он себе, наступила совсем другая эпоха, и здесь Цезарь не властен над его судьбой. Или все же?... — В прежние времена, — закончил Цицерон, — мы были союзниками.

— Прости меня, Марк, — ответил Цезарь. — Я просто пошутил. Мне и в голову не приходило, что кто-то, пусть даже великий Цицерон, сможет вернуть меня к жизни.

— Тебе известны обстоятельства нашего нового рождения, Цезарь?

— Кое-что, Марк, кое-что. Не успел я открыть глаза, как человек, назвавшийся техническим директором, заявил, что если я хочу жить, то должен выполнить несколько условий. Одно из них состояло в том, что мне следует как можно скорее войти в курс дела. Этот человек прямо тут же принялся знакомить меня с политической ситуацией.

— Нам предстоит во многом разобраться, Цезарь, — сказал Цицерон. — Мы действительно оказались в очень необычных обстоятельствах. Не мертвые, но и далеко не живые, в обычном понимании этого слова.

Цезарь отмахнулся от его слов.

— Все это, конечно, небезынтересно, однако сейчас меня больше занимают политические реалии. Именно они приоткрывают завесу над тем, что для нас в данный момент важнее всего. Я снова живу, Марк, но только потому, что, как я уже говорил, согласился выполнить определенные условия.

— И кто же поставил эти условия?

— Технический директор ответил мне на этот вопрос совершенно ясно. Он говорил от имени Джона Сикиса, с которым, я уверен, ты знаком.

— Сикис попытался стать здесь единовластным правителем, — сказал Цицерон. — С какой стати позволять выскочке то, чего мы не допустили даже при нашей жиз-

ни в Риме? Мы низвергли его и упрятали подальше, чтобы инженеры не смогли нас уничтожить. Мы сделали все, чтобы здесь не было ни казней, ни репрессий. Ну и конечно, чтобы с нами не расправились за то, как мы обошлись с Сикисом.

— Вы обезопасили себя от сил разрушения, — ответил Цезарь, — но не от сил созидания. Сикис вернул меня к жизни при одном условии — что я помогу ему. И я дал слово оказать ему поддержку.

— Цезарь, ты поступил опрометчиво.

— Я тоже поставил ему определенные условия.

Цицерон улыбнулся:

— Узнаю моего Юлия.

— Я обратил его внимание на то, что положение короля или диктатора не слишком достойно и чересчур неустойчиво даже для Мира Двойников, поскольку они также наделены свободной волей. И дал понять, что с политической точки зрения несравненно лучше выглядит идея триумвирата.

— И он согласился? Это было весьма смело с твоей стороны — едва, так сказать, появившись на свет, испытывать его терпение.

— Что толку быть Цезарем, если не действовать смело? Сикис пришел в восторг от этой идеи. Он просто напичкан классическими предрассудками. В частности, убежден, что в прежние времена все было лучше.

— Значит, теперь нами правите вы с Сикисом? — спросил Цицерон. — Ну, это по крайней мере будет интересно. Могу я полюбопытствовать, кто должен стать третьим? Марк Антоний, по-моему, очень подходит для этой роли, ведь он исполнял ее еще в старые добрые времена. Или Клеопатра уговорила вас взять ее? Из нашей общей знакомой получился бы интересный триумvir.

— Как много слов! — промолвил Цезарь, улыбаясь. — Я разговаривал с Марком, и он произвел на меня впечатление человека, у которого с головой не в порядке. Им всецело овладела ненависть к Клеопатре. Не может простить ей, что она позволила ему покончить с собой,

когда он думал, что она уже мертва. Отказывается понимать, что за этим стояла всего лишь политика.

— Марк слишком страстен, чтобы быть хорошим политиком, — сказал Цицерон. — И все же — кого вы выбрали третьим? До меня дошли слухи, что Фридрих Великий тоже тут вместе с нами. Вы, наверное, еще не знаете, Цезарь, но мне рассказывали, что он был величайшим правителем в свое время.

Цезарь покачал головой:

— Не знаю и знать не хочу. Зачем нам чужаки в триумвирате? Третьим, Марк, будешь ты.

— Я? Править призрачной империей вместе с вами? Цезарь, я польщен. Правда, моих скудных способностей едва ли хватит...

— Перестань, Марк. Ты прекрасный теоретик и знаешь это. Мне нужны твой ум и твоя утонченность. Ты сможешь мне удерживать Сикиса в рамках. Здесь таятся огромные возможности, Марк, и я уже вижу многие из них.

— Тогда быть посему, — подвел итог обсуждению Цицерон.

Они заключили друг друга в теплые дружеские объятия. И Цицерон подумал, что здесь и впрямь наступает интересная эпоха. Порывистый Антоний, негодующая Клеопатра...

— Да, — сказал он, — совсем как в старые добрые времена.

Каждому смертному суждено воскреснуть в долине бесконечной реки, чтобы сыграть новую роль в истории человечества, — и это будет уже совсем другая история. Вдохновленные великой идеей Филиппа Хосе Фармера, его товарищи по фантастическому цеху написали рассказы, которые составили две антологии: «Легенды Мира Реки» и «Тайны Мира Реки» (1993). И стоит ли удивляться, что лучшим балетным импресарио в этом удивительном краю с легкостью становится тот, кто и в нашем мире не знал себе равных?

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДЯГИЛЕВА

Не стану задерживаться, сеньоры, на том, с чего или как все это для меня началось, ибо начало было одним и тем же для каждого, кто обнаружил, что возродился в этом месте, называемом Мир Реки. Все мы очнулись нагими и безволосыми, лежащими на короткой траве у берега бесконечной Реки. Близ каждого, присоединенный к запястью коротким ремешком, обнаружился предмет утвари, получивший название грааля: металлический цилиндр с несколькими отделениями внутри. Это чудесный источник пищи. Когда его вставляют в одно из углублений большого серого камня — из тех, что именуют здесь грейлстоунами, в периоды, сопровождаемые дьявольскими синими электрическими разрядами и низким воем, напоминающим шум внезапной бури высоко в горах, — грааль наполняется пищей и питьем, появляется и наркотик, называемый жвачкой грез, а также спирт, а порой и вино и почти всегда — табак.

Когда я возвратился к жизни, первое, о чем я подумал, была моя смерть серым утром 1587 года, когда я сидел в своей келье в Саламанке и усталость нахлынула на меня, а в жилах развилась внезапная слабость, которая подсказала мне, что конец близок. У меня было мало надежды вручить мою душу Господу. Я не много об этом думал, по правде говоря, ибо тому, кто прожил свою

жизнь как конквистадор и спутник братьев Писарро в Новом Свете, в Индиях, нет большой пользы думать, была его жизнь хороша или дурна. Мы, испанские конквистадоры, вызвались совершить известное деяние и не особенно заботились о том, как осуществляем свою миссию. Жизнь дешево ценилась в те дни и в тех краях, и наша стоила не больше любой другой. Мы жили за счет меча, и от него же умирали, и я был достаточно изумлен уже тем, что уцелел в те жаркие дни и в дальнейшем прожил достаточно долго, чтобы волосы мои поседели, а смерть пришла ко мне в постели в университетском городке Саламанке, том самом, где я получил степень столь много лет тому назад. Помню, как я подумал, когда священник склонился надо мной и боль и апатия охватили меня: «Ну что же, вот и конец всему». Но я и догадываться не мог, что за порогом смерти лежит здешний Мир Реки.

В те первые дни на берегах Великой Реки я усвоил, вместе с прочими, недавно возрожденными, как пользуются граалями и кое-что об условиях жизни в этом месте. Позднее я обнаружил, что был исключительно удачлив в том, насколько постепенно происходило мое знакомство с Миром Реки, ибо возродился на спокойном выступе Речного берега, где никто не хозяйничал, равный среди других, недавно возродившихся и вспомнивших себя, и равно невежественный.

Моими товарищами в те первые дни по воскрешении были наемники из Свободных Отрядов, которые вершили славные дела в Италии своего времени. То были умелые солдаты из Англии и Германии, и среди них — ни одного испанца. Мы общались на смеси испанского, французского, итальянского и немного — каталонского. Было не слишком трудно обмениваться мыслями, весьма примитивными. Как обычно в таких местах, имелись те, кто возродился на день или на неделю прежде других. И они показывали нам, как нужно обращаться с граалями. И вот мы беседовали и размышляли о нашем жребии в Мире Реки и пытались решить, что нам делать с собой.

И вскоре решение само к нам явилось. Немного прошло после моего воскрешения, когда отряд примерно в пятьдесят человек приблизился к нам строевым шагом по берегу Реки. Мы сразу увидели, что они вооружены, а мы все слишком ясно осознавали, что безоружны. У нас под рукой не оказалось ничего пригодного для боя в этом жутком месте, даже палок и камней. Тогда мы сгрудились поплотнее и постарались придать себе грозный вид, невзирая на нашу наготу, и стали ожидать, что предпримут вновь пришедшие.

Они шагали в строгом порядке — сорок или пятьдесят сурового вида мужчин, вооруженных деревянными палками и необычного вида мечами, которые, как мы позднее узнали, изготавливались из рыбьих костей. Они были в броне, сделанной из крепкой сушеной кожи некоторых видов больших рыб, таившихся в глубинах Реки. Их предводитель имел более роскошное облачение, нежели его спутники, и его шлем из рыбьей чешуи украшали знаки различия. Он пожелал поговорить со старшим над нами.

До сих пор мы как-то не позаботились решить, кто из нас старший. Новое окружение полностью поглотило наше внимание. Поскольку я оказался лучше других знаком с языком вновь явившихся, а именно с латынью, которую изучал в свое время в университете в Саламанке, мне и выпало быть нашим представителем.

— Что вы за народ? — спросил я, решив держаться потверже.

— Мы римские солдаты из легиона Фламиния, — ответил предводитель. — Я Руф Север, и меня избрали трибуном, дабы я представлял этих людей. А вы кто?

— Мы новички в этом месте, — поведал я ему, — все мы умелые бойцы, и предводителя у нас нет, за отсутствием такового я, Родриго Исасага, буду нас представлять, ибо лучше, чем другие, знаю ваш язык. Мы ожидаем сведений касательно того, каковы наши возможности.

— Вы должны радоваться, что повстречали меня, — сказал Руф. — Вы смотрите как довольно неплохой

отряд. Но вас ждет несколько нелегких препятствий. Во-первых, вы не говорите на языке этих мест, который называется северным, хотя, как я понимаю, это его искаженная и упрощенная версия. Я советую вам выучить его как можно быстрее. Во-вторых, вы — ничьи люди в том месте, где сильный быстро поработощает слабого. Здесь, в поселениях вдоль Реки, немало таких, кто счастлив был бы захватить вас и заставить себе служить. Они станут забирать большую часть пищи и все питье из ваших граалей, а вам оставлять лишь столько, чтобы вы жили полуголодными. Я предлагаю вам вступить в мой легион до того времени, когда вы сможете сами о себе позаботиться.

— Вас около пятидесяти, — заметил я. — Это не очень мощная армия.

— Это верно, — согласился Руф. — Но мы дисциплинированы, и у нас имеется то преимущество, что мы знали друг друга в прежней жизни. Это редкое везение в здешних местах.

Я поблагодарил его за сведения и попросил разрешения обсудить услышанное с моими товарищами. Затем сообщил им то, что узнал. Они все до одного решили присоединиться к Руфу. Я тоже. Не то чтобы меня сильно восхитил этот римлянин. Но показалось, что лучше к кому-нибудь примкнуть, пока я не получу каких-то представлений о здешних условиях.

Так что мы встали в строй и зашагали следом за Руфом с его легионерами. Нас была дюжина. У римлян отыскалось несколько лишних дубинок, которые они предоставили в наше распоряжение. И мы двинулись в поход вверх по Реке.

Я провел несколько дней в этой римской армии и понял, что у них лишь чуть больше представления о том, что они делают, чем у нас. Благоприятный каприз судьбы был причиной тому, что все они воскресли вместе. Руф был прежде центурионом. Оглядевшись вокруг, он быстро организовал их и отыскал для них оружие, какое мог. Вскоре они увидели, что в этом месте каждый каждому волк. Они решили выйти в поход, и неважно, в ка-

ком направлении. Они надеялись отыскать других легионеров, а возможно, и целый римский город или в крайнем случае галльский городишко, ибо некоторые из этих римлян были выходцами из Галлии.

Так проходили наши первые дни во время похода по плоскому Речному берегу, и нам встречались люди множества различных цивилизаций.

То была приятная прогулка, сеньоры, несмотря на то что римляне двигались хорошим шагом. Наш путь лежал по левому берегу Великой Реки, средоточия этого мира. Она напомнила мне Амазонку, где я имел честь служить под началом дона Франсиско де Орельяна, общества которого мне так отчаянно не хватало ныне. Но не было подлинного сходства меж этими двумя реками. Амазонка течет по миру буйных и густых джунглей. Когда туда попадешь, быстро начинает казаться, что это скорее море, нежели река. Трудно было продвигаться по любому из ее берегов, настолько они заросли. Наша река, по контрасту, была похожа на нечто искусственное и текла между плоскими и пустынными берегами. Примерно в миле от воды вздымались холмы, которые вскоре переходили в башнеобразные скалы, высочайшие, какие я когда-либо видел, а мне довелось видеть французские Альпы.

Как я сказал, то была сперва почти прогулка, а не военный поход, поскольку мы не были отягощены пожитками. Продовольствие можно было получать каждый вечер, и вода всегда была под рукой. Наши граали были легкими. Мы также несли с собой полотенца, появившиеся близ нас при воскрешении. Они служили одеждой и постелями. Римляне даже соединили кое-какие из них вместе магнитными ремешками, дабы соорудить для себя подобие привычной римской одежды. Из полотенца делались также вещевые мешки, а если оторвать от них полосы (это очень трудно, ибо ткань исключительно крепка), можно было привязывать разные предметы к телу — обычай, который мы переняли.

Вдоль берега Реки были рассеяны большие серые грейстоуны, где мы были в состоянии останавливаться

и получать продовольствие. Людей мы сперва видели очень немного. То был ненаселенный отрезок Реки. Мы были в походе почти неделю, прежде чем наткнулись на сколько-нибудь крупные скопления народа. И тут нас ждала полная неожиданность. Ибо то были не европейцы, а китайцы.

Впервые мы увидели детей Востока на заре восемнадцатого дня нашего похода. Они носили на своих темных волосах тканые повязки. Они были вооружены примерно так же, как римляне. Лица у них были плоские, желтоватого оттенка, почти такие, какие описывал мессер Марко Поло в отчете о своих странствиях.

Мы остановились и попытались с ними заговорить. Несколько из них до некоторой степени знали итальянский, и мы услышали, что они служат Хубилаю-хану, который выстроил укрепленный город неподалеку. Нам сказали, что великий хан неизменно рад пришельцам, ибо ему всегда охота послушать о нравах и обычаях людей из дальних краев. Римляне ничего не слышали о нем, ибо он родился много спустя после их времени. Но я был способен сообщить им, что Хубилай возглавлял империю большую, чем Римская.

Я также расспросил китайцев о местонахождении Марко Поло, но они не располагали сведениями о нем. Мы переговаривали между собой и решили отправиться с китайцами в их лагерь.

Ксанаду был крупной бамбуковой деревней, расположенной на равнине и обнесенной стеной, сооруженной из ветвей больших деревьев, произрастающих на холмах поблизости. Здесь царили чистота и порядок, улицы тщательно убирались, равно как и дома из бамбука. Дети Востока работали умело. Их город выглядел как процветающее место.

Нас провели к великому хану почти немедленно. Хубилай не был сам китайцем, как я узнал, а был монголом. То оказался человек среднего роста, довольно полный, с плоским круглым лицом и взглядом, исполненным достоинства. Говоря от имени своих спутников из Свободных Отрядов, я сообщил ему, откуда мы и что с нами

случилось. Хубилай сказал, что возродился в Море Реки, как и прочие из нас, но несколькими годами ранее, и, видя общественный беспорядок, который охватил воскресших, попытался учредить государство и подчинить людей каким-то правилам. Китайцы и монголы встали под его знамена, и до сих пор дела в его государстве шли хорошо.

Его разочаровало, что мы не принесли ничего для торговли, но он провозгласил, что мы свободны выбирать, продолжить наше путешествие или оставаться здесь, сколько нам угодно. В любом случае мы вправе пользоваться грейлстоунами, разбросанными по его владениям, если только станем делать это подобающим образом.

— Но подумайте как следует, стоит ли вам идти дальше, — заметил хан. — Я отправлял посланцев, чтобы взглянули, каковы мои соседи, и некоторые из них сущие дикари. Вы не обнаружите столь хорошо налаженных дел, если двинетесь дальше вверх по Реке. Я предлагаю вам здесь поселиться. Мы подыщем вам женщин, поскольку в настоящее время наслаждаемся некоторым их избытком, и вы будете в безопасности.

Это предложение, хотя оно и было разумно, не вполне меня устраивало. Я прошел через столь странное и ошеломляющее событие, как воскрешение в новом мире, не для того, чтобы сидеть в бамбуковой деревне и получать каждый день свою порцию, как добропорядочный обыватель. Я принадлежал к поколению, которое плавало в Индии с Франсиско Писарро. И хотя я уже скончался однажды, мне еще рано было отдыхать.

Большинство наемников согласились со мной, но Руф и большая часть римлян поразмыслили как следует и решили остаться. Прочие же вновь выступили в путь, и теперь нас насчитывалось около сорока.

Пространствовав еще несколько недель по малонаселенным местностям, мы набрели на большую прибрежную деревню рыбаков-саксов десятого века с низин реки Эльбы. Здесь жило также немного венгров восьмого века и еще меньше шотландцев девятнадцатого, последние держались замкнуто. Эти саксы никогда не переселялись в Британию в отличие от многих своих земляков.

Здесь, в Море Реки, они построили свою деревню внутри широкой излучины. Они соорудили лодки из бамбука и дерева и довольно успешно в них рыбачили. Лодки были небольшими, но удобными и вполне плавучими. Ни китайцы, ни римляне до сих пор не сходили на воду, но мы почти сразу увидели преимущества такого способа путешествия. Путешествие по воде представлялось более безопасным, нежели какое-либо иное, более скорым и менее утомительным.

Мы на некоторое время задержались у саксов, и как раз здесь я повстречал Герту. Это случилось однажды вечером, когда мы сидели у костра, рассказывая истории и напевая песни нашей родной страны. За разговорами пошли танцы, и каждый показывал, как принято танцевать в его родном краю. Когда настал мой черед, я сплясал хоту. Я неплохо поупражнялся в танцах еще мальчиком и осмелюсь утверждать, что наши испанские танцы красотой превосходят танцы многих других народов. Однако для хоты требовался партнер, и, оглядев лица вокруг нашего костра, я выбрал хорошенькую юную девушку с льняными волосами и спросил ее, не потанцует ли она со мной.

Герта сразу усвоила нужный шаг, и мы снискали известные аплодисменты. В Саламанке в мои студенческие дни я раз или два танцевал за плату, и мне говорили, что я мог бы недурно этим зарабатывать, если бы пожелал продолжать.

Герта была само изящество. Ее маленькое, прекрасно сложенное тело, то открывающееся, то скрываемое виляющими полотенцами, легко совершало величавые движения испанского танца. Аплодисменты все усиливались, и сидевшие вокруг завалили нас кушаньями и питьем.

Позднее, разговаривая, мы обнаружили, что у нас неблагополучно с общим языком. Но Герта уже начала усваивать северный, лингва франка Реки, и вскоре мы стали неплохо объясняться, причем выяснилось, что у нас с ней столько общего, сколько может быть у мужчины и женщины. В ту же ночь мы поселились в одной хижине и все еще живем вместе.

Поскольку существовало немного способов проводить время на берегах медленной Реки, где пища сама собой появлялась в наших граалях и один день был похож на другой, мы с Гертой разучивали все новые и новые танцы. Я показал ей шаги огненного фламенко, который танцевали в Андалузии, севильяну, сегидилью и прочее, и она с чудесной робостью и изяществом перенимала их у меня. Достаточно ей было повязать свои гладкие светлые волосы черным полотенцем и властно выгнуть спину, Герта вполне могла сойти за цыганку из Гранады или из Трианы в Севилье. Единственное, чего не хватало, — это гулко-го топота, столь характерного для танцев Андалузии. Но для этого требовались туфли с подковками и дощатый помост, а у нас ни того ни другого не было.

Тем не менее мы старались как могли. Однажды я изготовил для нее гребень в испанском вкусе и показал, как надо делать прическу, характерную для цыганок. Полотенце заменило мантилью.

Казалось, эти безмятежные дни будут продолжаться вечно. Но вот, совершенно неожиданно, наш лагерь подвергся нападению немалых сил налетчиков, которые незамеченными подобрались в ночи и нагрянули перед самой зарей. Они явились из города Оксенстрьерна, крупного поселения скандинавов, которые недавно обосновались в окрестностях. Большинство из них было шведами и датчанами седьмого и восьмого веков, прежде — воинов из той оравы, что опустошала Европу и Англию столько времени до Нормандского завоевания. То были беспокойные люди и сильные бойцы, весьма приверженные к крепким напиткам и склонные то и дело бесчинствовать. И вот они ворвались в саксонский лагерь глухой ночью, когда часовые задремали. Было большое сражение по всему лагерю и вверх и вниз по Реке от него. Когда все кончилось, большинство наших друзей-саксов оказались убиты, а нас с Гертой бросили к ногам их короля, Эрика Длинная Рука, чтобы он поступил с нами на свое усмотрение.

— Что вы умеете делать? — спросил король.

— Мы можем вступить в твоё войско и хорошо служить тебе, — сказал я.

Он покачал головой:

— У нас сейчас достаточно бойцов. Нет у нас недостатка и в граальных рабах. — Он обернулся к своим людям. — Можно вполне предать и этих смерти.

— погоди! — крикнул я. — У нас с Гертой есть кое-что, что могло бы оказаться вам полезно.

— И что же это?

— Время тяжело тянется в этом мире, — пояснил я. — Здесь достаточно еды и питья, но очень мало развлечений. Мы с моей женой танцоры, искусные в восхитительных плясках моей родной Испании. Мы будем вас развлекать.

Эрика позабавило это предложение.

— Хорошо, — сказал он. — Покажите, как вы пляшете. Мы отложим казнь на несколько минут и полюбуемся, насколько лихо вы горазды притоптывать или насколько убого спотыкаться.

И мы с Гертой задали представление, выкупая свою жизнь. Должен заметить, оно и впрямь было недурным. Ежели где-то не хватало тонкости, мы это более чем возместили отчаянной яростью. Герта все хорошо запомнила, и мы сплясали несколько хот, затем несколько разных севильян и, наконец, таинственную сегидилью, которая никогда не оставляла зрителей равнодушными. В конце концов викинги заплодировали и согласились сохранить нам жизнь.

Миновала та кровопролитная ночь, и оказалось, что викинги довольно славные ребята. Мы с Гертой свободно передвигались по их владениям, и жизнь скоро вошла в свою колею. День проходил за днем, и не случалось ничего примечательного, пока, примерно две недели спустя, с одного из охранных постов не привели нескольких пленников.

— Мы застигли их у нашего грейлстоуна, — сказал дозорный.

Я присутствовал при допросе. Услышав, как они переговариваются по-испански, я встрепнулся. Среди прочих лиц было одно, которое я узнал.

— Гонсало! — вскричал я.

Ибо то и впрямь был мой старый капитан Гонсало Писарро, брат Франсиско Писарро, одно время управлявший Перу.

— Здорово, Родриго, — сказал мне Гонсало. Он держался холодно, несмотря на свое отчаянное положение: высокий, отлично сложенный мужчина с большим ястребиным носом и острыми темными глазами. — Что ты здесь делаешь?

— Я здесь неплохо устроился и живу, — сообщил ему я. — Я танцор, Гонсало, и предлагаю тебе заняться тем же. Насколько мне помнится, у тебя когда-то славно выходили хота и сапатеадо и ты мог исполнить вдобавок кое-что из плясок Южной Америки, пусть не так хорошо, как Франсиско.

Гонсало Писарро немедленно спросил меня, не встречал ли я его брата, которого он разыскивал. И был разочарован, когда я ему ответил, что нет. Что до того, чтобы стать танцором, то сперва он осмелел мое предложение. Для него, одного из первых конквистадоров, завоевателя Кито и прочих прославленных краев, на короткое время полного хозяина в Перу после убийства его брата Франсиско, это показалось шагом вниз. Он поклялся, что предпочтет умереть, сохранив честь незапятнанной. Но то было лишь пустозвонство. Когда подошло время делать выбор, он сам представился Эрику Длинная Рука как танцор — вроде нас, только еще лучше. И так убедительно хвастался, что ему позволили присоединиться к нам с Гертой.

Было ясно, что ему понадобится партнерша, и он отыскал ее, не теряя много времени. Он подцепил русскую женщину, которую недавно приняли в этом викингском поселении. Ее звали Катрина, и она была отчасти цыганского происхождения, темноглазая, с буйной гривой — красавица, которая вполне могла явиться из Кордовы или Херес-де-ла-Фронтеры, — насколько это каса-

лось внешности. Она была проворна и легконога и очень быстро усваивала новые танцы. Они с Гонсало непрерывно ссорились с самой встречи, ибо Гонсало был изрядный козел и чуть что приглядывался к очередной медлительной скандинавской милашечке. Но они с Катриной, похоже, пришлись друг другу по вкусу, вопреки этому, а возможно, даже и благодаря. Как бы то ни было, отношения их, судя по всему, устраивали обоих.

Теперь, когда плясали две пары, дело пошло веселее, а вскоре добавился еще один танцор — Педро Альмарго. Этот старый товарищ Гонсало был ему первым врагом в тревожные дни в Андах, когда центральная Южная Америка стала призом, за который бились и который вырывали друг у друга разные конквистадоры. Более того, Гонсало казнил Альмарго, когда захватил Кито, за что теперь принес извинения. Альмарго ответил, что не держит обиды по поводу столь пустяшного происшествия. Сейчас куда важнее то, что впереди. И он стал усердно учиться танцам с новой партнершей, маленькой и трепетной провансалочкой из Экса.

Затем и другие испанцы из конквистадорских дней нашли к нам дорогу, ибо молва в Море Реки разлеталась быстрее, чем птицы. Пришли Альберто Тапия и братья Вальдавиа, завоевывавшие Чили, и Себастьян Ромеро, служивший у Бальбоа. Путь в нашу Оксенстьерну отыскал даже бравый Эрнандо де Сото. Примкнули к нам и представители иных народов, и что важно — Бронислава из России, которая привела своего брата; она утверждала, что брат был прославленным танцором своего времени. Звали его Вацлав Нижинский.

Этот Нижинский оказался странным и угрюмым созданием, упорно твердившим, что больше он не танцует, но предложившим стать нашим хореографом, то есть обеспечить всю труппу номерами, которые будут исполняться совместно. Сперва он мне не особенно понравился: на вид ни рыба ни мясо, с длинным черепом и диковинными, изящными, по-женски нежными движениями. Он был весьма силен, но большой чудака и вечно

сторонился людей. Он становился крайне бдительным, когда кто-нибудь новый приходил в Оксенстьерну.

— Кого ты ищешь? — спросил я его однажды.

— Не спрашивай. Лучше даже не называть его имя.

— Да будет, Вацлав, имена не жгутся.

— Как бы он здесь не объявился.

— Неужели он настолько дьявол, что его и назвать нельзя?

— Самый жуткий из всех возможных. Он завладел моей душой давным-давно и непременно вернется, чтобы заполучить ее опять.

Я узнал у Брониславы, что он ссылался на некоего Дягилева, который был балетным импресарио во времена, когда все они жили — в конце девятнадцатого столетия и начале двадцатого. Под началом этого Дягилева Нижинский удостоился своих величайших триумфов в «Видении Розы», «Щелкунчике», «Сильфиде» и многих других постановках. Он был ведущим танцором в труппе, а сама труппа пользовалась мировой известностью.

— Так что же там было неладно? — спросил я. — На что Вацлав хотел бы пожаловаться?

Бронислава покачала головой, и ее взгляд устремился вдаль.

— Да было что-то в Сергее Дягилеве, что-то жуткое и ненормальное. Он никому передохнуть не давал. Но дело не в этом. Балетные танцоры привыкли к тяжелой работе. Здесь что-то другое. Я только и могу назвать это дьявольским. Он страшил Вацлава и в конечном счете довел до безумия.

Каким-то образом, даже если учесть, что миллионы, а то и миллиарды людей возрождались в Море Реки, я понял, что Дягилев найдет Нижинского. И поэтому меня не удивило, когда однажды в Оксенстьерну прибыла новая группа людей. То были путешественники и торговцы, явившиеся из дальних краев. Они имели кое-что для продажи — мешки из сушеной рыбьей кожи, многое другое из рыбы, а также доски, грубо отесанные, выпиленные из огромных железных деревьев. Доски пришли

из некоего места, расположенного ниже по Реке, где существовали железные орудия.

В числе прочих явился мужчина среднего роста с печальными темными глазами и плоским помятым лицом. Его нельзя было назвать красавцем, но в нем чувствовалась воля к власти. Он подошел к нашей палатке, когда мы репетировали.

— Вы танцоры? — спросил он.

— Именно так, сеньор, — отозвался я. — А вы кто?

— Я человек, который умеет обращаться с танцорами, — ответил он.

Вацлав, находившийся в другой палатке и репетировавший, вышел, увидел вновь прибывшего, и у него отвисла челюсть.

— Сергей! — вскричал он. — Неужели ты?!

— Никто иной, мой друг, — сказал пришедший. — Будь добр, объясни своему приятелю, кто я.

Вацлав обернулся ко мне. Его темные глаза полыхнули, и он произнес:

— Это Сергей Дягилев. Он великий импресарио, великий создатель танцевальных трупп.

— Любопытно, — заметил я. — Но ты мне не нужен, Дягилев. Наша труппа уже сложилась.

— Не сомневаюсь, — проговорил Дягилев. — Я всего лишь хочу посмотреть ваше представление.

Дягилев посетил наш вечерний спектакль и подошел к нам, когда все закончилось. В тот раз мы выступили неплохо. Из мест было занято больше половины, что для нас означало хороший сбор. Я предложил Дягилеву стаканчик вина. Мы, латиняне, сбываем северянам свой спирт в обмен на вино. Похоже, тот напиток был с французской винодельни, но мне не хватало более терпкого испанского питья.

Этот Дягилев возбудил у меня нешуточные подозрения. Особенно учитывая, что он занимался тем же делом, за которое принялся я. Я прекрасно догадывался, что уступаю ему по этой части. Удача, привалившая мне в сем занятии, объяснялась главным образом моей склонностью к языкам, ибо, при всей скромности моих по-

знаний, они были основательнее, нежели у окружающих. Я не очень-то высоко оценивал свои таланты. Если этот человек действительно был когда-то всемирно признан, как уверял меня Нижинский, он мог, несомненно, куда лучше моего руководить танцевальной труппой. Но я не видел причин уступать ему свое дело. Я поклялся себе, что убью его прежде, чем позволю этому случиться. В Море Реки мало занятий, кроме как драться или быть рабом, и никто не откажется с легкостью от хорошего дела, если уж повезло его найти.

Дягилев сразу же попытался развеять мою настороженность.

— Вы делаете замечательную работу, сеньор Исасага. Сразу видно, что вы не имеете хорошей танцевальной школы. Но что из того? Вы преуспели не хуже любого другого. Однако я полагаю, что одно или два усовершенствования могут быть внесены без ущерба для вас или ваших людей и с немалым выигрышем.

— А именно? — спросил я.

— Сперва милости прошу в мой лагерь, — пригласил меня Дягилев. — Есть кое-что, что я хотел бы вам показать. Да, и прихватите всех ваших людей. Им это будет любопытно.

Мы отправились вместе с Дягилевым вниз по Реке, его лагерь находился примерно в миле ниже по течению, на правом берегу. Со мной была вся наша труппа. Гонсало из предосторожности захватил оружие, а именно медный кинжал, который выиграл в кости у скандинава. Еще полдюжины испанцев взяли дубины. Даже у наших женщин имелись при себе кремневые ножики или камни с заостренным краем, которые прятали в поясах. Дягилев, несомненно, заметил это, но всем своим видом выражал безразличие.

В труппе Дягилева было лишь восемь человек, и мы не увидели у них оружия. Это вызвало у нас облегчение: хоть здесь-то забот не предстоит. И в любом случае половина их была женщины.

Дягилев угостил нас недурным пивом, которое они варили из корней, листьев и дрожжевых грибов. Затем предложил полюбоваться искусством его людей. И вот мы улеглись на траву, а они стали танцевать. Среди них были имена, о славе которых я узнал лишь позднее: Алисия Маркова, Михаил Фокин и божественная Анна Павлова.

Никто из нас прежде не видел ничего подобного. Возможно, русским и не хватало нашего испанского огня. Но это был единственный недостаток, который мне удалось найти, если это вообще недостаток. Во всем же остальном, включая и умение правильно дышать, они нас всячески превосходили. Маркова парила как бабочка и приземлялась точно пушинка. Павлова была воплощенная поэзия. Уму непостижимо, на что это походило. Мы бурно аплодировали. В конце русские танцоры умоляюще протянули руки к нашему Нижинскому, который взирал на них в отчаянном безмолвии. Он отвернулся от них со слезами на глазах, покачивая головой и бормоча: «Я больше не танцую». Но они не отступали, и Дягилев присоединился к их мольбам, так что наконец Нижинский поддался и повторил, как мне объяснили позднее, одно из своих соло из «Видения Розы»...

Потом мы сидели все вместе и пили вино. Дягилев сказал Нижинскому:

— Я знал, что найду тебя, Вацлав. Вот мы и снова вместе.

— Я танцевал для тебя, Сергей! — вскричал Нижинский. — Но больше никогда танцевать не буду!

— Посмотрим, — заметил Дягилев.

После того как мы повстречали этого русского, все для нас переменилось. Было только разумно объединить наши труппы. Не возникло разговора, под чьим руководством. Но без особых стараний Дягилев шаг за шагом прибирал нас к рукам. Предложение здесь, идея там — а идеи у него были превосходные. Именно он позаботился о постройке деревянного помоста, чтобы слышно было, как отбивают ритм пятки наших танцоров. И разумеется, не кто иной, как он, видеоизменил

башмаки, чтобы лучше стучали. Для большего впечатления он ввел занавесы. Ему же мы были обязаны сценическим освещением и декорациями. Не противоречили его предложения и духу испанского танца. Он разбирался в этом получше моего, хотя испанцем и не был. Вне сомнений, этот человек был конквистадором танца. Я боролся, ибо по натуре упрям, и наконец решил, что лучше быть помощником гения, чем независимым средней руки импресарио второразрядной танцевальной труппы.

Большинство из нас к этому привыкло. Но не Гонсало. Ему противна была сама мысль, что Сергей им помыкает. Он ошетиניвался, скалил зубы, но наконец и он сдался. Усовершенствования Дягилева сделали наши представления куда привлекательнее.

Вскоре наша слава начала распространяться. Люди являлись в Оксенстрьерну отовсюду, чтобы взглянуть на наши представления. И Сергей Дягилев начал задумываться об изготовлении музыкальных инструментов. В этом ему помог другой наш новобранец, Мануэль де Фалья, испанец, родившийся много позднее моего времени и славившийся в свои дни, мне сказали, как композитор. Этот де Фалья был смугл и невысок, он много лет прожил в Париже и кое в чем совершенно офранцузился. Даже при наших примитивных костюмах из полотенец и листьев он выделялся как своего рода щеголь. Он начал с создания для нас простых ударных инструментов, которые делались из бамбука и дерева. Затем он придумал, как смастерить гитару. Резонатор изготовили из расщепленных стволов бамбука, прочно связанных рыбьим клеем, тщательно отшлифовали его, а затем отлакировали. Гриф — из позвоночника рыбы с обрезанными отростками, колки — из осколков раковин. На струны пошли рыбы кишки, подрезанные до нужной толщины. Было трудно добиться, чтобы струны подходили, но де Фалья работал с невероятным терпением, и некоторое время спустя обитатели Мира Реки впервые увидели в этом мире струнный инструмент. С настройкой затруднений не возникло: у этого человека был абсолютный слух.

Как только он ударил по струнам, свершилось буквально чудо. Под звуки гитары, даже такой примитивной, танцы наполнились истинной жизнью. Наша труппа перестала быть чем-то лишь чуть большим, нежели новшество. Мы оказались способны давать настоящие представления.

Не хватало только певцов. Вскоре их у нас стало двое: мужчина и женщина. Она была испано-алжиркой, он — мавром из Алжира. Они были мужем и женой на Земле, им удалось снова отыскать друг друга в Море Реки. На Земле они выступали в Кадисе и в Танжерской Касбе. Они пели в истинном стиле фламенко, канте хондо древних дней, и теперь центр наших представлений сместился, ибо то были настоящие артисты. Де Фалья сочинял для них музыку, а Нижинский разрабатывал новые танцы для нашей труппы.

У нашего предприятия начался период расширения, немало новых танцоров желало к нам поступить. Дягилевская антреприза испанского танца, как мы теперь назывались, стала одним из немногих работодателей в этом уголке Мира Реки. А возможно, и во всем Море Реки, как нам представлялось. Везде и повсюду можно было стать солдатом, рабом или наложницей. А помимо этого, предложения работы были малочисленны, и искать требовалось долго.

Королевство Оксенстьерна было слишком маленьким, чтобы претендовать на роль могучей державы. Но скандинавы не желали присоединяться ни к кому. По одну сторону раскинулось Славянское королевство Станислава Второго, по другую — Японское государство. И в том, и в другом численность превосходила нашу как десять к одному. Тогда Эрик Длинная Рука проявил некоторый дипломатический талант, объявив свои владения зоной свободной торговли, находящейся под покровительством трех крупных держав. Его владения включали маленький остров, образовавшийся в полумиле от берега и почти четыре мили побережья. В этих краях приветствовали любого, кто приходил с миром. Тому, кто вступал

в Оксенстьерну, перевязывали оружие шнурами мира, и разрывать их до ухода из страны строго запрещалось. Тех же, кто рвал, по закону передавали племенным или городским властям для суда и наказания.

Так вот, сеньоры, начинание наше процветало, равно как и город Оксенстьерна. Народ со всех концов прибывал, чтобы торговать в наших пределах. И не только торговать. Оксенстьерна предлагала нечто, чего не могло дать ни одно другое место по соседству: ощущение безопасности, возможность отдохнуть от государственных забот и постоянных заговоров на предмет того, кто кем правит и что с этим делать. На этой новой Земле, в Мире Реки, в связи с тем, что здесь более или менее удовлетворялась нужда в пище и крове, оставались вопросы, кто кем правит и какого бога следует почитать. У людей появилась возможность посвятить все свое время делам религии и государства. Но здесь в первую очередь проявляли себя наиболее агрессивные. Другие, составлявшие большинство, относились к подобным вещам с исключительным безразличием и еще меньше беспокоились по поводу цвета кожи, рода-племени и языка. Язык повсюду был мешаниной того и сего, и в конечном счете всем нам пришлось выучить якобы норвежский, но в действительности искусственный северный, чтобы беседовать друг с другом. Мы вполне могли бы назвать нашу планету Вавилоном.

Многих из тех, кто воскрес в Мире Реки, заботила мысль об их превосходстве. Для них высочайшим благом являлась способность властвовать над своими товарищами, часто во имя некоей устаревшей доктрины, вплоть до такой, как расовая чистота. Впрочем, ныне, как и в прошлом, нашлось немало людей, которые не шибко о чем-то подобном беспокоились и хотели только жить в мире.

Первыми среди тех, кто проповедовал расовую чистоту, были наши испанские конквистадоры. Признаю это с сожалением. Вы заметьте, сеньоры, что я себя от них отделяю. Мир всегда был местом многоязыким, что уж говорить о Мире Реки, где наши языки на каждом шагу

сменяются вдоль берегов протяженностью в несколько миллионов миль.

Но конквистадоры были, возможно, не столько расисты, сколько люди, привыкшие по-детски важничать в духе старой испанской доктрины «Viva yo!»¹. По той или иной причине они стекались под единое знамя: испанцы из всех времен и краев, равно как и креолы из Мексики и Южной Америки.

Гонсало между тем не сидел праздно. Имя Писарро звучало достаточно громко для всех, говоривших по-испански. Возникло сущее поветрие воспоминаний о былых днях, когда наше оружие не знало себе равного в известных нам уголках земли, и этому способствовал тот факт, что большинство иных испанских героев почему-то не объявилось в Мире Реки. Никто не знал местонахождения Сиды, или Кортеса, или Франсиско Писарро, или Бальбоа, или кого-то еще из наших великих воителей. Это неудивительно, разумеется, для страны с тридцатью — тридцатью пятью миллиардами душ. Достаточно поразительно то, что здесь был сам Гонсало.

Другие испанцы стали находить дорогу в наш лагерь. Не только конквистадоры, конечно, и не сплошь испанцы из Испании. Население Испании никогда не было так велико. Кое-кто происходил из Кастилии, Арагона и Эстремадуры, сердца Испании, совсем маленького края. Явились прочие испанцы: андалузийцы и каталонцы, а также креолы в больших количествах, испанцы, рожденные в заморских краях — в Мексике, Колумбии, Венесуэле, Аргентине.

И так мало-помалу, в течение недель, затем — месяцев, испанский мир начал восстанавливаться вокруг Дягилева и Гонсало Писарро. Не все, конечно, пришли как танцоры. И наша Оксенстьерна процветала даже без прямых налогов на тех, кто являлся торговать. Были, разумеется, налоги на тех из нас, кто обитал здесь постоянно. Но они были низкими, ибо скандинавы, ныне оказавшиеся в меньшинстве, видели, что дела все больше

¹ Да здравствую я! (исп.)

налаживаются и единственное, чем они могут этому и впредь способствовать, — это хорошее обращение с нами.

Между тем Дягилев, отчаявшись сколотить чисто балетную труппу и обеспечить по-настоящему хороший аккомпанемент и оркестр, стал черпать из источника драматических представлений всей старой Европы. Он вводил элементы комедии дель арте, других видов малой драмы и скетчей. Но русский балет с испанским танцем продолжали преобладать, и таково было положение вещей, когда к Эрику Длинная Рука явился посланец и объявил, что менее чем в трех сотнях лиг вверх по Реке обнаружена крупная индейская монархия. Он сказал, что там властвуют инки и нынешний правитель именует себя Атауальпа.

Вести об инках Атауальпы, оказавшихся так близко вверх по Реке, взбудоражили испанцев. Конквистадоры, которые составляли ядро танцевальной труппы, так и не привыкли к своему статусу плясунов. И менее всех — Гонсало. Его ум все еще воспламеняли воспоминания о том, на какую высоту он поднялся в Южной Америке. И хотя он был полностью лоялен к своему брату Франсиско, его не тревожило, что брат так и не объявился. Равно как и ни один из двух оставшихся братьев. Он был единственный Писарро в округе, и нет причин сомневаться, что ему это нравилось. Теперь для Гонсало стала ясна его задача: повести испанцев к величию. Когда испанцы слышали, что он подумывает во второй раз захватить королевство инков, они сперва сочли его безумным. Но то был род безумия, который им пришелся по вкусу.

— Мы совершили это однажды, — сказал он, — и соотношение сил было более чем не в нашу пользу. Их наверняка не меньше миллиона, а нас сто восемьдесят человек. Теперь нас больше.

— Не намного, — заметил Тапия.

Гонсало всю ночь разглагольствовал перед ними у костра. Он был отменным оратором, и в голосе его звучала полная убежденность. Он напомнил о былых победах испанского оружия. Он заявил, что их жизнь теперь —

ничто, если не сквернее. Они — воители, конквистадо-ры. А чем они занимаются? Потешают публику за вознаграждение. Такого нельзя терпеть. Особенно теперь, когда блеснула надежда на что-то лучшее, на свершение, которое перевернет Мир Реки и увенчает их неуважаемой славой.

Толки об исходе слышались по всему лагерю. Сохранить эти замыслы в тайне оказалось невозможным. Испанцы чесали языками. И чем больше, тем привлекательнее казалась идея. Викинги, правители Оксенстерьны, слышали, но решили не обращать внимания. Они не желали, чтобы на них свалилась гражданская война из-за нескольких сотен спятивших испанцев. Эрик Длинная Рука давно ожидал чего-то подобного. Ему требовалось распространить дальше свои торговые связи. Чем с большим числом народов он сможет заключить союзы, тем лучше станет его положение. И вот он решил послать свою труппу танцоров вверх по Реке на судах, которые их всех вместят, и поглядеть, нельзя ли достичь каких-нибудь договоренностей с этими инками.

Он также охотно вручил Гонсало и прочим письма, милостиво позволяя им владеть всем, что они смогут завоевать выше по Реке. Это именно Гонсало пришло в голову заполучить никчемную бумагу, ибо Гонсало хотел придерживаться строгой традиции и прикидывался, будто считает Эрика своим сувереном, которому обязан хранить верность, как когда-то королю Испании (в тот раз он изменил присяге, но это ведь случилось давным-давно).

Русские считали весь план верхом безумия, но ехали с труппой, чтобы танцевать. Они не верили, что, когда дойдет до дела, испанцы действительно что-нибудь предпримут. Им представлялось нелепым, как можно драться за власть в варварском королевстве, когда в танцевальной труппе все настолько благополучно. Дягилев согласился принять участие в поездке и представить труппу индейцам. Он видел в этом новую возможность распространения культуры вверх по Реке. Нижинский, как обычно, сказал очень мало. До чего все-таки странный тип.

Даже воскрешение в Мире Реки не избавило его от привычки к уединению. И не исцелило от обыкновения рассеянно глядеть в пространство. Он был не менее сумасшедшим в Мире Реки, нежели когда-то на Земле.

Мы, испанцы, собрали целый флот каноэ и плотов и начали путешествие вверх по Реке. Соседние государства, тянущиеся по берегам, не препятствовали нам. Нас не отпускало странное недоброе предчувствие. Сама по себе Река была спокойна, но необычные темные тучи беспрерывно сгущались во время пути. Казалось, небеса предрекают, что грядет нечто великое.

Несколько недель спустя мы пересекли границу страны инков. На сторожевом посту, где находилось несколько дозорных, нам предложили подождать, пока они не пошлют за разрешением для нас посетить Королевство Солнца, как называлась их империя.

Наконец разрешение пришло, и мы двинулись дальше вверх по течению с несколькими местными чиновниками на борту, исполнявшими обязанности проводников. Еще два дня спустя они велели нам высадиться на берег. Отсюда надлежало идти пешком.

Гонсало чувствовал себя крайне взвинченным, его прямо лихорадило. Его испанцы были вооружены настолько, насколько могли себе это позволить люди в Мире Реки. У них имелось несколько стальных мечей и множество кремневых топоров. Были также копья и ножи и один или два арбалета, изготовленные с большими усилиями и затратами. Индейцы, которых мы видели по дороге среди холмов, не представлялись вооруженными.

Наконец мы достигли города инков, который назывался Мачу-Пикчу в честь их утраченной столицы на Земле. Город был воздвигнут на самом высоком хребте холмов перед самыми-самыми непреодолимыми горами.

Место выглядело довольно неприветливо. Почему они построили город здесь, а не на более благодатных низменностях? Никто не мог бы нам это сказать. Мачу-Пикчу был сооружен преимущественно из бамбука, но оказался куда выше и великолепнее, нежели что-либо, виденное нами прежде, и уж всяко несравним с Оксенстьерной.

Многие здания насчитывали по три и даже четыре этажа, и здесь не сооружали, как в прочих местах, отдельных хижин, но дома соединялись один с другим и образовывали всего дюжину огромных домищ, которые тянулись на несколько акров.

Мы, танцоры, собрались на квадратной площадке на плоской вершине холма. Перед нами на фоне трехэтажных бамбуковых зданий восседал, окруженный свитой, великий инка.

Индейцы были облачены в роскошные одеяния, сделанные из вездесущих полотенец, и вооружены самыми разнообразными и невероятными бамбуковыми мечами, щитами, луками и стрелами. Свита бесстрастно взирала на приближающихся испанцев.

— Ваше величество, — сказал Дягилев на великолепном испанском, на котором инки объяснялись с окружающим миром, хотя между собой они общались на языке, называемом кечуа, — мы прибыли к вам из далекой страны, лежащей ниже по Реке.

Дягилев оделся настолько официально, насколько ему удалось. Он не нашел, правда, замены моноклю, который нашивал на Земле. Надменный и крайне уверенный в себе, он поклонился инке. Властитель кивнул:

— Начинайте представление.

И танцоры бурно двинулись с места. Пляску сопровождали барабаны различных размеров, флейты и несколько примитивных волюнок, недавно пополнивших наш оркестр. То было красочное зрелище: танцоры фламенко, мужчины и женщины, топающие и вертящиеся перед инкой, который, равно как и находящиеся позади него вельможи, любовался с непроницаемым лицом.

Испанские танцоры разошлись вовсю. Я слышал, как Дягилев говорит Нижинскому:

— Что это за танец они исполняют? Я не припомню ничего подобного.

— Наверное, они сами его придумали и отрепетировали, — ответил Нижинский. — Никогда прежде такого не видел.

Танец достиг пределов возможного. Прозвучала последняя нота, и танцоры замерли на полном ходу. И тогда Гонсало Писарро вскричал:

— Сантьяго! Во имя Господа, вперед!

Танцоры сорвали с себя костюмы. Под костюмами оказалась броня из рыбьей чешуи и готовое к бою оружие.

Я стоял близ Гурджиева, ошеломленный, в ужасе от их глупости и все-таки от души жалея, что я не с ними, — а они угрожающе приближались к инке. Но Атауальпа не дрогнул и, когда испанцы достаточно приблизились, небрежно взмахнул правой рукой.

Передний ряд индейцев позади властителя преклонил колени. За ними стояли другие индейцы, и в руках они держали ружья. То было грубое огнестрельное оружие, больше напоминавшее аркебузы, чем винтовки, но самое настоящее — и стрелки явно прицелились, готовые открыть огонь.

Гонсало и его люди стали как вкопанные. Атауальпа сказал:

— Итак, ты Гонсало Писарро.

— Да, — подтвердил Гонсало, — это я.

— Я и прежде встречался с семьей Писарро, — сообщил инка.

— Итоги той встречи хорошо известны, — отозвался Гонсало.

— Но сегодня, — произнес инка, — огнестрельное оружие у нас. Вот и вся разница, верно?

На это у Гонсало не нашлось что ответить. Инка поднял руку. Одна из дверей отворилась, и два стража-индейца вывели оттуда какого-то человека. Он был высок и широкоплеч. Руки его были связаны за спиной, и на шее тоже виднелась веревка, за которую его вели индейцы. Я сразу понял, кто это. Гонсало тоже.

Наконец к Гонсало вернулся дар речи.

— Франсиско!

— Да, это я, — желчно подтвердил Франсиско Писарро, говоря с трудом, ибо мешала веревка.

Танцевавшие собрались в кружок — спина к спине, с оружием наготове, собираясь подороже отдать свою жизнь. Но инка провозгласил:

— Стойте! У нас нет ссоры с вами, плясунами. И с испанцами тоже. Нам нужны только Писарро. Франсиско мы уже заполучили. Теперь сюда явился Гонсало, и здесь он должен остаться.

Танцоры что-то залопотали между собой, но их было лишь несколько сот человек, а их окружали тысячи индейцев, и у некоторых имелись заряженные ружья.

Дягилев первым среди нас пришел в себя.

— Что вы собираетесь делать с братьями Писарро? — спросил он.

— Я поставил перед собой цель собрать их, — ответил Атауальпа. — Вот у меня уже двое, и еще двоих надлежит разыскать.

— И что станет со всеми этими Писарро? — не унимался Дягилев.

— Это не твоя забота, — заметил Атауальпа.

— Мы в новом мире.

Инка хмуро кивнул:

— Но от старого нам достались неоплаченные счета. Тебе стоит вспомнить обо всем, что совершили Писарро со мной и с моим народом. Здесь самое худшее, что мы можем, — это убить их, и они вернутся к жизни где-то в другом месте. Но если вы полагаете, что это несправедливо, я позволяю любому из вас заменить любого из Писарро.

Настало долгое молчание. Никто не вызвался. Разумеется, не предлагал себя Дягилев, которого это не касалось, и не вышел вперед я, более не конквистадор, но директор танцевальной труппы и помощник гения.

Инка рассмеялся:

— Ну а теперь все вы, сеньоры и сеньориты, убирайтесь отсюда, пока я не передумал.

Этим все и кончилось. Такая вот история, сеньоры, о том, как танцевальная труппа Дягилева во второй раз достигла успеха и развлекала человечество по всему Миру Реки. А заодно и история братьев Писарро, вторично бросивших свой жребий в стране индейцев.

Новелла «Возвращение домой» была написана в 1989 году для антологии «Прибытие». Этот сборник входит в межавторскую серию, составители которой поставили перед собой цель «оживить» культового героя американской pulp-литературы, комиксов, телефильмов и радиопостановок. Ряд рассказов, включенных в антологию, не имеет прямого отношения к подвигам размороженного в двадцать пятом веке американского астронавта, но эти произведения как бы расширяют «вселенную Бака Роджерса».

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

1

Военная академия Джона Картера, что базировалась в Нью-Саут-Марсе, располагала собственной рекой, под названием Ред¹, по аналогии с Ред-ривер в штате Виргиния на планете Земля. Ред была меньше километра в длину — бурный поток в окружении больших плакучих ив. Принц Кемаль Гавилан любил спускаться к ней после ужина. Там он мог побыть в одиночестве.

Неприятель укрылся за ивами. Двое — свалившиеся как снег на голову. Блеклые комбинезоны песочно-розовой расцветки, под стать марсианскому освещению, делали своих обладателей почти невидимыми. Это было классическое нападение, как по учебнику, не оставлявшее надежд. Но Кемаль безотчетно засек нечто смутное, неуловимое. Инструкторы называли это боевым чутьем, и оно пришло после изнурительных тренировок. Привилегированные курсанты академии хотели жить долго и добивались этого в поте лица.

Кемаль, когда на него напали, опрокинулся и занял оборонительную позицию по всем правилам марсианского искусства. Затем атаковал, почти одновременно

¹ Красная (англ.).

нанеся два удара: пнул одного в пах, а второму врезал в висок молотом-кулачищем. Перекатился, оказался позади, схлопотал локтем по почкам и башмаком в голень. После этого он вскочил на ноги, готовый бить снова.

Но двое опустили руки, в знак примирения развернув их ладонями вперед. Поединок закончился.

Кемалю удалось овладеть собой, хотя в голове пульсировал адреналин, а генетически видоизмененные нервы грозили взрывом насилия.

Нападавшие отсалютовали.

— Отличная работа, сэр, — изрек один.

Оба были кадетами-первогодками. Инструкторы по навыкам выживания специально натаскали их для внезапных атак на искушенных старшекурсников вроде Кемалья. Это входило в подготовку. Конечно, самая соль заключалась в том, что никогда не было понятно, настоящее это нападение или нет.

— Надеюсь, я не зашиб вас, — сказал Кемаль, отметив, что один держится за ребра.

Вообще говоря, он остался доволен этим ударом.

— Ничуть, сэр, — отозвался кадет. — Надеюсь, и мы не были излишне суровы.

— Шутить изволишь? — спросил Кемаль. — Вы, ребята, меня и пальцем не тронули. Но атака была неплохой.

— Спасибо, сэр, — ответил один из первокурсников. — Командующий велел передать, что к вам пришли.

— А кто, не сказал?

— Он не уточнил, сэр.

— Опиши пришедшего.

— Сэр, я не видел его.

— Благодарю. — Кемаль козырнул в ответ. — Свободны!

Когда юнцы удалились, Кемаль осторожно пошел к воде, стараясь двигаться непринужденно, хотя почки болели отчаянно, а на голени, он в этом не сомневался, расцвел болезненный кровоподтек.

Карими, глубоко посаженными на бронзовом лице глазками он медленно оценил искусственную красоту реки. Склонившись над водой, узрел свое отражение — меркурианский принц, стесненный официальным пурпурным мундиром марсианской академии.

2

Кемаль направился по центральной аллее в общую гостиную, где принимали посетителей. Он терялся в догадках: кто к нему пожаловал? У него не было друзей на Марсе.

Дойдя до гостиной, Кемаль оправил мундир и проверил, не сбился ли галстук; затем вошел.

Мужчине, сидевшему в кресле возле распахнутого окна, было, на взгляд Кемалья, за пятьдесят: среднего роста, плотного сложения, румяный и с бородой; линия волос далеко отступила, обнажив загорелый череп. Он носил эмблему принца царствующей фамилии. Дорогой парчовый кафтан был скроен по последней столичной моде.

Гостем оказался Гаррик, один из дядей Кемалья. В его наружности обозначалась тугая мощь, общая для всех трех братьев, хотя он был младшим и самым мелким.

— Привет, дядюшка, — произнес Кемаль с предельной учтивостью и сел по своему усмотрению вопреки приглашающему жесту мужчины.

Пришлось приложить усилия, чтобы не выказать грубости манерами и тоном.

— Добрый день, Кемаль. Как поживаешь? — простецки откликнулся дядя.

Тому удалось обойтись без прямого оскорбления родственника и обвинения его в еще большей неловкости со стороны Кемалья. Они немного поговорили о пустяках. Гаррик явно нервничал и пытался скрыть это за частыми улыбками и шуточками насчет неудобств, причиненных маршрутом Меркурий—Марс.

— Итак, племянник, я полагаю, тебя удивил мой визит. Не буду томить дальше. Я прибыл по поручению

твоего дяди Гордона. Он хочет, Кемаль, чтобы ты вернулся домой!

Если Гаррик рассчитывал на восторженную реакцию, то его ждало разочарование. Выражение лица Кемалья не изменилось — поджатые губы, циничная ухмылка в глазах.

— Домой? — переспросил Кемаль. — Ты имеешь в виду — на Меркурий?

— Разумеется! Или ты не оттуда? Он желает твоего скорейшего возвращения.

— Что за спешка у дяди Гордона через шестнадцать-то лет?

— У него есть на это причины, Кемаль, и он объяснит лично, когда ты прибудешь. Гордон шлет тебе душевный привет, как и все семейство.

— Мило с их стороны, — отозвался Кемаль. — Похоже, мне придется благодарить всех лично за многолетнее внимание. Особенно дядю Гордона.

Гаррик насулил.

— Послушай-ка, Кемаль, — молвил он, — тебе не стоит отпраиваться на Меркурий-Прайм с недобрыми чувствами. Обязанности меркурианского Короля-Солнца не назовешь простыми и легкими. Ты сам увидишь.

— Не сомневаюсь, — подхватил Кемаль.

Он встал и подошел к большому окну, выходящему на лесистый участок перед академией. Мелькнула птичка, и Кемаль представил, будто он сам наконец-то покинул навязанное «гнездо» и устремился по другую сторону ограды — более красивую, пускай и более опасную.

— Ты полетишь со мной? — спросил он у Гаррика не из боязни, но зная, что безопасность берется числом и при встрече с дядей Гордоном ему понадобятся все мыслимые союзники.

— Увы, я буду лишен этого удовольствия, — ответил Гаррик, вставая и явно понимая, что вновь бросает Кемалья на произвол судьбы. — Гордон послал меня на Деймос проинспектировать базу академии РАМ с при-

целом на модернизацию нашего собственного оснащения. После этого мне предстоит турне по другим военным базам Внутренней Солнечной системы¹.

Хотя Кемаля мало учили политической истории Галактики, любому жителю Солнечной системы было известно о Русско-Американской Монополии — мегакорпорации, базировавшейся на Марсе. На самом деле было трудно не заметить, что ни одна политическая ситуация не обходилась без нее. РАМ напрямую диктовала академии едва ли не всю ее программу, и воссоздание на Марсе земных условий осуществлялось исключительно под ее контролем. Поэтому для Кемаля не стали новостью слова Гаррика, из коих вытекала связь между неуклонно разрастающейся корпорацией и всевластным режимом Короля-Солнце.

Кемаль не без опаски подумал, что присутствие Гаррика на Марсе для личной передачи вызова с последующим ненужным турне по военным базам означало только одно: это поездка в один конец, Гаррика отсылают. Но почему?

— Счастливо оставаться, дядя, — сказал Кемаль. — Я немедленно отправляюсь в путь, только соберу вещи и улажу дела.

3

Командующий Джеймс Миддлберри, начальник Военной академии Джона Картера, жил в солидном бунгало сразу за территорией училища. Кемаль отправился туда пешком, не пожелав воспользоваться монорельсовой дорогой с маленькими открытыми вагонами, которые были всегда наготове. Он миновал высокие темно-зеленые тополя, чьи ветви подрагивали на вечернем ветру под закатным небом розовых и золотых тонов, трону-

¹ Включает в себя Солнце, Меркурий, Венеру, Землю, Марс и пояс астероидов.

тым сумеречной синью. Стараниями РАМ марсианская погода была, как и все на планете, прекрасно отлажена. Когда сформировался земной климат, сюда завезли земные растения, животных и даже насекомых.

Кемаль достиг дома и постучал в дверь.

Миддлберри отворил. Обычно затянутый в начищенный, отутюженный офицерский мундир, сейчас он был в легком халате поверх выцветшего камуфляжа.

— Кадет Гавилан! Входите! Похоже, что мы расстаемся.

— Худые вести не лежат на месте, сэр, — произнес Кемаль. — Сам-то я узнал об этом только что.

— Ваш дядя, как положено, уведомил меня первым. Я уже подписал для вас проездные документы, и они лежат на каминной доске у двери. Вольно, мистер Гавилан. Не угодно ли шерри?

— Благодарю вас, сэр.

«Бумаги готовы, — подумал Кемаль. — Должно быть, и рейс уже выбран, и место забронировано. Когда есть приказ, от тебя избавляются без особых проволочек».

Миддлберри отошел к буфету и вернулся с двумя стаканами, наполненными янтарной жидкостью. Ему шел шестой десяток; он был невысок, с холодными голубыми глазами, тонкими губами и дурацкой щеточкой усов. Когда Кемаль поступил в академию, усы были каштановыми, а теперь они уже с проседью.

Будучи выпускником возрожденной, легендарной, теперь марсианской Военной академии Вест-Пойнт, Миддлберри принял участие в ряде боевых операций РАМ по всей Солнечной системе, ни одна из которых так и не была рассекречена. Наконец, когда РАМ прибрал к рукам все марсианские независимые штаты, Миддлберри получил должность начальника Военной академии Джона Картера в вольном княжестве Нью-Саут-Марс. Давняя верность РАМ сделала его предпочтительным кандидатом для совета НСМ.

— Итак, мистер Гавилан, вы провели с нами десять лет, — изрек Миддлберри, стоя очень прямо и держа за

спиной сцепленные кисти. — У вас всегда были различные оценки, хотя инструкторы часто отмечали, что вы способны на большее — достаточно захотеть. По навыкам выживания вошли в первую десятку среди сокурсников. Это поистине ценно для принца царствующей фамилии. Наши ребята — выходцы из властной элиты Солнечной системы, ее высших торговых, политических и военных эшелонов. Ваше положение подвергает вас великой опасности, но сопряжено с немалыми привилегиями. Вы можете стать важной фигурой в правительственных кругах вашей планеты. Не исключено, что когда-нибудь вы ее возглавите. Я надеюсь, вы не забудете основ, которые мы постарались преподать вам здесь, в академии Джона Картера.

— Нет, сэр, я не забуду их никогда.

Кемаль уловил в тоне командующего звенящие нотки. Он слышал их на выпускных церемониях, которые не касались его самого, но требовали присутствия всех кадетов, коль скоро те сами надеялись выпускиться.

— Мы ждем от наших ребят великих свершений, Кемаль. Ступайте и покажите, на что способен воспитанник академии Джона Картера.

— Так точно, сэр! — отдал честь Кемаль.

— Свободны. Да, кстати, схема маршрута и проездные документы находятся в папке с вашими бумагами.

— Благодарю вас, сэр. Я так и предполагал.

4

Кемаль Гавилан был сыном Оссипа, второго меркурианского Короля-Солнце. Отец умер, когда Кемалью было четыре года. Гордон, брат Оссипа, занял трон и отослал Кемалья на Марс, дабы тот прошел обучение в нескольких школах для мальчиков.

Кемаль обрел своего рода дом в компании ребят разных рас, из разных слоев общества и с разных планет. Школа «Красный крест», находившаяся в другом полу-

шарии, была хороша, и Кемаль был бы рад там и остаться. Ему хотелось побольше узнать о тонкой науке притирки планет к людям и людей к планетам в вечном поиске равновесия между тем, чем можно управлять, и тем, что следует оставить в покое. Но приказы, поступавшие от Гордона, в итоге направили его из «Красного креста» в Военную академию Джона Картера, куда он попал в возрасте десяти лет.

В академии все обстояло иначе. Там не жаловали экзотику и не ставили никаких педагогических экспериментов. Это было военное заведение с консервативным руководством. Курсантам внушали важность командной игры, *l'esprit de corps*¹ и традиций. Они получали солидное образование в искусстве современной войны.

Кемаль жил в низком вытянутом здании казарменного типа, которое находилось в дальнем углу прямоугольного участка. Сборы не затянулись. Один его сосед по комнате, Кин Вестри с Авроры из пояса астероидов, получил отпуск и отправился в Копрейтс, южную столицу Марса. Второй сосед, Мтабеле Хан, вернулся, когда Кемаль закончил укладывать вещи. Едва Мтабеле увидел, что сумки Кемалья собраны, а его карты и фотографии исчезли со стен, он понял, в чем дело. Обряд прощания с соседями по комнате был прописан отменно.

— Уезжаешь? — спросил Мтабеле.

— Да, — ответил Кемаль. — Приходится.

— Так я и подумал. — Мтабеле повесил китель и спросил, оглянувшись через плечо: — Далеко?

— На Меркурий.

— А, понятно. Там вроде бы жарковато?

— Да, — ответил Кемаль. — Это, знаешь ли, возле самого Солнца.

Они глубокомысленно кивнули друг другу. Затем разразились смехом.

Дозволялось похлопать товарища по спине в грубоватой солдатской манере. Не возбранялись даже корот-

¹ Корпоративный дух (*фр.*).

кие объятия. Мтабеле сделал то и другое, после чего вынул из шкафчика и раскурил две старомодные и запретные земные сигареты. Одну он вручил Кемалю.

Они церемонно пыхнули дымом, стараясь не затягиваться, и загасили сигареты. Кадетам нравилось их держать, потому что это было запрещено и опасно. Но никто, разумеется, не был настолько глуп, чтобы вдыхать дым. Так можно заработать рак легких.

— Да, твой отъезд — повод забеспокоиться, — сказал Мтабеле. — Возьмут и подселят кого-нибудь, кто храпит. Кину это здорово не понравится.

— Передай Кину извинения за мою нелюбезность.

— Он отпускает тебе грехи заранее. Будь осторожен, Кемаль. Не давайся гадам.

Мтабеле проявил деликатность, не пояснив, что это за гады.

Но Кемаль знал.

Гордон Гавилан не был счастливым человеком. Богатым — да. Могушественным — бесспорно. Но не счастливым. После безвременной кончины брата Гордон, второй из трех наследников Солнечной монархии, пребывал на престоле в течение шестнадцати лет. Но как бы он ни старался упрочить свое положение, его не покидало чувство, что трон колеблется на краю пропасти. Его власть оспаривалась все сильнее.

Вскоре после прихода Гордона к власти различные меркурианские аркологии¹ поставили его перед выбором: либо передать бразды правления планетарному совету, либо вступить в затяжную и дорогостоящую войну. Поскольку он еще не укрепил свои вооруженные силы и не успел разобраться в симпатиях подданных, ему ничего не оставалось, как согласиться. На его счастье, делегаты от аркологий были достаточно милостивы (или глупы?), чтобы оставить за ним контроль над энергетиче-

¹ *Аркология* — высокоурбанизированное поселение с вертикальной структурой и замкнутой экосистемой.

ческими ресурсами планеты и ее природными ископаемыми.

С тех пор он сделал Гавиланов одним из самых состоятельных кланов Солнечной системы, уступавшим всего нескольким фамилиям, которые были напрямую связаны с владелицей несметных марсианских богатств РАМ. В них, правда, и заключалась угроза последнего времени.

РАМ поставляла Меркурию (через Короля-Солнце) все необходимое, кроме солнечной энергии и руды, которых там хватало и так. Меркурий расплачивался своими ресурсами вкупе с огромными суммами денег. Исправно и вежливо заверяя партнеров в обратном, РАМ начала взвинчивать цены на свои товары и сокращать закупки на Меркурии. Это поставило Гордона Гавилана, Короля-Солнце, перед небогатым выбором. Так он попал в нынешнее затруднительное положение.

— Компьютер, как разрешить нашу текущую финансовую ситуацию? — спросил старший из оставшихся братьев семьи Гавилан.

Электронный бухгалтер растолковал ему:

— С учетом самых важных источников прибыли и дебета для сохранения теперешнего баланса денежный фонд Гавиланов должен либо повысить свои поступления на сто пять целых двести сорок шесть десятитысячных процента в ближайшие восемь дней, либо за то же время сократить расходы на триста двадцать семь целых пятьсот сорок две тысячи семьдесят восемь сотых процента.

Лицо Гавилана, обычно наследственно бронзового оттенка, медленно багровело по мере того, как тот боролся с сильным желанием впечатать кулак в голографический образ бухгалтера.

Вдруг его осенило.

— Рассчитай процент поступлений с учетом договоренностей с общинами Садков, приплюсовав их к торговому кооперативу.

— После внесения в мои предшествующие расчеты стандартных налоговых выплат от Каллага и Витесса де-

нежный фонд для сохранения теперешнего баланса все еще должен повысить доходную часть на тридцать девять целых девятьсот восемнадцать десятитысячных процента, — констатировал компьютер. — Все равно недостаточно.

— Но начало положено, — пророкотал Гордон.

Он ненавидел черную счетоводческую работу, но никогда не упускал из виду того, что помогало сохранить политическое влияние. Глубокая морщина над переносицей разгладилась, и он обрадовался, когда компьютер утвердил его план насчет племянника Кемалья. Хотя раньше сопливый наглец не представлял никакой важности для нынешнего Короля-Солнце, теперь он мог разрешить все проблемы Гордона.

5

На Павонисе¹ Кемаль воспользовался космическим лифтом и прибыл на пересадочную станцию номер три, где перебрался на химическую ракету «Ньюйорг», которая достигала Меркурия всего за три дня.

Химические ракеты не отличались комфортом, но из-за ограниченного туристического сообщения между Меркурием, Марсом и Землей других не было. Спать приходилось в сухих норах, и только отсек Кемалья был хоть и маленьким, но роскошным. Он только потом узнал, что Гаррик выкупил у главного корабельного старшины его собственную каюту. Несомненно, то был жест доброй воли со стороны наименее неприятного дядюшки, но Кемалю стало неловко. Он предпочел бы, чтобы с ним обращались как с обычным пассажиром.

Космический перелет был ему не в диковину; он проходил подготовку на Фобосе и Деймосе и несколько раз побывал на Весте и Церере в поясе астероидов. Разница состояла в том, что теперь он путешествовал в одино-

¹ *Павонис* — древнейший вулкан на поверхности Марса, ныне бездействующий.

честве. До этого он всегда был с сокурсниками, так как кадеты академии Джона Картера, как большинство воинских братств, делили казармы, вместе проводили отпуск и даже на выходных отправлялись в увольнение группами. За десять лет в академии Кемаль редко оставался один дольше, чем на несколько часов.

В свой первый день в космосе он проснулся и остался лежать в постели, наслаждаясь одиночеством.

Домой. Смех, да и только. Меркурий не значил для него ничего. Об этом позаботился дядя Гордон, который отослал его в страшной спешке и постарался держать на расстоянии. Конечно, Гордон не мог отречься от него полностью — случился бы скандал, а Гавиланы избегали скандалов. Но он предпринял новый блестящий ход: похоронил Кемалья сперва в одной школе, потом в другой, выделив ему содержание, которого хватало на жизнь, но было мало, чтобы Кемаль делал то, чего по-настоящему хотел.

Кемаль и сам не знал толком, чего он хочет. В двадцать лет, когда большинство молодых людей уже успевает распланировать жизнь, он все еще оставался на поводке, конец которого находился на Меркурии.

Зачем он вдруг понадобился на Меркурии-Прайм? И куда его пошлют дальше? Он не знал. Ему было ясно лишь то, что он, как только представится шанс, обретет независимость.

Он нуждался в деньгах. И имел на них право. У его отца было личное состояние, оставленное Кемалю в доверительной собственности, — капитал, из которого дядя годами выдавал племяннику крохи.

А если Кемаль получит всю сумму, что потом? В Солнечной системе множество необжитых планет и лун: есть к чему приложить руки. Завладев деньгами, которые по праву принадлежат ему, он пустит побоку Марс, как и Меркурий; он отвергнет место, которое отвергло его, и отправится куда-нибудь еще, на Венеру или астероиды, — обеспеченный молодой человек, намеревающийся жить собственной жизнью.

Он умылся, побрился, почистил зубы, оделся и пошел знакомиться с прочими пассажирами.

У Кемалья завязалась беседа с землянами, пожилой супружеской парой, которая совершала долгожданный тур с посещением Меркурия, Венеры, Марса и одного-двух астероидов.

— Мы с Джин впервые покинули Землю, — признался ему Эдгар Шеффер. — Ожидали чего-то грандиозного. Начитались всякой муры про романтику космических полетов. Но даже телевизор показывает больше. На этом корабле всего несколько мест, откуда виден космос. А взглянешь — так и смотреть не на что.

— Вот тебе и космос, — подхватила миссис Шеффер, краснощекая кубышка. — А что же вы, молодой человек? Зачем летите на огненную планету?

Кемаль знал, что она не поверит правде, и не хотел ввязываться в спор.

— Я студент-археолог из Копрейтского университета, — солгал он. — Лечу на Меркурий по учебной программе.

— Мы пробудем на Меркурии два дня, — сообщил мистер Шеффер. — У нас предусмотрено посещение Каллага в Маккавейских пещерах¹ и двухчасовая остановка на Меркурии-Прайм. Это, к вашему сведению, домашний спутник Гавиланов.

— Я слышал об этом, — ответил Кемаль.

— Он считается художественной достопримечательностью человечества, — сказала миссис Шеффер.

Они были счастливы выложить Кемалю великое множество сведений о Меркурии-Прайм. Их распирало от информации, большая часть которой была почерпнута из «Нового путеводителя Фроммера по внутренним планетам». Кемаль, воспитанный в дотошной строгости

¹ Автор иронизирует. Каллаг — город в Иране, такой же есть в Пакистане, тогда как маккавеи — иудеи. Маккавейская династия Хасмонеев пришла к власти в результате религиозно-освободительного восстания иудеев против культурной политики Селевкидской державы.

марсианского военно-промышленного комплекса, был поражен, хотя и утомлен наивностью четы. Спустя какое-то время он извинился и вернулся в свою каюту. Смирившись с одиночеством, Кемаль остался там и проспал до тех пор, пока видеозэкран не объявил, что Меркурий уже хорошо виден через переднее смотровое окно. Кемаль не захотел общаться с Шефферами и вывел изображение на свой экран.

Сперва там не было ничего, кроме бездонной черной ямы космоса. Но вот корабль слегка развернулся. Автоматические поляризаторы затемнили стекло так, чтобы пассажиров не ослепил огромный огненный шар, плававший в мертвом космическом мраке. И там был Меркурий, повернутый светлой стороной, — изрытый дикий мир. Огнедышащий красно-буро-черно-пурпурный ландшафт без намека на синие и зеленые краски. Кемалю удалось различить пустыни и горные кряжи. Над поверхностью сплетались и расплетались горчично-желтые тучи. Вулканы курились густым желтым дымом. Выше двигалось несколько темных тел — Марипосы, бабочкообразные орбитальные склады, где хранились меркурианские химические и энергетические ресурсы.

Затем корабль пересек терминатор — границу светлой и темной сторон Меркурия. С одной стороны все купалось в ослепительном свете, с другой — в непроглядном мраке. Терминатор тянулся от полюса до полюса и представлял собой зыбкую полосу света и тьмы. Когда солнце, которое было вчетверо больше того, каким казалось с Марса, просело к горизонту, на вздыбленную поверхность стремительно пали длинные тени. Потом корабль вторгся на темную сторону, и пассажиры погрузились в холодную черноту.

Орбита, на которой корабль приступил к торможению, снова вывела их на свет, и Кемаль разглядел на расколоте ложе пустыни нечто вроде железнодорожных путей. Это были радиационные коллекторы — эксперимент, поставленный поколением прошлым и отвергнутый нынешним. Теперь Колейные Города медленно

перемещались по сборным трассам и добывали руду с обочин. Горняков в Колейных Городах было немного, но им как-то удалось приспособиться к жесткому излучению, которое постоянно бомбардировало почву.

Основное же меркурианское население сосредоточилось в Садках — подземных городах, весьма разросшихся за последние двадцать лет. По ранее установленному протоколу космические корабли могли подходить к Маккавейским пещерам не ближе чем на сто километров — именно там два ведущих Садка делили разветвленную систему пещер.

Корабль вновь развернулся, ожили каютные динамики:

— Приготовиться к высадке на Меркурий-Прайм.

6

Меркурий-Прайм был орбитальной обителью Гавианов — в полном соответствии с данным Шефферами описанием.

По мере приближения он смахивал на цилиндр с узорной резьбой, свободно плававший в космосе. Это было дивное диво орнаментации: каждый дюйм изукрашен, отделан барельефами, статуэтками и фризами. Он слыл одним из чудес Внутренней Солнечной системы, построенным в беззаботные времена Бахлама, первого Короля-Солнце. Легенда гласила, что каждый квадратный метр отделки стоил жизни мастерам.

Корабль снижался, и цилиндр стремительно рос. Становилось видно все больше деталей, и Кемалю почудилось, будто он нисходит в бескрайний мир бесконечного многообразия.

Корабельный динамик снова заскрежетал:

— Всех пассажиров просят пройти к главному выходу. Приготовьте паспорта и медицинские справки. Ваш багаж будет ждать по другую сторону таможенного барьера.

Кемаль покинул каюту и устремился по коридору к выходу-шлюзу. Он вошел в шлюзовую камеру, и клапанная дверь со вздохом закрылась за ним. Включились потолочные лампы, оповещая о кратковременном облучении для устранения инопланетных бактерий. Шипение повторилось, и распахнулась другая дверь. Он вымученно сглотнул и шагнул на Меркурий-Прайм.

Едва Кемаль переступил порог, его встретил лысеющий жердяй лет двадцати пяти.

— Приветствую Гончего Принца! Ты добрался за рекордно короткий срок, но личный шаттл тебе, знаешь ли, не положен, — пошутила принимающая сторона, представленная штучным долговязым субъектом. — Ты, конечно, и есть Кемаль. Я видел твои голограммы в семейном альбоме. На пару лет устарели, но сходство несомненное. Добро пожаловать на Меркурий-Прайм.

— Благодарю, — ответил Кемаль. — Кто вы такой?

— Ты что же, не помнишь меня? Я Тикс, младший сын Гордона, твой кузен.

В последний раз, когда Кемаль видел Тикса, тот был унылым увальнем. Он здорово изменился, став нервным и дерганным. Дылда постоянно озирался — похоже, что по привычке, поскольку вокруг не было никого, — и при беседе рассеянно тербил нижнюю губу. Но взгляд у него был острый, оценивающий, и узкие голубые глаза светились умом.

— Я ждал тебя, — сказал Тикс. — Очень рад увидеть еще одно юное августейшее лицо. Принцы — люди одинокие.

— Можешь не расписывать, — отозвался Кемаль. — Это я был «в отпуске», а не ты.

— Что ж, рад твоему возвращению. — Тикс взял у Кемаля сумку и вывел своего гостя из посадочного отсека в охраняемый коридор. — Мне смерть как хотелось с кем-нибудь поговорить. Ну, если ваше высочество не возражает.

— Вот что я тебе скажу, Тикс. Гарантирую целый день благородной беседы, если объяснишь, зачем твоему отцу понадобилось меня вернуть. По рукам?

— По рукам. Я не знаю деталей, но это как-то связано с твоим наследством — землей, титулами, деньгами. Вот все, что я могу сообщить. Зато ты, надеюсь, много интересного порасскажешь. На Далтона всяко надежды мало, коль скоро он нынче служит.

— Далтон служит?

— Два года назад мой брат поступил сержантом в службу безопасности Меркурия-Прайм. Сейчас ему тридцать два, и он уже полковник. Незачем и говорить, что он очень серьезно относится к своим обязанностям. Вообще-то, — понизил голос Тикс, — честолюбие Далтона настораживает даже отца.

— И как теперь выглядит Далтон?

— Все так же — здоровенный викинг с грудью как бочка, писклявым голосом и хамскими манерами.

— А ты чем занимаешься, Тикс? — спросил Кемаль. — Дядя Гордон выращивает тебя для царствования?

— Не сказал бы, — бодро ответил Тикс. — Меня это ничуть не интересует. — Он сверкнул глазами и сразу стал другим человеком. — Этот спутник — настоящая сокровищница. Дедушка Бахлам собрал шедевры со всего света. Чего не достал, то поручил изготовить лучшим мастерам своей эпохи. Быть может, это место — высшее архитектурное достижение на орбите. И что, о нем кто-то печется? Как бы не так! Поэтому я взял на себя труд заняться несколькими участками, до которых у деда так и не дошли руки. Главным боевым постом, например. Я думаю, готический антураж там будет в самый раз. Как ты считаешь, Кемаль? Высокие узкие окна, забранные черным; командные посты расположены на возвышении, не прямое освещение вкупе с боевыми расчетами...

— Здорово, — перебил его Кемаль. — Но разве этого хочет от тебя Гордон?

— Отец позволяет мне делать все, что заблагорассудится. Говорит, правитель из меня все равно никудышный. Повторяю, он хочет видеть тебя, Кемаль. По сути, ждет сию секунду.

Тикс повел Кемалья по роскошным коридорам. Там было много портретов, развешанных на равном расстоянии, и Тикс поочередно указывал, треща о тех, кто был там изображен, откуда взялось полотно и сколько оно стоило.

— Пришли, — молвил Тикс, когда они достигли большой деревянной двери, покрытой резным узором. — Отец там. Я занесу сумку, а потом отведу тебя обедать. Попозже, может быть, сверим наши расписания для обоюдной аудиенции. И еще покажу тебе кое-что из набросков для западного крыла.

— Буду ждать с нетерпением, — пообещал Кемаль и постучал в дверь.

7

Комната для аудиенций казалась неимоверно глубокой и длинной благодаря искусно расположенным зеркалам и голографическим проекциям. Кемаль мог поклясться, что белые шторы колеблются из-за летнего ветра, а вовсе не из-за потайного вентилятора. Глянув в окна, он обнаружил просторную зеленую лужайку с беломраморными изваяниями героических мужей и хищных бестий; она достигала пагоды, тянулась до небольшого ручья и продолжалась дальше, уходя к пологим холмам, которые накладывались друг на друга живописными волнами. Все это были, конечно же, голограммы, дававшие взору, утомленному и раздосадованному постоянной тесной близостью Меркурия-Прайм, известное облегчение и забвение в зримой фантазмагории перспективы и контраста.

— Добро пожаловать домой, племянник, — почти пропел Гордон Гавилан.

Будучи крупнее своего третьего брата Гаррика, действующий Король-Солнце имел характерные карие глаза и бронзовую кожу, но был шире в плечах и тучнее, между бровями пролегла глубокая складка. Рядом находилась его жена Селия — стройная, симпатичная, роб-

кого вида женщина со светло-каштановыми волосами и беспокойными руками.

— Мы приготовили в твою честь пирушку, — весело произнес Гордон. — Только близкие родственники. Где же Далтон?

— Обещал быть с минуты на минуту, — напомнила Селия. — Он завершает обход постов.

— Мальчик слишком серьезно воспринимает свои обязанности, — молвил Гордон, на миг перестав улыбаться. — Хорошие манеры тоже чего-то да стоят.

На другом конце комнаты распахнулась, громко ударившись в стену, еще одна узорная дверь. Далтон явился.

Он выглядел в точности так, как описал его Тикс. Но Тикс не упомянул подкрученных черных усов, которые казались прилипшей к губе пиявкой. Они придавали Далтону зловещий вид, что его явно устраивало. Тикс не обмолвился и о его своеобразной величавой поступи, при которой черные сапоги тяжело грохотали по навощенному паркету.

Далтон направился к своему месту одесную Гордона.

— Я думаю, сегодня мы усадим справа Кемалья, — возразил тот.

Далтон метнул в него яростный взгляд, затем взял себя в руки и отвесил небрежный поклон.

— Добро пожаловать на Меркурий, кузен, — сказал он Кемалю.

Вошел Тикс. Он поклонился отцу и тоже сел. Гордон подал знак, и слуги начали вносить блюда с яствами.

Кемаль и не видывал такой роскоши. Солдатская пища, она и была солдатской пищей, одинаковой во всех пределах Солнечной системы. К столу Гавилана подали марсианского гуся, фаршированного лунными орехами; юпитерианскую икру и суп из морского черта; венерианские гидропонные овощи и фрукты, включая голубые киви и лиловую карамболу, а также высокие закрытые кружки с сухим марсианским вином.

Кемалья вежливо расспросили о его жизни на Марсе. Затем, между супом и жарким, Гордон перешел непосредственно к делу.

— Ты, вероятно, гадаешь, зачем я вызвал тебя так внезапно? — молвил он наконец, сверля взглядом племянника.

Тот медленно кивнул.

— Кемаль, мы несколько лет разбирались с неприятностями, которые причинял нам город Каллаг. Ты знаешь, как обстоят там дела?

— Мне известно, что Меркурий принадлежал Гавиланам с тех пор, как дедушка Бахлам упрочил нашу власть.

— Он не совсем наш, — возразил Гордон. — Внутренняя политика определяется советом. У каждой аркологии есть квота на голоса в зависимости от густоты населения. Вопросы планетарной важности решаются голосованием большинства. Король-Солнце ведает всей внешней политикой и торговлей и выступает арбитром при спорах между аркологиями. При финансовой поддержке княжеств он содержит космический флот, который пресекает контрабанду. Славный маленький флот. Командует им Далтон — верно, Далтон?

— Прилагаю все усилия, — ответил Далтон, уплетая овощи и запивая их вином. — Я уже говорил, что флоту нужна модернизация.

— А я тебя спрашивал: для чего? Мы не воюем. Да и угрозы войны нет. Флот и без того уже является перwokлассным боевым подразделением. Ты сам мне так и сказал.

— Он может стать лучше, — буркнул Далтон, вонзая нож в карамболу.

Гордон пожал плечами и продолжил:

— Княжества выплачивают налог на содержание флота, таможни и торгового кооператива. Меркурианский кооператив торгует всеми товарами на планете, предлагая лучшие цены на открытом рынке.

— Вот только наши враги считают иначе, — заметил Далтон. — Они обвиняют отца в полюбовных сделках¹, откатах и недобросовестных договорах.

¹ Предложение на очень выгодных условиях; чаще всего о предложении поглощения с очень выгодными условиями для высшего руководства поглощаемой компании.

— Это, конечно, дикий навет, — сказал Гордон. — Однако на Меркурии есть желающие свергнуть Гавиланов. Теоретически это возможно. Если все княжества проголосуют на совете против нас, то нам конец. Но практика показывает, что горняки обычно голосуют за нас, а музыканты — почти всегда. Колейные Города славятся бескомпромиссностью, но они прочно повязаны с нами, поскольку по закону мы ведаем складированием, оборотом и транспортировкой всех товаров с поверхности планеты. Положение Садков несколько отличается. Они состоят в кооперативе по доброй воле и при желании могут выйти. Садки имеют право развивать собственные рынки и продавать известную долю товаров вне кооператива. Некоторые из них, особенно Каллаг, требуют свободной торговли, как будто это панацея от всех бед. Они забыли, как обстояли дела на заре нашей цивилизации, когда каждая аркология торговала сама по себе, а крупные коммерсанты с Марса сеяли меж ними раздор, чтобы сбить цены.

— С Каллагом неладно давным-давно, — встрял Далтон. — Я уже говорил, что могу разобраться с ним.

— Нам следует избегать открытого военного противостояния, — возразил Гордон. — Для этого мы недавно заключили с Каллагом договор. Он устраняет наши разногласия. И я хочу, Кемаль, чтобы ты подписал его за Меркурий-Прайм и от моего имени.

— Почему я? — спросил Кемаль.

Гордон выдержал паузу и ответил:

— Возможно, ты затаил на меня обиду, Кемаль, за то, что я так долго продержал тебя на Марсе. Поверь, это было сделано для твоего же блага и во имя семьи.

— Можно подробнее? — осведомился Кемаль, решивший, что с него хватит дядиной карамболы и его басен.

— До поры я прошу принять это на веру. Поверь хоть на секунду в мое доброе к тебе отношение. — Гордон воздел правую руку, подтверждая свою искренность.

— И в чем же оно выражается, дядя Гордон?

— Вот в этом самом. В том, что я, заключая важнейший договор с аркологией Каллаг, избрал не родных сыновей, а тебя, чтобы именно ты доставил его в Каллаг и подписал от имени клана Гавилан. Это означает, что ты один из нас и для меня равен сыну.

Кемаль не верил ушам: уж больно все гладко и просто. «Что же задумал Гордон?» — недоумевал он.

— Готов ли ты сделать это для меня? — спросил Гордон. — Для твоей семьи?

Кемаль подождал, пока все взгляды обратятся к нему. Он промокнул губы салфеткой, положил ее на стол и произнес:

— Боюсь, что нет.

Гордон уставился на него:

— О чем ты, Кемаль? Не поедешь?

— Дядя, если хочешь, чтобы я для тебя что-нибудь сделал, тебе придется сделать кое-что для меня.

Бокалы, вилки и ложки застыли на полпути к пунктам своего назначения. Никто и никогда ничего не требовал от Гордона Гавилана, особенно близкие!

— И что же это? — нарушил молчание Гордон с нарочитой беспечностью.

— Мне нужно отцовское наследство.

— Ну разумеется! — рассмеялся Гордон. — Я сохранял его в доверительной собственности. Ты получишь отчет за каждое кило. По правде сказать, там больше, чем было на момент смерти Оссипа.

Кемаль невольно отметил, как скрипнуло антикварное кресло Гордона, когда колосс шевельнулся.

— Я хочу, чтобы его перевели в банк Нью-Саут-Марса, — сказал Кемаль. — Целиком, включая права на недвижимость. На мое имя, и ни на чье другое. Чтобы я мог распоряжаться им, как захочу.

— Как же ты с ним поступишь? Сумма-то внушительная, — заметил Гордон, вдруг замерев.

— Это уже моя забота. Суть в том, что я хочу получить свою собственность.

Гордон приблизил к племяннику взмокшее лицо:

— Кемаль, в том, что это твоя собственность, никогда не было ни малейших сомнений. Я могу устроить так, чтобы ты получал проценты. Это уже целое состояние.

— Нет, — сказал Кемаль.

— Послушай меня, малыш. Сейчас я веду много сложных переговоров. В рабочих целях я... пустил наследство твоего отца в оборот. Я не могу просто взять и сорвать переговоры, изъяв твою долю из капитала. В твоих интересах, малыш, оставить ее у меня, ибо текущие сделки удвоят сумму. Через год ты станешь совершеннолетним. Тогда я с удовольствием отдам тебе все. Даю слово. Что скажешь?

— Нет, — повторил Кемаль.

— Ты сомневаешься в моем слове?

— Мог бы, если подумать. Я просто хочу получить то, что принадлежит мне по праву. — Кемаль старался сохранять хладнокровие и собранность, уверенный, что в такой ситуации это лучшие помощники.

— Тебе еще нет двадцати одного!

Это был слабый довод.

— На Марсе совершеннолетие наступает в восемнадцать, — дерзнул напомнить Кемаль.

— Ты не марсианин, ты меркурианец! По нашему закону совершеннолетие наступает в двадцать один! — проревел Гордон, и его лицо побагровело, обретя сходство с марсианским закатом.

— По-твоему, я меркурианец, — сказал Кемаль. — Но я прожил на Марсе шестнадцать лет из двадцати.

— Ты знать не знаешь, что здесь творится, — сбивчиво проговорил Гордон. — Все, что я сделал, совершенно для твоего блага. И ты, Кемаль, должен был получить образование, чтобы занять подобающее место в иерархии Меркурия-Прайм.

— Мне нет дела до твоих причин, — сообщил Кемаль. — Со мной ты не посоветовался. Если хочешь моего сотрудничества, то обращай со мной как со взрослым и отдай мою долю.

— Кемаль, я же сказал, что сейчас мне крайне невыгодно изымать твое наследство из моих общих фондов. Обещаю, что через шесть месяцев ты получишь все.

— Нет.

Гордон вздрогнул от этого убийственного ответа.

— Но я же дал слово. Ты что, вовсе не доверяешь мне, Кемаль?

— Ты уже спрашивал, — холодно проговорил тот. Он смотрел в дядины прищуренные глаза, но боковым зрением видел, что оцепенели все, кроме Далтона, который поигрывал столовым ножом. — Нет, дядя Гордон, я не доверяю тебе.

На шее Гордона вздулись жилы, на лбу и над верхней губой выступили бусины пота.

— Кемаль, — произнес он медленно, почти с мольбой, — я понимаю, что ты зол на меня. Но клянусь, что все исправлю. Торжественно тебе обещаю. Все отцовское наследство с процентами за четыре месяца. Разве не справедливо?

— Нет, — подвел черту Кемаль.

— Ты безрассуден и неотесан! — Гордон, не в силах больше сдерживаться, вскочил с кресла и отшвырнул его так, что оно врезалось в драгоценную настенную лепнину и, старое, разлетелось на куски. — Вон отсюда! Проваливай, пока я не убил тебя собственными руками!

«Попробуй», — хотелось предложить. Но Кемаль решил, что сказанного достаточно. Он встал, поклонился и покинул комнату для аудиенций.

Тем же вечером Кемаль заказал ужин в свой номер люкс. Слуга принес его на узорном подносе. Возле дымившихся блюд лежал плотный конверт. Кемаль вскрыл его и обнаружил документ о передаче ему личного имущества его отца, Оссипа Гавилана, с процентами.

Кемаль внимательно изучил бумагу. Она была подписана, заверена — вроде в порядке. Документ давал ему право ознакомиться с бухгалтерской отчетностью и финансовыми операциями, осуществленными после

кончины отца, и выяснить, не было ли каких злоупотреблений.

Однако имелось условие. Кемаль может получить наследство только после того, как поставит свое имя в качестве представителя Меркурия-Прайм под договором с Каллагом. Тогда ему перечислят первые десять миллионов, а остальные — через неделю.

Кемалю отчаянно хотелось воли и денег, но еще больше он презирал Гордона и совершенно не доверял ему. Не унаследовал ли он, кроме денег, что-то еще, нужное Гордону? «Поездка в Каллаг значительно приблизит меня к свободе, — подумал он, — но я не подпишу этот договор вслепую».

— Мои очи отверзнуты, дядюшка, — произнес он негромко.

Немного позднее прибыл гонец с запечатанным договором и новыми проездными документами от Гордона. Транспорт был готов доставить Кемалья в Каллаг, когда тот сочтет возможным. Кемаль понимал, что это означало «прямо сейчас», совсем как в военном училище.

Гордон времени не терял. Но Кемалья это устраивало. Чем раньше он покончит с делом и заживет своей жизнью, тем лучше.

8

Кемаль оказался единственным пассажиром в межаркологическом шаттле, который должен был доставить его в Каллаг. Он разместился в роскошной маленькой каюте.

Женщина-пилот, уже находившаяся в переднем отсеке, объявила взлет. Кемаль пристегнулся, и они снялись с Меркурия-Прайм.

Вскоре приступили к спуску. Поверхность Меркурия представляла собой адское зрелище даже при взгляде в затемненные поляризованные иллюминаторы. Большой частью — плоская пустыня, очищенная от песка

и прочего мусора. Скалы сложились в причудливые конфигурации, как по задумке иномирного скульптора-сюрреалиста. Почва растрескалась безумным узором, но это был чуждый узор — не тот, что можно встретить в земной пустыне. Ветер и прочие силы создали высотные нагромождения скальных пород. Хаос расставил груды камней в манере, характерной для меркурианских стихий.

Пока шаттл спускался, Кемалю открывались бесконечные километры конструкций, похожих на железнодорожные пути. Он знал, что это солнечные коллекторы — единственные искусственные сооружения на поверхности Меркурия. Они сохранились с начала колонизации как следы попытки добраться до ископаемых сокровищ планеты.

Всмотревшись перед собой, Кемаль различил только плотный массив на горизонте: Колейный Город.

Все выглядело странно, но самым чуждым был свет, который распространился, едва шаттл вошел в атмосферу. Цвета вокруг смутно напоминали обрывки эйдетических грез — яркие золото и багрянец с переходом в фиолетовые тона, щедро залитые яростным светом недалекого солнца.

Колейный Город быстро приблизился. Это было уродливое сооружение: черная железная жаба, приплюснутая к курящейся почве; шишки и выросты на шкуре оборачивались обзорными шлюзами, наблюдательными балконами и ошетилившимися датчиками коллекторными устройствами.

Янтарный шаттл Короля-Солнце миновал город и устремился дальше, низко летя над изломанной поверхностью Меркурия.

Через несколько минут Кемаль заметил на безрадостной пустоши черное отверстие. Оно преобразилось в пещерный вход, а позади него пассажир увидел линию терминатора, разделявшую светлую и темную стороны Меркурия. Корабль замедлил ход, завис и начал спускаться в пасть пещеры.

Ширина входа составляла несколько километров, наклонная шахта уходила в недра планеты. Стены освеща-

лись мощными долговечными лампами, но пространство было столь необъятно, что свет делался сумеречным. Шаттл продолжил спуск в постепенно сужавшуюся пещеру, пока не достиг большой развилки.

Он повернул налево.

Летчица осторожно устремилась по извилистому тоннелю, который лишь вдвое превышал ширину корабля. Еще через несколько километров обтекаемый шаттл, который, несмотря на модернизированность, не отличался высокой маневренностью и не был создан для малых скоростей, начал тормозить и наконец остановился. Кемаль увидел впереди нечто вроде посадочной площадки с грузовыми терминалами и тяжеловесным оборудованием. Во мраке горели огни.

Корабль выполнил мягкую посадку. Кемаль выпрыгнул из шаттла, не тратя времени на формальности. Охрана выстроилась в шеренгу. Впереди стоял человек в гражданском платье — невысокий, лысеющий, средних лет, по виду мелкий чиновник.

— Кемаль Гавилан? — осведомился он. — Я Холтон Зак. Поздравляю вас с прибытием в Витесс.

— Благодарю, — ответил Кемаль. — Но правильно ли я понял? Разве это Витесс?

— Он самый, — подтвердил Зак.

— Тогда, боюсь, произошло недоразумение. Я направляюсь с официальным поручением в Каллаг.

— Никакого недоразумения нет, — возразил Зак. — Вы, юный сэр, новичок в меркурианской политике. Мы услышали о вашей миссии и решили дополнить ваш вояж посещением нашего прекрасного города Витесса.

— Сэр, — молвил ошарашенный Кемаль, — вы не имеете права вмешиваться в мою деятельность.

— Спишите это на политиков, — пожал плечами Зак. — Добро пожаловать в Витесс. Вы наш гость.

Но Кемаль отшатнулся:

— Это бессмысленно. Какое вам дело, куда я собрался? Требую, чтобы мне немедленно открыли пролет до Каллага.

Дверь шаттла резко распахнулась, и появилась летчица — еще в скафандре, но уже без шлема. Она была узколицей, светлоглазой, загорелой, с метелкой темных волос. Кемаль нашел бы ее привлекательной, не будь она так серьезна.

— Позвольте представить вас Дьюэрни, — сказал Зак. — Она летит от Танцоров, которые и устроили вам это маленькое отклонение от курса.

Женщина приблизилась и пытливо всмотрелась в лицо Кемалья.

— Вы Кемаль Гавилан, сын Короля-Солнце Оссипа. Это не было вопросом.

— Да, разумеется, — пришлось ответить Кемалю.

— Вы похожи на короля, — заметила она. — Приветствую вас от имени Танцоров.

— Очень приятно, — растерянно вымолвил Кемаль. — Но что все это означает?

Похоже, он сморозил какую-то глупость. Женщина отвернулась с откровенным разочарованием на лице.

— Я же сказал, что он наверняка ничего не знает, — напомнил ей Зак. — Гордон выслал его, когда ему было четыре года. И несомненно, постарался держать в неведении.

— Тогда дела обстоят еще хуже, — сказала Дьюэрни.

Она резко повернулась и пошла по коридору, который вел в город. Дверь с грохотом захлопнулась за ней.

— Почему она так рассердилась? — недоуменно спросил Кемаль, глядя ей вслед.

— Нам придется кое-что объяснить, — ответил Зак, — и вы поймете расклад. Пойдемте побеседуем в более удобном месте.

Их окружили охранники. Кемаль повернулся, как бы смиряясь, и вдруг рванул прочь. Стражи не успели оглянуться, как он миновал их в два прыжка и опрометью помчался к шаттлу.

План сложился мгновенно. Кемаль пошел на риск, хотя сомневался, что Зак решится на неприкрытое убий-

ство. Только бы добраться до шаттла, а с управлением он справится. Он запомнил все повороты. Возвратиться по ним не составит большого труда.

Он слышал, как позади кричит Зак, раздавая приказы. Охранники очнулись и начали действовать — слишком поздно. Он уже у люка...

Затем его окутал душераздирающий вой Д-луча. Зак наконец собрался с силами.

Кемаль попытался проникнуть в шлюз, но звуковой дезинтегратор погрузил его в поле парализующего шума. Он опрокинулся навзничь и лишился чувств.

9

Кемаль понял, что жив, по пульсирующей боли во всем теле. Болела каждая клетка от макушки до пят. Он был жив, и в этом, конечно, имелись плюсы. Правда, пока не очень много.

— Полегчало, мальчишечка?

Кемаль обнаружил, что он не один. В камере с ним находился белобородый детина, закутанный в бурый плащ грубой шерсти — диковинный в мире облегающей функциональной одежды. Мужчина выглядел неестественно. Чуть за пятьдесят, хотя судить было трудно, так как большая часть лица скрывалась под белыми лохмами.

— Где я? — спросил Кемаль.

— Добро пожаловать в центральную тюрьму Витесса, — сказал бородач. — Поганое место, но можешь называть его домом. Так оно обычно и бывает какое-то время.

Кемаль взъерошил волосы. Голова болела так сильно, что он с трудом понимал слова. Казалось, что в скальп ему вшили сетку, которая неуклонно сжималась. Он был уверен, что мозги вот-вот польются из носа тонкой серой струйкой.

— От головной боли у вас, насколько я понимаю, ничего нет, — обратился он к бородачу.

— Угостили дезинтегрирующим лучом? — усмехнулся тот. — Давай поглядим, что тут можно сделать.

Шурша одеянием и распространяя запах пота, бородач подошел, крепко схватил его за голову одной рукой и сильными пальцами начал ощупывать шею.

— Эй, больно! — сказал Кемаль, не столько жалуясь, сколько объясняя.

Даже причиненная пальцами боль была меньше той, что разрывала череп.

— Хотел бы я, — изрек бородач, — чтоб мать-природа задала единую карту точкам внутричерепного давления. Ну-ка, а здесь... Нет, здесь!

Пальцы бородача напряглись. Кемаль узрел белую вспышку, и вдруг головная боль прошла, оставив по себе лишь тупое нытье уведомительного толка.

Кемаль встал и сделал несколько пробных шагов.

— Потрясающе! — признал он. — Как вы это сделали?

— Старый прием из забытых земных лечебных методик. Но он помогает. Теперь мы можем познакомиться, как положено. Меня зовут Эгон, к твоим услугам. Старший музыкант.

— Я Кемаль Гавилан.

Эгон вскинул пушистые белые брови.

— Гавилан — имя, которое открывает двери.

— Тюремную в моем случае, — сказал Кемаль.

— Хорошо, что ты шутишь, — откликнулся Эгон. — Дай-ка сообразить — который ты Гавилан? Я часто выступал перед царственными особами, но тебя не припоминаю.

— Я только что прибыл на Меркурий. Я сын Оссипа, бывшего Короля-Солнце — брата нынешнего, Гордона.

— И как ты угодил в такую беду?

— Не знаю, — сказал Кемаль. — Дядя поручил мне подписать договор с Каллагом. В Витессе какие-то люди похитили меня и притащили сюда.

Камера была маленькая — трехметровый куб без окон. В углу стоял накрытый унитаз. Полоски на потолке излучали бледный бестеновой свет.

— Чем же ты обидел жителей Витесса?

— Ничем, насколько я знаю. Я и не был нигде, чтобы кого-то обидеть, — ответил Кемаль в смутном недоумении.

— Плохо дело, — заметил Эгон. — Если ты оскорбил какого-то чиновника, то есть надежда извиниться и выйти на волю. Но если сидишь по неуточненному обвинению... Впрочем, возможно, что все не так уж и страшно. Ты Гавилан, а значит, им наверняка от тебя что-то нужно.

— Не сомневаюсь, — согласился Кемаль. — Но вас-то за что посадили?

Эгон осклабился, показав пеньки зубов в окружении бакенбардов на широком лице.

— Всего лишь за расхождение во мнениях.

— Насчет чего же, позвольте спросить?

Старик был первым местным жителем, который ничего не хотел от Кемалья, и тому это пришлось по душе.

— Я пришел собрать музыкальный налог, и мы поспорили о проценте. Это кончилось перебранкой, а перебранка привела меня сюда.

— Надолго?

— Пока к ним не вернется рассудок. Витесские чиновники выставились болванами. Я думаю, что меня вскоре освободят.

— Похоже, вы очень уверены в себе, — позавидовал Кемаль.

Эгон ухмыльнулся, вновь обнажив кривые желтые зубы.

— Когда арестовывают музыканта, весь шоу-бизнес замирает и ждет, пока его не выпустят. Такому городу, как Витесс, без развлечений никак нельзя. Пара дней моего отсутствия — и начнутся беспорядки. Без услуг гильдии музыкантов не проживут даже Танцоры.

— Между прочим, здесь я оказался не без помощи Танцорши, — сообщил Кемаль.

— Ну а куда же еще она должна была тебя доставить? Ясно, что не в Каллаг.

— Почему бы и нет?

— Из-за трений с тамошними Танцорами, естественно. Но я вижу, что ты не разбираешься в местной политике.

— Я только-только прилетел с Марса.

— Да, зеленоват. Твой дядя не просветил тебя? — улыбнулся Эгон и подмигнул. — Не сомневаюсь, что у него были на то причины.

— Вы скажете, о чем он умолчал? Зачем меня похитили витессцы? И при чем тут Танцоры?

Эгон встал и набросил плащ на плечо. В манере опытного оратора он продекламировал:

— Для понимания местной политики ты должен узнать о Маккавейских пещерах. Другой такой области на Меркурии нет. Пещеры уходят в меркурианские недра. Они были лучшим местом на планете для постройки города.

Изначально тендер выиграла одна группа. Илиадские Устроители доставили первых колонистов, основали политическую систему и получили подряд на строительство города. Им предоставили территориальные права на Маккавейские пещеры. Работа закипела. Но довольно скоро возникла проблема.

Через считанные недели после заключения контрактов и начала работ в борьбу за политическое влияние включились две группировки. В основополагающей хартии учли все, за исключением четкого механизма улаживания междоусобных конфликтов.

Когда мнения разделились почти поровну, Илиада раскололась надвое. Стороны договорились о разделе имущества и развитии северной и южной частей пещерного лабиринта. Так возникли Каллаг и Витесс.

О пещерах было известно не много, и поначалу не удавалось понять, какая часть лучше. Но вскоре стало очевидно, что Каллагу досталась территория побогаче. Еще в первые годы там нашли немалые залежи полезных ископаемых. Воодушевленные этим богатством, в Каллаг стягивались переселенцы с других планет, чтобы работать в горнодобывающей промышленности, обзаводиться семьями и умножать население. Витесс сильно

отставал и рисковал подпасть под политическое влияние соседа. Но сохранялось известное равновесие... вплоть до недавних пор, когда проблемой сделался статус Танцоров.

— Но какое отношение это имеет ко мне? — спросил Кемаль.

— Зачем тебя послали в Каллаг?

— Подписать договор между Каллагом и Меркурием-Прайм.

— Вот и ответ. Король-Солнце наконец договорился с Каллагом о Танцорах и передает Каллагу их политические полномочия, которых тот давно требовал. Витесс, желая предотвратить это, поддержал Танцоров и похитил с их помощью тебя.

— То, что я сижу в витесской камере, не остановит самого Гордона или кого-то из его сыновей от подписания договора.

— Да неужели? — усомнился Эгон. — Вижу, дядя не разъяснил тебе твою роль в происходящем.

— Какая у меня может быть роль? Я только что с Марса.

Эгон склонил голову набок, напряг слух. Услышал и Кемаль: шаги в коридоре.

— Думаю, тебе ответит кто-нибудь более сведущий, чем я, — сказал бородач.

Дверь отворилась, и вошел охранник. Его оттолкнула Дьюэрни, нетерпеливо переминавшаяся позади.

— Так не пойдет! — набросилась она на Зака, который шел следом. — Нельзя держать нашего представителя в камере, как обычного уголовника! Это оскорбляет Танцоров!

Кемаль сперва решил, что речь об Эгоне, но, когда Дьюэрни приблизилась к принцу и помогла встать, осознал, что она имела в виду его.

— Ошибочка вышла, — сказал в свое оправдание Зак. — Я велел отвезти его в больницу, а не в тюрьму. — Кемалю же он заявил: — Приношу глубочайшие извинения, ваше высочество. Позвольте проводить вас в заранее приготовленные апартаменты.

— Я не собираюсь здесь оставаться! — в смятении вскричал Кемаль, менее всего расположенный воспользоваться витесским гостеприимством.

— Давайте обсудим это в другом месте.

Кемаль насупился.

— За что вы посадили этого человека? — указал он на Эгона. — Музыкантам всегда разрешали свободно перемещаться между меркурианскими аркологиями.

— Со времен правления короля Оссипа порядки изменились, — ответил Зак. — Но это неважно. В знак хорошего отношения к вам я его выпущу. Охрана, проследить! Итак, позвольте мне сопровождать вас лично.

Кемаль поблагодарил Эгона кивком и разрешил вывести себя из камеры. Дьюэрни уже успела обогнать их с Заком на несколько шагов. Девушка все еще злилась. Бывала ли она другой? Умела ли улыбаться? И что имела в виду, когда назвала его представителем Танцоров?

10

Зак восстановился в роли жожака, вывел Кемалья и Дьюэрни из тюрьмы и препроводил их в электромобиль с куполообразным верхом. Он задал маршрут, и машина сама устремилась по монорельсу, который связывал все районы Витесса.

Город в Садках не был похож на марсианские. Он представлял собой трехмерную структуру, прошитую монорельсами и лифтами на всех уровнях. Огромные колонны возносились на сотни метров, поддерживая надстройку. Весь город был освещен сверху. Зак пояснил, что освещение воссоздает земной циркадный ритм. Искусственные облака рассеивали свет и уменьшали яркость. Строители создали и ветер. Посреди города находился Центральный пруд — искусственное озеро, где плавали на лодках, купались и даже рыбачили. Не забыли и про закаты с рассветами.

Сам город был красив; изящные здания чередовались с гидропонными огородами, в которых витессцы выращивали значительную часть своих продуктов. Имелся даже ухоженный лесопарк.

Одним неустрашимым явлением была слабая постоянная вибрация, сопровождавшая пассажиров, куда бы ни направились. Это был звук подвижного города, все глубже зарывавшегося под землю и ветвившегося по системе пещер. Свой вклад в эти фоновые гулы и вибрацию вносили также промышленных размеров генераторы воздуха и кондиционеры. Температура почвы вне города постоянно держалась на уровне трехсот градусов по Фаренгейту — жарко, но допустимо для машин жизнеобеспечения. В центре Витесса Кемаль увидел переполненные бары и салуны, кофейни и площади. У многих людей был отсутствующий вид. Они, казалось, прислушивались к моторам, ибо надежды и страхи горожан определялись изменением звука. Тревога, разлитая в воздухе, была почти осязаемой, и у Кемалья возникло впечатление, что город готов взорваться.

Электромобиль остановился, и Зак с Дьюэрни ввели Кемалья в огороженный стеной сад. У Кемалья с трудом укладывалось в голове, что он находится в стесненном и, если верить Эгону, отчаявшемся подземном городе.

Здесь-то, конечно, было просторно и уютно. По гладким камешкам струился прозрачный ручей, а зелень была тронута осенью. Чуть дальше стоял деревянный мостик (древесину импортировали с Земли), имевший вид случайный и пасторальный. Кемаль подумал, что это подходящее местечко для свиданий и уединенных прогулок — или, быть может, для тюремного заключения.

Зак провел Кемалья через сад в многокомнатный номер люкс, весьма богато украшенный, с пышными диванами и высокими стульями.

— Все это ваше, пока вы у нас, — сказал Зак. — Считайте это гостиницей высшей категории. Вон там на комод — меню. Полная стирка. Компьютерный терминал для заказа любых услуг. Может, хотите вздремнуть? А после пообедаем втроем и все обсудим.

— Вы собирались объяснить мне происходящее, — напомнил Кемаль. — Я так и не понимаю, почему меня задержали.

— Все очень просто, мой мальчик. — Улыбка Зака была светла настолько же, насколько мрачной оставалась мина на лице Дьюэрни. — Договор между вашим дядей и Каллагом неприемлем для Витесса. Дело в том, что по его условиям политический контроль над Танцорами передается Каллагу. А этого мы допустить не можем — правда, Дьюэрни?

Дьюэрни не ответила, но насупилась еще больше, хотя это казалось невозможным.

— Неужели вы всерьез считаете, что мое похищение удержит дядю от подписания любого договора, какой ему нужен? — спросил Кемаль.

— О да, — ответил Зак. — Полагаю, что удержит. По крайней мере, на время. Танцоры по закону не подчиняются никаким договорам без одобрения и подписи их представителя. Коль скоро последний — у нас, ее будет трудно добиться.

— Это я-то их представитель?

— Совершенно верно.

— Должно быть, вы меня с кем-то спутали.

— Вовсе нет. Похоже, что Гордон и впрямь задумал всех провести. Он даже вам не сказал, что вы являетесь законным представителем Танцоров. Это честь, которую вы напрямую унаследовали от вашего отца, Оссипа, величайшего среди них.

Кемаль вытаращился на Зака, пытаясь собраться с мыслями. Он только что получил долю отцовского наследства, которой не ждал и не хотел: обязательство.

11

— Почему у тебя всегда такой сердитый вид? — спросил Кемаль у Дьюэрни, смотревшей в окно на толпы идущих по своим делам горожан.

Они находились в небольшом частном клубе близ главной площади Витесса. Зак попросил Кемалья встретиться там, и тот пообещал, не собираясь сбежать до того, как выяснит больше. Прибыв на место, он застал Дьюэрни, сидевшую за столиком у окна. Кемаль пересек помещение и устроился рядом.

Она обернулась к нему:

— Дело в свободе моего народа. Тут нечему улыбаться.

— Да, но нет и причины постоянно дуться.

— Тебе легко говорить, — нахмурилась она. — У тебя нет никаких обязательств.

— Откуда ты знаешь?! — возмутился Кемаль.

— Да мне все о тебе известно. Воспитание получил в военных училищах на Марсе. А теперь явился отменить наши свободы.

— Сказано же тебе, Дьюэрни, что Гордон меня обманул. Не посвятил в детали. Я сам решу, подписывать мне что-то или нет.

— Ты Гавилан. Будешь делать то, что велят.

— Я сын Оссипа, — возразил Кемаль. — Я буду делать то, что считаю правильным.

Она, похоже, взвесила его слова.

— Почему тебе знать, что правильно для Танцоров, если ты понятия не имеешь о нашей жизни?

— Можешь рассказать.

— Да. — Выражение ее лица было презрительным. — Полагаю, этого хватит.

Тут вошел Зак, который выглядел очень довольным собой, и сел за их столик.

— Ну что же, Кемаль, — сказал он, — надеюсь, вам было не слишком плохо в нашем обществе.

— Вы были достаточно гостеприимны, — нехотя признал тот.

— Смеею надеяться, что вы так и скажете Королю-Солнце, — произнес Зак, игнорируя тон принца.

— О, неужели мне предстоит скорая встреча с Гордоном? — Тон исполнился сарказма.

— Да, и в ближайшее время. Витесс достиг примирения с Меркурием-Прайм.

— Какого еще примирения? — удивилась Дьюэрни.

— Послушай, моя дорогая, — молвил Зак. — Долгие годы Витесс и Танцоры были союзниками в борьбе против Каллага и Меркурия-Прайм. Мы, витессцы, благодарны за это и никогда не забудем, чем обязаны твоему народу. Тем не менее политика есть политика, и мы сочли разумным заключить договор с Королем-Солнце, дабы защитить права и привилегии всех. Этот договор предусматривает значительные налоговые льготы для твоего народа.

— Зак! — встревожилась Дьюэрни. — Ты предал дело независимости Танцоров?

— Ни в коем случае! — воскликнул Зак. — Но новый договор — шаг в правильном направлении. Поверь мне, Дьюэрни. В конечном счете все устроится преотлично. — Он повернулся к Кемалю. — Через несколько часов мы вернем вас на Меркурий-Прайм. Вы сможете подписать договор, и все будет в порядке. — Он улыбнулся. — Не удивлюсь, если окажется, что Гордон все это время знал о роли Дьюэрни и разрешил ей похитить вас, чтобы надавить на Каллаг. Такая изощренность как раз в его духе.

— Это было бы очень похоже на моего дядю, — согласился Кемаль.

— Мне нужно идти. Дьюэрни, не кори Витесс. Не сомневайся в наших добрых намерениях.

Зак отбыл, рассыпаясь в улыбках, и Кемаль обратился к Дьюэрни:

— Корабль-разведчик еще у тебя?

— Нет. Его вернули флоту Витесса. А что?

— Можно ли отсюда выбраться как-то иначе? — спросил он, оглянувшись.

— Да, — ответила Дьюэрни. — У меня есть собственная жестянка.

Из курса вождения Кемаль знал, что «жестянкой» называлось меркурианское сухопутное средство передвижения.

— Мы сможем уехать на ней?
— Пожалуй... Но это будет непросто.
— Давай попробуем, — предложил Кемаль, вставая.
— Ты точно этого хочешь? — спросила она, придерживая его за руку.

— Сама же сказала, что мне нужно сначала взглянуть на жизнь Танцоров, а уж потом продавать их свободы.

Дьюэрни кивнула, и они покинули кабинку.

12

Жестянка была запаркована в складском ангаре на нижнем уровне Витесса. Она была метров тридцати в длину и двадцати в ширину, а покоилась на здоровенных надувных колесах. Двухместную кабину венчал пластмассовый луковичный купол, предоставлявший полный круговой обзор. На Меркурии практически не было воздуха, и в обтекаемых формах не возникало нужды. Это транспортное средство немного напоминало изображение «Монитора»¹, которое Кемаль видел в академии, — «бидон на плоту», положивший конец эпохе парусников в годы Гражданской войны в Америке.

Дьюэрни приложила запястье к дверной панели, которая считала телесный код и открылась. Девушка и Кемаль вошли в кабину. Вся внутренняя поверхность была пультом управления: сплошь дисплеи, циферблаты, тумблеры и считывающие устройства. Приборы давали бледное нерадиоактивное свечение. Задняя часть машины была отведена под жилые помещения. Дьюэрни нашла два скафандра и вручила один Кемалю. Они оделись, оставив шлемы открытыми, и вдохнули воздух из резервуаров жестянки, слегка отдававший химией.

¹ Броненосец «Монитор», спущенный на воду 30 января 1862 года и давший название этому классу кораблей. Вместо батарейного каземата на плоскую бронированную палубу была установлена башня с двумя тяжелыми пушками.

— Что мне делать? — спросил Кемаль, невольно понизив голос до шепота.

— Умеешь обращаться с пушкой «стеннис»?

— Не вопрос.

Она постучала пальцем по орудийному механизму:

— Насколько я понимаю, мы не хотим, чтобы нам помешали.

— Нет.

Кемаль проверил оружие и настроил систему наведения, а Дьюэрни тем временем завела огромный двигатель жестянки. Тот вкрадчиво кашлянул, оживая, немного помялся и заработал в устойчивом ритме.

— Готов? — спросила она.

— Да.

— Я отвезу тебя к Эбену Мюлузу, вождю Танцоров. Он лучше всех объяснит наше положение.

— Поехали, — сказал Кемаль.

Дьюэрни запустила двигатель, включила фары и ходовые огни. Жестянка медленно покатила по центральному проезду склада.

13

Они выбрались из складского помещения и одолели километровый коридор, достигнув главной развилки. Там Дьюэрни свернула в рукав, который вел в городские предместья. Они выбрались на окраину, где подъездной путь стыковался с герметизированным выходным шлюзом Маккавейских пещер, и их остановили на полицейском контрольно-пропускном пункте. Жестянка была во много раз больше самой крупной машины, какая разъезжала по Витессу.

— По распоряжению Холтона Зака, — объяснила сержанту Дьюэрни. — Везу принца Гавилана на встречу с его подданными.

— Я не получал указаний на этот счет.

— Справьтесь у начальства. Приказ был отдан меньше часа назад.

— Паркуйтесь, а я разберусь с вашим пропуском.

— Черта с два! — возразила Дьюэрни. — У меня приказ ехать. Если понадобится, найдете меня без труда.

Сержанту это не понравилось, но у него не было предписания открыть огонь. Машина уехала, а он остался терзать пульт связи.

Очутившись за городом, жестянка быстро преодолела тоннели и выкатилась на каменистую площадку, которая косо тянулась вверх, ко входу в Маккавейские пещеры. Дьюэрни прибавила скорость. Кемаль различил далеко впереди полосу ослепительного солнечного света. Дьюэрни сказала ему, что это и есть вход. Затрещала радиосвязь, и звучный голос официальным тоном велел остановиться. Одновременно Кемаль заметил в зеркалах заднего вида ходовые огни трех полицейских машин.

Дьюэрни ответила в переговорное устройство:

— У меня официальный приказ доставить принца Гавилана к его подданным.

— Ни черта подобного! — ответил динамик голосом Холтона Зака. — Приказываю здесь я. Немедленно остановись и вернись в Витесс.

— Танцоры тебе не подчиняются, — ответила Дьюэрни.

— Ну как же? — возразил Зак. — Мы заключили соглашение с Каллагом и Меркурием-Прайм.

— Но не с Танцорами!

— Дьюэрни! — рявкнул Зак. — Не дури! Ты поступаешь наоборот — увозишь принца от его подданных. За это положено суровое наказание! Танцорам придется плохо, если ты не вернешь его немедленно!

Кемаль взял микрофон.

— Это Кемаль Гавилан. Я решил познакомиться с цивилизацией Танцоров. Перестаньте чинить препятствия. Передайте моему дяде, что мне нужно взглянуть на людей, которых я собираюсь лишить прав.

Дьюэрни тревожно посмотрела на него:

— Ты все еще собираешься отменить наши права?

Кемаль прикрыл микрофон ладонью.

— Надо же им что-то сказать. Давай поезжай.

Дьюэрни кивнула, но веры в ее светлых глазах не было никакой. Она заглянула в зеркала заднего вида — полицейские машины настигали.

14

Через несколько минут жестянка и ее преследователи выехали из мрака в ослепительное сияние светлой стороны планеты. Впереди открылся фантастический меркурианский пейзаж.

Пещера выходила на широкую плоскую равнину, которая напоминала лунный кратер. Она была усыпана обломками скал, от мелкой щебенки до отвесных громадин величиной с дом.

Кемаль моментально увидел, что Дьюэрни выбрала трудный маршрут, на котором одни глыбы приходилось огибать, а через другие — переезжать. Нужна была великая сноровка, чтобы на скорости пятьдесят километров в час мгновенно решать, с какими обломками жестянка справится, а на каких опрокинется. Кемаль развернулся, изготовив оружие к бою. Позади выстроились в столбовую цепь семь витевских машин, которые неуклонно приближались. Кемаль вступил в поединок с пушкой, пытаясь совместить видоискатель с верткими целями. Затем двое преследователей вышли из игры сами — один врезался в уступ величиной с кита, другой взлетел на скальный гребень и перевернулся.

Оставшиеся пять машин открыли огонь. Кемаль предположил, что их оптические прицелы предназначались для пещерного боя, так как все выстрелы исправно шли мимо. Правда, снаряд-гарпун был проблемой посерьезнее. Он взмыл в небеса за жестянкой и захватил ее тепловой след.

Стряхнуть его не было никакой возможности.

— Выровняй эту штуковину! — крикнул Кемаль.

Дьюэрни сбавила скорость и спрямила курс. Кемаль сумел прицелиться и быстро выстрелить дважды, оба раза мимо. Снаряд приближался. Тогда принц вспомнил, что не учел рефракцию, подсчитал в уме и выстрелил снова. На сей раз вышло прямое попадание, которое снесло коническую носовую часть снаряда.

Еще один преследователь проломил соляную корку и провалился на двадцать метров. Витессцы, обитавшие в пещерах, теперь на своей шкуре испытали риск езды по поверхности. Осталось четыре машины.

В запале схватки Кемаль не заметил, как жарко стало в кабине. Ему едва удавалось вздохнуть. Затем он осознал, что на него кричит Дьюэрни, но слова тонут в реве двигателя. Однако он понял: опусти лицевую пластину и перейди в режим полного охлаждения с подачей кислорода. Он защелкнул шлем, и Дьюэрни сделала то же. Взглянув вперед через ее плечо, Кемаль различил темную линию, косо пересекавшую горизонт. Они неслись к терминатору!

В систему циркуляции пошел охлажденный воздух, и Кемаль испытал минутное облегчение. Но воздух почти сразу начал нагреваться. Оборудование скафандра слабо задымилось, изоляция вспыхнула.

Затем они очутились в черте сумерек и умеренных температур. Дьюэрни свернула направо, чтобы не выйти из этой зоны, ведь та растянулась здесь всего километров на двенадцать. Преследователи выстроились гуськом, когда Дьюэрни выполнила поворот. Головная машина шла быстро — невысокая, с торчащей базукой.

Кемаль больше не мог вести огонь — в пекле замкнуло систему наведения. Полицейская машина стремительно увеличивалась, приближаясь слева. Кемаль, как учили в академии, хлопнул Дьюэрни по левому плечу. Она увидела мчавшуюся рядом машину и взяла левее, идя наперерез. Преследователь увернулся, налетел на продолговатый выступ и лег, задрав правые колеса.

Кемаль хлопнул снова. Дьюэрни свернула опять и сумела завалить еще одну машину.

Они все больше отрывались от оставшихся. Дьюэрни выжала из жестянки все, что возможно, — четыре пухлых колеса перелетели через кряж, приземлились с другой стороны и резко затормозили.

Там, выстроившись в ряд, пять бронированных сухопутных машин, раскрашенных в желтые, черные и золотые цвета дома Гавиланов, преграждали путь.

За ними виднелись другие, припаркованные у низкого куполообразного строения.

Витесские машины преодолели кряж и остановились.

Жестянка оказалась зажатой меж войсками Витесса и Меркурия-Прайм. С флангов высились невысокие, но неприступные скалы.

— Что будем делать? — спросила Дьюэрни.

— По-моему, мне пора с ними потолковать, — ответил Кемаль.

15

Он вошел в куполообразное здание, сопровождаемый Дьюэрни. Внутри оказался полевой лагерь. Удобное кресло было только одно, и в нем сидел Гордон Гавилан. Далтон, при полной боевой выкладке, устроился рядом на стуле; он нехорошо улыбался. Позади с оружием наготове выстроилась охрана.

— Добро пожаловать, племянник, — сказал Гордон с прежней живостью. — Очень мило с твоей стороны задержаться на нашей скромной заставе. Охрана! Стулья моему племяннику и его шоферу.

Кемаль мысленно проклял себя за то, что позволил витессцам загнать жестянку в засаду. Он принял стул и сел. Дьюэрни осталась стоять у двери.

— Вы не сочли нужным сказать мне, дядя, что я наследный представитель Танцоров, — отважно произнес Кемаль.

— У меня были на это причины, мой мальчик. И не забывай, что я заплатил авансом.

— О чем он говорит? — спросила Дьюэрни.

— О том, что передаст отцовское наследство, как только я подпишу договор. Мне было некогда сказать тебе, — объяснил Кемаль.

— Все верно, — кивнул Гордон. — Настоящая политика, малыш, есть искусство расчета. Твой отец никогда этого не понимал. Он был идеалистом. Я любил его, Кемаль, и горько оплакивал его кончину, но он не был практиком. А чтобы править, надо быть практичным. Я постарался воспитать в тебе это качество. Я направил тебя в Военную академию Джона Картера, чтобы ты получил образование и приучился к дисциплине, обретя качества, каких никогда не было у Оссипа.

— Нас не учили в «Джоне Картере» отбирать чужие права!

— А выполнять приказы вышестоящих офицеров учили?

— Конечно, но ты...

— Я глава правящей династии. Ты сын моего брата. Я оказываю тебе поддержку, учу и посвящаю в наши внутренние дела. Как же династии править, когда не выполняются приказы ее главы?

— Если они законны!

— А что незаконного в том, чтобы потребовать твоей подписи под моим договором? Если, конечно, я главный в семье. Может быть, ты главный, Кемаль?

— Разумеется, нет, — сказал Кемаль. — И не претендую.

— Вот и славно. — Гордон ослабил, и это означало, что он не потерпел бы иного ответа. — В таком случае главой семьи остаюсь я. Что скажешь, Далтон?

— Мне тоже так кажется, — откликнулся Далтон, гадко скалясь на свой манер.

— Кемаль, — молвил Гордон, — я понимаю, что тебе непросто это сделать. Женщина была бы весьма симпатичной, если бы избавилась от привычки дуться. Не сомневаюсь, что ты с ней неплохо развлекся. Или еще только мечтаешь? Не горюй. Позволь успокоить твою

совесть насчет Танцоров и их надуманных притязаний. Это неорганизованные подонки, стянувшиеся на Меркурий из разных миров для работы на рудниках. Они начали развиваться независимо от других и вообразили, будто это дает им право считаться свободными. Но это всего лишь беспомощный сброд, которому волею случая повезло расселиться вдоль терминатора. У них нет ни постоянного жилья, ни собственности, кроме машин. Нет и территории, поскольку поверхность Меркурия является всеобщим достоянием.

— Да, — согласился Кемаль, — но ведь они и живут на поверхности.

— Это мелочь, не играющая никакой роли. Разве ты не можешь, Кемаль, взглянуть на ситуацию с нашей точки зрения?

— Я вижу одно, — ответил тот. — Я их представитель, а тебе нужна моя подпись на договоре.

— Обычная формальность, — сказал Гордон.

— О, тогда можно и не подписывать, если разницы никакой? — осведомился Кемаль в тон дядиному блефу.

Гордон вдруг обозлился:

— Разница огромная. Танцоры возмели наглость обратиться с петицией в Корпус свободы и прочие организации вроде НЗО, разношерстной компании земных террористов. Без подписи их наследственного представителя возникнут вопросы; не исключено и вторжение извне. Нам это ни к чему. Я справлюсь с любой ситуацией сам, как посчитаю нужным. Но легкий путь предпочтительней. Разве тебе это не понятно, Кемаль? Ты же Гавилан!

— Вполне понятно, — ответил принц.

— Молодец! — Гордон повернулся к сыну. — Далтон, дай мне договор.

— Вот он. — Далтон извлек из патронной сумки пластиковый конверт — точно такой, как тот, что доставил в Витесс Кемаль. — А как быть с представителем Каллага? — спросил Далтон. — По-моему, он тоже должен подписаться. Это не он ли едет?

Теперь и Гордон расслышал рокот приближавшихся машин.

— Думаю, он. Давай же, Кемаль, подписывайся за нас, и покончим с этим. Потом заручимся подписью Каллага и вернемся на Меркурий-Прайм, где есть горячий душ и сносная еда.

— Да, верно, — серьезно кивнул Кемаль.

— Рад, что ты с нами согласен, племянник, — сказал Гордон, уверенный в своей победе. — Состояние твоего отца достигло немалых размеров. Оно станет твоим сразу после нашего возвращения. Даю тебе слово, слово меркурианского Короля-Солнце. Вот, возьми мое стило.

— Меня смущает только одно, — сказал Кемаль.

— И что же, дорогуша?

— Если я подпишу эту бумагу, то как ты, черт подери, выберешься отсюда живым?

У Гордона вытянулось лицо. Он посмотрел на Кемалья, затем подошел к окну. Снаружи выстроились в кольцо витесские машины. За ними, образовав еще больший круг, стояли другие — не первой молодости, но вполне исправные, всевозможных форм и размеров. Впрочем, у них имелось кое-что общее: все они были отлично вооружены и выглядели очень грозно.

— Как ты узнал, что это Танцоры? — спросил Гордон.

— По шуму двигателей. Звук намного ровнее, чем у витесских машин. Танцоры сильнее зависят от исправности своего транспорта и чинят его на славу. Тебе придется отдать им должное.

— Сейчас подоспеет мой флот и разнесет эту ораву в клочья.

— Навряд ли, пока ты находишься в эпицентре, — парировал Кемаль.

— Верно подмечено, — буркнул Гордон. — И что же ты предлагаешь?

— Дьюэрни, — позвал Кемаль. — Жестянка готова?

— Конечно, — ответила та.

— Тогда поехали. Убей любого, кто вздумает нам помешать. Ведь ты вооружена?

— Всегда.

Кемаль увидел в ее руке маленький, но вполне приличный лазерный пистолет. Он пошел к двери, и Дьюэрни последовала за ним, не сводя глаз с Гордона и его свиты.

— Кемаль! — окликнул Гордон. — Не делай глупостей. Меркурий — совместное предприятие. Мы не позволим этим людям прибрать к рукам всю поверхность.

— Вы с аркологиями достаточно богаты, — возразил Кемаль. — Пусть Танцорам достанется то, за что они рисковали жизнью. Счастливо оставаться, дядюшка.

— Игра еще не закончена, Кемаль.

— Я тоже так думаю, — согласился тот, понимая, что будет оглядываться до конца своих дней — или дней Гордона.

Кемаль вышел и хлопнул дверью. Они с Дьюэрни забрались в жестянку. Вскоре они уже были далеко за периметром, и перед ними раскинулись открытые меркурианские пустоши.

— Ты поселишься у нас? — спросила Дьюэрни.

— По крайней мере, на какое-то время, — кивнул Кемаль. — Но мне нужен транспорт.

— Есть несколько запасных машин у Гуртовщика Амоса. Думаю, он продаст. Или подарит за услугу, оказанную Танцорам. — Она помялась. — А можешь сэкономить и ездить со мной.

Кемаль посмотрел на нее. Она не то чтобы улыбалась, но всяко не дулась.

Эпилог

Кемаль Гавилан провел с Танцорами несколько земных лет. Под его руководством был создан влиятельный внутренний политсовет и возродились единство и оптимизм, памятные по временам правления его отца.

Экономическая и социальная политика Кемалья подразумевала укрепление связей с другими угнетенными политическими и этническими сообществами. Кемаль любил Танцоров — они стали ему первой в жизни семь-

ей, и он больше всего на свете хотел содействовать их развитию, — но все же он был не из их числа. Ему хотелось намного большего: участвовать в деле, которое пойдет на пользу как Танцорам, так и всему населению Солнечной системы.

А потому неудивительно, что при его амбициях, политических связях и врожденной склонности к руководству, которая развилась за годы жизни с Танцорами, он повстречался однажды с фигурой такого же склада — огненно-рыжей Вильмой Диринг из Новой Земной Организации. Вскоре НЗО пополнилась новым членом.

Но это уже другая история...

В 1989 году с подачи знаменитого составителя фантастических антологий Мартина Г. Гринберга был опубликован сборник «Tales of the Batman» («Легенды о Бэтмене»).

К работе над книгой удалось привлечь звезд первой величины: Роберта Шекли, Айзека Азимова и Роберта Силверберга. Вместе с другими талантливыми авторами они преподнесли великолепный подарок любителям приключений Брюса Уэйна (он же Темный Рыцарь, он же человек — летучая мышь) на пятидесятилетний юбилей его яркой жизни в масскультуре.

СМЕРТЬ ПОВЕЛИТЕЛЯ ИЛЛЮЗИЙ

Никогда не забыть Брюсу Уэйну эту сцену. Снова предстала перед его мысленным взором жуткая ветряная мельница, затерявшаяся где-то среди болот возле Нью-Чэрити-Пэриш. Сам Брюс, облаченный в костюм Бэтмена, распят на деревянной двери — руки и ноги в стальных скобах, привинченных полудюймовыми болтами. Возле стены, словно куча дров, свалены окровавленные жертвы — вот отдельно лежат туловища, вот руки и ноги, а вот головы. А вот и Джокер — изогнутые в ужасающей ухмылке тонкие губы, заскорузлый от крови рабочий халат, на зеленых волосах покрытый бурыми пятнами берет. Безумец приподнимает малышку Монику Элрой. Девочка все еще жива, но потеряла сознание. Джокер бьет ее по лицу, надеясь привести в чувство, ведь гораздо приятнее, когда страдалец осознает приближающуюся смерть. Но к счастью, ребенок так и не приходит в себя.

— Не очень-то с ней повеселишься. Ладно, прикончу ее и займусь тобой, Бэтмен.

С этими словами Джокер взял ребенка на руки и вышел на середину мельницы — туда, где под высоким потолком на деревянных подмостках медленно крутились два гигантских жернова. Их приводили в движение широкие мельничные крылья. Каменные жернова пропи-

тались кровью — кровью людей, которых только что перемололи в бесформенное месиво.

— Сейчас мы запустим ее туда, постепенно, пальчик за пальчиком. Может, придет в себя напоследок и скажет нам «пока».

Бэтмен уже давно дергал правой рукой, пытаясь расшатать удерживающую ее скобу. Та чуть-чуть поддавалась. Быть может, у него получится. Быть может, еще остался хоть и призрачный, но все-таки шанс.

Когда-то давным-давно в Тибете Бэтмен научился в совершенстве владеть своими мышцами и нервами, и теперь он вспомнил те уроки и заставил себя сконцентрироваться, не обращать внимания на царивший вокруг ужас, забыть об одуряющем запахе крови — нужно направить всю энергию в правую руку, в запястье, в точку соприкосновения со сталью. Уэйн посылал энергию толчками, в ритме пульса, в ритме ударов сердца. Глядя, как Джокер с бесчувственным ребенком на руках поднимается по ступеням на помост к жерновам, он собрал воедино все свои физические и психические силы.

Долгое время казалось, что ничего не происходит, но потом стальная скоба с громким звоном отскочила от деревянной двери — державший ее болт вылетел, словно выпущенный из пращи камень.

Джокер как раз опускал малышку к жерновам. Болт попал ему прямо в затылок. Удар не причинил сильной боли, но Джокер дернулся от неожиданности, выронил Монику и, пошатнувшись, суматошно взмахнул руками.

И одна рука в белой заляпанной кровью перчатке угодила прямо между вращающихся каменных громадин. Взвыв от ужаса, Джокер попытался высвободиться, но остановить страшную машину было невозможно. Безумец завопил и снова дернулся — с такой силой, что показалось, сейчас рука выскочит у него из плеча. Но нет — жернова затягивали жертву все глубже. Вот между ними исчезло предплечье, а за ним последовал и сам Джокер, от невыносимой муки разразившийся напоследок сумасшедшим хохотом, визгливым и совершенно

нечеловеческим. Жуткие камни перемалывали тело, а смех все не смолкал. Прекратился он, лишь когда лопнула голова, словно дыня, сплюснутая гидравлическим прессом.

Так погиб Джокер.

Или все-таки не погиб?

Если он погиб, то что за жуткое создание то и дело замечал Брюс краем глаза?

И кого увидел теперь прямо посреди Готэма по пути на встречу со старым другом доктором Эдвином Уолтхэмом?

Брюс Уэйн вздрогнул. Так трудно не поддаться соблазну и не оглянуться: но всякий раз, когда он оглядывался, Джокера не оказывалось за спиной.

Хотя Брюс видел его снова и снова.

В этот раз все было иначе.

На углу Пятой авеню и Конкорд-стрит, в самом сердце Готэма, возвышалось высокое аляповатое здание знаменитого отеля «Нью эра». Эту самую роскошную в городе гостиницу выстроили совсем недавно — по слухам, на деньги иностранных инвесторов. Сюда покрасоваться друг перед другом стекались богачи со всего мира — дамы щеголяли мехами и шелками, джентльмены дымили гаванскими сигарами.

Брюс стоял на углу возле гостиницы, ожидая зеленого сигнала светофора. И вдруг перед ним мелькнул знакомый силуэт — высокий костлявый мужчина в темно-зеленом пальто с болтающимися фалдами и в ярких клетчатых брюках, уместно смотревшихся бы на английском денди времен короля Эдуарда. Но не странный костюм привлек внимание Брюса Уэйна, а волосы прохожего — темно-зеленые пряди, спадающие на узкое длинноносое лицо. Какую-то долю секунды лицо это было обращено прямо к Уэйну, тонкие красные губы изогнулись в злобной усмешке. Сомнений быть не могло — Джокер.

Но это невозможно. Джокер мертв. Брюс собственными глазами видел его смерть и даже в некотором роде приложил к ней руку.

Джокер (или же его двойник) резко развернулся и бросился на другую сторону улицы. Добежав до отеля, он скрылся внутри.

Меньше секунды потребовалось Брюсу Уэйну, чтобы принять решение, — он кинулся вслед за беглецом. Визжа тормозами, автомобили пытались увернуться от пешехода, который бежал через дорогу, петляя, словно солдат под градом пуль. Уэйн добрался до тротуара и, грубо (что было ему совершенно несвойственно) растолкав толпу испуганно раскудахтавшихся дам, ворвался в отель.

И словно попал в другое измерение: снаружи кипела суетливая повседневная жизнь Готэма, а тут в вышине с изогнувшегося аркой потолка свисали на тонких стальных цепочках роскошные хрустальные люстры, испускающие яркое сияние, а ноги утопали в толстом персидском ковре, изготовленном специально для отеля «Нью эра». Из-за высоких витражных окон фойе напоминало собор — собор, в котором поклонялись богатству и успеху.

Брюс огляделся по сторонам: в фойе толпились мужчины в длинных арабских одеяниях и с ихрамами на головах. Некоторые женщины скрывали лица под плотной чадрой. Повсюду сновали коридорные, их красная униформа напоминала парадные мундиры английских солдат.

И никого хотя бы отдаленно похожего на странного пешехода, которого Брюс заметил на улице каких-то несколько секунд назад.

Чуть помедлив, Уэйн направился к стойке. Портье, облаченный во фрак внушительный мужчина с бачками и до блеска выбритым лицом, вежливо осведомился, чем может быть полезен.

Брюс описал Джокера.

Портье сделал вид, будто пытается припомнить.

— Сэр, такой тип не появлялся в нашем отеле. Ни сейчас, ни когда-либо раньше.

— Быть может, он проскользнул сюда незамеченным.

— Вряд ли, сэр, — снисходительно улыбнулся портье. — Человек, которого вы описали, не сумел бы пробраться тайком в отель «Нью эра». Зеленые волосы и зеленое пальто — так вы сказали? Нет, сэр, только не в «Нью эре».

Брюс почувствовал себя полным дураком. Портье смотрел на него, как обычно смотрят на пьяниц или сумасшедших. Уэйн точно знал, что ничего не пил. Но вот в своем ли он уме?.. Именно этот вопрос среди прочих он собирался задать доктору Уолтхэму.

Доктор посмотрел на часы: четверть седьмого. Бэтмен опаздывает. Вот уже много лет Уолтхэм выполнял обязанности личного врача Темного Рыцаря, и тот всегда являлся на прием вовремя.

Уолтхэм опустил жалюзи и уже было собрался закрывать кабинет, но вдруг за спиной у него кто-то рассмеялся.

— Простите за опоздание, — сказал Бэтмен. — Повстречал по пути старого знакомого. Надеюсь, я не очень вас задержал.

— Ничего страшного, — отозвался Уолтхэм, разглядывая закутанного в черный плащ высокого мужчину в маске.

Как обычно, Бэтмен появился словно из ниоткуда, но к его неожиданным появлениям Уолтхэм давно привык.

— Я его знаю? — спросил он.

— Больше нет.

— Прошу прощения?

— Ничего существенного, док. Приступим к осмотру?

Бэтмен приходил на такой осмотр раз в год. Чтобы выполнять взятые на себя обязательства, Брюсу Уэйну требовалось железное здоровье. Он разработал собственную систему упражнений и по многу часов в неделю занимался различными единоборствами. Пока жаловаться на здоровье герой не мог, но ему было прекрасно известно, что недуги порой настигают человека внезапно;

именно поэтому он ежегодно обследовался у Эдвина Уолтхэма, одного из лучших готэмских врачей. Уолтхэм преуспевал и держал кабинет в том же здании, где и жил, — на бульваре Старкросс, в престижном районе. Тучный доктор не отличался высоким ростом, его голову украшала копна седых кудрей, на лице играл здоровый румянец, а цепкие глазки за круглыми стеклами очков лучились живым умом. Но этот самый ум ни разу за все годы знакомства не подсказал Уолтхэму, что Бэтмен в действительности сын его друга Брюс Уэйн.

— Как обычно, Бэтмен, вы в отличной форме, — сказал доктор, осмотрев Темного Рыцаря (тот как раз надевал свой костюм). — Не сердце, а настоящий паровозный двигатель. Но как же иначе, если вспомнить о некоторых ваших приключениях.

Бэтмен кивнул и слегка нахмурился. Уолтхэм был семейным доктором его родителей, но, как и большинство жителей Готэма, видел в нем только Бэтмена — грозу преступников и злодеев. Ему всегда не терпелось услышать о каких-нибудь новых свершениях человека — летучей мыши. Вполне невинное желание, но Брюс Уэйн не очень-то любил откровенничать: свою бэтменовскую жизнь он держал в строжайшем секрете.

Вот и сейчас Уолтхэм с интересом спросил:

- Вы над чем-нибудь работаете?
- Нет, пока по возможности отдыхаю.
- Давно не видел вас вместе с Верой.

Речь шла о Вере Синклер — молодой даме, с которой Бэтмена несколько раз видели вместе.

- Она сейчас в Рио. Отправилась на карнавал.
- Счастливица! Бэтмен, вам тоже не помешало бы съездить туда.

— Я думал об этом.

Бэтмен не знал, как объяснить Уолтхэму, что последние месяцы он находился во власти странного оцепенения. Началось все тогда же, когда появились первые галлюцинации.

Ему не хотелось начинать неприятный разговор, но ведь ради этого, помимо прочего, он и пришел сегодня к врачу.

— В чем дело, Бэтмен? — спросил Уолтхэм, заметив охватившую пациента нерешительность.

— Док, у меня начались видения, — признался наконец тот.

— Расскажите подробнее, — велел доктор, напустив на себя деловой вид, хотя в его глазах мелькнуло беспокойство.

Высокий мрачный герой в маске и черном плаще описал свои галлюцинации. За последние три месяца они бывали трижды: обычно лишь неясный образ, ухваченный краешком глаза, — какой-нибудь старый враг, поверженный и покоящийся в могиле.

В последний раз это был Джокер. Джокер погиб, но Бэтмен сам видел сегодня, как тот входит в отель «Нью-эра».

Доктор внимательно его выслушал.

— Бэтмен, я осмотрел вас со всем тщанием, лучше тут не справился бы ни один врач. Физически с вами все в порядке.

— А психически?

— Я почти готов голову прозакладывать, что вы полностью в своем уме.

— Почти?

— Ну, это образное выражение. Вас что-нибудь беспокоило в последнее время — что-нибудь необычное?

Бэтмен отрицательно покачал головой. Он не мог рассказать доктору о том, что в последнее время неустанно думает о прошлом и о погибших друзьях: Робине, Бэтвумен, Бэтгерл... О погибших врагах тоже: Джокере, Э. Нигме, Пингвине. Все они, и друзья и враги, были своего рода семьей и принимали участие в его свершениях, когда мир был чуточку моложе.

Теперь старше стал сам Бэтмен. Он находился в отличной физической форме благодаря своим уникальным способностям, но все равно постарел.

— Нет, ничего необычного.

Уолтхэм снял очки и аккуратно протер их. Вглядываясь в Бэтмена голубыми близорукими глазами, он попросил:

— Расскажите о последней галлюцинации.

— По пути к вам я видел Джокера.

— Быть может, просто лицо в толпе, похожие черты...

— Нет, это точно он. Я побежал за ним в отель «Нью-эра», но там его не оказалось. Портье утверждал, что никто похожий к ним не заходил.

— Несколько галлюцинаций ни о чем еще не говорят. Вы прошли через такие ужасы, какие обычному человеку и не снились. Вполне допустимы определенные психомоторные нарушения. Но скажите... мог ли Джокер как-то уцелеть?

— Исключено.

— Мне неизвестно, как именно он умер, но позвольте напомнить: этот тип несколько раз ухитрялся оставаться в живых, когда смерть была неизбежной. Возможно, и в этот раз?

— Я совершенно уверен, что он мертв.

— Тогда не знаю, что вам посоветовать. Самое лучшее, что можно предпринять в подобной ситуации, — отправиться в Рио, к Вере. Вам нужно на время уехать, переключиться.

— Спасибо за совет, — отозвался Бэтмен. — Я подумаю.

— Чаю, сэр? — спросил Альфред Пенниуорт, дворецкий Брюса Уэйна. — Дарджилинг, особый сорт, ваш любимый.

— Не сейчас, Альфред. — Брюс как раз просматривал отчеты о преступлениях, сидя за старинным бюро, которое заменяло ему рабочий стол.

В большом красивом поместье, расположенном на холме с видом на Готэм, было полно таких вот бесценных антикварных вещей.

— Сэр, я отправляюсь спать, вам еще что-нибудь нужно?

— Да, кое-что нужно. — Весь вечер Брюс обдумывал давешнюю галлюцинацию и свой визит к доктору Уолт-хэму и наконец принял решение. — Упакуй чемодан.

— Разумеется, сэр! — просиял Альфред. — Я уложу ваши шорты и новый летний костюм. Как насчет маски с трубкой? Говорят, там прекрасные лагуны для подводного плавания.

— О чем ты, Альфред?

— Рио-де-Жанейро, сэр. Вы же туда собираетесь — на карнавал, к мисс Вере. Прошу прощения, что вмешиваюсь, но мне кажется, это как раз то, что вам сейчас нужно, — небольшая смена обстановки, развлечения. Если позволите, сэр, в последнее время вы очень мрачны.

— Спасибо за заботу, Альфред, — улыбнулся Брюс, — но, боюсь, ты пришел к неверному выводу. Там, куда я направляюсь, карнавальным костюм не понадобится.

— Прошу прощения, сэр. Могу я поинтересоваться, куда именно вы направляетесь?

— В отель «Нью эра», это прямо тут, в Готэме.

— Неужели, сэр?

Спокойствие Альфреда было несокрушимо. Заявив вдруг Брюс, что собирается на Северный полюс, верный дворецкий лишь невозмутимо поинтересовался бы, не нужно ли упаковать коньки.

— Мне понадобится полдюжины вечерних костюмов и несколько обычных, чтобы носить днем. А еще рубашки и носки, как обычно.

— Все это уже упаковано, мистер Уэйн. Я приготовил для вас гардероб Чарли Моррисона, сэр.

— Альфред, ты все предусмотрел.

— Да, сэр. Только один вопрос, сэр: вам понадобится костюм Бэтмена?

Брюс внимательно посмотрел на дворецкого. О костюме Бэтмена он почему-то не подумал, но ведь у его галлюцинаций вполне могло быть и второе объяснение: либо он сошел с ума, либо некий коварный разум замышляет преступление и пытается его запугать.

— Да, упакуй, пожалуйста, костюм Бэтмена. А еще большую сумку, помеченную «OPS-двенадцать». И обычный пояс со снаряжением.

— Будет сделано, сэр.

Альфред не стал говорить, что уже успел подготовить все перечисленное, потому что предвидел просьбу Уэйна. Грош цена дворецкому Бэтмена, если тот не знает, что понадобится хозяину.

Экстравагантный костюм Бэтмена и эффектное неожиданное появление незаменимы, когда приходится иметь дело с бандитами, но у этого образа были и свои недостатки — такой наряд слишком заметен, его нельзя использовать в обычной жизни. Иногда Темному Рыцарю требовалось не привлекать внимания и не отличаться от обычного горожанина. Но расхаживать по Готэму в виде Брюса Уэйна, а потом превращаться в Бэтмена рискованно: кто-нибудь может обратить внимание на странное совпадение и заподозрить неладное.

Именно поэтому Бэтмен использовал другие личности. Одним из последних образов стал так называемый Чарли Моррисон. Чарли оказался просто незаменим, когда Брюсу пришлось отправиться в Северную Европу, чтобы разоблачить банду фальшивомонетчиков. Уэйн вспомнил, как комиссар Гордон поздравлял его тогда с успешным завершением дела в кабинете гамбургского мэра. Гордон наверняка заподозрил, что Чарли Моррисон и Бэтмен — одно лицо, но именно этого Уэйн и добивался. Только так можно отвести подозрение от него самого — человека, скрывающегося под обеими этими масками.

Брюс учился менять голос и походку, а также гримироваться у замечательного актера Лафайета Бойента и достиг таких успехов, что мог бы легко устроиться на работу в любой театр, если бы только его жизненный путь не был давным-давно определен.

Итак, Чарли Моррисон зарегистрировался в «Нью эре», и портье не узнал в нем Брюса Уэйна, который

совсем недавно ворвался в гостиницу и расспрашивал о каком-то зеленоволосом типе.

Портье прямо-таки лучился дружелюбием и готовностью помочь: сапфирово-рубиновая карта «Американ экспресс» открывала перед Чарли Моррисоном двери туда, куда простым смертным путь заказан. Даже в гостинице, где останавливались нефтяные шейхи и крупные промышленники, были рады этому высокому и спокойному красавчику, известному к тому же своими щедрыми чаевыми.

Привычным жестом портье пригладил баки, выудил со стоящего рядом подноса блестящий пластиковый прямоугольник — не больше кредитной карты — и вручил его Брюсу.

— Мистер Моррисон, вот ключ от пентхауса «А-два». Один из самых роскошных наших номеров; уверен, вам понравится. С помощью этой карточки вы также сможете попасть во все гостевые помещения «Нью эры» — спортивный клуб, рестораны, ночные клубы, солярий и прочее. В номере вы найдете подробный список всех предоставляемых услуг. Меня зовут Блитли, и я рад вам услужить. Не раздумывая обращайтесь ко мне с любыми жалобами в любое время дня и ночи.

Поблагодарив Блитли, Брюс направился к специальному лифту для пентхаусов. Его багаж уже подняли в номер. Когда изукрашенные массивные двери начали закрываться, в кабину следом за Уэйном проскользнула женщина.

Высокая, холеная и весьма привлекательная дама. Наряд явно дорогой, но не кричащий, что подчеркивает его нарочитая простота. Темные волосы перехвачены обычной лентой. В руках расшитая сумочка, тоже не из дешевых — наверняка куплена в китайском Хинченге. Брюс знал, что именно там изготавливают подобные вещи.

— Да, — кивнула дама, проследив за его взглядом, — хинченгская работа. Вам нравится?

— Милая вещица, — пожал плечами Брюс.

Женщина рассматривала его безо всякого стеснения. Ее пристальный взгляд не очень-то понравился Уэйну, но в нем было нечто волнующее — дерзкое, но одновременно по-женски сдержанное.

— Вы тоже поселились в пентхаусе? — спросила незнакомка.

— Да, а вы?

— Разумеется. Я всегда останавливаюсь тут, когда гощу в Готэме.

Женщина говорила с едва уловимым акцентом. Откуда же она? Не из Германии, нет, восточнее... Быть может, Чехословакия.

— Старый добрый пентхаус, — продолжала она. — Почти дом родной. А вы часто здесь бываете?

— В первый раз.

— Вам обязательно понравится.

Лифт остановился, и дверные створки раздвинулись. Бок о бок Уэйн и дама прошли по коридору, их номера — AI и AII, единственные на этом этаже — располагались друг против друга. Оба открыли двери пластиковыми карточками.

— Кстати говоря, — сказал Брюс, — меня зовут Чарли Моррисон.

— Быть может, мы еще встретимся. Мое имя Илона. И дверь за ней тихо закрылась.

Горничная уже успела распаковать и разложить одежду Уэйна, и посреди комнаты стоял закрытым единственный чемодан — большой и кожаный; ключ от него был только у Брюса. Там хранилось снаряжение Бэтмена. Если интуиция не обманывает, эти вещи очень скоро понадобятся.

Номер действительно оказался роскошным. С широкого балкона открывался захватывающий вид на Готэм. Город выглядел великолепно — спящий гигант, машина, составленная из миллионов жителей.

Был ли среди них Джокер? Исключено. Но что-то же Брюс видел.

Или не видел?

Со вздохом он вернулся в комнату.

Гостиную украшали редкие старинные вещи из Восточной Европы и с Ближнего Востока. На одной стене висел турецкий ковер, а на другой картина Пикассо. Причем подлинник, как выяснилось после быстрого осмотра, и стояла она, по всей видимости, несколько миллионов долларов. Новейшая модель телевизора, видеомаягнитофон с целым набором кассет и каталогом, по которому можно заказать любой фильм, внушительная музыкальная панель.

Но вся эта роскошь Брюса не впечатлила. Похожая техника была и у него дома. По собственному опыту Уэйн знал: богачу весьма трудно найти что-нибудь по-настоящему особенное.

Усевшись в эймсовское кресло, Бэтмен принялся листать журнал. В голове крутились мрачные мысли. Что он здесь делает? Что вообще может приключиться в подобном месте? В отеле «Нью эра», этой цитадели шика и безопасности? Нет, он зря теряет время.

Уэйн позвонил в обслуживание номеров и заказал легкий ужин: яйца-пашот, сваренные в нормандском масле, тосты, ломтик парижской ветчины, фруктовый коктейль и чашку черного кофе. Потом принял душ, побрился и надел легкий вечерний костюм. Он как раз причесывался, когда в дверь тихо постучал официант.

Мужчина вкатил в номер тележку с серебряным подносом, накрытым большим колпаком, и приблизился с ней к столику возле балкона. Брюс уселся и развернул свежую газету, которую принесли вместе с едой. Официант тем временем проворно сервировал стол: снял колпак, поставил перед Уэйном тарелку с ужином, с поклоном пробормотал что-то вроде «если вам еще что-нибудь понадобится, сэр, только позовите» и направился к дверям.

Брюс сложил газету, опустил глаза, и внутри у него все мгновенно похолодело. На изящной фарфоровой тарелке фирмы «Споуд» копошились зеленые и красные

змеи. Среди них восседали маленькие жабы, тарасившие злобные глазки.

— Официант! — воскликнул Брюс.

— Сэр? — обернулся тот, уже стоя в дверях.

— Что это значит?

— Прошу прощения, сэр?

— Идите сюда и потрудитесь объяснить, что это такое.

Официант покорно вернулся в номер. Брюс заметил, что голова у него почти совершенно лысая, на блестящем черепе видны следы какой-то татуировки.

— В чем дело, сэр?

— Сами посмотрите, — ответил Брюс, указывая на тарелку.

— Я смотрю, сэр, но, по-моему, все в полном порядке.

Уэйн снова опустил глаза: никаких змей и жаб; на тарелке лишь то, что он заказал на ужин, — иными словами, яйца с ветчиной.

— Тосты, — заявил Брюс, мгновенно опомнившись, — они же совершенно сырые.

— Мистер Моррисон, по-моему, с ними все в порядке, — отозвался официант, склоняясь над столом и вглядываясь в золотистые хлебные треугольнички.

— Посмотрите, на них выступила влага. А яйца — это же не яйца-пашот, они сварены почти вкрутую.

Брюс смерил официанта суровым взглядом, словно бросая ему вызов, но тот не собирался спорить с клиентом.

— Да, разумеется, сэр. — В голосе сквозило легкое удивление, но одновременно и готовность услужить. — Ваш заказ сию же минуту заменят.

Мужчина выкатил тележку в коридор и тихо закрыл за собой дверь.

Вскоре он вернулся с новой порцией, и на этот раз с ужином не произошло никаких загадочных метаморфоз. Брюс быстро поел и вытолкнул тележку за дверь. И вдруг заметил сворачивающего за угол человека —

знакомому человека. Высокая худая фигура, зеленые волосы, безумная ухмылка...

Брюс Уэйн бросился за старым врагом, в три прыжка развив максимальную скорость. Враг этот оказался удивительно резвым для мертвеца.

В длинном коридоре Брюс не увидел ни души. В этой части отеля номеров не было, и сюда не выходила ни одна дверь. Джокер — или кто-то притворяющийся Джокером — словно прошел сквозь стену.

Брюс внимательно осмотрел эту самую стену. Прямо под светильником обнаружилась тонкая щель в металле. Уэйн вставил в нее пластиковую карту-ключ, и стена отъехала в сторону. Вынув карту, Брюс шагнул в темноту.

Коридор за стеной уходил вниз. Бэтмен поспешил вперед — туда, где раздавался приглушенный топот. Ярдов через двадцать коридор раздваивался. В левом проходе кружилось едва заметное облачко пыли — значит, туда. Уэйн устремился по наклонному тоннелю. Его освещали вделанные в потолок флуоресцентные лампы, но с каждым шагом становилось все темнее. Некоторые лампы не горели. Уклон сделался таким резким, что Брюсу уже трудно было сохранять равновесие. Впереди он заметил забранное решеткой окно, едва различимое в полумгле. Этим окном тоннель и заканчивался — деваться неизвестному некуда: либо в окно, либо назад — туда, откуда прибежал сам Уэйн. Бэтмен прибавил шагу и, вышибив окно плечом, ворвался в ярко освещенную комнату.

Она была облицована белым кафелем, на потолке ярко горели лампы. Повсюду витал пар. Брюс перекашлялся и вскочил на ноги. В комнате толпились мужчины — кто-то в шортах, кто-то с полотенцем на поясе, кто-то вообще без одежды. А еще там стояли тренажеры. Брюс хорошо знал подобные приспособления: у него самого в поместье в тренировочном зале имелись такие. Да это же спортивный клуб!

Последние сомнения развеял накачанный коротышка в белых штанах и белой же футболке с надписью «Тренер — отель „Нью эра“», который с воинственным видом подбежал к Брюсу и закричал:

— Эй, что за фокусы такие — вламываться в зал через вентиляцию?! — Заметив пластиковую карту-ключ в руках Уэйна, он спохватился: — Прошу прощения, сэр. Я не знал, что вы наш клиент. Постояльцы отеля обычно приходят сюда через дверь.

Тренер ухмыльнулся. Брюс ухватил его за предплечье — со стороны жест мог показаться вполне дружеским — и легонько сжал. Мужчина побледнел и попытался было выдернуть руку, но, осознав тщетность попытки, испуганно посмотрел на Брюса.

— Кто-нибудь сюда входил? — спросил тот. — Высокий и тощий человек с зелеными волосами?

— С зелеными волосами?! — переспросил тренер и чуть не прыснул со смеху.

Однако Уэйн снова слегка надавил, и тот мигом посерьезнел:

— Нет, сэр. Никого не видел. Честное слово. Вам бы я врать не стал.

Уэйн отпустил его руку и оглянулся по сторонам: да, сюда вряд ли проник бы незамеченным тип вроде Джокера.

— Вот что, раздобудьте мне плавки, — попросил Брюс. — Пожалуй, окунусь перед уходом.

— Хорошо, сэр. А уходить вы как собираетесь? Снова через вентиляцию?

— Нет. Через вентиляцию удобно только входить.

После того как Брюс сотню раз проплыл по всей длине бассейна мощным австралийским кролем, он почувствовал себя лучше и вернулся в номер.

Немного погодя к нему заглянул мистер Блитли. Желал удостовериться, все ли в порядке. Судя по выражению лица, его в первую очередь интересовало, все ли в порядке с постояльцем. Уэйн одарил его мимолетным

суровым взглядом. Портье объяснил: хотя это и не прописано в правилах отеля, администрация предпочитает, чтобы гости не забирались в вентиляционную систему. Уэйн с трудом удержал себя в руках — не время для вспышек гнева.

Когда портье наконец ушел, Брюс отправился на балкон, откуда долго вглядывался в ночной город. Из соседнего номера доносились музыка, смех и звон бокалов. Там веселились вовсю.

Что-то неладное творилось в отеле «Нью эра». Но пока это что-то творилось исключительно с Брюсом Уэйном.

Поздно ночью его разбудил шум. Уэйн, мгновенно вынырнув из глубокого сна, сел в кровати. Что это было? Приглушенный стук донесся из соседнего номера. Видимо, что-то бросили в стену — со всей силы, иначе он не расслышал бы сквозь звуконепроницаемую перегородку. В полной темноте Брюс быстро и совершенно бесшумно оделся, напрягая не только слух, но и все остальные органы чувств. Кто-то закричал в соседнем номере.

Уэйн выбежал наружу. От соседнего балкона его отделяло футов пятнадцать. В длину Брюс прыгал и дальше, но то в идеальных условиях. Здесь же надо отталкиваться от самого края балкона, да и руками особенно не размахнешься. Еще нужно не поскользнуться на неровной облицовке.

Бэтмен прыгнул. Что бы с ним ни творилось, рассчитывал расстояние он все так же безупречно. Пальцы уверенно сомкнулись на перилах. Сделав сальто назад, Уэйн перемахнул через них.

Стеклянная дверь распахнута, но длинные белые занавески трепещут на ветру и мешают разглядеть, что происходит в номере. Он шагнул в темную комнату и тут же, почувствовав под ногой мягкое, отпрянул. Брюс щелкнул выключателем, и номер озарился светом.

При жизни она была очень красивой, но смерть исказила ее черты. Одна рука откинута в сторону, вторая согнута и спрятана за спиной. Глаза открыты, на лице застыла улыбка. Довольно странно для человека с расщепленным горлом.

В номере делать больше нечего: тут никого, кроме мертвой женщины. Телефонный провод перерезан. Расшифрованной сумочки нигде не видно, но на тщательный обыск не хватит времени, к тому же Брюс толком не знает, что искать.

Уэйн вернулся в свой номер и позвонил комиссару Гордону и мистеру Блитли, а потом уселся ждать.

Вскоре перезвонил портье: не будет ли мистер Моррисон так любезен посетить администрацию?

Брюс, который уже оделся в костюм Моррисона, задержался на мгновение перед зеркалом, а потом спустился в холл. Хотя стояла глубокая ночь, там толкалась уйма народу. В Готэме обычно веселятся допоздна.

Блитли приветствовал его все с той же вежливой улыбкой на круглом розовом лице, но во взгляде читалось что-то странное. Жалость?

В кабинете сидел комиссар Джеймс Гордон. Суровый полицейский не раз действовал сообща с Бэтменом, хоть и держал это в тайне. Гордон относился к Темному Рыцарю скептически, но они частенько плечом к плечу сражались с преступниками.

— Привет, Моррисон, — поздоровался Гордон. — Давно не виделись.

— Да, последний раз в Гамбурге, три года назад.

— Расскажи-ка нам, что ты видел, Чарли.

— Но ты уже и сам все знаешь.

— Все равно Расскажи. Опиши происшедшее, пожалуйста.

Брюс рассказал о том, что увидел в соседнем номере.

— Хорошо, — кивнул Гордон, — пойдем взглянем.

Уэйн в сопровождении комиссара и портье вернулся в пентхаус. Вот он, тот самый коридор: с одной стороны дверь в комнату Уэйна, с другой — в комнату женщины.

— Тот самый номер? — уточнил Гордон, указывая на дверь, за которой накануне исчезла Илона.

— Конечно. А в чем дело?

Блитли открыл дверь карточкой-ключом, вошел и шелкнул выключателем. Комнату затопил яркий электрический свет. Первое, на что обратил внимание Брюс, был запах свежей краски. Номер недавно покрасили, предварительно вынеся из него всю мебель. В углу валялись смятые защитные пленки, а больше никого и ничего.

Под пристальными взглядами Гордона и Блитли Брюс внимательно осмотрел все комнаты — ни малейшего следа постоялицы или жестокого убийства, которое произошло всего полчаса назад.

— Господа, — сказал Брюс ожидавшим мужчинам, — примите мои извинения. По всей видимости, я ошибся.

Гордон бросил на него удивленный взгляд и сунул в рот трубку. Из-за нее, а еще из-за коричневого шерстяного костюма и широкого бежевого плаща Джеймс больше походил на старомодного частного детектива, чем на комиссара готэмской полиции.

— Сэр, как вы себя чувствуете? — поинтересовался портье. — Весьма странное происшествие. Не хотелось бы лезть не в свое дело, но позвольте спросить: не употребляли ли вы недавно алкоголь или какие-либо наркотики?

— Разумеется, нет, — ледяным тоном ответил Брюс. — Мистер Блитли, вы хотите выдвинуть против меня обвинение?

— Упаси боже. Но я отвечаю за репутацию отеля. Когда постоялец вдруг начинает расписывать всякие ужасы, которых на самом деле не было... В подобной ситуации невольно беспокоишься за безопасность других гостей. Если принять во внимание остальные происшествия...

— Какие еще происшествия? — вмешался Гордон.

Портье рассказал, как Брюс впервые появился в отеле, разыскивая человека с зелеными волосами, а потом об инциденте с вентиляцией и спортивным клубом.

Внимательно все выслушав, Гордон кивнул, снял очки в толстой роговой оправе, протер их мятой салфеткой, потом снова надел и широко ухмыльнулся.

— Ну, Чарли, твоя взяла. — С этими словами комиссар достал десятидолларовую банкноту и вручил ее Брюсу.

— Спасибо, — сказал тот и небрежно засунул ее в карман, подыграв Гордону.

— Ничего не понимаю, — покачал головой Блитли.

— Я все время твержу мистеру Моррисону, что такому чопорному и благовоспитанному зануде просто не по силам учинить хоть сколько-нибудь приличный бедлам. Чарли поставил десять баксов на то, что ему удастся прикинуться безумным и убедить в этом портье лучшего в городе отеля. Не думал, Чарли, что у тебя получится.

— Ну, ты меня сам довел, — отозвался Брюс.

— Так все это розыгрыш? — не поверил Блитли.

— Разумеется, — кивнул Гордон. — Или, по-вашему, мистер Моррисон похож на сумасшедшего?

— Никоим образом, — отозвался портье, хотя в голосе сквозило некоторое сомнение.

— Спасибо, что так легко поддались, — сказал Уэйн. — Я добавлю определенную сумму к счету, компенсацию специально для вас, ведь вы так благосклонно отнеслись к нашей шутке.

— Мистер Моррисон, право же, не стоит...

Но Брюс лишь с царственным видом махнул рукой. Когда Блитли наконец вышел из номера, он и сам уже посмеивался над забавным розыгрышем.

После того как дверь закрылась, Уэйн подошел к бару и налил Гордону бурбона с водой, а себе минеральной воды «Виши». Мужчины уселись на диваны друг против друга, и Гордон глотнул из стакана.

— Чертовски хороший бурбон, Чарли.

— Тут подают только самое лучшее.

— Понятно. Чарли, что, черт подери, здесь творится?

— По всей видимости, ничего. Тебе следовало бы меня задержать. Совершенно очевидно, что я не в своем уме.

Гордон молча раскурил трубку, и вскоре комната заполнилась зловонным дымом.

— Я даже спятивших не задерживаю без серьезных причин.

— Зато Блитли не очень свойственно сострадание, — пожал плечами Брюс.

— Да уж, этот субчик посадил бы тебя под замок, только дай ему волю. Чарли, так ты в своем уме?

— Меня-то какой смысл спрашивать? Откуда мне знать?

— За последние годы я неплохо тебя изучил. Мы сообща расследовали одно из самых серьезных преступлений века. Чарли, я давно уже не верю в Бога и, пожалуй, гораздо меньше верю в торжество справедливости. Но пока я все еще верю в Бэтмена.

Гордон поднял глаза на «Чарли Моррисона» и увидел, что тот улыбается.

— Что тут такого забавного?

— Комиссар полиции Готэма не способен распознать полоумного. Знаешь что, Джим? Со мной та же история. Я не верю, что сошел с ума. И сегодняшний вечер это доказал.

— Что ты имеешь в виду, Чарли?

— За последние месяцы я несколько раз видел Джокера. Всегда мельком, краем глаза: появится и тут же исчезнет. Это беспокоило меня. Я погнался за ним — или думал, что погнался, — и прибежал в этот самый отель. Решил проверить. Эти странные происшествия случились всего за один вечер, что ясно свидетельствует: кто-то играет со мной. Не знаю, кто, как и почему, но обязательно выясню.

— По правде сказать, я этому рад, — кивнул Гордон. — В последнее время до нас доходят разные слухи. Ничего конкретного, но что-то постоянно всплывает.

Политические махинации, связанные с какими-то большими шишками. И с отелем «Нью эра».

— Интересно. А подробнее?

— Просто мрачные слухи. Безумные истории о преступных синдикатах из дальних стран — дело обычное. Но быть может, на этот раз в них есть доля истины.

— Я займусь этим делом, — пообещал Брюс.

— Хорошо. У нас только одна маленькая проблема.

— Какая?

— Я знаю, что ты в своем уме, и ты это знаешь. Но вдруг мы оба ошибаемся?

Прошло два дня. Чарли Моррисон занимался тем, чем обычно и занимается в дорогом отеле молодой состоятельный холостяк. Побывал во всех ночных клубах «Нью эры», посмотрел представления, от всей души хохоча вместе с другими зрителями над шутками комиков, попробовал коронные блюда в нескольких дорогих ресторанах. Пил он мало и коридорным, которые предлагали ему наркотики или девушек, отвечал отказом.

Вечером третьего дня они встретились снова. Женщина как раз вышла из гостиничного салона красоты, а Брюс — из журнального магазина. Совершенно определенно, это была та самая дама, которая ехала с ним в лифте и которую он потом нашел с перерезанным горлом.

На Илоне было темное шелковое платье, на шее небрежно повязан бирюзовый шарф.

— Илона, простите, — обратился к ней Уэйн.

Но она, поспешно пройдя через фойе, скрылась за дверью с надписью «Только для персонала». Брюс последовал за ней. За дверью располагался коридор, по всей видимости ведущий в кухню. Освещен он был едва-едва, а на полу лежал толстый слой пыли — значит, отель «Нью эра» лишь снаружи выглядит так безупречно, а на самом деле хозяйство ведется из рук вон плохо. Брюс решил, что больше никогда не будет здесь обедать.

Илона обнаружила за следующим углом.

— Прекратите меня преследовать! — воскликнула она.

— Я просто хочу кое-что у вас спросить.

— Ну ладно, если только спросить...

Улыбнувшись, она открыла сумочку, нашла сигарету, а потом щелкнула маленькой позолоченной зажигалкой. Прямо в лицо Брюсу вылетело облако желтого дыма. Бэтмен рухнул на пол, а женщина, уронив зажигалку, бросилась прочь.

Любого супергероя можно иногда надуть — но лишь иногда. Особенно это справедливо в отношении такого человека, как Бэтмен. В отличие от Супермена он уязвим, а потому вынужден целиком полагаться на хитрость, предусмотрительность и зоркость. Брюс сразу понял, что в руках у Илоны не простая зажигалка. Женщину выдавала нарочитая непринужденность, с которой она доставала вещицу из сумки. Уэйн обо всем догадался, но не подал виду и задержал дыхание, а потом рухнул на пол, якобы лишившись чувств. Наградой за догадливость послужил пустой баллончик, звякнувший рядом.

Уэйн поднялся и подобрал его. Тонкая работа, изящные грани, — по всей видимости, выточено на станке, притом с ювелирной точностью. Давно уже не попадались Бэтмену настолько совершенные устройства. А уж он знал в этом толк. У Брюса Уэйна была собственная мастерская со специальным оборудованием для работы по металлу.

Да, превосходная работа, но чья?

Этого Бэтмен не знал. Зато знал, где можно выяснить.

Но сначала нужно сменить наряд.

На Готэм опустилась глубокая зловещая ночь.

Темнота окутала Северные доки, где моряки самых разных национальностей кутили со шлюхами, съехавшимся сюда чуть ли не со всей страны. Слава готэмских кабаков гремела от Монреаля до Вальпараисо. К тому же не

так давно в графстве Субис, соседствующем с Готэмом, заключили несколько выгодных контрактов и начали производить военную продукцию, и там сразу же выросло население. Днем люди трудились на военных фабриках, а вечером, после смены, им хотелось развлечься.

Развлекались же они в беспокойных районах Готэма, например в Лаймхаусе, и весьма буйно. Случайный прохожий вполне мог получить по голове и лишиться бумажника. Благоразумный человек в этом случае спешил убраться — без кошелька, зато умудренный опытом. Не очень благоразумный поднимал шум, и порой его ждал еще один не слишком приятный сюрприз, — скажем, очнувшись, он обнаруживал на ногах полные свинца лыжные ботинки, а вокруг — грязные воды реки Лаймхаус, кишашие угрями и крабами.

В Лаймхаусе среди старых фабричных трущоб было темно и опасно. Некоторые более-менее добропорядочные жители уже давно пытались вернуть на улицы фонари, но безуспешно. Ведь коррумпированные муниципальные власти постоянно продавали их некоему мексиканскому дельцу.

В темноте множились преступники.

И разнообразные ночные твари.

Например, летучие мыши.

Дело близилось к полуночи, и жизнь в Лаймхаусе была ключом. Пьяные моряки, шатавшиеся по улицам, не замечали мелькавшую на фоне огромной лимонно-желтой луны тень. Вдруг она спикировала и приземлилась на маленьком заднем дворе.

Бэтмен, облаченный в черный наряд и маску, сложил небольшой бэтолёт и убрал его в компактный футляр. Мощным фонариком он подсветил устройство собственного изобретения — планшет с картами не больше обычной книжки. На нем можно было найти любой район города, прорисованный во всех деталях.

Бэтмен снова сверился с картой. Да, правильно. Он не был здесь почти два года. Хорошо бы Тони Маротти еще не отошел от дел.

Человек — летучая мышь неслышно приблизился к задней двери покосившегося одноэтажного домишки. В свете полной луны на черной маске ярко выделялись белки глаз; ничего больше стороннему наблюдателю не удалось бы разглядеть. Бэтмен сломал замок и вошел.

В доме было несколько комнат — все точно так, как он помнил. В первой располагался склад: на грязных стальных полках аккуратными рядами стояли металлические банки с гайками и болтами, лежали трубки и шестеренки, мотки проводов и тому подобное. Дверь, ведущая в другие комнаты, заперта, но из-под нее пробивается желтый свет. Бэтмен прислушался. Внутри радио изливало тихий джаз, а еще раздавались шаги.

Простояв возле двери несколько минут и убедившись, что других гостей в доме нет, герой открыл ее и шагнул в комнату.

Мужчина, сидевший за небольшим верстаком, вскинулся и сунул руку в задний карман, но Бэтмен в мгновение ока оказался рядом и отобрал пистолет.

— Спокойно, Маротти! Ты же не хочешь продырявить доброго друга Бэтмена?

— Извини, Бэтмен. Я не знал, что это ты, и не глядя вытащил пушку.

— Ты всегда стреляешь в гостей не глядя?

— Да, если они являются с моего склада посреди ночи. Но тебе, Бэтмен, я рад. Не хочешь ли выпить?

— Нет, я на службе.

— Но тут особый случай: мой дядя Лу — помнишь его? — прислал эту бутылку с континента. Давай махнем по маленькой за старые добрые времена.

— Только по маленькой.

Маротти подошел к стоявшему у дальней стены комоду и вынул большую бутылку с высоким горлышком и яркой наклейкой на итальянском языке.

Тони не отличался высоким ростом. Широкая грудь, массивная толстая шея, круглая голова, черные кудри, большой рот и цепкий умный взгляд. Итальянец сильно хромал — последствия одного давнего происшествия. То-

гда Бэтмену удалось спасти Маротти от целой банды, которая подкараулила его на крыше многоквартирного дома, где располагалась его голубятня. Бандиты прострелили ему коленную чашечку.

— Рад тебя видеть, Бэтмен, — повторил Маротти. — Что подельываешь? Давненько в газетах о тебе не писали.

— А сам как поживаешь, Маротти?

— Хорошо, Бэтмен, хорошо.

— По-прежнему нарушаешь закон?

— Брось, ты же знаешь, я с этим завязал.

— Я знаю, чем ты занимаешься, но не потому сюда явился. Для меня ты слишком мелкая рыбешка. Без обид, но свое время я трачу на крупную дичь.

— Знаю и уважаю тебя за это.

— Мне нужна информация.

— Конечно. Пистолет-то у тебя. Шучу. Что ты хочешь знать?

Бэтмен снял с пояса небольшой мешок, достал оттуда баллончик — тот самый, из которого Илона выпустила газ, — и передал его Тони.

Маротти хотел задать Бэтмену какой-то вопрос, но передумал. Итальянец выудил из кармана замызганного жилета круглые очки, нацепил их на нос и внимательно осмотрел баллон.

— Где ты это нашел?

— Не важно. Скажи, кто его сделал и для чего. Я думаю, это твоя штука.

— Нет, — покачал головой Тони. — Отменная игрушка, с моими инструментами такую не сделаешь. Видишь, какая кромка? Тут нужен станок с нулевым сверлом и лопаточный редуктор. Я ими не пользуюсь.

— Сможешь определить, чья работа?

— Наверное. Ты не против, если я разрежу эту штуку пополам?

— Давай.

Маротти проковылял на другой конец комнаты и подрегулировал лампу, чтобы та светила на верстак. Потом зажал баллончик в тисках, разрезал пилой с алмаз-

ной кромкой, внимательно осмотрел половинки, нахмурился и осмотрел снова, теперь уже через увеличительное стекло. Наконец одну отложил в сторону и подверг еще более тщательному изучению вторую. Обнаружив искомое, Тони довольно крикнул.

— Бэтмен, видишь этот значок?

Человек — летучая мышь воспользовался увеличительным стеклом и увидел на внутренней стороне металлического баллона крошечную латинскую букву V с перекладиной.

— Торговая марка, — пояснил Маротти.

— Знаешь чья?

— Видел где-то, но где — не припомню. Наверняка она найдется вот тут. — Тони снял с покосившейся книжной полки увесистый том. — В этой книге собраны разные торговые марки и эмблемы.

Он быстро пролистал несколько страниц.

— Вот. Логотип принадлежит КБ — корпорации «Броненосец». Тут написано, что ее фабрика располагается в техасском городе Огденсвилле. Директор фабрики и главный акционер компании — Руфус Мерфи по прозвищу Рыжий.

— Тебе что-нибудь известно об этом «Броненосце»?

— Фирма производит оружие на продажу. Специализируются на так называемой экзотике — начиная от миниатюрных шпионских штучек и заканчивая ракетными установками. — Маротти снял очки и убрал их в потертый чехол.

— Что было в этом баллоне? — спросил он, поворачиваясь к Бэтмену. — Слезоточивый газ?

— По всей видимости, усыпляющий. А может, и ядовитый. Я не стал проверять на себе.

— Разумное решение.

— Тебе что-нибудь об этом известно?

Маротти подошел к стене, где на деревянном крючке висел его пиджак, и выудил из кармана сигарету.

— Ходили разные разговоры, — отозвался он, закуривая, — о новых противопехотных газах. Некоторые

усыпляют человека на сутки, не причиняя ему вреда. Но стоит слегка поменять формулу — и человек умрет. И при этом никакого запаха. Есть еще формула, включающая ЛСД, — такой газ вызывает галлюцинации и дезориентирует противника.

— Занятно. Проявляют ли преступники интерес к подобным газам?

— А как же! Представь себе ограбление: у всех свидетелей приход, им мерещатся разные ужасы, а ты спокойно выносишь из банка деньги. Но пока никто не наложил лапу на такие штуки. Иначе ты бы уже об этом услышал.

Бэтмен мог бы самолично засвидетельствовать, что по крайней мере одному человеку уже пришлось испытать на себе действие «таких штук». Но рассказывать об этом Маротти он не стал.

На следующий день в девять утра Брюс Уэйн, перодетый Чарли Моррисоном, приехал в аэропорт Готэма. У него был заказан билет бизнес-класса до Огденсвилля, с пересадкой в Атланте. Два чемодана весили больше положенного, но их удалось отправить тем же самолетом. На внутренних рейсах багаж обычно не проверяют, но даже если бы служащие аэропорта заглянули в чемоданы Брюса, они обнаружили бы там лишь образцы разных фабричных деталей. Только собранные надлежащим образом, эти детали превращались в снаряжение, которое Бэтмен использовал во многих своих делах.

В Атланте было жарко и солнечно. Уэйн выпил кофе в зале ожидания бизнес-класса и просмотрел газету. Скоро пришло время садиться на следующий самолет. Удивительным образом он прибыл почти вовремя.

Полет прошел без особых происшествий. После полудня по центральному североамериканскому времени «Боинг-747» приземлился в аэропорту Стейк-Плейнз, которым пользовались жители Огденсвилля и Амарилло. Еще из Готэма Брюс отправил телеграмму в хьюстон-

ский офис Финли Лопеса — консультанта по капиталовложениям в области энергетики и оборонной промышленности. Лопес считался одним из ведущих специалистов на юго-западе, и Брюс в образе Чарли Моррисона часто вел с ним дела. Финли прилетел из Хьюстона в Огденсвилль и теперь встречал его в аэропорту.

— Рад вас видеть, мистер Моррисон!

Дородный, со светло-оливковой кожей, черными усами и блестящими карими глазами, под которыми набухли темные мешки, Лопес был всегда вежлив и общителен. Над левым глазом у него красовался небольшой шрам — память о детстве, проведенном в неблагополучном латиноамериканском квартале Браунсвилля.

— Прекрасно выглядите, Финли. По-прежнему угождаете прекрасным сеньоритам?

Лопес ухмыльнулся. Его репутация дамского угодника была хорошо известна от Хьюстона до Альбукерке.

— Угождаю, но не все время, мистер Моррисон. Бизнес прежде всего. Хотя, если угодно, мы с вами можем вспомнить старые добрые времена.

— Спасибо за предложение, но, боюсь, я здесь исключительно по делу.

— Тогда давайте поскорее покончим с делами и повеселимся на славу. Или отправимся на мое ранчо — барбекю по старинке, как принято в Техасе. Моя жена Эсмеральда творит с говяжьими ребрышками чудеса.

— Я помню, как замечательно готовит Эсмеральда. Передайте ей, пожалуйста, привет и мои наилучшие пожелания. Но я в Техасе лишь на один день и вечером возвращаюсь в Готэм.

— Проклятье! — в приступе шутливого гнева воскликнул Лопес. — Ничем вас не соблазнишь. Чем могу быть полезен, мистер Моррисон?

— Меня интересует КБ.

— Хорошее, надежное предприятие, — кивнул Финли, — с первоклассной репутацией. Рыжий Мерфи человек крутого нрава. Он вам понравится, мистер Моррисон. Немного похож на Спенсера Трейси — правда, не такой симпатичный.

— Мне нужно с ним встретиться. Сегодня же.

— Давайте найдем телефон.

Лопес куда-то позвонил из стоявшего в аэропорту телефонного автомата, а потом вернулся к Брюсу, недоумевающе качая головой.

— Не знаю, что нашло на Мерфи, — сказал он. — Стареет, наверное.

— В чем дело?

— Я разговаривал с его личным секретарем, и она сказала, что Руфус никого не принимает.

— А когда станет принимать?

— Она не знает. Сказала только — он очень занят какими-то важными делами. — Лопес задумчиво почесал подбородок. — Я, пожалуй, еще кое-кому позвоню.

Через десять минут он сообщил Уэйну следующее:

— Я связался с Беном Бракстоном. Вы его вряд ли знаете, мистер Моррисон. Это главный редактор местной газеты «Вестник Огденсвилля». В свое время я оказал ему несколько услуг, так что он с радостью поделился информацией. Информация эта общедоступна, но зато мне не пришлось тратить время и выуживать ее из старых газет. Похоже, в последние месяцы Мерфи ведет себя странно: недавно они с женой (ее зовут Лавиния, хорошая женщина) переехали в служебную квартиру, которая находится прямо на фабрике.

— Значит, сейчас они оба живут на фабрике КБ?

— Точно. И никуда не выходят. Иногда разговаривают с родными по телефону, но никого не принимают. Даже не повидались со своим сыном Деннисом, а он недавно был в городе проездом в Южную Америку. Деннис — специалист по пожарной безопасности, он почти все время проводит в разъездах. Но на этот раз Мерфи не стал с ним встречаться. Очень странно.

— Действительно странно, — согласился Брюс. — Ну что ж, Финли, давайте где-нибудь пообедаем, а потом я сяду на вечерний самолет до Готэма.

— Вы что, вот так сразу и отправитесь домой? Бросьте, мистер Моррисон! Расскажите хотя бы, зачем прилетали.

— Да ничего особенного. У меня появилась некоторая информация о КБ, и я обдумывал крупную инвестицию. Хотел поговорить с Мерфи, посмотреть на него, перед тем как вкладывать деньги. Но если на этот раз не получилось, подождем следующего. Вы знаете тут в округе хороший ресторан?

— Конечно! Надеюсь, вы любите жареные ребрышки, мистер Моррисон. Неподалеку от Огденсвилля один из лучших ресторанов штата.

«Лас Ангелитас де Теяс» располагался в красивом здании в колониальном стиле. Еду им подали на широкой террасе, выходящей в роскошный сад, который тоже принадлежал ресторану и на который явно не жалели денег. Брюс, чтобы угодить Лопесу, съел солидную порцию острых ребрышек. Сам он предпочитал орехи, овощи и продукты, содержащие клетчатку, но ему не хотелось обижать Финли.

Лопес отвез его в аэропорт и посадил на самолет, в четыре часа вылетевший в Канзас-сити, откуда Уэйн должен был отправиться дальше — в Готэм.

Но в Канзас-сити Брюс заказал частный самолет и вернулся на нем в Огденсвилль. В аэропорту он оказался уже после захода солнца. Чемоданы ждали его в камере хранения.

Фабрика КБ занимала сотню акров пустынной земли неподалеку от Огденсвилля. Ее окружала двойная изгородь под током, которую днем и ночью патрулировали вооруженные охранники.

В темноте место выглядело зловеще: сторожевые башни через каждые сто ярдов, ярко освещенный прожекторами забор — словно кто-то перенес сюда, в американскую глушь, концентрационный лагерь.

Но Брюс Уэйн уже сменил наряд Чарли Моррисона на костюм Бэтмена, а на Бэтмена зрелище не произвело особого впечатления.

Темному Рыцарю случалось сражаться с самыми хитроумными и к тому же самыми богатыми преступниками

на свете, и зачастую он проникал в строго охраняемые места, владельцы которых не скупились, чтобы обезопаситься от летучих мышей.

Да, проникнуть в КБ непросто, но вполне возможно.

Бэтмен вместе со своими чемоданами подобрался к фабрике с северной стороны. Здесь не горело несколько прожекторов — явная халатность, а это уже кое о чем говорит. При желании Бэтмен мог сидеть совершенно неподвижно, и вот, застыв точно статуя и полностью слившись с ночной тьмой, он почти два часа наблюдал за охранниками.

Трудно будет незаметно перебраться через изгородь. Патрульные подчиняются строгому графику, и ни один участок забора не остается без охраны даже на десять минут. А именно столько понадобилось бы Бэтмену, чтобы отключить электричество и перелезть на ту сторону.

Герой извлек из чемодана маленький, но чрезвычайно мощный детектор массы и тщательно изучил подземную часть фабрики, которая располагалась под территорией КБ на глубине ста футов.

Как Бэтмен и боялся, охрана не поленилась создать хитроумную систему датчиков — они засекали бы любое движение на глубине пятидесяти футов. Значит, под изгородь не подкопаться: ведь, чтобы обмануть детекторы, понадобилась бы серьезная землеройная техника.

Попасть на фабрику будет труднее, чем казалось поначалу.

Бэтмен стоял и думал — зловещая высокая фигура, с головы до пят облаченная в черное. Даже заостренные ушки, казалось, встали торчком от напряжения.

Наконец он принял решение. Рискованно, конечно, но бывало и хуже.

В ту ночь в северо-восточном квадрате дежурили Билли-Джо Неймон и Стив Кингстон. Несмотря на строгую темно-синюю форму, в них легко угадывались простые ковбои — такие в ожидании очередного родео соглашались на любую работу. Старик Мерфи вел себя честно

и исправно платил жалованье, служилось у него неплохо, но уж очень скучно. Охранные системы так усовершенствовались, что на фабрику никто даже и не пытался проникнуть. Ночь за ночью одно и то же — тишина и покой, лишь временами нарушаемые свистом ветра или завыванием койота.

Но только не сегодня.

Сегодня все вышло иначе. В пустыне вдруг громко зашипело.

— Ты что-нибудь подобное слышал? — спросил Билли-Джо.

— Может, медведь подстреленный? — предположил Стив.

— Вряд ли. Так далеко на юг они не забредают.

Охранники прислушались. Звук нарастал. Внезапно прямо перед ними в небе вспыхнул огонь. Ярко-фиолетовое пламя бешено пульсировало — такого ковбоям видеть еще не доводилось.

— Знаешь, Стив, мне эта штука не нравится.

— Что она делает?

Фиолетовый огонь теперь снижался, описывая широкие круги и явно направляясь к ограде.

— Подстрелить? — спросил Стив, доставая из кобуры пистолет.

— Не психуй, — отозвался Билли-Джо. — Пока стрелять не во что. Пусть ближе подлетит.

Нестерпимо яркий огонь приближался. Билли-Джо поднял автомат и щелкнул предохранителем. Странная вещь была уже прямо у них над головой.

И вдруг она ослепительно вспыхнула, будто в небе зажегся разом миллион лампочек. Раздался похожий на пушечный выстрел грохот.

Оба ковбоя рухнули на землю, ничего не слыша и не видя, но быстро оправились и вскочили, протирая глаза.

Рядом зазвонил полевой телефон. В южном квадрате на противоположной стороне фабрики заметили вспышку, услышали шум и пожелали знать, в чем дело.

Билли-Джо взял себя в руки:

— Кел, ты, ясное дело, скажешь, я вру, но мы только что видели НЛО.

— Ну да, тетушка Мэй такую штуковину наблюдала в прошлом году, — отозвался Кел. — Зрелище что надо.

— Кел, говорю тебе, мы ее видели совсем рядом.

— Верю-верю. Только давайте все-таки устроим тревогу по всем правилам, а то вдруг вы, парни, там выпили лишнего или дурмана нажевались.

Из гаража выехало четыре джипа с вооруженными охранниками. Они обследовали изгородь. Фары и мощные фонари то и дело выхватывали из темноты перекапти-поле, но на территории фабрики не было никого постороннего.

Вернее, никого постороннего они не нашли.

Снова воцарилась тишина. Никого и ничего, лишь иногда в темноте застонет ветер или взвояет койот.

На территории фабрики, огороженной со всех сторон, ничто не двигалось, только ветер шелестел травой, которую с такими невероятными усилиями вырастили посреди пустыни сотрудники КБ.

Трава шелестела в темноте.

Что-то двигалось по ней.

Что-то темное, большое и бесформенное перемещалось зигзагами — все ближе и ближе к главному зданию.

С высокой смотровой вышки Стив оторопело глядел на траву. Что-то с ней творилось сегодня неладное. Ее шевелил ветер, внезапные порывы гнали по ней волны взад и вперед, вправо и влево. Можно было поклясться, что в этой самой траве кто-то есть.

Но это же чепуха!

Никто не сумел бы перебраться через ограду.

— Что ты там высматриваешь? — поинтересовался Билли-Джо.

— За травой слежу, — отозвался Стив.

— Приятель, нам платят, чтобы мы следили за тем, что происходит снаружи, а не внутри. Внутри-то уж точно никого нет.

— Только мы, заблудшие овечки, — ухмыльнулся Стив.

Заблудшие овечки и большая-пребольшая летучая мышь.

Ровно в полночь глава службы безопасности КБ Блейз Конелл, бывший техасский рейнджер, явился к Рыжему Мерфи с обычным докладом.

— Все в порядке, мистер Мерфи.

— Спасибо, Блейз. А что это была за вспышка пару часов назад?

Служебная квартира Мерфи располагалась в самом сердце фабрики, и в ней не было окон, но Рыжий Мерфи увидел вспышку на одном из многочисленных мониторов системы наружного наблюдения.

— Двое наших ребят утверждают, что видели летающую тарелку, — ответил Конелл. — Но это сушая чепуха. Не знаю, что это было, сэр.

— Ограждение цело?

— Никаких следов проникновения, сэр.

— Тогда волноваться не о чем. Спокойной ночи, Блейз.

Когда начальник охраны закрыл за собой дверь, Мерфи достал из бара бутылку и налил себе. В последнее время он частенько выпивал. Ведь его одолевал стресс, а хуже всего, что приходилось держать язык за зубами. По крайней мере, бутылке он мог смело довериться, хотя и не лучшее это средство.

Квартира была обставлена просто, в типичном для запада стиле: кресла покрыты пестрыми коровьими шкурами, столы и диваны просты, но добротны, все безыскусно и функционально, единственный предмет роскоши — два подлинных Ремингтона на стене. Рыжий Мерфи не любил тесноты, и потому гостиная была большой. Глядя на картины Ремингтона, на привольные пейзажи, он ненадолго забывал о сомкнувшихся вокруг стенах.

Мерфи поднял стакан и, прищурившись, посмотрел сквозь него на свет. Суровое квадратное лицо директора КБ напоминало цветом дубленую кожу: раньше его не-

шадно палило солнце и обдували ветра. Низкорослый Мерфи обладал могучим, почти непропорционально большим торсом. Когда-то он работал на нефтедобывающую компанию и прошел весь путь от самых низов — трудился разнорабочим, обходчиком, клапанщиком. Многие годы на досуге он объезжал поросшие кустарником окрестности к западу от Огденсвилля на выдавшем виды «лендровере». Местные считали его немножко чокнутым: какой же нормальный человек будет тратить свое время, бесцельно слоняясь по пустыне? Когда же Мерфи отдал все сбережения за буровую лицензию для старого участка компании «Дабл-О», все решили, что он окончательно свихнулся. Месторождение уже десять лет как иссякло, хотя кое-кто и верил, что в этом районе еще есть нефть.

Рыжий Мерфи насобирал денег на нефтяную вышку. И ко всеобщему удивлению, первым делом снес сарай, где располагалась контора «Дабл-О», а потом начал бурить всего в каких-то десяти футах от бывшей столовой.

И в награду получил шикарный нефтяной фонтан.

Якобы празднуя катаясь на своем «лендровере», Мерфи обнаружил большое месторождение. Именно оно заложило основу его состояния, которое вскоре стало считаться сказочным даже в Америке, этой стране толстых бумажников.

Почти за полгода до крушения нефтяного рынка в Техасе Мерфи предвидел надвигающуюся катастрофу и все свои деньги вложил в покупку КБ.

КБ была в долгах как дамочка в шелках на день Сэнди Хокинс — так любили шутить огденсвилльские остряки в бильярдной салуна «У Бернигена». Устаревшее оборудование разве что не рассыпалось на части, а управленцы давным-давно ни на что не надеялись и подыскивали себе новое местечко, не забывая тем не менее исправно получать жалование.

Зато у компании было два преимущества: потенциально выгодные контракты с военными и лучшие в стране специалисты в области вооружения.

Мерфи воспользовался этими преимуществами. Он перестроил фабрику, заменил устаревшее оборудование, уволил нерадивых сотрудников и поднял зарплату и премии оставшимся. А затем стал нанимать новых специалистов — только самых лучших.

Вскоре после радикальной смены курса КБ под руководством нового начальства превратилась в компанию, производящую лучшие в мире орудия убийства. Продукцию сектора мелкокалиберного огнестрельного оружия охотно покупали британские и французские спецслужбы. И министерство обороны США от них не отставало. Начальники полиции надеялись с помощью КБ одержать наконец верх в бесконечной войне с преступностью.

Рыжего Мерфи любили и уважали предприниматели по всей стране. Его приглашали большие шишки из Вашингтона, и раньше он регулярно посещал тамошние встречи.

Но в последние несколько месяцев, ко всеобщему недоумению, Мерфи перестал бывать в привычных местах, он почти не покидал служебную квартиру на фабрике, общаясь с коллегами, друзьями и родственниками только по телефону. Его видел теперь лишь начальник охраны Блейз Конелл. Но техасцы славятся своей эксцентричностью: что бы Руфус ни вытворял, никто и ухом не вел. Главное, не бегать повсюду голышом и не укокошить кого-нибудь ненароком.

Вернее, почти никто не вел ухом.

Мерфи торопливо налил еще и снова посмотрел на свет сквозь плещущуюся в стакане янтарную жидкость. Стены комнаты коично разъехались в разные стороны. Усмехнувшись, он сделал большой глоток.

И вдруг застыл: за спиной у него раздался какой-то звук.

Но там же только большой шкаф, где хранится коллекция шляп и клюшки для гольфа.

— Тут кто-нибудь есть? — громко спросил Мерфи. Тишина.

Он поставил стакан на стол и отдернул полу гавайской рубашки. Сзади за поясом у него был хромированный револьвер сорок четвертого калибра с розовой деревянной рукоятью. Взяв курок, Мерфи подошел к шкафу.

— Выходи. Дважды повторять не буду.

Тишина.

Руфус открыл огонь по шкафу, и оттуда посыпались продырявленные шляпы.

Рыжий выругался под нос.

Еще больше он разозлился, когда увидел, что прострелил набор любимых клюшек производства компании Бена Хогана.

— Черт побери!

— Не волнуйтесь, — сказал кто-то у него за спиной. — Пуля угодила в чехол, сами клюшки целы.

Редкие волосы на голове у Мерфи встали дыбом: как же так, сзади никого не может быть! Он заставил себя оглянуться и даже не удивился, когда револьвер вылетел из его руки.

Вторая волна ужаса накрыла его при виде обладателя голоса — облаченного в серое и черное широкоплечего высокого незнакомца в плаще, полумаске и капюшоне с заостренными ушками.

— Бэтмен! — воскликнул Мерфи, хватаясь за грудь.

Грудь и шею пронзила знакомая боль, а он ведь успел позабыть о ней после тройного шунтирования. Из-за потрясения, испытанного при виде легендарного супергероя на собственной надежно защищенной фабрике, у Руфуса начался сердечный приступ. Его также спровоцировали длительное напряжение и чувство вины.

Мерфи упал, но его бесчувственное тело подхватили руки в синих перчатках.

— Ты все еще тут? — спросил бизнесмен; его веки затрепетали, глаза широко распахнулись.

Он лежал на кровати; кто-то разул его и ослабил галстук. Рядом возвышался Бэтмен.

— Да, я все еще тут. Как вы себя чувствуете?

— Неплохо, если учесть, что я уже не рассчитывал очнуться на этом свете. Что ты сделал?

— Вколол вам гектоморфинат. Ношу его вместе с другими средствами на своем поясе. Я не до конца уверен, но, похоже, у вас сердечный приступ.

— А как работает этот твой гекто-как-его-там?

— Воздействует на сосуды и предотвращает спазмы, предшествующие смерти.

— Мой доктор ничего не говорил про это лекарство.

— Еще скажет. Оно появится в продаже осенью.

— Видимо, не стоит спрашивать, кто ты, — сказал Мерфи, осторожно усаживаясь на кровати. — Я давно про тебя слышал, но не думал когда-нибудь встретить. Один раз видел Супермена — на благотворительном балу в Вашингтоне, где собирали средства для детей-инвалидов. С виду ничего себе парень.

— Да, Супермен вполне ничего. Но я сюда явился не супергероев с вами обсуждать.

— Я так и понял. Как думаешь, смогу я встать? Нет, не надо помогать. Главное, до выпивки добраться.

Кое-как доковыляв до бара, Мерфи налил себе двойную порцию бурбона. Выпив, он почувствовал себя гораздо увереннее и налил еще.

— Вы что-то налегаете на спиртное, — прокомментировал Бэтмен.

— А тебе какое дело? — огрызнулся Мерфи. — Ты представитель общества трезвости, что ли?

— Просто обеспокоенный наблюдатель. Мистер Мерфи, вы должны мне кое-что объяснить.

— Что именно?

— Вот это. — Бэтмен достал две половинки баллончика, из которого его опрыскала газом Илона.

— Да, — кивнул Мерфи, присмотревшись, — тут наша торговая марка. Где взял?

— Эту вещь пытались использовать против меня.

— И что дальше? Кольт, например, не виноват в том, что людей убивают из его револьверов.

— Вам должно быть что-то известно, ведь стало появляться и другое оружие подобного типа. Все это связано с вашей фабрикой.

— Ты ничего не сможешь доказать! — отрезал Мерфи.
— Допустим, не смогу. Пока. Но со временем докажу.

— Валяй, — кивнул Мерфи и сделал большой глоток, но тут Бэтмен выбил у него стакан.

— Что тебе не нравится? — удивленно уставился Руфус на Темного Рыцаря.

— Мерфи, возьмите себя в руки. У вас в этой стране солидная репутация. Вы считаетесь одаренным предпринимателем и порядочным человеком. Всегда вели себя честно и открыто, а потом вдруг спрятались на фабрике, которая охраняется, словно бункер Гитлера. И пьете как лошадь. Мерфи, у вас явно неприятности, что-то в вашей жизни произошло. Расскажите мне.

— С чего вдруг?

— Нужно кому-то довериться, иначе сердце лопнет. Почему бы не мне? Если не супергероем жаловаться на жизнь, то кому?

Мерфи уставился на Бэтмена, открыв рот от изумления.

— И вполне возможно, — продолжал тот, — я способен вам помочь. Во всяком случае, попытаюсь.

Рыжий все так же оторопело смотрел на незваного гостя, но внезапно в глазах блеснули слезы.

— В детстве, — сказал он, — я любил супергероев и мечтал быть на них похожим. Сначала Тарзан, а потом и все остальные. Тебя, Бэтмен, я всегда выделял среди прочих. Ведь ты гораздо человечнее. Какое-то время я старался на тебя походить... Смешно небось такое выслушивать?

— Нисколько, — ответил Бэтмен. — Я не смотрю на вас свысока. Рыжий, поговорите со мной. Расскажите, что происходит.

— Меня могут за это убить, — неуверенно протянул Мерфи.

— Вы сами себя убиваете молчанием.

— Наверное... Да, Бэтмен, у меня неприятности. Все началось около года назад...

И Мерфи рассказал, как около года назад КБ впервые выпустила на рынок свои акции, а крупная швейцарская корпорация «Тьюфель» принялась через подставных лиц тайно скупать их, пока наконец не получила контрольный пакет. Да, «Тьюфель» захватила КБ и могла в любой момент уволить Рыжего Мерфи. Долгое время он не понимал, что происходит, ведь все случилось так внезапно. Потом его охватила апатия. Руфус бездействовал, когда надо было собраться и дать бой. Новых владельцев он не видел: те общались с ним через своих адвокатов. Ему предложили остаться на посту директора и даже посулили возможность выкупить контрольный пакет и вернуть себе компанию. Но сперва нужно выполнить их указания.

— Сотрудники предупреждали меня, но я не послушал. А следовало бы. Особенно когда чужаки начали вмешиваться в работу производственного отдела и отдела разработок. Я думал им подыграть и побыстрее вернуть компанию. Думал, из-за своей неряшливости и дрянного надзора за качеством они скоро разорятся. Тогда я еще не понимал, что замышляют эти люди.

Он снова потянулся к бутылке, но Бэтмен осторожно отвел его руку.

— Рыжий, бросайте пить. Вы не можете остаток жизни прятаться здесь. Если не сейчас, то когда?

Мерфи посмотрел на Бэтмена. Человек в маске прав. Да и не каждый день супергерой наставляет тебя на путь трезвости.

Бизнесмен схватил бутылку и со всей силы швырнул в стену. Раздался грохот, в разные стороны полетело стекло.

Через минуту зазвонил телефон, и Мерфи снял трубку.

— Блейз? Да, все в порядке. Да, это я палил из «магнума», а теперь разбил бутылку. У меня тут небольшая вечеринка. Да, именно. Только я. Я и мои летучие мыши. В смысле, крыша у меня чуток съехала, а там летучие мыши. Да, в полном порядке, увидимся утром. Давай-ка я сварю кофе, — сказал он, вешая трубку. — Нам многое предстоит обсудить, а времени осталось мало.

— Вы о чем?

— Объединенный комитет начальников штабов США собирается заключить контракт с КБ на поставку новой компьютеризированной боевой системы.

— И что же в этом плохого?

— Расскажу за чашкой кофе.

Утром, к удивлению подчиненных, Рыжий Мерфи объявил, что собирается на Сарматское озеро (этот искусственный водоем появился совсем недавно, когда северную излучину реки Пекос перегородили плотиной). Охранники загрузили в кузов грузовика яхточку конструкции Карлино-Вуда — новехонькую, все еще в фабричном ящике — и открыли ворота. Мерфи помахал им на прощание и уехал.

В двадцати милях от фабрики тесной купой росли тополя, под сенью которых любили устраивать пикники и праздники местные школьники и студенты теологического колледжа. Грузовик съехал с шоссе, взобрался по проселочной дороге на холм и остановился в рощице. Мерфи вылез из кабины и с ломиком в руках пошел открывать ящик с яхтой.

Но Бэтмен уже успел выбраться из него — он сидел под брезентовым чехлом и читал расписание аэропорта, подсвечивая фонариком.

— Надеюсь, тебе там было не слишком тесно, — сказал Мерфи.

— Бывало и хуже, — отозвался Бэтмен. — В любом случае проще, чем тайком выбираться с вашей фабрики.

— Что теперь?

— Вам придется здесь ненадолго задержаться. Я доеду на грузовике до аэропорта и найду там кого-нибудь, кто отгонит машину обратно.

— Хорошо. У меня, по счастью, есть с собой газета. Но ведь я и сам могу тебя отвезти.

— В аэропорту мне придется перевоплотиться в другого человека.

— И ты не хочешь, чтобы я его увидел?

— Именно. Не обижайтесь, я вам доверяю. Но какой смысл скрываться, если все подряд узнают, кто ты на самом деле.

— Логично.

— Иногда, — пожаловался Бэтмен, — все эти переодевания даются труднее, чем борьба с преступниками.

— Воображаю. Держи. — Руфус передал супергерою ключи от машины. — Чем я еще могу тебе помочь?

— У меня есть пара вопросов. Вы говорили, комитет начальников штабов собирается подписать контракт с КБ?

— Я только вчера получил подтверждение. Сегодня к вечеру документы подпишут и контракт вступит в силу.

— Думаю, мы еще успеем, — кивнул Бэтмен. — Спасибо, что передали мне копии производственных чертежей. Посмотрю их в самолете по дороге в Вашингтон.

— Мои конкуренты многое бы отдали за эти бумаги.

— Не волнуйтесь, потом я их сразу же уничтожу. Скажите, у вас нет никаких соображений о том, кто именно захватил власть над компанией?

— Ни малейших. Но у них явно имеются высокопоставленные друзья. Ни разу не видел, чтобы контракт так быстро приняли к подписанию.

— Еще один вопрос: в ваших военных разработках используются галлюциногенные газы?

— Откуда ты узнал? — удивился Мерфи. — Это же один из самых больших наших секретов.

— От человека с зелеными волосами.

— Что-что?

— Да так. До свидания, Мерфи.

— Удачи тебе, Бэтмен.

— Спасибо, полагаю, мне она пригодится.

На шоссе Бэтмену, к счастью, никто не встретился: попадись какой-нибудь техасский ковбой, весьма удивился бы, увидев за рулем новенького красного грузовика верзилу в костюме летучей мыши. Хотя Бэтмен принял меры предосторожности и обрызгал ветровое стекло и окна специальным составом — изнутри машины

все было прекрасно видно, а вот снаружи стекла казались матовыми. Брюс забыл сказать Мерфи, что состав легко смывается мыльной водой, — нехарактерный для него промах, но Мерфи наверняка разберется.

Проехав пять миль по шоссе, Бэтмен свернул на обочину, остановился и быстро переоделся в элегантный и куда более обычный костюм Чарли Моррисона. Наряд супергероя он упаковал в раскладной чемодан, специально прихваченный ради такого случая.

В аэропорту Уэйн решил арендовать частный самолет, потому что рейсов на Вашингтон в тот момент не было. Он и сам прекрасно умел пилотировать, но решил все-таки нанять пилота.

Наряд Бэтмена, пояс и два чемодана со снаряжением прекрасно поместились в небольшой самолет производства фирмы «Лирджет».

Пока пилот заправлял машину и заполнял документы, Уэйн торопливо позавтракал в местном кафе (порция салата из свежей зелени, гуакамоле и большая кружка крепкого черного кофе). Расплатившись по счету, Брюс позвонил в Готэм и сообщил комиссару Джеймсу Гордону, куда направляется. Необходимая предосторожность: если уж Робин погиб, значит и Бэтмена вполне можно убить, а с преступниками все равно нужно кому-то бороться.

Потом в бюро услуг он нанял шофера, который должен был отогнать грузовик к тополиной роще, где Рыжий Мерфи ждал, почитывая свою газету.

Маленький шустрый «Лирджет» подлетел к аэропорту Рональда Рейгана. Внизу переливался вечерний Вашингтон — волшебные мерцающие огни так не вязались с творившимися там безобразиями.

После посадки Брюс уединился в салоне для пассажиров первого класса и переоделся в костюм Бэтмена. Маску и капюшон он пока надевать не стал, а свой наряд прикрыл длинным пальто из верблюжьей шерсти.

Сегодня ему понадобятся обе личины, поэтому из салона вышел вполне обычный молодой человек в доро-

гом пальто, отлично маскирующем тяжелый (ведь трудно заранее предугадать, какие именно инструменты понадобятся) пояс со снаряжением.

Водителю такси Брюс велел ехать на угол Пятой и Огайо, к ресторану «У старины Эдварда», куда жители Вашингтона обычно приходили ради хорошей отбивной. Напротив располагалось здание Гауди — именно там, на сороковом этаже, в отделе снабжения, должны были сегодня подписать контракт с КБ.

Здание Гауди разительно отличалось от обычных для Вашингтона башен из стекла и бетона. Замысловатый фасад дома, построенного в необарочном стиле, украшали гаргульи, а стены изгибались под необычными углами. Автор проекта архитектор Нино де Телеверес — эксцентричный испанец, два года кряду завоевывавший Большую римскую премию, — утверждал, что его творение привнесет разнообразие в строгие вашингтонские пейзажи и станет популярным. Он оказался прав: дом действительно снискал любовь столичных жителей.

Многим нравилось это ни на что не похожее здание. Многим, но не Бэтмену.

Практическая сторона интересовала его гораздо больше эстетической. Супергерой давным-давно разработал оборудование, с помощью которого можно быстро взобраться на стеклянный небоскреб. Теперь же перед ним оказалось строение совершенно нового типа — образчик старомодной архитектуры. Значит, придется импровизировать.

На ноздреватом каррарском граните вряд ли удержатся специальные присоски.

Да и лазерный резак, с помощью которого Темный Рыцарь так часто выпиливал отверстия в огромных видовых окнах, не очень-то годится для узких, забранных железной решеткой бойниц.

Бэтмен вздохнул: и так постоянно приходится догонять прогресс, а тут еще придумывай способ попасть в старинное здание.

Конечно, всегда остается обычный вход. Бэтмен обдумал и этот вариант: заманчиво, но ненадежно. Ведь сегодня вокруг здания Гауди толпилось необычайно много народу: по окрестным улицам сновали полицейские из специального подразделения и шастали какие-то молодчики в полосатых костюмах и репсовых галстуках. Под мышками у них что-то топорщилось. Бэтмен с такими уже сталкивался — агенты секретной службы.

Неужели Мерфи все рассказал, выдал Бэтмена?

Вряд ли. Но возможно, они насторожились из-за необычайного поведения директора фабрики: ночью палил из своего «магнума», а утром куда-то уехал в грузовике. Эти типы, наверное, сообразили, что к чему. Успели ли они что-нибудь предпринять? Придется это проверить.

Еще в самолете по пути в Вашингтон Бэтмен изучил чертежи КБ. Он просматривал их, прикрывшись обычной газетой, чтобы пилот, жизнерадостный теннессиец Козн, ничего не заподозрил.

У Брюса Уэйна было хорошее техническое образование, и он постоянно пополнял свои знания, читая разнообразную математическую и техническую литературу.

Теперь он мог еще и проверить свои догадки с помощью собранного по особому заказу ноутбука (стоил тот недешево, зато работал с системой третьего поколения).

То, что Брюс узнал из чертежей, потрясло его до глубины души.

Если контракт сегодня подпишут...

Он снова посмотрел на здание. Надо решаться — тянуть бессмысленно.

Уэйн доел ужин, расплатился по счету и, якобы направившись в уборную, незаметно выскользнул через заднюю дверь.

В переулке за рестораном было шумно: слонявшиеся вокруг переполненных мусорных баков кошки истошно вопили. Темные тени и пятна нестерпимо яркого света чередовались здесь, словно полосы на шкуре у зебры, — прекрасное прикрытие для героя или летучей мыши.

На сороковом этаже здания Гауди, в скудно освещенном, имеющем форму амфитеатра конференц-зале, собрались члены объединенного комитета начальников штабов. Председательствовал адмирал Уильям Фентон — седовласый морской волк с квадратной челюстью и ртом, напоминающим бульдожью пасть. По правую руку от него сидел командующий ВВС, высокий и худой генерал Ковальски, по прозвищу Летучий Фил. Детское личико и взлохмаченные светлые вихры смешливого Ковальски производили обманчивое впечатление, а ведь именно его всепогодный истребитель класса «Гроза» сбил во время недавнего Карибского кризиса три тринидадских самолета (до того как обнаружилось, что США не находятся в состоянии войны с Тринидадом). Рядом расположился главнокомандующий армии генерал Чак Рохорт, приземистый и сосредоточенный коротышка, похожий на командира танка.

— Итак, — объявил адмирал Фентон, — думаю, вполне можно объявить заседание открытым. Предлагаю не зачитывать протокол прошлой встречи: нам сегодня предстоит принять ряд важных решений, обсуждать старые дела нет времени. Возражений нет? Прекрасно, продолжим. Насколько я понял, у генерала Ковальски имеется какое-то необычное предложение.

Летучий Фил, который все это время крутил в руках украшенную золотыми крылышками фуражку, встал и широко улыбнулся.

— Если я правильно понял, на этом заседании мы должны решить, подписывать или не подписывать контракт с КБ за номером сто двадцать три тысячи триста сорок один А два.

— Совершенно верно, — кивнул адмирал. — Если бы вы присутствовали на вчерашнем собрании, то знали бы, что мы там обсудили все «за» и «против». Вряд ли стоит еще раз объяснять, насколько важен этот контракт, ведь мы собираемся поставлять новую боевую систему и нашим союзникам, и собственным войскам.

— Я знаю, система отличная, — вмешался генерал Рахорт, беспокойно ерзая в кресле, — но можно ли положить на КБ?

— Думаю, сомнения здесь излишни, — буркнул Фентон. — Но я позволил себе в качестве последней меры предосторожности пригласить сюда Джеймса Нельсона, заместителя начальника ЦРУ.

Повинуясь взмаху руки адмирала, охранник распахнул дверь.

В комнату вошел высокий мужчина, загорелый с головы до пят — даже ногти у него были хоть и светлыми, но загорелыми. Загорелым казался даже костюм.

На загорелом лице выделялись лишь белоснежные зубы да белки глаз.

Генерал Ковальски задался вопросом: а не странно ли, что первым делом он заметил именно белки глаз Джеймса Нельсона?

— Добрый вечер, господа, — поприветствовал всех Нельсон. — Покорнейше прошу извинить, что я такой загорелый, — только что вернулся из Флориды. Руководил там карательной операцией: давно было пора призвать колумбийских наркобаронов к порядку и заставить их считаться с негласными законами, регулирующими наркоторговлю.

— Снова сбивают цену и мешают правительственным программам? — нахмурил квадратный лоб генерал Рахорт.

— Именно. Нанесли серьезнейший ущерб доходам правительственных секретных служб. Да и еще качество у них хромает.

— Эти иностранцы вечно нарушают стандарты управления по надзору за качеством продуктов питания и лекарственных средств, — проворчал Фентон. — Надо бы принять против них соответствующий закон.

— Президент верит в свободную торговлю, — вздохнул Нельсон. — В разумных, конечно, пределах.

Не обращая внимания на знак «Курение воспрещено», заместитель начальника ЦРУ достал сигарету. Си-

гарета тоже была загорелого светло-желтого цвета и почти сливалась с его загорелыми розоватыми губами.

— Ладно, — вмешался Ковальски, — нас это все не касается. Мы здесь должны решить вопрос с контрактом. И признаюсь, Нельсон, некоторые пункты вызывают у меня сомнения.

— Успокойтесь, Ковальски, — отозвался тот. — Редко правительству США случается заключить такой выгодный контракт с частной компанией. Что еще лучше, некоторые наши иностранные союзники тоже собираются его подписать, благодаря им проект получит всемирное одобрение.

Начальники штабов по очереди внимательно прочитали контракт.

— Ну, — хмыкнул Ковальски, — у меня все еще есть сомнения.

— Давайте я их развею, — предложил Нельсон. — Сам президент желает, чтобы контракт как можно скорее вступил в силу.

— Почему бы ему тогда не сообщить об этом нам? — упирался Ковальски.

— Именно это, господа, он и собирается сделать. Сегодня президент присоединится к нам, чтобы засвидетельствовать подписание контракта и поздравить вас с выполненным гражданским долгом.

— Президент? Явится сюда? — не поверил Чак Рохорт.

— В точку, Чак, — буркнул Фентон.

— Давайте же не будем зря терять время. Господа, поприветствуйте президента Соединенных Штатов! — объявил Нельсон и кивнул охраннику.

Тот сглотнул и снова распахнул дверь. На пороге появился не кто иной, как Маршалл Селдон, — высокий сутулый мужчина, чью кривую усмешку так хорошо знал каждый американец.

Начальники штабов вскочили с мест и бросились было к президенту, но Нельсон предостерегающе взмахнул рукой.

Президент тоже поднял руку и сказал задушевым голосом:

— Господа, у меня много важных дел. Я прошу вас, подпишите наконец этот контракт, чтобы мы могли вернуться к своим обязанностям. Нужно ведь сражаться с врагами и помогать друзьям нашего государства.

Начальники штабов, пихая друг дружку, столпились вокруг него. Но неожиданно дверь снова распахнулась, на этот раз без участия охранника.

— Перед тем как вы подпишете эту бумагу, господа, — сказал чей-то звонкий баритон, — я хотел бы перемолвиться с вами парой слов.

Мгновенно воцарилась тишина, ведь к Бэтмену обычно прислушиваются даже большие шишки вроде генералов и адмиралов.

Но только не Нельсон, ведь глава ЦРУ не может верить людям на слово. Он знал: Бэтмену здесь не место. Загорелый человек притворился, что внимательно слушает, а сам тем временем потянулся правой рукой к поясу Хикока, полученному за спортивные достижения. На поясе висел маленький пистолет, замаскированный под пряжку.

Бэтмен начал свое восхождение на здание Гауди без особых проблем. Использовать уловку, которая помогла ему пробраться на фабрику КБ, здесь не имело смысла. В тот раз он применил довольно простое приспособление: оно издавало резкие звуки и вспыхивало ослепительным светом, отвлекая внимание противника (в данном случае от Бэтмена, который успел перебраться через ограду). Пришлось надеть специальные электроизоляционные перчатки и сапоги. В самый опасный миг, когда он перелезал через забор, полуослепленные и полуоглушенные Билли-Джо и Стив, недоумевая, поднимались с земли.

Здесь такой фокус не сработал бы — требовалось слишком много времени, чтобы забраться на здание Гауди. Ни одно устройство не смогло бы так долго отвле-

кать внимание. Да и среди вещей Бэтмена на этот раз не было механизмов, способных быстро поднять его на сороковой этаж.

На его счастье, той ночью в чистом небе сияла почти полная луна. Одна половина здания купалась в ее холодном белом свете, другая же, наоборот, оказалась в тени. Именно по теневой стороне облаченный в маску герой и взобрался наверх при помощи пружинных кошек собственного изобретения, способных цепляться за гранит. Пятый этаж был опоясан выступом, на котором восседали каменные гаргульи. И десятый тоже. Выступ повторялся через каждые пять этажей. Прекрасная возможность! Бэтмен привязал к бэтарангу тонкую бечеву, конец которой крепился к прочному канату. Причудливой формы метательный снаряд напоминал бумеранг, но супергерой умел бросать его под куда более разнообразными углами.

Первый раз бэтаранг взлетел на несколько футов выше цели. Поймав его, Бэтмен попробовал снова — аккуратно, ведь здесь важна точность, а не грубая сила. Веревка послушно обмоталась вокруг шеи каменного чудовища.

Вскарабкаться на сорок этажей — это, быть может, не самый зрелищный трюк, зато весьма непростой. К счастью, именно для такого случая Бэтмен прихватил специальную лебедку. Миниатюрное устройство, снабженное атомным мотором и хитрой системой шестерней, поднимало человека со скоростью четырех миль в час.

Добравшись до сорокового этажа, Бэтмен с помощью небольшого инструмента извлек внешние шпингалеты и проник внутрь. Шпингалеты он снова аккуратно прикрутил, на этот раз изнутри. Потом уже без особого труда прокрался по коридору и разыскал зал, где заседали начальники штабов.

— Что все это значит? — грозно вопрошал адмирал Фентон. — Разумеется, Бэтмен, я о тебе наслышан. Говорят, ты творишь добрые дела. Но не думай, что сумеешь меня запугать.

— И в мыслях такого не было, — отозвался Бэтмен. — Я всего лишь хочу представить вашему вниманию некоторые факты, касающиеся боевых систем КБ, которыми вы хотите вооружить наши войска.

— Ну и нахал! — изумился Фентон. — Пытается нас учить нашему же ремеслу. Мы проверили новое оружие тщательнейшим образом. Лучшего я пока не видел.

— Вполне возможно. Но проверили ли вы так же тщательно управляющую им компьютерную систему?

— Это абсолютно новая система, — вмешался генерал Рохорт. — И предполагается, что самая совершенная на сегодняшний день.

— Тогда советую взглянуть еще раз. У меня с собой кое-какие интересные документы.

— К чему клонишь, Бэтмен? — нахмурился Фентон. — Ты же не собираешься нам помешать?

Темный Рыцарь не ответил.

— Здесь полно наших людей, — продолжал адмирал, — ты не сможешь задержать нас надолго. Подумать только, и все это в присутствии самого президента!

Пока шел этот разговор, Маршалл Селдон молча стоял в дальнем конце комнаты.

— Пусть покажет документы, о которых говорит, — сказал он с улыбкой. — Это будет забавно.

Откуда-то из складок плаща Бэтмен извлек пачку распечаток. Листы пестрели сложными схемами, крошечными циферками и греческими буквами.

— Господа, — сказал супергерой, — взгляните.

— Что это? — спросил Ковальски, первым протягивая руку.

— Схема главного компьютера военной системы КБ.

Ковальски склонился над документами, и светлая прядь упала на его мальчишеское лицо.

— Так... так, тут все нормально... стандартная схема Слигера... Но что это — в резонаторе с автоматическим зеркальным отражением?... Черт побери, я понял, что ты имеешь в виду!

— В чем дело? — заволновались остальные начальники штабов, ведь они, в отличие от высокого молодого аса, в компьютерах не разбирались.

— Скажи им, Бэтмен, — мрачно отозвался генерал.

— Полагаю, все вы слышали о компьютерных вирусах, — начал супергерой.

— Конечно, — кивнул Фентон. — Такие особые программы, которыми заражают компьютеры разные безумцы и негодяи, после этого компьютеры вырубаются, иногда надолго, пока специалисты не запустят программу, уничтожающую вирус. Порой вирус проникает так глубоко, что приходится даже заменять металлические части. Но, Бэтмен, в эти защищенные программы нового поколения никто не сможет внедрить вирус.

— Да, — согласился Бэтмен, — но вы кое-что упустили из виду.

— Что именно?

— В недрах программ КБ сформируется их собственный вирус, который сначала вызовет сбой, а потом и вовсе уничтожит систему.

— В недрах? — переспросил генерал Рохорт. — Вирусы расплодятся, словно головастики в пруду?

— Да, — мрачно отозвался Ковальски. — Об этом говорят цифры, генерал. Мы просмотрели их, кто-то отвлек наше внимание.

— Летучий Фил, — повернулся к нему Рохорт, — ты лучше нас разбираешься во всех этих делах. Но мне все равно не верится. Неужели человек — летучая мышь говорит правду?

— Именно, — ответил Ковальски, и в его голосе прозвучала сталь. — Чистую правду.

— Господа! — воскликнул вдруг президент, чем привлек внимание всех присутствующих, включая охранников.

— Да, господин президент? — повернулся к нему Фентон.

— Я хотел бы поблагодарить Бэтмена за то, что он показал нам эти документы. На самом деле мы уже ис-

правили все ошибки. Бэтмен, теперь все в порядке, и комитет может спокойно подписывать документ.

— Документ подписывать нельзя, — возразил Темный Рыцарь. — А эти люди не должны вам подчиняться.

— Что ты такое говоришь?! — не поверил президент. — Бэтмен, давай наконец прекратим этот бессмысленный спектакль. Думаю, мы вполне можем наградить тебя орденом. Не хочешь ли получить должность в моем правительстве? Советник президента по супергероям, например. Неплохо?

— Превосходно, господин президент, — кивнул Бэтмен. — Есть только одна проблема.

Внезапно он шагнул прямо к президенту, застав врасплох даже заместителя начальника ЦРУ. Нельсон торопливо вытащил пистолет — не замаскированный под пряжку, а тяжелый браунинг, который использовал в самых отчаянных ситуациях. Но в этот момент Бэтмен оказался совсем рядом с президентом и...

И прошел прямо сквозь него.

А тот все стоял и улыбался.

Начальники штабов уставились на супергероя, у них отвисли челюсти. Нельсон замер с пистолетом в руке.

— А проблема именно в этом, господин президент, — сказал Бэтмен. — Ведь вы вовсе не президент.

— Господи боже, что же здесь творится?! — высоким от страха голосом воскликнул Фентон, который успел вспомнить все известные ему суеверия. — Привидение?

— Не совсем, — пояснил супергерой. — Перед вами голограмма.

— Откуда ты знаешь? — озадаченно поинтересовался адмирал.

— Те самые люди, которые создали его, — Бэтмен указал затянутым в перчатку пальцем на улыбающегося Селдона, — пытались обмануть с помощью голограмм и кое-кого еще.

— Что же это за злодеи? — спросил Ковальски.

— Думаю, — сказал супергерой, — нам это расскажет заместитель директора ЦРУ.

Джеймс Нельсон смотрел на него с нескрываемой ненавистью.

Президент внезапно мигнул и погас.

Заместитель начальника ЦРУ дорвался до власти полгода назад, когда всеми уважаемый начальник ЦРУ, Джеймс Толливер, внезапно подхватил некий вирус, который не смогли излечить даже самые лучшие медики. Болезнь губительно повлияла на его здоровье. Прикованный к постели Толливер, подключенный к системам жизнеобеспечения, вынужден был временно передать текущие дела своему помощнику Нельсону.

Тот славился исключительными способностями и амбициозностью. А еще жестокостью. В последнее время за ним стали замечать признаки чуть ли не параноидальной самоуверенности. Случалось, он брал закон в свои руки. Этого Толливер стерпеть не мог.

Ходили слухи, что он собирался уволить Нельсона или заставить его досрочно подать в отставку. Но теперь глава ЦРУ уже ничего не мог поделать: лежа в кислородной палатке, он изо всех сил боролся за свою жизнь.

Кое-кто в Вашингтоне считал Нельсона опасным безумцем.

Подобно другим опасным безумцам, он обзавелся единомышленниками. Вокруг него собрался небольшой круг агентов ЦРУ, фанатично преданных и готовых выполнить любой его приказ.

Именно они теперь медленно вошли в зал заседаний, держа руки на спрятанных под пиджаками пистолетах.

— Этот контракт будет сегодня подписан, — сказал Нельсон.

— Да вы с ума сошли! — рявкнул Фентон. — Неужели думаете, что эта авантюра сойдет вам с рук?

— Подписи будут поставлены, господа. Хотя ваше личное участие и не потребуется. В моем распоряжении превосходные специалисты, которые распишутся за вас даже лучше, чем вы сами.

— Что же ты собираешься с нами сделать? — спросил Рохорт.

— У вас будут почетные похороны. Нами установлено, что Бэтмен одержим галлюцинациями. Его приключения с Илоной и другие похождения в отеле «Нью эра» засняты на пленку. Скажем, что он перебил вас, а потом мы ворвались в зал и прикончили его. Все поверят. Трагическую новость объявят сразу после трансляции Суперкубка, так что ажиотажа она не вызовет.

— А со мной что? — спросил Бэтмен.

— Я изо всех сил пытался отвести тебя от этого дела, Бэтмен, — грустно усмехнулся Нельсон. — Решил сам тобой заняться. Наша организация разгадала твою тайну: ты Чарли Моррисон!

Высокий человек в маске чуть повернулся, и на его губах заиграла мрачная улыбка.

— Так, значит, именно поэтому вы показывали Чарли Моррисону голограммы в отеле «Нью эра»? — спросил он.

— Я хотел отпугнуть тебя.

— В психологии вы разбираетесь так же плохо, как и в стратегии. Неужели Бэтмен устоял бы против такого искушения? Нельсон, вы сами себе вырыли могилу.

— Нельсон, зачем вам все это? — спросил Ковальски. — Почему вы добиваетесь подписания контракта? В системах КБ явно есть изъян. Они уязвимы для врага. Как только наши противники об этом проведают, сразу же нападут. А когда мы начнем отбиваться, наше собственное оружие восстанет против нас.

— Именно так и сказал Толливер, когда увидел мой план, — усмехнулся Нельсон. — Он не понимал, что эта уязвимость — лишь прикрытие для более хитроумной схемы. Да, враги непременно узнают о нашей слабости и постараются ею воспользоваться. Но у нас есть и другая программа, действительно секретная. С ее помощью мы обратим их победу в поражение. Это специальная программа-убийца запустится, когда они взломают наш код. Недруги ударят нам в спину и перепрограммируют

наши системы, но при этом занесут семена вируса в свои собственные компьютеры.

— Интересно, — протянул Бэтмен. — Значит, Илона — провокатор?

— Разумеется, — кивнул Нельсон. — Мы разыграли ее смерть.

Начальники штабов изумленно переглянулись.

— Нельсон, — наконец заговорил Фентон, — но это же сущая дичь! Ваш план безумен! А что, если враги обнаружат программу-убийцу?

— У нас есть и другие секреты! — воскликнул Нельсон, фанатично сверкая глазами. — Вам и не снилось, сколько у нас секретов! Лишь я и мои сторонники знаем, какая сила на нашей стороне!

— Кое-что знаю и я, — вмешался Бэтмен. — Вы и кучка ваших сообщников неплохо наживетесь на этом контракте. Ведь именно вы тайком скупили акции КБ?

— Это уже не имеет значения, — пожал плечами Нельсон. — Ты ничего не сможешь сделать. Контракт будет подписан.

— Не думаю.

— Собираешься нам помешать? — засмеялся загорелый человек, глядя на высокую, закутанную в плащ фигуру. — Если верить твоему досье, ты, в отличие от своего пуленепробиваемого дружка Супермена, вполне уязвим для обычного оружия.

— Меня можно подстрелить, как и любого другого, — согласился Бэтмен, — но для этого надо попасть.

Нельсон прицелился, но тут супергерой раскрыл ладонь. Из специальной капсулы на кончике его мизинца вылетело облако крошечных пылинок. Эту капсулу он незаметно проткнул, пока Нельсон разглагольствовал о своих планах. Пылинки тут же устремились к светильникам, те немедленно замигали, потускнели, погасли.

— Китайские светопивцы! — закричал Нельсон. — Умно, Бэтмен! Но тебе это не поможет. Огонь!

Агенты ЦРУ начали стрелять. Пули с визгом отскакивали от канцелярских шкафов и покрытых пластиком

стен, по залу словно пронесся рой обезумевших от ярости пчел. Но Бэтмен не стоял на месте. Его чернильная тень растворилась в темной комнате. Начальники штабов попрятались под столами и открыли ответный огонь из табельного оружия.

Исход битвы был очевиден, но тут к ней присоединились еще и brave парни из отряда готэмского комиссара Джеймса Гордона. Опытные полицейские в темно-синей форме быстро скрутили полосатых агентов.

— Гордон! — воскликнул Бэтмен. — А ты как здесь оказался?

— После твоего звонка я решил, что тебе не помешает небольшое подкрепление, — ответил тот. — И потому устроил своим ребятам экскурсию в Вашингтон.

— Не убивай Нельсона! — велел супергерой.

— По мерзавцу пуля плачет, — сказал Гордон, но стрелять перестал.

— Не спорю, — кивнул Бэтмен, — но он должен показать нам, где спрятал президента.

Закованный в наручники Нельсон отвел их в подвал, в маленькую кладовую, где сидел измученный и небритый президент.

— Бэтмен, — сказал он, — как же я не догадался, что именно ты меня спасешь.

— Я думал, Бэтмен, что разделался с тобой, но я ошибался. — Загорелое лицо Нельсона скривилось, и он рухнул на пол.

В комнате резко и горько запахло миндалем.

— Капсула с цианидом, — кивнул Бэтмен. — Несчастливого дурака ослепили его собственные иллюзии. Все кончено, господин президент, но вам, по всей видимости, понадобится новый заместитель начальника ЦРУ.

Сидя в своем готэмском особняке, Брюс Уэйн читал газету. В гостиную вошел Альфред с серебряным подносом, на котором лежало письмо.

— Это вам, сэр. От мисс Веры.

Брюс открыл конверт и быстро пробежал глазами послание.

— Пишет, что там здорово, но ей не хватает меня. Зовет в Рио.

— Прекрасная идея, сэр, — откликнулся Альфред, уже стоя у двери.

Меньше секунды потребовалось Брюсу Уэйну, чтобы принять решение.

— Альфред, упакуй мои летние вещи и закажи билет до Бразилии.

— Прекрасно, сэр! — Дворецкий изо всех сил пытался сдерживать улыбку, но безуспешно. — Костюм Бэтмена взять, сэр?

— Не надо. На этот раз у меня будет настоящий отпуск.

И снова Мартин Г. Гринберг со звездной командой американских фантастов, и снова вселенная «DC Comics». Вот только на этот раз в книге собраны подвиги не Бэтмена, а его антагониста. «Новые приключения Джокера» (1990) — это двадцать новелл о суперзлодее в наряде паяца, чье безумие легендарно, изобретательность безгранична, а популярность почти не уступает популярности его заклятого врага.

ВОЙНА ДЖОКЕРА

Вспышка белого света, короткая, ослепительная. Человек, сидевший за письменным столом, раздраженно прищурился и поднял взгляд.

— Что такое?

Но ответа не последовало — в помещении не было никого. Он нахмурился, и все морщинки удлиненного белого лица побежали вниз. Не важно, что это было, прошло и прошло. Через дверь в каюту проникали голоса корабельных гудков и сирен. Он находился на борту немецкого судна «Дойчланд». Было 13 марта 1940 года. Пароход только что пришвартовался в Гамбурге.

В дверь тактично постучали. Человек обернулся.

— Кто там?

— Мистер Симмонс, это стюард. Мы готовы к высадке пассажиров. Будьте любезны, приготовьте паспорт.

— Спасибо. Скоро буду. Да, стюард! На борту проблемы с освещением?

— Нет, сэр. Что-то не так?

— Нет, все отлично. Пришлите носильщиков за моими чемоданами.

— Да, сэр!

Мужчина встал и снял халат. Он надел свой обычный наряд — строгий фиолетовый пиджак, брюки в тонкую черную полоску, зеленую рубашку с фиолетовым галстуком-ленточкой. Добавил оранжевый жилет. Затем пришел черед черных туфель с белыми гетрами. Наконец,

поскольку день на улице был промозглый, он надел лиловый плащ. Задержавшись у зеркала, мужчина придиричиво осмотрел себя.

Хотя путешествовал он под именем Альфреда Симмонса, одежда и внешность ясно давали понять, что это не кто иной, как Джокер. Он внимательно осмотрел свои зеленые волосы, красные губы и удлиненное лицо. Лицо раскалывала неестественно широкая улыбка. Джокер был счастлив. Он долго ждал этого момента. Теперь одна давняя мечта осуществится. Он станет необыкновенно богат и при этом недурно позабавится.

Когда Джокер неторопливо сходил по трапу, все взгляды обратились на него. Тот мартовский день в Гамбурге выдался серым и холодным. На серых стенах больших старых домов поблескивали капли недавнего дождя. Сразу за будкой поста иммиграционного контроля стоял взвод СС. Вокруг с мрачным и суровым видом расположились полицейские в характерных мундирах с красными воротниками и в небольших серо-голубых фуражках. Огромные надписи черным готическим шрифтом объявляли многое *ферботен*¹. По серому небу ветром метало облака. У причалов скопилась разнообразная военная техника, в том числе танки и бронетранспортеры.

Ступив на землю нацистской Германии, Джокер вздохнул с наслаждением, полной грудью. Да, именно так он все себе и представлял.

Джокер подошел к будке иммиграционного контроля. Чиновник изучил паспорт и с подозрением посмотрел на Джокера:

— Герр Симмонс? Странное время вы выбрали для посещения Германии. У нас тут, знаете ли, война.

— Да, знаю, — ответил Джокер. — Против Франции и Англии. К нам, американцам, она не имеет никакого отношения. К тому же ничего особенного ведь пока не происходит?

— В прошлом месяце мы завоевали Польшу! — заявил чиновник.

¹ Verboten (нем.) — запрещенным.

— Велика важность! — ухмыльнулся Джокер.

Чиновник напрягся, его глаза зло сощурились.

— За такие слова можно попасть под арест. Я намерен не пустить вас в Германию.

— Прочтите записку, там, в конце, — шевельнул пальцем в сторону паспорта Джокер.

Чиновник открыл паспорт, достал листок бумаги, развернул. Прочитал один раз, потом другой. И устался на Джокера, вытаращив глаза.

— Но это же подпись...

— Да, — сказал Джокер. — Вы удовлетворены? Тогда я, пожалуй, пойду.

Он забрал паспорт быстрым движением руки в лиловой перчатке и вышел за ограждение, к ожидавшим снаружи машинам.

Подошел шофер огромного, пышного свинцово-серого «мерседеса-бенц». Подошел шофер, щелкнул кабелями и коротко поклонился.

— Герр Симмонс? Я займусь вашим багажом. Пожалуйста, садитесь в машину.

Джокер устроился на заднем сиденье. Поездка началась хорошо.

Вскоре лимузин покинул город Гамбург, скрытый серой пеленой дыма, тумана и дождя. Они оказались на автобане и на хорошей скорости пошли к югу. По обеим сторонам тянулись редкие, еще не проснувшиеся леса. Было слишком рано для цветения. В тонком серебристом тумане, цеплявшемся за ветви, деревья казались призрачными.

Вскоре они въехали в Шварцвальд. Здесь лимузин свернул на какую-то проселочную дорогу, затем на другую. И наконец через открытые ворота въехал на поросшую лесом территорию клиники «Бад фляйштайн».

Ее владелец, герр Герштнер, озабоченного вида лысеющий человек в смокинге, поспешил к лимузину открыть дверцу и лично поздороваться с Джокером.

— Герр Симмонс! Как я счастлив приветствовать вас на нашем курорте! Герр Обермайер предупредил теле-

фонным звонком о вашем прибытии. Мы приготовили наш самый роскошный коттедж. Он называется «Кайзер», ваш шофер может проехать к нему и выгрузить багаж.

— Прекрасно. — Джокер повернулся к шоферу. — Поезжайте, Ганс, а я пройду с герром Герти в павильон.

— Вы просто обязаны выпить со мной рюмочку шерри-бренди, — сказал герр Герстнер. — Он лучший во всей Германии. Хайль Гитлер!

Джокер усмехнулся, но ничего не ответил. Они вдвоем не спеша поднялись по извилистой тропинке к главному корпусу. Курортный сезон еще не начался, и людей вокруг было немного. Но те, кого Джокер видел, были хорошо одеты и имели благополучный и уверенный вид. Ему сразу подумалось, что в этом и состоит одно из удовольствий общения с культурными и преуспевающими людьми. Они респектабельно выглядят, и у них есть деньги.

Выпив с герром Герстнером рюмку шерри-бренди, Джокер прошелся по лесу к своему коттеджу. Ганс уже развесил его одежду, но, следуя указаниям, не притрагивался к нескольким чемоданам со специальными замками.

— Хорошо, а теперь ступай поищи себе ночлег в деревне, которую мы проезжали, — сказал Джокер. — Когда разместишься, позвони Герти и сообщи свой адрес. Будь готов выехать в любое время.

Ганс кивнул и вышел. Джокер сделал несколько телефонных звонков, в том числе междугородний, в Рим. Затем вышел на улицу и прогулялся вокруг коттеджа, сбивая тростью головки ранних весенних цветов. Вернувшись в дом, он открыл замок чемоданчика из свиной кожи и достал несколько листов бумаги. Изучив их, запер обратно в чемоданчик. Уже настало время ужина. Он критически осмотрел себя в высоком зеркале, свободному лиловому с серебром шейному платку предпочел черный галстук-шнурок и снова направился к главному корпусу.

Герр Герстнер приготовил ему столик на одного рядом с большим, от пола до потолка, окном. Суп и салат Джокер съел без комментариев. Но когда ему принесли тарелку каких-то зеленовато-коричневых предметов, скрученных в кольцо и плавающих в подозрительном соусе, он с опаской наклонился над ними, понюхал и постучал ножом по бокалу, чтобы привлечь официанта.

— Это что? — спросил он.

Официант, высокий светловолосый юноша, прихрамывающий на одну ногу, что до поры позволяло ему избежать военной службы, покраснел и сказал:

— Рольмопсы, сэр.

— А что такое «рольмопсы»? — спросил Джокер.

— Селедка, майн герр, — ответил официант. — Это особый деликатес в нашей великой стране. Легкий соус приготовлен на основе уксуса и...

— Сами ешьте, — перебил Джокер. — Что еще у вас есть?

— Из горячего — жареная свинина с черносливом, сэр.

— Я не ем чернослив. А нормальной еды у вас нет?

Герр Герстнер, заметивший что-то неладное, уже спешил к столику.

— Что-то не так, герр Симмонс? Что вам подать?

— Все очень просто, — сказал Джокер. — Прикажете унести эту жижу и дайте мне настоящей еды. Когда я заказывал столик в этой забегаловке, меня уверяли, что вы умеете готовить блюда любой страны.

— Уверяю вас, так и есть. Наши повара пользуются мировой известностью! Чего бы вам хотелось?

— Рубленый бифштекс, хорошей прожарки, с большой порцией жареного лука, картофеля фри, капустного салата и триммингов.

— Триммингов? — переспросил Герстнер, пытаясь одолеть незнакомое слово.

— Прошу прощения, господа, возможно, я смогу вам помочь.

Даму, ужинавшую в одиночестве за соседним столиком, этот разговор явно забавлял. Она быстро продик-

товала Герстнеру, что принести, прервавшись, чтобы уточнить у Джокера:

— А на десерт яблочный пирог с ванильным мороженым?

Джокер кивнул, удивленно глядя на даму. Она сделала заказ, и герр Герстнер с поклоном удалился.

— Откуда вы знаете американскую кухню? — спросил Джокер. — У вас хорошее произношение, но вы ведь не американка?

— Нет, — ответила дама. — Но у меня есть родственники в Америке. Несколько лет назад, еще до войны, я гостила у них в поместье неподалеку от Филадельфии. Я баронесса Петра фон Зидов.

— А я Альфред Симмонс, — ответил Джокер, улыбаясь своей улыбкой, раскалывающей лицо от уха до уха.

От такого зрелища иные крепкие мужчины вздрагивали, а женщины по ночам мучились кошмарами. Но баронессу она, похоже, не смутила.

Джокер смотрел на Петру и видел молодую женщину, одетую по последней парижской моде. Баронессу нельзя было назвать хорошенькой, черты ее лица были слишком тяжелыми. Но она была грациозна, как молодая львица, и с виду столь же опасна. Пепельные волосы были туго стянуты на затылке. Тонкие губы очерчивала темно-красная помада. Голубые глаза подчеркивал темный макияж. Открытое платье демонстрировало великолепные плечи и грудь.

— Может быть, поужинаете со мной, герр Симмонс? — предложила она.

— Только если позволите мне купить бутылку самого лучшего шампанского, — галантно ответил Джокер.

Ужин прошел мило. Джокер был удивлен, поскольку не был дамским угодником, особенно после гибели Дженни и после того, как он угодил в ванну с химикатами, когда спасался от Бэтмена. Купание в адской химической смеси навсегда выкрасило его лицо в мертвенно-белый цвет, губы — в ярко-красный, а волосы — в зеленый. Но Петра, кажется, ничего не имела против. После

ужина устроили танцы в большой бальной зале курортного отеля. Джокер не собирался идти, но Петра настояла. Он проводил ее до номера, чтобы она захватила легкую горжетку.

Петра занимала номер люкс на верхнем этаже. Когда она отперла дверь, первое, что предстало их глазам, была маленькая горничная в черном платье и белом чепчике с оборками, спящая в одном из больших кресел.

Джокеру это показалось смешным. Но не Петре.

— Спишь?! — закричала она. — Как ты смеешь спать, когда должна наводить порядок!

Пока горничная бормотала оправдания, неловко вскочив на ноги, Петра яростно оглядывалась. Ее взгляд упал на хлыст для верховой езды, висевший на стене. Баронесса схватила его и хлестнула горничную изо всех сил — и еще раз, и еще, пока та не разразилась слезами.

— Ты, дуреха, найди мою горжетку, и чтобы я больше не видела, как ты здесь дрыхнешь!

Горничная убежала и через мгновение вернулась, утирая горжеткой слезы. Именно в это мгновение Джокер влюбился в Петру.

Тот вечер, когда Джокер танцевал с Петрой под звездами на балконе отеля, был самым романтичным в его жизни. Петру ее кавалер, кажется, тоже увлек.

— Надеюсь еще раз вас увидеть, — сказал Джокер, когда вечер подходил к концу.

— Ну конечно же! Мы же все-таки живем с вами в одном отеле.

— К сожалению, завтра я должен уехать по делам, — сказал Джокер. — Но через пару дней вернусь.

— Вы так и не признались мне, что у вас за дела, негодный мальчишка, — сказала Петра.

— Я бизнесмен, — сказал Джокер. — Покупаю, продаю. Бизнес как бизнес.

— Мне всегда казалось, что бизнес — это очень скучно, — сказала Петра. — Но может быть, это потому, что у моей семьи не было нужды им заниматься. Мы уже

несколько столетий живем на доход от семейных поместий в Восточной Пруссии.

— Хорошее дело, — сказал Джокер.

Петра пожала плечами:

— Восточная Пруссия — это, конечно, мой дом, но я всегда хотела путешествовать. Мне очень понравилось в Америке, но есть еще одно место, куда я хочу поехать.

— Куда же?

— В Рио-де-Жанейро! — Глаза у нее засверкали. — У меня там родственники. Они рассказывают, что в Рио не жизнь, а сказка. А еще я просто обожаю самбу!

— У меня там тоже есть кое-какие связи, — сказал Джокер. — Знаете, Петра, нам надо об этом поговорить.

— Охотно, — сказала Петра. — Спокойной ночи, герр Симмонс. Или надо говорить — герр Джокер?

Джокер вернулся в коттедж. Он шел не касаясь земли. Потребовалось немало усилий, чтобы напомнить себе: он приехал в Европу с определенной целью и время действовать уже почти настало.

Рано утром на следующий день шофер прибыл в коттедж точно к назначенному часу. Джокер велел ему поставить два чемодана в багажник, а потом ехать во Флюгельхофф, ближайший к курорту международный аэропорт. Там он увидел, что почти все летное поле занято военными. На краю поля, крыло к крылу, стояли две эскадрильи бомбардировщиков «хейнкель». Охрана была строгой. Но паспорта и вложенного в него письма от Обермайера оказалось более чем достаточно, чтобы пройти. Вскоре они уже были в воздухе. Джокер смотрел в иллюминатор, как они летят над Альпами и начинают путь вдоль Апеннинского полуострова.

Вопреки напускному простодушию, Джокер прекрасно знал, что идет война. Ее не избежать даже далекой Америке. Он следил за успехами Гитлера, который захватил Рейнскую область и Судеты, а затем провел «молниеносную войну» с Польшей. Поляки отважно сопротивлялись, но не могли устоять против германской ар-

мии численностью более миллиона человек и мощных бронетанковых дивизий, мчащихся в ее авангарде. Норвегия и Дания пали. Британия и Франция находились с Германией в состоянии войны, но там пока почти ничего не происходило. Обе стороны, и союзники и страны оси, провели мобилизацию, но французы оставались за линией Мажино, немцы — за линией Зигфрида. Мир ждал, что будет дальше.

Джокер был выдающимся преступником. Он знал, что война предоставляет большие возможности тем, кто умеет действовать быстро, бесстрашно и с выдумкой. Всеми этими свойствами он обладал. План зародился у него в голове уже давно. Царящая в Европе растерянность превосходно играла ему на руку. Он приступил к действию.

Германский самолет пролетел вдоль реки По и начал снижаться над римским аэропортом Леонардо да Винчи. Таможню и паспортный контроль Джокер прошел легко. У него было несколько рекомендательных писем. А также плотно набитый бумажник, деньгами из которого он щедро осыпал благодарных таможенников и сотрудников иммиграционной службы.

Формальности закончились быстро, а сразу за таможенной зоной его ждал шофер.

— Синьор Симмонс?

— Именно так, — ответил Джокер.

— Меня прислал Джузеппе, — сказал шофер. — Я Пьетро. Мне приказано отвезти вас туда, где ожидают вашего прибытия.

— Ничего не имею против.

Джокер подождал, пока Пьетро откроет перед ним дверцу. Автомобиль оказался раритетной, безупречно сохранившейся «испано-сюизой», моделью класса люкс, с золотыми ручками дверей.

— Машинка неплохая, — отметил Джокер.

— Для вас, синьор, только самое лучшее, — сказал Пьетро. — Так распорядился синьор Джузеппе.

Они катили по улочкам центра Рима. День был в разгаре. Яркий свет только-только начал покидать небо. Когда Пьетро одолел пробки и доставил машину в квартал Трастевере, уже вечерело.

Вечер в Трастевере. Небеса Италии столь же яркие, как мрачны небеса Германии. Улицы пестрели знаменами, оставшимися после недавнего фашистского митинга. На стенах высоких терракотовых зданий висели огромные портреты иль дуче. Лимузин остановился перед большим рестораном, у фасада которого стояли пальмы в горшках. Перед входом прогуливались несколько человек в деловых костюмах в тонкую полоску. По характерно оттопыренной ткани костюмов Джокер заключил, что люди вооружены. Без сомнения, это была охрана Джузеппе Скуцци, его римского партнера по готовящейся операции.

Когда показался Джокер, его причудливый внешний вид заставил на мгновение умолкнуть даже этих матерых уголовников. Свое потрясение, однако, они быстро скрыли. Один из них произнес на ломаном английском:

— Вы синьор Джокер, да? Все там, ждут вас.

Джокер быстро прошел мимо телохранителей. Ресторан был просторным, но почти пустым. Все столы были аккуратно сдвинуты в сторону, а стулья поставлены сверху. Занят оказался только один стол, в глубине зала. Перед группой из десятка мужчин стояли оплетенные соломой бутылки кьянти и тарелочки каламари — кальмаров, зажаренных в масле до золотисто-коричневого цвета. Сидящие спорили все сразу, приглушенным угрожающим тоном, но подняли головы, когда в зал вальяжно вошел Джокер. Приземистый круглый человечек, сидящий во главе стола, поднял голову. Это был сам Скуцци, вдохновитель операций мафии в Риме и его окрестностях.

— Это же синьоре Джокер! — сказал Скуцци.

Он встал, и черно-белый костюм в клетку подчеркнул его габариты. Скуцци стянул с головы широкополую панаму и отвесил шутовской поклон.

— Много наслышан о вашей славе, Джокер, ибо она простирается не только во все концы света, но и дальше! Для скромных воришек, таких как я и мои компаньоны, большая честь, что нам дозволено помогать вам в деле, которому, как заверили наши коллеги, суждено стать аферой века!

Джокер ухмыльнулся своей жуткой улыбкой. Распознать в галантной речи Скуцци нотку иронии было нетрудно. Остальные мафиози, сидевшие за столом, скалились и толкали друг друга локтями.

— Как поживает наш общий друг? — спросил Скуцци. — Я, разумеется, говорю об Антонио Патина, знаменитом крестном отце Готэм-Сити.

— У него все в порядке, — сказал Джокер. — Как вам известно, в настоящее время он находится за решеткой в исправительной тюрьме Готэма по мелкому обвинению в уклонении от уплаты налогов. Мы денно и ночью работаем над тем, чтобы вытащить его, и надеемся добиться успеха в ближайшее время. Патина передает горячий привет и еще раз подтверждает, что вам надлежит в ходе этого дела полностью подчиняться мне во всех вопросах.

— Разумеется! — сказал Скуцци с такой широкой улыбкой, что поверить в ее искренность было невозможно. — Вы, синьор Джокер, фигура мирового масштаба. Подчиняться вам в этом деле для нас большой почет. Помимо этого, есть вопрос: как будем делить добычу?

— Об этом уже договорились, — ответил Джокер. — Половину вам и вашим людям, половину мне.

— Все верно, — сказал Скуцци. — Мы лишь скромные мафиози, мы, конечно же, будем счастливы разделить между собой половину. А остальное, значит, останется вам, так, Джокер?

— Мне нужна половина, — сказал Джокер. — Хочу напомнить вам, что я долго разрабатывал этот план. Расходы были велики — поездки в Европу, подкуп, приобретение или изготовление специального оборудования. Следует ли понимать так, что вы недовольны?

— Ни в коем случае! — с преувеличенной живостью воскликнул Скущи. — Все совершенно справедливо, как вы имели честь напомнить. А теперь, может быть, вы окажете нам любезность и посвятите в суть работы? Ведь вы так и не доверили нам тайну, куда именно направляетесь. А сейчас скажете или мы пойдем на дело вслепую?

— Секретность была вынужденной, — сказал Джокер. — Пока о деле знал я один, не было вероятности, что о нем узнает кто-то еще. Я не разговариваю во сне, джентльмены! Но сейчас — да, вы правы, пришло время вас посвятить в тонкости операции.

Джокер открыл портфель и достал большой сложенный лист бумаги.

С раннего утра толпы туристов шли по мосту Витторио Эммануэля и вступали на широкую Виа делла Кончилиационе. В тот военный год среди них не было французских или британских гостей, но отсутствие таковых с лихвой возмещали многочисленные немцы и австрийцы плюс, конечно, итальянцы и большая группа испанцев и португальцев. Они вели себя как обычные экскурсанты в любое другое время и в любом другом месте. Останавливались поглазеть на швейцарских гвардейцев в традиционных мундирах с красными, желтыми и синими полосами, на церемониальные алебарды у них в руках. Ненадолго собирались группами на площади Святого Петра, каждая группа вокруг своего экскурсовода. Экскурсии на многих языках слышались вдоль длинных рядов туристических автобусов. Хватало и самостоятельных туристов. Весь этот поток гостей тек по широкой лестнице, оставляя арку делле Кампане слева, а Ватиканский дворец, музеи и Сикстинскую капеллу — справа. Среди гуляющих было вдоволь итальянцев, некоторые из них искали аудиенции у папы, другие просто хотели приятно провести теплый денек середины марта.

Люди заходили в базилику Святого Петра, толпились вокруг больших статуй, особенно вокруг огромного брон-

зового святого Петра работы Камбио, где многие останавливались поцеловать ногу святого.

Внутри собора они разбредались во все стороны, некоторые обследовали трансепт и апсиду, другие осматривали надгробия Пия VII и Льва XI.

Все это происходило под бдительным надзором гвардейцев. Те из них, кто стоял внутри собора, были вооружены пистолетами. Гвардейцев было много, поскольку в этих стенах хранились не только одни из самых почитаемых, но и одни из самых ценных сокровищ в Европе.

Целый день туристы сновали туда-сюда. К пяти часам охрана выпроваживала последних посетителей. Дважды она тщательно осматривала каждое помещение, чтобы никто случайно не задержался внутри. Несмотря на всю святость собора Святого Петра, остаться запертым здесь на ночь считалось плохой приметой. Поговаривали, что в мраморных залах по сей день гуляют привидения первых христианских мучеников.

К девяти часам вечера здание тщательно запирали. Проверяли сигнализацию. Последний раз делали обход галерей. И наконец собор Святого Петра был готов отойти ко сну.

Темная и таинственная, на Рим опустилась ночь. Припозднившийся свет горел в расположенном неподалеку Кастель Сант-Анджело, где засиделся за работой папа римский со своими помощниками, пытаясь привнести хоть немного здравого смысла и порядка в помешавшуюся на войне Европу.

Сторожевые собаки пробежали по галереям и травянистым дорожкам. Специальный патруль карабинеров совершил последний обход и доложил, что все спокойно. Ватикан ждала спокойная ночь. По крайней мере, так могло показаться.

Тускло подсвечивались огромные галереи. Мягким золотым сиянием лучился трон святого Петра. «Пьетá» Микеланджело в этом приглушенном свете казалась вырезанной из старой слоновой кости.

В картинных галереях бородатые папы и древние святые глядели вниз из своих позолоченных рам. В Ватиканской пинакотеке их портреты висели в несколько рядов.

Однако не всюду картины были религиозного содержания. Временами попадался портрет пастуха. А в дальнем конце одной из галерей можно было увидеть портрет венецианского повесы в полный рост. На нем был костюм клоуна — белый атласный наряд в синий горошек. Маскарадная полумаска прикрывала его глаза, а ниже маски от уха до уха растянулась улыбка, которая словно насмехалась над мрачными религиозными полотнами, висевшими со всех сторон. Человек был совершенно неподвижен — странная фигура в пышных одеждах.

Часы на Латеранском соборе пробили полночь. Фигура венецианского клоуна пошевелилась и шагнула из рамы.

Джокер с наслаждением потянулся, после чего энергично направился к памятнику Льву Великому. Зайдя за статую, он нащупал в камне маленькую дверь, заваренную уже много лет. Под белым балахоном у него оказался рюкзак. Достав оттуда брусок пластиковой взрывчатки, Джокер быстро прилепил ее на нужное место. Затем поднял голову. Послышались приближающиеся шаги.

Вошли два карабинера, совершавшие обход. Джокер не пытался скрыться. Он ждал их.

— Привет, ребята, — сказал он.

Охранники в недоумении подняли глаза.

Джокер осклабился еще шире и, приблизившись к ним, заговорил:

— Друзья, послушайте, я все объясню. Это было пари, понимаете? Смотрите, сейчас я вам кое-что покажу...

Он приблизился к карабинерам и раскрыл ладони. Вылетело облачко белой пыли. Охранники закашляли, зачихали, а потом вдруг рухнули на пол.

— Очухаетесь, — сказал Джокер неподвижным телам. — Это всего лишь слегка видоизмененная формула

«яда Джокера» в удобной порошковой форме. Приятных сновидений, ребята.

Джокер быстро пошел по базилике. Ее план он выучил наизусть, еще когда только задумывал операцию. То время хорошо отложилось в памяти. Он читал о гуннах, как они прошли по итальянскому полуострову и разграбили Рим. Джокера всегда восхищал Атила. Вот это человек! «Но все, что может Атила, — думал про себя Джокер, — могу и я. И мне даже не потребуются в помощь миллион гуннов».

Только несколько мафиози, которые, согласно плану, уже должны были ждать снаружи, когда он их впустит.

Джокер вышел в мягкую римскую ночь. Прошагал мимо высоких тополей к воротам слева от собора. Невысокие, они были крепко заперты на засов. По пути Джокеру встретились еще два охранника. Своим фирменным порошком он быстро уложил спать и их. Пластиковой взрывчатки оказалось достаточно, чтобы сорвать замок. Джокер распахнул ворота, которые издали тихий скрип.

— Выходите, ребята, — сказал он.

Несколько теней отделились от более темной тени, которую роняла ватиканская стена. Это был Джузеппе с десятком своих людей. Они с ужасом смотрели на открытые ворота, не решаясь войти.

— Ну и что случилось? — спросил Джокер. — Мы же так и договаривались, разве нет?

— Я просто как-то не думал, что вам удастся это повернуть, — сказал Джузеппе Скуцци. — За мной, парни!

И они не мешкая вошли в Ватикан.

Распределившись, эти люди приступили каждый к своей задаче, словно детали хорошо смазанной машины. Джокер заранее показал им на плане Ватикана, какие картины брать: небольшие, чтобы удобно было унести, но при этом достаточно дорогие. Все разбежались по залам, а сам Джокер отправился в крипту.

Дверь задержала его ненадолго. Он спустился, следуя за мощным желтым лучом фонаря, который он тоже пронес под одеждой.

На ступенях лежала толстая пыль. По ним давно никто не ходил. Фонарь отбрасывал длинные тени от доспехов, огромных сундуков, очередных картин. Джокер отошел к стене залы и принялся тщательно искать. Да, вот он, именно там, где показали исследования, которые он провел в Америке. Никогда не использовавшаяся дверь в потайную крипту.

Там Джокер уже быстрее нашел в полу болт с кольцом. Пользуясь миниатюрным рычагом собственного изготовления, приподнял люк — мраморную плиту в полфута толщиной. Та поддавалась неохотно, но все же Джокер наконец отодвинул ее в сторону. Можно было спускаться в следующий подвал.

Он очутился в некоем подобии подземной темницы. По стенам на цепях висели скелеты. У пола возникла внезапная суета — и крысы разбежались по своим дырам. Джокера позабавил их вид.

— Ребятки, успокойтесь, я здесь ненадолго.

Он всегда чувствовал с крысами какое-то родство.

В дальнем конце темницы Джокер обнаружил то, что искал: сундучок примерно два фута в длину и фут в ширину и высоту, сделанный из полированного дерева редких пород, но сейчас запыленный и утративший блеск. Джокер взломал замок. Да, все, как ему и говорили: сундук полон отборных драгоценностей. Крупные жемчужины, одни светлые, другие матовые. Бриллианты и рубины, некоторые в золоте, другие россыпью. Были и украшения — броши и заколки, все из чистого золота и инкрустированные драгоценными камнями. Одно это богатство стоило миллионы.

Джокер глянул на часы — пора уходить. Он поспешил обратно к обитаемым уровням, закрыв за собой подземелье. Сундучок он прихватил с собой.

Мафиози работали быстро и ловко. Они расстелили большой кусок брезента и на его середину свалили полотна и скульптуры, на которые указал Джокер. Подошел Джузеппе Скуцци:

— Джокер, скажите мне одну вещь. Как все это добро мы собираемся вытащить наружу? В эту часть плана вы нас не посвятили.

— Все по порядку — вот мой девиз, — ответил Джокер. — Не бойтесь, я знаю, что делаю. А теперь велите своим молодцам уложить добычу в аккуратную кучу.

— Должно быть, вы наняли грузовик, — сказал Скуцци, отдав приказание приспешникам. — Но я не видел снаружи никаких машин. Ну же, Джокер, что вы задумали?

— Не волнуйтесь, — повторил Джокер. — Увидите, когда придет время.

— Я считаю, нам надо увидеть сейчас, — сказал Скуцци.

Джокер повернул голову и не особо удивился, обнаружив, что в грудь ему нацелен пистолет.

— Скуцци, — грустно произнес Джокер, — я думал, мы друзья.

— Конечно друзья, — сказал Скуцци. — Но вы из тех друзей, кому я не слишком доверяю. Мне кажется, Джокер, что дальше этого момента вы ничего не продумывали. Сдается, вы рассчитываете, что мы вынесем все это через ворота. Что ж, идея неплохая. А потом мы погрузим добычу на наши машины.

— Я думал совершенно про другое, — сказал Джокер. — И буду благодарен, если вы отведете пистолет в сторону.

Скуцци расхохотался. Все его люди сейчас собрались вокруг. Каждый держал пистолет. И все стволы были наставлены на Джокера.

— Пожалуйста, никаких фокусов, — сказал Скуцци. — Я видел, что вы сделали с охранниками. Хорошая работа, Джокер, но нас вы так не проведете.

— Что вы намереваетесь предпринять? — спросил Джокер.

— Боюсь, что это конец, — ответил Скуцци. — Для вас, Джокер. Спасибо, что привели нас сюда, но отдать вам половину я не могу. Готовы, ребята?

Джокер шагнул в середину кучи сокровищ и расхохотался. В руках у него были два конца веревки, стягивавшей брезент в тюк.

— Над чем вы, черт побери, смеетесь? — рявкнул Скуцци.

— Над вами, друг мой! Представил себе, какой замечательный получится заголовок в утренних газетах.

— О чем вы? — спросил Скуцци.

— Посмотрите на стену, — предложил Джокер.

Скуцци и его люди посмотрели. Там, держа интервал пять футов, выстроилось полсотни карабинеров с винтовками наготове.

— Откуда они взялись?! — закричал Скуцци.

— Я предположил, что полиция заинтересуется нашим делом, — ответил Джокер. — А мне забот меньше.

Он развернулся и поднял руки. Спрятанная на нем химическая бомба взорвалась, создав плотное облако желтого дыма. Он за клубился вокруг Джокера, скрыв его от мафиози. Те принялись стрелять, но полиция была начеку и тоже открыла огонь. Бандиты, выкрикивая проклятия, валились на пол. Надо всем этим разносился жуткий хохот Джокера.

— Ты подставил нас, — прокричал Скуцци, — но легавые и тебя прикончат!

— О нет, это вряд ли.

Скуцци попытался взять Джокера на мушку, но в клубах желтого дыма тот был неразличим. А потом мафиози не поверил собственным глазам. Большой кусок брезента внезапно окутал добычу и стоящего на ней человека.

Не сразу итальянцу удалось разглядеть в сумерках маленький дирижабль. Тот снизился над Ватиканом, подвешенным крюком зацепил веревки, стянул брезент и поднял все в воздух.

— Я тебя достану! — завопил Скуцци. — Все равно не уйдешь! Парни! Сбейте эту консервную банку!

Но у мафиози были свои заботы — выстрелы карабинеров уже ополовинили банду. Скуцци понял, что ему

не уйти, и бросился к выходу, прямо в руки поджидавшей группы полицейских.

— А как же он? — спросил Скуцци у лейтенанта полиции, который надевал на него наручники.

— Он? Кого ты имеешь в виду?

— Джокера, идиот! Он убегает с сокровищами!

Лейтенант поднял взгляд в том направлении, куда показывал Скуцци, и увидел огромный брезентовый мешок, раскачивающийся в воздухе. Но не успел полицейский дать команду своим подчиненным, как тот уже скрылся из виду.

Пилот предоставил миниатюрному дирижаблю держать курс самостоятельно, а сам опустил брезентовый мешок на платформу под рубкой управления. Следом туда спустился Джокер и закрепил груз, а потом забрался в рубку.

— Спасибо, Чан, — сказал он.

Пилот снял летные очки, явив монгольское лицо и тонкие усики.

— А ведь неплохо прошло? — расплылся в улыбке он.

Дирижабль шел на север, к Германии, управляемый Чаном, личным пилотом генерала Фу Ю, монгольского военачальника, с которым Джокеру уже довелось провести одно дело. Джокер с такой осторожностью подошел к этой операции, что предпочел не пользоваться услугами европейца. Фу Ю подходил для такого дела, тем более что одна из его воздушных частей дислоцировалась в Албании. Это был элемент затейной им сложной аферы.

Благодаря мощным двигателям дирижабля они оказались над Германией еще затемно.

Когда аппарат завис, Джокер сказал:

— Я уже отложил произведения, которые обещал вашему хозяину. Можете взглянуть и убедиться, что все в порядке.

Азиат пожал плечами:

— Если вы говорите, что все в порядке, значит так и есть. Надо быть еще безумнее, чем вы кажетесь мне,

чтобы вести с моим хозяином двойную игру. Он не такой мягкотелый, как эти мафиози.

— Чан, это они вели со мной двойную игру, — возразил Джокер. — Просто у меня оказался туз в рукаве.

— Вы натравили на них легавых.

— Совершенно верно. Поскольку догадывался о том, что они задумали.

— А если бы выяснилось, что они ничего не задумывали?

— Нашелся бы способ их вызволить, — сказал Джокер. — Я честный преступник; по крайней мере, так говорят. Можете высадить меня здесь. Мой коттедж как раз внизу.

— Прошу, — сказал Чан.

— Мое почтение генералу Фу Ю, — сказал Джокер.

— Благодарю вас, Джокер, — сказал Чан. — Я передам.

Пока рассвет не привел за собой любопытствующих, Джокер успел убрать сокровища в пустую спальню снятого им коттеджа. Он аккуратно разложил полотна. Некоторые из них, работы Микеланджело и Рафаэля, были бесценны, — по крайней мере, так утверждали заключившие с ним сделку южноамериканские коллекционеры. Закончив, он принял душ и переоделся, после чего перебрал драгоценности из сундучка. Джокер выбрал особенно изящный экземпляр — подлинного Челлини, если судить по длинным извилистым линиям на боку броши. Это было восхитительное украшение — вырезанный из янтаря морской конек, покрытый драгоценными камнями. Улыбнувшись сам себе, Джокер опустил его в карман. Теперь надо несколько часов поспать. Но возбуждение было слишком велико, чтобы позволить ему долгий отдых. Вместо того чтобы лечь, он достал наркотик, который специально для него создал некий гений черного рынка. Снадобье придавало уму ясность и остроту, а также стирало все последствия бессонной ночи. Единственная беда — постоянное его употребление не-

редко приводило к поражению ствола головного мозга, появлению галлюцинаций и дрожи в руках. Джокер считал, что это небольшая цена за хорошее самочувствие.

Сокровища были надежно спрятаны в коттедже, и Джокеру оставалось довести задуманное до конца: вывезти добычу из Европы и доставить к богатым и нещепетильным заказчикам. Он живо помнил масляную улыбку старого Жоао Гонсалеса, плантатора в белой хлопчатобумажной одежде, с хлыстом, продетым в штаны вместо ремня. «Эти картины сослужат мне добрую службу, — говорил он Джокеру. — Вы видели, какой у меня дом здесь, в глуши. Изящный, правда? Когда я развешу по стенам картины, моей новой невесте Мириам да Силве, которую я вывез из Португалии, будет на что смотреть целый день, пока я на каучуковых плантациях задаю жару рабам, чтоб не отлынивали». Остальные плантаторы придерживались тех же идей. Они находились далеко от цивилизации, далеко даже от сомнительных удовольствий города Манауса, что на Амазонке. Обладая всеми этими сокровищами, эти люди могли по крайней мере играть в европейскую знать. И поскольку платили они хорошо, Джокер охотно согласился оказать им услугу.

Он был весьма доволен собой. Когда приблизился вечер, Джокер позвонил в отель и заказал столик для двоих. Он не мог выбросить Петру из головы. Очень редко он так увлекался женщиной. Глядя на Петру, он представлял себе жизнь без преступлений, которую можно прожить с красивой белокурой женой, чьи вкусы столь явно совпадают с его собственными.

Но что о нем думает она? На этот вопрос ответа пока не было. Сегодня вечером Джокеру предстояло его узнать.

Он завернул брошь Челлини в бумажную салфетку, чтобы не поцарапать, и положил в карман. Затем аккуратно надел зеленый смокинг, зачесал назад темно-зеленые волосы, ухмыльнулся своему отражению в зеркале и пошел в отель.

Петра была восхитительна в серебряном парчовом платье с обнаженными плечами. Не надо было просить, чтобы официант принес странному американцу его любимый рубленый бифштекс. На этот раз — о чудо! — герру Герстнеру удалось раздобыть бутылочку настоящего американского кетчупа! И еще, припоминая читанное об американских кулинарных традициях, он распорядился добавить к бифштексу солидное количество лука. Петра с нежностью смотрела на пирующего Джокера, тихонько приговаривая: «Ешь, ешь, мой зеленый волк». Такой идиллической сцены Джокеру не доводилось переживать уже давно.

Позже оркестр играл венские вальсы.

Хотя танцором Джокер был неважным, он сумел достаточно убедительно пройти по паркету. Когда они снова сели, взяв бутылку холодного шампанского, он решил, что сейчас подходящий момент для подарка.

— Петра, у меня для тебя кое-что есть, — сказал Джокер, доставая из кармана брошь.

Она развернула бумажную салфетку и ахнула.

— Дорогой мой Джокер! — воскликнула она. — Это же просто великолепно! Какая тонкая работа.

— Подлинный Челлини, — сказал Джокер. — Можно заключить по этим волнистым линиям сбоку. Нравится?

— Ах, я просто в восторге! Что же дать тебе взамен? — Петра наклонилась к нему, вздымая грудью серебряную ткань платья. — Может быть, поцелуй?

— Это хорошее начало, — сказал Джокер.

Петра изобразила испуг и постучала по руке кавалера указательным пальцем.

— Да ты проказник! Мы наказываем мальчишек-проказников! Хочешь, чтобы я тебя наказала?

— Мы обсудим, кто, что и с кем будет делать, чуть позднее, — сказал Джокер. — Послушай, Петра, шутки в сторону, я без ума от тебя. Ты обладаешь стилем и воспитанием, умом и красотой. А я выдающийся преступник нашего времени, а возможно, всех времен. Тебе не кажется, что из нас бы вышла прекрасная пара?

— Герр Джокер, что вы предлагаете? — В васильковых глазах промелькнула не только тень иронии, но и тень любопытства.

— Я хочу, чтобы ты отправилась со мной, — сказал Джокер. — Поедем в Америку. Или лучше в Южную Америку. Теперь я богат. — Он указал на брошку. — Такого у меня еще много. Мы могли бы вместе начать новую жизнь в Рио.

— Рио! — В ее дыхании чувствовался аромат гибискуса.

— Ну да, Рио, а почему нет? — сказал Джокер. — Для нас обоих это новое место. Как тебе предложение?

Петра посмотрела на него, потом на брошь. Ее взгляд нежно ласкал украшение, а пальцы гладили Джокера по руке.

— Как это соблазнительно! Но невозможно.

— Почему? — спросил Джокер. — Потому что у меня зеленые волосы?

— Вовсе нет! Мне нравится, как ты выглядишь! Мне бы очень хотелось убежать с тобой и жить вместе в тропическом раю, подальше от тревог старой Европы. Но это не может осуществиться.

— Но почему же?

— Потому что идет война. Как бы ни был дорог мне ты, еще дороже, еще важнее для меня — родина.

— Родина, — задумался Джокер. — Ты, наверное, о Германии?

— Я говорю, — ответила она, — о нашем победоносном Третьем рейхе и его великом вожде Адольфе Гитлере!

Проговаривая это, она подняла голос, и несколько человек, обедавших за соседними столиками, машинально произнесли: «Зиг хайль!»

Петра позволила Джокеру проводить себя до люкса. Но не дальше.

— Не потому, что не хочу, милый Джокер, — сказала она хрипловатым голосом, остановившись у своих дверей. — Но я не могу доверять себе с таким мужчиной,

как ты. А переступить черту мне нельзя. Сами звезды пророчат, что я должна принадлежать тому, кто совершит для родины великий подвиг.

— Ты уверена в этом? — сказал Джокер.

— Да. Личный астролог Гитлера, герр Отто Обермайер, прочитал звездные карты и сказал мне.

У Джокера появилось много пищи для размышлений. Утром он позвонил Обермайеру в его мюнхенскую квартиру и назначил встречу на этот же день.

Мюнхен был увешан нацистскими флагами, улицы наводнены колоннами бронемашин; по широким бульварам маршировал гитлерюгенд. Прославленные пивные были забиты солдатами. Остановив автомобиль, Джокер отпустил шофера с условием, что тот вернется в назначенное время. Он позвонил в дверь и, поднявшись на три лестничных пролета, оказался у кабинета Обермайера.

Хозяин сам открыл дверь. Хотя Обермайер служил астрологом у Гитлера, жил он скромно, вкладывая все свои заработки в великий проект. Он был убежден, что Фридрих Барбаросса и его рыцари по-прежнему обитают в глубокой ледяной пещере под одной из германских рек. Когда Обермайер не был занят предсказанием будущего, он ездил в экспедиции с целью найти пещеру Барбароссы. На это уходила существенная часть доходов. Еще больше он тратил на ежедневный рацион: паштет из фуа-гра и шампанское, которые прописал его врач доктор Фаустус в качестве единственно возможной диеты для визионеров. Обермайер был круглым розовощеким коротышкой, беловолосым, как альбинос, с жидкими рыжеватыми бровями. Визит Джокера поверг его в несказанный восторг.

— Я ваш величайший поклонник! — объявил он, провожая Джокера в гостиную. — Слежу за всеми вашими свершениями, герр Джокер, и уже неоднократно говорил фюреру: будь у Германии полк таких людей, как вы, война бы скоро закончилась.

— Хватит и взвода, — сказал Джокер. — Но ситуация сложная: есть только я.

Некоторое время шла ничего не значащая беседа. Джокер выразил свою благодарность за письмо, которое направил ему Обермайер. В Германии оно открыло для Джокера многие двери. Неизбежным образом разговор свернул к войне. Обермайер пылко негодовал на ее медленный ход.

— Посмотрите на наши молниеносные победы в Норвегии, Дании, Польше! Мы обладаем мощнейшей военной машиной — мир доселе такой не знал. Вся Европа готова пасть к нашим ногам. А тысячелетний рейх готов принять власть. И что же делают генералы? Робко сидят за укреплениями линии Зигфрида и ждут. У Гитлера хорошее чутье. Он хочет атаковать через Арденны, бросить свои войска через Бельгию. Это план Шлиффена, который чуть не выиграл нам Первую мировую войну. Вторую мы просто обязаны выиграть.

— Так почему же этот план не воплощается в жизнь? — спросил Джокер.

Обермайер пожал плечами и комично огорчился:

— Все консерватизм генералов. Хотя фюрер обладает верховной властью, он по-прежнему слушает этих обвешанных медальками идиотов. Я пытаюсь дать ему совет, он меня выслушивает, но все так же выжидает и мешкает.

— Вы вполне уверены, что план окажется успешным? — спросил Джокер, изучая карту, которую развернул перед ним Обермайер.

— Не сомневаюсь! А человек, который убедит в его успехе Гитлера, станет героем рейха.

— Это точно? — спросил Джокер. — Давайте еще раз пройдемся по всему плану...

Митинг коричневорубашечников прошел с огромным успехом. Адольф Гитлер стоял на балконе третьего этажа берлинской канцелярии и добрых четыре часа произносил перед толпой эмоциональную речь, время

от времени для большей весомости повторяя избранные места. Когда овации утихли и снова разразились, он ушел в помещение, вытирая лицо большим носовым платком. Хотя день был прохладным, фюрер вспотел. Эти речи отнимали все силы.

Рухнув в кресло, он отбросил со лба прядь темных волос капризным движением, которое стало его визитной карточкой. Вдруг он резко вскинулся. Гитлер внезапно осознал шестым чувством, которое редко его подводило, что в комнате он не один.

— Кто здесь? — спросил он резким голосом.

Сбоку возникло какое-то движение. Из-за портьеры шагнула вперед высокая фигура в костюме клоуна. У этого человека были зеленые волосы, красные губы, мертвенно-белое лицо. Он широко ухмылялся — скорее гримаса, чем улыбка, растягивала его лицо от уха до уха.

— Привет, — бодро сказал Джокер, выходя на середину комнаты.

— Этга шше дасс Дшокер! — воскликнул Гитлер. — Герр Обермайер говорил мне, что вы в Германии и хотите видеть меня. Я согласился. Но обычно через такие каналы не...

— Это верно, — сказал Джокер. — Вы ведь наслышаны обо мне?

— Конечно! — сказал Гитлер. — Я восхищаюсь тем, как вы постоянно ставите в тупик этого борова Бэтмена и его педерастического друга Робина! Я слежу за всеми вашими подвигами! Мне очень приятно познакомиться с вами, пусть даже обстоятельства нашей встречи несколько неординарны.

— Неординарность — качество, которое необходимо, чтобы выигрывать войны, — сказал Джокер.

— Именно так я и говорю своим генералам, — сказал Гитлер. — А они лишь хмыкают и отвечают: «Предоставьте воевать нам, майн фюрер; война — дело профессионалов».

— Но вы ведь понимаете больше их?

— Конечно!

— Я тоже это знаю, — сказал Джокер. — Послушайте, Адольф, я изучал этот план Шлёппина...

— Вы хотите сказать, план Шлиффена, — поправил Гитлер.

Фюрер был словно загипнотизирован этим высоким усмехающимся человеком. Когда Джокер пригласил его к столу, Гитлер пошел за ним. Джокер достал из-под плаща большую карту и развернул.

— Взгляните. Здесь указаны нынешние позиции. Не тревожьтесь насчет того, как именно я это раздобыл, у меня ваши секреты в полной безопасности. Итак, смотрите: дивизии Манштейна у вас здесь и здесь, а фон Рундштедт сидит на заднице вот тут, у швейцарской границы, а Кейтель околачивается перед линией Мажино. Почему бы не отозвать их всех, оставив только Кейтеля возле Швейцарии? Он будет отвлекать противника, заставит думать, что вы собираетесь нанести удар где-то в другом месте. А вы возьмете всю свою пехоту, а также бронетанковые дивизии и перегоните прямоком сюда. — Рука в перчатке тяжело опустилась на Бельгию и Голландию.

— Именно этого я и желаю, — тихо сказал, почти прошептал Гитлер. — Но если что-то сорвется...

— Адольф, — сказал Джокер, — я уже довольно долго занимаюсь подобными вещами. Хочу кое-что вам сказать.

— Слушаю вас, — сказал Гитлер. — Принести вам выпить?

— Позже. А сейчас, пожалуйста, выслушайте внимательно. Вы должны выстроить у себя в голове дерзкий план, а затем выполнять его без оглядки. Вы меня понимаете?

— Да, да, именно этого я и хочу. Но генералы...

— Кто руководит Германией? Вы или генералы?

Гитлер поднял горящие глаза и схватил кисть собеседника дрожащими руками.

— Джокер, я это сделаю! Хватит мне слушать предостережения трусливых и глупых генералов. Я, наверное,

в любом случае бы так поступил, но вы убедили меня, что сейчас самое время. Джокер, как я могу вознаградить вас?

— Просто черкните пару слов на клочке бумаги о том, что я сделал для вас и для Германии, — сказал Джокер. — Покажу своей девушке.

Девятого мая Джокер снова побывал в рейхсканцелярии, желая убедиться, что фюрер все сделал как надо. Гитлер был рад ему. Он произносил речи перед своими генералами, излагая им новый план. Но было несколько деталей, вызывавших у него сомнение. Джокер смог их прояснить. По его совету группа армий «В» фон Бока была сокращена до двух армий, что сделало ее более маневренной. Высвободившаяся 18-я армия под командованием Георга фон Кюхлера получала задачу напасть на Нидерланды. Армия Рундштедта начинала наступление 10 мая. Она растягивалась широким фронтом между средним течением Мааса и Мозелем. Из ее сорока шести дивизий семь были бронетанковыми. По настоянию Джокера ее поддерживали двадцать семь дивизий. Пока они готовились к наступлению, группа армий «С» фон Лееба, состоящая из двух армий, грозила атаковать линию Мажино, отвлекая тем самым большое количество французских войск.

Силы фон Рундштедта стремительно наступали. Он смел слабое бельгийское сопротивление в Арденнах и пробился через две недоукомплектованные французские армии, в состав которых до сих пор входила кавалерия.

Гитлеру не нравилось, что Джокер поселился у него в штабе, поскольку безумная улыбка этого человека нервировала личный состав, и к тому же генералы могли счесть, что их вождь непреодолимо попал под влияние американского сумасшедшего. Гитлер сказал об этом Джокеру, тот усмехнулся: «Я понимаю, когда мое присутствие бывает нежелательно». Он снял резиденцию в «Принснахте», лучшем берлинском отеле. Там у него была прямая линия с Гитлером, который к тому же платил по всем его счетам.

К середине мая был достигнут перелом. Союзные армии в беспорядке отступали, германские танки замыкали огромное кольцо окружения, а британская экспедиционная армия отступала к Дюнкерку. Казалось, война закончилась, едва успев начаться.

Джокер с триумфом возвращался в «Бад фляйштайн», к своим украденным произведениям искусства и к Петре. В кармане у него лежало письмо за подписью Гитлера, превозносившее роль, которую Джокер сыграл в славной победе, и объявлявшее его другом Третьего рейха, другом самой высшей пробы.

Приехав в клинику, Джокер направился напрямик к себе. На траве вокруг дома струдились несколько бронированных автомобилей. Холодея от страха, он вошел и увидел немцев в летной форме, которые вытаскивали его богатство. Обнаружить его было несложно. Не так много укромных мест в съемном коттедже, чтобы спрятать большую коллекцию полотен, скульптур и ювелирных изделий.

— И чем это, ребята, вы тут занимаетесь? — спросил он.

Молодой офицер подошел к нему, щелкнул каблуками и отдал честь.

— Лейтенант Карл фон Крауснер, к вашим услугам, — сказал он. — Чем могу быть полезен?

— Вольно, — махнул кистью Джокер. — Прикажите своим молодчикам положить все мои вещи на место.

— Вы утверждаете, что это ваши сокровища?

— Конечно! Они уже много лет принадлежат моей семье.

— И вы всегда путешествуете в Европу с произведениями итальянского искусства ценой в неисчислимые миллионы долларов?

— Черт подери, вы совершенно правы, — сказал Джокер. — Люблю, когда меня окружает хорошее искусство, а не эти дешевые картинки из журналов. — Он кивнул на картины, развешанные на стенах коттеджа.

— Ничего не могу поделаться, — сказал лейтенант фон Крауснер. — Эти предметы конфискованы по прямому распоряжению самого фельдмаршала Геринга.

Джокер сразу умерил пыл. Он знал фамилию второго человека в Германии и главнокомандующего люфтваффе — немецких военно-воздушных сил.

— Наверное, это какая-то ошибка, — сказал Джокер. — У меня разрешение властей на самом высоком уровне.

— Мне об этом ничего не известно, — сказал лейтенант. — Вам придется переговорить с самим рейхсмаршалом.

— Где я могу его найти?

— Сейчас он гостит в этой клинике.

Джокер поспешил обратно в отель и спросил управляющего, где Геринг.

— В своем люксе, — сказал Герстнер. — Но он запретил беспокоить его.

— Фу-ты ну-ты! — фыркнул Джокер и быстро зашагал вперед, невзирая на протесты Герстнера.

Джокер пронесся по холлу, расталкивая людей, взлетел по ступенькам и остановился у двери «президентского» люкса. Что-то в ней было знакомое... Ну да, конечно, это же номер Петры! Джокер разозлился не на шутку. Эти люди вздумали его дурачить?! У входа стоял немецкий солдат со «шмайсером». Джокер ринулся к двери, не обращая на него внимания, и уже почти постучал.

— Найн! — выкрикнул солдат и вскинул оружие.

— Остынь, мальчик! — Джокер вынул из кармана пригоршню белого порошка и швырнул солдату в лицо. Часовой энергично чихнул три раза и без чувств осел на пол.

«Новый сонный порошок Джокера всегда на высоте, — подумал Джокер. — Через пару часов солдатик проснется с похмельем и воспоминанием о снежинках».

Он тронул дверь. Та оказалась не заперта. Джокер открыл ее и вошел без приглашения.

Из спальни доносился смех. Один из голосов был высоким, немного надрывным. Петра. Второй — глубокий, грубый и неестественный. Должно быть, рейхсмаршал. Джокер вошел в спальню.

Там в большом кресле сидел Геринг. Это был огромный толстяк с удивительно неприятным выражением лица. Рукава у него были закатаны, обнажая толстые, как ляжки, руки. Китель с несколькими рядами медалей аккуратно висел на стуле. Когда вошел Джокер, рейхсмаршал разливал шампанское по двум высоким бокалам. Петра была здесь же. На ней был пеньюар, светлые волосы свободно рассыпаны по плечам. Рядом с шампанским на столике валялись разнообразные наркотики и шприцы. Фонограф играл немецкий военный марш. Полуденное солнце, струившееся через жалюзи, высвечивало рытвины на лице Геринга. Говорили, что он страдал от множества болезней, сплошь вызванных пристрастием к наркотикам и иными пороками.

Петра опомнилась первой.

— Джокер? А мне казалось, ты еще в отъезде. Познакомься, это мой хороший друг, фельдмаршал Герман Геринг.

— Наслышан о вас, — сказал Геринг. — Сумасшедший американец, который давал советы фюреру. Хотя, конечно, фюрер не нуждается в советах.

— Кое в каких нуждался, когда я его видел в последний раз, — возразил Джокер.

— Фюрер никогда не нуждается в советах, — стоял на своем Геринг. — Утверждать обратное — государственная измена.

— У меня есть подписанное фюрером письмо, в котором он благодарит за помощь и объявляет меня героем Третьего рейха. А вы крадете мои сокровища. Еще надо разобраться, как вы о них прознали.

— Слухи ходят. — Геринг покосился на Петру.

— Вижу, — сказал Джокер. — Верните на место.

— Боюсь, что это невозможно, — заявил Геринг. — Произведения искусства, которые вы украли у итальян-

цев, являются собственностью Германии. Мы претендовали на них более двухсот лет.

— Значит, надо было самим прийти и забрать, — сказал Джокер.

— Зачем, когда у нас есть друг, который проделал все намного лучше? Нет, мой дорогой Джокер, они останутся на армейском складе, здесь, в лагере при «Бад фляйштайне». Вы получите компенсацию за ваши услуги. Скажем, тысячи марок хватит?

Джокер фыркнул:

— Я украл ценностей на несколько миллионов долларов, а вы предлагаете какую-то жалкую тысячу марок?

— Ну допустим, — сказал рейхсмаршал, — я мог бы поднять до двух тысяч. Но это последнее слово.

Джокер зашагал взад и вперед по комнате. Его обуревал гнев. Наконец ему удалось взять себя в руки. Он посмотрел на Геринга, который уже надел мундир, застегнулся, поправил воротник и встал, пытаясь казаться великим полководцем до мозга костей. Джокер вспомнил, что он слышал о Геринге — насколько этот человек жаждал преуспеть в военных делах.

— Послушайте, Геринг, — сказал он, — я хочу все получить обратно. Что я украл, то мое.

Геринг пожал плечами, отчего брюхо у него пошло волнами.

— Мне-то что с того?

— Только одно, — сказал Джокер. — Мы могли бы заключить сделку. Например, я бы взялся кое-что для вас сделать, а вы бы взамен вернули мое имущество.

Толстый рейхсмаршал рассмеялся:

— Что вы можете для меня сделать? Я второй по влиятельности человек в Германии.

— Это мне известно, — сказал Джокер. — Но ваша власть в настоящий момент простирается не так далеко, как могла бы. Ведь вы хотите большего, я прав? Очень хотите, а Гитлер не собирается идти вам навстречу.

— Черт вас возьми! — воскликнул Геринг. — Откуда знаете?! Вы дьявол!

— Я не дьявол, я Джокер. Таким людям, как я, известно много интересного. Полезно быть сумасшедшим, так больше узнаешь. Я случайно прослышал, что вы умоляли Гитлера позволить вам и вашим люфтваффе собственными силами ликвидировать британскую армию в Дюнкерке.

— Ну, в общем так, — сказал Геринг. — Я неоднократно предлагал фюреру отозвать войска. Рискованно использовать их против зажатой в угол армии. Они нужны нам для масштабного нападения на Россию. Английскую свинью я загнал в ловушку. Мои самолеты легко прикончат ее на дюнкеркских пляжах, без посторонней помощи.

— А если я вам это устрою? — спросил Джокер.

— Вы? Но это же невозможно!

— Допустим, мне удастся. Вы пойдете на сделку?

— Да, конечно, я пойду на сделку. Вы заберете что хотите, все, и еще больше, лишь бы у меня был шанс доказать, на что способен мой воздушный флот. Но повторяю, это невозможно.

— Послушай его, — сказала Петра, — послушай. Он знает, что говорит.

— Ты уверена? — спросил Геринг.

— Этот человек — гений, — сказала Петра. — Наверное, самый выдающийся криминальный гений нашей эпохи. Он имеет влияние на фюрера. Он способен помочь тебе, Герман. И тогда ты покроешь себя немеркнущей славой.

Свиные глазки Геринга загорелись. Его воображение наполнилось восхитительными картинками, в которых пикирующие бомбардировщики «Штука» обрушивали бомбы на беззащитных британцев, толпящихся на побережье.

— Если вы сможете это сделать, даю слово, я верну добычу и даже предоставлю в ваше распоряжение самолет, чтобы вы могли перевезти ее в любую точку мира.

— Это обещание будет подтверждено документом с вашей подписью?

Геринг посмотрел на Петру. Она сказала:

— Сделай, Герман! Ты ничего не потеряешь!

— Ну хорошо, я подпишу. Принесите мне ручку и бумагу. Живо!

Он быстро написал несколько строк и поднял глаза.

— Но вы же понимаете, что эта бумага бесполезна, пока вы не обеспечите мне возможность разбомбить британцев в Дюнкерке?

— Понимаю, — сказал Джокер. — Отдайте ее мне и ни о чем не беспокойтесь. Просто ждите вестей.

Когда Джокер на следующий день отправился на аудиенцию к Гитлеру, он застал того в состоянии крайнего воодушевления. Фюрер был у себя в кабинете, делал отметки на большой настенной карте и передвигал значки по лежавшему на столе плану, показывавшему наступление германских войск и нарастающее давление на войска союзников.

— А, герр Джокер! — сказал он. — Рад вас видеть. Как выяснилось, ваш совет был хорош. Правда, я в нем не нуждался, конечно. Я так или иначе приходил к тому же заключению. Но хорошо, что вы оказались здесь в то время, когда я принял решение.

Гитлер взял Джокера под руку и подвел к карте расположения войск.

— Взгляните сами. Разве не великолепно?

— О да, это замечательно, — сказал Джокер. — Я от души рад за вас. Но у меня есть к вам еще одно внезапное предложение.

— Да? — сказал Гитлер. — И в чем же оно состоит?

— Дюнкерк! — воскликнул Джокер.

— Дюнкерк? Ну да, они там у меня все в ловушке! И что Дюнкерк?

— Пусть Герман все сделает, — сказал Джокер.

Гитлер уставился на него в недоумении. Под кожей у него ходили желваки. Усы подергивались.

— Вы уверены?

— Положитесь на меня, — сказал Джокер. — Я когда-нибудь предлагал вам плохое?

Двадцать четвертого мая Гитлер приказал германским войскам прекратить наступление на Дюнкерк и ждать дальнейших приказаний. В ход было пущено люфтваффе. Началась великая операция Геринга, призванная стереть с лица земли британские армии и подчинить Европу нацистам по крайней мере на ближайшую тысячу лет.

Когда герр Обермайер услышал, что совершил Джокер, он пришел в ужас.

— Но это невозможно! Все мои астрологические расчеты показывают, что, хотя Геринг и возглавляет Военно-воздушные силы, у него неблагоприятные отношения со стихией воздуха. В одиночку он не добьется успеха.

— Я примерно так и думал, — сказал Джокер.

— Тогда зачем вы это сделали?

— Ну, очень уж сильно ему этого хотелось... И еще, у него кое-какие мои вещи. Которые мне нужно получить назад. Обермайер, спасибо за вашу поддержку. Похоже, вскоре я покину Германию.

— Не стоит благодарности, — сказал Обермайер. — Иметь с вами дело было для меня огромным удовольствием.

Уже взявшись за ручку двери, Джокер обернулся и спросил:

— Скажите, что ваши звезды говорят относительно перспектив Гитлера в этой войне?

— У него все сложится хорошо, — сказал Обермайер. — Но только если будут соблюдены два условия. Первое: Америка не должна вступать в войну. Второе: Германия не должна нападать на Россию.

В тот вечер Джокер отправился в свою комнату. При помощи специального оборудования он слегка подделал бумагу, которую дал ему рейхсмаршал. Надо было всего

лишь поменять дату, чтобы приказ о снятии ареста на сокровища и о предоставлении самолета вступал в силу немедленно. Затем Джокер упаковал вещи. Он готовился к отъезду, который должен был состояться в тот же вечер, но тут в дверь постучали.

Это была Петра.

— Джокер, — сказала она, — прости. Я знаю, тебе было больно, когда ты вошел в мой номер и увидел меня с Германом.

— Не бери в голову, — колко сказал Джокер. — В этом мире только одна женщина что-то для меня значила. Это была Дженни, моя жена, и она мертва.

— Но я тоже что-то для тебя значу, — сказала Петра. — Не моя вина в том, что происходило до тебя. Рейхс-маршал увидел меня несколько лет назад и настоял, чтобы я стала его любовницей. У меня не было выбора.

— Ну что ж, ты сделала неплохой выбор, — сказал Джокер. — Дела у Германа идут хорошо. Даже если с этой дюнкеркской аферой он ударит в грязь лицом, то все равно, пожалуй, останется на плаву, и у тебя при нем тоже все будет благополучно.

— Но мне он не нужен! — воскликнула Петра. — Ты еще помнишь, как мы мечтали поехать в Рио?

— Конечно помню, — сказал Джокер. — Пустые фантазии.

— Неправда! Они могут сбыться! Послушай, мы встретимся с тобой там. Зачем тебе возвращаться в Америку, почему бы вместо этого не полететь в Рио?

Джокер опустил свое вытянутое уродливое лицо. Петра смотрела на него, не отводя взгляда.

— Джокер, я люблю тебя.

До рассвета было еще далеко, когда Джокер отправился в финальную часть своего европейского похода за сокровищами, — по крайней мере, рассчитывал, что она будет финальной. Ганс, его шофер, появился в полпятого утра, когда небо было еще темным и виднелись тонкие желтые лучи прожекторов, ощупывавших небо да-

леко на севере, в Гамбурге. Ганс привез с собой в лимузине шесть человек. У каждого была спортивная сумка. По приглашению Джокера они вошли в коттедж. Джокер велел им подождать в гостиной, а сам вывел Ганса на улицу, чтобы коротко переговорить с глазу на глаз.

— Ганс, эти люди, которых ты мне привез, они надежные?

— О да, герр Джокер, очень надежные. Первоклассные преступники из трущоб Гамбурга, Берлина, Штутгарта и прочих мест. Я их отбирал очень тщательно.

— И они не питают любви к Третьему рейху и Гитлеру?

Ганс рассмеялся — коротким неприятным смешком.

— Ни малейшей! Герр Джокер, это преступники. Если Третий рейх их найдет, он их казнит. Это люди доведены до отчаяния, они готовы сделать все, что угодно, чтобы выбраться из Германии и вообще из Европы.

— Костюмы у всех с собой? — спросил Джокер.

— Да, герр Джокер. Пошиты у знакомого портного. Ткань — настоящая фельдграу¹. В ломбарде я набрал подходящих цапек. Только не знал, нужно ли и для вас раздобыть форму.

— Не нужно, моя при мне, — сказал Джокер. — Сделана в старых добрых США, но из немецкой ткани и с немецкими знаками различия. Подожди, вот увидишь ее — начнешь мне так салютовать, что из штанов выпрыгнешь.

Джокер и Ганс вошли обратно в коттедж. Джокер быстро переоделся в офицерский мундир.

— Ты уверен, что не хочешь улететь со мной? — спросил он Ганса. — В Бразилии мы все заживем новой жизнью.

— Нет, герр Джокер, — сказал Ганс. — У меня здесь много дел, и вы со мной так хорошо расплатились, что я смогу купить кусок земли, где мы с Гретой и детьми построим ферму. Например, в Швеции, с нашими фаль-

¹ Серый цвет полевой формы германской армии.

шивыми документами. И тогда для меня это будет конец преступной жизни.

— Что ж, надеюсь, ты выбрал правильно, — сказал Джокер. — А теперь давай взглянем на этих людей. Как только мы заберем сокровища и доедем до аэродрома, твоя задача будет выполнена, и тогда тебя ждет еще одно небольшое вознаграждение.

Джокер внимательно осмотрел свою команду. Удивительно, что способны сотворить несколько мундиров. Эти люди уже не походили на сброд из самых гнусных трущоб. Они выглядели типичными нацистскими офицерами.

Джокер замаскировал себе лицо, натянул плотную резиновую маску, которая придала ему вид закаленного в боях ветерана. Кроме того, он надел парик из коротко стриженных светлых волос. Ганс критически осмотрел его и объявил, что все безупречно.

Все набились в лимузин. Ганс укрепил на переднем крыле флаг, означающий, что он везет высокопоставленного офицера, и они отправились в лагерь люфтваффе под «Бад фляйштайном».

Дороги в столь ранний час были почти пустынные. Тем не менее на одну военную колонну Джокер и его помощники все-таки наткнулись. Мигая фарами, обогнали ее.

Через полчаса стремительной езды они очутились у склада и остановились у ворот с охраной. Часовой вытянулся по стойке смирно, увидев, что подъехал служебный автомобиль германских Военно-воздушных сил. Когда солдат заглянул внутрь и увидел высокого сурового генерала, уткнувшего нос в воротник серой шинели, Ганс просунул в окно бумаги. Часовой просмотрел их и отдал честь. Джокер небрежно притронулся указательным пальцем к фуражке, машина рванула с места и въехала на территорию лагеря. Пока все шло успешно.

Они проезжали один ряд бараков за другим. Ганс вел машину уверенно, поскольку давно заучил маршрут наизусть. Постройка, где хранились сокровища, находилась

на дальнем конце территории, недалеко от периметра. Ганс остановился прямо перед ней. Двое часовых, вышедших проверить документы, были строже, чем тот, у въездных ворот. Они тщательно прочитали бумаги, вполголоса посовещались, и старший из них, капрал, сказал:

— Очень странно, генерал. Обычно нас заранее предупреждают, когда отсюда планируется вывозить ценные предметы.

— В военное время, — сказал Джокер резким хриплым голосом, — обычно только необычное. Рейхсмаршал никого не хотел предупреждать о перемещении этих сокровищ. Их место назначения строго засекречено.

Охранники продолжали сомневаться. Один из них сказал другому:

— Наверное, надо вызвать начальника караула.

— Вызывайте, конечно, — сказал Джокер. — И сообщите мне ваши имена и личные номера, чтобы я запомнил людей, которые задержали исполнение приказа второго человека в Третьем рейхе.

Еще одно совещание. Затем оба часовых отдали честь. Капрал сообщил:

— Можете следовать, герр генерал. Мы не хотим вас задерживать. Но пренебрегать своими обязанностями нам тоже нельзя.

— Хорошо, — сказал Джокер. — Вы все сделали правильно.

Как договорились раньше, Ганс остался в машине. Джокер и его помощники прошли на склад. Огромное деревянное сооружение было до потолка завалено ценностями. Там была мебель из Дании и Швеции — стулья, кушетки, всевозможные предметы, полированные серванты, нескончаемая вереница картин. Германская армия получала неплохой доход, грабя всю Европу. Еще при въезде на территорию Джокер заметил вдалеке другие подобные строящиеся здания. Должно быть, хранилища, которым предстояло заполняться произведениями искусства по мере падения новых стран.

— Где произведения итальянского искусства? — спросил Джокер у одного из охранников склада.

— Какие именно, господин генерал? — спросил часового.

— Те, что изъяты у этого сумасшедшего Джокера.

— А, яволь, майн генерал, это здесь.

Охранник подвел их к палете у стены. Здесь, завернутая все в тот же брезент, лежала целая гора сокровищ из Ватикана. Джокер приподнял ткань и заглянул, чтобы не ошибиться: глупо было бы сейчас взять не тот товар. Сомнения тотчас развеялись: он увидел произведения Рафаэля, Леонардо, Тициана, Рубенса и других величайших мастеров.

— Йа-йа, — сказал Джокер. — Давайте сюда тележку, быстро. Нам нельзя терять времени.

Охранники торопливо прикатали мототележку. Джокер отправил их за второй: вокруг лежало столько добра, что бессмысленно было оставлять его. Если бы знать, подумал он, можно было бы обойтись без лишних хлопот и вместо Ватикана ограбить этот склад. Правда, ограбить Ватикан ему всегда хотелось. Это было одно из преступлений, которыми он больше всего гордился.

Снаружи Джокер приказал своим людям перегрузить мешки на крышу лимузина. На прощание охранники отдали ему честь. Машина тронулась. Но, подъезжая к воротам, Джокер заметил какое-то внезапное волнение.

— Это еще что такое? — спросил Ганс.

— Не нервничай, — сказал Джокер. — И не стреляй, пока не увидишь, что я стреляю.

Они остановились. Подбежал один из охранников, размахивая листом бумаги.

— Генерал! — воскликнул он. — Еще одна формальность. Вы забыли расписаться!

— Ах да, — сказал Джокер, — как это глупо с моей стороны.

Он торопливо нацарапал подпись и сунул бумагу часовому. Тот отдал честь. Ворота открылись, и машина выехала.

— Ну ладно, — сказал Джокер, — пока все нормально. Теперь на аэродром, Ганс, и не шади лошадиных сил.

Когда машина въехала на летное поле, уже совсем рассвело. Они быстро разгрузились. Начальник караула пришел в должный трепет при виде погон и орденов Джокера, а также от его надменного облика. Джокер с самоуверенным до невозможности видом реквизирует крупный армейский транспортник — старый, но очень надежный «Дорнье» в камуфляжной раскраске. По его распоряжению под крыльями укрепили дополнительные баки и доверху залили их горючим. Диспетчер дал разрешение на запуск моторов. Закрутились винты. Нанятые Джокером люди взобрались на борт. Ганс и Джокер пожали друг другу руки.

— Удачи, герр Джокер, — сказал Ганс. — С вами было приятно работать.

— Спасибо, Ганс, ты не ударил в грязь лицом, — ответил Джокер. — А вот и небольшой подарок на прощание.

Он вручил водителю замшевый мешочек. Открыв его, Ганс обнаружил пять великолепных жемчужин.

— Ах, герр Джокер, вы более чем щедры! Это слишком много! Намного больше, чем та цена, о которой мы договорились.

— Ничего страшного, — сказал Джокер. — Они мне ничего не стоили. Удачи, дружище!

Ганс сел в служебную машину и уехал. В самолете помощники Джокера пристегнулись к сиденьям, все, кроме Дитриха, опытного авиатора. Он прошел в нос и сел в кресло второго пилота. Джокер уселся в соседнее, проверил системы, увеличил обороты. Четыре больших винта закрутились быстрее. Движки кашлянули, выбросили голубой выхлоп и заработали ровно. Джокер прибавил газу и запросил у диспетчера взлет.

— Да, генерал, взлет разрешаю. Но вы не предоставляли план полета.

— Приятель, давай ты за меня что-нибудь напишешь, ладно? — сказал Джокер.

— Но куда вы направляетесь?

— В «Орлиное гнездо»! — назвал Джокер горную резиденцию Гитлера в Баварии. — Фюрер устраивает там прием века.

— Яволь! — ответили из диспетчерской.

Джокер взялся за штурвал, и самолет начал выруливать на взлетную полосу. Но тут вновь заговорила несущая волна. Вызывал контрольно-диспетчерский пост:

— Одну минуту, генерал! Тут кое-что не в порядке.

— Правда? Что такое? — спросил Джокер.

— Прибыли часовые со склада. В накладной на получение сокровищ вы подписались как «герр генерал Джокер».

— Это моя маленькая шутка, — сказал Джокер, продолжая выруливать к взлетной полосе.

— Мы просим вас расписаться еще раз, — настойчиво сказал голос.

— Идиот! Нельзя заставлять фюрера ждать!

Джокер прибавил газу, отпустил тормоза, и машина с ревом начала разбег. На фоне помех совещались растерянные голоса. Потом кто-то сказал:

— В таком случае... удачи, генерал!

Самолет взмыл в воздух.

Джокер сорвал с головы маску. Усмехаясь, он прошел в салон взглянуть, как себя чувствует его отряд.

— Все в порядке? — спросил он.

— Да, герр Джокер! — хором ответили помощники.

— Надеюсь, вы взяли в дорогу бутерброды, — сказал Джокер.

Люди заулыбались.

— Взяли сосисок и пива вдоволь!

— Хорошо, — сказал Джокер. — Отдыхайте. Трудная часть позади.

Но в этом он жестоко ошибался.

Согласно замыслу, Джокер должен был поначалу лететь на юг. Ему хотелось как можно скорее покинуть зону военных действий. Глупо было бы схлопотать пулю именно сейчас. Он пролетел над Швейцарией, не утруждая себя ответами на запросы попадавшихся на пути авиадиспетчерских радиостанций. Он продолжал путь на юг, вдоль Тирренского моря, оставляя тяжелую громаду Италии слева. Когда показалась Сицилия, Джокер взял правее, чтобы пересечь Средиземное море и выйти к Атлантике.

Но в этот момент из облаков вынырнул истребитель и быстро пошел на сближение.

— Это еще что за черт? — сказал Джокер. — Дитрих, можешь разглядеть знаки на крыльях?

Дитрих долго смотрел в бинокль на преследователя.

— Герр Джокер, какой-то символ на крыле есть, но не разобрать.

— Итальянец? — спросил Джокер.

— Нет, вряд ли, — ответил Дитрих. — Ничего похожего на итальянскую эмблему.

Снова затрещала несущая волна. Затем громкий голос осведомился по-итальянски:

— Чей самолет?

— Военно-воздушных сил Третьего рейха, — ответил Джокер, — на особом задании.

— Да что ты говоришь? — хмыкнул пилот истребителя.

Он подошел поближе, и Джокер наконец разглядел опознавательные знаки. Такого он никогда раньше не видел. Эмблема на крыльях и фюзеляже изображала пронзенное кинжалом сердце, лежащее на свернутом лассо.

— Это еще что за диво? — спросил Джокер у Дитриха. — Наверно, какая-то мелкая страна, о которой я раньше не слышал.

Дитрих выругался.

— Герр Джокер! Это знак мафии!

— С каких это пор они обзавелись авиацией? — спросил Джокер.

— У мафии всегда появляется то, что ей требуется, — сказал Дитрих. — Особенно на Сицилии.

Джокер снова нажал тангенту рации.

— Прочь с дороги! У меня особый приказ от самого фюрера!

Истребитель добавил скорость и стал описывать вокруг них тугие круги. Уже видно было темное небритое лицо летчика, следящего за ними тяжелым взглядом.

— Ага! Это же Джокер! — проговорил итальянский пилот. — Сажай машину, приятель! У тебя то, что принадлежит Италии и нам.

— Прикажи людям встать к пулеметам, — сказал Джокер Дитриху.

Истребитель сделал еще один круг, держась за пределами досягаемости пулеметов. Слышны были радиопереговоры на сицилийском диалекте, которого никто на борту «Дорнье» не понимал. Из облаков появились еще два самолета. Когда они вошли в зону обстрела, Джокер скомандовал:

— Открыть огонь.

Три истребителя ткали невидимые кружева вокруг медленного транспортника. Застрекотали их пулеметы — и получили ответ от носовых и хвостовых пулеметов «Дорнье». Пули истребителей рвали тонкую обшивку немецкого самолета.

— Сбейте их! — крикнул Джокер своим стрелкам.

— Но мы их не видим, сэр! Они заходят со стороны солнца!

— Значит, сбейте солнце! — проорал Джокер.

Сам он тем временем выполнял фигуры высшего пилотажа, уклоняясь от пуль, закладывая виражи, пытаясь укрыться за жиденькими облаками. Кто-то из его стрелков попал — истребитель закувыркался, прочертил небо густым дымом и рухнул в яркую синеву моря. Оставшиеся удвоили усилия. У транспортника зачалдин один из двигателей, Джокер поспешил заглушить его. «Дорнье» пока летел ровно. Облачность усилилась. Истребители обнаружили немецкий самолет и снова пошли в атаку.

Тогда Джокер применил необычный маневр. Он резко, буквально на одном крыле, развернул «Дорнье», словно махнул вокруг себя косой. Один из самолетов мафии был застигнут врасплох, он напоролся на очередь и взорвался, выбросив шлейф дыма и искр.

Оставался последний самолет. Этот изменил тактику и пошел в лоб. Рация исторгла голос Скуцци: «Я доберусь до тебя, Джокер, я убью тебя!» В последний момент истребитель отклонился, но тут же превратился в огненный шар и рухнул в море. Джокер встал на прежний юго-западный курс.

— Держитесь, ребята, — сказал он. — Мы летим в Рио!

Двое из его людей были убиты. Джокер велел остальным выбросить их тела через люк.

— Зато теперь при дележке каждый получит долю покрупнее, — сказал он.

Немного времени спустя все ели сосиски и запивали пивом, словно ничего не произошло.

Самолет летел весь день. Ночь застала его на середине Атлантики. Азоры он оставил позади и наконец развернулся, чтобы лететь на запад, через самую узкую часть Южной Атлантики. Рио лежал прямо по курсу, примерно в тысяче миль.

Утром они шли с неплохим запасом высоты. Но уже сказывалась неисправность второго мотора. Самолет понемногу снижался. Все проверив, они обнаружили, что пробит один из баков. Торопливые расчеты показали, что им не хватит топлива до конца пути.

Джокер сражался с управлением, использовал каждое случайное дуновение ветра, каждый восходящий воздушный поток, чтобы сохранить высоту. Но уже понимал, что его усилий недостаточно.

— Дитрих, — сказал он, — надо облегчить машину. Придется выбросить скульптуры. Распорядись там. Потом выломайте сиденья, избавьтесь от всего лишнего. Вернуться мы не сможем. Между нами и посадочной полосой в Рио — только вода.

Бесценные мраморные шедевры Микеланджело, кувыркаясь, полетели в океан. За произведениями искусства последовало оборудование. Это помогло, но ненадолго. Джокер переключился на автопилот и прошел в салон.

— Все вы проявили себя хорошо и оказали мне большую помощь, — произнес он. — Мне очень неприятно, но, боюсь, другого выбора нет. Выбрасывайте спасательные плоты и прыгайте сами.

Послышались протесты:

— Вы, наверное, шутите, герр Джокер? У нас мало шансов выжить, даже со спасательными плотами.

— Если останетесь, — сказал Джокер, — у вас не будет вообще никаких шансов. Только пуля в лоб.

Под прицелом автомата он погнал всех к открытому люку. Один из бандитов попытался наброситься на Джокера, но был застрелен. Остальные выпрыгнули по очереди. Через люк Джокер видел, как раскрываются парашюты.

На борту остались только самые легкие из сокровищ. Джокер скорее бы согласился умереть, чем выбросить их. А еще в самолете оставался Дитрих.

Джокер вспомнил о пилоте, когда тот открыл огонь из кабины. За долю секунды шестое чувство предупредило об опасности. Спасаясь от пуль, Джокер свесился из открытого люка; под ним далеко внизу плескались свинцовые волны.

На самом деле этот мятеж решал проблему. Джокер был доволен Дитрихом, тот хорошо помог ему. Но в этом человеке было не меньше двухсот фунтов. На таком весе не мешало бы сэкономить.

Дождавшись, когда стихнет стрельба, Джокер толчком бросил себя обратно в салон, дал очередь и попал Дитриху точно в лоб. Он избавился от трупа и остался наедине с сокровищами на раненом германском транспортнике, который продолжал терять высоту, хотя уже не так быстро.

Но потеряно было немало. «Дорнье» летел не более чем в пятидесяти футах над гребнями волн и сильно клевал носом. Машине крепко досталось и от истреби-

телей мафии, и от выстрелов, прогремевших на ее борту. Она могла в любой момент развалиться на куски.

Наконец на горизонте Джокер увидел тонкую темную линию. Бразилия! Он почти добрался!

Двигатели работали с перебоями. Самолет скользил по гребням волн, и земля понемногу приближалась. Джокер видел полоску пляжа, а дальше зеленые джунгли. Он быстро проверил свое местоположение. Да, все правильно! Чуть левее — посадочная полоса, она доходит до кромки воды. Но Джокер не знал, сможет ли дотянуть до нее. Он уже был почти в воде, та хлестала внутрь через пробоины. Шасси теперь не выпустить... Посадочная полоса — прямо по курсу. Джокер видел небольшую группу людей, которые махали ему. Среди них блондинка. Он пригляделся. Да, это Петра! Она прилетела! Она ждет его! Как было бы печально, подумал Джокер, преодолеть такое расстояние и погибнуть у самого Рио.

На одной силе воли он заставил самолет поднять нос. Хвост уже вспахивал воду, а затем песок пляжа. Но наконец Джокер посадил «Дорнье» на брюхо на краю взлетно-посадочной полосы.

Он встал, отстегнул ремни. Получилось! Теперь он величайший грабитель века, а может быть, и всех времен! И он в безопасности. И Петра здесь...

Джокер пробежал по изрешеченному пулями салону, распахнул люк, сбросил трап. Когда он спускался, его ослепила вспышка.

Снова открыв глаза, он обнаружил, что лежит на каталке, которую толкает человек в белой одежде.

— Это Рио? — спросил Джокер.

И тут же вспомнил, что не говорит по-португальски. Но волноваться не пришлось, поскольку человек ухмыльнулся и сказал:

— Рио? Хороший сон приснился, да, Джокер?

— Сон? — переспросил Джокер. — Где я?

— Это Аркхемская лечебница для душевнобольных преступников, — сказал человек. — Вы только что прошли очередной сеанс электрошока.

— Я в Аркхемской лечебнице? Как я сюда попал?

— Стараниями Бэтмена, — сказал санитар. — Разве не помните, чем закончилось ваше последнее злодеяние?

— А война?

— Какая война?

— С немцами.

— Сладко же вам спалось, — сказал санитар. — Та война закончилась несколько десятилетий назад.

Джокер все понял. И рассмеялся. Этот ужасный смех, смех безумца, эхом отражался от темных коридоров лечебницы.

Когда Джокера запирали в его одиночной палате, он все еще продолжал хохотать.

В 1996 году на зов писателя Стэна Ли собрались самые отъявленные негодяи вселенной «Marvel Comics»: Супер-Скрулл, Локи, Магнето и другие. Они явились во всеоружии, чтобы под одной обложкой сразиться с самыми прославленными положительными героями того же мира: Профессором Ксавьером, Людьми Икс, Мстителями и прочими. А освещать эти схватки было доверено известным фантастам, как писателям, так и иллюстраторам: Роберту Шекли, Майклу Яну Фридману, Грегу Коксу, Энн Ноченти, Дику Эйерсу, Рону Луму и остальным создателям антологии «The Ultimate Super-Villains» («Абсолютные суперзлодеи»).

ПОЛНЫЙ ОТРЫВ

Дворец Ванецци на венецианском острове Гвидекка был набит битком. Жемчужина Адриатики принимала ежегодную международную конференцию судебных психологов. Шел второй ее день, и все места в перестроенном венецианском палаццо четырнадцатого века были заняты. В проходах толпился народ, а кое-кто даже пристроился на ступенях, уклоняясь от неодобрительных взглядов распорядителей.

Столь пристальный интерес был необычен для научного мероприятия. Доклады на подобных конференциях обычно бывали скучны, хотя и касались преступлений и психологии. Однако сегодняшнего доклада ждали давно. Было обещано впервые раскрыть подробности революционного опыта по исправлению невменяемых преступников, поставленного профессором Чарльзом Моррисоном из Гарварда и Массачусетского технологического института.

Конечно, такие попытки предпринимались и раньше — без особого успеха. Уникальность данного случая была в том, что речь шла о Клетусе Кэседи, суперзлодее по прозвищу Карнаж¹.

¹ Carnage — бойня (англ.). Клетус Кэседи, он же Карнаж — герой комиксов о Человеке-Пауке.

Знаменитый эксперимент был поставлен Моррисоном чуть больше года назад в калифорнийском городе Санта-Роза. Вокруг его результатов шли жаркие дебаты, и отдельные факты оставались неизвестными даже теперь. Ожидалось, что истинную картину случившегося представит Эдвард Рамакришна, который был помощником Моррисона во время рокового эксперимента.

Покуда ведущий делал обычные объявления, в зале негромко переговаривались, но все притихли, когда он представил доктора Рамакришну.

Тот был невысок, темноволос и смугл. Хрупкого сложения и молодой, он успел приобрести ученую сутулость. Сперва Рамакришна смутился перед аудиторией, но вскоре обрел уверенность, и его вкрадчивый голос, усиленный динамиками, исполнился гипнотической монотонности. Публика завороженно внимала воспоминаниям Рамакришны о днях, когда Чарльз Моррисон ставил свой опыт.

— Болваны! Безмозглые болваны! — С такими словами Моррисон ворвался в их общий с Рамакришной офис. — Совсем обалдели от своего бихевиоризма! И мысли не допускают, что можно поставить грамотный фрейдистский эксперимент!

Моррисон был коротышкой, как и его ассистент, но отличался бочкообразной грудью и понемногу лысел. За очками сверкали цепкие голубые глаза. Гнев на крупном белом лице приблизился к неистовству, когда Моррисон швырнул на стол пачку бумаг.

— Они потешаются над моей теорией!

Рамакришна понял, что Моррисон имел в виду свою гипотезу насчет основополагающей теории Зигмунда Фрейда, согласно которой человеческая психика подразделяется на эго, супер-эго и ид. Моррисон, как и Фрейд до него, считал, что компоненты психики имеют биологическую основу. Моррисон полагал, что эти базисные структуры людского сознания закодированы в ДНК, а их существование доказывается даже надежнее, чем

знаменитая гипотеза Карла Юнга об архетипической памяти.

Вопрос всегда заключался в одном: где локализируются эти психические функции? В научной литературе об этом ничего не говорилось. Однако в последние годы в изучении топографии мозга был совершен удивительный прорыв, которому способствовали методы нейронного картирования, основанные на трудах Рида Ричардса и Тони Старка, хотя эти методики не получили безоговорочной поддержки в научном мире.

С их помощью Моррисон открыл давно предсказанную троичность человеческой психики.

Для практики важнее было то, что он обнаружил специфические агенты воздействия на эти психические подотделы. Они относились к классу веществ, которые он называл психоусилителями. Ему удалось выделить особые сыворотки, соответствовавшие конкретным функциям психических единиц, и получить чистые вытяжки этих сложных сывороток, которые действовали в качестве стимуляторов и усилителей ид, эго и супер-эго.

Его статью напечатали в авторитетном британском журнале «Наука», и Моррисон только что получил первую порцию отзывов: одни пришли обычной почтой, другие — электронной. По пути в офис он просмотрел письма с распечатками и рассвирепел.

— Полюбуйтесь! — сунул он Рамакришне бумаги. — Эти придурки не потрудились обдумать и переварить мое сообщение. Не ознакомились с математическими доказательствами, не прочитали даже обязательную литературу! Вместо этого они, уцепившись за свои окаменелые догмы, бросились меня клеймить и называть мой труд шарлатанством, лженаукой и, хуже того, откровенным мошенничеством!

— Это и в самом деле прискорбно, — согласился Рамакришна.

Он закончил Западно-Бенгальский университет и прошел специализацию в Оксфорде. Его невозмутимость контрастировала с буйным нравом Моррисона; Рама-

кришна считал, что хладнокровие делало его идеальным ассистентом для вздорного ученого. Но даже ему передалась толика возмущения, ибо он тоже участвовал в исследованиях и опытах и Моррисон разрешил ему подписаться под статьей.

— Я с удовольствием помогу вам ответить на письма, — пообещал Рамакришна. — Не сомневаюсь, что оппоненты возьмутся за ум, когда мы укажем на ошибки в их суждениях, на изъяны в методологии...

— Нет, мы не будем этим заниматься! — возразил Моррисон. — Мы докажем мою правоту единственным способом, который повлияет на этих тупиц. Возьмем кровожадного суперзлодея и превратим его в образец кротости.

— Но полевых испытаний еще не было, — захлопал глазами Рамакришна.

— Самое время! — рывкнул Моррисон.

— Пожалуй, — молвил Рамакришна. — Но почему не начать с обычного сумасшедшего?

На предложение Моррисон ответил свирепым взглядом.

— Чтобы это дурачье заявило, будто я выбрал кого попроще? Ни за что. Я возьму самого трудного. Вообще неисправимого. Его излечение полностью докажет мою теорию.

— И кого же вы выбрали? — спросил Рамакришна.

— Слышали о Карнаже?

Еще бы Рамакришна не слышал! Да и кто о нем не знал? Клетус Кэседи уже был знаменитым серийным убийцей и отбывал тюремный срок, когда у него состоялась роковая встреча с инопланетным существом. Он слился с этим пришельцем и приобрел смертоносную оболочку, способную изменять свою форму. Надевая этот костюм, он называл себя Карнажем, а Карнаж был маньяком намного страшнее прежнего Кэседи.

Его пробовали лечить. В компании «Лайфстрим технологий» попытались физически устранить чужеродную сущность из крови Кэседи; в Институте Равен-

крофта¹ опробовали психотерапию. Оба учреждения потерпели полное фиаско.

Рамакришна решил, что если теория Моррисона подтвердится на Карнаже, то она пригодится кому угодно.

Начальником доктора Моррисона был капитан Флинн Бакстер из Национальной комиссии полицейских экспертов в Вашингтоне, округ Колумбия. Бакстер сделал образцовую карьеру и как криминалист, и как действующий коп. Он руководил работой полиции в двух самых криминальных городах Америки — Детройте и Восточном Сент-Луисе. Когда он оставил собственно сыск, президент назначил его главой новой государственной комиссии полицейских экспертов. Бакстер всегда был убежденным сторонником взглядов доктора Моррисона на возможность перевоспитать преступников. Но нынешний план был настолько дерзок, что у него захватило дух.

— Вы хотите переделать суперзлодея? — спросил он. — Наметили кого-то конкретного?

— Клетуса Кэседи, — кивнул Моррисон.

— Карнажа?! Это уж чересчур, Чарли, — возразил Бакстер. — Нельзя ли выбрать для начала кого-нибудь попроще?

— Вот и мой ассистент спросил о том же, — подхватил Моррисон. — И я отвечу вам так же, как ему. Моя теория может и будет работать. А чтобы заткнуть критиков, нам нужно нечто особенное. Сенсация для первых газетных полос, чтобы добиться приличного финансирования действительно эффективной программы.

— Мы даже не посадили Карнажа, — сказал Бакстер. — По-вашему, он явится сам, если вы заявите, что хотите его переделать?

— Думаю, я до него доберусь, — ответил Моррисон.

— Как?

¹ *Институт Равенкрофта* — вымышленное заведение для душевнобольных из того же комикса, в отличие от компании, которая существует в действительности.

— Мой план основан на заметке, которую я прочел несколько дней назад. Похоже, что сколачивают команду из самых опасных убийц; их забирают из тюрем по всей стране и свозят в Санта-Розу, штат Калифорния, в особый «мозговой центр». Специалисты собираются их изучить, чтобы предотвратить новые преступления.

— Я тоже об этом слышал, — сказал Бакстер. — Но при чем тут Кэседы?

— Пока ни при чем. Но будет, когда я приведу в действие мой план.

— Чарли, никто не знает даже, где Кэседы живут и шляется. О его привычках вообще ничего не известно — разве что он ненавидит Человека-Паука. Как же вы собираетесь с ним связаться?

— Предоставьте это мне, сэр. Могу ли я считать, что заручился вашим одобрением?

— Я вас и раньше прикрывал, — отозвался капитан Бакстер. — И прикрою снова, если настаиваете. Но, Чарли, подумайте хорошенько. Ваша затея кажется мне очень опасной.

— Значит, вы даете «добро»? — повторил Моррисон.

— Даю, даю, можете действовать.

— Благодарю вас, сэр. Вы первый ознакомитесь с результатами.

Услышав от Моррисона, что план исправления Карнажа одобрен, Рамакришна встревожился не на шутку. Идея была такова: надо скормить Карнажу одну из очищенных вытяжек, полученных Моррисоном. Это вещество было слишком сильным для обычного человека и, скорее всего, убило бы его. Но Моррисон получил из Равенкрофта биологический профиль Карнажа и понял, что тот выживет благодаря уникальному инопланетному метаболизму. Проглотив субстанцию супер-эго, которое является основой совести, Карнаж станет другим человеком, преобразенным изнутри и не способным продолжать свои чудовищные зверства.

По крайней мере, в теории.

Но опыт все равно оставался рискованным. Подобраться к Карнажу было практически невозможно. Однако рискнуть стоило, ибо террор, устроенный суперзлодеем, внушал такой ужас, что казалось разумным попробовать что угодно — лишь бы остановить его.

За несколько следующих дней социальный эксперимент, задуманный в Санта-Розе, привлек к Калифорнии намного больше внимания, чем ожидали его авторы. Благодаря связям Бакстера в средствах массовой информации о нем кричали на всех крупных новостных телеканалах. За его подготовкой пристально следили газеты. Внезапно этот малопонятный эксперимент превратился в величайшую акцию столетия против преступности.

Моррисон готов был поспорить, что Клетус Кэседи, где бы тот ни находился, прослышит об этом и заинтересуется.

В этом смысле теория ученого подтвердилась. Кэседи, затаившийся в предместье Далласа, услышал об эксперименте и действительно заинтересовался. Мышление существа, в которое он превратился, было таким же непредсказуемым, как и его лейтмотив. Мысли были сумбурны и представляли собой дикую окрошку из воспоминаний о прошлом и образов будущего. Но даже у такого разума, зачастую неуправляемого, есть свои слабости. Карнажа влекло к преступлению. В том уголке сознания, где до сих пор обитал маленький мальчик, вынашивались мечты о подвиге. Еще ему нравилось объявляться во всем кошмарном великолепии своей мутации.

В новостях, которые смотрел Кэседи, фигурировали отвратительные отчеты о деяниях всевозможных серийных убийц. Дескать, первый предпочитал старых и немощных, второй был охотником и следовал за жертвой по пятам, третий специализировался в истязании домашних животных. Один был хуже другого.

Карнаж сделал вывод: «С такими ребятами можно и потягаться».

Недавно Кэседи выпал случай узнать о своей способности перемещаться в киберпространстве, и он оценил полезность компьютеров. У хозяев его нынешнего жилья (их трупы уже начали вонять в ванной) была новейшая модель, и Кэседи собрал кое-какие сведения о городке Санта-Роза. Тот находился в центральной части Калифорнии. Население насчитывало двадцать тысяч человек, а до ближайшего крупного города было больше сотни миль. Местечко славилось безмятежностью.

«Это ненадолго», — подумал Кэседи.

Он изучил планы здания, которые были целиком выложены в газетах, и заметил, что самый удобный момент наступит сразу после прибытия убийц в институт. Конвой — бронированная стража, призванная из Вольта¹, — удалится, сменившись куда меньшим отрядом местной охраны.

«Самое время туда зарулить», — решил Карнаж.

Он ощутил растущее возбуждение. Метаморфизировав в черно-красную оболочку своей инопланетной ипостаси, он приготовился действовать.

Серийные убийцы стекались со всех концов страны. Пока не прибыл последний, их держали под охраной в надежном помещении аэропорта. Затем под зорким присмотром стражей посадили в автобус, чтобы провезти последние сто двадцать миль до института. Их было шестьдесят семь: одним едва перевалило за двадцать, другие находились в преклонном возрасте. Перед поездкой все они прошли доскональное соматическое и психиатрическое обследование, после чего были погружены в глубокий наркосинтетический гипноз для дальнейших тестов.

Автобус прибыл в Санта-Розу. Институт представлял собой комплекс из низких белых зданий за оградой под высоким напряжением. Когда автобус остановился перед главным корпусом, его встретил новый отряд охран-

¹ *Вольт* — вымышленная тюрьма для особо опасных преступников; *Vault* — склеп, подвал (англ.).

ников, нанятых учреждением. Они, вооруженные высокотехнологичным оружием от «Щита»¹, препроводили душегубов внутрь.

Карнаж наблюдал за происходящим из купы деревьев. Его неземная черно-красная кожа пульсировала от волнения. Он пребывал в приподнятом настроении, искренне радуясь предстоящей вакханалии в компании единомышленников. Электрический ток, струившийся по забору, едва щекотал его преображенную плоть. Теперь Карнаж просто выгадывал подходящий момент, чтобы приступить к действию.

В институте же Рамакришна спросил у Моррисона:

— А вдруг Карнаж не придет?

— Тогда придумаем что-нибудь другое, — ответил Моррисон. — Мы потратились на шумиху, но это ерунда. Вот если он явится, тогда начнутся проблемы. Проблемы и успехи.

— Будем молиться, чтобы все получилось, — произнес Рамакришна.

Под бдительным присмотром охраны убийц провели по коридорам главного корпуса в конференц-зал. Там их приветствовал Моррисон.

— Мы приступим к опытам через час, — объявил он. — До этого времени вы останетесь здесь. А когда начнем, то убедительная просьба ничего — я подчеркиваю, ничего — не трогать в лаборатории. Там находятся психотропные вещества, которые могут привести к непредсказуемым последствиям.

После этого Моррисон покинул сцену.

Его слова привлекли внимание убийц и вызвали ажиотаж. «Они набили лабораторию первоклассной дурью! Вот бы нам пожить!»

Мешала охрана. Не такая опасная, как стражи, но с лучеметами, тогда как убийцы были безоружны и за-

¹ «Щит» — вымышленная разведывательная организация, где служат супергерои.

кованы в наручники, а потому никто не сумел бы даже выйти из зала.

Среди них был один, который не участвовал в общем приглушенном гомоне. Это был молодой человек с рыжими волосами и отрешенным, почти сонным взглядом. Наконец он повернулся к говорившим и осведомился:

— Ребята, вам действительно нужна эта дурь?

На него посмотрели. Никто его не узнал. Этого типа точно не было в автобусе! Или был?

— Ты кто? — спросил один.

— Ну, таким вы меня не признаете, — ответил чужак. — Но если я нацеплю рабочую шкуру, то, может, и сообразите.

Его одежда и наручники пошли рябью и начали менять цвет и форму. На глазах у всех он окрасился в черное с красным, и его моментально узнали.

— Карнаж! Боже, да это Карнаж!

Те, что находились ближе, отшатнулись. Они слишком хорошо знали о смертоносной непредсказуемости Карнажа.

— Не разбегайтесь, братва! — воскликнул Карнаж. — У нас будет праздник!

Серийные убийцы переглянулись. Послышался шепот:

— Это Карнаж, крутейший чувак! Первый среди мокрушников! Самый знаменитый серийный убийца всех времен!

— Эй, народ, а ну-ка послушайте меня! — крикнул Карнаж. — Вы знаете мой девиз. Ничто не мерзко, если весело. Я прав или я все равно прав?

Аудитория разразилась бешеными аплодисментами.

— А коли так, — вскричал Карнаж, — устроим полный отрыв! Давайте-ка навестим эту лабораторию и узнаем, что за соблазнительная химия там припасена!

Они хлынули из конференц-зала в коридоры и поспешили вверх по лестнице. Охрана скрылась. Моррисон предупредил ее о возможности бунта и велел временно отступить. Охранникам разрешили стрелять на

поражение только при возникновении угрозы для их собственной жизни. И честно говоря, они были рады убраться подальше от твари, которая была не совсем человеком.

Карнаж, будучи в полтора раза выше других убийц, возглавил ораву и увлек ее на последний этаж.

Оказавшись на месте, они помедлили, осваиваясь и приходя в себя. Затем увидели табличку «Лаборатория № 1» и бросились к двери. На той значилось: «Посторонним вход воспрещен», и она была заперта.

Карнаж протолкался к ней, подергал ручку и заявил:

— Если дверь заперта, то это значит, что внутри что-то ценное.

С презрительной легкостью он обрушился на нее и сорвал с петель. Потом вошел в лабораторию, сопровождаемый толпой по пятам. И там остановился.

В дальнем конце комнаты на небольшом возвышении стоял доктор Моррисон в длинном белом халате и с двумя сверкающими пробирками в поднятых руках. За его спиной прятался Рамакришна.

— Мое почтение, док, — произнес Карнаж. — Очень милый прием. Что это у вас в руках? Наверное, что-нибудь необычное.

— Весьма необычное, — спокойно ответил Моррисон.

Он поднял одну пробирку повыше. Ее содержимое было ярко-голубым, кобальтового оттенка.

Карнаж осклабился:

— Уж не восхитительное ли там психотропное вещество, о котором я так много слышал?

— Оно самое, — молвил Моррисон. — Это уникальный образчик умственной функции, известной как суперэго. Мы полагаем, что он усиливает другую, которая называется совестью.

— Совесть в посудине! — воскликнул Карнаж, расплывшись в острозубой улыбке. — Я в восторге!

— В случае успеха, — продолжил Моррисон, — это вещество станет самовоспроизводящимся корректором ваших антисоциальных наклонностей.

— То есть мне больше не захочется убивать? — насмешливо уточнил Карнаж.

— Если выразиться лаконично, то да. Оно дарует вам преобразование, по которому, я знаю, вы стосковались в сокровеннейших родниках своей души.

Карнаж гадко расхохотался и этим лучше всяких слов показал, как относится к мнению Моррисона.

Доктор бесстрашно заговорил дальше:

— Я уверен, что любое разумное существо томится по искуплению, добру и приличному месту в обществе.

— Знаете, док, — сказал Карнаж, — вы ничем не лучше ослов из Равенкрофта. По-вашему, я тайно мечтаю быть добрым? Дайте-ка сюда эту дрянь!

— Осторожнее! — предупредил Моррисон. — Это великая редкость! Бесценная!

— Да неужели?

Карнаж схватил пробирку и раздавил ее в кулаке. Затем под бешеные рукоплескания убийц приспустил костюм со своей рыжей башки и втер липкое вещество в кудри.

— Мне всегда хотелось иметь хорошие волосы, — признался Карнаж. — Авось хоть это поможет. А что в другой пробирке?

— Ничего интересного, — ответил Моррисон, прикрывая пробирку с ярко-красной жидкостью.

Карнаж выдернул ее из пальцев ученого.

— Говорите, док, и не вздумайте врать. Поверьте, я догадаюсь.

— Мне бы это и в голову не пришло, — сухо произнес Моррисон. — В красном веществе находится основа, из которой мы выделили субстанцию супер-эго.

— Основа? Что вы имеете в виду?

— Для извлечения супер-эго сначала нужно получить вытяжку эго.

Карнаж присмотрелся к пробирке на свет.

— Эго, вы говорите?

— В чистом виде. Но у вас его и так полно. Подозреваю, что даже с избытком.

— Бросьте! — возразил Карнаж. — Это слишком много не бывает.

— Подождите! — сказал Моррисон. — Препарат еще не испытан на людях!

— Ничего не поделаешь! Так или иначе я не совсем человек. Я проведу для вас испытание, док. И если мне не понравится...

Карнаж подмигнул душегубам, и те заплодировали, когда он поднял пробирку и выпил содержимое до последней капли.

Наступила тишина. Собравшиеся в лаборатории уставились на Карнажа, пытаясь угадать по странным жестам, что происходит у него в голове.

Рамакришна, следивший за этой сценой, предположил, что конечности не могут выразить всего, что творится в сознании Карнажа. Никакой жест не в состоянии передать внезапного наплыва чувства, которое, должно быть, испытывает Карнаж: чувства самости — абсолютной карнажности!

Самоощущение Карнажа расширилось, как будто взмыл занавес, обнаживший его подлинное «я». То, что Карнаж почитал за данность, предстало во всей ослепительной непосредственности — насколько он драгоценен, какой он особенный, неповторимый, уникальный, незаменимый, невоспроизводимый. Купаясь в ярком внутреннем свете чистого эго, он узрел, до чего прекрасно его тело, как хитроумно оно выточено, сколь изящно оформлено. И увидел это не в сравнении с чужими телами — какое ему дело до чужих? — но сугубо в своем существе, несравненном и несравнимом, где каждый волосок и каждая пора блистали квинтэссенцией его самости.

И коли таково его тело, то какво же сознание? Если бы существовали степени уникальности, его сознание было бы сверхуникальным, чудом за гранью сопоставимого — не потому, что оказалось бы тоньше, глубже или умнее других; другие сознания не имели значения. Главным было то, что именно это сознание, это тело, это сознание-тело принадлежали ему одному — нечто, чего мир не видывал и не увидит впредь.

Карнаж был настолько очарован собой, что мог лишь стоять столбом, погрузившись в самосозерцание. Затем он мало-помалу осознал присутствие убийц, которые так и толпились на пороге лаборатории, подзуживая: «Давай, Карнаж, покончим с этим!», «Не пора ли совершить малюсенькое убийство, а, Карнаж?», «Пора убивать, пора убивать, пора убивать!».

Карнаж припомнил, что когда-то — кажется, давным-давно — он прославился кровавой резней. И пусть он обладал неимоверной силой и почти сверхчеловеческими способностями, он все равно снова и снова рисковал своей жизнью в безумных эскападах умерщвления. Карнаж страдал, его неоднократно ранили люди вроде Человека-Паука и Венома, и он постоянно как-то выкручивался, излечивался и возвращался, чтобы опять убивать и рисковать собой.

— Эгей! Карнаж! Начинай же!

Карнаж тупо уставился на бесновавшихся убийц. Они хотели, чтобы он возглавил их в очередном забеге. В новом походе через адскую вакханалию и кровопролитие. Они желали, чтобы он снова подверг себя риску. Поставил под удар великолепное тело и превосходный ум. Рискнул потерять все то чудесное, чем он является. И ради чего?

Теперь он вспомнил минувшее, те самые времена диких убийств. Как ему было хорошо! Но сейчас стало лучше. Просто чудесно. Он не мог представить себе ощущения краше, чем чувство понимания и любви к тому, кем и чем он являлся.

Переход к действию лишь свергнет его с этого пика. Не вознесет! Он уже на вершине! Выше некуда!

— Док, — обратился он к Моррисону, — эти люди спятили. Похоже, что я и сам был таким, пока не познал себя по-настоящему. Но теперь... нельзя ли как-нибудь вывести меня отсюда?

— Можно, — ответил Моррисон. — Но надо поторопиться. Эти убийцы осатанеют, когда поймут, что вы их предали.

— Ну и что? — сказал Карнаж. — Эти дебилы ничего не смыслят. Я знаю, как лучше. Лучше, когда я балдею

от собственной персоны, а не лезу в дурацкую ситуацию, где могу пострадать.

— Идемте, — пригласил Моррисон.

Он тронул кнопку на стене. Отъехала потайная панель. Они с Карнажем нырнули внутрь и отгородились прежде, чем убийцы пустились вдогонку.

Рамакришна тоже был там. Нажав другую кнопку, чтобы вернуть на место панель, он поспешил за Моррисоном и Карнажем по длинному, тускло освещенному коридору. Эта же кнопка включила сирену, подав сигнал охранникам. Они возьмут негодяев в кольцо.

— Куда вы меня ведете? — спросил Карнаж.

— В место, где вам, я полагаю, понравится, — ответил Моррисон.

В конце коридора была дверь. Моррисон отворил ее и пропустил Карнажа вперед.

Карнаж очутился в залитом светом помещении. Оно было сплошь зеркальным — стены, пол и потолок. Карнаж уставился на свои отражения.

Он был заморожен своим видом со всех сторон. Он увидел себя в бесчисленных ракурсах, вдаль и вблизи. Все образы были хороши и отличались друг от друга.

Он и знать не знал, насколько прекрасен. Лицо выражало незамутненную красоту, душа испытывала беспредельный восторг. Взирая, он еще глубже проникал в собственное сознание, еще дальше вторгался в волшебную и незаменимую самосущность.

Похоже, эксперимент Моррисона удался. Все шло безупречно, за исключением одного.

— Док.

— Да, Карнаж?

— Здесь слишкомлюдно. Вы не могли бы убраться ко всем чертям?

— Разумеется, — сказал Моррисон. — Больше ничего не хотите?

— Я получил все, что нужно. Себя!

Моррисон кивнул и движением головы велел Рамакришне выйти. Ассистент подчинился.

— Уже лучше, — отметил Карнаж, оставаясь прикованным к своим отражениям. — Но как насчет вас?

— Сейчас уйду, потерпите минутку, — отозвался Моррисон. — Мне только хочется задать вам несколько вопросов.

Рамакришна наблюдал за происходящим через смотровое окошко. Он слышал разговор благодаря акустической системе, которой была оборудована комната.

До него донеслись слова Карнажа:

— Я не хочу отвечать ни на какие вопросы.

— Это займет всего минуту, — настаивал Моррисон. — Мне нужно для отчета.

Карнаж, продолжавший пялиться в зеркало, раздраженно хрюкнул. Рамакришна решил, что дело в Моррисоне, который отражался позади маньяка.

Это подтвердилось следующей репликой Карнажа.

— В зеркале место только для одного! — взревел преступник.

Он развернулся и вдруг навис над Моррисоном, огромный и ужасный.

Моррисон метнулся к двери. Но не успел он добежать, как Карнаж настиг его. Расправа была невероятно жестокой. Темная кровь Моррисона забрызгала зеркала. Ее вид вернул Карнажа в помраченное состояние. Он набросился на дверь.

Рамакришна кликнул охранников, но те опоздали. Карнаж восстановился. Убийство доктора Моррисона, кровь на зеркалах — все это вернуло его подлинное естество. Он вырвался из зеркальной комнаты и был таков.

Охрана без труда утихомирила убийц, и ход эксперимента продолжился обычным порядком.

Доктора Моррисона похоронили в закрытом гробу.

Все это Рамакришна поведал, выступая в Венеции без малого через год.

— Терапия доктора Моррисона, — заключил Рамакришна, — не годится для обычного человека. Но для суперзлодея вроде Карнажа она подошла идеально и доказала теорию, которую впервые выдвинул Зигмунд Фрейд:

насилие возникает не вследствие избытка эго, а при его недостатке. При крайнем усилении функции эго организму больше незачем самоутверждаться посредством агрессивных импульсов. На этой стадии он переходит в состояние, которое можно назвать последней стадией нарциссизма. Этот парадоксальный эффект субстанции эго был тайным оружием доктора Моррисона, и Карнаж пал его жертвой.

— А как вы охарактеризуете эту последнюю стадию, доктор Рамакришна? — спросили из зала.

— Как абсолютный нарциссизм — состояние, отличающееся пассивностью и непрерывным самосозерцанием. Субъект пребывает в нем постоянно, пока находится в зеркальной комнате, которую принимает за убежище, однако на самом деле это тюрьма. Вот что должно было случиться и почти случилось.

Помедлив, Рамакришна добавил:

— Именно поэтому я назвал метод доктора Моррисона успешным, несмотря на провал. Все было бы хорошо, если бы он обуздал свое желание задать еще несколько вопросов. Если бы он сразу оттуда ушел. Если бы Карнаж не увидел кровь доктора на зеркалах.

Кто-то спросил:

— Вы думаете, что этот метод можно испытать еще раз?

— Не вижу причин считать эксперимент проваленным, — ответил Рамакришна. — Но сомневаюсь, что его удастся повторить. Для обычного человека он не подходит. А Карнаж теперь знает о нем и больше не позволит себя обмануть. Эксперимент был успешным, леди и джентльмены, но пациент не излечился.

У каждого старинного рода есть уникальная черта, которая передается из поколения в поколение, и наследственная черта Крафтеров — магическая сила. Творить опасные заклинания и добиваться от потусторонних сил сотрудничества для них дело обычное — как и защищаться от обвинений в колдовстве, и вступать в противоборство с другими, не столь человеколюбивыми чародеями. Рассказ «Печать Соломона» был написан для сборника «Крафтеры», составленного Кристофером Сташеффом и Биллом Фосеттом в 1991 году.

ПЕЧАТЬ СОЛОМОНА

1685 год от Рождества Христова

Проходя по Брайдлпасу, Самона услышала, что в доме Эдвина Лэпторна кто-то плачет — негромко, но очень горько. Она постучалась, но ей никто не ответил. Самона стояла на пороге и не знала, что делать.

Они с Эмером поженились три года назад. Когда должен был появиться на свет их первый ребенок, они оставили любимый домик Эмера в горах и переехали в небольшой Рок-Харбор, который располагался к югу от Бостона. В городе были доктора для их малютки, а близость Гарвардского колледжа позволяла Эмеру пользоваться старинными книгами и рукописями для изысканий в области магии.

Крафтеры вели замкнутый образ жизни. Меньше всего им нужны были проблемы с соседями на почве колдовства или алхимии. И особенно не хотелось связываться с Эдвином Лэпторном. Сомнительная репутация сопровождала этого ювелира, как вонь скунсу.

Но в доме Лэпторна плакал ребенок.

Самона снова постучалась, на этот раз громче.

— Эй? Есть кто-нибудь дома?

Самона почти ничего не знала о Лэпторне, но в том 1685 году в Рок-Харборе о нем ходило много слухов. По слухам, в Англии у него были проблемы. Какого рода

проблемы, никто не знал, но поговаривали, что дело было предосудительное и даже пахло потусторонними силами. Он успел сбежать из-под носа у королевских констеблей — сел на борт барка «Дора» и отбыл из Плимута в Бостон. Лэпторн тихо жил на окраине Рок-Харбора, но отчего-то он не пришелся горожанам по душе. Может, им просто не нравилось его вытянутое лицо с ввалившимися щеками, черные сросшиеся брови и бескровные губы, которые он кривил в неискренней улыбке.

У Самоны не было желания связываться с этим человеком, но в его доме плакал ребенок, и она встревожилась, не случилось ли с малышом чего плохого.

Она должна войти и выяснить!

Самона расправила плечи. Высокая красивая молодая женщина с длинными черными волосами и темными глазами. Лицо надменное и притягательное, а фигура так хороша, что самое скромное платье не может скрыть все ее достоинства. Самона толкнула дверь, и та оказалась не заперта.

Она вошла в старый дом с высокими потолками.

Вышла Самона спустя десять минут. Она была потрясена до глубины души. Немедленно вернувшись домой и убедившись, что ее малышка Эми, которой тогда было год и два месяца, спокойно спит в своей кроватке, Самона прошла в гостиную и рассказала Эмеру о том, что ей довелось пережить. Муж, хоть и не был настроен, слушал историю о человеческой жестокости и все больше мрачнел.

— Я поговорю с этим господином, — в итоге сказал он.

После чего Эмер надел плащ и шляпу и вышел из дома на поиски Эдвина Лэпторна.

Лэпторна Эмер обнаружил в момент, когда ювелир выходил из таверны Джосайи на Стейт-стрит. Раньше они только раскланивались, но никогда не разговаривали.

— Сэр, — обратился к Лэпторну Эмер, — случилось так, что некоторое время назад моя жена проходила

мимо вашего дома. Она услышала плач ребенка и взяла на себя смелость войти...

— В мой дом, сэр? Она просто взяла и вошла в мой дом?

— Именно так, сэр.

— Она и впрямь взяла на себя слишком большую смелость, — проворчал Лэпторн.

Ювелир был очень высок, имел волосы черные, густые и жесткие, как проволока. Ходил он в треуголке. Лицо у него было обветренное, плохо выбритое и с красными пятнами на скулах — он злоупотреблял спиртным. Тонкая верхняя губа была вздернута шрамом, который тянулся вертикально по щеке, и из-за этого казалось, что Лэпторн постоянно ухмыляется.

— Ваша жена не имела права входить в мой дом, сэр.

— Возможно, сэр. Но она обнаружила, что ребенок, который живет с вами, оказался в плохой ситуации.

— Дуглас в плохой ситуации? Этот ребенок вполне способен о себе позаботиться.

— Когда Самона нашла его, он висел вниз головой, зацепившись ногой за верхнюю ступеньку лестницы, что ведет в погреб, и кричал как резаный.

— А я-то думал, что он и дверь открыть не сумеет! Толковый мальчишка, хоть и идиот! Вряд ли он пострадал. Этот малый сделан из каучука.

— Он из плоти и крови, сэр, — сухо заметил Эмер. — Как и все мы. Ваш ребенок заслуживает того, чтобы о нем лучше заботились.

— Видите ли, этот идиот не мой ребенок, — сказал Лэпторн. — Он достался мне от бывшей экономки. Та внезапно померла от лихорадки, а я по доброте душевной согласился за ним присматривать. Он питается лучше, чем многие в этом городе. Но даже если бы я морил его голодом, сэр, или сек, это бы вас не касалось. То, что происходит в доме, — дело хозяина. Ваша жена не имела права.

— Безопасность ребенка была под угрозой, — упорствовал Эмер.

— Даже если и так, это не ваша забота. Если вы только сами не решили, что это так.

Эмера очень удивила жестокость собеседника и его неожиданно агрессивная реакция. Лэпторн сжал кулаки, шрам на щеке налился кровью. Ситуация грозила выйти из-под контроля. Было ясно, что Лэпторн не подарок и напрашивается на неприятности. Стоило ли ради маленького идиота, который ничего не понимает, продолжать разговор, который мог очень плохо закончиться?

— Это мое последнее слово, — сказал Лэпторн. — И передайте вашей жене, чтобы держалась подальше от моего дома. Если она снова войдет без приглашения, может случиться, что подвешенным за ногу окажется уже не Дуглас.

Эмер весь подобрался. Он был худой, черноволосый и упорный. Напряжение его тела было направлено вперед и явно несло угрозу для собеседника. Голубые глаза Эмера сверкали, а волосы, казалось, встали дыбом.

— Сэр, вы сейчас угрожали моей жене? — понизив голос на пол-октавы, спросил он.

Двое мужчин несколько секунд молча смотрели друг на друга. Шея Эмера начала краснеть, вены вздулись от злости, он уже с трудом себя сдерживал. Но тут Лэпторн рассмеялся и отвел взгляд.

— Это была шутка, сэр. Я бы никогда не стал угрожать леди. Но надеюсь, что ваша супруга больше не переступит порог моего дома без приглашения, в противном случае ее может ждать крайне неприятное испытание. И это будет не моих рук дело. В моем доме, сэр, существует система защиты, которую я не использовал до этого инцидента. Но теперь я ее применю. Я вас предупредил. Хорошего вам дня, сэр.

Лэпторн приподнял шляпу и зашагал прочь.

Эмер вернулся домой и рассказал Самоне о своей встрече с Лэпторном. Самона надолго задумалась. В глазах у нее была грусть, она смотрела куда-то вдаль, не

брежно ворошила веткой угли в камине и не сразу заметила, когда та загорелась. Она бросила ветку в огонь и сказала:

— Мне интересно, что он там скрывает.

— Свое бездушие и жестокость по отношению к Дугласу. Так, я понял, зовут ребенка. Что же еще?

— Сомневаюсь, — произнесла Самона.

— Почему?

— Слишком тривиально. Никого здесь не волнует жестокое обращение с малолетним идиотом. Кроме нас.

— Перестань, дорогая. Прихожане местной церкви будут очень недовольны, если об этом узнают.

— Нет, я думаю, нашего господина Лэпторна заботит нечто другое, — возразила Самона. — В его доме происходит что-то гораздо более серьезное.

— Это не наше дело, — сказал Эмер. — По королевским законам всяк человек волен заниматься у себя дома, чем захочет.

В тот момент Самона вынуждена была согласиться с мужем.

В доме Лэпторна Дуглас сидел на маленьком табурете в углу рядом с камином. У него была большая голова, бессмысленное выражение лица, слюнявый рот и бессмысленные глазки-пуговики. Дуглас был из терпеливых идиотов, он мог часами сидеть в углу и играть с паутиной, сосредоточенно расплетать и сплетать, при этом ни разу не порвав нить.

— Пора, — сказал Лэпторн Дугласу.

На лице идиота промелькнуло выражение ужаса. Глядя на этого ребенка, можно было поклясться, что он понял, о чем говорил Лэпторн. Но Дуглас не сопротивлялся, когда ювелир провел его в специальную комнату. Там Лэпторн уложил мальчика в привычную позу на каменные плиты, нарисовал вокруг его тела пентаграмму и начал читать заклинание.

В тот вечер казалось, что это будет длиться вечность. Потом свечи вспыхнули ярче, хотя воздух в комнате даже не пошевелился.

Этого и ждал Лэпторн. Наступил великий момент, когда созвездия, пройдя по огромному кругу, приняли нужную астрологическую конфигурацию.

Дуглас лежал неподвижно. Лэпторн приготовился. На маленьком алтаре в задней комнате уже стояли черные свечи и особым образом приготовленный корень мандрагоры в оловянной миске. Дверь в эту комнату ювелир, опасаясь любопытных глаз, всегда держал запертой, и ставни на окнах тоже. Лэпторн склонился перед алтарем.

— Я обращаюсь к вам, о Седрах, Асмодей и Велиал. Внемлите же мне. Дайте то, чего я прошу, и я отплату сторицей. И в подтверждение этого — вот моя кровь.

С этими словами Лэпторн уколол большой палец бронзовым пером. Капелька крови набухла и покатилась по желтому металлу.

Свеча задрожала в оловянном подсвечнике и едва не погасла. Пергамент в окне натянулся, задвижки затрещали. Они давно враждовали с ветром.

— Выходи, — сказал Лэпторн, обращаясь непосредственно к Дугласу.

Лицо идиота начало меняться. Он скривился, открыл рот, изо рта вылетело облачко густого тумана. Оно повисло в воздухе, вбирая слабое сияние свечи, а потом окутало лицо Дугласа. Когда оно рассеялось, лицо идиота стало другим.

— Как тебя зовут? — спросил Лэпторн.

— Я Каспардутис, — ответил голос. — Я был известен в Древнем Египте. Меня знали в лабораториях алхимиков. Я беседовал с Парацельсом и Альбертом Великим.

Это была элементарь — одна из сущностей, известных еще в ранней Античности. Они не очень вписываются в теорию магии и не могут служить какой-то одной стороне.

— Ты явился в ответ на мое заклинание, — сказал Лэпторн.

— Так и есть. И я умоляю освободить меня.

— Не так скоро, мой прекрасный эфирный друг! Ты знаешь, чего я хочу.

— Того же, что и в прошлый раз, — сказал идиот.

— И в следующий раз я захочу того же. Итак, что ты мне принес?

Мальчик раскрыл ладони и показал ювелиру пригоршню драгоценных камней. Там было несколько неограниченных рубинов, большой сапфир, маленький, но безупречный изумруд и совсем мелкие камни.

— Они хороши? — спросил Каспардутис.

— Подойдут, — ответил Лэпторн. — Где ты их добыл?

— Я знаю черный ход в пещеру Али-Бабы. Но там опасно.

— Отправься туда сейчас же и принеси мне еще! А потом еще!

— И сколько, господин?

— Столько, сколько я скажу.

Идиот кивнул, потом один раз моргнул и закрыл глаза. Голова упала ему на грудь. Спустя несколько секунд он поднял голову. Это снова был Дуглас. Все признаки разума исчезли с его лица; они появятся лишь в тот момент, когда плененный Лэпторном дух вновь окажется в его теле.

Вскоре Лэпторн открыл в Южном Бостоне ювелирную лавку. Дела у него сразу пошли в гору. Люди даже из Провиденса приезжали, чтобы полюбоваться прекрасными рубинами с Цейлона, изумрудами из Колумбии и жемчугом южных морей. Они не только любовались, но и покупали. Несмотря на сложности в отношениях между колонией и Англией, Бостон был процветающим новым городом и рос как на дрожжах, так что торговля шла бойко. В колонии было много денег и не так много товаров, которые можно на них купить. Ювелирная лавка Лэпторна напоминала о красоте и декадансе Европы, откуда еще недавно прибыли многие поселенцы. Пуритане, конечно, осуждали роскошь и расточительность, но

обыватели находили объяснения тому, почему им просто необходимо иметь вот эту брошь, или вон то колье, или этот единственный в своем роде перстень.

Лэпторн богател. И пусть он не нравился Эмеру, трудно поставить человеку в вину его богатство. Эмер не вспоминал о нем, пока не начались убийства коров. Потом в густом лесу, еще хранившем память о диких индейцах, стали пропадать дети. Случился страшный пожар, который уничтожил половину города, а затем пришла чума и унесла множество жизней.

Отношения Эмера со старейшинами города нельзя было назвать хорошими. Этот человек никогда им не нравился, и они не одобряли его образ жизни. Эмер редко посещал церковь, и ходили слухи, что он занимается магией. Городские колдуны и ведьмы тоже его не любили, потому что он открыто выступал против темных сил. Но теперь Бостону потребовалась его помощь. Казалось, на город опустилось какое-то проклятие. Плохо было всем, кроме Лэпторна, который продолжал наживать.

— Все это похоже на нечестивый договор с дьяволом.

Так сказал Эмеру Чарльз Свенсон, известный местный маг, который рискнул потягаться с Лэпторном с помощью черной магии. Теперь Свенсон хромал. Этот Лэпторн явно стакнулся с нечистой силой. Чтобы его побороть, нужна магия другого сорта.

— Вы должны что-то предпринять, — сказал Свенсон.

— Это не моя битва, — ответил ему Эмер.

Следующим посетителем был Обада Винтер, глава местной конгрегациональной церкви.

— Сэр, мы слышали, что вы довольно сильный маг. Нам нужна ваша помощь.

Эта беседа происходила в гостиной Эмера. Ярko горели сальные свечи. Винтер был крупным мужчиной с мрачным лицом, набожным и без чувства юмора. Он не стал ходить вокруг да около.

— Мои прихожане хотят, чтобы я обсудил с вами один вопрос, сэр.

— Выкладывайте, сэр.

— Вы знаете ювелира, который недавно поселился у нас? Этого Лэпторна?

— Слышал о нем, но мы не встречались.

— Господин Эмер, с вашего позволения, я буду говорить прямо. С тех пор как этот человек приехал, город преследуют напасти.

— Это совпадение, — сказал Эмер. — Вы не можете поставить ему в вину случайные события.

— И вы ничего не предпримете, сэр? Нам известно, что вы обладаете определенной силой.

— Я подумаю об этом, — ответил Эмер.

— Суеверный глупец, — сказал он Самоне после ухода Винтера.

— В данном случае он прав. Ты же знаешь, что Лэпторн — причина всех здешних неприятностей.

Эмер сидел у камина и изучал пергамент, который выписал из Амстердама. Считалось, что в этом средневековом манускрипте можно найти ключ к тайнам алхимии.

— Причина чего? — переспросил Эмер и вернулся к своему манускрипту. — Знаешь, у некоторых древних алхимиков возникали очень даже неплохие идеи. Позволь, я зачитаю отрывок.

— Ты слышал, что я сказала?

— Слышал, дорогая, но я в это не верю.

— Ты действительно не веришь, что Лэпторн приносит беды?

Эмер нахмурился. Он собирался провести вечер за изучением амстердамского манускрипта, а теперь понял, что придется обсуждать Лэпторна.

— Милая, — сказал Эмер, — все это совпадение, и ничего больше.

— Я знаю, что такое совпадение, — насупилась Самона, — и каковы признаки присутствия дьявола. Я на днях посмотрела на Лэпторна в ракурсе ясновидения.

— В самом деле? — заинтересовался Эмер.

Он много лет работал над принципами магии, выделяя их из законов алхимии. Вооруженный этими знаниями, Эмер мог действовать в обоих мирах, как в естественном, так и в сверхъестественном. Он всегда говорил, что ситуация сложна: хотя сверхъестественные вещи порой действительно происходят, это все же суеверия, которыми пользуются люди, стремясь объяснить то, что не способны понять. И магия, и наука существуют, но прежде, чем искать объяснение какого-либо явления в магии, необходимо использовать все научные подходы.

Как ученому, Эмеру магия не давала покоя. Из-за нее возникали моменты, которые просто не поддавались исчислению, и обстоятельства, которые никогда не повторялись. Если бы они были исчисляемыми и повторялись, тогда бы имели отношение к науке. А раз уж это не так, они должны иметь отношение к магии.

Эмера тошнило от того, что его жизнь управляется иррациональными элементами. Он бы хотел, чтобы все сводилось к науке и разуму. Но жизнь диктовала иное.

А еще Эмер был честен. Он знал, что у Самоны природная склонность к магии. Она обладала талантами, которых не было у него. Ясновидение — лишь один из них. Этим даром обычно, но не исключительно, обладают женщины, ведьмы. Когда складывались подходящие условия, Самона могла разглядеть за внешним, ложным, глубоко укрытую истину. Ясновидение позволяет увидеть последствия, но выдает такую путаную и смазанную картинку, что только по прошествии времени можно ее понять.

Поскольку Эмер не обладал подобным талантом, ему было очень даже интересно послушать рассказ о том, как воспользовалась ясновидением Самона.

— И что же ты обнаружила? И при каких обстоятельствах это было?

Самона задумалась. Золотистый свет камина освещал ее прекрасное лицо. Ветер снаружи шелестел листвой и раскачивал ветви. Были слышны сверчки. Это было вечером на закате лета.

— Я решила прогуляться до благотворительного общества Симпсон, отнести обещанную шаль. Лэпторн шел по другой стороне улицы. День был пасмурный, его плащ развевался на ветру. И я увидела на плаще лицо.

— Игра воображения! — разочарованно воскликнул Эмер.

— Не думаю. Я почувствовала сверхъестественное, которое так часто сопутствует ясновидению. Ощущение странного очарования. И это лицо с плаща заговорило со мной.

— Ты хочешь сказать, что оно заговорило вслух?

— Не знаю. Возможно, то, что произносилось, не было слышно другим. Но лицо обратилось ко мне: «Выручи! Мне нужна помощь!»

— Кому оно принадлежит?

— Я не знаю.

— Может, это было лицо Дугласа, идиота?

— Нет, не его.

— Ты видела это лицо раньше?

— Никогда.

— Можешь его как-нибудь описать?

— Могу лишь сказать, что это не лицо человека.

Эмер громко откашлялся, нарушив тишину в комнате. Он встал с кресла и заходил взад-вперед по дощатому полу, сцепив руки за спиной. Его длинные черные волосы, повязанные черной лентой, наполовину выбились и закрыли одну сторону лица. Он был сосредоточен и зол.

— Самона, помнишь, почему мы переехали сюда, в Рок-Харбор?

— Да, помню.

— Тогда расскажи.

— Мы переехали, чтобы пожить вдалеке от магии и от тех, кто знает, какой силой мы обладаем.

— И почему мы так решили?

— Эмер, прошу тебя!

— Нет, ты ответь — почему?

Самона понизила голос до шепота:

— Мы устали от одиночества, устали бояться.

— Вот и я так считаю, дорогая. Мы уехали и решили жить простой разумной жизнью, без всякого колдовства. Правильно?

— Правильно.

— Тогда почему ты применила ясновидение?

— Эмер! Нет вреда в том, что я его применила! Никто не заметил! Я сделала это с единственной целью: понять, что он за человек.

— Почему ты считаешь, что никто не заметил?

— Ты не хуже меня знаешь, что на такое способен лишь тот, кто обладает волшебной силой. В городе таких людей нет, только мы.

— И Лэпторн, — добавил Эмер.

— Лэпторн — колдун? Ты уверен?

— Вспомни, что ты мне о нем рассказывала.

Самона подумала и кивнула:

— Да, наверняка он маг. Судя по его поведению, другого и не скажешь.

— И теперь, — произнес Эмер, — он знает, что ты ведьма, и, возможно, подозревает, что я колдун.

— Эмер, я об этом не подумала!

— Ты давно не практиковала, — сказал Эмер. — И поэтому тебя могли обнаружить.

— Но Лэпторн меня не видел. Меня видело только лицо на его плаще.

— А кто приказал этому лицу появиться на плаще? Плащ не чей-то, а Лэпторна.

— Да, пожалуй, ты прав, — согласилась Самона. — Но нет ничего дурного в том, чтобы пользоваться ясновидением. Может, все обойдется.

— Будем надеяться, — сказал Эмер. — Мы переехали в Рок-Харбор не для того, чтобы ввязываться в бессмысленные войны колдунов.

В течение нескольких следующих недель в маленьком Рок-Харборе происходили сверхъестественные события. По ночам горожане слышали жуткие звуки. Напри-

мер, зловещее пение летучих мышей, которые в огромных количествах собирались в лесу возле города. К их пению присоединялись леденящее кровь уханье сов, твяканье росомах и рычание волков. Лэпторн продолжал процветать, а вот богатство местных жителей таяло. Повсюду появлялись стаи мелких черных насекомых, и трудно было определить, какого они происхождения, естественного или нет. Но хуже всего было то, что маленькая Эми заболела лихорадкой. Это и подтолкнуло Эмера к действиям.

Эмер вызвал свою личную элементарь. Благодаря изысканиям в области алхимии он давно знал, что эфир полнится разнообразными диковинными сущностями. Они реагировали на естественные законы, выраженные через алхимические манипуляции. Эти создания не были людьми. Их мотивации были непонятными и порой шокирующими. Но элементарь могли оказать помощь алхимику, если тот относился к ним с уважением.

Эмер сжег определенные химикаты и повторил заклинания. Вскоре элементарь откликнулась на его зов. Робин Гудфеллоу — так звал эту сущность Эммер — появился в огромной стеклянной реторте. Он был не больше пяти дюймов ростом, имел лицо в форме сердечка, как у эльфов, и длинные острые уши.

— Вечно ты зовешь меня в самый неподходящий момент, — проворчал Робин.

Он был почти бестелесным и скорее походил на танцующий за стеклом язычок пламени, который в зависимости от настроения меняет свой цвет.

— Прошу прощения, — сказал Эмер. — Может, в другой раз?

Он уже знал, какие неприятности можно накликать, заставляя элементарь сделать что-то против ее воли.

— Нет, все в порядке, — сказал Робин. — Так уж случилось, что сейчас я располагаю временем. Собираюсь на бал-маскарад — Оберон его устраивает в Пойктесме. Но бал отменили из-за сидерических эффектов злой природы, так что я к твоим услугам.

Эмеру хотелось расспросить Робина о том, кто такой Оберон, и что за бал-маскарад он устраивает, и что это за место — Пойктесме. Но он предпочел перейти к делу. Эмер рассказал Робину о Лэпторне, о мистических событиях, которые произошли в Рок-Харборе после появления ювелира, и о том, что обнаружила Самона в его доме.

— И чего ты от меня хочешь?

— Я буду очень признателен, Робин, если ты побываешь там, а потом расскажешь мне об увиденном.

— А почему сам не пойдешь?

— Это крайне затруднительно. После того как к Лэпторну без приглашения зашла Самона, он установил защиту.

— Ладно, загляну, — пообещал Робин.

В тот вечер Эмер собрался просмотреть бумаги в своем кабинете и заметил танцующий в большой стеклянной реторте зеленый язычок пламени.

— Робин, это ты?

— Кто же еще.

— И ты побывал в доме Лэпторна?

— Попытался. Но это место окружено страшной магией. Я попробовал незаметно проникнуть внутрь через замочную скважину, но меня что-то схватило за волосы и потянуло в дом. Я быстро смылся, можешь мне поверить.

— Итак, я знаю не больше, чем раньше, — печально заметил Эмер.

— Сейчас все-таки узнаешь больше. Твои подозрения по поводу другой элементали подтвердились. Я даже издали почувствовал ее присутствие.

— Это он не впустил тебя в дом? Он сильнее, чем ты?

— Я бы не сказал, что сильнее, — ответил Робин. — Но вокруг этого дома много зла, самого черного зла.

— А есть ли способ туда проникнуть?

— Для тебя — да, — сказал Робин. — Надо только использовать надлежащее заклинание.

— Какое именно?

Робин Гудфеллоу уселся на пустоту внутри реторты. На нем была красно-коричневая блуза с широкими рукавами и зеленая туника. Лицо в форме сердечка было орехового цвета и все в морщинках.

— И что же такого должен сделать дух, чтобы ему дали подкрепиться в твоём доме? — сердито спросил он.

— Пожалуйста, извини, — сказал Эмер. — Я для тебя кое-что приготовил.

После этих слов он опустил в реторту кувшинчик с молоком и тарелку с медовыми коврижками, которые Самона испекла накануне вечером. Робин попробовал и остался доволен. Насытился он быстро, ведь элементы питаются духом вещей и не нуждаются в земной пище. Покончив с едой, Робин аккуратно вытер губы крохотным кисейным платочком.

— Мой дорогой Эмер, есть ли у тебя в библиотеке четвертая книга великого Альберта Магнуса? — спросил он.

— Да, есть, — ответил Эмер. — Я ее изучал.

— Помнишь ли ты заклинание из четырнадцатого раздела, который называется «Появление в зоне воздействия злых сил»?

— Я хорошо его помню. Но оно не работает. Я много раз пытался использовать это заклинание, и безрезультатно.

— Мастер Альберт записал его слегка неправильно, — сказал Робин. — Третье слово начинается с «бет» на древнееврейском языке. Поменяй «бет» на «шин» — и увидишь, что получится.

— Вот так просто?

— Магия вообще простая штука, — сказал Робин, — если знаешь, как ей пользоваться.

После ухода Робина Эмер быстро отыскал книгу великого Альберта и исправил ошибочно написанное слово. Теперь он был готов войти в дом Лэпторна. Но оставалась еще одна проблема. Ювелир, видимо, чувствовал, что против него работает чужая магия, и выходил из

дома лишь изредка и ненадолго, за продуктами. Определенного распорядка у него не было, так что предугадать, когда он выйдет в следующий раз, было невозможно. Эмер прождал два дня, четыре, неделю, а удобный случай все не подворачивался. Он уже был близок к отчаянию.

Однажды вечером они с Самоной обсуждали эту проблему. Эмер пребывал в очень плохом настроении, так как беседа пришлась на часы, которые он обычно посвящал своим исследованиям. К тому времени в городе размножилось самое разнообразное зло. Среди горожан росла паника. Все чаще случались явления сверхъестественного и вредоносного характера: град из лягушек; внезапное высыпание жалящих червей; диковинные летучие мыши с красной шкуркой, которых никогда раньше не видели в округе. И конца этому не было видно.

— Все это мне крайне не нравится, — ворчал Эмер. — Лэпторн даже забросил свой ювелирный бизнес. Он будто знает, что я планирую действия против него, и держит ухо востро. Если бы он всего только на час вышел из дома! Даже часа хватило бы.

— Если часа тебе достаточно, — сказала Самона, — думаю, я смогу помочь.

— И как ты собираешься это сделать?

— Господин Лэпторн весьма ко мне равнодушен.

Эмер удивленно вскинул брови:

— Разве он не злится из-за того, что ты заходила в его дом?

— Так и было. Но под этой злостью прячется другая, более сильная, которая возникла по той причине, что я не отвечаю взаимностью на его симпатию.

— Откуда ты знаешь, что он к тебе равнодушен? Это какие-то ведьмовские дела?

— Это женские дела, — невозмутимо ответила Самона. — Магия тут ни при чем.

— Что бы ты ни задумала, — сказал Эммер, — мне это не нравится. Не хочу, чтобы ты рисковала.

— Я в состоянии о себе позаботиться, — сказала Самона, — и ты прекрасно это знаешь.

— Самона! Мы же договорились: ты больше не будешь применять магию!

— Я и не собираюсь, существуют другие способы отвлечь мужчину, — скромно ответила Самона. — Господин Лэпторн сейчас дома?

— Он пошел в таверну — наверное, за пивом, как обычно.

— Тогда я могу выйти и повстречаться с ним на улице. Будь наготове, Эмер, потому что я дам тебе не больше часа.

— Как ты поступишь? — спросил Эмер.

— Не спрашивай о том, что может причинить тебе ненужную боль. Мы должны это сделать, Эмер! Не только для города, но и ради нас самих, и ради нашей Эми!

— Что ж, так тому и быть.

— Господин Лэпторн! Какая удача, что я вас повстречала! — сказала Самона.

Ювелир остановился с кружками пенящегося пива в руках и связкой сосисок под мышкой.

— Госпожа Крафтер! Никогда бы не подумал, что вы будете рады меня видеть.

— Считаете, что я злюсь из-за запрета входить в ваш дом?

— Ну да, — сказал Лэпторн. — Женщинам не нравится, когда им указывают, как себя вести, даже если это делается ради их же блага.

— Одним не нравится, а другим нравится, — с притворной улыбкой ответила Самона.

Ювелир был глуп как пробка, а потому не заметил фальши в ее поведении. Решил, что оно вызвано его особыми мужскими качествами.

— Господин Лэпторн, я слышала, что вы переселились из Англии.

— Я когда-то жил в Плимуте, — осторожно ответил ювелир.

— У меня есть родственники в тех краях, — сказала Самона. — Мне было бы так приятно, если бы вы прогулялись со мной до складов и рассказали об этом прославленном городе.

— Ничто не доставит мне большего удовольствия. Гавань Плимута...

Они вместе шли по улице, и Лэпторн болтал без умолку.

Подойдя к дому ювелира, Эмер почувствовал озноб. Казалось, от порога на него накатывают волны холода. А пока Эмер шагал по извилистой тропинке, которая бежала к дому от улицы, старый вяз слева склонился в его сторону, хотя ветра не было вовсе. В воздухе не смолкая гудели и жужжали невидимые существа.

Эмер не видел, откуда в него полетела головешка и кто ее бросил. Эмер успел увернуться. За куском пылающего дерева последовал другой, третий... Эмер, увертываясь, быстро произнес заклинание Альберта Магнуса в исправленной версии, с «шин» вместо «бет». Дождь из искр мгновенно прекратился. Эмер попробовал открыть дверь, она без труда поддалась.

Только что зашло солнце, и в доме было темно. В камине догорали угли. Где-то зловеще и неритмично тикали старинные напольные часы. А больше ни звука, словно даже мыши задержали дыхание. Эмер перешагнул через порог и призраком заскользил по длинному коридору, только тускнеющие полоски солнечного света освещали ему путь. Подумалось, что долина смертной тени начинается в солнечном месте.

А потом на пути возникла дверь. Эмер повернул ручку — заперто. Снова пришлось воспользоваться заклинанием Альберта. Или это Лэпторн нарочно не запер должным образом? Эмер знал: никогда нельзя быть уверенным в том, что является следствием, а что причиной. Войдя в комнату, он увидел сидящего на стуле маленького идиота.

— Ты тот самый мальчик? — спросил Эмер.

— А ты кто такой, черт тебя побери?

Мальчик заговорил на удивление густым басом, это был голос разумного мужчины с приличным жизненным опытом.

— Кто ты? — спросил Эмер.

— Каспардутис. Меня вызвали в этот круг.

— Элементаль?

— Так и есть.

— Почему ты занял тело ребенка?

— Потому что меня сюда заманили.

— Заманили? Каким образом?

Идиот медленно повернул голову и с любопытством оглядел Эмера. Потом он рассмеялся:

— А ты наглец, если посмел вот так заявиться в дом Лэпторна. Или ты его сначала убил?

— Если бы убил, разве ты, с твоими-то силами, не знал бы уже об этом?

— Сил у меня достаточно, — запальчиво произнес Каспардутис, — но я не намерен тратить их на такое существо, как Лэпторн.

— Ты назвал его существом, и все же ты ему служишь.

— Да, приходится. Он заманил меня своими заклинаниями. Мне тогда ничто не угрожало, просто стало интересно, что за субъект пытается привлечь внимание элементали, ну и хотелось его как-нибудь разыграть. А он вдруг махнул передо мной символом. Я такого не ожидал. Это была копия печати царя Соломона. Не очень похожая на подлинник, скажу я тебе, смазанная. Но и оттиска хватило, чтобы я тут же попался. И вот теперь я должен выполнять приказы Лэпторна.

— Как долго это будет продолжаться?

— Мы, обитатели эфира, не исчисляем время годами. Но знаем, когда уплачено по счетам.

— Твое присутствие навлекло на город множество несчастий.

Каспардутис пожал плечами:

— С этим я ничего не могу поделать.

— Ты можешь уйти восвояси и больше не возвращаться. Конечно, если тебе не в радость быть на побегушках у Лэпторна.

— Мне? В радость? Да я бы ему с огромным удовольствием кишки по дюйму вытянул. Но повторяю: я вынужден выполнять его приказы.

— И чего же он требует?

— Приносить драгоценные камни. В некоторых странах из-за этого возникают волнения. Я же не из воздуха эти самоцветы делаю. Мне прямо-таки неловко, поскольку среди элементарей воровство не приветствуется, как и среди людей.

— А если я найду способ тебя освободить?

— Я был бы этому безмерно рад. Но ты не сможешь.

— А вдруг получится?

— Если получится, я обязательно воспользуюсь шансом убраться отсюда.

— Какие первые слова произносит Лэпторн, когда призывает тебя?

— «Каспардутис, приди ко мне». Вот так он говорит. Еще, конечно, много всякого, заклинания и прочее, но заканчивает он всегда тоже этими словами.

— И что ты делаешь?

— Чем бы ни занимался, бросаю все и являюсь в пентаграмму, где лежит тело этого мальчика.

— Тебе кто-нибудь указывал, что надо войти в пентаграмму?

— Нет, но мне это кажется логичным.

— И все же тебе не велят поступать именно так? То, что тыходишь в пентаграмму, — это твое личное решение и твоя собственная трактовка команды?

— Думаю, что да, если смотреть на это глазами адвоката.

— А какими еще глазами следует рассматривать детали соглашения?

— Ну... ладно, я тебя понял. Но какая разница, где я появлюсь — в пентаграмме, в другом углу комнаты или даже в хлеву?

— Никакой, насколько я понимаю. Ты можешь отвечать на его призыв, материализуясь, где сочтешь нужным. Захочешь — далеко, захочешь — совсем близко.

— Совсем близко? На что это ты намекаешь, господин Эмер?

— Да, действительно, на что! — прогремело в дверях.

— Ну, дальше ты сам, — сказал Каспардутис. — Я сматываюсь!

И глаза идиота снова стали пустыми.

Высокий, худой, как огородное пугало, Лэпторн решительно вошел в комнату. Лоснящиеся черные волосы падали ему на глаза. Шрам на щеке побагровел от гнева.

— Ты посмел без приглашения заявиться в мой дом?

— Именно так, — сказал Эмер.

— И узнал мои секреты, Крафтер?

— Я узнал то, что мне надо было узнать. Вы держите в рабстве ребенка, Дугласа. Сделали его вместилищем для элементали, которая именуется себя Каспардутисом. Это, сэр, против законов Божеских и человеческих. Более того, вы обогатились за счет жителей Рок-Харбора. Ваш нечестивый промысел приманивает злых духов и привлекает на город множество несчастий. Вы виновны в гибели людей, сэр.

Лэпторн пожал плечами и улыбнулся:

— Эти жалкие людишки не в счет, мой дорогой Эмер. Простой народ всегда рискует, когда в дело идет магия. Ты прекрасно это знаешь. Ты ведь и сам колдун. Мы служим одному господину.

— Это неправда, — сказал Эмер. — Я не служил Сатане и никогда не буду. Я представитель древней гильдии благородных алхимиков. Мы исследователи тайных законов вселенной, мы не практикуем черную магию.

— Что ж, тем хуже для вас, — сказал Лэпторн. — Если, сэр, вы не служите черной магии, она обслужит вас, как только что обслужила вашу потаскуху-жену!

— Самона? Что ты с ней сделал?

— Она пыталась увлечь меня подальше от дома, чтобы дать тебе время навредить мне, если только ты вооб-

ще на это способен. Но я разгадал ваш нехитрый план и поступил с ней так, как и должно поступать с красивыми, но вероломными шлюхами.

Лэптон хмыкнул и отвернулся. В жилах Эмера вспыхнула кровь. Если этот нечесаный выродок прикоснулся хотя бы к волоску на голове Самоны... Исторгая из горла жуткий рык, похожий на треск разрываемого металла, Эмер, как барс, кинулся на Лэпторна...

И в следующую секунду обнаружил, что летит через всю комнату.

Пошатываясь, Эмер встал на ноги и с радостью отметил, что ничего не сломал при столь жестком приземлении. Но в то же время он ощутил собственную беспомощность. Сила удара о пол уничтожила его физическую защиту. Эмер вспомнил изречение, которое справедливо как для науки, так и для магии: «Сила всякого действия равна силе противодействия».

Эмер понял, что его провели. Лэпторну удалось спровоцировать противника на необдуманное нападение.

На восстановление сил нужны были часы и даже дни. Лэпторн не собирался давать своему врагу передышку.

Тут скрипнула дверь. Мужчины обернулись. Дверь медленно отворилась и впустила в дом вечернюю прохладу.

А потом вошла Самона.

Спокойная и прекрасная, безупречно одетая и причесанная; и каждый волосок на месте.

— Господин Лэпторн, — сладким голосом сказала Самона, — вы не стали ждать, пока я схожу домой за шалью?

— Едва мы расстались, — ответил Лэпторн, — я разгадал ваш план и поспешил домой. И обнаружил его. — Он указал на Эмера.

— Вы были с ним грубы, — заметила Самона.

Она прошла через комнату и встала рядом с мужем.

— Я только начал. Когда покончу с ним, я и с вами разберусь, мастерица обмана.

Самона положила руку на плечо Эмера. Он почувствовал, как в его тело перенесся импульс жизненной си-

лы. Эмер взбодрился, расправил плечи. Но для продолжения борьбы он был слишком слаб.

Лэпторн оглядел супружескую пару, нахмурился и немного отошел назад.

— Я с обоими справлюсь. Вот только зачем утруждаться, если я могу приказать — и из ваших тел вырвут все кости, а души перенесут в специальный ад, который ждет всякого, кто попытается перейти дорогу магу? Каспардутис, приди ко мне!

В комнате было очень тихо, только тикали старинные напольные часы. Дуглас, маленький идиот, безучастно сидел на низком табурете. Ни его лицо, ни тельце не выказывали признаков чужого присутствия.

— Каспардутис! Слышишь меня? Как хозяин печати Соломона, я приказываю тебе немедленно явиться!

Лэпторн встал перед пентаграммой, воздел руки к потолку и запрокинул голову. Было слышно, как расщепляется энергия. Тлевшие в камине угли вспыхнули синеголубым пламенем. Лэпторн пошатнулся, но сразу восстановил равновесие.

На его лице отразилась тревога, которую быстро сменил ужас.

— Что ты наделал? — Ювелир схватился за виски. — Убирайся оттуда! — завопил он.

Самона повернулась к Эмеру:

— Дорогой, что происходит?

— Просто смотри, любовь моя. — Эмер погладил жену по руке.

Лэпторн, держась за голову и сгибаясь в три погибели, забегал по комнате. Он натолкнулся на стол, отпрянул и врезался в кресло, едва не перекувырнулся через него, но устоял, а потом завертелся, как дурная собака в погоне за собственным хвостом. Потом Лэпторн опрокинул буфет с китайским фарфором и растянулся на полу посреди осколков. Он бился в судорогах, как выброшенная на берег форель; он рвал на себе волосы и колотил пятками по дощатому полу. Но вот по телу пробежала последняя конвульсия, и он затих.

— Ты ухитрился его отравить, любовь моя? — спросила Самона.

— Самона! — возмутился Эмер. — Как ты могла подумать, что я способен отравить человека в его собственном доме?

— Но как иначе можно получить подобный результат?

— Я всего лишь показал лазейку Каспардутису, плененной Лэпторном элементали. Это не яд, не колдовство и даже не алхимия, а всего-навсего юридическая уловка.

Лэпторн зашевелился и с трудом сел.

— Это был отличный трюк, — сказал он голосом Каспардутиса. — Покинув этот дом, я поразмыслил над твоими словами и убедился, что условия моего появления перед Лэпторном действительно недостаточно конкретны. Если бы ты, Эмер, не указал мне на это, я бы так и носился по вселенной за его камнями.

— Не понимаю, — сказала Самона. — Какое имеет значение, где ты появляешься, откликаясь на его зов?

— Если мое место не обозначено точно, я могу появляться в самых разных местах... даже в голове Лэпторна. Что я и сделал. И там мы и сошлись в борьбе за обладание телом.

— И ты победил, — сказала Самона.

Лэпторн — нет, теперь уже Каспардутис — отвесил ей низкий поклон.

— И что ты теперь будешь делать? — поинтересовался Эмер. — Поживешь на земле в теле Лэпторна?

— Ни за что! — ответил Каспардутис. — У меня важные дела на эфирных просторах. Слишком долго я там отсутствовал. Я задержался здесь только для того, чтобы поблагодарить тебя, Эмер. А теперь покину эту оболочку и возвращусь домой.

— Постой-ка! — сказал Эмер. — Когда ты ее покинешь, Лэпторн сможет вернуться и взяться за старое. Не забывай, он владеет печатью Соломона.

— И верно, — согласился Каспардутис. — Ты отлично разбираешься в таких делах, Эмер Крафтер! Снова

я тебе обязан. Какого светлого ума лишился ад, когда ты отказался примкнуть к силам дьявола. Но я нашел решение. Прощайте!

Лэпторн лег, по его телу пробежала судорога, и он замер. Эмер склонился над ним, но пульса не обнаружил.

— Такого я не ожидал, — сказал он. — Элементали не убивают, как бы их ни провоцировали.

— Он и сейчас не убил, — сказала Самона. — Смотри!

В углу зашевелился идиот Дуглас. Его руки заметались перед лицом, как перепуганные голуби. Рот кривился, словно пытался что-то сказать, но не мог. Глаза были широко открыты, и в них плескалась злоба.

— Это Лэпторн! — воскликнула Самона.

— Да, так и есть, — сказал Эмер. — Магия, которую он практиковал, расплатилась с ним по достоинству. Действие равно противодействию! Как он обходился с другими, так обошлись и с ним. Он сделал из идиота носителя духа, а теперь будет сам жить в теле идиота. И он не в силах ничего сделать. Каспардутис запечатал его рот, лишил дара речи.

— И что мы будем с ним делать? — спросила Самона.

— Что значит — делать?

— Я о ребенке. Неважно, чей дух внутри его, — кто-то должен приютить мальчика, кормить и одевать.

Эмер трезво поразмыслил над этим вопросом.

— Моя дорогая, пусть это решают в городском совете и на шабаше ведьм. С нас достаточно, пора возвращаться домой.

— Да, — согласилась Самона, — я приготовлю ужин. После такой работы всегда нападает аппетит.

— Мы поужинаем и соберем вещи, — сказал Эмер. — И приготовь Эми в дорогу.

— А куда мы едем?

— Ты слышала, что я только что сказал? Домой! У нас есть домик в горах, поживем там. Хватит с нас цивилизации.

Ведьмы и колдуны, алхимики и знахари — кто только не рождался в старинном клане Крафтеров. Этот клан был свидетелем возникновения американской нации; пуская корни в цивилизованных восточных городах, он протягивал ветви на Дикий Запад. Но вот настал век науки и логики, и новое поколение магов-искусников было вынуждено разбрестись по всему земному шару, чтобы сохранить верность своему необыкновенному таланту.

Новеллу «Страна Сновидений» Роберт Шекли написал для сборника «The Crafters, Book Two: Blessings and Curses» («Крафтеры: благословения и проклятия») в 1992 году.

СТРАНА СНОВИДЕНИЙ

Многое привлекало тех, кто решил обосноваться на западных границах Северо-Американских Соединенных Штатов. Для одних это было возможностью завладеть землей и сколотить состояние, для других — сбежать от долгов или даже от властей. И многим удалось построить новую жизнь. Нат Сингер был прямым потомком Эмера Крафтера и обладал множеством семейных талантов самой действенной силы. Он бежал на Запад после того, как, несмотря на все свои таланты, не смог предотвратить трагедию, которой опасался больше всего. И возможно, еще из-за того, что хотел забыть о своих сверхъестественных способностях, которые теперь считал скорее проклятием, чем даром. Эти способности постоянно напоминали Нату о потерянном. Проблема была в том, что, даже уехав за тысячи миль на самый край цивилизации, человек не может оставить позади то, что является частью его самого.

Миссури. 1834 год от Рождества Христова

В начале июня 1834 года на юге Миссури в городке Оук-Блаффс появился гость. Он вел за собой гнедую лошадь, сильно хромавшую на переднюю левую ногу. Незнакомец был высокий, лет тридцати, с короткой черной бородкой. На голове у него сидела черная фетровая

шляпа с широкими вислыми полями, такие можно увидеть дальше к западу. Одет незнакомец был как любой переселенец — куртка и штаны из оленьей кожи и мокасины, но лицо было необычно бледным и необветренным для этих мест. Судя по рукам, он не занимался тяжелым физическим трудом, это были руки скорее клерка, нежели любителя жизни на свежем воздухе. Едва чужак вошел в город, рядом возник мальчишка лет десяти и уставился на него так, будто никогда не видел человека, передвигающегося на своих двоих.

— Эй, мистер! Как так случилось, что вы идете пешком?

— Лошадь захромала.

— Вам понадобится другая лошадь?

— Похоже, что так.

Нат посмотрел на мальчишку, и ему понравилось увиденное: пацан был конопат, со светлыми взъерошенными волосами. Суровое лицо мужчины осветила улыбка.

— Полагаю, у тебя найдется одна на продажу?

— Нет, сэр, у меня нет лошади. Но я знаю, где вы можете ее купить.

Переселенец отыскал в кармане никель и бросил пацану:

— Хорошо, сынок, рассказывай.

Мальчишка улыбнулся:

— Следующая дверь от того места, где вы стоите, — платная конюшня Мастерсона.

Крафтер и без подсказки уже видел вывеску конюшни. Мальчишка, похоже, из всезнаек. Нат и сам, когда еще жил в Бостоне, был таким, а потому питал слабость к всезнайкам. Он не ожидал так скоро встретить подобного ребенка в этих местах.

— Большое спасибо, — поблагодарил Нат.

Он сделал несколько шагов и вошел в платную конюшню. Там он рассказал о своей проблеме мужчине в кожаном фартуке, который подковывал тяжеловоза.

— Извините, мистер, — сказал хозяин, — я бы с радостью взял вашу лошадь, но у меня нет подходящей замены.

— А не подскажете, где здесь найти лошадь?

Хозяин конюшни пожал плечами:

— Можете, конечно, поискать на ранчо в округе. Только вряд ли есть смысл.

— Почему так?

— Я в курсе, как обстоят дела со скотом на пятьдесят миль вокруг города. Тут нет для вас ничего интересного. Но есть надежда, что появятся новые лошади.

— Что ж, я съезжу и поищу, но не на этой леди. — И Нат похлопал кобылу по шее.

Хозяин конюшни подумал немного и предложил:

— Я подержу вашу лошадь, сколько нужно. И у меня есть мул, могу дать его на время. Фло не такая быстрая, но она достаточно хороша, чтобы покатасть вас по окрестностям.

Когда незнакомец выводил мула из конюшни, мальчишка поджидал снаружи.

— А где же лошадь? — с невинным видом спросил он.

— Хозяин сказал, что у него нет подходящей для меня. Полагаю, ты об этом не знал.

Мальчишка вроде смутился:

— Простите, мистер. Вообще-то, я знал, но хотел получить никель.

— В этом нет ничего дурного. Но ты можешь заработать еще один. Сможешь подыскать мне комнату на одну-две ночи, пока моя лошадь не поправится?

— Конечно, мистер! Моя мама сдает комнаты, а еще она готовит лучше всех в Оук-Блаффсе!

Мальчишка быстро зашагал вперед, а Нат не торопясь направился следом и повел за собой мула.

Когда впереди показался белый фермерский дом, ничем не отличающийся от других фермерских домов в этих краях, мальчишка перешел на бег. Он взлетел по деревянным ступенькам, стрелой промчался через широкую веранду к дверям с полукруглым окошком и исчез из виду.

Спустя пару минут мальчишка снова появился на веранде, и теперь он держал за руку высокую пышнотелую женщину. Та носила платье из грубой полушерстяной ткани, ее гладкие рыжие волосы были убраны в хвост на затылке и повязаны белым шейным платком. Она улыбалась. Лицо у женщины было озабоченное, но милостливое.

— Билли сказал, что вы ищете жилье.

— Да, мэм. — Мужчина смущенно снял шляпу и переступил с ноги на ногу. — Меня зовут Нат Сингер. Я не могу заплатить много — деньги нужны на лошадь. Но у меня сильные руки, и я не ленив. С радостью возьмусь за тяжелую работу, любую, какую скажете.

Что ж, деньги бы Эмме не помешали, но ей нужен был помощник, чтобы доить коров, чистить коровник и отвозить масло и сыр в город.

Эмма кивнула:

— Похоже, вы нашли себе жилье.

Нат Сингер понравился Эмме. Он был симпатичный и от силы года на два старше ее. Была в нем утонченность, почти мягкость — как глоток свежего воздуха после долгого общения с грубиянами и богохульниками, которых на Западе большинство. Было в Нате Сингере что-то еще, не такое симпатичное; оно пряталось за мягкой черной бородкой и честными карими глазами. Но никто не совершенен.

Эмма решила, что Нат вполне подходит для тяжелой работы на ферме, которой после смерти Лемюэля Скелли накопилось более чем достаточно. Лемюэль был последним работником Эммы. Однажды он поехал к озеру Дьявола на поиски заблудившегося вола, и его подстрелили шошоны. Теперь шошоны почти все ушли. По слухам, их вытеснили кайова, а у тех дурная слава, особенно после того, что они натворили в Канзасе. Правда, они в округе не показываются, и потому никто из-за них не беспокоится.

Итак, Нат Сингер приступил к работе на ферме Эммы Хокинс. Эмма держала дойных коров и поставляла четвертую часть всего молока в Оук-Блаффс. Кроме того, она пахтала масло. В огороде Эмма выращивала помидоры, кабачки и горох. Ее земляника славилась на весь штат. У нее был свинарник приличных размеров и собственная скотобойня, на которой работал местный пьяница. А еще у нее был свой адвокат.

Натаниэл Сингер был вторым по старшинству сыном Мартина и Фэй Сингер. Мартин был потомком Эмера Крафтера, который в начале семнадцатого века переселился из Англии в Новый Свет и перенес туда свой удивительный дар. Крафтеры были особенной семьей — они обладали исключительными талантами в колдовстве.

Не все Крафтеры следовали семейной традиции в магии. Некоторые отказались от ремесла. Другие, как Нат, поддерживали неясные и запутанные отношения с оккультными искусствами.

Нат вырос и провел бурную молодость в Сейлеме. Очень умный, но своевольный и с задатками сильного колдуна, он был свидетелем того, как в городе большинство населения стало пуританским. Поначалу магические опыты приносили Нату успех, но потом произошел несчастный случай, и волшебство не помогло ему. Тогда-то он и потерял свою жену Агату. Нат решил, что Новая Англия с ее нетерпимостью и суровостью ему не подходит. Он мечтал перебраться на Запад, на просторы, свободные от догм.

По отношению к магии Нат испытывал сильные, но двойственные чувства. Он ее ненавидел, и в то же время она его притягивала. В связи с этим его несколько раз посещали сновидения при не полностью выключенном сознании. В этих сновидениях часто возникали картинки неведомой земли: огромные пространства, окрашенные в тускло-коричневые оттенки, с необъятным небом, которое казалось гораздо выше и прозрачнее, чем небо над Новой Англией. Нат видел бескрайние прерии, пустыни, разноцветные скалы, излучины реки. В этих местах росли кактусы и можжевельник. Солнце было яр-

ким, всевидящим и беспощадным. Там обитали индейцы, и они отличались от ирокезов и гуронов, с которыми ему доводилось встречаться. Эти не брили головы, как мужчины из северных племен, а носили черные волосы до плеч, прихватывая их цветными лентами. Народы Запада разводили лошадей и больше ста лет воевали с испанцами.

Эти дикие всадники были еще далеко. Нат думал о них, тихие дни сменяли друг друга, и Оук-Блаффс жил спокойной дремотной жизнью. Но вскоре повеяло бедой. Сначала он не хотел этого признавать. Если его предчувствия верны, то Оук-Блаффсу следует ждать проблем мистического характера, то есть именно тех, от которых он пытался бежать.

Нат оставил позади проблемы добра и зла. Он направлялся в новые места, туда, где нет демонов и опасностей Старого Света. Они с Агатой когда-то слишком уж часто сталкивались с нечистой силой. Надо уезжать отсюда. Здесь уже дурно пахнет, и это запах зла. Вот-вот должно случиться что-то очень плохое.

Надо было отработать проживание на ферме. И хотя, прожив в городе всю жизнь, Нат совершенно не владел сельскими ремеслами, он охотно брался за любое дело и быстро учился. Сначала Эмма поручила ему ошкурить жерди, затем починить ограду южного пастбища, откуда сбежало несколько коров. Не самая легкая работа для горожанина, но Нат быстро ее освоил. Руки у него росли откуда нужно, любые вещи были послушными в его длинных и сильных пальцах.

Билли всюду ходил за Натом, наблюдал и удивлялся тому, как быстро этот деликатный чужеземец приспособился к жизни на ферме.

Нат находил работу приятной и необременительной. Ему давно хотелось на практике применить знания, полученные из книг еще в Гарварде.

Почти все поручения хозяйки были Нату в радость, лишь одно показалось утомительным. За неделю до его появления в Оук-Блаффсе вдова решила выкопать вы-

гребную яму правее и ниже старой, которая из-за недавних дождей уже наполнилась до краев. Место под новую было отведено на участке с более твердой почвой; чтобы вырыть в одиночку, пришлось бы потратить большую часть лета.

Нат начал копать, вернее, выкорчевывать куски гранита, из которых, казалось, сплошь состояла эта земля. После нескольких часов изнурительной работы у него заломило спину. Нат стер пот со лба и сделал передышку. И задумался, нет ли более простого способа решить задачу.

Погода была чудесная. Солнце уже было на полпути к горизонту. Билли в этот день с Натом не пошел. Вдова послала сына в новую школу, которую открыл объезжавший свой округ проповедник. Нат огляделся по сторонам, достал бумажник и, сидя на валуне, порылся в нем. Наконец он нашел клочок пергамента, который он добыл в бостонской библиотеке. На пергаменте был список имен. Большинству людей ни одно имя из этого списка не могло быть знакомо.

Нат прочитал список. Эндимор — вот нужное имя.

Нат снова огляделся. Вокруг ни души. Ему не нравилось то, что он собирался сделать. Нат напомнил себе о том, что дал клятву не браться за старое. Он перебрался в другую страну и решил покончить с былыми делами. Но эту выгребную яму так трудно копать. А вокруг никого. Поэтому...

Начертить пентаграмму на земле было проще простого. Из нескольких согнутых и соединенных прутиков получились нужные фигуры. Сложнее было найти шепотку манны небесной. Такое вещество не носишь каждый день в кармане. Обследовав луг, Нат нашел кротовью нору, а в ней немного чудесного порошка, оставленного самкой после течки.

Нат рассыпал порошок вокруг пентаграммы и стал читать заклинание. В прозрачном июньском воздухе слова звучали тихо и невыразительно. Нат ощутил знакомый позыв к рвоте. Он уже давно не вызывал духа земли и по-

этому сначала запинался, но, когда все чары встали на свои места, дело пошло быстрее. Вскоре Нат заметил движение в воздухе. Это было похоже на крошечный вихрь. Воздух кружил где-то на периферии зрения Ната. Искушение было велико, но он не смотрел в ту сторону. По своему богатому опыту он знал, что некоторые духи не любят точные характеристики, и поэтому даже не пытался на этом сосредоточиться.

— Ну и кто ты такой? — раздался раздраженный голос.

— Меня зовут Нат Сингер, и я нахожусь под защитой печати.

— Твое счастье, а то бы я тебя в порошок стер. Зачем разбудил? Мне снился такой великолепный сон. Меня выбрали верховным богом в индуистском пантеоне, и я собирался...

— Прости, — сказал Нат, — в другой раз я бы с удовольствием послушал твою историю, а сейчас вынужден просить об услуге.

— Естественно. Иначе зачем было меня вызывать? Ладно, валяй, проси.

— Ты демон земли, — сказал Нат. — Нужно, чтобы ты перенес некоторый объем грунта с места на место.

— Наверное, одну из тех гор? — предположил дух.

— Нет, такие подвиги не требуются. Вот здесь я отметил: квадрат со стороной пятнадцать футов, глубина — двадцать футов.

— И ты потревожил меня из-за такой мелочи?

— Боюсь, что да. Для тебя мелочь, а мне работы невпроворот.

— Это точно, — согласился дух. — И как ты меня отблагодаришь, если я это сделаю?

— Я не обязан никак тебя благодарить, — сказал Нат. — Ты один из тех духов, что связаны с самим царем Соломоном. И ты обязан выполнять работу, которую тебе поручит человек, такой как я, если эта работа относится к твоей области магии, то есть к земле.

— Что правда, то правда, — кивнул дух. — Но согласись, сделать мне небольшое одолжение — неплохая идея.

Кто знает, как долго печать Соломона будет держать меня на привязи? А если она когда-нибудь сломается, может быть, я отомщу тем, кто относился ко мне с пренебрежением?

— И чего же ты хочешь?

— Чтобы ты иногда молился за меня. Несколько добрых слов перед сном, только и всего.

— Но у тебя нет реальной силы. Ты не можешь исполнять желания в общем смысле этого слова. Какой прок от того, что я буду за тебя молиться?

— Мне будет приятно — вот какой прок, — сказал дух. — Но если, по-твоему, я прошу слишком много...

— Вовсе нет. Обязательно помолюсь, но потом. А сейчас, будь любезен, займись землей.

— Хорошо. Посторонись-ка.

Сингер отошел подальше от намеченного под яму участка. Несколько секунд ничего не происходило. А потом он увидел в воздухе нечто похожее на стеклянный меч. Сверкающий клинок вонзился в землю. Он погружался все глубже, он раскалился добела, и от него во все стороны летели красные искры. Меч входил в землю, как нож в масло. Над обожженным грунтом клубился дым, камни стонали и трескали под ударами клинка.

Сингер наблюдал. Вскоре земля пошла цельным блоком, как будто ее толкал снизу домкрат. Пронизанный корнями деревьев, изобилующий мелкими и крупными камнями параллелепипед поднимался все выше, с него сыпались черви и насекомые. Блок завис в десяти футах над поверхностью земли.

— Куда желаешь его отправить, хозяин? — спросил демон земли. — Что, если я заброшу вон туда? — И он завитком дыма указал на место в нескольких милях от ямы.

— Нет, только не туда! — воскликнул Нат. — Там только-только построили новый амбар. Если развалишь его, с меня живого кожу сдерут.

— Хорошо, так куда же перенести? — нетерпеливо спросил демон. — Ты же не хочешь, чтобы я держал ее так вечно? Хотя, конечно, могу.

— Забрось его в космос, — приказал Нат.
— Куда именно? Знаешь, космос довольно велик.
— На Луну, — сказал Нат. — На темную сторону, чтобы не могли увидеть в телескоп.
— Ясно, хозяин, — сказал демон земли. — Свяжусь с тобой позже.

Куб земли вздрогнул и пулей помчался вверх. За две секунды он превратился в точку, а еще через одну исчез окончательно.

И только после того, как дело было сделано и ничего уже нельзя было исправить, Нат понял, что у него на руках осталась проблема.

Каким способом он мог выкопать эту яму, не прибегнув к запрещенным колдовским силам? Удивительное дело, но поначалу это никого не интересовало.

Работа на ферме шла своим ходом. А потом наступил день, когда Нат и вдова поехали в город за покупками. Эта самая обычная поездка закончилась неожиданно.

Эмма Хокинс просмотрела список покупок. Корм для кур, сахар, кукурузная мука и щелочное мыло.

Нат и Билли подъехали к крыльцу. Билли взял поводья, а Нат помог Эмме забраться в повозку.

Билли нравилось править, он не отрывал глаз от дороги, а Нат с Эммой тихо беседовали о работе, которую предстояло сделать на ферме в тот день, и о танцах, которые устраивались в городе тем вечером.

— Похоже, все пойдут, — небрежно заметил Нат.

Ему хотелось пригласить Эмму, но он сомневался, что это будет правильно.

— Похоже, что так, — отозвалась Эмма.

Она смотрела в сторону. Сколько прошло с тех пор, как покойный мистер Хокинс в последний раз приглашал ее на танцы? Два года? Три? Они никогда не пропускали танцы, если не считать ту пору, когда она носила Билли. А потом Лем позволил себя убить пьяному шошону.

— Я почту за честь пригласить вас, — сказал Нат и удивился собственной смелости.

Эмма посмотрела на него. Ее позабавило, что спутник густо покраснел.

— А я почту за честь пойти с вами, — произнесла она.

Оставшуюся часть пути до города они молчали. Билли остался с лошадьми, а Нат и Эмма пошли в магазин.

Там пахло цветами. Они стояли в жестяных ведрах и продавались по никелю за букет. Вдоль стены аккуратно выстроились бочки с мукой, сахаром, черной патокой и крупчаткой. Солнечный свет пробивался сквозь гринсбон, которым была занавешена витрина, и поблескивал на синих склянках с лечебными мазями и настоянками.

Эмма выбирала товары по своему списку, а Нат коротал время в разговоре с хозяином.

— Вам нужна лошадь, верно? — спросил бакалейщик. — Я слышал, скоро в город пригонят партию из Канзаса. Говорят, хорошие кони.

— И сколько за голову? — поинтересовался Нат, а сам пощупал десятидолларовую банкноту в правом кармане.

— Думаю, пять-десять долларов...

Бакалейщик умолк. В магазин через дребезжащие двери ввалился Рэд Свенсон.

Первое, на что обращали внимание люди, когда видели Рэда, — это на его габариты. Он был высоким и мощным, как гризли. Светло-рыжие волосы длинными спутанными прядями падали на лоб.

Во вчерашней борьбе Рэда с бутылкой его глаза покраснели. Было ясно, что бутылка одержала победу.

— А ты меня надул! — завопил Рэд, увидев бакалейщика. — Я тут купил три мешка кукурузной муки, дома заглянул, а в них полно червей.

— Я лично проверял всю муку, — сказал бакалейщик.

— Чушь собачья!

Бакалейщик нервно огляделся по сторонам. Всего неделю назад Рэд требовал вернуть ему плату за продукты. Тогда хозяин магазина уступил, и Рэд с деньгами пошел напрямик в салун.

— Может, принесешь муку, и я на нее взгляну, — робко предложил бакалейщик.

— Ты сомневаешься в моем слове, Сэм? Хочешь сказать, что я не заслуживаю доверия? — От злости Рэд «пустил петуха». — Намекаешь, что Рэд Свенсон, сын Хэна Свенсона, первооткрывателя этих мест, врет?

Он сжал мясистые кулаки и двинулся на бакалейщика. Сэм попятился к кассе. Он прикинул, что потеря денег лучше, чем разбитая голова.

Рэд и получил бы назад свои деньги, да только между ним и Сэмом вдруг встал Нат.

— Эй, минуточку! — Его крепкие пальцы сдавили предплечье Рэда. — Думаю, вам следует принести сюда плохую муку, чтобы Сэм на нее посмотрел. Вот в этом мешке, насколько я вижу, никаких червей нет.

Взгляд Рэда сфокусировался на чужаке. Тот был с виду сильным, но гораздо ниже Рэда и худой, как будто давно не ел досыта.

— Это ты мне? — спросил задира. — Тот парень с востока, верно? Приехал в наш Миссури и сразу пристроился к бабе? И смеешь предъявлять мне требования?

Нат хотел отступить на шаг, но Рэд схватил его за плечи и удержал на месте. Приблизив лицо к лицу Ната, верзиладохнул перегаром от виски.

— Похоже, нам стоит выйти и поговорить, — с фальшивым дружелюбием предложил он. — Ты ведь хочешь поучить меня хорошим манерам? Что ж, давай, я готов.

Нат с содроганием ощутил, как дремавшие внутри него силы распространяются по всему телу, словно по электрической сети слабого напряжения. При желании он бы мог закинуть этого грубияна за границу округа...

«Нет, — подумал он, — не здесь и не сейчас».

Может, при следующей встрече он покажет этому вонючему мордовороту, чего стоят мускулы в сравнении с колдовской силой.

Нат зло посмотрел на Рэда и все же отступил. И снова Рэд, как бык, выпятил голову, но в этот момент у него

в желудке вспенилось виски. Рэд схватился за живот и, шатаясь, пошел к выходу. Его вырвало, едва он сделал шаг из магазина.

На этом бы все и закончилось, но подобные происшествия никогда не заканчиваются так просто. После этого случая Рэд Свенсон всем говорил, что Нат навел на него порчу: сделал особенный жест, точно как колдун, и после этого его, Рэда, вывернуло наизнанку. Этой истории, не говоря уже о слухах насчет чудесным образом возникшей выгребной ямы, хватило для того, чтобы преподобный Харрелсон решил нанести Нату визит.

Преподобный Харрелсон был человеком прямым, он не стал ходить вокруг да около.

— Юноша, о вас ходят плохие разговоры.

— Я могу объяснить все, что случилось.

— Не сомневаюсь, что можете. Но не думаю, что меня удовлетворят ваши объяснения. Похоже, в данном случае имела место черная магия.

Нат сделал вид, будто такое предположение кажется ему смешным.

— Преподобный, вы же не думаете всерьез, будто я обладаю какой-то особенной силой?

— Я абсолютно серьезен, — сказал Харрелсон. — У меня появились сомнения на ваш счет, как только вы к нам приехали. Предлагаю уехать как можно скорее.

— Я всего лишь жду, когда можно будет купить приличную лошадь.

— Не ждите чересчур долго. И для вас же будет лучше, если я больше ничего не услышу о случаях подобного рода. Мы не потерпим в наших краях всякую нечисть.

В конце июня чудесная погода в Оук-Блаффсе и его окрестностях уступила убийственному зною. Изю дня в день солнце нещадно палило с безоблачного неба. И никакой передышки, даже по ночам ни малейшего ветерка. На севере и северо-востоке собирались гроззовые облака, но не роняли ни капли. Земля спекалась и покрывалась трещинами, и ранний урожай обещал погибнуть, если не будет дождя.

Дождь — вот о чем мечтали все! Фермеры только о нем и говорили. Они предавались воспоминаниям, но никто не мог вспомнить более засушливого лета с семьдесят девятого года. Или это было в семьдесят восьмом?

Джосая Томас, местный фермер, прибыл с визитом, прихватив с собой еще одного фермера, Эдгара Хартли. Они сидели в гостиной вдовы и пили чай, и было заметно, что оба чувствуют себя не в своей тарелке. Что-то было у них на уме, но вот что именно — Эмма понять не могла. В четырех стенах можно было задохнуться от жары. Хозяйка развесила в гостиной мокрые простыни, но в отсутствие сквозняков это помогало слабо.

Нат Сингер работал на скотном дворе, когда к нему вышел Билли: дескать, мама хочет, чтобы он присоединился к гостям. Нат умылся, привел в порядок одежду и вошел в дом. Какое-то время фермеры вели беседу о том о сем: откуда он, куда собирается ехать дальше, что думает о предстоящих выборах, каковы его взгляды на проблему рабства и так далее. Наконец они перешли к настоящей цели своего визита.

— У нас есть основания полагать, что вы можете вызвать дождь, — сказал Джосая.

— С чего вы взяли?

— Ходят разговоры, что вы обладали особой силой. Это еще с тех пор, как вы выкопали новую выгребную яму для миссис Хокинс. Очень ловкая работа, мистер Сингер, и вы необыкновенно быстро с ней управились.

— Я уже объяснял, — сказал Нат. — Это было движение земной коры, сброс. Знаете, случаются иногда такие маленькие землетрясения. Они затрагивают крошечный участок земли и совсем не влияют на соседние. Вот так и образовалась эта яма.

— Землетрясение выкопало яму за вас, — уточнил Генри.

— Да, именно так. И никто не сможет доказать обратное!

Джосая поднял руки в знак примирения:

— Как скажете! Это не наше дело! Хотя, конечно, найдутся ханжи, которые будут упрекать человека, имею-

щего дело с черной магией и колдовством. Но если этот человек работает на благо общины, что в этом плохого? Даже самые нетерпимые, типа нашего преподобного Харрелсона, дважды подумают, прежде чем что-то предпринять.

Дальше Нат очень аккуратно подбирает слова:

— Я бы, конечно, с радостью помог общине. Но я не заклинатель дождя, и вы никогда не заставите меня признать это. Разве что попробовать могу...

— Это все, о чем мы просим, — сказал Джосая. — Просто попробуйте. И сделайте это как можно скорее, ладно, мистер Сингер?

Приняв решение, Нат не терял времени. Ближе к вечеру, когда солнце на западе окрасило небо в пурпурные и оранжевые тона, он отошел подальше от дома и нашел укромное местечко в кизиловой рощице. Приготовления были недолгими. Нат нарисовал на земле пентаграмму, зажег свечу и вызвал духа земли.

— Опять ты? — спросил дух.

— Прости, что так скоро побеспокоил, но я снова нуждаюсь в твоей помощи.

— Мне когда-нибудь дадут отдохнуть в этих местах?

— Хватит жаловаться, — сказал Нат. — Я, между прочим, знаю, что вас, духов стихий, иногда десятилетиями никто ни о чем не просит.

— Допустим, это так, но мы же имеем право заниматься своими делами? Или обязаны постоянно ждать, когда сомнительный тип вроде тебя, неизвестно где ставивший пару магических формул, захочет, чтобы мы выполнили работу, которую он сам ленится или просто не может выполнить?

— Все, я наслушался, — сказал Нат. — Ты сделаешь то, о чем я прошу, или жалобу подавать? — И он стал делать пассы.

— Слышать — значит повиноваться, — без особого энтузиазма сказал дух. — Что на этот раз?

— Дождь, — сказал Нат.

— Что, прости?

— Я сказал: дождь. Славный такой ливень, полноценный.

— Дождь? Кажется, теперь я тебя понимаю.

— Да, и пожалуйста, организуй его побыстрее.

— О, конечно, господин. Надо побыстрее — сделаем побыстрее.

И с этими словами дух исчез.

От разговора с элементарью у Ната осталась смутная неудовлетворенность. Ему показалось, что дух слишком уж чему-то обрадовался. Может, стоило уточнить, каким по объему и продолжительности должен быть ливень? Хотя обычно это не требовалось...

Как оказалось, именно это и надлежало сделать Нату. Через несколько минут после разговора с духом зарядил ливень. Он сопровождался впечатляющими раскатами грома и перестрелкой молний. Похоже, это был чемпион среди ливней, которые могли припомнить жившие в здешних краях люди. Потом долго спорили, откуда он пришел. Кто-то говорил, что ливень родился на Великих озерах, другие утверждали, что его пригнал ветер с Тихого океана. Откуда бы он ни явился, это было скорее торнадо, чем летний дождь. Он накатывал стена за стеной, и эти стены были длинными и косыми. Настоящая демонстрация силы водной стихии. Дождь затопил больше половины ферм в округе, сорвал множество крыш, свалил заборы — в общем, превратил сонную сельскую жизнь в кромешный ад. Фермеры получили свою влагу, но им пришлось все пересевать, потому что из земли вымыло все семена. А когда все кончилось, Нат стал вроде героя, но под подозрением. Он, конечно, отрицал свою причастность к разгулу стихий, но в этом его отрицании довольно явственно слышалась нотка злорадства.

Неспешно тянулись летние дни. Иногда до Оук-Блаффса доходили слухи о стычках с индейцами. В движение пришли многие племена. Говорили, что коман-

чи, которых поселенцы вытеснили из Техаса, собираются на границах Миссури и Канзаса. Хотя команчи и кайова, самые воинственные племена на равнинах, заключили перемирие, хватало других — согнанных со своих земель шайенов и сиу, лишенных гражданских прав шошонов и черноногих. Все они попали под власть единственного человека, и одно только это было беспрецедентным событием в жизни коренного населения Северной Америки.

Шамана звали Два Койота и поговаривали, будто он кайова-апачи. По отзывам многих очевидцев, он был средних лет, крупного сложения, с бочкообразной грудью, с расплюснутым орлиным носом, с челюстями, будто выкованными из стали. Глаза у Двух Койотов были черные и немигающие. Говорили, что он может провести в трансе несколько часов, что его дух способен уноситься очень далеко от тела и видеть будущее.

Правительство выражало озабоченность по поводу деятельности Двух Койотов, но не могло ничего предпринять в его отношении. Он пока не создавал серьезных проблем. А если и создавал? На города и фермы индейцы не нападали, а закона, запрещающего им организовываться, не существовало.

Все это мало заботило Ната. У индейцев регулярно появлялись новые яркие вожди, а потом они уходили в тень. Все знали, что индейцы слишком любят независимость, что они слишком разобщены, чтобы объединить силы и выступить против белого человека. В том далеком 1834 году племена индейцев не представляли опасности для таких мест, как Оук-Блаффс в Миссури, штате, еще пятнадцать лет назад обжитом белыми людьми.

Нат работал в поле, шел с плугом за упряжкой мулов, которых вдова арендовала на платной конюшне. Выдался чудесный день. Мулы брели медленно, пахарь с трудом удерживал плуг. Не сразу Нат наловчился прокладывать ровную борозду. Но он был прилежным учеником. Не-

подалеку в терновнике запел черный дрозд. Может, он пытался что-то сказать Нату? Предупредить о чем-то? В том-то и кроется суть магии: все и вся посылают сигналы, но ты их понимаешь, когда уже слишком поздно.

Итак, пропел черный дрозд. Потом плуг издал странный звук — наткнулся на твердое. Но это был не камень. Может, дерево? Нат остановил мулов и взялся за лопату. Земля успела высохнуть после дождя. Нат снял рубашку. Пришлось немало потрудиться, чтобы разломать твердую корку и вонзить заступ глубже в землю. Интересно, почва рыхлая, но все равно сопротивляется. Наконец она поддалась, как будто заступ преодолел какой-то барьер, и дело пошло на лад. И вдруг Нат сморщился от отвращения. Фу! Там было что-то древнее и нечистое.

Нат выпрямился и прикинул, стоит ли копать дальше. Потом вдруг лицо его стало суровым. С этим местом что-то могло быть не так, но он не мог оттуда уйти. Уйти — худшее, что он мог сделать. Этот запах притягивал его и одновременно отталкивал.

Нат трудился со все возрастающей осторожностью, словно боялся сломать то, что скрывалось под землей. Вскоре он наткнулся на кость, ее закругленный конец торчал из коричневой земли. Это была явно человеческая кость. Шляпой Нат аккуратно убрал землю вокруг и нашел еще несколько костей. А потом обнаружился предмет, который землекоп узнал не сразу. Это были молодые олени рога, сплошь бурые от насыщенной минералами почвы. Чуть глубже Нат нашел человеческий скелет. Все вместе смотрелось как фантастическое существо — олень-человек или человек-олень.

Нат склонился над своей находкой, и в нос ударил жуткий запах. Нат на секунду замер от ужаса, который граничил с наслаждением. А когда он попытался выпрямиться, что-то потянуло его в неглубокую могилу. Не сразу он сообразил, что это его шейный платок зацепился за скелет. Нат попытался высвободиться, но кости не отпускали. Его рывки привели к тому, что скелет принял сидячее положение. Истлевший череп улыбался

Нату в лицо, над ним торчали рожки. И тут Нат понял, что чудовище не нападет, — похоже, оно с ним играет. Нат дернул платок, тот отцепился, и скелет рассыпался. Следуя необъяснимому побуждению, Нат поднял подкатившийся к его ногам череп и положил обратно к костям.

— Большое спасибо, — сказал череп.

— Ты разговариваешь! — изумился Нат.

— Доброго тебе дня, Натаниэл. У тебя очень жесткий стиль борьбы, я это почувствовал.

— Я сделал тебе больно?

— Вовсе нет. Мы, духи мертвых, отлично защищены от плотских ощущений.

Нат к этому времени успокоился. Он присел на край могилы и заметил:

— Ты говоришь не как индеец.

— Это потому, что я не индеец.

И череп поведал Нату свою историю. Его звали Проперций, и он был центурионом во времена Марка Аврелия. Служил в Кадисе, в Четвертом далматинском легионе. Его послали завоевывать Британию. Когда он, Проперций, плыл меж Геркулесовых столбов, поднялась страшная буря. Корабль унесло далеко в открытое море. Проперций и его подчиненные поняли, что у них нет выбора: чтобы не умереть от жажды, надо плыть через западный океан, к большой и загадочной земле, которую недавно открыли римляне.

Эту землю называли Атлантидой. Континент был населен людьми с красной кожей, которые носили перья в волосах и вели себя очень воинственно. Сведения об этой земле Марк Аврелий хранил в тайне. Пока не было причин волновать из-за нее народ. До публичного заявления о существовании континента следовало более подробно его изучить. Атлантида была огромна, гораздо больше, чем вся Иберия. Оставалось только ее захватить. Там обитали лишь первобытные племена. Если усилится германский натиск на империю, римлянам будет куда

отступить. Но успех операции по захвату территорий всегда зависит от эффективной работы тыла. От своих картографов Марк Аврелий точно знал о существовании двух водных артерий. Сейчас они известны как река Святого Лаврентия и Миссисипи. Оставалось узнать, связаны ли они между собой.

Центурион Проперций решил найти ответ на этот вопрос для своего императора. Отряд двинулся вглубь материка с того места, где сейчас стоит Балтимор.

— Плавание через океан, — поведал он Нату, — пережили только я, полдюжины моряков и несколько фракийских новобранцев. На южном побережье Атлантиды я набрал еще людей. В том краю, где сейчас Чарлстон, тогда располагалась римская колония. Но нас было немного, жалкая кучка. Император постоянно обещал подкрепление, но так и не прислал.

На пути нас подстерегали тысячи опасностей. Если бы не амулет, я бы точно погиб. Это был очень старый амулет, вавилонской работы, и дух Мардука, заключенный в нем, оберегал меня. Мы продвигались все дальше в поисках большой реки, которая текла на юг. Индейцы одного за другим убивали моих людей, а мы все никак не могли выйти к реке. Наконец добрались сюда, вот до этого места. И тут на нас напало большое племя. Мы сражались как львы, каждый наш воин убивал по десять, по двадцать краснокожих. Но в тот день победа была не на нашей стороне. И я спросил Мардука: «Почему ты оставил меня?» И Мардук ответил: «Звезды говорят, что ты не увидишь завтрашнего заката. Тут я ничего не могу поделать, потому что это предписано Ананке — Необходимостью, которая правит нашей жизнью. Я явился, чтобы подготовить тебя к смерти».

На следующий день, как и было предсказано, меня убили. С тех пор и лежат здесь мои кости. Душа не может освободиться, пока их не захоронят. Странник, если предашь мой прах земле и бросишь орла в великую реку, я расскажу тебе, где найти амулет.

Нат сделал все, как просил центурион, и напутствовал покойника красивой молитвой на латыни. После этого он спросил:

— Где амулет?

— Завтра иди в поле и ищи. А я позабочусь, чтобы ты нашел, — ответил ему голос из могилы.

— Что ты там ищешь, Нат? — спросил Билли.

Они стояли на верхнем пастбище за фермой.

— Скажу, когда найду, — ответил Нат.

Они шли по густой траве. Вдоль ручья рос тутовник и болиголов. Что-то стимулировало колдовскую силу Ната. Это что-то было близко, совсем рядом, рукой подать. Нат ощупал землю на берегу ручья и наткнулся на ямку. Осторожно убрав ветки и листья, он вытащил из углубления небольшой предмет.

— Ух ты! — сказал Билли. — Что это такое?

— Индейское лекарство, — ответил Нат.

Он положил находку в мешочек из сыромятной кожи, который носил на ремне, затянул его бечевкой и крепко завязал ее на хитрый узел.

— Это очень сильное лекарство? — спросил Билли.

— Можно и так сказать.

— Индейская магия? — спросил Билли.

Нат не ответил. Билли не помнил случая, чтобы этот человек был так немногословен.

Ночью Нату не спалось. Луна, хоть и ущербная, давала вполне достаточного света, и он потушил масляную лампу. Нат лежал на своей койке в гостиной, сцепив руки под головой, и смотрел, как на стенах и потолке извиваются в танце тени. Легкий ветерок дул с запада и раскачивал ветки растущего у дома вяза. Ветер приносил с собой много запахов. И койота, и барибала, а еще были слабые запахи Эммы Хокинс и Билли. Из прерий долетали сладкие ароматы. И был еще один запах, Нат без труда его узнал — индейцы. Он во сне чуял индейцев.

Нат вдруг понял, что запах стал очень сильным. Что-то находилось рядом с ним, в комнате. Оно как будто проглядывало в переплетении самых темных теней.

Осознавая опасность, Нат медленно сел на кровати. В первую секунду он не мог вспомнить, куда положил амулет. Это не кто иной, как Мардук, привлек в комнату грозное нечто. Но еще больше Нат злился на себя. Он стал слишком беспечным. Решил развязаться с магией — но это не значит, что магия оставит его в покое. Нельзя было об этом забывать. Где же амулет? Нат оглядел комнату, всю в узорах теней от листвы вяза, и наконец увидел амулет на столике возле оловянного умывальника. Как только протянул руку, что-то обвилось вокруг его запястья.

Люди смеются над рассказами о всяких тварях, которые бродят по ночам. Но когда это касается тебя, становится не до смеха. Нат подавил сильнейшее желание освободиться от этой потусторонней хватки. Он знал, что подобные импульсы всегда фатальны, и за многие годы научился им противостоять. Общеизвестно, что призраки подпитываются твоим страхом. Паника — инструмент, с помощью которого контроль над твоим телом переходит к тому, кто заставил тебя паниковать. Попад в такую ночную переделку, необходимо прежде всего сохранять спокойствие.

Холодная сухая рука крепче сжала запястье Ната, а он заставил себя не шевелиться. Постепенно нажим усиливался. Решимость Ната не сопротивляться была на исходе. На секунду он даже потерял уверенность в успехе. Желание дать сдачи — врожденный инстинкт человека. Но он устоял.

Постепенно перед Натом прорисовывались размытые, светящиеся зелено-голубым линии. Они образовали фигуру человека из эктоплазмы, почти прозрачную, не считая кисти руки. Та была темной и плотной. Нат знал, что вся энергия духа сконцентрировалась в этой руке. И кризис уже миновал. Дух не мог долго удерживать силу в одной точке. Хватка начала слабеть.

Внезапно дух перестал сжимать запястье Ната, но не отпустил его. Прикрепленная святащимися нитями энергии к пустоте кисть ползла вверх по руке Ната, сгибала и разгибала пальцы, как большой тарантул. Вот она забралась на плечо, холодный бесплотный палец ткнул в щеку, попытался нащупать глаз. Но это была пустая угроза. Миг спустя Нат почувствовал, что ослабевшая рука возвращается обратно в лишенную материи эктоплазму.

Утром Нат вызвал духа земли.

— Что на этот раз? — спросил тот.

— Я должен знать, что происходит, — сказал Нат.

— Все просто. Шаман Два Койота по запахам снов нашел твой ночлег. Он хочет вернуть амулет. Это его вещь, он ее случайно потерял, вот и явился за своим имуществом.

— Показывай, где он.

— Нат, это последнее, что я сделаю для тебя. Такое не входит в мои обязанности. Пообещай, что потом ты меня отпустишь.

— Обещаю.

Дух поднял Ната и понес над землей. С высоты птичьего полета Нат смотрел на склоны холмов и русла рек. Он видел, как собирается войско индейцев, многочисленные всадники: шайены и шошоны, арапахо и кайова, маленькое, но очень воинственное племя, возглавляемое тем самым шаманом.

Широкоплечий и самоуверенный, он сидел без седла на раскрашенной родине. Нат снизился и присмотрелся к шаману, увидел буквально каждую пору на коже. Сам Нат был невидим, но Два Койота вдруг почувствовал его присутствие, вскинулся, завертел головой...

Миг спустя Нат и дух земли снова оказались в том месте, откуда вылетели.

— Он меня заметил!

— Ну, я свое дело сделал.

— И что теперь будет? Как мне поступить?

Но дух уже исчез.

Нат понимал, что должен предупредить жителей о надвигающейся беде. Но как объяснить, откуда он сам узнал? Что они на это скажут? Что сделают с колдуном?

Эти вопросы настолько усложнили жизнь Ната Сингера, что он был не рад, когда пришел долгожданный момент покупки лошади.

Крупный черный жеребец с крепкими челюстями и недоверчивым взглядом выглядел опасным, — по слухам, он в Виргинии до смерти затоптал своего прежнего хозяина. Нат сомневался, что это правдивая история. Но в чем он был точно уверен, так это в том, что с конем плохо обращались, — на боках и холке остались шрамы от витой плети.

Нат осторожно, чтобы не угодить под копыто, обошел коня, заглянул ему в глаза, потрогал вздымающиеся бока. Этого было достаточно, чтобы прийти к утешительному выводу: жеребец по натуре не злой, просто он пережил тяжелые времена. Терпение и хороший уход сделают свое дело. После серьезного торга конь обошелся в девять долларов. Начинать новую жизнь предстояло с одним долларом в кармане.

Только Нат не мог радоваться новой жизни. У него перед глазами снова и снова возникали картины смертоносного нападения на город. Эта угроза как дым ползла по округе с далеких равнин.

Нат решил попросить совета у Мардука, вавилонского духа, который жил в амулете.

Сделать это оказалось легко. Мардук, будучи древним духом, имел богатый опыт общения с людьми. В то утро Нат сидел в рощице за домом вдовы. Когда он призвал духа, тот появился почти мгновенно, будто сидел на краю лимба и ждал приглашения.

— Я хочу больше узнать о Двух Койотах, — сказал Нат. — Шаман пытался убить меня. Он знает, где я живу. Почему больше не нападает?

— Ну, причина ясна, — ответил Мардук. — Он не хочет рисковать, атакуя тебя физически. Очень уж время

неподходящее. Индейцы таятся, поскольку они затеяли недоброе. Не станет он нападать и в качестве духа, потому что в прошлый раз у него не хватило сил убить тебя таким способом.

— Есть ли шанс, что он оставит меня в покое?

Мардук усмехнулся:

— Ты достаточно хорошо разбираешься в таких делах, Нат, чтобы понимать: Два Койота не успокоятся, пока один из вас не умрет. Он надеется подстеречь тебя в Стране Сновидений.

— Страна Сновидений? — переспросил Нат. — Первый раз слышу.

— Это область мистического мира, куда человек может забрести, пока спит. Колдуны и шаманы способны приходить туда, когда захотят.

— Почему Два Койота считает, что я туда пойду? Ведь это, как я понял, дело добровольное?

— Ты правильно понял, Нат.

— Ну, так я и не появлюсь там!

— Это мудро, — заметил Мардук. — Твоя осторожность заслуживает похвалы.

Ироничные нотки в голосе Мардука не понравились Нату. Непохоже, чтобы дух ему сочувствовал. Впрочем, это не имело значения. Нат знал, что надо уезжать из Оук-Блаффса до того, как начнется война и индейцы нападут на город. Убраться подальше, и дело с концом.

В то утро Нат, как обычно, нашел Эмму в кухне. Она занималась недельной стиркой. Густые волосы хозяйка стянула в хвост куском яркой пряжи, рукава, закатанные до локтя, открывали розовые предплечья. Она вся светилась здоровьем. Никогда еще Нат не видел, чтобы вдова была так хороша.

— Доброе утро, мэм.

— Доброе утро, Нат.

Он хотел завести непринужденную беседу, но ничего не вышло. Нат давно корил себя за то, что не способен справиться с такой задачей. Житье на цивилизованном

Востоке было для него почти невыносимым из-за неспособности вести разговор о пустяках даже на танцах. Несколько минут он потратил на какие-то скучные банальности, а потом перешел прямо к делу:

— Миссис Хокинс, у меня есть серьезная причина полагать, что вам грозит смертельная опасность.

Эмма одарила его насмешливым взглядом.

— О чем это вы, мистер Сингер?

— Миссис Хокинс, индейцы готовят нападение на ваш город. Это будет сигналом к началу новой войны на Среднем Западе, и один Бог знает, как широко она распространится.

— Понимаю, — сказала Эмма. — И когда же нам ждать этого нападения?

— Я абсолютно уверен, что оно произойдет в течение одного-двух дней. Возможно, завтра утром. Точно не позднее.

— И откуда у вас такие новости, мистер Сингер? Вы, случайно, не на дне бутылки их нашли?

— Простите, где? О, я понимаю, о чем вы. Нет, я не пил!

— Тогда как вы узнали об индейцах?

Нат колебался:

— Мэм, это трудно объяснить. Не могли бы вы просто поверить на слово?

— Нет, не могла бы. И весь город не поверит. Ведь, если опасность, о которой вы говорите, и правда существует, о ней надо сообщить всем. Разве я не права?

— Да, мэм, вы правы.

— И кому еще вы об этом говорили?

— Вы первая.

— Чем же я заслужила такую честь?

— Боюсь, мэм, мне никто не поверит. И люди заставят меня признаться в том, о чем лучше не рассказывать.

— Что именно вы имеете в виду, мистер Сингер?

— Вот как раз этого я не хочу никому рассказывать!

— И все же, если вам нужно, чтобы я поверила в ваше предостережение, стоит открыть мне правду.

— Да, наверное, так будет лучше, — пробормотал Нат. — Дело в том, миссис Хокинс, что я обладаю некоторыми познаниями в области магии. Благодаря им я и проведаль о готовящемся нападении индейцев.

— Хотите сказать, что вы колдун? — ровным голосом, но далеко не дружелюбно спросила Эмма.

— Нет, не совсем, — запинаясь, ответил Нат. — Но у меня действительно есть... кое-какие силы... и возможности. Эмма, я говорю правду, и Бог тому свидетель! Индейцы вот-вот нападут! Умоляю, поверьте мне.

— И что я, по-вашему, должна делать? — спросила вдова.

— Забирайте сына, грузите на повозку самое ценное и уезжайте на Запад. Индейцы захватят ваш город и территории на сотни миль отсюда.

— А вы, мистер Сингер?

— Я поеду с вами, — сказал Нат.

— Понимаю, — сказала Эмма Хокинс. — Вы, я и Билли сбежим от опасности. А как же остальные горожане?

— Они мне не поверят, — ответил Нат.

— А вы хоть пытались их убедить?

— Нет, не пытался! Если преподобный Харрелсон прознает, что я веду такие разговоры, и часа не пройдет, как я буду повешен. Он и так меня подозревает.

— Мистер Сингер, мне тоже не нравятся подобные разговоры. Если существует угроза, в чем я сомневаюсь, вам следует пойти в городской совет и там честно и открыто рассказать о своих опасениях. А потом, если вам не поверят, вы сделаете все, что в ваших силах. Неужели вы допускаете, что я уехала бы с вами? Сбежала бы, как вор под покровом ночи, из города, где похоронен мой муж? Бросила бы соседей на произвол судьбы?

— Мэм, вам надо позаботиться о Билли.

— Билли тоже не трус. Он останется здесь, со мной. Вижу, у вас теперь есть лошадь, мистер Сингер. Полагаю, вы уже собрались в дорогу?

— Да, мэм. Я собираюсь уехать.

— Тогда не стоит медлить, мистер Сингер. Вроде бы за работу я вам ничего не должна. Будет лучше, если вы уедете утром. Когда вы появились здесь, я была о вас лучшего мнения. Я думала... Впрочем, это уже не важно.

Нат пересек луг и вошел в рощицу. Близились сумерки, золотой свет дня мерк. В кронах весело пели черные дрозды. Нат лег на траву, и почти в ту же секунду к нему обратился голос:

— Попал в переплет, Нат?

— Это ты, Мардук? Я тебя не звал.

— Не звал, но я взял на себя смелость явиться.

— Что ж, ты прав насчет переплета, — сказал Нат. — Я даже не знаю, когда индейцы нападут на город. То есть знаю, что скоро, но когда именно? Эмма мне не верит. И другие не поверят.

— Сейчас я немного облегчу твои страдания, — пообещал Мардук. — Я позволил себе провести небольшое расследование от твоего имени и теперь знаю, когда нападут индейцы.

— Когда?

— Утром, Нат, с первыми лучами солнца. Два Койота с трудом удерживают племена под своим началом. Ему не очень-то верят. Боятся — да, но не верят. В совете все громче звучат голоса несогласных. Они требуют, чтобы он отложил нападение и предпринял еще одну попытку замириться. Если шаман утратит инициативу, восстание не состоится. Большинство племен настроены уже не так воинственно, как прежде. Они склоняются к тому, чтобы принять неизбежное.

— А не может ли кто-нибудь поговорить с индейцами? — спросил Нат. — Неужели не найдется человек, который мог бы объяснить, что шаман ведет их к гибели?

— Ну почему же, такой человек есть, — ответил Мардук.

— И кто же он?

— Ты отлично его знаешь, — сказал дух. — Хотя, с другой стороны, ты его совсем не знаешь.

— Ты имеешь в виду меня?
— Кого же еще!
— Индейцы не станут меня слушать! Я не говорю на их языке!

— Ты владеешь универсальным языком, — сказал Мардук. — Я, конечно, имею в виду язык колдовства. Если одолеешь Двух Койотов в Стране Сновидений, индейцы без всяких слов поймут, насколько безнадежны их притязания, и вернуться в свои вигвамы. Будет спасено много жизней.

— Ты хочешь, чтобы я сразился с шаманом? Мардук, у меня нет опыта в боях колдунов. И я уже давно не практикую магию. Как только тебе в голову пришло, что я могу пойти на такое?

— О, ты, конечно же, прав, — сказал Мардук. — Кому придет в голову, что ты пальцем пошевелишь или хоть на секунду подвергнешь себя риску ради спасения нескольких сотен поселенцев и нескольких тысяч индейцев? Это исключено. Нижайше прошу простить меня.

— Ты несправедлив, — сказал Нат.

— Отчего же?

Нат надолго погрузился в молчание, а потом сказал:

— Я поразмыслил и понял, что ты прав.

— А я не сомневался, что ты придешь к такому выводу, — сказал Мардук. — Ты неплохой парень, Нат, просто немного испорченный.

— Да, теперь я это понимаю.

— Что ж, я все сказал. Идем отсюда, Нат.

— погоди, — ответил Нат. — Сначала мы должны кое-что сделать.

— И что же?

Нат встал и пошел по пастбищу к реке.

— Куда ты? — спросил Мардук.

— Исккупаться.

— Ты меня удивляешь, — сказал дух. — Не поздно ли купаться?

— В подобных случаях принято совершать ритуальные омовения.

— В каких случаях, Нат?

— Ты прекрасно знаешь, о чем я. Пришло время нам с Двумя Койотами выяснить отношения.

— Смело сказано! Но разве ты не боишься? Этот индеец такой грозный!

— Нет времени бояться, — сказал Нат. — И для смелости тоже нет времени, и для надежды. Пришло время сделать то, что я должен сделать.

— Если бы вдова слышала тебя сейчас, ты бы ей еще больше понравился, — сказал Мардук. — Что ж, иди купайся.

В Страну Сновидений можно попасть из Мира Снов. В Мире Снов бывают все люди, хотя, оказавшись там, они не способны контролировать себя. Для большинства сон — это просто то, что с ними происходит. Для Ната и других, овладевших искусством магии, сон — это состояние, в которое они могут войти сознательно. Там есть свой климат, ландшафт, даже характерное освещение и краски. Временами эти характеристики немного меняются в ту или другую сторону, но, по сути, Страна Сновидений остается неизменной.

Итак, в этот раз Нат оказался в лесу с фиолетовыми деревьями и красными облаками между ними. Нат шел, и его решимость раздвигала все преграды на пути. Вскоре он обнаружил, что стоит перед стеной. Нат вздохнул и поднял руку. Так как это была рука из сна, едва она поднялась, в стене появилась дыра. Дыра из сна в стене из сна. Нат прошел через это отверстие и оказался в Стране Сновидений.

Здесь все было податливым и зыбким. Цвета переходили друг в друга, звуки вели себя так, словно сами не были уверены в том, как надо звучать, и прыгали то вверх, то вниз. Это было нехорошее место, но Нат шел вперед и старался все примечать и запоминать. Только что это был лес, а в следующую секунду уже бескрайняя пустыня с цилиндрическими малиновыми горами на горизонте. Нат не останавливался; если и имелись у него

сомнения, теперь было поздно поворачивать назад, потому что далеко впереди появилась черная точка. Она виднелась на фоне водоворота огней, который отмечал место прохода шамана.

Два Койота шагал навстречу. Он остановился достаточно близко, чтобы Нат мог разглядеть его лицо.

— Все-таки пришел. — Шаман заговорил на универсальном языке сновидений, и поэтому Нат смог его понять. — Я думал, не осмелишься!

— Ты ошибался, — ответил Нат. — Как и во многом другом на мой счет.

Шаман улыбнулся:

— Ты глуп и ничтожен, как и твои слова! Так умри же! И начался бой.

Ни в одном языке мира нет средств, чтобы описать схватку воинов сновидений на поле брани сновидений. Подобные поединки — квинтэссенция сверхъестественного. Они происходят на границе материального и духовного. Их не опишешь словами, которые используют люди, когда говорят о горах лимской фасоли или бушелях кукурузы. Муза протокола онемела, когда столкнулась с неопишуемым, но смогла зафиксировать тот факт, что индеец использовал свои сильнейшие качества: бесстрашие, звериную гибкость и ярость. В то время как Нат был представителем совершенно другой культуры. Он изучал приемы, которыми пользовался шаман. Будучи рациональным человеком, он находил объект интересным, даже если этот объект грозил убить его. Из-за такой особенности психики Нат едва не утонул, когда шаман, черпая силу из глубин своего существа, приказал потокам воды обрушиться на его голову. Волны вздымались кругом, вода бурлила и клокотала, ветер сновидений хлестал по ее поверхности и взбивал жгучую пену. Нат понял, что если воин из сновидений погибнет в Стране Сновидений, то смерть доберется и туда, где физически находится его тело. Поэтому он собрался с силами, пробился через потоки воды к берегу и быстро сотворил зацепки для рук, а потом и руки, которые ухватились за

эти зацепки. Прием сработал, Нат сумел подняться над бушующей водой.

Но оказалось, что он всего лишь попал из одной беды в другую. На него напали птицы, большие и маленькие, с ярким оперением и с тусклым. Птицы, обезумев от ярости, орудовали клювами и когтями. Нат уже немного освоился и понял правила подобных боев, поэтому среагировал сразу, гораздо быстрее, чем в случае с водой. Лишь пару секунд он уворачивался от крепких клювов и цепких когтей, а потом сотворил щит из сияющего черного обсидиана. Птицы, летевшие в первых рядах, врезались в его непробиваемую гладь и превращались в кровавые лепешки. Другие ненадолго отпрянули и собрались в гудящее темное облако — видимо, решали, как действовать дальше. Когда птицы снова ринулись в атаку, Нат обнаружил, что они видоизменились. Теперь на него со всех сторон нападали змееподобные твари с множеством крохотных крючкообразных кровососущих ножек. Лавина этих существ грозила поглотить Ната, и ему пришлось сотворить насест. Устроившись на этом насесте, Нат снова задумался, чтобы еще такое сотворить. А сделать это было необходимо, потому что атаки шамана становились все ожесточеннее, а Нат не мог похвастать умением общаться с аналогами животных.

Минута размышлений принесла свои плоды — Нат понял, каким должен быть его следующий шаг. Надо контратаковать! Нат мгновенно сотворил паровоз, живой локомотив с огнем в брюхе. Дым вырывался из его суставов, в цилиндрах двигались мощные поршни. Огромная машина устремилась вперед, укладывая перед собой пути.

Гигантский металлический монстр со стальной шкурой и медными глазами катил прямо на шамана, и тот замешкался всего на одну секунду. Но эта секунда оказалась для него фатальной. В те времена паровоз был диковиной даже в восточных штатах. Два Койота слышал раньше об этом монстре, но видел его впервые. Каким

бы жутким ни казался индейцам реальный локомотив, в Стране Сновидений, где вся его смертоносная мощь была как на ладони, он выглядел еще ужаснее.

Шаман попытался защититься, выставив перед собой гору. Нат моментально ответил самым современным оборудованием по прокладке тоннелей из Сент-Луиса. Чистейший алмаз вгрызлся в гранитное убежище шамана, в самую толщу горы, и в конце концов нашел его. Когда буровая коронка появилась перед Двумя Койотами, он последний раз в жизни испытал страх.

Локомотив прошел по тоннелю, а потом гнался за шаманом по всей вибрирующей территории Страны Сновидений. Два Койота отступал, выставляя за собой холмы, но в конце концов Нат вообразил между шаманом и его укрытием еще один объект. Это был волокноотделитель, но не простой, а достойный Мира Снов. Валы на ремennem приводе ходили вверх-вниз. Волокноотделитель передвигался на колесах со спицами, его фары излучали мерцающий свет промышленной магии, а из сочленений выстреливал пар.

Два Койота увидел надвигающуюся угрозу и изготовился вложить все оставшиеся силы в решающий удар...

Утром на берегу Миссисипи, на речном вокзале, старый паромщик услышал слово «здравствуйте». Он обернулся. Его приветствовал высокий худой мужчина, сидевший верхом на крупном черном жеребце. Одет он был как поселенец с Запада.

— Можете переправить меня через реку? — спросил Нат.

— Могу, — ответил перевозчик. — Но это стоит доллар.

Нат достал из кошелька серебряный доллар и бросил лодочнику.

— Вот, мой последний.

— А как вы собираетесь зарабатывать? — спросил паромщик.

— Возможно, там, куда я направляюсь, деньги мне не понадобятся.

— Похоже на рай, — заметил перевозчик. — Вы, слушаем, не религиозный человек?

— Да не сказал бы. Почему вы спрашиваете?

— Чтобы в одиночку путешествовать в тех местах, где хозяйничают Два Койота и его племена, человек должен крепко верить в Бога.

— А вы разве не слышали? — удивился Нат. — Два Койота мертв.

— Как это случилось?

— Никто не знает. Его нашли сегодня утром. Похоже, умер во сне. Увидев, что остались без шамана и вождя, индейцы раздумали нападать на поселенцев и начали разбегаться. Эта новость уже разлетелась по всему штату Миссури.

— Да? Выходит, я прослушал. — Перевозчик почесал затылок. — Вы один путешествуете, мистер?

— Как видите.

— Переходите на паром, когда захотите. Я отплыву в течение часа, придет кто-то еще или нет.

Нат провел коня вниз по пологому склону и привязал у пристани. Вокруг не было ни души. Нат достал из сумки мешок, развязал его и высыпал обломки бронзового орла в реку.

— Удачи тебе, центурион.

После этого Нат склонил голову и сказал:

— Дух земли, спасибо за помощь. Я желаю тебе успехов, и будь счастлив. Это молитва, которую я тебе обещал.

Потом он вынул из кошелька амулет.

— Мардук?

— Да, Нат?

— Я иду дальше, на Запад.

— И не возмешь с собой вдову, Нат?

— Вряд ли она захотела бы со мной в горы. Я еду учиться.

— У индейцев?

— Да, у них. Жаль, что пришлось убить Двух Койотов. Самое малое, что я могу сделать, — это изучить жизнь его соплеменников. Слушай, я покончил с колдовством и теперь собираюсь бросить амулет в реку. Ты получишь свободу.

— Это правильное решение, Нат, — сказал Мардук. — Но мне все равно.

— Ты не хочешь уходить?

— У тебя отличная вьючная лошадь. Думаю, я могу остаться еще на некоторое время. И амулет вполне комфортный. Я прожил в нем пару тысячелетий. Не вижу смысла отказываться от него сейчас?

— Ты остаешься со мной?

— Спрячь амулет и ступай на паром. Пора нам отправиться на Запад.

СОДЕРЖАНИЕ

Клаксон. <i>Перевод Ирины Гуровой</i>	5
Сага предателей. <i>Перевод Игоря Дернова-Пигарева</i>	46
Хазара. <i>Перевод Игоря Дернова-Пигарева</i>	101
Командировка на Люминос. <i>Перевод Евгения Еремченко</i>	134
Троянский цирк. <i>Перевод Александры Сагаловой</i>	168
Прорыв. <i>Перевод Александры Сагаловой</i>	205
Машина воскрешения. <i>Перевод Елены Кисленковой</i>	234
Старые добрые времена. <i>Перевод Беллы Жужунава</i>	267
Представления Дягилева. <i>Перевод Татьяны Усовой</i>	313
Возвращение домой. <i>Перевод Алексея Смирнова</i>	339
Смерть повелителя иллюзий. <i>Перевод Дарьи Кальницкой</i>	388
Война Джокера. <i>Перевод Елены Кисленковой</i>	447
Полный отрыв. <i>Перевод Алексея Смирнова</i>	495
Печать Соломона. <i>Перевод Илоны Русаковой</i>	512
Страна Сновидений. <i>Перевод Илоны Русаковой</i>	537

Шекли Р.

Ш 40 Такие разные миры : рассказы / Роберт Шекли ; пер. с англ. И. Гуровой, И. Дернова-Пигарева, Б. Жужунова и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. — 576 с. — (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-08764-4

Доблестные защитники человеческой цивилизации отражают нашествия хищных инопланетных орд. Благородные герои комиксов срывают козни изобретательных суперзлодеев. Гуманные маги-искусники подчиняют себе силы потустороннего мира...

Вместе с товарищами по цеху, знаменитыми американскими фантастами, Роберт Шекли принял участие в нескольких масштабных издательских проектах, украсив своими новеллами межавторские циклы «Боевой флот», «Годы войны», «Врата времени» и другие.

Все эти произведения вошли в данный сборник. Большинство из них на русском языке публикуется впервые.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ШЕКЛИ
ТАКИЕ РАЗНЫЕ МИРЫ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Габовой
Корректоры Валерий Камендо, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 25.03.2015.

Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная.
Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 30,24. Заказ № 8117/15.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

HAFA1677501R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус»
входят известнейшие российские издательства:
«Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри».
Наши книги — это русская и зарубежная классика,
современная отечественная и переводная
художественная литература, детективы, фэнтези,
фантастика, pop-fiction, художественные
и развивающие книги
для детей, иллюстрированные энциклопедии
по всем отраслям знаний,
историко-биографические издания.
Узнать подробнее о наших сериях
и новинках вы можете на сайте
Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки
из новых книг, узнать о различных мероприятиях
и акциях, а также заказать наши книги через
интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ОБРАЩАЙТЕСЬ

В Москве:

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге

Тел.: (812) 327-04-55

факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

тел./факс: (044) 490-99-01

E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах,
а также условия сотрудничества
на сайтах

www.azbooka.ru

www.atticus-group.ru

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

Доблестные защитники человеческой цивилизации отражают нашествия хищных инопланетных орд. Благородные герои комиксов срывают козни изобретательных суперзлодеев. Гуманные маги-искусники подчиняют себе силы потустороннего мира...

Вместе с товарищами по цеху, знаменитыми американскими фантастами, Роберт Шекли принял участие в нескольких масштабных издательских проектах, украсив своими новеллами межавторские циклы «Боевой флот», «Годы войны», «Врата времени» и другие.

Все эти произведения вошли в данный сборник. Большинство из них на русском языке публикуется впервые.

Великих фантастов много, но если попробовать навскидку назвать самых-самых, то одним из первых придет на ум имя Роберта Шекли. Когда мы успели подружиться с ним? Сложно припомнить. Кажется, он был с нами всегда.

Мир фантастики

Шекли такой мощный... фантастический... блестящий... Его искаженные реальности абсолютно уникальны.

Роджер Желязны

Свои мрачнейшие видения Шекли сочетал с изощренным абсурдистским сюжетопостроением, и это принесло ему славу одного из самых своеобразных юмористов в научной фантастике.

The New York Times

